ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ LVIII.

27002

1915.

ІЮЛЬ.

Пров. 50

ПЕТРОГРАДЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1915.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

I. Именной Высочайшій указъ, данный правительствующему сенату. 3
II. Высочайшія повелѣнія. . . . . —
III. Указъ правительствующаго сената 9
IV. Высочайшія награды по вѣдомству мин. нар. просв. 10
V. Высочайшіе приказы по вѣдомству мин. нар. просв. 14
VI. Циркуляры министерства народнаго просвѣщенія. 22
VII. Отъ управленія пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ 31
VIII. Опредѣленія основного отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр. . 32
IX. Опредѣленія отдѣла ученаго комитета мин. нар. просв. по начальному образованію 37
Списокъ книгъ, разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ 47

Е. Ф. Шмурло. Замѣтки по исторіи Лжедимитрія I 1
С. М. Лукьяновъ. О Вл. С. Соловьевѣ въ его молодые годы. Матеріалы къ біографіи. V *(продолженіе)* 27
Инна И. Любименко. Переписка и дипломатическія сношенія первыхъ Романовыхъ съ первыми Стюартами. 53

Критика и библіографія.

В. Н. Перетцъ. Новые труды по источниковѣдѣнію древнерусской литературы и палеографіи 104
С. М. Боткинъ. Обзоръ работъ Карла Фосслера по романскому языкознанію 156
Н. М. Петровскій. Архивъ братьевъ Тургеневыхъ. Выпускъ 4-й. Путешествіе А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова по славянскимъ землямъ въ 1804 году. Петроградъ. 1915 167
А. И. Соболевскій. *С. М. Кульбакинъ.* Грамматика церковно-славянскаго языка по древнѣйшимъ памятникамъ. Петроградъ. 1915 174
А. И. Андреевъ. Акты времени правленія царя Василія Шуйскаго (1606 г. 19-го мая—17-го іюля 1610 г.). М. 1914 178
Книжныя новости. 197

Отдѣлъ по народному образованію.

А. Ѳ. Лазурскій. Классификація личностей *(продолженіе)* . . . 1

(См. на 3-й стр. обл.).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ LVIII.

1915.

ІЮЛЬ.

ПЕТРОГРАДЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1915.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ,

данный правительствующему сенату.

1. (6-го мая 1915 года). „Управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія, двора Нашего въ должности шталмейстера, дѣйствительному статскому совѣтнику графу *Игнатьеву*—Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть министромъ народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ въ должности шталмейстера".

II. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (13-го марта 1915 года). *О присвоеніи Федотово-Будянскому начальному училищу Климовичскаго уѣзда, Могилевской губерніи, Августѣйшаго Имени Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 13-й день марта 1915 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе Федотово-Будянскому начальному училищу Климовичскаго уѣзда, Могилевской губерніи, Августѣйшаго Имени Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.

(Собр. узак. и расп. прав., 1-го мая 1915 г., № 129, ст. 1000).

2. (13-го марта 1915 года). *О присвоеніи Новомиргородскому первому, Коробчинскому, Трояновскому, Панчевскому и Мартоношскому начальнымъ училищамъ Елисаветградскаго уѣзда, Херсонской губерніи, наименованія: „Школы Имени Императора Александра II Царя-Освободителя".*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляю-

щаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 13-й день марта 1915 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе Новомиргородскому первому, Коробчинскому, Трояновскому, Панчевскому и Мартоношскому начальнымъ училищамъ, Елисаветградскаго уѣзда, въ память пятидесятилѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, наименованія: „Школы Имени Императора Александра II Царя-Освободителя".

(Тамъ же, ст. 1001).

3. (13-го марта 1915 года). *Объ учрежденіи при Екатеринбургскомъ реальномъ училищѣ третьей стипендіи Имени Императора Александра II.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 13-й день марта 1915 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе на неизрасходованные проценты съ капитала двухъ стипендій Имени Императора Александра II при Екатеринбургскомъ реальномъ училищѣ новой стипендіи того же наименованія.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 8-го мая 1915 года, № 134, ст. 1050).

4. (13-го марта 1915 года). *Объ учрежденіи при 15-ти мужскихъ и 14-ти женскихъ начальныхъ училищахъ гор. Либавы стипендій, по одной при каждомъ училищѣ, съ присвоеніемъ имъ наименованія: „Романовскія".*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 13-й день марта 1915 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при 15-ти мужскихъ и 14 женскихъ начальныхъ училищахъ гор. Либавы стипендій, по одной при каждомъ училищѣ, съ присвоеніемъ имъ наименованія: „Романовскія", въ ознаменованіе 300-лѣтія Царствованія дома Романовыхъ.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 12-го мая 1915 г., № 138, ст. 1059).

5. (13-го марта 1915 года). *О присвоеніи 10 начальнымъ училищамъ Балтскаго уѣзда, Подольской губерніи, наименованія: „Романовскія".*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 13-й день марта

1915 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе начальнымъ училищамъ Балтскаго уѣзда, Подольской губерніи: Фернатіевскому, Дойбанскому, Гарабскому, Пужайковскому 3-му, Бондудуровскому 2-му, Савранскому 2-му, Тридубскому 3-му, Климовичскому, Вербовскому и Капитанскому наименованія: „Романовскія", въ ознаменованіе 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ.

(Собр. узак. и расп. прав., 22-го мая 1915 г., № 144, ст. 1102).

6. (13-го марта 1915 года). *О присвоеніи учреждаемой при Уфимскомъ учительскомъ институтѣ на средства Оренбургскаго городского управленія стипендіи Имени Императора Александра II.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 13-й день марта 1914 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе учреждаемой при Уфимскомъ учительскомъ институтѣ на средства Оренбургскаго городского управленія стипендіи Имени Императора Александра II.

(Тамъ же, ст. 1103).

7. (13-го марта 1915 года). *О присвоеніи начальнымъ училищамъ— Ляховецкому, Волынской губерніи, и Шимковскому, Херсонской губерніи, наименованія: „Въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ".*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 13-й день марта 1915 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе начальнымъ училищамъ Ляховецкому, Волынской губерніи, и Шимковскому, Херсонской губерніи, наименованія: „Въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ".

(Собр. узак. и расп. прав., 27-го мая 1915 г., № 147, ст. 1119).

8. (13-го марта 1915 года). *О присвоеніи Волоколамскому мужскому приходскому училищу наименованія: „Романовское".*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 13-й день марта 1915 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе Волоколамскому мужскому приходскому училищу наименованія: „Романовское", въ ознаменованіе 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ.

(Тамъ же, ст. 1120).

9. (13-го марта 1915 года). *О присвоеніи начальному училищу въ селѣ Жолчинѣ, Рязанской губ. и уѣзда, съ ремесленнымъ при немъ отдѣленіемъ, Августѣйшаго Имени Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 13-й день марта 1915 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе начальному училищу въ селѣ Жолчинѣ, Рязанской губерніи и уѣзда, съ ремесленнымъ при немъ отдѣленіемъ, Августѣйшаго Имени Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.

(Тамъ же, ст. 1121).

10. (13-го марта 1915 года). *О присвоеніи наименованія „Въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ“ стипендіямъ, учреждаемымъ при 1, 2, 3 и 4 Пензенскихъ высшихъ начальныхъ училищахъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 13-й день марта 1915 г., Высочайше соизволилъ на присвоеніе наименованія: „Въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ“ четыремъ стипендіямъ при Пензенскихъ 1, 2, 3 и 4 высшихъ начальныхъ училищахъ, по одной при каждомъ.

(Тамъ же, ст. 1122).

11. (13-го марта 1915 года). *О присвоеніи Лубенскому, Полтавской губерніи, высшему начальному училищу Имени Императора Александра I Благословеннаго.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 13-й день марта 1915 г., Высочайше соизволилъ на присвоеніе Лубенскому, Полтавской губерніи, высшему начальному училищу Имени Императора Александра I Благословеннаго по случаю исполнившагося 30-го августа 1914 г. столѣтія со дня открытія сего училища.

(Тамъ же, ст. 1123).

12. (13-го марта 1915 года). *О присвоеніи Имени Императора Александра II, Царя-Освободителя, 10 стипендіямъ при Вѣрненскомъ высшемъ начальномъ училищѣ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляю-

щаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 13-й день марта 1915 г., Высочайше соизволилъ на присвоеніе Имени Императора Александра II, Царя-Освободителя, десяти стипендіямъ при Вѣрненскомъ того же Имени высшемъ начальномъ училищѣ.

(Тамъ же, ст. 1124).

13. (13-го марта 1915 года). *Объ учрежденіи при Петроградскомъ Воздвиженскомъ высшемъ начальномъ училищѣ стипендій Имени Президента Императорской Академіи Наукъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 13-й день марта 1915 г., Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Петроградскомъ Воздвиженскомъ высшемъ начальномъ училищѣ для дѣтей низшихъ служащихъ, русскихъ подданныхъ, Николаевскаго кавалерійскаго училища 16 стипендій, съ присвоеніемъ имъ Имени Президента Императорской Академіи Наукъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича.

(Тамъ же, ст. 1125).

14. (13-го марта 1915 года). *О присвоеніи начальнымъ училищамъ Спасскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, наименованія: „Въ память манифеста Императора Александра II, Царя-Освободителя, 19-го февраля 1861 года“.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 13-й день марта 1915 г., Высочайше соизволилъ на присвоеніе Салазгорскому, Хилковскому, Зарубкинскому, Малышевскому, Боково-Майданскому, Кажлодскому, Пичкиряевскому, Дракинскому, Жуковскому, Мордовско-Пимбургскому, Дерябкинскому, Ново-Высельскому и Дмитріево-Усадскому начальнымъ училищамъ Спасскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, наименованія: „Въ память манифеста Императора Александра II, Царя-Освободителя, 19-го февраля 1861 года“.

(Тамъ же, ст. 1126).

15. (13-го марта 1915 года). *О присвоеніи нѣкоторымъ начальнымъ училищамъ Боровскаго уѣзда, Калужской губерніи, Имени Императора Александра II.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 13-й день марта

1915 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе начальнымъ училищамъ въ селеніяхъ: Аграфенинѣ, Бердовкѣ, Деденевѣ, Лучнахъ, Митяевѣ и Городнѣ, Боровскаго уѣзда, Калужской губерніи, Имени Императора Александра II, въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

(Тамъ же, ст. 1127).

16. (13-го марта 1915 года). *О присвоеніи 10 начальнымъ училищамъ Рѣчицкаго уѣзда, Минской губерніи, наименованія: „Въ ознаменованіе 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ“.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 13-й день марта 1915 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе начальнымъ училищамъ Рѣчицкаго уѣзда, Минской губерніи: Брагинскому, Василевичскому, Горвольскому, Деражичскому, Дерновичскому, Домановичскому, Заспенскому, Савичскому, Хойникскому и Дудичскому наименованія: „Въ ознаменованіе 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ“.

(Тамъ же, ст. 1128).

17. (13-го марта 1915 года). *О присвоеніи учреждаемой при Аккерманской учительской семинаріи на средства Бендерскаго уѣзднаго земства стипендіи Имени Императора Александра I Благословеннаго.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 13-й день марта 1915 г., Высочайше соизволилъ на присвоеніе учреждаемой Бендерскимъ уѣзднымъ земствомъ при Аккерманской учительской семинаріи стипендіи Имени Императора Александра I Благословеннаго.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 5-го іюня 1915 г., № 155, ст. 1193).

18. (30-го марта 1915 года). *О присвоеніи Елатомской, Тамбовской губерніи, женской гимназіи наименованія: „Въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ“.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 30-й день марта 1915 года, Высочайше соизволилъ на присвоеніе Елатомской, Тамбовской губ., женской гимназіи наименованія: „Въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ“.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 27-го мая, 1915 г., № 147, ст. 1129).

19. (30-го марта 1915 года). *Объ учрежденіи при Владимірской женской учительской семинаріи двухъ стипендій въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 30-й день марта 1915 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при Владимірской женской учительской семинаріи на средства Покровскаго уѣзднаго земства двухъ стипендій въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ.

(*Собр. узак. и расп. прав.*, 5-го іюня, 1915 г., № 155, ст. 1194).

III. УКАЗЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

(*По дѣлу о начетѣ при увеличеніи содержанія*).

Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго, изъ правительствующаго сената, министру народнаго просвѣщенія.— По указу Его Императорскаго Величества, правительствующій сенатъ въ первомъ общемъ собраніи слушали записку изъ дѣла по рапорту государственнаго контролера отъ 30-го апрѣля 1912 г., за № 773, о разномысліи съ министромъ народнаго просвѣщенія по вопросу о начетѣ въ суммѣ 25 рублей, не довзысканныхъ съ законоучителя Ельнинской прогимназіи, протоіерея *Клитина*, въ сборъ по закону 9-го іюня 1873 г.—Приказали: сообразивъ рапортъ государственнаго контролера съ законами, первое общее собраніе правительствующаго сената, находитъ, что по ст. 317 уст. пошл. (св. зак., т. V, изд. 1903 г.) при всякомъ увеличеніи денежнаго содержанія чиновниковъ, а также тѣхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ войскъ всѣхъ оружій и флота, которымъ жалованье производится не по чинамъ, всѣ сіи лица получаютъ прежнее (т. е. безъ увеличенія) содержаніе въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ со дня воспослѣдованія Высочайшаго повелѣнія или распоряженія подлежащаго начальства объ увеличеніи содержанія, что по ст. 326 того же устава при поступленіи на государственную службу лицъ, нигдѣ прежде не служившихъ или служившихъ, но не получавшихъ жалованья или опредѣляющихся на службу изъ отставки . . . . . всѣ такія лица получаютъ въ первые три мѣсяца своей службы двѣ трети назначенныхъ имъ окладовъ. Принимая во вниманіе: 1) что постояннымъ штатнымъ окладомъ содержанія учителей мужскихъ гимназій министерства народнаго про-

свѣщенія является окладъ (750, 900 руб.) за 12 нормальныхъ уроковъ; 2) что въ случаѣ открытія гимназіи первоначально въ неполномъ составѣ классовъ учители опредѣляются на меньшіе оклады (по расчету 75 руб. за годовой часъ) и съ этихъ меньшихъ окладовъ, на точномъ основаніи ст. 326 уст. пошл., съ нихъ и удерживается вычетъ въ сборъ по закону 9-го іюня 1873 г.; 3) что при послѣдующихъ увеличеніяхъ упомянутымъ учителямъ, по мѣрѣ открытія новыхъ классовъ и прибавленія количества уроковъ, содержанія до или свыше полнаго нормальнаго оклада вычетъ съ нихъ не могъ бы быть производимъ по ст. 326 уст. пошл., такъ какъ эта послѣдняя статья касается исключительно вычетовъ съ лицъ, опредѣляющихся на службу впервые или изъ отставки, или служившихъ, но не получавшихъ содержанія, первое общее собраніе правительствующаго сената признаетъ, что въ соотвѣтствіи съ разъясненіемъ, преподаннымъ правительствующимъ сенатомъ въ опредѣленіи отъ 29-го мая 1878 года (п. VII собр. узак. 1878 г., ст. 693), съ учителей гимназій, получившихъ при опредѣленіи на службу менѣе 12 нормальныхъ уроковъ, слѣдуетъ, при каждомъ дальнѣйшемъ увеличеніи количества уроковъ (до 12), производить вычетъ въ сборъ по закону 9-го іюня 1873 г., на основаніи ст. 317 уст. пошл., въ размѣрѣ трехмѣсячной разницы между новымъ и прежнимъ окладами. Посему первое общее собраніе правительствующаго сената опредѣляетъ: постановленіе совѣта государственнаго контроля о начетѣ въ суммѣ 25 руб. утвердить. О чемъ, въ разрѣшеніе рапорта отъ 30-го апрѣля 1910 года, за № 773, государственному контролеру послать указъ, каковыми увѣдомить также министра народнаго просвѣщенія и министра финансовъ, а въ первый департаментъ сената, съ возвращеніемъ дѣла, сообщить вѣдѣніемъ. Апрѣля 20-го дня 1915 года.

IV. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Государь Императоръ, согласно положеніямъ комитета о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства и о наградахъ, состоявшимся по ходатайству намѣстника Его Императорскаго Величества на Кавказѣ о награжденіи нижепоименованныхъ лицъ, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать 6-го мая 1915 года:

Ордена: св. Станислава 2-й степени—директору Бакинскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета, потомственному почетному гражда-

нину Николаю *Терентьеву* и *3-й степени:* смотрителю Олухлинскаго начальнаго училища, коллежскому регистратору Константину *Іаковиди* и бывшему завѣдывающему 6-мъ Эйскимъ городскимъ начальнымъ училищемъ, коллежскому регистратору Тихону *Шульгину* и *медали, съ надписью „за усердіе", золотыя, для ношенія на груди, на Аннинской лентѣ:* начальницѣ Новороссійской Александринской женской гимназіи Вѣрѣ *Ларіоновой*, классной надзирательницѣ Бакинской Маріинской женской гимназіи, дворянкѣ Стефанидѣ *Балашевой*, завѣдывающимъ училищами: начальными въ гор. Тифлисѣ: 1-мъ Авлабарскимъ, дворянкѣ Софіи *Калантаровой*, Грузинскимъ центральнымъ, княгинѣ Маріи *Вахваховой-Церетели*, 2-классными училищами гор. Тифлиса: желѣзнодорожнымъ женскимъ, дворянкѣ Антонинѣ *Антоновой* и армяно-базарнымъ благотворительнаго общества Еленѣ *Томсонъ* и Авлабарскимъ женскимъ училищемъ благотворительнаго общества въ гор. Тифлисѣ, дворянкѣ Екатеринѣ *Нуровой*, смотрительницѣ Карсскаго Маріинскаго женскаго училища Наталіи *Сергѣевой*, учительницамъ Кутаисской женской гимназіи, дворянкамъ: Софіи *Дабеловой* и Даріи *Григорашвили*, преподавателю Кубанскаго Александровскаго реальнаго училища Онисиму *Харченко*, почетному блюстителю Медвѣдовскаго 2-класснаго училища Ивану *Нерезу*, члену школьнаго попечительства Коневскаго женскаго одноклассного училища Ѳомѣ *Башмакову* и инструктору Старокорсунскаго 1-го двухкласснаго училища Терентію *Дударѣ* и *серебряныя: для ношенія, на шеѣ, на Владимірской лентѣ:* учительницѣ Бакинской Маріинской женской гимназіи Софіи *Кондратьевой*, казначею Карсскаго Маріинскаго женскаго училища Мукртичу *Костанову* и старшинѣ Джамушинскаго сельскаго округа *Гасану бекъ Шамшадинову* и *для ношенія, на груди: на Александровской лентѣ:* завѣдывавшей Новощербиновскимъ одноклассным женскимъ училищемъ Еленѣ *Камянченко*, классной надзирательницѣ Новороссійской Александринской женской гимназіи Софіи *Лохвицкой*, учительницамъ женскихъ гимназій: Тифлисской 2-й *Иремадзе* и Армавирской: Евдокіи *Герминой* и Надеждѣ *Болотниковой*, учительницамъ: Сололакскаго начальнаго училища въ гор. Тифлисѣ Розѣ *Хатисовой* и Кукійскаго женскаго училища благотворительнаго общества въ гор. Тифлисѣ Елисаветѣ *Дуларидзе* и *на Станиславской лентѣ:* почетному блюстителю Лабинскаго одноклассного иногородняго училища, прапорщику запаса Петру *Ржехину*, завѣдывающимъ начальными училищами: Алексѣевскимъ Нинѣ *Романенко*, Воронцовскимъ Евпраксіи *Егоровой*, Шапсугскимъ Наталіи *Загорнянъ* и

Небугскимъ одноклассным Елисаветѣ *Виноградовой*, исполняющей обязанности учителя Сочинскаго городского 4-класснаго училища Вѣрѣ *Котуровой*, завѣдывающему Лазаревскимъ одноклассным начальнымъ училищемъ Александру *Гасаненко*, предсѣдателю школьнаго попечительства Динскаго одноклассного иногородняго училища, потомственному почетному гражданину Федору *Сазанову*, эконому Тифлисскаго Александровскаго учительскаго института Адріану *Мельникову*, швейцару при томъ же институтѣ Петру *Кукушкину*, учительницамъ: гимназій: мужской Кутаисской Аннѣ *Хржановской* и женскихъ: Тифлисской 2-й Анастасіи *Бѣляевой* и Кутаисской: Людмилѣ *Кубаніевой* и Маріи *Матвѣевой*, служащей по вольному найму въ канцеляріи Кутаисской мужской гимназіи Александрѣ *Бѣлоконевой*, учительницѣ 1-го Александропольскаго женскаго начальнаго училища Луспитагъ *Карапянцъ*, классной надзирательницѣ Тифлисской 2-й женской гимназіи Нинѣ *Храпко*, сторожу Шемахинскаго реальнаго училища *Али-Иса-Мамедъ оглы Гусейнову*, фельдшеру больницы при пансіонѣ Кубанскаго Александровскаго реальнаго училища Павлу *Нетрепко*, почетному блюстителю Базарджинскаго училища *Искандару Мустафа-оглы*, швейцарамъ при Владикавказской Ольгинской женской гимназіи Прокопію *Шевцову* и Федору *Андропу*, служителю при Армавирской женской гимназіи Николаю *Ересько*, классной наставницѣ Кутаисской женской гимназіи Евгеніи *Мамоновой*, швейцару при Тифлисской 5-й мужской гимназіи Захарію *Алехину*, женщинѣ-врачу Бакинской Маріинской женской гимназіи Ревекѣ *Корона*, учителю пѣнія той же гимназіи Федору *Стрѣльцову*, смотрителямъ училищъ: Багикейскаго Стиліану *Ламбріанову*, Гюлантапинскаго Дмитрію *Амбарджеву*, Новониколаевскаго Михаилу *Сатину*, Мечетлинскаго Александру *Шведову*, Базатскаго Андрею *Митенчеву*, Джамушлинскаго Эфенди *Гусейнову* и Зыбинскаго Арсену *Костанову*, учительницамъ училищъ: Кагызманскаго нормальнаго Аннѣ *Капитоновой* и Карсскаго Маріинскаго женскаго Валентинѣ *Сухопаренко*, учителю Карсскаго вокзальнаго училища Самсону *Ксенодокову*, старшинѣ Нахичеванскаго сельскаго округа Кеворку *Акулову*, помощникамъ старостъ: селенія Баджалы *Гусейнъ Набо-оглы* и селенія Нахичеванъ Парегамы *Калаеву*, почетнымъ блюстителямъ училищъ: иногороднихъ: Брюховецкаго Андрею *Игнатову*, Медвѣдовскаго Емельяну *Зубенко*, Динскаго одноклассного Никифору *Лаба*, Платнировскаго 2-класснаго Василію *Хихля* и Тихорѣцкаго 2-класснаго Гавріилу *Саксельцеву*, одноклассныхъ: Крыловскаго Павлу *Петруцкому*, Ейскаго Василію

Гордону и Старокорсунскаго смѣшаннаго Павлу *Манило*, 2-классныхъ: Бейсугскаго станичнаго Василію *Голубчикову*, Славянскаго приходскаго иногородняго Варнавѣ *Петрухѣ*, Челбасскаго Феофилакту *Волошину*, Старомышастовскаго Степану *Строкачу*, Старокорсунскаго 1-го Георгію *Зозѣ* и Александровскаго станичнаго Калистрату *Федоренко* и женскихъ: имени Яновскаго Козьмѣ *Свѣчкареву* и Иркліевскаго Георгію *Савицкому*, членамъ школьнаго попечительства Динскаго одноклассного иногородняго училища Ефиму *Коноваленко* и Захарію *Самойленко*, предсѣдателямъ школьныхъ попечительствъ училищъ: Кореновскаго иногородняго 2-класснаго Константину *Искренникову* и Армавирскаго Александровскаго 2-класснаго Александру *Сеферову*, члену школьнаго попечительства Кореновскаго иногородняго 2-класснаго училища Павлу *Зикѣеву*, Пашковскому станичному атаману, казаку Трофиму *Рогачу*, урядпику Андрею *Якубѣ*, бывшему учителю Кореновскаго иногородняго училища, члену школьнаго попечительства Кореновскихъ станичныхъ училищъ Семену *Кизимѣ*, казначею школьнаго попечительства Армавирскаго Александровскаго 2-класснаго училища Андрею *Алавердову*, членамъ школьныхъ попечительствъ училищъ: Армавирскаго Александровскаго 2-класснаго Герасиму *Айвазову*, Таманскаго 2-класснаго Ефиму *Барабашеву*, Сергіевскаго 2-класснаго Петру *Кононенко*, Тимошевскаго одноклассного: Ефрему *Голофасту* и Никитѣ *Легину*, Сергіевскаго женскаго: Власу *Рахманко* и Захарію *Курсли*, Сергіевскаго 2-класснаго Леонтію *Харуцкому*, Челбасскаго 2-класснаго Макею *Безцѣнному*, Коневскаго женскаго: Тимофею *Иваненко*, Аврааму *Заверюхѣ* и Архипу *Лещенко*, Челбасскаго станичнаго 2-класснаго Еремею *Данько*, Пластуновскаго: Мартыну *Костыря* и Ивану *Буту*, Старокорсунскаго Михаилу *Полубеню*, Кочетинскаго хуторскаго Якову *Демченко* и Владимірскихъ станичныхъ Петру *Таранову*, атаманамъ станицъ: Новорождественской Степану *Тарасенко*, Кисляковской Петру *Солодовникову*, Келермесской Іосифу *Тararыкину* и Шерванской Федору *Карабуту*, учителю Михайловскаго 2-класснаго училища Ивану *Ступкину* и бывшему члену попечительства Уманскаго 1-го одноклассного училища Роману *Ершову*, и *съ надписью „за труды по народному образованію“, для ношенія, на груди, серебряную на Александровской лентѣ*— учительницѣ Тифлисскаго женскаго учебнаго заведенія св. Нины Еленѣ *Салтыковой*.

Награждается орденомъ св. Станислава 2-й степени—помощникъ классныхъ наставниковъ Екатеринодарской мужской гимназіи имени

бывшаго городского головы города Екатеринодара В. С. Климова, надворный совѣтникъ Александръ *Хуціевъ*.

(19-го мая 1915 года, № 31). *Награждается орденомъ*, 22-го марта 1915 г., *св. Анны 2-й степени*—преподаватель Петроградскаго технологическаго института Императора Николая I, надворный совѣтникъ Александръ *Монаховъ*.

(25-го мая 1915 года, № 33). *Награждается орденами: св. Станислава 2-й степени*—инспекторъ Тульскаго ремесленнаго училища, коллежскій совѣтникъ Павелъ *Аристовъ*.

Св. Станислава 3-й степени—почетный попечитель Ядринскаго начальнаго училища, коллежскій регистраторъ Николай *Таланцевъ*.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу главноуправляющаго собственною Его Императорскаго Величества канцеляріею ходатайства управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать къ 6-му мая с. г., внѣ правилъ, пожизненному почетному попечителю и пожизненному предсѣдателю правленія литературно-театральнаго музея Императорской Академіи Наукъ имени Алексѣя Бахрушина, мануфактуръ-совѣтнику, потомственному почетному гражданину Алексѣю *Бахрушину—орденъ св. равноапостольнаго князя Владиміра четвертой степени*, за принесеніе въ даръ названной Академіи помянутаго музея.

V. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(27-го апрѣля 1915 года, № 22). *Назначаются*: дѣлопроизводители департамента народнаго просвѣщенія: VI класса, надворный совѣтникъ *Чекини* и VII класса, коллежскій совѣтникъ *Заплатинъ*—дѣлопроизводителями того же департамента: первый—V класса, а второй VI класса; экстраординарный профессоръ Императорскаго Николаевскаго университета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ *Кириковъ*—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ терапевтической факультетской клиники; директоръ народныхъ училищъ Саратовской губерніи, статскій совѣтникъ *Сырневъ*—директоромъ Саратовской первой гимназіи; преподаватели Петроградскаго технологическаго института Императора Николая I, инженеръ-техно-

логи, надворные совѣтники: *Пшеницынъ* и *Рерихъ*—адъюнктъ-профессорами того же института: первый—по механической технологіи, а второй—по прикладной механикѣ и теоріи построенія машинъ; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго университета, докторъ медицины, титулярный совѣтникъ *Раммуль* — экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Казанскаго университета, по каѳедрѣ гигіены и при ней: эпидеміологіи и медицинской полиціи, медицинской статистики, ученія объ эпизоотическихъ болѣзняхъ и ветеринарной полиціи; статскій совѣтникъ *Леонтовичъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Лубенской учительской семинаріи, на три года, съ 13-го февраля.

Утверждается, согласно избранію, въ званіи камергера Высочайшаго двора, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Стаховичъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Карачевской гимназіи, на три года, съ 16-го февраля, съ оставленіемъ въ придворномъ званіи.

Увольняется, согласно прошенію, почетный попечитель частной гимназіи Щеголева въ гор. Ярославлѣ, купецъ 2-й гильдіи *Смоляковъ*—отъ означенной должности, съ 1-го января.

Умершій исключается изъ списковъ, адъюнктъ-профессоръ Рижскаго политехническаго института, статскій совѣтникъ *Понсетъ-де-Сандонъ*, съ 25-го февраля.

По Московскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*, дѣлопроизводитель дирекціи народныхъ училищъ Смоленской губерніи *Касаткинъ*—съ 1-го іюля 1911 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, врачъ Ярославскаго реальнаго училища *Кутуковъ*—съ 11-го мая 1902 г.

Утверждаются въ чинѣ *титулярнаго совѣтника*, со старшинствомъ, врачи реальныхъ училищъ: Осташковскаго *Росляковъ*—съ 1-го іюня 1908 г. и частнаго, Л. Н. Полякова въ Москвѣ, коллежскій секретарь *Гинзбургъ*—съ 8-го января 1909 г., оба по степени лѣкаря.

По Харьковскому учебному округу. *Утверждается* въ чинѣ *коллежскаго ассессора*, со старшинствомъ, учитель Ростовскаго на-Дону Петровскаго реальнаго училища *Горицкій*—съ 29-го ноября 1907 г.

По Одесскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: учитель, исполняющій обязанности инспектора Сорокскаго средняго сельско-хозяйственно-техническаго училища *Кункель* — съ 1-го ноября 1912 г.; учитель гимназіи Императора Александра III въ Болградѣ

Александровъ—съ 15-го августа 1914 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники:* бывшіе учителя городскихъ училищъ: Одесскаго, *Шабля*—съ 1-го августа 1908 г. и Бобринецкаго, *Калфаянъ*—съ 1-го августа 1907 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора:* учителя: Кишиневскаго Имени Императора Александра II реальнаго училища, *Бейэрле*—съ 24-го апрѣля 1908 г., Сорокскаго средняго сельско-хозяйственно-техническаго училища: *Носовъ*—съ 1-го августа 1910 г. и *Порфирьевъ*—съ 10-го октября 1909 г.; учитель-инспекторъ Маріупольскаго городского училища, титулярный совѣтникъ *Мусіечко*—съ 15-го августа 1907 г.; *коллежскаго секретаря,* помощникъ классныхъ наставниковъ Екатеринославскаго 1-го реальнаго училища *Вахнинъ*—съ 11-го октября 1908 г.

По Казанскому учебному округу. *Производятся,* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры,* сверхштатный помощникъ прозектора Казанскаго ветеринарнаго института *Кленницкій*—съ 1-го сентября 1914 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники,* помощникъ классныхъ наставниковъ Яранской гимназіи *Чемодановъ*—съ 20-го августа 1905 г.

По Рижскому учебному округу. *Производится,* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры,* врачъ Рижскаго городского реальнаго училища *Боссе*—съ 3-го августа 1913 г.

По управленію учебными заведеніями Туркестанскаго края. *Производятся,* за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники:* учителя гимназій: Чарджуйской Николаевской, фонъ-*Кунъ*—съ 27-го февраля 1913 г. и Ташкентской, *Волковъ*—съ 1-го февраля 1914 г.; воспитатель пансіона Асхабадской гимназіи *Эсмонтъ*—съ 1-го августа 1913 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры,* бухгалтеръ управленія учебными заведеніями Туркестанскаго края *Глотовъ*—съ 1-го августа 1913 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники:* учителя: Наманганскаго высшаго начальнаго училища, *Митревицъ*—съ 1-го ноября 1909 г. и приготовительнаго класса Асхабадской гимназіи, *Манисъ*—съ 1-го сентября 1909 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари:* учителя-завѣдывающіе училищами: Дурменскимъ русско-туземнымъ, *Серіпьевъ*—съ 1-го сентября 1913 г. и Ташкентскимъ русско-татарскимъ, *Акчуринъ*—съ 1-го ноября 1913 г.; въ *коллежскіе регистраторы,* учителя-завѣдывающіе: Акъ-Курганскимъ

русско-туземнымъ училищемъ, *Шатовъ*—съ 1-го августа 1912 г. и Солдатскимъ приходскимъ училищемъ, *Другановъ*—съ 16-го сентября 1913 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*, учителя гимназій: Асхабадской, *Пановъ*—съ 1-го сентября 1909 г. и Ташкентской, *Фингеръ*—съ 10-го января 1910 г.; *коллежскаго секретаря*, учителя Скобелевскаго городского 4-класснаго училища: коллежскій регистраторъ *Чумичкинъ* и *Тебенихинъ*, оба—съ 24-го апрѣля 1910 г.

Производятся, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра *Чаговецъ*—съ 1-го іюня 1912 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники:* младшій ботаникъ ботаническаго музея Императорской Академіи Наукъ *Крыловъ*—съ 1-го октября 1913 г.; сотрудникъ Императорской археографической комиссіи *Поповъ*—съ 17-го декабря 1913 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: лаборантъ особой зоологической лабораторіи Императорской Академіи Наукъ *Давыдовъ*—съ 1-го октября 1914 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія *Бѣловъ*—съ 30-го мая 1914 г.; помощникъ хранителя отдѣленія изящныхъ искусствъ Императорскаго Московскаго Румянцовскаго музея *Муратовъ*—съ 1-го іюня 1912 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, сотрудникъ Императорской археографической комиссіи *Демусякъ*—съ 7-го мая 1913 г.; въ *коллежскіе регистраторы*, препараторъ геологическаго и минералогическаго музея Имени Императора Петра Великаго Императорской Академіи Наукъ *Кузьминъ*—съ 1-го сентября 1914 г.

По Петроградскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ въ *статскіе совѣтники*: инспекторы народныхъ училищъ: Вытегорскаго уѣзда, *Созыкинъ*—съ 1-го октября 1913 г. и Петрозаводскаго уѣзда, *Тычинкинъ*—съ 17-го августа 1913 г.; учителя: гимназій: Петроградскихъ: 3-й, *Николаевъ*—съ 1-го августа 1914 г., Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича, *Грачевъ*—съ 16-го ноября 1913 г., частной, русскаго собранія, *Яковлевъ*—съ 18-го декабря 1913 г., Императора Александра I: *Казаринъ*—съ 16-го августа 1914 г., *Лучинскій*—съ 1-го сентября 1914 г. и *Трубицынъ*—съ 1-го августа 1912 г., Ларинской, *Садиковъ*—съ 1-го ноября 1914 г., 7-й, *Троицкій*—съ 6-го

іюня 1914 г., Петергофской Императора Александра II, *Гинцбургъ*—съ 1-го іюля 1914 г. и Псковской Императора Александра I Благословеннаго, *Коржавинъ*—съ 20-го іюня 1914 г.; реальныхъ училищъ: Вологодскаго, Александровскаго, *Воскресенскій*—съ 20-го іюня 1914 г., Кронштадтскаго: *Бабулевичъ*—съ 1-го августа 1914 г. и *Іевлевъ*—съ 1-го февраля 1914 г., Теріокскаго, *Палатко*—съ 1-го августа 1913 г. и Царскосельскаго Императора Николая II, *Бобылевъ*—съ 20-го октября 1914 г.; воспитатель пансіона Петроградской Императора Александра I гимназіи *Страховичъ*—съ 21-го іюля 1914 г.; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: инспекторъ Петроградской Императора Александра I гимназіи *Добровольскій*—съ 1-го августа 1913 г.; учитель, исполняющій обязанности инспектора Гатчинскаго реальнаго училища Имени Императора Александра III, *Канделаки*—съ 1-го сентября 1914 г.; помощникъ инспектора Петроградскаго технологическаго института Императора Николая I *Петровъ*—съ 15-го февраля 1914 г.; лаборантъ Императорскаго Петроградскаго университета *Генкель*—съ 1-го сентября 1912 г.; учитель Петроградскаго реальнаго училища Петрова *Дьяконовъ*—съ 29-го декабря 1913 г.; врачъ Петроградской 11-й гимназіи *Зивъ*—съ 1-го іюня 1914 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*, врачъ Петроградскаго Благовѣщенскаго высшаго начальнаго училища *Тривусъ*—съ 5-го апрѣля 1912 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *титулярнаго совѣтника*, сверхштатный лаборантъ Петроградскаго технологическаго института Императора Николая I, коллежскій секретарь *Бартельсъ*—съ 1-го сентября 1913 г.; *коллежскаго секретаря*: бывшій учитель Псковскаго 2-го высшаго начальнаго училища, нынѣ инспекторъ Печерскаго высшаго начальнаго училища *Дмитріевъ* (онъ же Игнатьевъ)—съ 1-го іюля 1909 г.; учитель Пинежскаго высшаго начальнаго училища *Гущинъ*—съ 19-го февраля 1910 г.; помощникъ классныхъ наставниковъ Архангельскаго реальнаго училища *Поддьяковъ*—съ 16-го августа 1910 г.; *губернскаго секретаря*, бывшій учитель приготовительнаго класса Вологодской Имени Императора Александра I Благословеннаго гимназіи *Виноградовъ*—съ 1-го января 1908 г.

(4-го мая 1915 года, № 25). *Назначаются*: адъюнктъ-профессоры Петроградскаго технологическаго института Императора Николая I, инженеръ-технологи: статскій совѣтникъ *Холмогоровъ* и коллежскій совѣтникъ *Сперанскій*—профессорами того же института: первый по прикладной механикѣ и теоріи построенія машинъ, а второй—по

химической технологіи; инженеръ-механикъ *Асѣевъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Пензенской учительской семинаріи, на три года, съ 19-го января.

Утверждаются: согласно избранію: тайные совѣтники: *Менделѣевъ* и *Бондыревъ*, церемоніймейстеръ Высочайшаго двора графъ *Клейнмихель* и статскій совѣтникъ *Рѣпниковъ*—почетными попечителями гимназій: Менделѣевъ—Тверской, съ 11-го декабря 1914 г., Бондыревъ—Полоцкой, съ 26-го ноября 1914 г., графъ Клейнмихель—вновь Богодуховской, съ 1-го октября 1914 г., и Рѣпниковъ—вновь Царицынской Александровской, съ 26-го апрѣля 1915 г., всѣ на три года, съ оставленіемъ изъ нихъ графа Клейнмихеля церемоніймейстеромъ; коллежскій совѣтникъ *Телепневъ*, отставной штабъ-ротмистръ *Сискевичъ* и коллежскій регистраторъ *Палицынъ*—почетными попечителями реальныхъ училищъ: Телепневъ—Опочецкаго, съ 20-го ноября 1914 г., Сискевичъ—Старо-Оскольскаго, съ 12-го ноября 1914 г., и Палицынъ—Павловскаго, Воронежской губерніи, съ 9-го ноября 1914 г., всѣ на три года.

Умершій исключается изъ списковъ, инспекторъ классовъ женской гимназіи имени Варвары Павловны фонъ-Дервизъ, учрежденной Вѣрою Николаевною фонъ-Дервизъ, въ Москвѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Степаненко*, съ 3-го апрѣля.

(12-го мая 1915 года, № 27). *Производится* изъ статскихъ въ *дѣйствительные статскіе совѣтники*, бывшій почетный членъ попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища, нынѣ въ отставкѣ, *Бѣлозерскій*, на основаніи п. 2 ст. 792 уст. служб. прав., изд. 1896 г.

По Петроградскому учебному округу. *Утверждается* въ чинѣ *коллежскаго ассессора*, со старшинствомъ, врачъ Петроградскаго Воздвиженскаго высшаго начальнаго училища *Липавскій*—съ 13-го мая 1910 г., по степени доктора медицины.

По Московскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*, членъ-соревнователь попечительнаго совѣта Комисаровскаго техническаго училища *Аноповъ*—съ 24-го октября 1914 г.; въ *коллежскіе регистраторы*, бывшій фельдшеръ Императорскаго Московскаго университета *Надѣтскій*—съ 5-го октября 1906 г.

По Виленскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*, врачъ Виленскаго 5-го приходскаго училища *Шапиро*—съ 19-го марта 1912 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе*

ассессоры, врачъ Оршанской Алексѣевской женской гимназіи *Рыскинъ*—съ 4-го марта 1910 г.

Утверждается въ чинѣ *титулярнаго совѣтника*, со старшинствомъ, врачъ Ковенскаго 5-го приходскаго училища *Михалевскій*—съ 12-го іюня 1900 г., по степени лѣкаря.

По Казанскому учебному округу. *Утверждается* въ чинѣ *титулярнаго совѣтника*, со старшинствомъ, сверхштатный ассистентъ Императорскаго Казанскаго университета *Фофановъ*—съ 29-го ноября 1903 г., по степени лѣкаря.

По Оренбургскому учебному округу. *Производится*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, въ *коллежскіе регистраторы*, учитель Челябинскаго 4-го приходскаго училища *Шкляевъ*—съ 7-го сентября 1911 г.

По Рижскому учебному округу. *Производится*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, сверхштатный ассистентъ Императорскаго Юрьевскаго университета *Георгіевскій*—съ 23-го апрѣля 1899 г.

(18-го мая 1915 года, № 30). *Назначаются*: директоръ департамента народнаго просвѣщенія, членъ ученаго комитета главнаго управленія землеустройства и земледѣлія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Суринъ*—членомъ отъ министерства народнаго просвѣщенія въ сельско-хозяйственномъ совѣтѣ названнаго главнаго управленія, съ оставленіемъ въ занимаемыхъ должностяхъ; экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ *Бушмакинъ*—ординарнымъ профессоромъ того же университета, по каѳедрѣ анатоміи здороваго человѣка; преподаватель, исполняющій обязанности инспектора реальнаго училища, содержимаго обществомъ распространенія образованія въ гор. Клинѣ, надворный совѣтникъ *Адлеровъ*—директоромъ того же училища.

Утверждаются, согласно избранію: ординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, докторъ уголовнаго права, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Пусторослевъ*—ректоромъ того же университета, на три года; заслуженный профессоръ Харьковскаго технологическаго института Императора Александра III, сверхштатный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, докторъ химіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Осиповъ*—директоромъ названнаго института, на три года, съ оставленіемъ въ занимаемыхъ должностяхъ.

Увольняются: директоръ и заслуженный профессоръ Петроградскаго технологическаго института Императора Николая I, инженеръ-технологъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Деппъ*—отъ означенной должности директора, согласно прошенію; замѣститель члена отъ министерства народнаго просвѣщенія въ общемъ и особыхъ присутствіяхъ совѣта по дѣламъ мѣстнаго хозяйства, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Марковъ*—отъ означенной должности, по случаю назначенія помощникомъ попечителя Петроградскаго учебнаго округа.

(26-го мая 1915 года, № 34). *Опредѣляется* на службу, изъ отставныхъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ипатовъ*—директоромъ Бронницкой гимназіи, съ 16-го мая.

Утверждается, согласно избранію, потомственный почетный гражданинъ *Свѣшниковъ*—почетнымъ попечителемъ Дорогобужской Алексѣевской гимназіи, на три года, съ 7-го января.

Увольняются отъ службы профессоры Рижскаго политехническаго института: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Доссъ* и статскій совѣтникъ *Геннигъ*; согласно прошенію, директоръ Петроградской одиннадцатой гимназіи, статскій совѣтникъ *Розенфельдъ*, съ 17-го мая.

Производится, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*, сверхштатный ассистентъ Императорскаго клиническаго института великой княгини Елены Павловны *Фельдберъ*—съ 16-го іюня 1914 г.

Утверждается въ чинѣ *статскаго совѣтника*, со старшинствомъ, директоръ Петроградскаго частнаго реальнаго училища А. И. Гельда *Гельдъ*—съ 11-го ноября 1905 г.

По Харьковскому учебному округу. *Производится*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ, изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*, помощникъ прозектора Императорскаго Харьковскаго университета *Говоровъ*—съ 19-го августа 1911 г.

По Западно-Сибирскому учебному округу. *Производятся*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари*, учитель завѣдывающій Барнаульскимъ 6-мъ городскимъ приходскимъ училищемъ *Размазинъ*—съ 5-го октября 1909 г.; въ *коллежскіе регистраторы*, учитель Барнаульской женской гимназіи *Шастинъ*—съ 1-го августа 1911 г.

Утверждаются въ чинахъ, со старшинствомъ: *коллежскаго ассессора*: учителя: Томскаго 2-го реальнаго училища, *Хазовъ*—съ 9-го ноября 1909 г. и Барнаульской женской гимназіи, *Шубкинъ*—съ 7-го іюля 1910 г.; *коллежскаго секретаря*: учителя городскихъ училищъ:

Барнаульскаго, *Лепехинъ*—съ 1-го іюля 1910 г. и Петропавловскаго, сверхштатный, *Шмелевъ*—съ 10-го іюля 1910 г.

(1-го іюня 1915 года, № 37). *Назначаются:* экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Московскаго, ординарный профессоръ Императорской Московской духовной академіи, докторъ русской исторіи, статскій совѣтникъ *Богословскій* и Казанскаго, докторъ всеобщей исторіи, статскій совѣтникъ *Хвостовъ*—ординарными профессорами Императорскихъ университетовъ: первый—Московскаго, по каѳедрѣ русской исторіи, а второй—Казанскаго, по каѳедрѣ всеобщей исторіи, съ оставленіемъ изъ нихъ Богословскаго ординарнымъ профессоромъ названной академіи; директоръ коллегіи Павла Галагана, статскій совѣтникъ *Конскій*—директоромъ Петроградской одиннадцатой гимназіи; награжденный чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, на основаніи ст. 292 уст. служб. прав., изд. 1896 г., *Могилевцевъ*—почетнымъ попечителемъ педагогическаго музея Имени Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича, въ гор. Кіевѣ, на три года.

Утверждаются: исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго Томскаго университета, по каѳедрѣ политической экономіи и статистики, докторъ политической экономіи и статистики *Лященко*—въ исправляемой имъ должности; личный почетный гражданинъ *Хрусталевъ* — почетнымъ попечителемъ Рыбинскаго низшаго механико-техническаго училища имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника М. Е. Комарова, согласно избранію, на три года, съ 11-го ноября 1914 г.

VI. ЦИРКУЛЯРЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1. (2-го апрѣля 1915 года, № 14922). *О порядкѣ зачета службы въ начальныхъ училищахъ.*

Въ разъясненіе вопросовъ, возбужденныхъ учебно-окружными начальствами по поводу примѣненія ст. 16 отд. II закона 10-го мая 1912 г. (ст.ст. 1522[7] и 1743[8] т. XI, ч. I, уст. учебн. зав., св. зак. по прод. 1912 г.), министерство народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министерствомъ финансовъ и государственнымъ контролемъ, считаетъ необходимымъ установить, что предусмотрѣнный приведенною статьею закона зачетъ службы ученой, учебной и учительской въ начальныхъ училищахъ долженъ производиться независимо отъ того, имѣли ли подлежащія лица право на преподаваніе въ мужскихъ

гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ до поступленія на службу въ эти послѣднія учебныя заведенія, и что необходимымъ и достаточнымъ условіемъ для зачета слѣдуетъ признать, чтобы упомянутыя лица при назначеніи штатными преподавателями мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній имѣли право на преподаваніе въ нихъ.

Объ этомъ увѣдомляю ваше превосходительство для руководства и соотвѣтствующихъ распоряженій по ввѣренному вамъ учебному округу, въ дополненіе къ циркулярному предложенію отъ 12-го сентября 1913 года за № 39115.

2. (17-го апрѣля 1915 года, № 17943). *Объ освобожденіи отъ взноса платы учениковъ, поступившихъ въ дѣйствующую армію.*

Одинъ изъ попечителей учебныхъ округовъ возбудилъ вопросъ о томъ, освобождаются ли ученики среднихъ учебныхъ заведеній, получившіе разрѣшеніе на поступленіе въ дѣйствующую армію въ качествѣ добровольцевъ и сохраняющіе за собою, по силѣ циркуляра отъ 7-го октября 1914 года за № 47065, мѣсто въ учебномъ заведеніи, отъ взноса платы за ученіе или они должны внести таковую, и, если освобождаются, то какой оправдательный документъ должно посылать въ контрольную палату.

Вслѣдствіе сего увѣдомляю ваше превосходительство, для надлежащаго распоряженія, что означенныя выше лица платы за ученіе вносить не должны, какъ фактически не состоящіе до времени возвращенія ихъ изъ арміи въ числѣ обучающихся въ учебномъ заведеніи. Лица эти въ доставляемыхъ въ контрольныя палаты свѣдѣніяхъ о числѣ учениковъ должны показываться выбывшими въ дѣйствующую армію.

3. (18-го апрѣля 1915 года, № 18190). *О порядкѣ пріема въ 8-й дополнительный классъ женскихъ гимназій.*

Распоряженіемъ министерства народнаго просвѣщенія по Московскому учебному округу отъ 27-го мая 1914 года за № 26361 предложено принимать въ 8-й дополнительный педагогическій классъ женскихъ гимназій названнаго округа лишь тѣхъ окончившихъ курсъ семи классовъ ученицъ, успѣхи коихъ по предметамъ, избираемымъ ими въ качествѣ спеціальныхъ для изученія въ 8-мъ классѣ, оцѣнены въ аттестатахъ объ окончаніи общегимназическаго курса отмѣткою не менѣе четырехъ.

Подвергнувъ новому обсужденію вопросъ о пріемѣ ученицъ въ

8-й педагогическій классъ женскихъ гимназій, министерство признало необходимымъ отмѣнить вышеуказанное ограничительное распоряженіе и предоставить разрѣшеніе таковаго вопроса въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ всецѣло усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ женскихъ гимназій, по принадлежности.

Объ этомъ увѣдомляю ваше превосходительство для надлежащихъ распоряженій и руководства.

4. (27-го апрѣля 1915 года, № 19356). *О порядкѣ допущенія къ выпускнымъ испытаніямъ учениць VII класса женскихъ гимназій.*

Попечителемъ одного изъ учебныхъ округовъ возбужденъ вопросъ о возможности допущенія къ выпускнымъ испытаніямъ ученицъ VII-го класса женскихъ гимназій, имѣющихъ неудовлетворительную годовую отмѣтку по одному изъ обязательныхъ предметовъ.

Въ виду сего увѣдомляю ваше превосходительство, для зависящихъ распоряженій и руководства, что вопросъ этотъ министерствомъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ; что же касается порядка допущенія означенныхъ ученицъ къ выпускнымъ испытаніямъ, то рѣшеніе сего вопроса, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, всецѣло предоставляется педагогическимъ совѣтамъ женскихъ гимназій.

Къ сему считаю нужнымъ присовокупить, что приведенное распоряженіе распространяется и на всѣ частныя, съ правами для учащихся, женскія среднія учебныя заведенія.

5. (29-го апрѣля 1915 года, № 20302). *О слушателяхъ педагогическаго института имени П. Г. Шелапутина.*

Согласно точному смыслу ст. 26 приложенія къ ст. 396, примѣч. 6, св. зак. т. XI, ч. I, уст. учен. учрежд. и учебн. зав., по прод. 1912 г. (положеніе о педагогическомъ институтѣ имени П. Г. Шелапутина въ гор. Москвѣ) слушателямъ сего института, получившимъ свидѣтельство на званіе учителя гимназіи, время пребыванія въ институтѣ зачисляется въ срокъ выслуги высшаго учительскаго оклада.

По состоявшемуся нынѣ соглашенію съ министерствомъ финансовъ и государственнымъ контролемъ министерство народнаго просвѣщенія считаетъ нужнымъ разъяснить, что при дѣйствіи закона 10-го мая 1912 г. подъ содержащимся въ упомянутой статьѣ положенія о названномъ институтѣ терминомъ „высшіе учительскіе оклады“ слѣдуетъ разумѣть постепенное увеличеніе получаемаго преподавате-

лями содержанія путемъ установленныхъ въ законѣ 10-го мая 1912 г. пятилѣтнихъ прибавокъ.

Объ этомъ увѣдомляю ваше превосходительство для руководства и надлежащихъ распоряженій по ввѣренному вамъ учебному округу.

6. (15-го мая 1915 года, № 21866). *О пріемномъ періодѣ для вольноопредѣляющихся.*

По состоявшемуся въ 1913 году съ военнымъ министерствомъ соглашенію было установлено, что ходатайства молодыхъ людей съ общимъ (не медицинскимъ) образованіемъ, обязавшихся отбыть воинскую повинность на правахъ вольноопредѣляющихся, о перенесеніи имъ пріемнаго періода съ іюня на декабрь мѣсяцъ разрѣшаются соотвѣтствующими воинскими присутствіями, при условіи увѣдомленія ихъ объ этомъ подлежащимъ начальствомъ учебныхъ заведеній (циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія отъ 28-го мая 1913 г. за № 22433).

Нынѣ военное министерство, признавая означенный порядокъ, въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ военнаго времени, не отвѣчающимъ интересамъ военнаго вѣдомства, нашло необходимымъ на все время текущей войны точно держаться установленнаго закономъ порядка, согласно коему ходатайства о перенесеніи пріемнаго періода вольноопредѣляющихся съ іюня на декабрь разрѣшаются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ военнымъ министромъ по соглашенію съ министромъ народнаго просвѣщенія (ст. 196[1] уст. воин. пов., по прод. 1912 г.).

Сообщая объ изложенномъ, для зависящихъ распоряженій, прошу ваше превосходительство преподать къ руководству начальству учебныхъ заведеній, что ходатайства о перенесеніи пріемнаго періода надлежитъ возбуждать лишь въ особо уважительныхъ и исключительныхъ случаяхъ, при чемъ необходимо приводить подробные мотивы, служащіе основаніемъ примѣненія къ данному лицу указанной льготы.

7. (15-го мая 1915 года, № 21886). *О переэкзаменовкахъ и допущеніи осенью къ экзаменамъ.*

Въ министерство народнаго просвѣщенія поступаетъ большое количество прошеній отъ родителей учениковъ, не выдержавшихъ окончательнаго испытанія по тому или другому предмету, съ просьбою о предоставленіи имъ возможности переэкзаменовокъ осенью. Равнымъ образомъ поступаютъ ходатайства отъ родителей учениковъ, не переведенныхъ въ слѣдующій классъ вслѣдствіе неуспѣшности болѣе чѣмъ

по тремъ предметамъ, съ просьбою о допущеніи ихъ осенью же къ экзаменамъ по тѣмъ предметамъ, за которые они имѣютъ неудовлетворительные годовые баллы.

Принимая во вниманіе, съ одной стороны, не вполнѣ нормальныя условія текущаго года, а съ другой, чрезвычайную продолжительность лѣтнихъ каникулъ, дающую возможность ученикамъ не только отдохнуть, но и использовать время для пополненія зимнихъ недочетовъ, министерство находитъ цѣлесообразнымъ въ текущемъ году, въ видѣ исключенія изъ общихъ правилъ, разрѣшить педагогическимъ совѣтамъ нынѣ же пересмотрѣть вопросъ какъ о возможности допущенія къ осеннимъ переэкзаменовкамъ учениковъ выпускныхъ классовъ, такъ и о допущеніи осенью къ экзаменамъ въ промежуточныхъ классахъ учениковъ, имѣющихъ болѣе трехъ неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, съ тѣмъ, чтобы эта льгота была предоставлена тѣмъ изъ нихъ, которые педагогическими совѣтами будутъ признаны заслуживающими оной.

При этомъ министерство считаетъ необходимымъ напомнить § 74 „Правилъ объ испытаніяхъ", предоставляющій педагогическимъ совѣтамъ право при постановкѣ окончательной отмѣтки руководиться не только оцѣнкой экзаменнаго отвѣта, но и общимъ впечатлѣніемъ о достаточной зрѣлости ученика, оканчивающаго курсъ учебнаго заведенія.

Настоящія указанія касаются какъ мужскихъ, такъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

8. (18-го мая 1915 года, № 22365). *О порядкѣ допущенія учебныхъ руководствъ и пособій въ среднія учебныя заведенія.*

Въ дополненіе къ циркулярному распоряженію отъ 16-го марта сего года за № 13037, увѣдомляю ваше превосходительство для зависящихъ распоряженій, что министерство народнаго просвѣщенія признало цѣлесообразнымъ распространить дѣйствіе означеннаго циркуляра и на среднія учебныя заведенія, съ тѣмъ лишь, чтобы учебныя руководства и пособія, одобренныя ученымъ комитетомъ въ предыдущихъ изданіяхъ, допускались къ классному употребленію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ изданіяхъ, не бывшихъ на разсмотрѣніи ученаго комитета, съ разрѣшенія попечительскихъ совѣтовъ.

9. (20-го мая 1915 года, № 22517). *О порядкѣ замѣщенія преподавательскихъ должностей окончившими высшіе женскіе курсы.*

Попечитель одного изъ учебныхъ округовъ возбудилъ предъ ми-

нистерствомъ народнаго просвѣщенія вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли при замѣщеніи, согласно Высочайше утвержденному 29-го сентября 1901 г. всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, преподавательскихъ должностей въ старшихъ классахъ женскихъ гимназій и прогимназій лицами, окончившими высшіе женскіе курсы, сообразоваться съ тою спеціальностью, которую они пріобрѣли на курсахъ, или же съ тѣмъ свидѣтельствомъ на учительское званіе, которое они получили изъ средняго учебнаго заведенія.

Вслѣдствіе сего и въ дополненіе къ циркулярному предложенію отъ 12-го ноября 1906 г. за № 23581, увѣдомляю ваше превосходительство для надлежащаго руководства и исполненія, что такъ какъ, съ одной стороны, въ вышеуказанномъ всеподданнѣйшемъ докладѣ не имѣется никакой оговорки относительно возможности допущенія лицъ, окончившихъ высшіе женскіе курсы, къ преподаванію въ старшихъ классахъ женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній тѣхъ именно предметовъ, по коимъ они пріобрѣли учительское званіе окончаніемъ курса гимназіи, а съ другой—научная педагогическая подготовка на курсахъ вообще значительно выше, чѣмъ въ педагогическомъ восьмомъ классѣ гимназіи, и поэтому установленіе какихъ либо ограниченій къ примѣненію на практикѣ высшаго образованія представляется нежелательнымъ и несправедливымъ, то министерство полагаетъ, что указанныя лица женскаго пола съ высшимъ образованіемъ могутъ быть допускаемы къ преподаванію въ старшихъ классахъ женскихъ гимназій и прогимназій всѣхъ предметовъ, какіе ими изучались на курсахъ, независимо отъ того, имѣютъ ли или не имѣютъ они по данному предмету званіе домашней наставницы или учительницы. Равнымъ образомъ эти лица могутъ быть утверждаемы на общемъ основаніи въ соотвѣтствующихъ учительскихъ должностяхъ съ правами государственной службы, тѣмъ болѣе, что пенсіонныя права ихъ, хотя бы они и преподавали не тѣ предметы, которые изучались въ качествѣ спеціальныхъ въ 8 педагогическомъ классѣ гимназіи, обезпечиваются наличіемъ у нихъ требуемаго закономъ о пенсіяхъ свидѣтельства на званіе домашней наставницы или учительницы.

10. (21-го мая 1915 года, № 23202). *О воспитанникахъ учительскихъ семинарій, которые призваны на военную службу.*

Въ дополненіе къ циркулярному предложенію министерства отъ 4-го октября минувшаго года за № 46745, увѣдомляю ваше превосходительство, для зависящихъ распоряженій, что воспитанники учи-

тельскихъ семинарій и школъ, какъ призванные на дѣйствительную военную службу, такъ и поступившіе въ войска добровольцами, въ случаѣ поступленія въ школы прапорщиковъ или иныя спеціальныя для подготовки офицеровъ училища, должны пользоваться стипендіями впредь до производства ихъ въ офицеры, и лишь съ этого момента имъ должна быть прекращена дальнѣйшая выдача стипендій.

11. (26-го мая 1915 года, № 23578). *О разъясненіяхъ, касающихся порядка пользованія льготами при отбываніи воинской повинности.*

Каждый новобранецъ, имѣющій право на льготу по образованію, долженъ, при пріемѣ его на военную службу, предъявить свидѣтельство о полученномъ имъ образованіи или же, за отсутствіемъ надлежащаго документа, заявить о своихъ правахъ, при чемъ въ этомъ случаѣ дѣлается на пріемно-формулярномъ спискѣ особая помѣтка, дающая возможность военному или морскому министрамъ, по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, возстановить право на соотвѣтствующую льготу (прим. 2 къ ст. 148 уст. воин. пов., по прод. 1912 г.).

Между тѣмъ значительное число новобранцевъ, не зная объ этомъ обстоятельствѣ, не заявляютъ, при отсутствіи у нихъ документа объ образованіи, о своихъ правахъ и такимъ образомъ теряютъ право на льготу, а впослѣдствіи выражаютъ претензіи, ссылаясь на свое незнаніе.

Во избѣжаніе сего министерство народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министерствами военнымъ, морскимъ и внутреннихъ дѣлъ, признало необходимымъ, чтобы на оборотной сторонѣ всѣхъ свидѣтельствъ, выдаваемыхъ средними и низшими учебными заведеніями, а также учебно-окружными управленіями и предоставляющихъ тѣ или другія права по воинской повинности, помѣщались, независимо отъ выдержекъ изъ устава о воинской повинности о правахъ на льготы по образованію, также и разъясненія о томъ, какой порядокъ надлежитъ соблюдать, чтобы воспользоваться этими правами, по нижеслѣдующей формѣ:

„Лица, имѣющія на основаніи этого свидѣтельства (аттестата) право на сокращенный срокъ дѣйствительной службы, должны для полученія сего права предъявить это свидѣтельство:

а) обязанные припискою къ призывному участку (ст. 113 и 114 уст. воин. пов.), — при заявленіи о таковой припискѣ;

б) необязанные припиской къ призывному участку (ст. 112 уст. воин. пов.),—учрежденіямъ, составляющимъ частные призывные списки, не позднѣе 1-го марта года призыва, для внесенія отмѣтки о семъ въ подлежащую графу призывного списка, и

в) при явкѣ къ призыву — присутствію по воинской повинности *не позднѣе начала жеребьеметанія*, послѣ чего представленіе доказательствъ на льготы по отбыванію воинской повинности закономъ вообще не допускается (ст. 162[1] уст. воин. пов. по прод. 1912 г.).

Въ случаѣ неимѣнія при себѣ сего свидѣтельства (аттестата) во время явки къ призыву, слѣдуетъ тѣмъ не менѣе до начала жеребьеметанія *заявить воинскому присутствію о полученномъ образованіи*, для отмѣтки сего заявленія въ пріемной росписи.

Не сдѣлавшіе этого заявленія не могутъ разсчитывать на удовлетвореніе возбужденнаго ими впослѣдствіи ходатайства о возстановленіи права на сокращенный срокъ службы по образованію".

Кромѣ того, въ самой выпискѣ изъ статей устава воинской повинности обязательно долженъ быть помѣщенъ цѣликомъ также и текстъ примѣчанія 2 къ ст. 148 уст. воин. пов., по прод. 1912 г., коимъ министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено, по соглашенію съ военнымъ или морскимъ министрами, по принадлежности, возстановлять утраченное, по случаю несвоевременнаго представленія надлежащихъ документовъ, право на сокращеніе, по полученному образованію, сроковъ дѣйствительной службы.

Объ изложенномъ увѣдомляю ваше превосходительство, для зависящихъ съ вашей стороны распоряженій.

12. (27-го мая 1915 года, № 24004). *О книгѣ А. А. Ильменскаго.*

А. А. Ильменскимъ издана книга, подъ заглавіемъ: „Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Алексѣй Николаевичъ. 1904 — 1914".

Въ ясномъ живомъ изложеніи, проникнутомъ глубокимъ патріотическимъ духомъ, авторъ знакомитъ съ личностью Государя Наслѣдника, Его занятіями и развлеченіями, заботами Августѣйшихъ Его Родителей о воспитаніи и образованіи Царственнаго Отрока.

Ученымъ комитетомъ означенная книга допущена въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній и признана заслуживающей вниманія при пополненіи какъ ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ и безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

Въ виду изложеннаго, находя желательнымъ ознакомленіе учащихся съ этой книгой, прошу ваше превосходительство обратить на нее вниманіе, въ видахъ пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки учебныхъ заведеній, а равно въ безплатныя народныя библіотеки и читальни, присовокупляя, что съ требованіями о высылкѣ надлежитъ обращаться въ складъ изданія: Петроградъ, Гороховая 18 и что цѣна книги 1 руб. и — на худшей бумагѣ — 40 коп.

13. (30-го мая 1915 года, № 24463). *О допущеніи окончившихъ курсъ коммерческихъ училищъ въ зубоврачебныя школы.*

По новомъ разсмотрѣніи вопроса о допущеніи окончившихъ курсъ коммерческихъ училищъ въ зубоврачебныя школы, министерство народнаго просвѣщенія, принявъ во вниманіе, что окончившія полный курсъ означенныхъ учебныхъ заведеній лица мужского пола пользуются правомъ на поступленіе въ высшія спеціальныя учебныя заведенія наравнѣ съ абитуріентами реальныхъ училищъ, лица же женскаго пола сравнены въ правахъ съ окончившими курсъ въ женскихъ гимназіяхъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи относительно поступленія въ высшія учебныя заведенія (ст. 1124 уст. учен. учрежд. и учебн. завед., т. XI, ч. I, кн. 2, изд. 1911 г.), признало, что лица мужского и женскаго пола, имѣющія аттестаты объ окончаніи 7-ми классовъ коммерческихъ училищъ, удовлетворяютъ условіямъ, установленнымъ въ ст. 625 уст. врач. для поступленія въ зубоврачебныя школы.

Объ изложенномъ увѣдомляю ваше превосходительство для надлежащаго руководства.

14. (30-го мая 1915 года, № 24425). *О переэкзаменовкахъ абитуріентовъ.*

По причинамъ, приведеннымъ въ распоряженіи отъ 15-го мая текущаго года за № 21886, министерство находитъ справедливымъ распространить мѣропріятія, указанныя въ отношеніи учащихся полноправныхъ учебныхъ заведеній, и на абитуріентовъ и учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ правами для учащихся, а именно:

Абитуріентамъ, не выдержавшимъ нѣкоторыхъ выпускныхъ испытаній, а также ученикамъ промежуточныхъ классовъ, получившимъ болѣе трехъ неудовлетворительныхъ годовыхъ отмѣтокъ, предоставить возможность подвергнуться осенью переэкзаменовкамъ по этимъ предметамъ.

Рѣшеніе вопроса о допущеніи къ указаннымъ испытаніямъ тѣхъ или иныхъ изъ учениковъ предоставить педагогическимъ совѣщаніямъ учебныхъ заведеній, во главѣ съ предсѣдателемъ, бывшимъ представителемъ отъ округа. Если въ силу мѣстныхъ условій представится совершенно невозможнымъ командированіе бывшаго предсѣдателемъ той или иной экзаменаціонной комиссіи представителя отъ округа для совмѣстнаго обсужденія съ педагогическимъ совѣщаніемъ вопроса о допущеніи тѣхъ или иныхъ учениковъ къ переэкзаменовкамъ, то окончательное рѣшеніе этого вопроса предоставляется вашему превосходительству на основаніи постановленій педагогическихъ совѣщаній и заключеній на эти постановленія предсѣдательствовавшихъ въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ представителей отъ округа.

Прошу ваше превосходительство въ возможно скоромъ времени освѣдомить о настоящемъ распоряженіи мужскія и женскія учебныя заведенія съ правами для учащихся ввѣреннаго вамъ округа.

VII. ОТЪ УПРАВЛЕНІЯ ПЕНСІОННОЙ КАССЫ НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЬНИЦЪ.

На 1-ое мая 1915 года по § 13 ст. I спеціальныхъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія (капиталъ пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ) состояло на лицо суммъ, поступившихъ по квитанціямъ главнаго казначейства:

Наличными деньгами	108.627 р.	31 к.
Процентными бумагами	53.497.743 „	50 „
Итого	53.606.370 р.	81 к.
Обмѣнъ	137.900 „	— „

Опись процентныхъ бумагъ:

$3^1/_2$% зак. лист. Дворянскаго земельн. банка . .	58.100 р.	— к.
3, 8% конверсіонныхъ облигацій	127.800 „	— „
4% свидѣт. государственной ренты.	438.700 „	— „
„ конс. облиг. Россійскихъ жел. дор.	49.875 „	— „
„ непрерывно-доходные билеты.	106.854 „	— „
$4^1/_2$% облиг. Московск. гор. кред. общ. обм. 5.000	176.300 „	— „
„ „ Петроград. гор. кред. общ. обм. 7.500	4.524.400 „	— „
„ „ Займа гор. Москвы	206.800 „	— „
„ „ Займа гор. Москвы вып. 1910 г. . . .	9.183.000 „	— „

„	„	Займа гор. Петрограда	47.500	р.	— к.
„	„	Кассы гор. и зем. мелк. кред.	545.000	„	— „
„	„	Общ. Юго-Вост. ж. д. вып. 1912 г. . .	1.650.000	„	— „
„	„	Троицкой ж. д. вып. 1910 г.	131.922	„	— „
„	„	1-го общ. подъѣздн. пут. въ Россіи . .	300.000	„	— „
„	„	Займа гор. Петрограда 1913 г.	2.999.997	„	— „
„	„	Черноморско-Куб. ж. д. вып. 1911 г. .	264.033	„	— „
„	закл. лист.	Бессар.-Таврическаго зем. банка .	1.063.700	„	— „
„	„ „	Яросл.-Костромского зем. „ . .	1.511.200	„	— „
„	„ „	Полтавскаго земельнаго банка . .	2.539.400	„	— „
„	„ „	Нижег.-Самарск. зем. б. обм. 89.000	1.904.000	„	— „
„	„ „	Московскаго зем. бан. обм. 3.000	641.000	„	— „
„	„ „	Петроградо-Тульск. зем. банка .	702.000	„	— „
„	„ „	Кіевскаго зем. банка обм. 2.000	973.300	„	— „
„	„ „	Донского земел. „ обм. 6.000	2.245.400	„	— „
„	„ „	Виленскаго зем. „ обм. 9.100	1.425.400	„	— „
„	„ „	Харьковскаго земельнаго банка .	3.312.600	„	— „
„	„ „	Зем. б. Херсонской губ. обм. 16.300	1.477.300	„	— „
„	„ „	государ. двор. зем. банка	2.552.900	„	— „
„	свидѣт.	крест. поземел. банка	2.644.550	„	— „
5%	„	крест. поземел. банка	687.900	„	— „
„	облиг.	госуд. займа 1905 года I выпуска . .	211.900	„	— „
„	„ „	„ „ II „ . .	230.200	„	— „
„	„ „	„ 1908 года III „ . .	150.000	„	— „
„	„	Россійск. государств. займа 1906 г. . .	98.062	„	50 „
„	закл. лист.	Тифлисскаго двор. зем. банка. . .	127.600	„	— „
„	„ „	госуд. двор. зем. банка.	1.181.400	„	— „
„	облигаціи	внутренняго займа 1914 г.	6.324.100	„	— „
„	„ „	„ 1915 г.	643.550	„	— „
6%	бил.	государ. ком. погаш. долговъ	40.000	„	— „
		Итого . . .	53.497.743	руб.	50 к.
		Еще не полученный обмѣнъ	137.900	руб.	— к.
		Всего на 1-ое мая 1915 г. % б. пост. по квит. гл. каз-ва .	53.635.643	руб.	50 к.

VIII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСНОВНОГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями основного отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Арбатскій, Е. М.* Элементарный учебникъ латинскаго синтаксиса. Книгоиздательское т-во «Просвѣщеніе». П. 1915. Стр. VII+168. Цѣна 90 коп.“ (для мужскихъ гимназій).

— „*Барановъ, А.*, и *Н. Горѣловъ.* Географія Россійской имперіи. 31-е изданіе, вновь пересмотрѣнное и исправленное, наслѣдниковъ А. Баранова. М. 1914. Стр. 174. Цѣна 70 коп.“

— „*Іоновъ, В.* Курсъ географіи. Внѣевропейскія страны. (Азія, Африка, Америка, Австралія). Изданіе т-ва «В. В. Думновъ — насл. бр. Салаевыхъ». М. 1914. Стр. 205+2+5 картъ. Цѣна 1 р.“

— „*Іоновъ, В.* Курсъ географіи. Предварительныя свѣдѣнія. Изданіе т-ва «В. В. Думновъ — насл. бр. Салаевыхъ. М. 1915. Стр. 148+3 карты. Цѣна 90 коп.“

— „*Малининъ, А.* Курсъ физики для женскихъ учебныхъ заведеній. Изданіе 21-е, пересмотрѣнное *О. Д. Хвольсономъ*, т-ва И. Д. Сытина. М. 1915. Стр. 4+359. Цѣна 1 р. 35 коп.“ (для женскихъ гимназій).

— „*Оголѣвецъ, Владимиръ.* Грамматика русскаго языка. Книгоиздательство «Сотрудникъ». Петроградъ—Кіевъ. 1915. Ч. 1-я—Этимологія. 2-е исправленное изданіе. Стр. IV+132. Цѣна 40 коп.— Ч. II-я. Синтаксисъ. Стр. 118. Цѣна 40 коп.“

— „*Реверсовъ, И.* Учебникъ новой исторіи. 3-е изданіе, исправленное, т-ва И. Д. Сытина. М. 1915. Стр. 291. Цѣна 90 коп., въ папкѣ 1 р.“

— „*Санчурскій, Н. В.* Краткая грамматика латинскаго языка. Ч. I: 1. Этимологія. 2. Начальныя правила синтаксиса. Изданіе 17-е. П. 1915. Стр. X+96. Цѣна 75 коп.“

— „*Северухина, Е.* Элементарная русская грамматика. Часть II. Синтаксисъ. Изданіе 5-е. Казань 1912. Стр. 78+II. Цѣна 30 коп.“

— „*Смирновъ, Петръ.* Исторія христіанской православной церкви. Изданіе 29-е. С.-Пб. 1914. Стр. 295. Цѣна 1 р.“

— „*Смирновъ, Петръ.* Священная исторія ветхаго завѣта. Изданіе 24-е. С.-Пб. 1914. Стр. 208. Цѣна 60 коп.“

— „*Смирновъ, Петръ.* Священная исторія новаго завѣта. Изданіе 24-е. С.-Пб. 1914. Стр. 167+IV. Цѣна 40 коп.“

— „*Смирновъ, Петръ.* Существенныя черты христіанскаго право-

ученія. Дополнительные къ катехизису уроки. Изданіе 15-е. С.-Пб. 1914. Стр. 62+II. Цѣна 30 коп.“

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Ардашевъ, П. Н.* Хрестоматія по всеобщей исторіи. Новая исторія въ отрывкахъ изъ источниковъ. Часть II. Эпоха абсолютизма и революціи. Въ сотрудничествѣ съ *Н. И. Никифоровымъ, В. Н. Евстафьевымъ, Б. А. Зарудскимъ* и *Н. П. Руткевичемъ.* Кіевъ. 1915. Стр. VIII+255. Цѣна 1 р. 25 коп.“

— „*Березинъ, Н.* Задачи и работы по географіи. Азія, Африка, Америка, Австралія. Изданіе Я. Башмакова и К°. П. 1915. Стр. 47. Цѣна 30 коп.“ (въ качествѣ необязательнаго пособія).

— „*Гольце, Е.* Сборникъ легкихъ нѣмецкихъ разсказовъ съ переводомъ нѣкоторыхъ словъ и выраженій. Изданіе «Сотрудникъ школъ». II серія, № 1. М. 1914. Стр. IV+42. Цѣна 15 коп.“

— „*Игнатьевъ, Б.* и *С. Соколовъ.* «Наблюдай природу». Тетрадь для лѣтнихъ самостоятельныхъ работъ и наблюденій. Выпускъ I. Неживая природа и начальная географія. М. 1915. Стр. 44. Цѣна 30 коп.“ (для младшихъ классовъ, въ качествѣ необязательнаго пособія).

— „*Конофъ, Е.* и *А. Гумбертъ.* Краткій сборникъ правилъ французской орѳографіи. 4-е изданіе. М. 1914. Стр. VII+63. Цѣна 30 коп.“

— „*Konoff, C.*, et *E. Laudenbach.* Lectures françaises à l'usage des écoles russes. Cours moyen. 2-e et 3-e années. 2-e edition revue et corrigée. Изданіе маг. «Сотрудникъ школъ». М. 1913. Стр. IV+268. Цѣна 90 коп.“

— „*Conradi, Paul.* Lesebuch für den deutschen Unterricht. Vorstufe. Septima. 2-te Auflage. Verlag von E. Bruhns. Riga. 1913. Стр. 276. Цѣна 1 р. 10 коп.“ (для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ коихъ нѣмецкій языкъ преподается на нѣмецкомъ же языкѣ).

— „*Левинъ, М.* Хрестоматія по естествовѣдѣнію. Одесса. 1915. Стр. 4+444. Цѣна 1 р. 75 коп. (въ переплетѣ).“ (для младшихъ классовъ, а также для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Ляминъ, А. А.*, и *Т. Ѳ. Сваричовскій.* Методическій сборникъ геометрическихъ задачъ на вычисленіе. Изданіе 2-е, А. С. Панафидиной. М. 1915. Планиметрія. Стр. 176. Цѣна 70 коп.—Стереометрія. Стр. 188. Цѣна 70 коп.“

— „*Mey, Ferdinand.* Deutsche Schülerbibliothek für die russische Jugend. Verlag der Buchhandlung «Sotrudnik schkol». 4-te Serie. № 4. Lohengrin. 2-te Auflage. M. 1912. 37 S. Preis 25 Kop.—№ 5. Der Freischütz. 2-te Auflage. M. 1913. 36 S. Preis 20 Kop.“ (въ качествѣ необязательныхъ пособій).

— „*Мининъ, В. П.* Сборникъ тригонометрическихъ задачъ. Изданіе 10-е, т-ва «В. В. Думновъ, наслѣдники бр. Салаевыхъ“. М. и П. 1915. Стр. IV+180. Цѣна 85 коп.“

— „*Нечаевъ, А. П.* Первыя работы по географіи Россіи. (20 задачъ по начальному курсу Россіи). П. 1915. Стр. 16. Цѣна 10 коп.“ (для младшихъ классовъ, а также для высшихъ начальныхъ училищъ, въ качествѣ необязательнаго пособія).

— „*Радонежскій, А.* Родина. Сборникъ для класснаго чтенія. Изданіе 21-е. П. 1915. Стр. XIII+351. Цѣна 75 коп.“ (для младшихъ классовъ).

— „*Санчурскій, Н. В.* Латинская хрестоматія. Часть I. Курсъ 3-го класса. Изданіе 4-е, пересмотрѣнное. П. 1915. Стр. XVI+73+30+68. Цѣна 1 р.“

— „*Соловьевъ, К. К.* Тетрадь № 1 для записи результатовъ практическихъ работъ по физикѣ. Петроградъ. Стр. 32. Цѣна 25 коп.“ (въ качествѣ необязательнаго пособія для тѣхъ заведеній, въ коихъ введены практическія занятія учащихся по физикѣ).

2. Признать заслуживающими вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній слѣдующія книги:

— „*Бернеттъ, Ф. Г.* Маленькій лордъ Фаунтлерой. (Little lord Fauntleroy). Разсказъ для дѣтей. Переводъ съ англійскаго. Подъ ред. и съ предисловіемъ *М. Никольскаго.* Изданіе 3-е, т-ва М. О. Вольфъ. (Золотая библіотека). С.-Пб. и М. 1912. Стр. VII+219+1. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (для младшаго возраста).

— „*Волковъ, И. М.* Арамейскіе документы іудейской колоніи на Элефантинѣ V вѣка до Р. Х. (Культурно-историческіе памятники древняго Востока. Подъ общей редакціей *Б. А. Тураева.* Выпускъ 2). М. 1915. Стр. 87. Цѣна 70 коп.“ (для старшихъ классовъ).

— „*Вондракъ, В.* Древнецерковнославянскій синтаксисъ. Переводъ *Н. Петровскаго.* Изданіе кн. маг. Маркелова и Шаронова. Казань. 1915. Стр. 2+64. Цѣна 55 коп.“ (для учительскихъ институтовъ).

— „*Генеропитомцева, Е. А.* «Жизненный» методъ преподаванія языковъ и его значеніе. Часть 1-я. П. 1915. Стр. 253. Цѣна не обозначена". (для 8-хъ [педагогическихъ] классовъ женскихъ гимназій).

— „*Золотницкій, Н. Ѳ.* Живая природа въ школѣ. Пособіе къ производству наблюденій надъ живой природой въ школѣ и дома. Изданіе А. А. Карцева. М. 1915. Стр. 3+304. Цѣна 1 р. 25 коп."

— „*Кацъ, Р.* Объ утомленіи глаза. 4-е изданіе, вновь переработанное и значительно дополненное, Н. Я. Оглобина. С.-Пб. 1912. Стр. 108. Цѣна 70 коп."

— „*Кацъ, Р.* Очки, ихъ польза и вредъ. 2-е изданіе, значительно дополненное, Н. Я. Оглобина. С.-Пб. 1912. Стр. 95. Цѣна 50 коп."

— „*Красковскій, Александръ.* Борьба противъ уніи въ западной Россіи и единство русскаго народа въ 1648—1668 гг. Историческое изслѣдованіе. Витебскъ. 1914. Стр. 247. Цѣна 1 р."

— „*Лескинъ, А.* Грамматика древнеболгарскаго (древнецерковнославянскаго) языка. Переводъ *Н. Петровскаго.* Изданіе кн. маг. Маркелова и Шаронова. Казань. 1915. Стр. IX+318+II. Цѣна 2 р." (также для учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „*Махаевъ, С. К.* Подвижницы милосердія. Русскія сестры милосердія. (Краткіе біографическіе очерки). М. 1914. Стр. 144. Цѣна 1 руб. съ пересылкой." (для старшихъ классовъ).

— „*Мюллеръ, Евгеній.* Юность знаменитыхъ людей. Переводъ съ французскаго съ дополненіями для русскаго юношества *Н. С. Кутейникова.* Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. (Наша историческая библіотека). С.-Пб. и М. 1912. Стр. II+X+223+III. Цѣна 1 р. 75 коп."

— „*Мятлева, Т. П.* Просвѣтительныя чтенія по исторіи Русской страны. Часть III. Владиміро-Суздальскій край и начало Московской Руси. П. 1915. Выпускъ II. Отъ нашествія на Русь Батыя въ 1237 г. и до вокняженія въ Москвѣ Великаго князя Дмитрія Іоанновича Донскаго въ 1360 г. Стр. 224+VIII. Цѣна 80 коп.—Выпускъ III. Отъ вокняженія Дмитрія Іоанновича Донскаго до Іоанна Грознаго. Стр. 488+XXXVI. Цѣна 1 р. 20 коп."

— „*Никольскій, А. М.* Забота о потомствѣ въ царствѣ животныхъ. Очеркъ. (Знаніе для всѣхъ. Общедоступный журналъ для самообразованія. Редакторъ-издатель *П. П. Сойкинъ.* № 12). П. 1914. Стр. 36. Цѣна 50 коп."

— „Педагогическій сборникъ для учащихъ, дѣятелей по народному образованію и родителей. Изданіе Петроградскаго общества грамотности. Выпускъ I. II. 1915. Стр. 132. Цѣна 50 коп.“ (для учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „*Сатунинъ, К. А.* Conspectus mammalium imperii Rossici. Опредѣлитель млекопитающихъ Россійской имперіи. Выпускъ 1-й. (Рукокрылыя, насѣкомоядныя и хищныя). Тифлисъ. 1914. Стр. V+184. Цѣна 2 р. 50 коп.“ (также для учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „*Силантьевъ, А. А.* Опредѣлитель европейскихъ птицъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное, А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1914. Стр. VIII+159. Цѣна 1 р. 75 коп.“ (также для учительскихъ институтовъ и семинарій).

— „*Соловьева, П.* (*Allegro*). Чудесное кольцо. Народныя сказки. (Библіотека «Тропинки» подъ ред. *П. Соловьевой* и *Н. Манасеиной*). Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1915. Стр. 118. Цѣна 75 коп., въ папкѣ 90 коп.“ (для младшаго возраста).

— „*Сеневицкій, И. И.* Холмщина. Очерки прошлаго. С.-Пб. 1912. Стр. 53. Цѣна 50 коп.“

— „*Тихомировъ, Д. И.* Азбука правописанія. Сборникъ примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія буквъ, съ приложеніемъ краткаго орѳографическаго указателя. Часть 1-я. 26-е изданіе. М. 1914. Стр. XXXI+117+2. Цѣна 30 коп.“ (для VIII класса женскихъ гимназій, а также для учительскихъ семинарій).

— „*Циммеръ, К.* Наставленіе къ наблюденію міра пернатыхъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. *В. В. Добровлянскаго.* Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1914. Стр. VII+150. Цѣна 1 р. 20 коп.“

— „*Чарская, Л. А.* Газаватъ. Тридцать лѣтъ борьбы горцевъ за свободу. Историческая повѣсть. Изданіе 3-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1911. Стр. II+310+II. Цѣна 3 р. 50 коп.“

IX. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО НАЧАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Опредѣленіями отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по начальному образованію, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Алмазовъ, Н.* Высшая начальная школа. Книга для чтенія. Часть 1-я. С.-Пб. 1914. Стр. 208. Цѣна 60 коп.—Часть 2-я. С.-Пб. 1914. Стр. 268. Цѣна 80 коп.—Часть 3-я. П. 1915. Стр. 291. Цѣна 90 коп.—Часть 4-я. П. 1915. Стр. 288. Цѣна 1 р.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Барановъ, А.* Географія Россійской имперіи. 34-е изданіе, вновь пересмотрѣнное и исправленное. М. 1914. Стр. 128. Цѣна 40 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „Букварь Живое слово. Составленъ учителями Московскихъ городскихъ школъ подъ ред. *А. А. Сольдина.* Изданіе 2-е, т-ва «В. В. Думновъ, наслѣдн. бр. Салаевыхъ». М. и П. 1915. Стр. 72. Цѣна 15 коп.“

— „*Дависъ, И.* Родной міръ. Книга для обученія русскому языку. Часть 1-я. Азбука и первая послѣ азбуки книга для чтенія. 16-ое исправленное изданіе, К. Г. Зихмана. Рига. 1915. Стр. 102 + 1. Цѣна 20 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ, въ коихъ обучаются дѣти инородцевъ).

— „*Киселевъ, А.* Краткая ариѳметика для городскихъ училищъ. Изданіе 19-е, т-ва «В. В. Думновъ, наслѣдн. бр. Салаевыхъ». М. 1915. Стр. 155. Цѣна 35 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ и для низшихъ женскихъ учебныхъ заведеній).

— „*Михеевъ, И. С.* Первая книга для обученія русскому языку въ инородческихъ школахъ. 10-е изданіе. Казань. 1914. Стр. 96. Цѣна 20 коп.—Вторая книга. 10-е изданіе. Стр. 120. Цѣна 30 коп.—Третья книга. 8-е изданіе. Стр. 208+III. Цѣна 50 коп.“ (для инородческихъ начальныхъ училищъ).

— „*Островская, М. П.* Книга для списыванія. Наглядное изученіе русскаго правописанія. Выпускъ I. 4-е изд., вновь исправленное и переработанное, Н. П. Карбасникова. П. 1915. Стр. 90. Цѣна 20 коп.“.

— „*Радонежскій, А.* Родина. Сборникъ для класснаго чтенія. Изданіе 21-е. П. 1915. Стр. XIII+351. Цѣна 75 коп.“

— *Ступель, А.*, и *Е. Гловъ.* Краткій курсъ географіи Россіи со свѣдѣніями изъ математической, физической и всеобщей географіи. 19-е исправл. изданіе, К. Г. Зихмана. Рига. 1915. Стр 142. Цѣна

40 коп.“ (для учебныхъ заведеній съ инородческимъ составомъ учащихся).

— „*Фридманъ, М.* «Іегудія». Новый методъ обученію (sic!) чтенію и письму на разговорно-еврейскомъ языкѣ (жаргонъ). I-ая часть. Букварь и хрестоматія. Изданіе бр. Блетницкихъ. Одесса. 1912. Стр. 80. Цѣна 35 коп.“ (для частныхъ еврейскихъ учебныхъ заведеній, въ коихъ изученіе природнаго языка учащихся ведется на разговорно-еврейскомъ языкѣ [жаргонѣ]).

— „*Шахрай, Л. М.* Исторія Израиля для еврейскаго юношества. Изданіе бр. Блетницкихъ. Часть I. Отъ сотворенія міра до періода судей. Изданіе 10-е, исправленное. Одесса. 1913. Стр. 94. Цѣна 30 коп.—Часть II. Отъ періода судей до раздѣленія царства. Изданіе 6-е, исправленное и значительно дополненное. Одесса. 1912. Стр. 84. Цѣна 30 коп.—Часть III. Отъ раздѣленія царства до разрушенія второго храма. Изданіе 5-е, исправленное и значительно дополненное. Одесса. 1915. Стр. 116. Цѣна 40 коп.“ (для тѣхъ учебныхъ заведеній, въ коихъ еврейскимъ дѣтямъ преподается библейская исторія).

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Горбовъ, Н.* О внѣшнихъ пріемахъ воспитанія въ народной школѣ. Изданіе 2-е. М. 1915. Стр. 53. Цѣна 30 коп.“

— „*Зелинскій, В.* Методическая хрестоматія для обученія русскому языку. I. Обученіе грамотѣ по звуковому способу. Изданіе 7-е. М. 1915. Стр. VIII+261. Цѣна 1 р.—II. Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. Изданіе 8-е. М. 1913. Стр. VIII+248. Цѣна 1 р.—III. Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. Изданіе 7-е. М. 1915. Стр. VIII+260. Цѣна 1 р.“

— „*Зененко, В.* Какъ человѣческое тѣло приспособлено для движенія. Изданіе М. Н. Слѣпцовой. (Книжка за книжкой, кн. 97-я). 1912. Стр. 72. Цѣна 25 коп.“

— „*Катрановъ, В. С.* Нѣсколько словъ о внѣклассномъ чтеніи учащихся. Одесса. 1914. Стр. 15. Цѣна 20 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Кацъ, Р.* О близорукости и исправленіи ея. Изданіе Н. Я. Оглоблина. С.-Пб. 1913. Стр. 16. Цѣна 20 коп.“.

— „*Кацъ, Р.* Объ утомленіи глаза. 4-е изданіе, вновь перерабо-

танное и значительно дополненное, Н. Я. Оглоблина. С.-Пб. 1915. Стр. IV+108. Цѣна 70 коп.“

— „*Кацъ, Р.* Очки, ихъ польза и вредъ. 2-е изданіе, значительно дополненное, Н. Я. Оглоблина. С.-Пб. 1912. Стр. 95. Цѣна 50 коп.“

— „*Кацъ, Р.* Уходъ въ школѣ за глазами учащихся. Изданіе Н. Я. Оглоблина. С.-Пб. 1914. Стр. 24. Цѣна 30 коп.“

— „*Михеевъ, И. С.* Руководство ко второй книгѣ для чтенія и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ для инородцевъ. Изданіе 3-е, Казань. 1913. Стр. 76. Цѣна 50 коп.“ (для инородческихъ начальныхъ училищъ).

— „*Михеевъ, И. С.* Руководство къ веденію разговорныхъ уроковъ по русскому языку въ инородческихъ школахъ. 5-е изданіе. Казань. 1912. Стр. XIV+108+IV. Цѣна 50 коп.“ (для инородческихъ начальныхъ училищъ).

— „*Тихомировъ, Д. И.* Азбука правописанія. Сборникъ примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія буквъ, съ приложеніемъ краткаго орѳографическаго указателя. Часть 1-я. 26-е изданіе. М. 1914. Стр. XXXI+117+2. Цѣна 30 коп.“

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Авенаріусъ, В. П.* Исторія моисика. (Изъ дневника Любочки). 2-е изданіе, А. Д. Ступина. М. 1915. Стр. 46. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 40 коп.“

— „*Алексѣевъ, П.* Нашествіе татаръ. Святый благовѣрный Великій князь Александръ Невскій. Невская битва и Ледовое побоище. Изданіе 2-е, Н. С. Асхарханова. П. 1915. Стр. 32. Цѣна 8 коп.“

— „*Алтаевъ, А.* Божья елка. Разсказъ. Изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 31. Цѣна 10 коп.“

— „*Алтаевъ, А.* «Всякой твари воля мила». Разсказъ. Изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 15. Цѣна 5 коп.“

— „*Алтаевъ, А.* Лулу. Изъ жизни одной обезьянки. Изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Алтаевъ, А.* Маленькимъ дѣтямъ. Разсказы о животныхъ и людяхъ. 5-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 63. Цѣна 30 коп.“

— „*Алтаевъ, А.* На волю. Разсказъ. Изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Алтаевъ, А.* Цвѣточница. Разсказъ. Изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 31. Цѣна 10 коп.“

— „*Алтаевъ, А.* Янъ Гусъ изъ Гусинца. Историческая повѣсть. 4-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 140. Цѣна 40 коп.“

— „*де-Амичисъ, Эдмондо.* Отъ Апеннинъ до Андовъ. (Въ поискахъ за матерью). Разсказъ для дѣтей. Переводъ *Н. И. Перелыгина.* Изданіе 6-е М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1915. Стр. 48. Цѣна 15 коп.“

— „*Анастасіевъ, А.* Сборникъ стихотвореній для начальныхъ народныхъ училищъ и для домашняго обученія, съ приложеніемъ А) ст. «Качества хорошаго чтенія» и Б) объяснительныхъ примѣчаній къ стихотвореніямъ. 7-е изданіе, А. Д. Ступина. М. 1915. Стр. 219+III. Цѣна 50 коп.“

— „*Андерсенъ, Г.* Дорожный товарищъ. Сказка. Изданіе 2-е М. В. Клюкина. (Библіотека сказокъ). М. 1915. Стр. 32. Цѣна 8 коп.“

— „*Андерсенъ, Г.* Дѣвочка, наступившая на хлѣбъ. Сказка. Изданіе 2-е М. В. Клюкина. (Библіотека сказокъ). М. 1915. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Андерсенъ, Г.* I. Дѣвочка со спичками. II. Что старикъ ни сдѣлаетъ—все хорошо. Двѣ сказки. Изданіе 3-е М. В. Клюкина. (Библіотека сказокъ). М. 1915. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Андерсенъ, Г.* Садовникъ и его господинъ. Сказка. Переводъ *Н. И. Перелыгина.* Изданіе 3-е М. В. Клюкина. (Библіотека сказокъ № 7). М. 1915. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Андерсенъ, Г.* Соловей. Сказка. Изданіе 3-е М. В. Клюкина. М. 1915. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Андерсенъ, Г.* Три сказки. 1) На птичьемъ дворѣ. 2) Сундукъ-самолетъ. 3) Снѣжный болванъ. Переводъ *Н. Васина.* Изданіе 2-е М. В. Клюкина. (Библіотека сказокъ). М. 1915. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Архангельская, М. В.* Исторія одного пуделя. Разсказъ заимствованъ съ англійскаго. Книгоизд-во «Школа». М. 1915. Стр. 112. Цѣна 75 коп.“

— „*Баранцевичъ, К. С.* Первый заработокъ и другіе разсказы.

Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. (Наша библіотека). С.-Пб. и М. 1912. Стр. 281. Цѣна 3 р.“

— „*Березинъ, М.* Опытъ истолкованія заповѣди «Не убій» въ связи съ вопросомъ о войнѣ. [На обложкѣ: «Война. Опытъ изъясненія VI Синайской заповѣди»]. Тверь. 1914. Стр. 16. Цѣна 10 к.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Бернеттъ, Ф. Г.* Маленькій лордъ Фаунтлерой. (Little lord Fauntleroy). Разсказъ для дѣтей. Переводъ съ англійскаго. Подъ ред. и съ предисловіемъ *М. Никольскаго.* Изданіе 3-е, т-ва М. О. Вольфъ. (Золотая библіотека). С.-Пб. и М. 1912. Стр. VII+219+1. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Бичеръ-Стоу.* Хижина дяди Тома. Сочиненіе, примѣненное къ дѣтскому возрасту *М. Л. Песковскимъ.* Изданіе 5-е, т-ва М. О. Вольфъ. (Золотая библіотека). С.-Пб. и М. 1912. Стр. IV+414. Цѣна 1 р. 50 к.“

— „*Булгаковъ, П.* Вино пить—бѣдѣ быть. Разсказъ. Изданіе 2-е М. В. Клюкина. М. 1915. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Бѣлоусовъ, И. А.* Изъ пѣсенъ о трудѣ. Стихотворенія. 5-е изданіе ред. журн. „Юная Россія“. (Библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 56. Цѣна 25 коп.“

— „*Вульфсонъ, Э.* Нежданый другъ. Разсказъ для дѣтей. 2-е изданіе, А. Д. Ступина. М. 1915. Стр. 44. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 40 коп.“

— „*Гаршинъ, Всеволодъ.* Лягушка-путешественница. Сказка. Книгоизд-во «Жизнь и знаніе». (Дешевая библіотека. Книга 4-ая). П. 1915. Стр. 14. Цѣна 5 коп.“

— „Гимны разныхъ народовъ. Съ объяснительнымъ текстомъ *В. А. Смирнова.* М. 1915. Стр. 32. Цѣна 3 коп.“

— „*Денисовъ, Леонидъ.* Неизбѣжный путь жизни христіанина. Изъ твореній св. отецъ. 3-е изданіе, А. Д. Ступина. М. 1915. Стр.61+III. Цѣна 10 коп.“

— „*Диккенсъ, Чарльзъ.* Давидъ Копперфильдъ. Изданіе для юношества. 3-е изданіе, т-ва М. О. Вольфъ. (Наша библіотека). С.-Пб. и М. 1912. Стр. III+331. Цѣна 3 р.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Додэ, А.* Малютка. Исторія одного мальчика. Переводъ съ французскаго *А. Р.* подъ ред. *Н. Васина.* Изданіе 2-е М. В. Клюкина. М. 1915. Стр. 192. Цѣна 50 коп., въ папкѣ 65 коп.“

— „*Дудоровъ, П.* Въ горахъ. Очерки и разсказы. Изданіе 2-е М. В. Клюкина. М. 1915. Стр. 47. Цѣна 15 коп.“

— „*Елисѣевъ, М.* По родной землѣ. Книга для чтенія по географіи Россіи. 6-е изданіе, А. Д. Ступина. М. 1915. Стр. 480. Цѣна 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 коп., въ коленк. пер. 2 р.“

— „*Елисѣевъ, П.* Артемкинъ арапъ. Разсказъ изъ жизни на морѣ. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1915. Стр. 24. Цѣна 8 коп.“

— „*Жирковъ, Ив.* Сказки русскихъ писателей. Книжка I. Изданіе Рязанской учебной мастерской И. Ѳ. Жиркова. (Библіотека народной школы). М. 1915. Стр. 44. Цѣна 15 коп.“

— „Зимній бамбукъ. Японская легенда. Съ французскаго *М. Тиличеевой.* Книгоизд-во «Школьная библіотека». Подъ ред. *Вл. Львова.* (Разсказы и сказки). М. 1915. Стр. 24. Цѣна 10 коп.“

— „*Золотницкій, Н. Ѳ.* Живая природа въ школѣ. Пособіе къ производству наблюденій надъ живой природой въ школѣ и дома. Изданіе А. А. Карцева. М. 1915. Стр. 3+304. Цѣна 1 р. 25 коп.“ (для высшихъ начальныхъ училищъ).

— „*Инфантьевъ, П. П.* Гнѣвъ шайтана. Вогульское преданіе изъ временъ покоренія Сибири. Изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 32. Цѣна 7 коп.“

— „*Ихакъ, Ф.* Томасъ Эльва Эдиссонъ, знаменитый изобрѣтатель. Издательскій комитетъ Харьковскаго общества грамотности. № 101. Харьковъ. 1903. Стр. 79. Цѣна 5 коп.“

— „Какъ началась война. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1914. Стр. 24. Цѣна 5 коп.“

— „*Караскевичъ-Ющенко, С.* Св. Евфросинія, княжна Полоцкая. Изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 32. Цѣна 7 коп.“

— „*Караскевичъ-Ющенко, С.* Св. Янка-княжна. Родное преданіе. Изданіе ред. журн. «Юная Россія“. (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 47. Цѣна 10 коп.“

— „*Кругловъ, А. В.* Божій человѣкъ. Разсказъ. Изданіе 5-е М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1915. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Кругловъ, А. В.* Первое говѣнье. Изъ дѣтскихъ воспоминаній. Изданіе 5-е М. В. Клюкина. М. 1915. Стр. 64. Цѣна 40 коп., въ папкѣ 55 коп.“

— „*Кузовлевъ, Н.* Бабушка Мареа, или за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ. Съ приложеніемъ стиховъ и раз-

сказа для народа Господня воля. 6-е изданіе, А. Д. Ступина. М. 1915. Стр. 64. Цѣна 15 коп.“

— „*Лермонтовъ, М. Ю.* Три пальмы. М. 1915. Стр. 17. Цѣна 50 коп.“

— „*Литвиненко, П.* Голодъ. Разсказы для дѣтей. Изданіе 3-е М. В. Клюкина. М. 1915. Стр. 31. Цѣна 25 коп., въ папкѣ 40 коп.“

— „*Лукашевичъ, Клавдія.* Воришка. Разсказъ. 3-е изданіе, т. д. С. Курнинъ и К°. М. 1913. Стр. 31. Цѣна 15 коп.“

— „*Лукашевичъ, Клавдія.* Птичница Агаѳья. Разсказъ для дѣтей. 4-е изданіе, А. Д. Ступина. М. 1915. Стр. 37. Цѣна 50 коп.“

— „*Лукашевичъ, Кл.* Радуга. Сборникъ. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1915. Стр. 141. Цѣна 1 р. 25 коп.“

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* Былинки. Разсказы для маленькихъ дѣтей. 6-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 56. Цѣна 40 коп.“

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* Бѣлое золото. Повѣсть. 10-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 136. Цѣна 50 коп.“

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* Лѣсная сказка. 2-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 31. Цѣна 10 коп.“

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* На пути. Изъ жизни стараго охотника. 2-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 14. Цѣна 5 коп.“

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* Сумасшедшій звонарь. Святочный разсказъ. 2-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 15. Цѣна 5 коп.“

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* Сѣрая шейка. Разсказъ. 7-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* Упрямый козелъ. Сказка. 8-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „*Митропольскій, Ив. Ив.* Евпатій Коловратъ. Историческій разсказъ изъ эпохи XIII столѣтія. Изданіе 3-е М. В. Клюкина. (Историческая библіотека № 5). М. 1915. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— „Мужественная борьба Бельгіи съ вѣроломствомъ Германіи. М. 1915. Стр. 32. Цѣна 3 коп.“

— „*Мюллеръ, Евгеній.* Юность знаменитыхъ людей. Переводъ съ

французскаго съ дополненіями для русскаго юношества *Н. С. Кутейникова.* Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. (Наша историческая библіотека). С.-Пб. и М. 1912. Стр. II+X+223+III. Цѣна 1 р. 75 коп."

— „*Мятлева, Т. П.* Просвѣтительныя чтенія по исторіи Русской страны. Часть III. Владиміро-Суздальскій край и начало Московской Руси. П. 1915. Выпускъ II. Отъ нашествія на Русь Батыя въ 1237 г. и до вокняженія въ Москвѣ Великаго князя Дмитрія Іоанновича Донскаго въ 1360 г. Стр. 224+VIII. Цѣна 80 коп.—Выпускъ III. Отъ вокняженія Дмитрія Іоанновича Донскаго до Іоанна Грознаго. Стр. 488+XXXVI. Цѣна 1 р. 20 коп."

— „*Невзоровъ, В. Ф.* Климатъ и погода Пензенской губерніи. Пенза. 1915. Стр. IV+41+1. Цѣна 40 коп." (преимущественно для Пензенской и сосѣднихъ съ нею губерній).

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.* Воскресшая пѣсня. Очеркъ. 2-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 32. Цѣна 10 коп."

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.* Гаврюшкинъ плѣнъ. Повѣсть. 12-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 207. Цѣна 65 коп."

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.* Черный графъ. Очеркъ. 2-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 40. Цѣна 12 коп."

— „*Нольде, М. П.* Вѣдьминъ камень. Разсказъ. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1915. Стр. 45. Цѣна 15 коп."

— „*Нольде, М. П.* Семья Нечаевыхъ. Разсказъ для дѣтей. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1915. Стр. 48. Цѣна 15 коп."

— „*Опочининъ, Евг.* Зимній баринъ и другіе разсказы. 2-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 78. Цѣна 15 коп."

— „*Островская, Н.* Мальчикъ въ плѣну у азіатовъ. Разсказъ. Изданіе 3-е, «Сотрудникъ школъ». М. 1915. Стр. 78. Цѣна 25 коп."

— „*Погожева, Е.* Потерянный мальчикъ Вася. Изъ разсказовъ бабушки. 8-е изданіе А. Д. Ступина. М. 1915. Стр. 48. Цѣна 10 коп."

— „*Погожева, Е.* Сироты. Изъ разсказовъ бабушки. 5-е изданіе, А. Д. Ступина. М. 1915. Стр. 80. Цѣна 20 коп."

— „*Пушкинъ, А. С.* Капитанская дочка. Повѣсть. Изданіе ред. журн. «Юная Россія». М. 1915. Стр. 109. Цѣна 10 коп."

— „*Робертсъ, Ч.* Лѣсные воздухоплаватели. Переводъ съ англійскаго *В. Гатцука.* Изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 20. Цѣна 5 коп.“

— „Россія борется за правду! М. 1915. Стр. 32. Цѣна 3 коп.“

— „*С., А.* Русскія войска въ Венгріи. М. 1915. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Соловьева, П.* (*Allegro*). Чудесное кольцо. Народныя сказки. (Библіотека «Тропинки» подъ ред. *П. Соловьевой* и *Н. Манасеиной*). Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1914. Стр. 118. Цѣна 75 коп., въ папкѣ 90 коп.“

— „*Соловьевъ, М.* Въ сельской школѣ. Разсказъ. Изданіе 3-е М. В. Клюкина. (Добрыя души). М. 1915. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Сысоевъ, В. М.* Путешествіе. Разсказъ для дѣтей. Изданіе 2-е, М. В. Клюкина. М. 1915. Стр. 48. Цѣна 30 коп., въ папкѣ 45 коп.“

— „*Толстой, Левъ.* Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Разсказъ. Харьковское общество распространенія въ народѣ грамотности. № 114. Харьковъ. 1904. Стр. 32. Цѣна 2 коп.“

— „*Толстой, Л. Н.* Кавказскіе разсказы и др. Рубка лѣса.— Метель. Изданіе 2-е, Н. С. Аскарханова. (Мал. хрест., вып. 81). П. 1915. Стр. 64. Цѣна 10 коп.“

— „*Толстой, Л. Н.* Кавказскій плѣнникъ. Разсказъ. Изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“

— „*Толстой, Л. Н.* Много ли человѣку земли нужно? Издательскій комитетъ Харьковскаго общества грамотности. № 110. Харьковъ. 1904. Стр. 31. Цѣна 2 коп.“

— „*Толстой, Л. Н.* Хозяинъ и работникъ. Разсказъ. Издательскій комитетъ Харьковскаго общества грамотности. № 111. Харьковъ 1904. Стр. 80. Цѣна 5 коп.“

— „*Толстой, А. К., Ѳ. И. Тютчевъ* и *А. А. Фетъ.* Біографіи и избранныя стихотворенія подъ ред. *Д. И. Тихомирова.* 2-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 128. Цѣна 25 коп.“

— „*Чарская, Л. А.* Сказки голубой феи. Изданіе 3-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1912. Стр. 182+II. Цѣна 1 р. 75 коп.“

— „*Черскій, Л.* Кавказскія легенды. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1915. Стр. 32. Цѣна 25 коп., въ папкѣ 40 коп.“

— „*Шведеръ, Е.* Въ лазаретѣ. Разсказы. Изданіе ред. журн.

«Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 56. Цѣна 25 коп".

— „*Юрьева, М. Е.* Въ золотые дни дѣтства. Разсказъ для дѣтей. Изданіе 2-е, М. В. Клюкина. М. 1915. Стр. 32. Цѣна 25 коп., въ папкѣ 40 коп."

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

а) **къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:**

— „*Зачиняевъ, Александръ.* Орѳографическая пропись. Художественно-воспитательные разсказы. Выпускъ III. Изданіе 4-е, ред. журн. «Обновленіе школы». П. 1914. Стр. 192. Цѣна 40 коп." (съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующемъ изданіи были приняты во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

СПИСОКЪ КНИГЪ,

разсмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— „*Алтаевъ, А.* Янъ Гусъ изъ Гусинца. Историческая повѣсть. 4-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 140. Цѣна 40 коп."

— „Битва на рѣкѣ Нѣманѣ и разгромъ нѣмецкой арміи ген. Гинденбурга. М. 1915. Стр. 32. Цѣна 3 коп."

— „*Бичеръ-Стоу.* Хижина дяди Тома. Сочиненіе, примѣненное къ дѣтскому возрасту *М. Л. Песковскимъ.* Изданіе 5-е, т-ва М. О. Вольфъ. (Золотая библіотека). С.-Пб. и М. 1912. Стр. IV+414. Цѣна 1 р. 50 коп."

— „Бой подъ Варшавой и пораженіе главныхъ германскихъ силъ. М. 1914. Стр. 32. Цѣна 3 коп."

— „*Булгаковъ, П.* Вино пить—бѣдѣ быть. Разсказъ. Изданіе 2-е М. В. Клюкина. М. 1915. Стр. 32. Цѣна 10 коп."

— „*Бѣлоусовъ, И. А.* Изъ пѣсенъ о трудѣ. Стихотворенія. 5-е изд. ред. журн. «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 56. Цѣна 25 коп."

— „Взятіе Перемышля, сильнѣйшей въ мірѣ австрійской крѣпости. М. 1915. Стр. 32. Цѣна 3 коп."

— „Вторая Отечественная война. Книгоизд-во т-ва И. Д. Сытина. М. 1915. Стр. 72. Цѣна 15 коп.“

— „Гимны разныхъ народовъ. Съ объяснительнымъ текстомъ *В. А. Смирнова.* 1915. Стр. 32. Цѣна 3 коп.“

— „*Демковъ, М. И.* Дары юности. Разсказы. М. 1915. Стр. 244. Цѣна 1 р. 25 коп.“

— „Завоеваніе восточной Галиціи. Книгоизд-во т-ва И. Д. Сытина. М. 1914. Стр. 71. Цѣна 15 коп.“

— „*Загоскинъ, М. Н.* Юрій Милославскій или Русскіе въ 1612 году. Историческій романъ. Изданіе 5-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1910. Стр. 333+IV. Цѣна 40 коп.“

— „*Зененко, В.* Какъ человѣческое тѣло приспособлено для движенія. Изданіе М. Н. Слѣпцовой. (Книжка за книжкой, кн. 97-я). 1912. Стр. 72. Цѣна 25 коп.“

— „*Золотницкій, В. Н.* О скарлатинѣ и о томъ, какъ отъ нея уберечься. Изданіе Коммиссіи по распространенію гигіеническихъ знаній въ народѣ. № 12. М. 1911. Стр. 31. Цѣна 6 коп.“

— „*Ихакъ, Ф.* Томасъ Эльва Эдиссонъ, знаменитый изобрѣтатель. Издательскій комитетъ Харьковскаго общества грамотности. № 101. Харьковъ. 1903. Стр. 79. Цѣна 5 коп.“

— „Какъ началась война. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1914. Стр. 24. Цѣна 5 коп.“

— „*Кацъ, Р.* Объ утомленіи глаза. 4-е изданіе, вновь переработанное и значительно дополненное, Н. Я. Оглоблина. С.-Пб. 1915. Стр. IV+108. Цѣна 70 коп.“

— „*Кацъ, Р.* Очки, ихъ польза и вредъ. 2-е изданіе, значительно дополненное, Н. Я. Оглоблина. С.-Пб. 1912. Стр. 95. Цѣна 50 коп.“

— „*Кирѣевъ, П. Г.* Общедоступное руководство къ возведенію огнестойкихъ сельскихъ зданій. Ялта. 1914. Цѣна 75 коп.“

— „*Ключевскій, В.* Добрые люди древней Руси. 5-е изданіе, А. Д. Ступина. М. 1915. Стр. 30. Цѣна 30 коп.“

— „*Лажечниковъ, И. И.* Басурманъ. Романъ. Изданіе 6-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1912. Стр. 276 + 297. Цѣна 1 руб. 50 коп.“

— „*Махаевъ, С. К.* Подвижницы милосердія. Русскія сестры милосердія. (Краткіе біографическіе очерки). М. 1914. Стр. 144. Цѣна 1 р. съ перес.“

— „Мужественная борьба Бельгіи съ вѣроломствомъ Германіи. М. 1915. Стр. 32. Цѣна 3 коп.“

— „*Мюллеръ, Евгеній.* Юность знаменитыхъ людей. Переводъ съ французскаго, съ дополненіемъ для русскаго юношества *Н. С. Кутейникова.* Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. (Наша историческая библіотека). С.-Пб. и М. 1912. Стр. II + X + 223 + III. Цѣна 1 р. 75 коп.“

— „*Мятлева, Т. П.* Просвѣтительныя чтенія по исторіи Русской страны. Часть III. Владиміро-Суздальскій край и начало Московской Руси. П. 1915. Выпускъ II. Отъ нашествія на Русь Батыя въ 1237 г. и до вокняженія въ Москвѣ Великаго князя Дмитрія Іоанновича Донскаго въ 1360 г. Стр. 224 + VIII. Цѣна 80 коп. — Выпускъ III. Отъ вокняженія Дмитрія Іоанновича Донскаго до Іоанна Грознаго. Стр. 488+XXXVI. Цѣна 1 р. 20 коп.“

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.* Гаврюшкинъ плѣнъ. Повѣсть. 12-е изданіе ред. журн. «Юная Россія». (Библіотека для семьи и школы). М. 1915. Стр. 207. Цѣна 65 коп.“

— „*Никольскій, А. М.* Забота о потомствѣ въ царствѣ животныхъ. Очеркъ. Знаніе для всѣхъ. Общедоступный журналъ для самообразованія. Редакторъ-издатель *П. П. Сойкинъ.* № 12. П. 1914. Стр. 36. Цѣна 50 коп.“

— „Педагогическій сборникъ для учащихъ, дѣятелей по народному образованію и родителей. Изданіе Петроградскаго общества грамотности. Выпускъ I. П. 1915. Стр. 132. Цѣна 50 коп.“

— „*Писемскій, А. Ѳ.* и *Л. Н. Толстой.* Холстомѣръ. Ветеранъ и новобранецъ. Бородинская битва. Составилъ *Д. С. Истоминъ.* Изданіе 2-е, Н. Аскарханова. (Маленькая хрестоматія. Вып. 55-й). П. 1915. Стр. 65. Цѣна 15 коп.“

— „*Пру* и *Ж. Балле.* Слабонервныя дѣти и ихъ воспитаніе. Изданіе 2-е, т-ва М. О. Вольфъ. (Задушевное воспитаніе. Собраніе популярныхъ очерковъ, лекцій и статей по педагогическимъ вопросамъ подъ ред. *Виктора Русакова.* 31). С.-Пб. и М. 1913. Стр. 15. Цѣна 15 коп.“

— „Россія борется за правду! М. 1915. Стр. 32. Цѣна 3 коп.“

— „*С., А.* Русскія войска въ Венгріи. М. 1915. Стр. 16. Цѣна 5 коп.“

— „*Сенкевичъ, Г.* За моремъ. (За хлѣбомъ). Разсказъ. Переводъ съ польскаго *Н. Васина.* (Въ школѣ и дома. № 16). Редакція

и контора при кн. скл. М. В. Клюкина. М. 1915. Стр. 63. Цѣна 15 коп.“

— „*Сеневицкій, И. И.* Холмщина. Очерки прошлаго. С.-Пб. 1912. Стр. 53. Цѣна 50 коп.“

— „*Чарская, Л. А.* Газаватъ. Тридцать лѣтъ борьбы горцевъ за свободу. Историческая повѣсть. Изданіе 3-е, т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1911. Стр. II+310+II. Цѣна 3 р. 50 коп.“

ЗАМѢТКИ ПО ИСТОРІИ ЛЖЕДИМИТРІЯ I.

Загадочная личность, сидѣвшая въ 1605—1606 гг. на престолѣ московскихъ государей, продолжаетъ попрежнему привлекать вниманіе историковъ; за послѣднее время о. П. Пирлингъ, повидимому, снова обращается къ личности Лжедимитрія I; г. В. Собѣсскій своими изслѣдованіями показалъ, что въ польскихъ архивахъ и библіотекахъ можно и послѣ покойнаго Гиршберга найти еще немаловажныя и свѣжія указанія; но во всей обширной литературѣ, посвященной личности Лжедимитрія, характерной чертою проходитъ одна особенность: никѣмъ еще до сихъ поръ не было предпринято систематическаго обслѣдованія тѣхъ хранилищъ, гдѣ можно надѣяться найти соотвѣтствующія данныя; осмотрѣны многіе десятки архивовъ и библіотекъ; не мало оттуда извлечено, но все это сдѣлано какъ-то случайно, безъ надлежащей программы, и теперь, послѣ громаднаго количества затраченнаго труда, приходится начинать чуть ли не съ начала, потому что ни про одно такое хранилище нельзя съ увѣренностью сказать, что оно болѣе или менѣе осмотрѣно и исчерпано, что тамъ— поскольку, разумѣется, это возможно говорить о всякомъ архивѣ, въ которомъ остается хотя бы одинъ листъ не закаталогизированный и не прочитанный—уже не остается ничего подходящаго. Между тѣмъ, пока намъ неизвѣстенъ весь надлежащій матеріалъ, трудно сказать о Димитріи „послѣднее слово", хотя бы это „слово" и заключалось въ разгадкѣ даже не личности, а только той обстановки и условій, въ какихъ она дѣйствовала.

Отмѣченная выше безсистемность въ однихъ случаяхъ внесла въ литературу о Димитріи не мало лишняго, въ другихъ оставила нежелательные пробѣлы, не говоря уже о прямыхъ ошибкахъ, всегда и при всѣхъ случаяхъ возможныхъ. Указать на нѣкоторыя изъ та-

кихъ ошибокъ, исправить неправильныя толкованія, дополнить нѣкоторые пробѣлы, обратить вниманіе на нѣкоторые факты—вотъ ближайшая цѣль настоящихъ „Замѣтокъ". Послѣднія выросли изъ другой, болѣе крупной работы и сами по себѣ не представляютъ чего либо законченнаго или цѣльнаго; но при всей ихъ отрывочности, авторъ позволяетъ себѣ думать, что указать ту или иную ошибку, обратить вниманіе на ту или иную мелочь никогда не поздно и не лишне.

I.

Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 137. Москва. 1912 (Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ государствомъ. Томъ IV. 1598—1608 гг.).

Богатый матеріалъ по эпохѣ перваго Лжедимитрія, и хотя значительная часть его уже не представляетъ новизны, но въ „Сборникѣ" онъ собранъ воедино и напечатанъ примѣнительно къ современнымъ требованіямъ (выдержано правописаніе документа, выбирались лучшіе списки; если текстъ печатался по черновику, то приводились всѣ болѣе существенныя исправленія его и т. п.). Въ предисловіи заявлено, что томъ печатался подъ *редакціей* С. А. Бѣлокурова, а на подзаглавномъ листѣ еще добавлено: „подъ *наблюденіемъ* С. Ѳ. Платонова", другими словами, одинъ подбиралъ матеріалъ, компоновалъ составъ тома, а другой оцѣнивалъ и санкціонировалъ его работу. Однако въ самомъ концѣ тома (стр. 808), въ перечнѣ содержанія томовъ, составляющихъ полную серію „Сборника", неожиданно читаемъ: „Памятники" „изданы подъ *наблюденіемъ* С. А. Бѣлокурова". Такимъ образомъ остается неизвѣстнымъ, кому собственно и въ какой мѣрѣ слѣдуетъ приписать положительныя стороны настоящаго изданія и на чей счетъ отнести тѣ маленькіе промахи и погрѣшности, какіе будутъ указаны ниже.

Начнемъ съ оглавленія.

Стр. XV. Рѣчи Власьева на пріемѣ у короля Сигизмунда III напрасно отнесены къ 12-му февраля 1606 г. Грамота Димитрія къ Сигизмунду, которую привезъ Аѳ. Власьевъ, датирована 5-мъ сентября 1605 г. [1]); въ Краковъ пріѣхалъ Власьевъ 9-го ноября и аудіенцію получилъ 14-го ноября 1605 г. [2])—этимъ послѣднимъ числомъ не-

---

[1]) Сборникъ, 750.

[2]) *Wielewicki*, Dziennik (Scriptores rerum Polonicarum, X), 101.

обходимо датировать и „рѣчи“ московскаго посланца: излагать просьбу о разрѣшеніи Маринѣ Мнишекъ ѣхать въ Россію и стать женою Димитрія—содержаніе „рѣчей“—можно было во всякомъ случаѣ лишь до 22-го ноября 1605 г. (нов. ст.), дня, когда состоялось вѣнчаніе Марины по католическому обряду. Помимо сказаннаго, февраль 1606 года не допустимъ еще и потому, что Власьевъ покинулъ Краковъ 18-го декабря [1]); 15-го и 23-го января 1606 г. онъ сидитъ въ Слонимѣ, откуда пишетъ письма Юрію Мнишку [2]), а 22-го февраля пріѣзжаетъ въ Самборъ торопить Мнишка выѣздомъ въ Москву [3]).

Та же страница XV. Текстъ, помѣщенный на стр. 754 („Nazaiutrz odprawowano“ и т. д.), совсѣмъ не „отвѣты короля“: еще первыя строки текста, пожалуй, подойдутъ подъ такое опредѣленіе, но все остальное—это есть изложеніе жалобъ Аѳ. Власьева на поведеніе короля во время пиршественнаго стола, послѣ церемоніи вѣнчанія Власьева съ Мариной.

Стр. XVI. Оглавленіе къ посольству кн. Волконскаго и дьяка А. Иванова не доведено до конца: описаны лишь первыя страницы (193—298), вторая же половина (стр. 298—369) почему-то совсѣмъ позабыта.

Въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ издатели, совершенно основательно, отмѣчаютъ тѣ болѣе раннія изданія, въ которыхъ уже была опубликована та или иная часть нынѣ печатаемыхъ „Памятниковъ“; таковы указанія на „Древ. Россійск. Вивліоѳику“, „Сборникъ кн. Оболенскаго“, „Русскую Вивліоѳику“ Полевого, „Акты Зап. Россіи“, Supplementum ad H. R. Monumenta (стр. 170, 174, 181, 391). Въ этомъ отношеніи поводы для ссылокъ, какъ и слѣдовало ожидать, чаще всего даетъ „Собраніе Гос. Гр. и Договоровъ“. Зато Щербатовская „Исторія Россійская“ игнорирована совершенно и, думаю, безъ надлежащаго основанія. Если документы, помѣщенные тамъ, подновлены въ слогѣ и въ настоящее время не представляютъ иного интереса, кромѣ исторіографическаго, да и, по содержанію, могутъ быть замѣнены другими, позднѣе изданными, то вѣдь прежняя цѣнность и остальныхъ изданій теперь, послѣ появленія въ свѣтъ „Сборника“, тоже значительно пала. Къ тому же „Сборникъ“ преслѣдовалъ не однѣ историческія цѣли: сохраняя особенности правописанія, онъ,

---

[1]) *Wielewicki*, 106; *Dyamentowski*, Dyaryusz (*A. Hirschberg*, Polska a Moskwa), 18.

[2]) Собр. Гос. Гр. и Дог., II, 252, 255; №№ 117, 119.

[3]) *Dyamentowski*, 20.

очевидно, имѣлъ въ виду интересы филолога; но для таковаго, если онъ изучаетъ *исторію языка*, не могутъ быть безразличны тѣ формы, въ какія считалъ возможнымъ и умѣстнымъ конецъ XVIII вѣка умѣстить рѣчь и начертанія начала XVII-го. Къ тому же Щербатовъ, издатели „Собранія Гос. Гр. и Договоровъ“ и издатели нынѣшнихъ „Памятниковъ“ имѣли въ рукахъ одни и тѣ же списки, и одного этого основанія, думается, было бы достаточно для того, чтобы воспользоваться подходящимъ случаемъ облегчить читателю возможность сдѣлать соотвѣтствующія сопоставленія и сравненія.

Такимъ образомъ въ „Исторіи“ Щербатова [1]) „Памятники“ не указали: 1) стр. 184: грамоту Юр. Мнишка на имя русскихъ бояръ, 21-го іюля 1605 г. (Щерб., стр. 4, № 3); 2) стр. 190: грамоту бояръ князей Мстиславскаго и Воротынскаго Юр. Мнишку, сентября 1605 г. (Щерб., стр. 7, № 4); 3) стр. 192: грамоту Димитрія Сигизмунду III, 16-го декабря 1605 г. (Щерб., стр. 17, № 9, въ русск. перев.); 4) стр. 200: обязательство, выданное Димитріемъ Юр. Мнишку, 25-го мая 1604 г., въ Самборѣ (Щербатовъ даетъ два разныхъ перевода польскаго текста: а) стр. 38, № 16; б) т. VII, ч. I, стр. 332, № 10); 5) стр. 205: письмо нунція Рангони Димитрію, безъ даты (Щерб., стр. 9, № 6); 6) стр. 214: другое письмо Рангони Димитрію, 25-го февраля 1606 г. (Щерб., стр. 13, конецъ № 6, тѣ же послѣднія строки, что и въ „Памятникахъ“); 7) стр. 220: грамоту Димитрія папѣ Павлу V, безъ даты (Щерб., стр. 8, № 5; одинъ русскій переводъ, безъ польскаго текста); 8) стр. 224: наказъ Димитрія, данный Бучинскому, о встрѣчѣ на границѣ Марины Мнишекъ, безъ даты (Щерб., стр. 18, № 10); 9) стр. 635: „переводъ съ греческаго письма“ (Щерб., стр. 99, № 26).

Сознательно игнорируя Щербатова, издатели по крайней мѣрѣ послѣдовательно провели свой взглядъ черезъ все изданіе; въ обращеніи же съ „Собраніемъ Гос. Гр. и Договоровъ“ видна извѣстная торопливость и небрежность: въ однихъ случаяхъ указанія дѣлаются, въ другихъ, совершенно аналогичныхъ, ихъ вовсе не дано. Такъ остались не отмѣченными:

1) стр. 190: грамота бояръ князей Мстиславскаго и Воротынскаго, о которой было выше (С. Г. Г. Д., II, 221, № 100); 2) стр. 205: письмо нунція Рангони Димитрію (упомянуто выше), безъ даты

---

[1]) Во всѣхъ случаяхъ это томъ VII, ч. III „Исторіи Россійской“; единственное исключеніе (т. VII, ч. I) указано на соотвѣтствующемъ мѣстѣ.

(II, 218, № 98); 3) стр. 211: другое письмо Рангони, 25-го февраля 1606 г. (II, 272, № 126: напечатанъ не только русскій переводъ, но и латинскій подлинникъ); 4) стр. 218: въ С. Г. Г. Д. напечатанъ не только отвѣтъ на „тайную" рѣчь литовскаго посла Госѣвскаго, но и самая его рѣчь (II, 213, № 96; сравн. „Памятники", 215); 5) стр. 221: наказъ Димитрія Александру Рангони, безъ даты (II, 228, № 103; можно было бы добавить, что наказъ этотъ напечатанъ также и у Бутурлина, Исторія Смутнаго времени, т. I, прилож., стр. 100, № XIII); 6) стр. 235: показанія Ст. и Я. Бучинскихъ, послѣ убійства Димитрія (II, 296, № 140); 7) стр. 366: „обьявленье про вора" (II, 322, № 152).

Не при всѣхъ документахъ, напечатанныхъ въ „Сборникѣ", имѣются даты, издатели же, съ своей стороны, не приложили надлежащей заботы, по возможности, возстановить ихъ. Въ такихъ изданіяхъ, какъ настоящее, уклоняться отъ подобной обязанности, конечно, нельзя, тѣмъ болѣе что отсутствіе указаній на дату подчасъ можетъ оказаться очень опаснымъ. Вотъ доказательства.

На стр. 215—220 напечатана „тайная" рѣчь Госѣвскаго и отвѣтъ на нее: въ „Собраніи Гос. Гр. и Договоровъ", о которомъ напоминаетъ читателю „Сборникъ", и рѣчь, и отвѣтъ отнесены къ августу 1605 г. (II, 213, № 96; 216, № 97); но это явная ошибка: въ августѣ [1]) написано было только то письмо Сигизмунда, которое повезъ въ Москву Госѣвскій [2]),—надо же было найти время привезти его въ Москву [3]). Масса, р. пер. 172, свидѣтельствуетъ, что Госѣвскій прибылъ туда 16-го октября (ст. стиля), и нѣтъ никакихъ основаній отвергать его показанія.

Дата грамоты Димитрія папѣ Павлу V („Сборникъ", 220) также не выяснена. Голая ссылка на С. Г. Г. Д., II, 249, № 114, гдѣ названное письмо ошибочно отнесено къ декабрю 1605 года, допускаетъ возможность предположенія, что издатели „Памятниковъ" раздѣляютъ эту ошибку, между тѣмъ письмо, несомнѣнно, писано 17-го февраля 1606 г. [4]). Оставивъ безъ вниманія латинскій подлинникъ и ограни-

[1]) 23-го, по новому стилю; списокъ Музея Чарторижскихъ датированъ 21-мъ; см. *Hirschberg*, Dymitr Samozwaniec, 155.

[2]) Русская Истор. Библіотека, I, 407.

[3]) Замысловскому это было непонятно: въ своихъ примѣчаніяхъ на русскій переводъ записокъ Массы (стр. 172—173) онъ къ одному и тому же августу пріурочиваетъ и пріѣздъ Госѣвскаго въ Москву, и письмо короля 23-го августа, которое Госѣвскій привезъ изъ Кракова въ русскую столицу.

[4]) См. факсимиле латинскаго подлинника у Пирлинга, Rome et Démétrius.

чившись лишь польскимъ и русскимъ текстомъ, издатели упустили случай отмѣтить, на какомъ именно языкѣ была составлена настоящая грамота, что предохранило бы иного читателя отъ возможности предположенія, что польскій текстъ есть въ данномъ случаѣ текстъ подлинный, — предположенія тѣмъ болѣе допустимаго, что многія письма, связанныя съ именемъ Димитрія и напечатанныя въ С. Г. Г. Д., писаны, какъ извѣстно, по-польски, издатели же „Собранія“ лишь прилагали къ нимъ переводъ (свой или, если таковой сохранился, современный подлиннику). Латинскій текстъ необходимо имѣть въ виду также и потому, что подпись Димитрія, и въ „Собраніи“, и въ „Памятникахъ“, приведена въ сокращеніи и не въ томъ расположеніи словъ, какое было въ дѣйствительности.

На стр. 221 напечатанъ наказъ Димитрія, данный Александру Рангони. Въ С. Г. Г. Д., II, 226, № 103, онъ ошибочно отнесенъ къ ноябрю 1605 г.; на самомъ дѣлѣ онъ составленъ не ранѣе первой половины марта 1606 г. [1]).

Добавлю къ сказанному, что дошедшее до насъ съ утраченнымъ окончаніемъ письмо нунція Рангони къ Димитрію („Памятники“, 205) С. Г. Г. Д., II, 218, № 98, относитъ къ августу 1605 г., а о. Пирлингъ въ перечнѣ писемъ помѣщаетъ его между 5-мъ августа и 11-мъ сентября 1605 г. [2]). Всего вѣроятнѣе, письмо писано ранѣе 6-го августа,—дня, когда Рангони сообщалъ въ Римъ дошедшій до него слухъ о короноваціи Димитрія [3]), такъ какъ въ письмѣ, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь, онъ поздравляетъ Димитрія лишь со вступленіемъ въ городъ Москву. Если бы слухъ о коронованіи уже тогда дошелъ до Рангони, то, вѣроятно, въ той или иной формѣ онъ отразился бы на содержаніи настоящаго письма.

Грамота кн. В. К. Острожскому, напечатанная на стр. 755, ошибочно названа грамотою патріарха Іова: послѣдній въ составленіи ея (по крайней мѣрѣ офиціально) не участвовалъ: въ ту пору онъ уже не занималъ патріаршаго стола, да и въ самой грамотѣ о немъ говорится въ 3-мъ лицѣ. Грамота писана отъ имени „митрополитовъ, и архіепископовъ, и епископовъ, всего вселенского собору“; если же московскіе бояре въ 1608 году и говорили литовскимъ и польскимъ посламъ объ участіи въ ней „патріарха“ („Памятники“, 683), то это было лишь нежеланіемъ подчеркивать нарушеніе обычныхъ нормъ,

---

[1]) Rome et Démétrius, стр. 129.

[2]) Rome et Démétrius, стр. XXV.

[3]) Ватиканскій архивъ. Borghesiana. IV. 21, л. 11.

которыя въ данномъ случаѣ не были соблюдены въ виду вакантности патріаршаго престола.

II.

Publications de la Bibliothèque Slave de Bruxelles: 1) *P. Pierling*, Dmitri le Faux et les Jésuites. Avec deux fac-similés en phototypie. Paris. A. Picard. 1913; 2) *P. Pierling*, Dmitri dit le Faux et Possevino. Avec deux planches en phototypie. Paris. A. Picard. 1914.

Подобно „Сборнику Имп. Рус. Историческаго Общества", вышеназванные труды о. П. Пирлинга также не нуждаются въ похвалахъ: всякая новая работа нашего ученаго болландиста вноситъ свѣжія данныя, тщательно провѣренныя, пущенныя въ научный оборотъ и извлеченныя изъ тѣхъ архивныхъ тайниковъ, которые далеко еще не всѣмъ доступны. Въ „Dmitri dit le faux et les Jésuites" онъ предлагаетъ историкамъ факсимиле двухъ подлинныхъ писемъ Лжедимитрія; если содержаніе одного изъ нихъ—къ о. Стривери, провинціалу польскихъ іезуитовъ, 23-го февраля 1606 г., уже извѣстно было ранѣе [1]), то другое—къ Клавдію Аквавива, генералу іезуитскаго ордена, 13-го декабря 1605 г., является совершенной новинкою. Воспроизводя факсимиле этихъ двухъ писемъ, о. Пирлингъ въ то же время даетъ перечень всей извѣстной ему переписки іезуитовъ о Димитріи, а также переписку ихъ съ самимъ Димитріемъ,—цѣнную руководящую нить для всѣхъ, кто занимается исторіей этой загадочной личности. Изъ 64 занумерованныхъ писемъ, 42 до сихъ поръ полностью еще не опубликованы; изъ этихъ же 42 бо́льшая часть, именно 32 письма, составляютъ собственность „Славянской библіотеки" въ Брюсселѣ, находящейся, какъ извѣстно, въ завѣдываніи о. Пирлинга. Сказаннаго достаточно, чтобы заранѣе признать, что указанія, какія найдетъ читатель въ настоящемъ трудѣ, почти всѣ являются указаніями первой руки. Мелкихъ погрѣшностей изданіе все же не избѣжало.

Пропущено одно письмо: Павла Боксы къ епископу варминскому Симону Рудницкому, 11-го іюля 1606 г., изъ Вильны, съ описаніемъ убійства Лжедимитрія. Письмо это о. Пирлингъ, конечно, знаетъ; оно напечатано въ сборникѣ „Старина и Новизна", т. XIV, стр. 410, но тамъ издатель ошибочно прочиталъ имя автора, не далъ о немъ необходимыхъ объясненій и тѣмъ ввелъ о. Пирлинга въ заблужденіе.

---

[1]) Напеч. *Pierling*, Rome et Démétrius. Paris. 1878, стр. 170.

Между тѣмъ это не *Paulus Bota*, какъ тамъ онъ называется, а *Paulus Boxa*, вице-провинціалъ польскихъ іезуитовъ [1]) и, какъ таковой, вполнѣ подходилъ подъ программу настоящаго изданія.

Въ одномъ изъ болѣе раннихъ своихъ сочиненій [2]) о. Пирлингъ упоминаетъ о письмѣ Стривери къ Поссевину, 12-го іюля 1605 г. Намъ неизвѣстно полностью содержаніе этого письма, но мы знаемъ, что провинціалъ польскихъ іезуитовъ говорилъ въ немъ о другомъ письмѣ, касавшемся Лжедимитрія [3]), поэтому подъ программу о. Пирлинга оно подходило; между тѣмъ въ перечень оно также не попало.

Письмо Скарги къ Аквавива, 29-го іюля 1606 г., показанное, какъ не напечатанное, оказывается, уже опубликовано о. Я. Сыганьскимъ [4]). „Письма" послѣдняго появились одновременно съ трудомъ о. Пирлинга, и послѣдній, подготовляя свою работу, могъ еще не знать о ихъ существованіи.

Въ двухъ случаяхъ вызываетъ недоумѣніе несогласованность въ датахъ. Письмо Лавицкаго къ Аквавива помѣчено 19-мъ апрѣля 1606 г., а въ „La Russie et le Saint-Siège", III, 227, показано 18-е апрѣля; письмо Босгравена къ Поссевину—12-мъ августа 1606 г., а въ сборникѣ „Изъ смутнаго времени", 100, оно отнесено къ 19-му августа. Такъ какъ оба письма не напечатаны, показанія же о нихъ исходятъ, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, отъ самого о. Пирлинга, то, конечно, онъ одинъ только и можетъ выяснить, гдѣ тутъ ошибка или опечатка.

Среди изданій, въ которыхъ можно найти напечатанными нѣкоторыя изъ писемъ, вошедшихъ въ настоящій перечень, о. Пирлингъ отдалъ предпочтеніе только тремъ: двумъ своимъ книгамъ, „Rome et Démétrius" и „La Russie et le Saint-Siège", да сборнику „Старина и Новизна", считая ненужнымъ указывать „переводы и тексты, напечатанные безъ надлежащей критики". Насколько справедливо вниманіе, оказанное „Старинѣ и Новизнѣ", мы сейчасъ увидимъ на частномъ примѣрѣ; что же касается вообще до рѣшенія ограничиться въ своихъ указаніяхъ однимъ только лучшимъ, то, конечно, оно имѣетъ много основаній за себя; вполнѣ понимаемъ, почему авторъ,

---

[1]) Россія и Италія, т. I, вып. II. С.-Пб. 1911, стр. 183 слѣд.

[2]) Изъ смутнаго времени. С.-Пб. 1902, стр. 212.

[3]) Тамъ же.

[4]) Ks. Jan Sygański T. J. Listy Ks. Piotra Skargi T. J. z lat 1566—1610. Kraków. 1912, стр. 272.

перечень котораго каждою строчкою своею свидѣтельствуетъ о тщательной и крайне внимательной работѣ, не желалъ ставить себя рядомъ съ какимъ-нибудь Себ. Чьямпи, небрежнымъ и поверхностнымъ издателемъ и переводчикомъ. Однако такой ригоризмъ не во всѣхъ случаяхъ оказался справедливымъ. У того же Чьямпи, который, дѣйствительно, „надлежащей критики" не выдержитъ, есть одно очень важное письмо Лавицкаго къ Стривери, 14-го іюля (съ постскриптумомъ 8-го августа) 1605 г., изъ Москвы, и о. Пирлингъ, указывая только на рукописную копію этого письма, лишаетъ мало знакомаго съ предметомъ возможности ознакомиться съ этимъ письмомъ хотя бы и по итальянскому переводу. Вѣдь лучше что-нибудь, чѣмъ ничего. Въ виду цѣнныхъ данныхъ, заключающихся въ названномъ письмѣ, для него можно было бы сдѣлать исключеніе, тѣмъ болѣе, что дѣло идетъ не столько даже о Чьямпи, сколько объ издателѣ, которому о. Пирлингъ, вѣроятно, не откажетъ въ нѣкоторой долѣ вниманія.

Дѣло въ томъ, что Чьямпи самъ позаимствовалъ это письмо, перепечатавъ [1]) его изъ старой книги Бареццо-Барецци: „Avisi e lettere ultimamente giunte di cose memorabili succedute tanto in Africa nel regno di Biguta, che è nella Guinea, quanto in Moscovia doppo l'ultima relazione che poco fa si stampò, et le cause della conversione di due nobilissime (*sic*) baroni oltramontani alla s. fede cattolica, raccolte da Barezzo Barezzi Cremonese. Con licenza de superiori e privilegio. In Venetia. Appresso Barezzo Barezzi. 1606, alla libreria della Madonna". Напомнимъ, что съ именемъ Бареццо-Барецци связана еще другая книга, всецѣло посвященная дѣяніямъ Лжедимитрія: „Relatione della segnalata, et come miracolosa conquista del paterno imperio, conseguita dal serenissimo giovine Demetrio, Gran Duca di Moscovia, in questo anno 1605. Colla sua coronatione, et con quel che ha fatto doppo che fù coronato l'ultimo del mese di luglio sino a questo giorno. Raccolta da sincerissimi avisi per Barezzo Barezzi. In Venetia, appresso Barezzo Barezzi". Въ свое время о. Пирлингъ убѣдительно показалъ, что для этого изданія имя Бареццо-Барецци служило только ширмами, истиннымъ же авторомъ его былъ А. Поссевинъ, составившій книгу на основаніи свѣдѣній, полученныхъ изъ Москвы отъ своихъ собратьевъ по ордену оо. Чижовскаго и Лавицкаго [2]).

---

[1]) Дважды: въ Notizie dei secoli XV e XVI sull' Italia, Russia e Polonia. Firenze. 1833, стр. 186 и въ Bibliografia Critica. Firenze 1834, т. I, стр. 227.

[2]) Изъ смутнаго времени. С.-Пб. 1902, стр. 204: „Бареццо Барецци или Поссевино".

Думаю, что между той и другой книгой есть извѣстное, и притомъ не малое родство. Особенно вниманіе обращаетъ на себя длинный титулъ „Avisi“: кому иному, какъ не членамъ іезуитскаго ордена, было всего сподручнѣе въ ту пору получать свѣдѣнія и собирать ихъ воедино, чуть не съ разныхъ концовъ свѣта: изъ Германіи, изъ отдаленной Московіи, еще болѣе удаленной Гвинеи? Намекъ на какое иное „недавно“ напечатанное „сообщеніе“ о Московіи могли дѣлать въ 1606 году „Avisi“, какъ не на эту самую „Relatione della conquista“, вышедшую изъ печати въ самомъ концѣ 1605 года [1])? Вотъ почему, если вся „Relatione“, какъ намъ доказали, есть поссевиновская передѣлка писемъ московскихъ іезуитовъ, то нельзя ли предположить, что и въ данномъ случаѣ письмо Лавицкаго, напечатанное въ „Avisi“ и оттуда перепечатанное Чьямпи [2]), попало туда при посредствѣ того же Поссевина, можетъ быть даже и печаталось подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ?

Упоминая въ своемъ перечнѣ о письмѣ Чижовскаго къ Стривери, 17-го августа 1605 г., о. Пирлингъ указываетъ на сборникъ „Старина и Новизна“, гдѣ оно напечатано, но совершенно умалчиваетъ о другомъ его изданіи, гораздо болѣе отвѣчающемъ требованіямъ „надлежащей критики“: еще раньше „Старины и Новизны“, и притомъ не по копіи, а по подлиннику, сохранившемуся въ архивѣ Доріа-Памфили, письмо это напечаталъ о. Такки Вентури въ „Civiltà Cattolica“ 1902, 17 Maggio, Quaderno 1246, стр. 429, и ему принадлежитъ несомнѣнная заслуга первому пустить его въ научный оборотъ. Текстъ „Civiltà Cattolica“ гораздо исправнѣе текста русскаго сборника. Чтобъ не быть голословнымъ, приведу 2—3 примѣра. „Старина и Новизна“ печатаетъ *quos, fer, adorare, et iis, Boianis* вм. *quod, per, adornare, in iis, Boiaris; sermus velle* вм. *sermum velle;* во фразѣ: „cum Vladicis multa cum precatione“ опущено второе *cum*; *зала, помѣщеніе* превращено въ (городъ) Тулу: „sacris enim operamur quotidie in *Tula* perampla“, и проч.

Второй трудъ о. Пирлинга, „Dmitri dit le Faux et Possevino“, фототипически воспроизводитъ черновикъ письма, которое знаменитый іезуитъ писалъ, 10-го іюля 1605 г., Димитрію, узнавъ о его желаніи

---

[1]) Посвященіе этой книги П. Каппони датировано 8-мъ декабря 1605 г.

[2]) Письмо 14-го іюля—8-го августа существуетъ еще во французскомъ переводѣ кн. Августина Голицина, въ „Discovrs merveillevx et veritable de la conqveste faite par le ievne Demetrius grand dvc de Moscovie... par Bareze Barezi. Novvelle édition. Paris. MDCCCLVIII“.

имѣть славянскій переводъ Библіи. Письмо это единственное дошедшее до насъ свидѣтельство о непосредственныхъ сношеніяхъ Поссевина съ Димитріемъ, и издатель собралъ все доступное ему, чтобы освѣтить ту обстановку, въ какой слагалось это посланіе. Комментарій, подобный тому, какой въ данномъ случаѣ предложенъ читателю, могъ быть сдѣланъ только опытной и знающей рукою. Къ сожалѣнію, самый документъ остается совершенно изолированнымъ среди другихъ и, повидимому, утерялъ нити, по которымъ можно было бы уяснить вопросы, возникающіе при его чтеніи.

Напримѣръ, сбоку, подлѣ подписи Поссевина, въ концѣ письма, внесено: „Stanislaus Krzyvvokolski". Какъ попало сюда это имя? Станиславъ Крживокольскій (1561—1633) былъ польскій іезуитъ, авторъ богословскихъ трактатовъ, жилъ въ Польшѣ. Не черезъ него ли думалъ переслать Поссевинъ свое письмо?

Черновикъ, весь собственноручно писанный Поссевиномъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имъ же самимъ и исправленъ. О. Пирлингъ останавливаетъ наше вниманіе на одной особенности: въ трехъ случаяхъ Іоаннъ Грозный названъ отцомъ (parens) Димитрія и во всѣхъ трехъ случаяхъ слово „parens" замѣнено словомъ „avus". „Hésitation inexplicable", замѣчаетъ о. Пирлингъ, затрудняясь объяснить, какимъ образомъ „отца" Поссевинъ могъ превратить въ „дѣда".

Объясненіе этой поправки не найдется ли въ желаніи Поссевина, при просмотрѣ текста, придать больше торжественности своему слогу, назвавъ Грознаго *предмѣстникомъ*, *предкомъ* Димитрія, т. е. подчеркнуть узы не родственныя, а династическія? Но, разумѣется, подобное толкованіе допустимо лишь въ томъ случаѣ, если спеціалисты латинскаго языка сочтутъ его возможнымъ.

III.

Vannozzi—Штендманъ.

Въ 1890 году, въ одномъ изъ засѣданій археографической комиссіи (20-го марта), покойный Г. Ѳ. Штендманъ обратилъ вниманіе русскихъ историковъ на рѣдкую книгу Ванноцци, гдѣ оказались затерянными весьма и весьма не безынтересныя письма, знакомящія насъ съ тѣми надеждами, какія въ 1605 году возлагались въ Римѣ, въ интересахъ католической церкви, на воцареніе Димитрія на русскомъ престолѣ [1]), при чемъ Штендманъ представилъ и переводъ

[1]) Лѣтопись занятій Археограф. Комиссіи, вып. XI, прот., 71.

соотвѣтственныхъ страницъ этой итальянской книги [1]). Заслуга извлечь изъ забвенія любопытный памятникъ и ввести его въ оборотъ исторической русской литературы была несомнѣнная; но какъ была выполнена эта, безусловно, почтенная, но въ сущности совершенно простая и незамысловатая задача? Такой вопросъ умѣстно поставить уже по одному тому, что книга Ванноцци, какъ это справедливо указано самимъ Штендманомъ, изданіе очень рѣдкое, такъ что многимъ придется волей-неволей довольствоваться „Лѣтописью занятій" и опираться на одни ея показанія. Тѣмъ поэтому обиднѣе констатировать грубыя искаженія, внесенныя въ докладъ Штендмана,—искаженія, безъ которыхъ, при большемъ вниманіи и осторожности, можно было легко обойтись.

Прежде всего Штендманъ не сумѣлъ или не потрудился прочесть, какъ слѣдуетъ, заглавіе книги. Онъ называетъ ее „Собраніемъ писемъ къ Жану Баптисту Виттори, родственнику св. отца Павла V"; на самомъ же дѣлѣ это есть собраніе писемъ не исключительно „къ Жану Баптисту Виттори": послѣднему „Собраніе" было лишь *посвящено*, да и то не все, а только второй его томъ. Самыя же письма были писаны къ десяткамъ и десяткамъ разныхъ лицъ.

Дѣло въ томъ, что три тома „Писемъ" были выпущены въ свѣтъ не сразу, а по мѣрѣ накопленія матеріала, и, повидимому, Ванноцци, въ зависимости отъ времени и мѣста печатанія, искалъ своей книгѣ соотвѣтственнаго покровительства. Первый томъ появился въ Венеціи, въ 1606 году, и посвященъ Венеціанской академіи (посвященіе датировано Пистойей, 20-мъ октября 1604 г.); второй томъ вышелъ въ Римѣ, въ 1608 году, и посвященъ вышеназванному Джанбаттисту Виттори, папскому племяннику (посвященіе датировано Римомъ, ноябремъ 1607 года); наконецъ, третій и послѣдній томъ печатался въ Болоньѣ, въ 1617 году, и посвященъ главному лицу въ этомъ городѣ, папскому легату (намѣстнику), кардиналу Каппони (посвященіе датировано Болоньей, 15-мъ апрѣля 1617 г.). Не довольствуясь, однако, текстомъ посвященій (каковой текстъ, подобно тому, какъ это принято и въ современныхъ намъ изданіяхъ, помѣщенъ впереди текста писемъ, составляющихъ содержаніе книги, непосредственно вслѣдъ за титульнымъ листомъ), Ванноцци самый фактъ этихъ посвященій отмѣтилъ еще и на титульномъ листѣ, указавъ, вслѣдъ за заглавіемъ, кому посвящаетъ онъ каждый данный томъ. По внѣш-

---

[1]) Напечатанъ тамъ же, 76—81.

ности, при невнимательномъ чтеніи, получилось, будто слова, относящіяся къ *посвященію*, являются составной частью *заглавія*; послѣднее и ввело въ заблужденіе Штендмана.

Вотъ заглавія каждаго изъ трехъ томовъ [1]).

Delle Lettere Miscellanee Del Sig. Bonifatio Vannozzi I. C. Pistolese, et Protonotario Apostolico. All'Illvstriss. et Preclarissima Academia Veneta. Nelle quali sono lettere di Complimento, di Congratulatione, di Condoglienza, d'auuisi, et d'ogni altro genere. Insieme con le lettere di attioni importantissime nella legatione di Monsignor Illustrissimo Caetano legato à latere di Nostro Signore in Polonia, con privilegio. In Venetia, MDCVI. Appresso Gio. Battista Ciotti Sanese all'Aurora. 26 (ненумер.)+660 стр. въ восьмушку.

Delle Lettere Miscellanee, Del Sig. Bonifatio Vannozzi, Dottor Pistolese, et Protonotario Apostolico. Volvme Secondo. All'Ill.mo et R.mo Signore Il Sig.r Giambattista Vittori: Nipote Della Maesta Santissima di Nostro Signore Papa Paolo Qvinto. In Roma, Ad Instanza di Gio: Paolo Gelli. MDCVIII. Appresso Pietro Manelfi. Con Licenza De' Svperiori. 628+8 (ненумер.) стр., въ восьмушку.

Delle Lettere Miscellanee Di Mons. Reuerendissimo Bonifatio Vannozzi Dottor Pistolese, e Protonotario Apostolico Volvme Terzo. All'Illustrissimo, e Reuerendissimo Sig. Il Sig. Lvigi Capponi Card. Legato di Bologna. In Bologna MDCXVII. Presso Bartolomeo Cochi. Con licenza de' Superiori. 52 (ненумер.)+952+12 (ненумер.) стр., въ восьмушку.

Неправильно прочитавъ заглавіе, Штендманъ поверхностно просмотрѣлъ и самую книгу. Объ интересующихъ насъ матеріалахъ онъ такъ отозвался: „Во II-мъ томѣ обращаютъ на себя вниманіе изслѣдователей: 1) переписка кардинала Альдобрандини съ монсиньоромъ епископомъ Клавдіемъ Рангони, нунціемъ папы Климента VIII въ Польшѣ, изъ Рима, въ іюнѣ 1605 г., и 2) письма Ванноцци, изъ Рима же, въ іюнѣ 1605 г., къ Фра Паоло Симоне, послу папы Климента въ Персію, находившемуся въ то время въ Краковѣ". На дѣлѣ же, оказывается, вся „*переписка*" Альдобрандини сводится къ *одному* письму кардинала: отъ Рангони не приведено ни одного, при

[1]) Предварительно замѣчу, что заглавія въ каждомъ томѣ нѣсколько разнятся между собою, въ зависимости отъ перемѣнъ въ служебномъ положеніи Ванноцци; въ первомъ томѣ не показано, что онъ былъ *первымъ*: очевидно, въ 1606 году еще не было твердой увѣренности въ выходѣ послѣдующихъ томовъ. Въ передачѣ титульныхъ листовъ соблюдены всѣ ихъ особенности: правописаніе, прописныя буквы, сокращенія и знаки препинанія.

чемъ въ іюнѣ 1605 г. Рангони былъ нунціемъ уже не Климента VIII, а Павла V; что же до „писемъ Ванноцци", то это письма того же Альдобрандини, и при томъ не за одинъ іюнь мѣсяцъ.

Ошибка произошла оттого, что Штендманъ упустилъ изъ виду, что найденный имъ матеріалъ находится въ особой группѣ, составленной спеціально изъ писемъ Чинтіо Альдобрандини (кардинала Санъ-Джорджьо). Для устраненія какихъ либо сомнѣній, Ванноцци отдѣлилъ эту группу (II, 185—257) отъ предыдущихъ писемъ особою чертою, снабдилъ этотъ отдѣлъ своего рода заголовкомъ: „Per l'illustrissimo sig. Cintio Aldobrandino, Cardinale di San Giorgio", а въ концѣ собранія, на стр. 257, отмѣтилъ: „Qui si finiscono le lettere dell'ilustrissimo S[an] G[iorgio]". Если въ указанной группѣ писемъ и признать участіе Ванноцци, то развѣ въ томъ лишь смыслѣ, что по званію секретаря кардинала [1]), онъ занимался ихъ составленіемъ, редактировалъ, отливая въ эпистолярную форму продиктованныя ему мысли кардинала. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать и выраженіе *Per* l'illustrissimo sig. Cintio Aldobrandino. Между тѣмъ Штендманъ приложилъ его непосредственно къ первому письму Альдобрандиньевской группы, въ результатѣ чего и получилось не совсѣмъ складное: „№ 1. *Чрезъ* свѣтлѣйшаго синьора Чинтіо Альдобрандино, кардинала ди-Санъ-Джорджіо. Монсиньору Клавдію Рангоне..."

Переводъ писемъ въ общемъ можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ; только Штендманъ никакъ не могъ справиться съ мѣстоименіемъ cotesto, точнѣе выражаясь, съ той особенностью итальянскаго языка, въ силу которой пишущій прилагаетъ это мѣстоименіе къ предметамъ и лицамъ, отдаленнымъ отъ себя, но близкимъ къ адресату, къ находящимся въ сферѣ его пребыванія. Альдобрандини писалъ изъ Рима къ Рангони и къ Паоло Симоне, находившимся въ ту пору въ Краковѣ; поэтому выраженіе a cotesto regno будетъ означать *для Польши*, а не „для нашего королевства" (письмо № 1); *изъ Польши*, а не „отъ здѣшняго королевства" (п. № 2). Переводя a cotesto nunzio словами „здѣшнему нунцію", переводчикъ допускалъ нахожденіе (какого-то) нунція въ данную минуту въ Римѣ, между тѣмъ какъ рѣчь шла объ опредѣленномъ нунціи, польскомъ, о Клавдіи Рангони (п. № 6). Насколько обращеніе съ названнымъ мѣстоиме-

[1]) Въ декабрѣ 1604 года Альдобрандини пригласилъ Ванноцци къ себѣ на службу. Характерно, что письма, которыми по этому поводу они обмѣнялись (см. тамъ же, II, 184—185), помѣщены непосредственно передъ группой, о которой сейчасъ идетъ рѣчь.

ніемъ затрудняло Штендмана, можно судить по тому, что въ одномъ случаѣ онъ совершенно отказался отъ его перевода, въ результатѣ чего получилась такая фраза: „Если станутъ извѣстны переговоры, ведущіеся между посломъ Димитрія и Е. В. Королемъ di cotesto, дайте мнѣ, пожалуйста, о нихъ знать“ (п. № 3). Ясно, что переводчикъ совершенно не понялъ, что „Е. В. Король di cotesto“ есть не кто иной, какъ король польскій. Выраженіе da un descenso (отъ паденія, отъ ушиба) неправильно переведено „спускаясь съ высокой горы“ (п. № 5); иной оттѣнокъ приданъ и фразѣ: „Iddio aiuti il gran Duca Demetrio, ad'inpossessarsi, da vero della Moscouia“ („съ помощью Божіей Великій Князь Димитрій *долженъ*, дѣйствительно, овладѣть Московіей“, стр. 77); слишкомъ раболѣпное слѣдованіе подлиннику „tesoriere et secretario di Lituania“ превратило *подскарбія* и *писаря литовскаго* въ „казначея и секретаря литовскаго“ (стр. 81).

IV.

Кардиналъ Белларминъ.

Недавно вышла въ свѣтъ книга, и по задачѣ своей, и по содержанію слишкомъ далекая отъ интересовъ, непосредственно связанныхъ съ русской исторіей; она легко можетъ ускользнуть отъ вниманія спеціалистовъ,—основаніе, полагаю, достаточное для того, чтобы указать на нее, такъ какъ тамъ найдется одинъ небольшой документъ, непосредственно касающійся личности Лжедимитрія. Я говорю о книгѣ: „R. P. Xavier-Marie Le Bachelet, S. J., professeur de théologie au Scolasticat d'Ore (Hastings). Auctarium Bellarminianum. Supplément aux oeuvres du cardinal Bellarmin. Paris. G. Beauchesne, éditeur. 1913“. Среди разныхъ бумагъ знаменитаго кардинала-богослова здѣсь напечатана его собственноручная записка по вопросу, который, по словамъ издателя, былъ внесенъ на обсужденіе конгрегаціи Сантъ-Оффиціо: можетъ ли Димитрій согласовать свое исповѣданіе католической вѣры съ соблюденіемъ правилъ и обрядовъ въ томъ видѣ, какъ эти послѣднія предписываются церковью православно-греческою? Отвѣтъ, данный Белларминомъ, интересенъ уже тѣмъ, что касается событій и явленій, которыя все еще, даже и въ наши дни, остаются недостаточно ясными и ждутъ послѣдняго о себѣ слова.

Какъ извѣстно, во время своего пребыванія въ Краковѣ, 17-го апрѣля 1604 г., Димитрій тайно принялъ католичество [1]). Онъ хорошо

[1]) Дневникъ Велевицкаго. Scriptores rerum polonicarum, X (Krak. 1886), 58.

понималъ, какія обязательства налагалъ на него разрывъ съ православною церковью, и уже тогда предвидѣлъ тѣ затрудненія, какія ему встрѣтятся въ ближайшемъ будущемъ, въ случаѣ успѣха въ борьбѣ съ Борисомъ Годуновымъ, противъ котораго онъ теперь собирался выступить. Зная, что при торжествѣ коронованія русскіе цари обыкновенно также и причащаются, Димитрій, передъ самымъ выѣздомъ изъ польской столицы, обратился къ нунцію Кл. Рангони съ запросомъ, можно ли будетъ ему принять св. дары изъ рукъ схизматика, или нѣтъ? Рангони, считая себя по данному вопросу некомпетентнымъ, уклонился отъ отвѣта и передалъ дѣло на обсужденіе высшихъ инстанцій Римской церкви [1]). Запросъ, въ томъ видѣ, какъ онъ дошелъ до коллегіи кардиналовъ (Quesito fatto alla Congregazione del Santo Officio), не опубликованъ еще и донынѣ [2]) и ждетъ наступленія лучшихъ дней въ почти недоступномъ для историка архивѣ Сантъ-Оффиціо [3]). Въ половинѣ мая 1604 г. Римская курія была съ нимъ уже ознакомлена [4]), но когда именно внесла его на обсужденіе Конгрегаціи, въ точности не извѣстно.

До насъ дошло мнѣніе одного изъ членовъ Конгрегаціи, кардинала Камилло Боргезе, будущаго папы Павла V [5]), къ сожалѣнію, въ формѣ неотдѣланной, въ видѣ черновика. Авторъ сопоставилъ сужденія по данному вопросу разныхъ авторитетовъ въ богословской наукѣ, ихъ „за“ и „противъ“, но опредѣленно не сказалъ, къ какому окончательному выводу пришелъ самъ онъ. Повидимому, однако, Боргезе не только понималъ щекотливость будущаго положенія Димитрія, но готовъ былъ пойти ему навстрѣчу, облегчивъ выходъ изъ предстоящаго затрудненія и поступившись прямыми требованіями Римской церкви. Указывая, вслѣдъ за Фр. Суаресомъ, извѣстнымъ ученымъ іезуитомъ, что благо общее выше блага индивидуальнаго и что во имя его совершеніе *личнаго* грѣха можетъ быть допустимо, Боргезе не прочь былъ отвѣтить Димитрію въ положительномъ смыслѣ, насколько по крайней мѣрѣ можно судить по содержанію его черновой записи, не всюду легко поддающейся прочтенію [6]).

---

[1]) Депеша Рангони 24-го апрѣля 1604 г. Ватиканскій архивъ. Borghesiana. III. 90. b., л. 107; напечатано: *Pierling*, Rome et Démértius (Paris. 1878), 187.

[2]) *Pierling*, l. cit., 31.

[3]) Копія въ Славянской Библіотекѣ, въ Брюсселѣ.

[4]) *Pierling*, La Russie et le Saint-Siège, III (P. 1901), 439.

[5]) Ватик. архивъ. Borghesiana. II, 64. 65, л. 22; не напечатано. См. что говоритъ о. П. Пирлингъ объ этомъ мнѣніи (La Russie et le Saint-Siège, III, 241).

[6]) Вотъ заключительныя слова записки Боргезе: „Idem Suarez de cõe [de com-

Не зная, когда запросъ Димитрія-Рангони былъ внесенъ на разсмотрѣніе Конгрегаціи Сантъ-Оффиціо, мы не знаемъ и другого: когда послѣдняя приступила къ его обсужденію и выслушала мнѣніе Боргезе [1]). Медлить съ разсмотрѣніемъ не было никакихъ основаній, что же касается до самаго отвѣта, то курія, видимо, совсѣмъ не спѣшила съ нимъ. Ей предстояла задача, несомнѣнно, щекотливая, не изъ пріятныхъ; отвѣтъ, будь онъ положительный или отрицательный, одинаково чреватъ былъ послѣдствіями, и возможно, что курія колебалась и потому сознательно оттягивала отвѣтъ, тѣмъ болѣе что до практическаго примѣненія его, все равно, было еще далеко: Димитрію предварительно надо было завоевать престолъ, а онъ еще даже не перешелъ польской границы.

Но въ Римѣ промедлили долѣе, чѣмъ слѣдовало, и такое промедленіе, въ связи съ позднѣйшимъ поведеніемъ куріи, невольно наводитъ на мысль, что она сознательно уклонялась дать свое рѣшеніе, предоставивъ событія самимъ себѣ. Димитрій успѣлъ вступить въ предѣлы московскіе, устранилъ враговъ, побѣдоносно приближался къ столицѣ. Приближался и моментъ коронованія, а отвѣта на вопросъ, поставленный въ апрѣлѣ 1604 года, все не получалось. Помимо того, за истекшій годъ, кромѣ спеціальнаго вопроса о причащеніи при совершеніи обряда коронованія, успѣли нарости другіе аналогичные вопросы: можно ли Димитрію вообще пріобщаться подъ обоими видами и присутствовать на богослуженіи, совершаемомъ по православному обряду и примѣнительно къ порядкамъ, заведеннымъ въ русской церкви? можно ли ему, въ случаѣ, если бы понадобилось, поклясться въ соблюденіи вѣры своихъ предковъ и дать обѣщаніе сохранять ее въ своемъ государствѣ? основывать монастыри и православныя церкви? можно ли ему клятвенно подтвердить тѣ

---

munione?] pag. 288 et 290, ubi loquitur de Eucharistia quod tantum intelligitur secluso scandalo et periculo inductionis ad errorem ut cumulate [?] ibi per eum. Seq. pag. 291, ob necessitatem boni communis quia si licet, ob necessitatem privati multo magis, ob necessitatem boni communis cum bonum commune praeferatur privato, *quod in casu etc. considerari potest*". Чтеніе: „de communione" — догадка о. П. Пирлинга, которою онъ любезно подѣлился со мною. Справка въ одномъ изъ изданій сочиненій Суареса, 1597 или 1599 г., вѣроятно, рѣшитъ вопросъ окончательно.

[1]) Мнѣніе было подано во всякомъ случаѣ до избранія кардинала Боргезе въ папы (16-го мая 1605 г.); оно писано собственноручно, на листѣ, на которомъ предварительно занесенъ былъ, канцелярской рукою, текстъ запроса, а на оборотѣ стояло: „Sti. Officii Illmo et Rmo Dno Cardinali Burghesio".

положенія, которыя церковь православную дѣлали въ Московскомъ государствѣ господствующею и ставили въ привилегированное положеніе, для церкви же католической являлись предосудительными и вредными? могъ ли, наконецъ, Димитрій, согласно выраженному имъ желанію, читать книги православныхъ писателей, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, гдѣ нѣтъ прямыхъ нападокъ на Римскую церковь и, въ крайнемъ случаѣ, даже и эти послѣднія?

Эти вопросы поставилъ о. Гаспаръ Савицкій. Нѣкогда обративъ Димитрія въ католичество, онъ собирался теперь ѣхать въ Москву въ роли его духовника, и не удивительно, если они у него возникли. Савицкій изложилъ свои сомнѣнія (Dubia aliqua) Рангони, а тотъ переслалъ ихъ въ Римъ въ іюлѣ 1605 года [1]), при депешѣ на имя кардинала Валенти.

Обсужденіе вопросовъ Савицкаго долго откладывалось, пока 13-го октября 1605 г. не состоялось постановленіе, гласившее: „пусть Савицкій внимательно разсмотритъ и взвѣситъ каноническія постановленія, перечитаетъ, что написано по данному вопросу суммистами, и самъ рѣшитъ, по собственному пониманію и разумѣнію, какъ ему поступить въ данномъ случаѣ“. Кардиналъ Боргезе [2]) извѣстилъ объ этомъ Рангони въ письмѣ отъ 5-го ноября 1605 г. [3]).

---

[1]) La Russie et le Saint-Siège, III, 244. Депешу Рангони о. П. Пирлингъ датируетъ 2-мъ іюля. Обыкновенно чрезвычайно точный въ указаніяхъ на свои источники, онъ на этотъ разъ, къ сожалѣнію, не указываетъ, на что онъ опирается, указывая именно эту дату. Въ напечатанномъ донесеніи папѣ, отъ 2-го іюля 1605 г. (тамъ же, приложеніе, 431—444), о вопросахъ Савицкаго не говорится ни слова. Можетъ быть, рѣчь о нихъ шла въ другой депешѣ, того же числа, что хранится въ архивѣ Сантъ-Оффиціо, IV, л. 50 и въ копіи имѣется въ Слав. Библ., въ Брюсселѣ? Съ другой стороны письмо кардинала Сципіона Боргезе, по званію кардинала-секретаря, смѣнившаго кардинала Валенти и управлявшаго иностранными дѣлами, къ Рангони, 5-го ноября 1605 г. (см. ниже), категорически свидѣтельствуетъ о 12-мъ іюля.

[2]) По мнѣнію о. Пирлинга (La Russie et le Saint-Siège, III, 245), письмо 5-го ноября писано кардиналомъ Миллини. Съ этимъ нельзя согласиться по двумъ основаніямъ: кардиналу Миллини (Giangarzia Millini) не было никакого повода писать польскому нунцію, переписка съ которымъ велась, по дѣламъ Димитрія, чрезъ кардинала-секретаря, а имъ въ ту пору былъ кардиналъ Сципіонъ Боргезе; кромѣ того, кардинальскую шапку Миллини получилъ лишь 11-го сентября 1606 г. (Ciacconius, Vitae et res gestae pontificum romanorum et S. R. E. cardinalium, IV Romae. 1677, 404), значитъ, тогда кардиналомъ еще не былъ. Не произошла ли ошибка оттого, что впослѣдствіи письмо 5-го ноября оказалось приложеннымъ, въ копіи, къ запискѣ, поданной кардиналомъ Миллини папѣ, 9-го іюля 1617 г.? О. Пирлингъ пользовался, для письма 5-го ноября, спискомъ архива Сантъ-Оффиціо (La Russie, III, 245), и не извѣстно, попало ли оно въ этотъ архивъ самостоятельно или какъ

Все наводитъ на мысль, что Павелъ V, сознательно оттягивая рѣшеніе по вопросу, внесенному Димитріемъ-Рангони, не особенно спѣшилъ и съ вопросами Савицкаго, быть можетъ, въ тайной надеждѣ на то, что факты сами опередятъ его. Такое предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе и въ томъ, что постановленіе 13-го октября состоялось въ пору, когда въ Римѣ уже стало извѣстнымъ не только воцареніе, но, можетъ быть, и коронованіе Димитрія [1]),

---

приложеніе къ упомянутой запискѣ 9-го іюля 1617 г.; по крайней мѣрѣ таковымъ приложеніемъ является оно въ спискѣ Ватиканскаго архива, Borghesiana, II. 68, лл. 483, 484, при чемъ начальныя („Al nuntio di Polonia") и конечныя („Di Roma li 5 di Novembre 1605") слова письма ясно указываютъ, что текстъ взятъ былъ изъ регеста, куда, всегда въ опредѣленной формѣ, заносились письма кардинала-секретаря, адресуемыя къ дипломатическимъ агентамъ папскаго правительства при иностранныхъ дворахъ.

[3]) Вотъ полностью текстъ этого письма: „Al nuntio di Polonia.—Nella congregatione del Santo Offitio tenuta avanti Nostro Signore a 13 di Ottobre furono viste le dimande del Padre Gasparo Savitio Giesuita, proposte per servitio di Demetrio Moscovita, mandate da Vostra Signoria con lettera de 12 di Luglio al sig. cardinale Valenti, et considerato maturamente la qualità et gravità dei punti et dubii contenute in esse, la Santità Sua ha risoluto, che io scriva a Vostra Signoria, che ella facci sapere al Padre Savitio, che veda et consideri diligentemente li sacri canoni et i sommisti, che trattano di tali materie, et con la sua prudentia, et esperienza, et dottrina risolva, come debbia portarsi nel foro della coscientia nei detti casi etc. Di Roma li 5 di Novembre 1605" (Ватик. арх., Borghesiana. II, 68, л. 483; копія, приложенная къ запискѣ кард. Миллини отъ 9-го іюля 1617 г.).

[1]) Къ сожалѣнію, точно опредѣлить время, когда въ Римѣ стало извѣстнымъ о воцареніи и коронованіи Димитрія, оказывается пока невозможнымъ; депеши нунція Кл. Рангони, гдѣ можно было бы надѣяться найти соотвѣтственныя разъясненія, какъ разъ утеряны за соотвѣтствующіе мѣсяцы; цѣлый рядъ іюльскихъ писемъ, одно августовское и три сентябрьскихъ—іезуитовъ Савицкаго, Стривери и Чижовскаго (см. Pierling, Dmitri dit le Faux et les Jésuites, 8), остаются еще не напечатанными, и историческая наука ждетъ отъ о. Пирлинга этой услуги—ихъ опубликованія. Несомнѣнно, однако, слѣдующее: вслѣдъ за полученіемъ (недошедшей до насъ) депеши Рангони отъ 23-го іюля, кардиналъ Валенти счелъ возможнымъ, 13-го августа, видѣть въ Димитріи „великаго князя московскаго" (trattar con lui, come con gran duca di Moscovia; см. Historica Russiae Monumenta, II, 65); 10-го сентября кардиналъ Боргезе предполагалъ коронованіе уже состоявшимся (presupponendosi che a quest'ora si abbia costì l'avviso della coronatione di Demetrio; тамъ же, II, 66), а на другой день, 11-го сентября, самъ папа спѣшилъ поздравить Димитрія, особымъ бреве, со вступленіемъ на престолъ (тамъ же, II, 67). О торжествѣ коронованія А. Лавицкій писалъ изъ Москвы польскому провинціалу іезуитовъ, Д. Стривери, 8-го августа (Ciampi, Bibliografia critica, I, 227); Стривери могъ получить его въ Краковѣ, куда оно было адресовано, въ началѣ сентября, и переслано въ Римъ вмѣстѣ съ депешами Рангони отъ 10-го сентября, которыя, намъ извѣстно,

и слѣдовательно, въ главной, наиболѣе существенной части, являлось постановленіемъ исключительно платоническимъ. Чѣмъ объяснить такое поведеніе Куріи?

Не надо забывать, что папа былъ не только предсѣдателемъ *духовной* коллегіи: онъ держалъ въ своихъ рукахъ еще и власть *свѣтскую*; былъ не только хранителемъ уставовъ церковныхъ, но и правителемъ государства, а потому не могъ всегда руководиться исключительно одними предписаніями церкви; онъ долженъ былъ считаться и съ соображеніями житейской пользы, примѣняться къ условіямъ данной минуты. Мы уже видѣли, какъ кардиналъ Камилло Боргезе, за годъ передъ тѣмъ, готовъ былъ, въ вопросѣ о причастіи, дать перевѣсъ соображеніямъ мірского характера. Теперь, ставши папою, онъ, повидимому, не измѣнилъ прежнему взгляду и не хотѣлъ создавать Димитрію опасныхъ затрудненій. Этимъ прежде всего слѣдуетъ объяснить уклончивый отвѣтъ 5-го ноября. Принять отвѣтственность на себя представлялось, для престижа церкви, болѣе рискованнымъ, чѣмъ возложить ее на простого священника, и Павелъ V сбросилъ съ своихъ плечъ тяжелую обузу, взваливъ ее на непосильныя плечи Савицкаго. Впрочемъ теперь, при создавшейся конъюнктурѣ, иного исхода, пожалуй, и не было: прямого согласія на соблюденіе схизматическаго обряда Курія дать не могла, прямое же неодобреніе, послѣ факта, уже воспослѣдовавшаго [1]), служило бы лишь распиской, по главнѣйшему пункту, въ собственномъ безсиліи, и въ этомъ отношеніи письмо Боргезе очень ловкій маневръ, опытной рукою замаскировавшій собственное пораженіе Куріи.

Такъ, до послѣдняго времени, стоялъ въ исторической литературѣ вопросъ объ условіяхъ пріемлемости для Римской куріи коронованія Димитрія въ Москвѣ. Новый документъ, напечатанный о. Ле-Башлэ [2]), вноситъ новыя данныя, но въ обстановкѣ, вызывающей нѣкоторыя недоумѣнія, а потому порождающей и новые вопросы. Прежде чѣмъ, однако, говорить объ этихъ недоумѣніяхъ, ознакомимся сперва съ содержаніемъ самого документа.

Новый документъ содержитъ три вопроса, поставленныхъ Конгре-

къ 1-му октября тамъ уже были получены (Ват. Архивъ. Nunziatura di Polonia, т. 173, л. 8).

[1]) Едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что коронованіе Димитрія произошло согласно обрядамъ церкви православной, безъ внесенія въ него ритуала католическаго; впрочемъ это особый вопросъ, о которомъ и говорить можно особо.

[2]) Auctarium Bellarminianum, 585—586.

гаціи на обсужденіе, и мнѣніе по поводу ихъ кардинала Беллармина; послѣднее о. Ле-Башлэ извлекъ изъ бумагъ кардинала, вопросы же онъ печатаетъ по списку архива Сант-Оффиціо, сообщенному ему о. Пирлингомъ, замѣчая при этомъ, что къ тремъ ихъ свела сама Конгрегація изъ общей совокупности вопросовъ, присланныхъ Савицкимъ [1]).

Вопросы слѣдующаго содержанія: 1) можетъ ли схизматическій епископъ совершить коронованіе Димитрія?—2) Можетъ ли послѣдній причащаться подъ обоими видами?—3) Дозволительно ли ему вообще слѣдовать правиламъ и обрядамъ Греческой церкви [2])?

А вотъ мнѣніе кардинала Беллармина. Ученый богословъ, онъ, хотя и не отказывается, для вящшей убѣдительности, отъ ссылокъ на церковные авторитеты, однако силу своихъ доказательствъ черпаетъ, главнымъ образомъ, въ самомъ фактѣ „схизматизма" и „еретичества" русской церкви. Свое разсужденіе (изложенное по-итальянски, со вставками на латинскомъ языкѣ) онъ разбиваетъ на двѣ части, изъ которыхъ одна является предпосылкой, а другая логическимъ изъ нея выводомъ.

Собственно говоря, кто такіе московиты? спрашиваетъ онъ. Московиты—это схизматики, полные отщепенцы отъ Римской церкви (scismatici in sommo grado). Ихъ схизма, къ тому же, осложнена ересью, такъ какъ у нихъ на лицо всѣ еретическія заблужденія грековъ, даже болѣе: они разводятся съ женой и женятся вторично, при жизни первой жены. Они откололись одинаково и отъ Римской

---

[1]) Приводимъ полностью примѣчаніе о. Ле-Башлэ къ тексту печатаемыхъ имъ вопросовъ—оно еще пригодится намъ въ дальнѣйшемъ изложеніи: „Rome, Archives du Saint-Office. 1604—1619. IV. Dubia aliqua seu errores schismaticorum super quibus dispensari petunt Demetrius Moschorum dux, Marina ejus sponsa et Wladislavus Sigismundus Poloniae princeps electus, Moschorum dux.—Ces questions résument une longue lettre du P. Sawicki qui contient toute l'histoire de Dmitri et finit par une série de questions, réduites à trois par le Saint-Office. (Je dois le texte des Questions et cette note à une bienveillante communication du R. P. Pierling)".

[2]) 1) An possit [Demetrius] a proprii Moschorum ritus episcopo schismatice coronari?—2) An possit sacramentum Eucharistiae sub utraque specie recipere?—3) Nisi aliter fieri posset, an omnibus Graecae Ecclesiae ritibus et sacris uti valeat? Слово „Demetrius" вставлено въ прямыя скобки, иначе говоря, внесено самимъ издателемъ, значитъ, въ рукописи не находится. Что касается до вопросовъ Савицкаго въ той формѣ, въ какой онъ самъ ихъ составилъ, то они извѣстны намъ лишь во французскомъ изложеніи о. Пирлинга (La Russie et le Saint-Siège, III, 243. Сравн. его же, Dmitri dit le Faux et les Jésuites, 10).

и отъ Греческой церкви, хотя прежде и пребывали съ послѣдней въ единеніи, поставляли своего митрополита у патріарха константинопольскаго. Нынѣ же великій князь московскій является какъ бы главою своей церкви, возводитъ и низводитъ митрополита по произволу. Обо всемъ этомъ пишетъ Поссевинъ, какъ очевидецъ; ему объ этомъ говорилъ самъ великій князь, съ которымъ онъ велъ публичный диспутъ [1]).

Таковъ фундаментъ, на которомъ строитъ Беллармнъ свое разсужденіе. Можно заранѣе предвидѣть, каково будетъ его содержаніе по существу.

На первый вопросъ—можно ли короноваться у схизматическаго епископа по обряду русской церкви?—кардиналъ отвѣчаетъ категорическимъ „нѣтъ“ и поясняетъ, почему. Во-первыхъ, говоритъ онъ, коронованіе будетъ совершать епископъ-схизматикъ и еретикъ; придется цѣловать у него руку; между тѣмъ недозволительно признавать таковаго митрополита за истиннаго епископа. Во-вторыхъ, коронованіе (la inauguratione) сопряжено съ вознесеніемъ молитвы и преподаніемъ благословенія, а имѣть, въ дѣлахъ священныхъ, общеніе съ схизматиками и еретиками не допустимо, какъ это ясно вытекаетъ изъ постановленій св. апостоловъ, соборовъ Лаодикейскаго, четвертаго Карѳагенскаго и другихъ. Если молитва не есть порожденіе вѣры, она теряетъ свой смыслъ. *Но какъ призывать Того,*— говоритъ ап. Павелъ—*въ Кого не увѣровали* [2])? То же и ап. Іаковъ: *И молитва вѣры исцѣлитъ болящаго* [3]). Такимъ образомъ сойтись на молитву все равно, что согласоваться въ своихъ вѣрованіяхъ (ideo convenire in oratione est convenire in fide). Вотъ почему католикамъ не слѣдуетъ ходить въ церковь къ еретикамъ. Въ этомъ случаѣ совсѣмъ не примѣнимо постановленіе Констанцскаго собора, допустившаго общеніе съ отлученными отъ церкви и отказавшаго въ немъ лишь тѣмъ, кто лично и поименно указанъ при отлученіи, какъ таковой, а также людямъ, нарочито и явно оскорбляющимъ лицъ духовнаго званія. Въ-третьихъ, добавляетъ Беллармнъ, при коронованіи обычно приносить клятву въ охраненіи вѣры и обрядовъ церковныхъ; но если ужъ приходится непремѣнно принимать

---

[1]) Любопытно отмѣтить, что дальше „Поссевина“ Беллармнъ не пошелъ: ему, видимо, осталось неизвѣстнымъ, что въ его пору высшимъ представителемъ русской церкви былъ уже не митрополитъ, а патріархъ.

[2]) Посл. къ Римл. гл. 10, ст. 14.

[3]) Посл. Іак. гл. 5, ст. 15.

корону изъ рукъ митрополита московскаго, то по крайней мѣрѣ не слѣдуетъ отвѣчать „аминь“ въ отвѣтъ на произнесенную молитву и не давать никакихъ клятвъ, противныхъ католической вѣрѣ.

Второй пунктъ—о причащеніи подъ обоими видами—Белларминъ призналъ одинаково не допустимымъ: это значило бы, по его мнѣнію, одно и то же, что пріобщиться къ схизмѣ и къ ереси; нѣтъ бо́льшаго доказательства схизматизма и еретичества, какъ принятіе св. даровъ изъ рукъ схизматика или еретика. Въ доказательство Белларминъ ссылается на св. Герменгильда, на „современныхъ еретиковъ“, указываетъ на то, какъ папы посылали навстрѣчу епископамъ св. дары въ знакъ своего общенія съ ними; ссылается на „Церковную исторію“ Евсевія (кн. 5; гл. 24), который цитуетъ слова св. Иринея.

Наконецъ, и на третій пунктъ—можно ли вообще слѣдовать правиламъ и обрядамъ Греческой церкви—данъ былъ такой же отрицательный отвѣтъ, „такъ какъ самый обрядъ есть схизматическій и еретическій“; если же встарину императоръ Ѳеодосій, пребывая въ Миланѣ, слѣдовалъ обряду латинскому, а въ Греціи—обряду греческому, то это было допустимо единственно потому, что въ ту пору оба обряда были одинаково католическими, одинаково правовѣрными.

Конгрегація Сантъ-Оффиціо, по выслушаніи мнѣнія Беллармина, постановила дать отрицательный отвѣтъ на сдѣланные запросы (Responsio negativa ad praefatas petitiones).

Таковы новыя данныя, внесенныя въ историческую литературу о Димитріи. Не трудно замѣтить, что, даже принимая ихъ такими, какъ они намъ предложены ученымъ издателемъ, обѣ записки, и Боргезе, и Беллармина, возникли не одновременно, такъ какъ, если первую нѣтъ никакихъ основаній отсрочивать до 1605 года, то, вспомнивъ, что самые запросы Савицкаго были переданы въ Римъ лишь въ іюлѣ 1605 г., никакъ нельзя записку Беллармина пріурочивать, какъ это дѣлаетъ о. Ле-Башлэ, къ 1604 году.

Разновременность появленія этихъ записокъ выводится и апріорнымъ путемъ: обѣ онѣ порождены извѣстными запросами, а эти послѣдніе, несомнѣнно, принадлежатъ двумъ разнымъ моментамъ, выросли на почвѣ двухъ разныхъ потребностей: кардиналу Боргезе приходилось обсуждать простой частный случай—о причащеніи во время обряда коронованія; передъ Белларминомъ стоялъ *рядъ* вопросовъ, изъ коихъ нѣкоторые носили характеръ принципіальный, отнюдь не

будучи пріурочены къ какому-нибудь одному опредѣленному моменту.

Но, дѣйствительно ли, вопросы, напечатанные у Ле-Башлэ, относятся къ Димитрію? Какими основаніями могла руководиться Конгрегація, съуживая тему своего сужденія? Можно ли сказать, что остальные вопросы Савицкаго, изъятые изъ обсужденія, не заслуживали вниманія? Что могло заставить игнорировать вопросъ о принесеніи клятвы въ сохраненіи православной вѣры? о чтеніи православныхъ книгъ и т. д.?

И еще, какъ согласовать категорическое и ясное рѣшеніе Конгрегаціи—„responsio negativa ad praefatas questiones"—съ распоряженіемъ папы, изложеннымъ въ письмѣ Боргезе 5-го ноября? Признать связь „Responsio" съ дѣломъ Димитрія не значило ли бы утверждать, что Павелъ V дѣйствовалъ явно вразрѣзъ съ св. коллегіей, а въ самомъ письмѣ видѣть плохо прикрытое къ ней неуваженіе? Имѣемъ ли мы достаточно къ тому основаній?...

Эти вопросы напрашиваются сами собою и въ то же время получаютъ вѣское оправданіе въ одномъ изъ сборниковъ Римской Національной библіотеки, гдѣ мы читаемъ:

Poloniae princeps electus Moschorum dux petit a Sanctissimo sibi indulgeri super infrasciptis. P°. ut possit coronari ab episcopo schismatico proprio Moschorum ritu. 2°. Sacramentum sub utraque specie recipere. 3°. Si aliter fieri non poterit omnibus Graecae ecclesiae ritibus uti, allegans Moschos esse in schismate pertinaces, et quod propterea nisi ipsorum ritu diademate ab episcopo suo inauguretur in principem non recognoscetur. Fuit per consultores in omnibus negative resolutum, praeter in primo articulo, in quo fuerunt in voto posse fieri ubi non interveniret sacra unctio. 13 Iulii 1617.—Fuit ei concessa licentia recipiendi coronam in casu necessitatis ab episcopo graeco ecclesiae catholicae Romanae unito. XI Januarii 1618 [1]).

Запись эта относится къ тому времени, когда польскій королевичъ Владиславъ готовился возсѣсть на московскомъ престолѣ. Обстоятельства, связанныя съ этимъ намѣреніемъ и съ этими надеждами, достаточно выяснены въ литературѣ; королевичъ, какъ извѣстно, обратился къ папѣ съ просьбою дозволить ему совершить короноваціе по обрядамъ греко-уніатской церкви: корону принять отъ епископа-уніата, а св. дары подъ обоими видами; на случай же, если

[1]) Biblioteca Vittorio Emanuele, fondo S. Andrea della Valle. № 1746 (103).

бы пришлось имѣть дѣло съ епископомъ православнымъ, онъ заранѣе испрашивалъ себѣ индульгенцію и всепрощеніе [1]). Дѣло требовало обсужденія его въ Сантъ-Оффиціо, что и породило вышеприведенную запись.

Самое бѣглое знакомство съ нею убѣждаетъ насъ въ томъ, что мы имѣемъ дѣло какъ разъ съ тѣми вопросами, которые о. Ле-Башлэ пріурочилъ къ дѣлу о Димитріи: почти тѣ же самыя выраженія, та же послѣдовательность въ изложеніи мыслей. Невольно спрашиваешь, неужели буквально то же самое было поставлено на обсужденіе Конгрегаціи въ 1617 г., что и въ 1605 году? Вѣдь тамъ, сколько извѣстно, вопросъ объ епископѣ-уніатѣ совсѣмъ и не поднимался! Кромѣ того, хотя и Димитрій, и Владиславъ, оба были одинаково католиками, но послѣдній исповѣдывалъ свою вѣру открыто, первый же въ глубокой тайнѣ—обстоятельство достаточное для того, чтобы и самый вопросъ обсуждался не всегда въ одной плоскости и съ одинаковыми пріемами. Конечно, по существу, оба дѣла были однородныя; но, если принять версію 1605 года, то настоящая редакція вопросовъ наталкивается на ничѣмъ необъяснимое несоотвѣтствіе ея съ первоначальнымъ источникомъ,—съ вопросами Савицкаго; между тѣмъ, отнесенная къ 1617 году, она совершенно совпадаетъ (по темѣ) съ тѣми пожеланіями, что высказалъ тогда Владиславъ. Слова Беллармина: „*если* ужъ приходится непремѣнно принимать корону изъ рукъ митрополита московскаго“ (ma quando ne si potesse far dimeno di pigliar la corona da qual metropolita) вскрываютъ альтернативу коронованія епископомъ православнымъ или уніатомъ,—альтернативу, которая, по отношенію къ Димитрію, никогда и не возникала: въ Римѣ вѣдь заранѣе знали, что при его коронованіи священнодѣйствовать будетъ именно схизматическій, а не какой иной епископъ. Белларминовское „если“—это прямой отвѣтъ на заявленіе Владислава, что безъ схизматическаго коронованія московскимъ царемъ его не признаютъ (allegans Moschos esse in schismate pertinaces, et quod propterea nisi ipsorum ritu diademate ab episcopo suo inauguretur in principem non recognoscetur). Точно также и указаніе на примѣръ императора Ѳеодосія, молившагося въ Миланѣ по латинскому, а въ Греціи по восточному обряду, явилось бы пустой фразою, иди рѣчь о Димитріи, но становится понятнымъ въ примѣненіи къ Владиславу, на котораго московская корона могла возложить обязанность

[1]) *Pierling*, La Russie et le Saint-Siége, III, 393.

соблюдать въ Москвѣ иной обрядъ, чѣмъ тотъ, какого онъ держался бы въ предѣлахъ Польскаго государства. Обращаетъ на себя вниманіе и такое обстоятельство: текстъ вопросовъ намъ извѣстенъ въ спискѣ, который входилъ въ составъ „дѣла“ о Владиславѣ, а не о Димитріи [1]).

Вообще версія о. Ле-Башлэ еще нуждается въ фактическихъ доказательствахъ, и пока таковыя не будутъ даны, мы считаемъ себя въ правѣ настаивать на томъ, что напечатанный имъ документъ имѣетъ отношеніе не къ русскому, а къ польскому претенденту на московскій престолъ. Не мало свѣта могъ бы пролить на все дѣло о. Пирлингъ, пользовавшійся въ свое время бумагами Сантъ-Оффиціо. Такъ напримѣръ, повидимому, у него въ рукахъ было мнѣніе кардинала Беллармина, неизвѣстно только, въ подлинномъ ли спискѣ, in-extenso, или въ пересказѣ; въ этихъ бумагахъ, вѣроятно, отыскалось бы и категорическое указаніе на эпоху, къ какой слѣдуетъ его пріурочить [2]).

Е. Шмурло.

Римъ, октябрь 1914 г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) См. выше перепечатку примѣчанія о. Ле-Башлэ.

[2]) Сравн., что онъ говоритъ на стр. 393—394, въ III-мъ томѣ своего извѣстнаго труда.

О ВЛ. С. СОЛОВЬЕВѢ ВЪ ЕГО МОЛОДЫЕ ГОДЫ.

Матеріалы къ біографіи.

V. *)

Въ краткой автобіографической замѣткѣ, составленной въ маѣ 1887 г., Вл. С. Соловьевъ выражается о своихъ учебныхъ занятіяхъ въ высшей школѣ, т. е. въ университетѣ и въ духовной академіи, такъ: „..... изучалъ естественныя науки въ Московскомъ университетѣ. Выдержавъ экзаменъ на кандидата историко-филологическаго факультета (въ томъ-же университетѣ), поступилъ вольнымъ слушателемъ въ Московскую духовную академію.“ [250]) Въ другой подобной-же замѣткѣ, написанной года черезъ три послѣ первой, въ 1890 г., мы находимъ такія строки: „Въ 1869 г. ..... поступилъ въ студенты Московскаго университета на физико-математическій факультетъ по отдѣлу естественныхъ наукъ. Въ 1872 г. вышелъ изъ физико-математическаго факультета и поступилъ вольнымъ слушателемъ на историко-филологическій факультетъ того-же университета. Въ 1873 г., по выдержаніи экзамена, получилъ степень кандидата историко-филологическихъ наукъ и затѣмъ поступилъ въ качествѣ вольнаго слушателя въ Московскую духовную академію, гдѣ и пробылъ одинъ учебный годъ.“ [251]) Такія-же данныя о Соловьевѣ содержатся и въ *Біографическомъ словарѣ*, относящемся до профессоровъ и преподавателей здѣшняго университета и изданномъ въ 1898 г., т. е. еще при жизни Соловьева. [252])

---

*) *Продолженіе.* См. майскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 1915 г.

[250]) *П.*, II, 185.

[251]) *П.*, II, 337.

[252]) См. выше, прим. 141-ое.

Не удивительно, конечно, если, при наличности приведенныхъ выше автобіографическихъ указаній, лица, интересовавшіяся біографіей Соловьева, повторяли съ небольшими варіантами эти-же самыя указанія, представлявшіяся имъ совершенно точными, и не усматривали особой надобности въ провѣркѣ разумѣемыхъ здѣсь данныхъ по документамъ. У В. Л. Величко мы читаемъ: „Въ Московскій университетъ онъ [т. е. Вл. С. Соловьевъ] поступилъ на физико-математическій факультетъ, прошелъ два курса и тщательно изучалъ естественныя науки, но потомъ, неожиданно для своихъ близкихъ и особенно для самого себя, не выдержалъ переходнаго экзамена по физикѣ на третій курсъ, не отвѣтивъ на какіе-то элементарные вопросы. Впослѣдствіи Владиміръ Сергѣевичъ презабавно разсказывалъ о «затмѣніи», которое нашло на него во время этого экзамена, а затѣмъ добавлялъ, что естественныя науки немало помогли ему разобраться въ вопросахъ вѣры и упрочить ее. Мнѣ неоднократно приходилось слышать отъ него, что на Богочеловѣка необходимо смотрѣть не только какъ на явленіе Божьей благодати, но и какъ на фактъ историческій, подготовленный цѣлымъ рядомъ обще-извѣстныхъ и провѣримыхъ событій, и какъ на фактъ естественно-историческій въ широкомъ и полномъ смыслѣ этого слова.—Со второго курса физико-математическаго факультета молодой ученый перешелъ прямо на третій курсъ историко-филологическаго, къ которому былъ вполнѣ подготовленъ обширными внѣшкольными трудами. Во время пребыванія въ университетѣ онъ также усердно слушалъ лекціи и въ Московской духовной академіи. Послѣднія занятія были, пожалуй, самыми главными для него, такъ-какъ онъ прежде всего богословскій писатель и проповѣдникъ. Легко можно себѣ представить, какой огромной массой труда были полны его юношескіе годы.—Блестяще окончивъ курсъ на двадцатомъ году, Владиміръ Соловьевъ былъ оставленъ при университетѣ и, не теряя времени, принялся писать магистерскую диссертацію.“ [253]) Приведемъ, далѣе, слова Э. Л. Радлова: „Окончивъ блестяще гимназію, В. С. Соловьевъ поступилъ въ Московскій университетъ на физико-математическій факультетъ, на которомъ и пробылъ два года.—Величайшимъ предметомъ его любви въ это время были плезіозавры и мастодонты, и онъ впослѣдствіи съ благодарностью вспоминалъ о пережитомъ увлеченіи, хотя «гистологическія упражненія и оказались болѣе пагубными для казен-

[253]) В. Л. Величко (прим. 10), стр. 18.

наго микроскопа, нежели назидательными для него самого.» Съ физико-математическаго факультета В. С. Соловьевъ перешелъ на 3-ій курсъ историко-филологическаго и въ то-же время, въ качествѣ вольнослушателя, усердно посѣщалъ лекціи Московской духовной академіи..... По окончаніи университета въ 1873 г. Соловьевъ оставался лѣто въ Москвѣ и готовился къ кандидатскому экзамену..... 8-го іюня 1873 г. В. С. Соловьевъ былъ утвержденъ въ званіи кандидата Московскаго университета по историко-филологическому факультету и, согласно ходатайству этого университета, оставленъ при немъ для дальнѣйшаго усовершенствованія по предмету философіи и для приготовленія къ профессорскому званію.“ [254]) Попутно Э. Л. Радловъ ссылается на самого Соловьева, который въ 1899 г., въ одной изъ статей своихъ, заявлялъ: „Я нисколько не жалѣю, что одно время величайшимъ предметомъ моей любви были палеозавры и мастодонты. Хотя «человѣколюбіе къ мелкимъ скотамъ», по выраженію одного героя Достоевскаго, заставляетъ меня доселѣ испытывать нѣкоторыя угрызенія совѣсти за тѣхъ піявокъ, которыхъ я искрошилъ бритвою, добывая «поперечный разрѣзъ»,—и тѣмъ болѣе, что это было злодѣйствомъ безполезнымъ, такъ-какъ мои гистологическія упражненія оказались болѣе пагубными для казеннаго микроскопа, нежели назидательными для меня,—но, раскаиваясь въ напрасномъ умерщвленіи этихъ младшихъ родичей, я только съ благодарностью вспоминаю пережитое увлеченіе. Знаю, что оно было полезно для меня, думаю, что пройти черезъ культъ естествознанія послѣ гегельянскихъ отвлеченностей было необходимо и полезно для всего русскаго общества въ его молодыхъ поколѣніяхъ.“ [255]) Ссылаясь на *Curriculum vitae* Соловьева, [256]) указывали и мы въ другомъ мѣстѣ, что въ 1869 г. онъ зачислился въ студенты Московскаго университета—именно по отдѣлу естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета. [257])

Ближайшее ознакомленіе съ подлинными оффиціальными докумен-

---

[254]) Э. Л. Радловъ (прим. 13), стр. 9—11.

[255]) *Соч.*, VIII, 310, 311; статья: *Идея сверхчеловѣка.*—Выраженіе: „палеозавры“ употреблено здѣсь, повидимому, вмѣсто выраженія: „плезіозавры“ (изъ порядка змѣе-ящерицъ).

[256]) Такъ озаглавлена вторая автобіографическая замѣтка Соловьева. См. *П.*, II, 337.

[257]) С. М. Лукьяновъ (прим. 17), стр. 71. 72.—Ср. также А. Г. Петровскаго, *Памяти Владиміра Сергѣевича Соловьева*; *Вопросы философіи и психологіи*, 1901 г., кн. 56, стр. 36;—стр. 39.

тами колеблетъ, однако, довольно неожиданнымъ образомъ многія изъ перечисленныхъ выше указаній, относящихся до учебныхъ занятій Соловьева въ его студенческіе годы,—притомъ даже въ тѣхъ пунктахъ, которые заимствуются изъ его собственныхъ записей. Конечно, было бы странно предполагать, что Соловьевъ умышленно вводилъ въ заблужденіе своихъ читателей и друзей, и дѣло объясняется всего проще тѣмъ, что онъ самъ не придавалъ особеннаго значенія различнымъ формальнымъ подробностямъ, а кое-что и перезабылъ; возможно также, что, воспроизводя разсказы Соловьева по памяти, близкія къ нему лица невольно погрѣшали противъ точности и привносили отъ себя вѣроятное въ качествѣ достовѣрнаго. Какъ бы то ни было, располагая теперь матеріалами, уцѣлѣвшими въ составѣ разныхъ архивныхъ „дѣлъ", мы должны возстановить дѣйствительность возможно полнымъ образомъ, внѣ зависимости отъ опубликованныхъ раньше не провѣренныхъ данныхъ. Существенныя черты картины остаются при этомъ, пожалуй, безъ измѣненія, но въ ней обнаруживаются все-таки и кое-какія новыя частности, не лишенныя біографическаго значенія.

И прежде всего, мы убѣждаемся въ томъ, что, вступая подъ кровъ Московскаго университета, Соловьевъ еще не имѣлъ строго опредѣленнаго намѣренія изучать естественныя науки и допускалъ, по крайней мѣрѣ, возможность посвятить себя изученію наукъ историко-филологическихъ. Каковы бы ни были его внутреннія влеченія, сначала онъ зачислился, во всякомъ случаѣ, въ студенты историко-филологическаго факультета, а не физико-математическаго. Вотъ копія съ подлиннаго собственноручнаго прошенія Соловьева, устраняющая всякія сомнѣнія по этой части: „Его Превосходительству Господину Ректору Императорскаго Московскаго Университета, Тайному Совѣтнику и Кавалеру Сергію Ивановичу Баршеву [258]) кончившаго курсъ въ 5-й Московской гим-

[258]) С. И. Баршевъ былъ ближайшимъ предшественникомъ С. М. Соловьева по ректорству. Свѣдѣнія объ его жизни и дѣятельности см., между прочимъ, въ *Большой Энциклопедіи*, изд. подъ ред. С. Н. Южакова и проф. П. Н. Милюкова, т. II, С.-Петербургъ, 1900 г.; стр. 635—636. Здѣсь мы находимъ такой общій отзывъ: „какъ ученый, Баршевъ одинъ изъ первыхъ въ Россіи пытался въ своемъ преподаваніи выработать общую систему институтовъ уголовнаго права, не ограничиваясь исключительно догматическимъ изученіемъ отдѣльныхъ узаконеній, и въ началѣ своей преподавательской дѣятельности являлся, дѣйствительно, выдающимся представителемъ русской криминалистики, зато подъ конецъ совершенно отсталъ отъ науки, ограничиваясь изъ года въ годъ чтеніемъ своихъ старыхъ записокъ." Репутація С. И. Баршева среди его сотоварищей по университету была довольно своеобразная, что не

назіи Владиміра Соловьева прошеніе.—Желая вступить въ число студентовъ Императорскаго Московскаго Университета по Историко-Филологическому факультету, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство допустить меня къ слушанію лекцій; документы же мои будутъ доставлены въ Правленіе Университета 5-ю гимназіею.—Владиміръ Соловьевъ." [259]) Дата на прошеніи не проставлена, но зато имѣется помѣтка (надо думать,—ректора): „8 авг."; указано также, что „документы доставлены". По входящему журналу прошеніе значится подъ № 1958. Въ „дѣлѣ" сохраняется, далѣе, „подписка" Соловьева въ томъ, что во все время пребыванія своего въ университетѣ онъ будетъ „подчиняться правиламъ и постановленіямъ университета". Подписка эта снабжена точною датою: „1869 года Августа мѣсяца 8 дня." [260]) Очевидно, подписка эта была дана Соловьевымъ одновременно съ представленіемъ прошенія о зачисленіи въ студенты университета.

Избраніе того или другого факультета было для Соловьева, съ формальной точки зрѣнія, дѣломъ совершенно простымъ, ибо, по дѣйствовавшему въ то время университетскому уставу 18-го іюня 1863 г., онъ могъ поступить на любой факультетъ безъ всякаго затрудненія. По *Правиламъ Московскаго Университета*, изданнымъ въ связи съ названнымъ выше уставомъ, лица, получившія аттестаты и свидѣтельства изъ гимназій Московскаго учебнаго округа, въ которыхъ, по предложенію попечителя округа, на экзаменахъ присутствовали депутаты отъ совѣта университета, принимаются въ студенты безъ новаго испытанія; только въ случаѣ возраженій, сдѣланныхъ депутатомъ по поводу экзаменовъ изъ какого-либо предмета, производится новое испытаніе въ университетѣ изъ этого предмета. [261]) Судя по всему, ни для Соловьева, ни для товарищей его по гимназическому выпуску 1869 г. никакихъ осложненій на этой

помѣшало, однако, его избранію въ ректоры. Рѣзкій на языкъ М. П. Погодинъ еще въ 1848 г. записалъ подъ 5-ымъ марта такія слова: „Толковалъ съ Страховымъ. Онъ передавалъ мнѣ мнѣнія Голохвастова, который желалъ ректорства Баршеву. Вотъ дуракъ-то! Это уже рѣшительное понятіе даетъ мнѣ объ его неспособности." Н. Барсуковъ, *Жизнь и труды М. П. Погодина;* кн. X, С.-Петербургъ, 1896 г.; стр. 122.

[259]) См. дѣло за № 262 (прим. 73).

[260]) Ср. прим. 259-ое.—О „подпискѣ" упоминается въ § 100-омъ Общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ 18-го іюня 1863 г. *Сборникъ постановленій* и т. д. (прим. 137), стр. 1039—1106;—стр. 1064.

[261]) *Сборникъ распоряженій по Министерству народнаго просвѣщенія;* т. III, С.-Петербургъ, 1867 г.; стр. 832—866; отд. I, § 2; стр. 832.

почвѣ не возникало. Правда, Соловьеву грозила другая опасность формальнаго свойства: по § 85-му университетскаго устава, [262]) въ студенты университета принимаются молодые люди, достигшіе 17-лѣтняго возраста, а вѣдь 8-го августа 1869 г. Соловьеву было всего около 16½ лѣтъ. Мы не знаемъ, какъ была обойдена эта помѣха,—возможно, что на нее, при наличности прекраснаго гимназическаго аттестата и золотой медали, просто не обратили вниманія, тѣмъ болѣе, что и въ *Правилахъ*, изданныхъ въ развитіе устава, о возрастѣ поступающихъ въ Московскій университетъ не упоминается. Такъ или иначе, но и съ этой стороны формальныхъ затрудненій для Соловьева не оказалось. [263]) Гораздо мудренѣе было рѣшеніе вопроса о факультетѣ по существу. Внутреннее броженіе, начавшееся въ Соловьевѣ въ четвертомъ классѣ гимназіи, ко времени поступленія его въ университетъ еще не разрѣшилось. Его тянуло къ естествознанію въ соотвѣтствіи съ господствовавшими тогда вѣяніями, истолкователемъ которыхъ былъ Д. И. Писаревъ. Достаточно припомнить статью сего послѣдняго: *Наша университетская наука*, появившуюся въ 1863 г., чтобы понять, насколько эти вѣянія были тогда сильны. [264]) Да и не

---

[262]) *Сборникъ постановленій* и т. д. (прим. 137), стр. 1061, 1062.

[263]) С. П. Соболевскій сообщилъ намъ изъ письма А. Н. Шварца нижеслѣдующій небольшой отрывокъ, относящійся до обсуждаемаго здѣсь вопроса: „Въ 1864 г., 16½ лѣтъ отъ роду, я [т. е. А. Н. Шварцъ] получилъ свидѣтельство объ окончаніи курса въ гимназіи, и хотя не могъ по правиламъ поступить въ университетъ (надо было имѣть 17 лѣтъ), но въ виду хорошаго аттестата (я имѣлъ серебряную медаль и выдержалъ хорошо экзаменъ по греческому языку уже въ гимназіи) былъ принятъ, такъ-же, какъ находившійся въ тѣхъ-же условіяхъ товарищъ мой, Н. Н. Шиллеръ, нынѣ Кіевскій профессоръ, въ число студентовъ по историко-филологическому факультету". Дата этого письма не указана.

[264]) *Сочиненія* Д. И. Писарева; т. III, С.-Петербургъ, 1912 г.; статья: *Наша университетская наука*; стр. 1—110.—О дѣятельности Д. И. Писарева въ связи съ дѣятельностью Н. Г. Чернышевскаго и Н. А. Добролюбова Ивановъ-Разумникъ выражается такъ: „Нигилизмомъ закончились шестидесятые годы..... Заключительные выводы могутъ быть отмѣчены въ немногихъ словахъ. Мы видѣли, прежде всего, что стихійный потокъ шестидесятыхъ годовъ смылъ систему оффиціальнаго мѣщанства, а съ нею вмѣстѣ и державшееся за нее мѣщанство этическое. Въ русскую жизнь «разночинецъ пришелъ», и русская интеллигенція, сдѣлавшись окончательно внѣсословной и внѣклассовой, продолжала борьбу за интересы человѣческой личности подъ знаменемъ соціализма, водруженнымъ еще Бѣлинскимъ и Герценомъ, но твердо укрѣпленнымъ въ русской почвѣ только Чернышевскимъ. Міровоззрѣнія Чернышевскаго, Добролюбова и Писарева рельефнѣе всего характеризуютъ собою эпоху шестидесятыхъ годовъ и яснѣе всего вскрываютъ коренную ошибку этой эпохи. *Непримиримое противорѣчіе между соціологическимъ индивидуализмомъ и эти-*

одинъ Д. И. Писаревъ клялся въ ту пору естествознаніемъ... Въ Соловьевѣ были живы, однако, и другія стремленія, заставлявшія его интересоваться факультетомъ историко-филологическимъ, гдѣ сосредоточивалось—хотя-бы и въ скромныхъ размѣрахъ—изученіе наукъ философскихъ. По университетскому уставу 1863 г., здѣсь преподавались логика, психологія, исторія философіи; такимъ образомъ, упрочивалось существованіе самостоятельной каѳедры философіи, возстановленной еще въ началѣ 1860 г., послѣ тяжелаго 10-лѣтняго опыта совмѣщенія философіи съ богословіемъ. [265]) Домашнія преданія направляли Соловьева точно также въ сторону историко-филологическаго факультета. По словамъ Л. М. Лопатина, С. М. Соловьевъ прямо-таки желалъ, чтобы сынъ его Владиміръ зачислился въ студенты именно этого факультета. [266]) А мы знаемъ, какъ вліятеленъ былъ этотъ авторитетъ въ глазахъ всей семьи вообще и въ глазахъ сына Владиміра въ частности. Нисколько не странно, если при такихъ условіяхъ первый выборъ колеблющагося юноши оказался не столько рѣшеннымъ его волею, сколько предрѣшеннымъ волею отца. Послѣдствія не заста-

---

ческимъ анти-индивидуализмомъ—центральная ошибка міровоззрѣній эпохи шестидесятыхъ годовъ, ошибка, усугублявшаяся еще болѣе намѣренно подчеркнутымъ эстетическимъ анти-индивидуализмомъ (особенно у Писарева). Это противорѣчіе, встрѣчавшееся ранѣе у Пушкина, Лермонтова и Бѣлинскаго, можно назвать своего рода «парадоксомъ эпохи шестидесятыхъ годовъ». Утверждать, подобно Писареву, что дальше самоцѣльности человѣческой личности еще ничего не видно въ процессѣ историческаго развитія, или, подобно Чернышевскому, что выше человѣческой личности нѣтъ на земномъ шарѣ ничего, и въ то-же время подчинять эту человѣческую личность и самоцѣльность человѣка принципу пользы,—это значило высказывать тотъ самый парадоксъ, который послужилъ ферментомъ разложенія міровоззрѣнію шестидесятыхъ годовъ; разложеніе это мы видѣли въ писаревщинѣ, въ нигилизмѣ. Семидесятымъ годамъ предстояло вскрыть ошибку этого парадокса и развить до высочайшей степени принципы и этическаго, и соціологическаго индивидуализма; исполненіе этой задачи выпало на долю Михайловскаго, Толстого и Достоевскаго, въ произведеніяхъ которыхъ русская общественная мысль достигла апогея развитія въ XIX-омъ вѣкѣ и наибольшей широты и глубины проникновенія принципами индивидуализма, соціологическаго и этическаго.“ Ивановъ-Разумникъ (прим. 7), т. II, стр. 95, 96.

[265]) С. В. Рождественскій (прим. 169), стр. 357.—Достойно вниманія, что сами митрополиты Московскій и Кіевскій настаивали на освобожденіи профессоровъ богословія отъ преподаванія логики и психологіи. *L. c.*

[266]) Припомнимъ, что у С. М. Соловьева влеченіе къ изученію исторіи обнаружилось очень рано. Повидимому, никакихъ особыхъ колебаній при выборѣ факультета у него не было. О воздѣйствіяхъ со стороны самого университета ср. С. М. Соловьева (прим. 11), апрѣль, стр. 454.

вили себя долго ждать: вскорѣ-же послѣ зачисленія въ студенты историко-филологическаго факультета Соловьевъ перебирается на факультетъ физико-математическій, уступая уже своему личному влеченію, вопреки внушеніямъ отца и совѣтамъ В. П. Басова, который полагалъ, что, по своимъ природнымъ дарованіямъ, его бывшій гимназическій ученикъ гораздо болѣе подходитъ къ факультету историко-филологическому, чѣмъ къ факультету физико-математическому. Н. И. Карѣевъ передавалъ намъ, что ближайшимъ поводомъ къ переходу съ одного факультета на другой послужило для Соловьева неблагопріятное впечатлѣніе отъ занятій греческимъ языкомъ у лектора Ю. К. Фелькеля, которыя показались ему слишкомъ элементарными и скучными.[267]) Но, само собою разумѣется, это—лишь поводъ, а не причина.

Считаемъ нелишнимъ остановиться здѣсь-же на вопросѣ объ отношеніи Соловьева къ наукамъ юридическимъ и медицинскимъ, преподаваемымъ на двухъ другихъ университетскихъ факультетахъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что расположенія къ изученію этихъ наукъ у него не было, что̀ не осталось, можетъ-быть, безъ вліянія какъ на выработку его юридическихъ взглядовъ, такъ и на его оцѣнку нѣкоторыхъ собственныхъ переживаній. Въ позднѣйшіе годы Соловьеву приходилось не мало препираться съ спеціалистами-юристами, а иногда оказываться даже слишкомъ мало освѣдомленнымъ по части житейскихъ юридическихъ отношеній. Область литературныхъ споровъ мы оставляемъ пока въ сторонѣ и коснемся лишь второй части этого замѣчанія. „Извѣстно, напр.," разсказываетъ кн. Е. Н. Трубецкой, „какъ высоко онъ [т. е. Вл. С. Соловьевъ] цѣнилъ положительный смыслъ земской дѣятельности, и однако, рядомъ съ этимъ мнѣ пришлось убѣдиться въ удивительной спутанности его представленій о земствѣ. Помнится, однажды намъ нужно было вмѣстѣ повидать одного общаго знакомаго, который оказался на земскомъ собраніи. Я пред-

---

[267]) Изъ университетскаго отчета за 1868 г. видно, что преподаваніе греческаго языка, по приглашенію историко-филологическаго факультета, было поручено доц. А. Л. Дюверну, вмѣсто командированнаго съ ученою цѣлью за-границу доц. Ѳ. Е. Корша, а также лект. Ю. К. Фелькелю. См. *Рѣчи и отчетъ* и т. д. (прим. 148), стр. 10. Въ отчетѣ за 1869 г. называются тѣ-же лица; кромѣ того, приглашенъ былъ, въ качествѣ сторонняго преподавателя, докторъ Іенскаго университета И. Х. Вибергъ. См. *Рѣчи и отчетъ, произнесенные въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета 12-го января 1870 года*; Москва, 1870 г.; стр. 11. Некрологъ И. Х. Виберга помѣщенъ въ отчетѣ за 1874 г. См. *Отчетъ и рѣчь, произнесенные въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго университета 12-го января 1875 года*; Москва, 1875 г.; приложеніе.

ложилъ его отыскать, и Соловьевъ былъ очень удивленъ моимъ заявленіемъ, что присутствовать въ качествѣ слушателей на собраніи могутъ посторонніе. Какъ онъ мнѣ сказалъ, онъ думалъ, что «земство—что-то въ родѣ канцеляріи». Въ особенности въ области экономической онъ поражалъ примитивностью своихъ сужденій. Такъ, однажды онъ высказалъ мнѣ, что признаетъ грѣхомъ брать проценты, хотя-бы и незначительные; однако, тутъ-же выяснилось, что онъ считаетъ совершенно негрѣховнымъ держать процентныя бумаги, такъ-какъ въ данномъ случаѣ плательщиками процентовъ являются государства, банки, вообще, учрежденія. Попытки объяснить ему какую-нибудь экономическую истину были безполезны: онъ отказывался слушать и даже увѣрялъ въ своей неспособности понимать.“ [268]) Мы, въ свою очередь, имѣли точно также случай подмѣтить неохоту Соловьева углубляться въ юридическія препирательства. [269]) Однажды, на вечерѣ у баронессы В. И. Икскуль-фонъ-Гилленбандъ, Соловьевъ читалъ передъ довольно многолюдной аудиторіей отрывокъ изъ *Оправданія добра*, объ уголовномъ вопросѣ съ нравственной точки зрѣнія. Въ числѣ слушателей было нѣсколько выдающихся юристовъ,—съ В. Д. Спасовичемъ во главѣ. Соловьевъ читалъ съ большимъ подъемомъ, но затѣмъ, когда юристы начали возражать ему, онъ какъ-то сразу поблекъ и не столько отражалъ нападенія, сколько вяло отшучивался отъ нихъ. Было ясно, что его мысль пребываетъ, по существу, не въ той плоскости, которую занимаетъ юриспруденція, и что ему совсѣмъ не хочется переходить — или спускаться? — на эту плоскость. [270]) Любопытно, съ другой стороны, указаніе кн. Е. Н. Тру-

---

[268]) Кн. Евгеній Трубецкой (прим. 91), т. I, стр. 7.

[269]) Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что вообще Соловьевъ не былъ завзятымъ спорщикомъ,—особенно въ обстановкѣ, такъ сказать, оффиціальной. Въ стихотвореніи: *Другу молодости* (*кн. Д. Н. Цертелеву*) мы находимъ такую строфу:—

Врагъ я этихъ умныхъ,
Громкихъ разговоровъ
И безплодно-шумныхъ
Безконечныхъ споровъ...

Стих., 138.—На „нѣкоторую нелюбовь [Соловьева] къ спорамъ, къ подробному обсужденію мнѣній людей противоположнаго направленія и стремленіе къ систематизаціи еще не доказанныхъ гипотезъ“ обращаетъ вниманіе и кн. Д. Н. Цертелевъ, которому посвящено выше цитированное стихотвореніе. Кн. Д. Н. Цертелевъ (прим. 193).

[270]) Эпизодъ этотъ относится къ половинѣ 90-ыхъ годовъ.—Разумѣемый здѣсь отрывокъ изъ *Оправданія добра* см. въ *Соч.*, VII, 311—337.

бецкого на то, какъ относился Соловьевъ къ медицинскому объясненію своихъ „видѣній“, которыя сопровождались у него почти всегда болевыми ощущеніями и другими болѣзненными явленіями. „По этому поводу я [т. е. кн. Е. Н. Трубецкой] какъ-то сказалъ ему: «твои видѣнія—просто-напросто галлюцинаціи твоихъ болѣзней.» Онъ тотчасъ согласился со мной. Но это согласіе нельзя истолковывать въ томъ смыслѣ, чтобы Соловьевъ отрицалъ реальность своихъ видѣній. Въ его устахъ слова эти значили, что болѣзнь дѣлаетъ наше воображеніе воспріимчивымъ къ такимъ воздѣйствіямъ духовнаго міра, къ которымъ люди здоровые остаются совершенно нечувствительными. Поэтому онъ въ подобныхъ случаяхъ не отрицалъ необходимости леченія. Онъ признавалъ въ галлюцинаціяхъ явленія субъективнаго и притомъ больного воображенія. Но это не мѣшало ему вѣрить въ объективную причину галлюцинацій, которая въ насъ *воображается, воплощается* черезъ посредство субъективнаго воображенія во внѣшней дѣйствительности. Словомъ, въ своихъ галлюцинаціяхъ онъ признавалъ *явленія медіумическія.* И въ самомъ дѣлѣ, какъ бы мы ни истолковывали спиритическія явленія, какого бы взгляда мы ни держались на ихъ причину, нельзя не признать, что самыя *явленія* переживались Соловьевымъ очень часто. Онъ во всякомъ случаѣ былъ очень сильный медіумъ, хотя медіумъ невольный, пассивный.“ [271]) И на этотъ разъ мы считаемъ умѣстнымъ сослаться на одинъ небольшой эпизодъ изъ нашихъ личныхъ воспоминаній. Въ очеркѣ, посвященномъ дуэли Пушкина, мы упомянули о статьѣ Соловьева: *Судьба Пушкина* и выразили, на основаніи безспорныхъ медицинскихъ данныхъ, ту простую мысль, что Пушкинъ, вопреки мнѣнію Соловьева, былъ убитъ не собственнымъ выстрѣломъ въ Дантеса, а выстрѣломъ Дантеса въ него. [272]) Не смотря на оговорку, что разсужденіе наше ведется здѣсь „съ собственно медицинской точки

---

[271]) Кн. Евгеній Трубецкой (прим. 91), т. I, стр. 21.

[272]) С. М. Лукьяновъ, *О послѣднихъ дняхъ жизни и о смерти А. С. Пушкина, съ медицинской точки зрѣнія*; *Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*, т. IV, кн. 3, 1899 г.; стр. 954—1014.— Соловьевъ придалъ, очевидно, слишкомъ большое значеніе словамъ д'Аршіака, который указывалъ, что, сдѣлавъ выстрѣлъ въ Дантеса, Пушкинъ дважды впадалъ въ полуобморочное состояніе. Совокупность данныхъ съ несомнѣнностью удостовѣряетъ, однако, что выстрѣломъ въ Дантеса Пушкинъ не могъ ухудшить своего тѣлеснаго состоянія сколько-нибудь значительно, или вообще настолько, чтобы именно этимъ выстрѣломъ опредѣлялся весь дальнѣйшій ходъ дѣла.—Статью: *Судьба Пушкина* см. въ *Соч.*, VIII, 27—53.

зрѣнія", Соловьевъ, при ближайшей личной встрѣчѣ, не преминулъ посѣтовать на то, что его взглядъ оспаривается. Онъ какъ-бы отрицалъ правомѣрность научно-медицинской точки зрѣнія, имѣющей совершенно достаточное обоснованіе, и приносилъ ее въ жертву другимъ точкамъ зрѣнія, упуская изъ виду, что требованія научнаго типа познанія не могутъ быть устранены простымъ отрицаніемъ, а должны быть такъ или иначе координированы съ требованіями другихъ типовъ познанія—философскаго, религіознаго, художественнаго. [273])

Не подтверждаются, далѣе, оффиціальными документами и приведенныя выше замѣчанія относительно прохожденія Соловьевымъ курса естественныхъ наукъ въ университетѣ. Во-первыхъ, на третій курсъ физико-математическаго факультета онъ, во всякомъ случаѣ, перешелъ, ибо сохранился подлинный документъ, въ которомъ Соловьевъ называетъ себя „студентомъ 3-го курса физико-математическаго факультета"; во-вторыхъ, на физико-математическомъ факультетѣ онъ состоялъ студентомъ не два года, а около 3 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, ибо только въ апрѣлѣ 1873 г. онъ ходатайствовалъ объ увольненіи его изъ числа студентовъ; въ-третьихъ, на третій курсъ историко-филологическаго факультета онъ никогда не переходилъ, ибо вообще ни студентомъ, ни постороннимъ слушателемъ (sensu proprio) этого факультета онъ не былъ; въ-четвертыхъ, университетскія занятія онъ закончилъ не на двадцатомъ году жизни, а на двадцать первомъ, ибо „аттестатъ" на степень кандидата онъ получилъ изъ университета не въ 1872 г., а въ 1873 г.; въ-пятыхъ, онъ не готовился къ кандидатскимъ экзаменамъ лѣтомъ 1873 г., по окончаніи курса въ университетѣ, ибо экзамены эти были имъ закончены уже къ 7-му іюня того-же года.

Все только-что сказанное выясняется съ полною отчетливостью при помощи нижеслѣдующихъ подлинныхъ матеріаловъ.—

18-го апрѣля 1873 г. Соловьевъ обращается къ ректору университета съ прошеніемъ такого содержанія: „Его Превосходительству Господину Ректору Императорскаго Московскаго Университета отъ студента Физико-математическаго факультета 3-го курса Соловьева Владиміра прошеніе.—Не желая продолжать курса ученія въ Московскомъ Университетѣ, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Превос-

---

[273]) Относительно четырехъ типовъ познанія см. нѣкоторыя замѣчанія въ очеркѣ: *Позитивная біологія A. Comte'a и философія*; С. М. Лукьяновъ, *Рѣчи и очерки*, С.-Петербургъ, 1899 г., стр. 175; *Вопросы философіи и психологіи*, 1898 г., кн. 42, стр. 216.

ходительство объ увольненіи меня изъ числа студентовъ и о выдачѣ мнѣ свидѣтельства объ ученіи и документовъ о рожденіи и происхожденіи.—Студентъ Владиміръ Соловьевъ.“ [274]) На оборотѣ прошенія имѣются помѣтки, удостовѣряющія, что Соловьевъ „поведенія очень хорошаго“, что книгъ за нимъ ни по университетской библіотекѣ, ни по студенческой—не числится, и что „по сбору денегъ за слушаніе лекцій препятствій [къ удовлетворенію его ходатайства] нѣтъ.“ [275])

Вслѣдствіе этого прошенія Соловьеву было выдано въ томъ-же мѣсяцѣ, 30-го числа, соотвѣтствующее „свидѣтельство“ по установленной формѣ: „Свидѣтельство.—Отъ Императорскаго Московскаго Университета, бывшему Студенту Физико-Математическаго Факультета, отдѣла Естественныхъ наукъ, 3-го курса, изъ дворянъ, Владиміру Соловьеву, въ томъ, что онъ, по окончаніи курса наукъ въ 5-й Московской Гимназіи съ награжденіемъ, за отличные успѣхи въ наукахъ, золотою медалью, въ Августѣ мѣсяцѣ 1869 года поступилъ въ число студентовъ сего Университета, гдѣ слушалъ профессорскія лекціи 1-го, 2-го и 3-го курсовъ означеннаго Факультета; поведенія былъ очень хорошаго; а нынѣ согласно прошенію изъ вѣдомства Московскаго Университета уволенъ, и какъ онъ полнаго курса наукъ не окончилъ, то и не можетъ пользоваться никакими правами, предоставленными студентамъ, окончившимъ курсъ Университетскаго ученія. При чемъ возвращается принадлежащее ему метрическое свидѣтельство о времени рожденія и крещенія. Дано въ Москвѣ. Апрѣля 30 дня 1873 года.—Ректоръ Университета, Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ С. Соловьевъ. — Секретарь по студентскимъ дѣламъ А. Головинъ.—№ 231.—У сего свидѣтельства Императорскаго Московскаго Университета печать.“ [276])

Тутъ-же, рядомъ съ черновикомъ „свидѣтельства“, подшитъ черновикъ „квитанціи“, выданной Владиміру Соловьеву 18-го апрѣля 1873 г., за подписью казначея А. Кудрявцева, „отъ Казначейскихъ дѣлъ Правленія Императорскаго Московскаго Университета“ въ томъ, что „слѣдующіе съ него одинъ рубль 50 коп. за увольнительное свидѣтельство 18 числа Апрѣля мѣсяца получены и въ приходъ по кассовой книгѣ записаны подъ № 715.“ [277])

---

[274]) Извлечено изъ „дѣла“ за № 262 (прим. 73).

[275]) *Ibidem.* — Ср. *Сборникъ распоряженій* и т. д. (прим. 261); *Правила Московскаго Университета,* отд. I, § 10; стр. 834.

[276]) „Дѣло“ за № 262 (прим. 73).

[277]) *Ibidem.*—Въ письмѣ на имя матери изъ Лондона отъ 12-го октября 1875 г.

На вопросъ, насколько успѣшно шли учебныя занятія Соловьева въ университетѣ на физико-математическомъ факультетѣ въ смыслѣ оффиціальномъ и формальномъ, можно будетъ отвѣтить тогда, когда у насъ будутъ подъ руками точныя свѣдѣнія хотя-бы о томъ, какъ онъ справлялся съ переходными экзаменами. [278]) Пока удовольствуемся данными очень неопредѣленными. По словамъ В. Л. Величко, Соловьеву не повезло на экзаменѣ по физикѣ (опять, значитъ, старая печаль!) при переходѣ на третій курсъ. Если предположить, что Соловьевъ получилъ при этомъ „0“ или „1“, то, по тогдашнимъ *Правиламъ*, онъ терялъ право продолжать экзамены и долженъ былъ остаться на томъ-же курсѣ на второй годъ. [279]) По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ держалъ затѣмъ снова переходные экзамены и перешелъ, наконецъ, на третій курсъ, студентомъ котораго онъ называетъ себя въ прошеніи отъ 18-го апрѣля 1873 г. Возможно, однако, что провалъ былъ не столь рѣшительный, и что, получивши, напр., „двойку“, Соловьевъ перебрался все-таки на третій курсъ послѣ одногодичнаго пребыванія на второмъ курсѣ. Въ такомъ случаѣ двухлѣтнее пребываніе нужно пріурочить не ко второму, а къ третьему курсу. Насколько можетъ припомнить Л. М. Лопатинъ, Соловьевъ оставался два года именно на третьемъ курсѣ, и произошло это вслѣдствіе того, что онъ не додержалъ экзаменовъ—очевидно, въ концѣ перваго года пребыванія на этомъ курсѣ, ибо въ апрѣлѣ четвертаго академическаго года онъ уже ходатайствовалъ объ увольненіи его изъ университета. [280]) Указаніе В. Л. Величко о затрудненіи съ экзаменомъ по физикѣ едва-ли можно отнести не ко второму курсу, а къ третьему, такъ-какъ „физика“ читалась студентамъ лишь на первыхъ двухъ курсахъ. [281]) По словамъ Л. М. Лопатина, Соловьева, дѣйствительно, постигла нѣкая экзаминаціонная бѣда—не сумѣлъ сдѣлать какое-то вычисленіе. Какъ бы то ни было, достигнуть четвертаго курса физико-математическаго факультета Соловьеву не посчастливилось, хотя онъ и пробылъ на этомъ факуль-

---

(стиль не указанъ) Соловьевъ справляется, „какъ зовутъ университетскаго казначея Кудрявцева“, отъ котораго онъ „получилъ письмо, требующее отвѣта“. *П.*, II, 12.

[278]) Поиски, предпринятые въ этомъ направленіи въ архивѣ Московскаго университета, доселѣ успѣхомъ не увѣнчались.

[279]) *Правила* и т. д. (прим. 261), отд. II, § 15; стр. 836.

[280]) Другими словами, дѣло происходило передъ самыми экзаменами, такъ-что и „додерживать“ было нечего.

[281]) Ср. ниже данныя о распредѣленіи различныхъ лекцій по курсамъ.

тетѣ узаконенные для четырехъ курсовъ четыре года, — съ осени 1869 г. по весну 1873 г. [282])

Помѣхи, встрѣтившіяся на студенческомъ пути Соловьева, не слѣдуетъ, конечно, преувеличивать. Въ общемъ, онъ и въ университетѣ преуспѣвалъ—по крайней мѣрѣ, по нѣкоторымъ предметамъ и въ школьномъ смыслѣ—не менѣе хорошо, чѣмъ въ гимназіи. Уцѣлѣло, между прочимъ, свидѣтельство проф. Н. Н. Кауфмана, передаваемое вдовою его, со словъ покойнаго ея мужа, въ такихъ выраженіяхъ: „Это былъ для меня настоящій пиръ души—экзаменъ, который я производилъ сыну Сергѣя Михайловича [Соловьева]. Я наслаждался его отвѣтами, его блестящими, неожиданными обобщеніями. Для меня тогда-же была несомнѣнна его признанная впослѣдствіи геніальность.“ Н. Н. Кауфманъ—ординарный профессоръ по каѳедрѣ ботаники. И по воспоминаніямъ Л. М. Лопатина, экзамены проходили у Соловьева хорошо, если оставить въ сторонѣ случай съ неудачнымъ вычисленіемъ. Изъ профессоровъ, которыхъ Соловьевъ охотно слушалъ на физико-математическомъ факультетѣ, слѣдуетъ назвать, кромѣ Н. Н. Кауфмана, еще А. П. Богданова и С. А. Усова, какъ наиболѣе выдающихся. А. П. Богдановъ и С. А. Усовъ преподавали зоологію.

Пользуясь „росписаніемъ времени преподаванія учебныхъ предметовъ“ въ Московскомъ университетѣ, мы можемъ представить краткій обзоръ преподаванія за интересующіе насъ учебные годы и по физико-математическому факультету, и по историко-филологическому. [283]) Приводимъ данныя по обоимъ факультетамъ въ виду того, что урывками Соловьевъ слушалъ, вѣроятно, кое-какія лекціи и у профессоровъ второго изъ только-что названныхъ факультетовъ, не смотря на свою

---

[282]) П. А. Зиловъ (прим. 217) писалъ намъ: „Соловьевъ, дѣйствительно, былъ одновременно со мною въ университетѣ, но онъ былъ на естественномъ отдѣленіи, а я на математическомъ. Въ университетѣ мы, насколько помню, не встрѣчались, да Соловьевъ, кажется, вовсе и не посѣщалъ лекцій. Поступивъ въ 1869 г. на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета по уговору одного изъ своихъ пріятелей (Коротнева), онъ очень скоро охладѣлъ къ естественнымъ наукамъ, и не дотянулъ до конца. Кандидатскій экзаменъ онъ держалъ по историко-филологическому факультету, въ качествѣ «посторонняго лица», какъ это значится въ *Отчетѣ Московскаго университета* за 1874 г. (р. 57). Я никогда не былъ близокъ съ Соловьевымъ и у него не бывалъ. Встрѣчалъ его у Писемскаго и Коротнева, его гимназическихъ товарищей...“

[283]) Какъ эти, такъ и нѣкоторыя другія оффиціальныя свѣдѣнія изъ архива Московскаго университета доставлены намъ С. И. Соболевскимъ.

формальную принадлежность къ факультету физико-математическому.[284])

Въ $18\frac{69}{70}$-омъ учебномъ году студентамъ перваго курса физико-математическаго факультета читались лекціи: по богословію орд. проф. Н. А. Сергіевскимъ; по математикѣ э.-орд. проф. В. Я. Цингеромъ; по начертательной геометріи преп. Лебедевымъ; по физикѣ орд. проф. Н. А. Любимовымъ; по физической географіи доц. А. Г. Столѣтовымъ; по ботаникѣ орд. проф. Н. Н. Кауфманомъ; по зоологіи безпозвоночныхъ орд. проф. А. П. Богдановымъ, и по анатоміи человѣка доц. Я. А. Борзенковымъ.

Въ $18\frac{70}{71}$-омъ учебномъ году на второмъ курсѣ студентамъ того-же факультета читались лекціи: по математикѣ В. Я. Цингеромъ; по высшей геометріи имъ-же; по механикѣ орд. проф. Ѳ. А. Слудскимъ; по физикѣ Н. А. Любимовымъ; по физической географіи А. Г. Столѣтовымъ; по астрономіи орд. проф. Ѳ. А. Бредихинымъ; по химіи орд. проф. Н. Э. Лясковскимъ; по ботаникѣ Н. Н. Кауфманомъ; по зоологіи безпозвоночныхъ А. П. Богдановымъ, и по сравнительной анатоміи э.-орд. проф. Я. А. Борзенковымъ.

Въ $18\frac{71}{72}$-омъ учебномъ году для третьяго курса были назначены лекціи: по математикѣ у орд. проф. Н. В. Бугаева и орд. проф. А. Ю. Давидова; по высшей алгебрѣ у В. Я. Цингера; по теоріи вѣроятностей у А. Ю. Давидова; по механикѣ у Ѳ. А. Слудскаго; по практической математикѣ у Лебедева; по астрономіи у Ѳ. А. Бредихина; по практической астрономіи у директора обсерваторіи Б. Я. Швейцера и астр.-набл. А. Громадзскаго; по сельскому хозяйству у орд. проф. Я. Н. Калиновскаго; по агрономической химіи у доц. Н. Е. Лясковскаго; по технологіи у доц. И. П. Архипова; по анатоміи и физіологіи растеній у доц. И. Д. Чистякова; по зоологіи у А. П. Богданова и С. А. Усова; по сравнительной анатоміи у Я. А. Борзенкова, и по минералогіи у э.-орд. проф. М. А. Толстопятова.

Въ $18\frac{72}{73}$-омъ учебномъ году на четвертомъ курсѣ студенты слушали лекціи: по математикѣ у Н. В. Бугаева; по динамикѣ у Ѳ. А. Слудскаго; по математической физикѣ у э.-орд. проф. А. Г. Столѣтова; по практической механикѣ у Лебедева и преп. Ѳ. Е. Орлова;

---

[284]) Впрочемъ, по словамъ Н. И. Карѣева, охоты къ посѣщенію лекцій профессоровъ, преподающихъ на историко-филологическомъ факультетѣ, Соловьевъ не обнаруживалъ.

по астрономіи и практической астрономіи у Ѳ. А. Бредихина и Б. Я. Швейцера; по агрономической химіи у доц. Н. Е. Лясковскаго; по технической химіи у И. П. Архипова; по физіологіи растеній у преп. К. А. Тимирязева; по физіологіи у э.-орд. проф. Ѳ. П. Шереметевскаго, и по геологіи у засл. проф. Г. Е. Щуровскаго.

Всѣ эти предметы преподаванія распредѣлялись, какъ водится, по двумъ отдѣленіямъ: отдѣленію наукъ математическихъ и отдѣленію наукъ естественныхъ. [285]) Распредѣленіе было приблизительно такое-же, какъ и въ послѣдующія времена.

Что касается историко-филологическаго факультета, то въ $18\frac{69}{70}$-омъ учебномъ году на первомъ курсѣ читались лекціи: по богословію Н. А. Сергіевскимъ; по греческому языку лект. Ю. К. Фелькелемъ; по латинскому языку и. д. адъюнкта Г. А. Ивановымъ; по древней исторіи заслуж. проф. М. С. Куторгой; по введенію въ исторію русской литературы орд. проф. Ѳ. И. Буслаевымъ; по исторіи новой русской литературы и. д. адъюнкта Н. С. Тихонравовымъ; по славянскимъ нарѣчіямъ доц. А. Л. Дювернуа, и по исторіи всеобщей литературы преп. А. Н. Веселовскимъ.

Въ $18\frac{70}{71}$-омъ учебномъ году студенты второго курса историко-филологическаго факультета слушали лекціи: по логикѣ и философской пропедевтикѣ у орд. проф. П. Д. Юркевича; по греческому языку у Ю. К. Фелькеля и доц. Ѳ. Е. Корша; по латинскому языку у Г. А. Иванова; по древней исторіи у М. С. Куторги; по средней исторіи и по всеобщей исторіи у св.-шт. орд. проф. В. И. Герье, у котораго былъ также историческій семинарій; по русской исторіи у орд. проф. С. М. Соловьева; по исторіи древней русской литературы у Ѳ. И. Буслаева, и по исторіи новой русской литературы у э.-орд. проф. Н. С. Тихонравова.

---

[285]) Изъ „дѣла“ 1864 г., за № 54, извлеченія изъ котораго доставлены намъ С. И. Соболевскимъ, усматривается, что, при обсужденіи проекта физико-математическаго факультета университета св. Владиміра объ удержаніи раздѣленія факультета на два отдѣленія, члены физико-математическаго факультета Московскаго университета одобрили такое раздѣленіе, „тѣмъ болѣе, что математическій факультетъ Московскаго университета, съ разрѣшенія Главнаго Правленія Училищъ, уже раздѣленъ на два отдѣленія, а опытъ показалъ удобство такого раздѣленія“ (донесеніе физико-математическаго факультета Московскаго университета въ совѣтъ университета отъ 2-го марта 1864 г.).—См., далѣе, *Сборникъ распоряженій по Министерству народнаго просвѣщенія*, т. IV, С.-Петербургъ, 1874 г.; стр. 656 (255. Декабря 13 [1868 г.].—*О спеціализаціи преподаванія въ физико-математическихъ факультетахъ университетовъ).*

Въ $18\frac{71}{72}$-омъ учебномъ году для третьяго курса были назначены лекціи: по психологіи и исторіи философіи у П. Д. Юркевича; по греческому языку у стор. преп. И. Х. Виберга и Ѳ. Е. Корша, съ практическими упражненіями въ греческомъ языкѣ у перваго изъ нихъ; по латинскому языку у орд. проф. П. М. Леонтьева, у котораго былъ также греко-латинскій семинарій; по исторической критикѣ у М. С. Куторги; по всеобщей исторіи у В. И. Герье, который велъ и историческій семинарій; по исторіи русской литературы у Ѳ. И. Буслаева и орд. проф. Н. С. Тихонравова,—у послѣдняго, кромѣ того, семинарій; по славянскимъ нарѣчіямъ у А. Л. Дювернуа, и по статистикѣ у орд. проф. И. К. Бабста.

Наконецъ, въ $18\frac{72}{73}$-омъ учебномъ году, по отношенію къ студентамъ четвертаго курса, слѣдуетъ назвать лекціи: по исторіи древней философіи П. Д. Юркевича; по греческому языку И. Х. Виберга и Ѳ. Е. Корша,—у перваго изъ нихъ, кромѣ того, практическія упражненія въ греческомъ языкѣ; по латинскому языку э.-орд. проф. Г. А. Иванова; по исторической критикѣ М. С. Куторги; по всеобщей исторіи В. И. Герье, у котораго былъ и историческій семинарій; по русской исторіи Н. А. Попова, — у него-же, совмѣстно съ заслуж. проф. С. М. Соловьевымъ, русскій историческій семинарій; по исторіи русской народной поэзіи Ѳ. И. Буслаева,—у него-же и соотвѣтствующій семинарій; по исторіи русской словесности Н. С. Тихонравова; по славянскимъ нарѣчіямъ А. Л. Дювернуа; по теоріи и исторіи искусствъ доц. К. К. Герца, и по церковной исторіи э.-орд. проф. А. М. Иванцова-Платонова.

Въ первые годы разсматриваемаго періода раздѣленіе историко-филологическаго факультета на отдѣленія въ Московскомъ университетѣ едва намѣчалось—по крайней мѣрѣ, въ оффиціальномъ смыслѣ. Лишь 24-го іюня 1872 г. послѣдовало распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія о томъ, чтобы, согласно ходатайству совѣта Московскаго университета и вслѣдствіе представленія попечителя Московскаго учебнаго округа, студенты историко-филологическаго факультета были раздѣлены по спеціальностямъ: а) древне-классической филологіи, б) славяно-русской филологіи и в) историческихъ наукъ. [286]) Въ относя-

---

[286]) *Сборникъ распоряженій по Министерству народнаго просвѣщенія*, т. V, С.-Петербургъ, 1881 г.; стр. 478 (190. Іюня 24. [1872 г.]. — *О дѣленіи студентовъ историко-филологическаго факультета Московскаго университета по спеціальностямъ*).

щемся къ этому дѣлу представленіи попечителя округа упоминается, однако, что подобное раздѣленіе было введено на факультетѣ, съ разрѣшенія совѣта, опыта ради, еще два года тому назадъ. [287]) При вновь устанавливаемомъ порядкѣ рѣшено было допустить раздѣленіе студентовъ по спеціальностямъ не раньше, какъ по окончаніи третьяго курса, да и то лишь при соблюденіи нѣкоторыхъ особыхъ условій. „Общіе предметы преподаванія для студентовъ первыхъ трехъ курсовъ суть: а) богословіе (на 1-омъ курсѣ), б) философія, а именно: исторія древней философіи, логика и психологія (на трехъ курсахъ), в) древніе языки (на трехъ курсахъ), г) церковно-славянскій языкъ, исторія русскаго языка и литературы (на трехъ курсахъ), д) всеобщая исторія (на трехъ курсахъ) и русская исторія (на одномъ курсѣ.“ [288]) На четвертомъ курсѣ преподаются лишь спеціальные предметы, соотвѣтственно наименованію каждаго подраздѣленія. По вышеупомянутымъ *Правиламъ*, [289]) для переводовъ съ низшаго курса на высшій принимаются въ соображеніе, безъ различія, всѣ предметы, преподаваемые студентамъ, для удостоенія же степени и званія— только предметы, относящіеся спеціально къ каждому факультету или отдѣленію (§§ 13—15 университетскаго устава 1863 г.). Прибавимъ кстати, что въ *Правилахъ* отмѣчаются весьма тщательнымъ образомъ даже самыя мелкія подробности, относящіяся до экзаменовъ (студенты отвѣчаютъ стоя; „билеты“ для испытаній вынимаются по жребію; знанія оцѣниваются баллами: „0“, „1“, „2“, „3“, „4“ и „5“; значеніе дробей балловъ — напр., „$3^7/_{15}$“, „$4^8/_{17}$“ — опредѣляется не менѣе заботливо, какъ и значеніе полныхъ балловъ, и т. д.).

Едва-ли строгій, точный и исполнительный С. М. Соловьевъ относился совершенно спокойно къ двухлѣтнему пребыванію сына Владиміра на одномъ и томъ-же курсѣ, и едва-ли была ему по-сердцу подача имъ прошенія объ увольненіи его изъ числа студентовъ раньше доведенія до нормальнаго конца предпринятыхъ имъ по физико-математическому факультету занятій. Правда, мы сейчасъ увидимъ, что

---

[287]) *Ibidem*, стр. 479.—По университетскому уставу 1863 г., раздѣленіе факультетовъ на отдѣленія отнесено къ числу тѣхъ „предметовъ занятій совѣта“, которые подлежатъ представленію, черезъ попечителя, на утвержденіе министра (§ 42, лит. В, п. 3). *Сборникъ постановленій* и т. д. (прим. 260), стр. 1052. Вотъ почему раздѣленіе, допущенное совѣтомъ „въ видѣ опыта“, потребовало въ концѣ концовъ санкціи министерства.

[288]) *Сборникъ распоряженій* и т. д. (прим. 286), стр. 480.

[289]) *Правила* и т. д. (прим. 261), отд. II, § 34; стр. 839.

подача этого прошенія сопровождалась подачею другого прошенія, открывавшею вполнѣ благоприличный выходъ изъ создавшагося положенія; но вѣдь мало-ли что̀ можетъ случиться? — при неудачѣ кандидатскаго экзамена Владиміръ Соловьевъ рисковалъ остаться съ титуломъ „недоучившагося студента", безъ всѣхъ тѣхъ житейскихъ преимуществъ, которыя обезпечиваются дипломомъ...

Одновременно съ прошеніемъ объ увольненіи изъ числа студентовъ, т. е. въ тотъ-же самый день, 18-го апрѣля 1873 г., Вл. С. Соловьевъ подаетъ на имя университетскаго начальства другое прошеніе, выраженное такъ: „Его Превосходительству Господину Ректору Императорскаго Московскаго Университета отъ студента Владиміра Соловьева прошеніе. — Желая получить степень кандидата по историко-филологическому факультету, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство допустить меня къ установленному испытанію. Документы мои находятся въ Совѣтѣ Университета. — Студентъ Владиміръ Соловьевъ.—Апрѣля 18-го дня 1873 года.—Жительство имѣю: въ Денежномъ переулкѣ въ домѣ Дворцовой Конторы." [290])

То, что Соловьевъ именуетъ себя въ этомъ прошеніи „студентомъ", не можетъ, конечно, подавать повода къ недоразумѣнію: вѣдь оффиціально изъ числа студентовъ онъ еще не уволенъ. Воспроизведенное здѣсь прошеніе включено, однако, въ составъ „дѣла" о допущеніи къ испытанію на степень кандидата по историко-филологическому факультету *бывшаго* студента Владиміра Соловьева, что̀ точно также вполнѣ понятно.

Чѣмъ же руководствовался нашъ будущій докторъ философіи, возбуждая ходатайство о допущеніи бывшаго студента физико-математическаго факультета къ экзамену прямо на степень кандидата по факультету историко-филологическому? — По § 94-му университетскаго устава 1863 г., студенты, окончившіе полныя испытанія съ отличнымъ успѣхомъ, удостоиваются, по представленіи ими диссертаціи и по одобреніи оной факультетомъ, степени кандидата; студенты же, оказавшіе на испытаніяхъ только удовлетворительные успѣхи, или хотя и оказавшіе отличные успѣхи, но представившіе диссертаціи, не заслужившія одобренія, получаютъ званіе дѣйствительнаго студента. [291]) Таковъ былъ обычный порядокъ, примѣнявшійся къ студентамъ, какъ таковымъ. Но тотъ-же уставъ,

---

[290]) Извлеченіе изъ „дѣла" 1873 г., за № 142, Совѣта И. Московскаго университета, доставленное С. И. Соболевскимъ.

[291]) *Сборникъ постановленій* и т. д. (прим. 260), стр. 1063.

благодаря наличности § 115-го, открывалъ дорогу къ ученой степени кандидата и „слушателямъ университетскихъ лекцій“ (т. е. нестудентамъ), и вообще „постороннимъ лицамъ“, если только эти „слушатели“ и „лица“ могли представить свидѣтельства о выдержанномъ ими испытаніи изъ предметовъ полнаго гимназическаго курса; къ испытаніямъ на званіе дѣйствительнаго студента они, по понятнымъ причинамъ, доступа не имѣли.[292]) Создавалось, такимъ образомъ, льготное положеніе для всѣхъ тѣхъ, кто почему-либо не зачислялся въ студенты, а между-тѣмъ искалъ выхода на ученый путь подъ контролемъ университета, отъ котораго и зависѣло, согласиться или не согласиться на разумѣемыя здѣсь ходатайства. По § 113-му университетскаго устава, ученыя степени пріобрѣтаются въ порядкѣ ихъ постепенности и въ опредѣленные сроки: кандидатъ черезъ годъ можетъ искать степени магистра, а магистръ черезъ годъ степени доктора.[293]) Какихъ-либо ограничительныхъ оговорокъ относительно кандидатовъ изъ „слушателей университетскихъ лекцій“ и „постороннихъ лицъ“ въ этомъ параграфѣ не содержится, и, какъ показываетъ примѣръ самого Вл. С. Соловьева, кандидаты такого происхожденія могли, при благопріятныхъ условіяхъ, достигать высшихъ ученыхъ степеней наравнѣ съ кандидатами изъ студентовъ. Уволенный изъ числа студентовъ, Соловьевъ становился „постороннимъ лицомъ“, ибо „бывшій студентъ“ не есть опредѣленное званіе, а есть лишь условное обозначеніе, свидѣтельствующее, между прочимъ, о томъ, что гимназическій курсъ даннымъ лицомъ пройденъ, такъ или иначе, успѣшно. Съ этой-же точки зрѣнія должны быть понимаемы и слова прошенія: „Документы мои находятся въ Совѣтѣ Университета.“ Сдѣлаться „слушателемъ университетскихъ лекцій“ Соловьевъ не имѣлъ времени, ибо академическій годъ уже заканчивался: по уставу 1863 г., академическій годъ продолжался отъ 15-го августа до 1-го іюня.[294])

Относительно испытаній студентовъ *Правила Московскаго Университета* указываютъ, между прочимъ, что испытанія производятся экзаминаціонными комиссіями, назначаемыми для экзамена изъ каждой науки; такую комиссію составляютъ, подъ предсѣдательствомъ декана, преподаватель науки, изъ которой производится экзаменъ, и депу-

---

[292]) *Ibidem*, стр. 1068.
[293]) *Ibidem*, стр. 1067, 1068.
[294]) *Ibidem*, стр. 1062 (§ 92 университетскаго устава).

татъ отъ факультета.[295]) Экзаменъ студентамъ четвертаго курса начинается съ письменныхъ отвѣтовъ, въ присутствіи факультета; если отвѣты окажутся, по мнѣнію факультета, совершенно неудовлетворительными, то дальнѣйшіе экзамены возбраняются.[296]) Испытанія производятся вообще въ маѣ мѣсяцѣ.[297]) Кандидатскія разсужденія пишутся на темы, избранныя самими студентами, съ одобренія преподавателей соотвѣтствующихъ наукъ, и подаются декану до 15-го апрѣля; деканъ поручаетъ разсмотрѣніе этихъ разсужденій членамъ факультета, по общему соглашенію; отзывы о разсужденіяхъ должны быть письменные и обсуждаются всѣмъ факультетомъ in corpore.[298]) По окончаніи всѣхъ испытаній въ маѣ мѣсяцѣ, назначается факультетское засѣданіе для обсужденія результатовъ экзаменовъ; къ этому времени должны быть готовы и отзывы о кандидатскихъ разсужденіяхъ.[299]) Всѣ только-что отмѣченныя правила относятся къ студентамъ историко-филологическаго, физико-математическаго и юридическаго факультетовъ; экзамены на медицинскомъ факультетѣ представляли нѣкоторыя особенности, сообразно съ особымъ характеромъ медицинскихъ наукъ. Помимо представленія кандидатскаго разсужденія, для полученія степени кандидата требовались высокіе баллы на экзаменахъ и знаніе новыхъ языковъ, удостовѣряемое свободнымъ переводомъ спеціальныхъ сочиненій съ французскаго или нѣмецкаго языковъ. Испытанія на степень кандидата „слушателей университетскихъ лекцій“ и „постороннихъ лицъ“, возможныя только на факультетахъ историко-филологическомъ, физико-математическомъ и юридическомъ, такъ-какъ для медиковъ степени кандидата вовсе не было положено, производились въ тѣхъ-же общихъ условіяхъ, что и экзамены для студентовъ.[300])

Возня съ экзаменами на степень кандидата отняла у Соловьева немного времени. Уже 7-го іюня 1873 г., т. е. черезъ семь недѣль послѣ подачи имъ прошенія о допущеніи его къ этимъ экзаменамъ, историко-филологическій факультетъ входитъ въ совѣтъ университета съ представленіемъ за № 29 объ утвержденіи Владиміра Со-

---

[295]) *Правила* и т. д. (прим. 261), отд. II, § 5; стр. 834, 835.

[296]) *Ibidem*, отд. II, §§ 26 и 27; стр. 838.

[297]) *Ibidem*, отд. II, § 3; стр. 834.

[298]) *Ibidem*, отд. II, §§ 23 и 24; стр. 837, 838.

[299]) *Ibidem*, отд. II, § 33; стр. 839.

[300]) Н. И. Карѣевъ передавалъ намъ, что Соловьевъ держалъ экзамены, дѣйствительно, вмѣстѣ со студентами.

ловьева въ искомой степени. Вотъ текстъ этого представленія: „Въ Совѣтъ Императорскаго Московскаго Университета. — Бывшій студентъ Московскаго Университета Владиміръ Соловьевъ, допущенный къ установленному испытанію на степень Кандидата, выдержалъ оное удовлетворительно и представилъ въ Факультетъ диссертацію, которая также найдена удовлетворительною. Признавши Владиміра Соловьева достойнымъ степени Кандидата, Историко-Филологическій Факультетъ покорнѣйше проситъ Совѣтъ Университета утвердить Владиміра Соловьева въ означенной степени. — Списокъ балловъ, полученныхъ Соловьевымъ на испытаніи, при семъ прилагается.—Деканъ Нилъ Поповъ.—Секретарь Н. Тихонравовъ.“ [301])

Упоминаемый въ представленіи „списокъ балловъ“ имѣетъ такой видъ: „Богословіе 5 (пять). Пр. Н. Сергіевскій.—Латинскій языкъ 5. Пр. Г. Ивановъ.—Греческій языкъ 4. Четыре. Доцентъ И. Вибергъ. 19 мая 1873 г. — Церковно-славянскій языкъ 5+. Э.-Орд. проф. Ал. Дювернуа. 27 апрѣля 1873 г. — Славянскія нарѣчія (спеціальный курсъ) 5+. Э.-Орд. пр. Ал. Дювернуа. 27-го апрѣля.—Введеніе въ исторію древней русской литературы и языка 5 (пять). Ѳ. Буслаевъ. — Исторія древней русской литературы и языка 5 (пять). Ѳ. Буслаевъ. — Исторія новой русской литературы за 1-й курсъ 5 (пять), за 2-й курсъ (5) [sic!]. Тихонравовъ. — Исторія народной поэзіи и языка (спеціальный курсъ) 5 (пять). Ѳ. Буслаевъ.—Древняя исторія 4 (четыре) и 4 (четыре). М. Куторга. — Исторія средняя и новая. 5. В. Герье. — Логика 5 (пять). Ординар. Профессоръ П. Юркевичъ. — Психологія 5 (пять). Орд. Профессоръ П. Юркевичъ.—Исторія всеобщей литературы (спеціальный курсъ) 5. Доцентъ Н. Стороженко.—Исторія церкви (спеціальный курсъ) 5. Свящ. Иванцовъ-Платоновъ. — Одинъ изъ новыхъ иностранныхъ языковъ. Нѣмецкій 5 (пять). Ѳ. Буслаевъ.—Русская исторія 5 (пять). Орд. Проф. Нилъ Поповъ.“ [302]) Изъ этого списка видно, что всего было семнадцать экзаменовъ у двѣнадцати преподавателей, что три изъ этихъ экзаменовъ происходили 27-го апрѣля [303]) и 19-го мая 1873 г., и что лишь по греческому языку и по древней исторіи Соловьевъ получилъ „четверки“, тогда-какъ по всѣмъ прочимъ предметамъ ему выставлены „пятерки“, а по церковно-славянскому языку и славянскимъ нарѣчіямъ даже „пятерки съ плюсомъ“—какъ-бы для уравновѣшиванія досадныхъ

---

301) Изъ „дѣла“ за № 142 (прим. 290).

302) *L. c.*

303) Небольшое отступленіе отъ *Правилъ* (см. выше, прим. 297).

„четверокъ". [304]) По воспоминаніямъ Л. М. Лопатина, кандидатскіе экзамены прошли у Соловьева „превосходно". Оффиціальные баллы свидѣтельствуютъ, очевидно, въ томъ-же смыслѣ. Однако, выдержать такое множество разнородныхъ испытаній и въ такой короткій срокъ было даже и для очень талантливаго молодого человѣка, конечно, не легко, если только не предполагать наличности особыхъ благопріятствующихъ обстоятельствъ. Повидимому, отрицать подобную наличность нельзя. Достойны вниманія, съ этой точки зрѣнія, замѣчанія В. И. Герье. До своего магистерства, въ 1862 г., онъ посѣщалъ Соловьевыхъ лишь изрѣдка; послѣ же возвращенія изъ-за границы, въ 1865 г., онъ навѣщалъ ихъ уже чаще, будучи въ числѣ ихъ постоянныхъ гостей по назначеннымъ днямъ, и при этомъ видалъ Владиміра Соловьева бойкимъ гимназистомъ. Въ университетѣ встрѣчаться съ Вл. С. Соловьевымъ, какъ студентомъ физико-математическаго, а не историко-филологическаго факультета, ему приходилось, впрочемъ, рѣдко. „Въ виду этого", говоритъ В. И. Герье, „и его исключительныхъ способностей я не требовалъ отъ него на экзаменѣ спеціальныхъ познаній по исторіи, какъ отъ студентовъ нашего [т. е. историко-филологическаго] факультета. Я зналъ, что онъ еще гимназистомъ прочелъ всѣ вышедшіе до этого томы исторіи его отца, а память у него была феноменальная. Такъ, по прочтеніи Сергѣемъ Михайловичемъ ряда публичныхъ лекцій о Петрѣ Великомъ, отецъ просилъ Владиміра Сергѣевича записать по памяти содержаніе его лекцій, и запись была такъ полна и точна, что Сергѣй Михайловичъ воспользовался ею при напечатаніи своего курса." [305]) Возможно, что и другіе преподаватели, съ которыми Соловьеву довелось имѣть дѣло на кандидатскихъ экзаменахъ, обнаруживали въ своихъ требо-

---

[304]) По университетскому уставу 1863 г., въ историко-филологическомъ факультетѣ полагались слѣдующія каѳедры при 12 профессорахъ и 7 доцентахъ: „1) Философія: а) Логика. б) Психологія. в) Исторія философіи. — 2) Греческая словесность: а) Греческій языкъ и толкованіе авторовъ. б) Исторія Греческой литературы. в) Греческія древности.—3) Римская словесность: а) Латинскій языкъ и толкованіе авторовъ. б) Исторія Римской литературы. в) Римскія древности.—4) Сравнительная грамматика Индо-Европейскихъ языковъ.—5) Исторія Русскаго языка и Русской литературы.—6) Исторія всеобщей литературы.—7) Славянская филологія: а) Славянскія нарѣчія. б) Исторія славянскихъ литературъ. в) Славянскія древности.—8) Всеобщая исторія.—9) Русская исторія.—10) Церковная исторія.—11) Теорія и исторія искусствъ." *Сборникъ постановленій* и т. д. (прим. 260), стр. 1042 (§ 13 университетскаго устава). Любопытно сопоставить этотъ списокъ каѳедръ съ приведеннымъ выше „спискомъ балловъ".

[305]) Лекціи о Петрѣ Великомъ С. М. Соловьевъ читалъ въ 1872 г. См. С. М. Соловьева, *Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ;* Москва, 1872 г.

ваніяхъ такую-же благоразумную умѣренность, какъ и В. И. Герье, зная довольно близко экзаминующагося въ условіяхъ его домашней жизни или наслышавшись съ разныхъ сторонъ объ его блестящихъ способностяхъ: пробѣлы въ познаніяхъ легко восполнялись въ ихъ глазахъ общимъ обаяніемъ талантливости и даже геніальности, которую подмѣтилъ еще Н. Н. Кауфманъ, и они съ спокойной совѣстью выставляли свои „пятерки". Мы позволяемъ себѣ высказать эти замѣчанія главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы предупредить догадку, будто-бы при дѣйствіи университетскаго устава 1863 г. экзаминаціонныя требованія были вообще чрезмѣрно легкими. А. Н. Шварцъ, окончившій курсъ въ Московскомъ университетѣ въ 1868 г., разсказывалъ намъ, что на историко-филологическомъ факультетѣ экзамены были „жестокіе", хотя иные профессора и считались „снисходительными". Особенной строгостью на экзаменахъ отличался П. Д. Юркевичъ. Въ тѣ годы названный факультетъ на отдѣленія не подраздѣлялся, и студенты должны были слушать „все". Литографированныя записки по большей части не издавались, рускихъ пособій было мало, приходилось прибѣгать къ помощи сочиненій на иностранныхъ языкахъ. Какъ сильно „фильтровали" тогда студентовъ, можно судить, напр., по тому, что одновременно съ А. Н. Шварцемъ начали курсъ 35 человѣкъ, а окончили его семеро,—въ томъ числѣ 4 со степенью кандидата и 3 съ званіемъ дѣйствительнаго студента...

Представленіе факультета за № 29 было заслушано въ засѣданіи совѣта университета 8-го іюня 1873 г., т. е. на другой день по внесеніи его, и тогда-же,—по справкѣ: „Изъ представленныхъ Г. Соловьевымъ документовъ видно, что онъ происходитъ изъ дворянъ",—опредѣлено: на основаніи § 42-го университетскаго устава утвердить Владиміра Соловьева въ степени кандидата. 15-го іюня Соловьевъ уплатилъ 5 р. за аттестатъ, а 18-го іюня ему былъ выданъ и самый аттестатъ. [306]) Приводимъ точный текстъ и этого документа: „Аттестатъ.—По Указу Его Императорскаго Величества, отъ Совѣта Императорскаго Московскаго Университета данъ сей аттестатъ, бывшему студенту, дворянину, *Владиміру Соловьеву*, въ томъ, что онъ допущенъ былъ въ семъ году въ Историко-Филологическомъ Факультетѣ къ испытанію на степень *Кандидата* и, за оказанные имъ *отличные* успѣхи, опредѣленіемъ Университетскаго Совѣта, 8-го сего Іюня состоявшимся, утвержденъ въ означенной степени. При вступленіи въ

---

[306]) Изъ „дѣла" за № 142 (прим. 290).

службу, на основаніи Свода Законовъ, Тома III, Устава о службѣ гражданской, ст. 172 (изд. 1857 года), онъ принимается въ оную 10-ымъ классомъ; права же при вступленіи въ военную службу и на производство его въ офицеры, согласно § 143, Высочайше утвержденнаго 18-го Іюня 1863 года, Общаго Устава Университетовъ, опредѣляются существующими по военному вѣдомству правилами. При чемъ возвращается принадлежащее ему метрическое свидѣтельство о времени его рожденія и крещенія.—Москва. Іюня 18 дня 1873 года.—Ректоръ Университета, Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ Сергѣй Соловьевъ. — Деканъ Историко-Филологическаго Факультета Нилъ Поповъ.—За Секретаря Совѣта А. Боголѣповъ.—№ 869.—У сего аттестата Императорскаго Московскаго Университета печать." [307])

Кандидатскіе экзамены закончились, такимъ образомъ, вполнѣ благополучно. Что касается кандидатской диссертаціи, то заглавіе ея въ „дѣлѣ" не указано. Имѣется лишь краткая замѣтка на почтовомъ листкѣ: „Разрѣшаю выдать кандидату Соловьеву его сочиненіе.—Деканъ Нилъ Поповъ.—3-го сент. 73 г." [308]) Принимая во вниманіе, что въ 1873 г. была напечатана въ *Православномъ Обозрѣніи* статья Соловьева: *Миѳологическій процессъ въ древнемъ язычествѣ,* [309]) можно было бы предположить, что именно эта работа и была представлена авторомъ въ качествѣ кандидатской диссертаціи. Совершенно опредѣленно высказывается въ этомъ смыслѣ С. М. Соловьевъ-младшій, называющій *Миѳологическій процессъ въ древнемъ язычествѣ* „кандидатскимъ сочиненіемъ" Вл. С. Соловьева. [310]) Но, повидимому, указаніе это не точно. Л. М. Лопатинъ сообщаетъ, что кандидатская диссертація Соловьева представляла собою первоначальный набросокъ его магистерской диссертаціи: *Кризисъ западной философіи.* [311]) Трудъ этотъ печатался частями тоже въ *Православномъ Обозрѣніи,* начиная съ первой книжки за 1874 г. Правдоподобно предположеніе, что, въ качествѣ кандидатской диссертаціи, было представлено, напр., „введеніе" въ это сочиненіе. Какъ бы то ни было, точное заглавіе кандидатской диссертаціи мы пока привести не можемъ.

---

[307]) *L. c.*—См. также „дѣло" 1874 г., за № 99, Совѣта И. С.-Петербургскаго университета „о допущеніи къ экзамену Кандидата Московскаго университета Владиміра Соловьева на степень Магистра Философіи." Дѣло это было доставлено намъ Э. Д. Гриммомъ.

[308]) Изъ „дѣла" за № 142 (прим. 290).

[309]) Ср. прим. 194-ое.

[310]) Сергѣй Соловьевъ (прим. 194), январь, стр. 70.

[311]) *Соч.*, I, 26—144; 145—161.

Въ заключеніе этой главы намъ приходится замѣтить, что въ оффиціальныхъ документахъ нѣтъ подтвержденія и тому указанію, будто-бы по окончаніи университетскаго курса на двадцатомъ году жизни Соловьевъ былъ оставленъ при университетѣ, и будто-бы слушаніе лекцій въ университетѣ онъ совмѣщалъ съ слушаніемъ лекцій въ Московской духовной академіи. Объ этихъ предметахъ мы еще будемъ говорить подробно дальше, а пока ограничимся простымъ утвержденіемъ, что, по оффиціальнымъ даннымъ, оставленіе Соловьева при университетѣ послѣдовало 13-го апрѣля 1874 г., т. е. на двадцать второмъ году его жизни, къ слушанію же лекцій въ духовной академіи онъ былъ допущенъ 6-го сентября 1873 г., т. е. тогда, когда онъ былъ уже кандидатомъ.

Такова подлинная исторія студенческихъ лѣтъ Соловьева, по безспорнымъ матеріаламъ, извлеченнымъ изъ университетскаго архива. Освобожденная отъ случайныхъ добавленій и невольныхъ прикрасъ, она остается все-же поучительной и занимательной. Невольно складывается тотъ общій выводъ, что Соловьевъ былъ не столько питомцемъ Московскаго университета, сколько автодидактомъ, имѣющимъ право приписывать успѣхи своей послѣдующей дѣятельности всего больше своимъ личнымъ дарованіямъ. „Когда я впервые познакомился съ нимъ [т. е. Соловьевымъ] 32 года тому назадъ“, писалъ А. Г. Петровскій въ 1901 г., „онъ самъ едва только вышелъ изъ дѣтскихъ лѣтъ; но уже и тогда [т. е. въ годъ вступленія въ университетъ] онъ поразилъ меня какъ человѣкъ необыкновенный: печать избранника судьбы, высоко одареннаго, носившаго въ себѣ божественный огонь,—была ясно видна на его лицѣ; и я до сихъ поръ живо помню это первое впечатлѣніе, оставшееся доселѣ неизмѣннымъ.“ [312]) По-преимуществу этой „печати“, а не чему-либо другому, и обязанъ Соловьевъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ мы обязаны ему. [313])

С. М. Лукьяновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

---

[312]) А. Г. Петровскій (прим. 257).

[313]) Помимо источниковъ, на которые дѣлаются ссылки въ предшествующихъ примѣчаніяхъ, мы располагали, при составленіи главы пятой, также частными сообщеніями А. Н. Шварца, С. И. Соболевскаго, Л. М. Лопатина, Н. И. Карѣева, П. А. Зилова и Л. Ф. Маклаковой.

ПЕРЕПИСКА И ДИПЛОМАТИЧЕСКІЯ СНОШЕНІЯ ПЕРВЫХЪ РОМАНОВЫХЪ СЪ ПЕРВЫМИ СТЮАРТАМИ.

I.

Какъ извѣстно, установленіе правильныхъ англо-русскихъ сношеній относится ко времени царя Іоанна Грознаго, когда осенью 1553 года первый англійскій корабль „Эдуардъ Благое Предпріятіе“ вошелъ въ устье Сѣверной Двины. Кормчій его, Ричардъ Чанслеръ, уѣхавшій въ концѣ ноября „по государеву указу“ въ Москву, передалъ Грозному первое англійское письмо. Написанное королемъ Эдуардомъ VI, оно было адресовано не къ русскому царю, а „ко всѣмъ государямъ сѣверныхъ и восточныхъ странъ“; о Московскомъ царствѣ въ Англію до этого времени могли доходить лишь случайные противорѣчивые слухи, и при отъѣздѣ своемъ эскадра, къ которой принадлежало судно Чанслера, имѣла въ виду гораздо болѣе далекія страны, разсчитывая сѣвернымъ путемъ проникнуть въ далекую Индію и сказочный Китай. Но то, что Чанслеръ увидѣлъ въ Москвѣ, богатство Россіи сырьемъ, неразвитость ея торговли и милостивая встрѣча, оказанная англичанамъ царемъ, все это было настолько заманчиво для искавшей новыхъ рынковъ и новыхъ путей къ восточнымъ товарамъ англійской предпріимчивости, что англичане тутъ же рѣшили установить правильныя сношенія между Англіей и „Московіей“ черезъ Бѣлое море [1]).

На ряду съ торговыми сношеніями вскорѣ завязываются и дипломатическіе переговоры между обоими государствами и оживленный

---

[1]) О торговой дѣятельности англичанъ въ Россіи см. вышедшую въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія книгу Гамеля, *Англичане въ Россіи*, а также болѣе новыя: Инна Любименко, *Исторія торговыхъ сношеній Россіи съ Англіей*, вып. I, 1912 г., издан. Министерства Торговли и Промышленности, и *Studies in the History of English Commerce in the Tudor Period*, Univ. of Pensylvania, 1912.

обмѣнъ писемъ между англійскимъ и русскимъ дворами. Переписка королевы Елизаветы съ царями Іоанномъ IV, Ѳеодоромъ и Борисомъ представляетъ любопытнѣйшій, еще мало использованный для характеристики эпохи и ея представителей матеріалъ. Отъ Елизаветинскаго царствованія, за періодъ отъ 1561 до 1603 годовъ, сохранилось около 100 писемъ. Многія изъ нихъ были напечатаны въ отдѣльныхъ сборникахъ [1]), но нѣкоторыя, до сихъ поръ еще не напечатанныя, остаются неиспользованными въ архивахъ Москвы, Лондона и Оксфорда [2]).

Если въ Россіи за послѣднее время ученые мало интересовались исторіей англо-русскихъ сношеній, то такое равнодушіе могло до нѣкоторой степени оправдываться тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія два выдающихся и крайне дѣятельныхъ русскихъ историка, академикъ *Гамель* и *Юрій Толстой* не мало уже сдѣлали для изученія и выясненія этого любопытнаго вопроса. За то въ Англіи, съ конца XVI-го вѣка, когда знаменитый англійскій мореплаватель *Гаклюитъ* [3]) собралъ въ своемъ сборникѣ обширный матеріалъ по исторіи первыхъ плаваній англичанъ, и между прочимъ и въ Россію, въ продолженіе трехъ столѣтій никто не поинтересовался хотя бы разобраться въ этомъ драгоцѣннѣйшемъ наслѣдіи Гаклюита. Англійскіе историки-экономисты давали читающей публикѣ лишь общія, подчасъ совершенно неправильныя понятія объ англо-русскихъ сношеніяхъ; переписка между королевой Елизаветой и русскими царями осталась совершенно неизученной и весьма мало извѣстной.

Характернымъ доказательствомъ можетъ служить тотъ фактъ, что сдѣланный авторомъ данной статьи на Интернаціональномъ Историческомъ Конгрессѣ въ Лондонѣ (весной 1913 года) докладъ объ этой перепискѣ привлекъ вниманіе англійскихъ историковъ и „Royal Historical Society“ вступила съ нимъ въ переговоры по поводу напечатанія для нея этой переписки. Заявленіе докладчика о томъ, что у него имѣются совершенно неизвѣстныя англичанамъ письма ихъ великой королевы, которой они такъ много занимались, показалось многимъ невѣроят-

---

[1]) Сборникъ Юр. Толстого, *Россія и Англія* и *Сборн. Имп. Русск. Историч. Общ.*, т. 38.

[2]) Въ Москвѣ см. Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, *Англійскія Грамоты* и *Англійскія Книги*; въ Лондонѣ Public Record Office, фонды *Royal Letters* и *State Papers Russia* и British Museum, фонды *Nero*, *Lansdowne* и *Cotton*, въ Оксфордѣ Бодлеенская библіотека, фонды *Ashmoleen* и *Tanner*.

[3]) Hackluit, *Principal Navigations*.

нымъ. Между тѣмъ дѣло это объясняется очень просто: Въ „Англійскія книги“ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ были вписаны въ XVI-омъ вѣкѣ русскіе переводы нѣкоторыхъ писемъ Елизаветы, полученныхъ при русскомъ дворѣ; оригиналы ихъ не сохранились въ „Англійскихъ грамотахъ“ архива, англійскихъ копій ихъ въ Лондонѣ тоже не найдено; такимъ образомъ англичанамъ эти письма, сохранявшіяся въ Россіи, и притомъ на русскомъ языкѣ, естественно остались неизвѣстными.

О перепискѣ королевы Елизаветы съ русскими царями мы здѣсь можемъ говорить лишь вкратцѣ [1]), хотя собранная вмѣстѣ, она безусловно представляетъ большой историческій интересъ, особенно переписка между Елизаветой и Грознымъ. Письма царя, несмотря на всѣ дефекты его тяжелаго, запутаннаго многократными повтореніями стиля, полны жизни и горѣнія этой недюжинной истерической натуры. Рѣзкости и грубыя выходки смѣняются въ нихъ бурными проявленіями дружбы къ „любительной сестрѣ Елисаветъ Королевнѣ“. Поразительнымъ контрастомъ имъ являются спокойныя, выдержанныя письма королевы. Въ нихъ сказывается тонкій дипломатическій тактъ, холодное достоинство и рѣдкая выдержка; даже на прямыя оскорбленія и обидныя слова королева отвѣчаетъ въ тонѣ спокойнаго достоинства; въ ея дружескомъ, подчасъ заискивающемъ обращеніи чувствуется тонкій разсчетъ и твердая рѣшимость убаюкивать царя щедрыми обѣщаніями, оттягивая до безконечности ихъ выполненіе.

Не только характеры, но и цѣли обоихъ корреспондентовъ были діаметрально противоположными. Елизавета искала у царя торговыхъ привилегій для англійскихъ купцовъ, Грозный лелеялъ мечту о политическомъ союзѣ съ Англіей. Съ проектомъ о „вѣчномъ докончаніи“ отправлялись русскіе послы къ королевѣ; неоднократно высказывалось царемъ намѣреніе искать пріюта въ Англіи на случай серьезныхъ недоразумѣній со своими подданными; наконецъ, незадолго до своей смерти, Грозный рѣшилъ свататься за отдаленную родственницу королевы, Марію Гастингсъ, считая ее племянницей Елизаветы.

Королева естественно должна была относиться съ недовѣріемъ и опасеніемъ ко всѣмъ этимъ планамъ сближенія. Союзъ между Англіей и Россіей при данныхъ обстоятельствахъ не могъ представить для

---

[1]) См. Inna Lubimenko, *The Correspondence of Queen Elizabeth with the Russian Czars*; Americ. Hist. Review, April 1914 и *Id.*, *Trois Lettres Inédites d'Elizabeth d'Angleterre à la Cour de Russie*, Mélanges Bémont, 1913.

нея особой выгоды; одна мысль о возможности укрывать у себя царственнаго русскаго изгнанника вызывала представленіе о всевозможныхъ политическихъ осложненіяхъ; не достаточно ли хлопотъ доставляла ей уже шотландская изгнанница, Марія Стюартъ? И гдѣ было ей искать знатную англичанку, родители которой согласились бы отпустить свою дочь въ далекую, невѣдомую Московію для 7-го или 8-го брака съ грознымъ ея царемъ?

Не мудрено, что при такой запутанности отношеній возникали неоднократно тренія между обоими дворами; слѣдуетъ скорѣе удивляться, что не произошло окончательнаго разрыва, который былъ предупрежденъ, съ одной стороны дипломатическимъ тактомъ осторожной королевы и стремленіемъ ея купцовъ сохранить во что бы то ни стало свои привилегіи, съ другой—дальновидностью царя, оцѣнившаго значеніе для Россіи энергіи и предпріимчивости англійскихъ піонеровъ.

По смерти Грознаго переписка между дворами продолжается, причемъ англійская королева, хорошо освѣдомленная съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи, пишетъ не только слабому царю Ѳеодору, но и его могущественному шурину Годунову, котораго англичане именовали „Lord Protector". Но въ это царствованіе переписка касается исключительно торговыхъ вопросовъ, и, вѣроятно именно благодаря этому, она пріобрѣтаетъ болѣе регулярный и спокойный характеръ. Вмѣстѣ съ ссорами и оскорбленіями исчезаютъ и увѣренія въ исключительной дружбѣ; въ длинныхъ письмахъ этого періода мы находимъ богатый матеріалъ для исторіи торговыхъ сношеній между обоими государствами, безчисленныя жалобы: англичанъ—на притѣсненія московитовъ, русскихъ—на неправды англичанъ.

Лишь при царѣ Борисѣ, на ряду съ торговыми интересами, вновь проявляется со стороны русскаго двора стремленіе къ политическому сближенію съ англійскимъ. Царь Борисъ, искавшій за границей партій для своихъ дѣтей, естественно обратилъ свои взоры и къ англійскому двору. Его планъ выдать царевну Ксенію за датскаго королевича пугалъ англійскихъ купцовъ, боявшихся появленія на русскихъ рынкахъ новыхъ привилегированныхъ конкурентовъ. Поэтому они съ радостью ухватились за мысль царя искать для сына невѣсту въ Англіи и оказывали энергичное давленіе на королеву при этихъ переговорахъ. Но престарѣлой Елизаветѣ уже трудно было покинуть свою давнюю политику оборонительной настороженности въ отношеніи къ русскому двору, а вскорѣ смерть ея, а затѣмъ и самого царя Бориса,

прервала эту новую попытку политическаго сближенія между Россіей и Англіей.

Потрясенія Смутнаго времени не могли не отразиться и на англо-русскихъ отношеніяхъ. Все же мы встрѣчаемъ упоминанія англійскихъ пословъ и агентовъ и при юномъ царѣ Ѳеодорѣ, и въ ставкѣ перваго Димитрія, и при дворѣ Шуйскаго. Отъ царя Димитрія и царя Василія англичанамъ удалось получить подтвержденіе своихъ торговыхъ привилегій. До конца царствованія Шуйскаго они остаются лойяльными законной власти; незамѣтно, чтобы они заигрывали съ Владиславомъ или Карломъ-Филиппомъ, и это понятно. Польская и шведская кандидатуры на русскій престолъ представляли большую опасность для англійскихъ торговыхъ интересовъ: шведы, рядомъ съ политической властью, искали въ Россіи и экономическаго преобладанія; поляки, по извѣстіямъ англичанъ, покровительствовали голландцамъ.

На этой почвѣ опасности потерять, при исчезновеніи національной власти въ Россіи, свое положеніе привилегированныхъ иностранцевъ, возникаетъ въ англійской средѣ крайне любопытный и утопичный проектъ подчиненія русскаго сѣвера и Поволжья, а впослѣдствіи, вѣроятно, и всей Россіи, протекторату англійскаго короля. Двѣ копіи этого проекта сохраняются до сихъ поръ въ Лондонѣ [1]); существуетъ также замѣтка о томъ, что Іаковъ I, получивъ отъ части русскаго дворянства предложеніе отдаться подъ его протекторатъ, увлеченъ планомъ управлять Россіей черезъ уполномоченнаго и горячо вѣритъ въ свой успѣхъ [2]). Однако замѣтка одного придворнаго юриста, сохранившаяся въ черновомъ оригиналѣ въ Британскомъ Музеѣ [3]), корректируетъ это черезчуръ наивное и оптимистическое утвержденіе, перечисляя многочисленные пункты колебаній и опасеній англійскаго двора по этому вопросу.

Мы не имѣемъ возможности останавливаться здѣсь подробнѣе на разсмотрѣніи этихъ любопытныхъ документовъ, напечатанныхъ теперь цѣликомъ по-англійски [4]); къ тому же это уже было сдѣлано нами въ другомъ мѣстѣ [5]). Здѣсь намъ слѣдуетъ только подчеркнуть еще

---

[1]) Publ. Rec. Off., *State Papers Russia* II и Brit. Mus., *Nero B.* XI, f-os 382—384.

[2]) *Cal. State Pap. Dom.*, t. an. 1611—1618, p.p. 181—182.

[3]) *Lansdowne*, 142, f° 395.

[4]) Inna Lubimenko, *A Project for the Acquisition of Russia by James* I, Engl. Hist. Rev., April 1914.

[5]) И. Любименко, *Англійскій проектъ 1612 года о подчиненіи русскаго сѣвера протекторату короля Іакова I*; Научн. Истор. Журн. т. II, вып. 5.

разъ то обстоятельство, что проектъ этотъ составленъ англичанами болѣе по экономическимъ, чѣмъ по политическимъ соображеніямъ. Какъ ни утопиченъ и нелѣпъ кажется онъ теперь, послѣ 300-лѣтняго царствованія дома Романовыхъ, не слѣдуетъ забывать, что онъ возникъ въ то время, когда въ Московскомъ государствѣ, казалось, все рушилось, и даже въ русской средѣ неоднократно высказывалась мысль о необходимости подыскать достойнаго иностраннаго кандидата на московскій престолъ. Этого иностранца-царя, а вмѣстѣ съ нимъ и преобладанія его соотечественниковъ въ Россіи больше всего боялись англійскіе купцы, и только отчаяніе могло заставить ихъ ухватиться за химеричную надежду привести самую нужную имъ часть Россіи подъ „протекторатъ“ или „суверенитетъ“ Англіи, какъ сказано въ проектѣ. Примѣръ Швеціи, самовольно захватившей Новгородъ, казался заманчивымъ. Всю зиму 1612—1613 года проектъ дебатировался при англійскомъ дворѣ, и ранней весной были посланы для переговоровъ два видныхъ члена торговавшей въ Россіи англійской компаніи, John Merrick и William Russel, „ко всему освященному собору“.

Прибывъ въ Россію, они узнали о совершившемся избраніи царя Михаила. Весьма вѣроятно, что это извѣстіе пробудило въ нихъ не чувство разочарованія, а облегченія. По крайней мѣрѣ, несмотря на то, что прочность новаго избранія возбуждала въ нихъ, какъ и въ другихъ иностранцахъ, на первыхъ порахъ большія сомнѣнія, они поспѣшили немедленно признать народившуюся юную національную власть и принести ей свои поздравленія. Такимъ образомъ царь Михаилъ не былъ поставленъ въ извѣстность о выработанномъ при англійскомъ дворѣ проектѣ; вступивъ вскорѣ, по примѣру своихъ предшественниковъ, въ правильную переписку съ королемъ Іаковомъ I, онъ повидимому даже не подозрѣвалъ, что послѣдній тѣшился нѣсколько мѣсяцевъ мыслью выступить въ качествѣ его конкурента. Этой-то перепиской намъ и предстоитъ заняться теперь.

II.

Хронологическія границы изучаемой переписки опредѣлены нами отъ 1613 до 1649 годовъ. Если первая изъ этихъ датъ, какъ годъ воцаренія въ Россіи новой династіи, не нуждается ни въ какомъ оправданіи, то по поводу второй необходимо сдѣлать нѣкоторыя поясненія. 1649 годъ, годъ казни Карла I, является не только моментомъ временнаго прекращенія царствованія въ Англіи династіи Стюартовъ, но и датой, знаменующей переворотъ въ исторіи англо-

русскихъ сношеній. Переходъ отъ почти безраздѣльнаго экономическаго господства англичанъ въ Россіи при Грозномъ къ потерѣ ими этого первенствующаго положенія происходилъ медленно и постепенно, но конечный пунктъ упадка англійской торговли въ Россіи можетъ быть опредѣленъ точной хронологической датой, 1649 годомъ, когда царь Алексѣй Михайловичъ, разгнѣвавшись на англичанъ за казнь Карла I, отнялъ у нихъ всѣ привилегіи и выслалъ ихъ изъ своего государства. Безусловно эта политическая причина изгнанія англичанъ явилась лишь поводомъ къ ликвидаціи ихъ вліянія на Москвѣ, подъ которое въ сороковыхъ годахъ XVII столѣтія упорно подкапывалось русское купечество; оно неоднократно подавало петиціи и жалобы царю, имѣвшія цѣлью избавить русскую торговую предпріимчивость отъ опасныхъ и вліятельныхъ конкурентовъ.

Итакъ, въ 1649 году прерываются, послѣ цѣлаго столѣтія, правильныя англо-русскія сношенія; и хотя, съ возвращеніемъ на англійскій престолъ династіи Стюартовъ, они вновь возобновляются, но положеніе англичанъ, какъ особо покровительствуемой націи на Руси, съ этого момента утеряно ими навсегда.

Обнимая такимъ образомъ періодъ въ 34 года, разсматриваемая нами переписка представляетъ, и количественно и качественно, богатый историческій матеріалъ. Врядъ ли возможно съ полной точностью установить для этого періода число писемъ, которыми обмѣнялись оба двора, ибо, во-первыхъ, представляется вѣроятнымъ, что нѣкоторые изъ этихъ документовъ утеряны навсегда, а во-вторыхъ, несмотря на всю тщательность архивныхъ розысковъ, возможны недосмотры и со стороны лица, взявшаго на себя трудъ составленія списка этихъ документовъ, особенно, разъ попытка такой работы дѣлается впервые. Но, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что въ общей массѣ переписки эти отдѣльные возможные пропуски весьма незначительны и не мѣшаютъ намъ, путемъ установленія нѣкоторыхъ цифровыхъ данныхъ, составить себѣ объ ней болѣе точное представленіе.

Автору этой статьи удалось привести въ извѣстность наличность 128 писемъ за указанный періодъ 34 лѣтъ. Изъ нихъ 53 письма—русскаго двора и 75—англійскаго. Русскія письма имѣютъ своими авторами двухъ лицъ: царя Михаила—44 письма, и патріарха Филарета—9 писемъ. Хотя означенный періодъ захватываетъ 4 года царствованія царя Алексѣя (съ 1646 по 1649), ни одного его письма за это время найти не удалось. Какъ мы увидимъ дальше, обстоя-

тельство это легко можетъ быть объяснено охлажденіемъ къ англичанамъ русскаго двора, ибо уже за послѣдніе годы царствованія Михаила русскихъ писемъ въ Англію не посылалось. Съ англійской стороны, въ этой перепискѣ выступаютъ король Іаковъ I (съ 1613 по 1624) [1])—всего 16 писемъ, его преемникъ Карлъ I (съ 1625 по 1648)—57 писемъ, и наконецъ наслѣдный принцъ Карлъ (съ 1648 по 1649)—2 письма.

Интересно сравнить эти цифры съ полученными нами для переписки XVI вѣка королевы Елизаветы съ русскими царями. За 42-хъ-лѣтній періодъ, отъ 1561 до 1603 года, нами приведено въ извѣстность 98 писемъ, изъ коихъ 39 принадлежатъ царствованію Грознаго (отъ 1561 до 1583), 39—царствованію Ѳеодора (отъ 1584 до 1598) и 20 времени царя Бориса (отъ 1598 до 1603). Среднія цифры для этихъ царствованій составляютъ: 1.8, 2.8 и 4, а для царствованія царя Михаила 3.8.

Эти цифры весьма ясно говорятъ, что сношенія между русскимъ и англійскимъ дворами, возникшія при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, съ годами все крѣпли и оживлялись, достигнувъ своего апогея въ царствованіе Бориса [2]). Высокое число писемъ этого царствованія лишній разъ подчеркиваетъ, какъ заботился Борисъ о сношеніяхъ съ западной Европой и какую огромную, невиданную въ Россіи энергію проявилъ онъ въ этомъ отношеніи. Однако было бы неосторожно сдѣлать выводъ, что съ годами англо-русскія сношенія становились все болѣе дружественными и короткими. Напротивъ того, не подлежитъ сомнѣнію, что въ царствованіе Грознаго, когда обмѣнъ писемъ между дворами былъ наиболѣе слабъ, англо-русскія сношенія отличались наибольшей теплотой, и англичане пользовались въ Россіи самымъ привилегированнымъ положеніемъ. Констатированное нами для XVI вѣка постоянное повышеніе цифры эпистолярнаго обмѣна между дворами указываетъ лишь, что съ годами англо-русскія сношенія пріобрѣли болѣе прочный и оживленный, но отнюдь не болѣе дружественный

---

[1]) Во избѣжаніе недоразумѣній слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ скобкахъ каждый разъ даются не годы царствованія, а годы участія въ перепискѣ каждаго лица.

[2]) Разница въ количествѣ писемъ въ царствованіе Ѳеодора и Бориса была въ сущности еще болѣе значительной, такъ какъ при царѣ Ѳеодорѣ въ счетъ идутъ и дублеты, объяснявшіеся двойной перепиской Елизаветы, съ царемъ и съ правителемъ, тогда какъ въ слѣдующемъ царствованіи переписка ведется лишь между двумя лицами. Такой же двойной характеръ будетъ носить переписка при Михаилѣ, благодаря тому, что равнозначущія письма пишутся царю и патріарху, или царемъ и патріархомъ.

характеръ, что дѣятельность англичанъ въ Россіи развивалась и усложнялась, вызывая между обоими дворами оживленный обмѣнъ мнѣній, а урегулированіе установленнаго англичанами пути сообщенія между обѣими странами облегчало доставку посылаемыхъ писемъ.

Что касается царствованія Михаила, то средняя годовая цифра писемъ для этого періода, хотя и оставляетъ далеко за собой цифры при Грозномъ и Ѳеодорѣ, но не вполнѣ достигаетъ годовой цифры при царѣ Борисѣ. Можно сказать, что быстро возстановившіяся послѣ періода Смутнаго времени правильныя сношенія между обоими дворами пріобрѣли въ XVII вѣкѣ большой характеръ интенсивности и прочности. За исключеніемъ первыхъ четырехъ лѣтъ, когда сношенія еще не вполнѣ наладились, и послѣднихъ пяти, когда они успѣли уже разстроиться, во все остальное время велась очень правильная и дѣятельная переписка между обоими дворами на самыя различныя темы; а отдѣльныя годовыя цифры обмѣна часто превышаютъ въ два и въ три раза самыя высокія цифры XVI вѣка.

Англичане писали вообще больше писемъ, чѣмъ русскіе. Въ эпоху Елизаветы на 65 писемъ королевы имѣемъ всего 33 письма русскаго двора, а для XVII вѣка на 75 англійскихъ писемъ 53 русскихъ. Изъ этихъ цифръ можно заключить, что разница эта къ царствованію Романовыхъ значительно уменьшилась; въ XVI вѣкѣ соотношеніе между русскими и англійскими письмами выражается цифрами 1: 1.9, а въ XVII—1: 1.4.

Для болѣе подробнаго и нагляднаго ознакомленія съ числомъ писемъ каждаго корреспондента приводимъ нижеслѣдующія таблицы, при разсмотрѣніи которыхъ не слѣдуетъ забывать сдѣланной нами выше оговорки о возможности въ нихъ нѣкоторыхъ, вѣроятно незначительныхъ, пропусковъ (см. табл. на стр. 62—63).

О первой таблицѣ не будемъ ничего говорить, такъ какъ она приводится главнымъ образомъ для сравненія. Что же касается второй, то она показываетъ намъ, что главными корреспондентами въ XVII вѣкѣ были царь Михаилъ и Карлъ I, причемъ отъ второго за 23 года сохранилось еще болѣе писемъ (57), чѣмъ отъ перваго за 32 года (44). Но мы уже говорили, что англійскій дворъ всегда писалъ больше, чѣмъ русскій, къ тому же Карлъ часто писалъ по два почти равнозначащихъ письма, царю и патріарху.

Для нагляднаго ознакомленія съ колебаніями, которымъ былъ подверженъ ежегодный обмѣнъ писемъ, приведемъ слѣдующія таблицы: (см. табл. на стр. 64—65).

Таблица I.

XVI вѣкъ.

Съ 1561 по 1603 годъ — 98 писемъ.

Русскихъ писемъ.			Англійскихъ писемъ.		
Царя Іоанна IV (съ 1561 по 1583) [x]	королевѣ Елизаветѣ.	11	Королевы Елизаветы (съ 1561 по 1603)	царю Іоанну IV	28
Царя Ѳеодора (съ 1584 по 1598)		11		царю Ѳеодору	14
Бориса Годунова (съ 1587 по 1598)		3		царицѣ Иринѣ	1
Царя Бориса (съ 1598 по 1603)		8		Борису Годунову	10
				царю Борису	12
Итого		33	Итого		65

Въ этихъ таблицахъ мы даемъ для каждаго года въ первой графѣ число писемъ, посланныхъ русскимъ дворомъ въ Англію, во второй— число писемъ, посланныхъ англійскимъ дворомъ въ Россію, и въ третьей—общую сумму переписки за каждый годъ. Если въ таблицахъ и возможны единичные пропуски, о чемъ мы уже говорили, то для нашихъ выводовъ они не имѣютъ значенія, такъ какъ мы считаемся въ нихъ лишь со значительными колебаніями.

Сравнивая табл. III и табл. IV, мы можемъ констатировать, что въ XVI вѣкѣ сношенія устанавливались гораздо медленнѣе, нося на протяженіи первыхъ шести лѣтъ случайный, эпизодическій характеръ и исходя исключительно отъ англійскаго двора; лишь на седьмой годъ послѣднему удается втянуть русскій дворъ въ переписку, въ которой и впослѣдствіи встрѣчаются значительные перерывы. — Мы видимъ пятилѣтній перерывъ между 1576 и 1580 годами, происшед-

[x]) Еще разъ напоминаемъ, что въ скобкахъ обозначены не годы царствованія, а годы участія въ перепискѣ.

Таблица II.

XVII вѣкъ.

Съ 1613 по 1649 годъ — 122 письма.

Русскихъ писемъ.			Англійскихъ писемъ.		
Царя Михаила (съ 1613 по 1645)	къ Іакову I. .	16	Іакова I (съ 1613 по 1624)	ц. Михаилу. .	14
	къ Карлу I. .	28		п. Филарету. .	2
Патр. Филарета (съ 1620 по 1632)	къ Іакову I. .	3	Карла I (съ 1625 по 1648)	ц. Михаилу. .	44
				п. Филарету. .	11
	къ Карлу I. .	6		ц. Алексѣю. .	2
Царя Алексѣя (съ 1646 по 1649)	нѣтъ	—	Насл. принца Карла (съ 1648 по 1649)	ц. Алексѣю. .	2
	Итого . . .	53		Итого . . .	75

шій послѣ того, какъ прибывшій изъ Англіи посолъ Сильвестръ былъ внезапно убитъ молніей въ Холмогорахъ; впрочемъ уже раньше сношенія значительно испортились, и царь грозился замѣнить дружбу съ Елизаветой союзомъ съ императоромъ Максимиліаномъ. Другой болѣе краткій перерывъ можемъ отмѣтить въ 1595—1596 годахъ; онъ носилъ повидимому случайный характеръ, а можетъ быть имѣлъ причиной и недоразумѣнія при торговыхъ отношеніяхъ между обоими государствами, сильно участившіяся при Ѳеодорѣ.

Что же касается моментовъ подъема, то для XVI вѣка можно отмѣтить, во-первыхъ, время 1567—1571 годовъ при Грозномъ, когда велись оживленные переговоры объ англо-русскомъ союзѣ. Характерно, что неудача этихъ переговоровъ въ 1570 году, грозившая англійскимъ купцамъ полнымъ изгнаніемъ изъ Россіи, не помѣшала однако обоимъ дворамъ продолжать переписку, хотя подчасъ и въ весьма недружелюбномъ тонѣ. Вторымъ періодомъ оживленія явились годы 1587—1590, когда стремленіе регулировать всякія торговыя недоразумѣнія давало обширный матеріалъ для писемъ. Къ этому

Таблица III.

Хронологическая таблица переписки между русскимъ и англійскимъ дворами для XVI вѣка.

ГОДЫ.	Русскія письма.	Англійскія письма.	Общая сумма.	ГОДЫ.	Русскія письма.	Англійскія письма.	Общая сумма.
1561	0	1	1	1584	3	0	3
1562	0	0	0	1585	2	1	3
1563	0	0	0	1586	0	3{1 [1] {1 {1	3
1564	0	1	1				
1565	0	0	0	1587	3{2 [2] {1	3{2 {1	6
1566	0	1	1	1588	1	2{1 {1	3
1567	2	2	4	1589	2{1 {1	5{4 {1	7
1568	0	5	5				
1569	3	0	3	1590	0	3{2 {1	3
1570	1	2	3	1591	1	0	1
1571	1	2	3	1592	0	2{1 {1	2
1572	1	1	2	1593	2{1 {1	0	2
1573	1	2	3	1594	0	1	1
1574	1	1	2	1595	0	0	0
1575	0	2	2	1596	0	0	0
1576	0	0	0	1597	0	3{1 {2	3
1577	0	0	0				
1578	0	0	0	1598	1	4{3 {1	5
1579	0	0	0	1599	1	2	3
1580	0	0	0	1600	3	2	5
1581	0	2	2	1601	1	4	5
1582	2	0	2	1602	1	1	2
1583	0	5	5	1603	1	1	2

[1]) Первое слагаемое—письмо къ царю, второе—къ царицѣ, третье—къ Годунову, въ остальныхъ случаяхъ раздвоенія въ этомъ столбцѣ верхняя цифра—письма къ царю, нижняя—къ Годунову.

[2]) Въ этомъ столбцѣ при раздвоеніи цифры верхнее слагаемое представляетъ письма царя, а нижнее—письма Годунова.

Таблица IV.

Хронологическая таблица переписки между русскимъ и англійскимъ дворами для XVII вѣка.

ГОДЫ.	Русскія письма.	Англійскія письма.	Общая сумма.	ГОДЫ.	Русскія письма.	Англійскія письма.	Общая сумма.
1613	2	0	2	1632	3{2 1	8{7 1	11
1614	0	2	2	1633	1	2	3
1615	1	1	2	1634	2	3	5
1616	1	1	2	1635	1	1	2
1617	2	2	4	1636	1	4	5
1618	2	3	5	1637	1	0	1
1619	1	0	1	1638	3	2	5
1620	0	1	1	1639	0	1	1
1621	8{5 [1] 3	1	9	1640	2	1	3
1622	0	2{1 [2] 1	2	1641	0	1	1
1623	1	2	3	1642	0	2	2
1624	2	0	2	1643	0	0	0
1625	0	2	2	1644	0	0	0
1626	2{1 1	0	2	1645	0	0	0
1627	2	3{2 1	5	1646	0	1	1
1628	6{4 2	1	7	1647	0	1	1
1629	0	5{3 2	5	1648	0	2	2
1630	3	9{6 3	12	1649	0	1	1
1631	7{5 2	9{5 4	16				

[1]) Первое слагаемое—письма царя, второе—патріарха, такъ же и дальше въ этомъ столбцѣ.

[2]) Первое слагаемое—письма къ царю, второе—къ патріарху, такъ же и дальше въ этомъ столбцѣ.

времени относятся наивысшія цифры годового обмѣна для XVI вѣка, 6 писемъ въ 1587 году и 7 писемъ въ 1589. Третій періодъ оживленія переписки относится къ царствованію Бориса между 1598 и 1601 годами, когда общій обмѣнъ былъ, какъ мы уже указывали, наиболѣе частымъ, но средняя годовая цифра не превышала пяти; къ этому времени относятся, помимо регуляціи торговыхъ дѣлъ, переговоры о возможныхъ бракахъ для дѣтей царя Бориса, и особенно его сына, царевича Ѳеодора, съ родственниками Елизаветы.

Что касается XVII вѣка, то таблица IV даетъ наглядное представленіе о колебаніяхъ, которымъ подвергалась эта переписка за означенный періодъ. Мы видимъ, что начавшись съ 1613 года незначительнымъ, но очень правильнымъ обмѣномъ, она нѣсколько усиливается въ 1617 и 1618 годахъ, достигаетъ значительной суммы 9 писемъ въ 1621 году, затѣмъ ведется опять въ довольно слабыхъ цифрахъ до 1627 года, когда начинается вновь замѣтное постепенное усиленіе ея съ достиженіемъ наиболѣе крупныхъ цифръ обмѣна, 12, 16 и 11 для 1630—1632 годовъ; послѣ этого апогея переписка постепенно падаетъ, удерживаясь до 1642 года на цифрахъ отъ 1 до 4; но уже съ 1641 года прекращается совершенно посылка писемъ русскимъ дворомъ; вслѣдъ за нимъ въ 1643 году прекращаетъ на три года свои письма и англійскій дворъ, но съ 1646 посылается опять изъ Англіи ежегодно хотя бы одно письмо, на которое съ русской стороны повидимому не послѣдовало отвѣта.

Такимъ образомъ по этой таблицѣ мы можемъ установить три момента наростанія корреспонденціи: первый, болѣе слабый, въ 1617—1618 годахъ, объясняющійся сближеніемъ, благодаря заключенію при посредствѣ Іакова I Столбовскаго договора, и хлопотами Россіи о денежномъ займѣ въ Англіи. Второй являетъ рѣзкую, но кратковременную вспышку въ 1621 году, объясняющуюся скопленіемъ различныхъ дѣлъ; а то обстоятельство, что изъ писемъ этого года 8 принадлежитъ русскому и только одно англійскому двору, какъ будто указываетъ, что сближенія ищетъ Россія, повидимому на почвѣ политическаго союза, давнишней мечты русскаго двора. Во всякомъ случаѣ можно констатировать, что число точекъ соприкосновенія между обоими дворами значительно увеличилось. Третій періодъ расцвѣта переписки въ XVII вѣкѣ является наиболѣе выдающимся и длительнымъ; за три года, съ 1630 по 1632, обмѣнъ достигъ 39 писемъ. Оба государства въ это время сильно нуждались другъ въ другѣ. Россія устраивала свое войско по иностранному образцу, на-

бирала въ Англіи солдатъ и офицеровъ, выписывала оттуда оружіе; Англія же нуждалась въ русскомъ зернѣ; обо всемъ этомъ мы будемъ говорить подробнѣе впослѣдствіи.

Установивъ періоды подъема въ перепискѣ XVII вѣка, слѣдуетъ, съ другой стороны, отмѣтить, что, за исключеніемъ послѣдняго періода упадка, мы не можемъ найти другихъ моментовъ, когда переписка прерывалась бы, какъ это было въ XVI вѣкѣ. Во всей табл. IV *O* въ третьемъ столбцѣ встрѣчается лишь для 1643—1645 годовъ, когда отношенія испортились, а вообще англо-русскія отношенія за этотъ періодъ носятъ несомнѣнный характеръ устойчивости.

Суммируя полученные изъ цифровыхъ данныхъ выводы, мы должны будемъ еще разъ подчеркнуть, что переписка между англійскимъ и русскимъ дворами, установившаяся послѣ появленія англичанъ въ Россіи, быстро приняла систематическій характеръ. Правда, въ XVI вѣкѣ она еще велась скачками, съ нѣкоторыми перерывами, за то, возстановившись довольно быстро послѣ большого перерыва Смутнаго времени, она пріобрѣла въ XVII вѣкѣ устойчивый и правильный характеръ. Цифры средняго годового обмѣна отъ Грознаго до Бориса все увеличиваются; на высотѣ Борисова царствованія обмѣнъ не могъ удержаться даже въ XVII вѣкѣ; за то при Михаилѣ встрѣчаемъ особенно высокія цифры для отдѣльныхъ годовъ, 11, 12 и даже 16 писемъ, тогда какъ въ XVI вѣкѣ высшими цифрами были 6 и 7. Число англійскихъ писемъ всегда значительно превышало число русскихъ, но въ XVII вѣкѣ разница эта становится гораздо менѣе ощутительной.

Гдѣ искать царскія и королевскія грамоты тому, кто заинтересуется ихъ изученіемъ?

Значительная часть писемъ XVI вѣка, давно уже изданная въ Россіи, къ сожалѣнію разбросана по разнымъ сборникамъ. Для XVII вѣка дѣло обстоитъ еще хуже, ибо, за ничтожными исключеніями, вся главная масса этой переписки осталась до сихъ поръ неизданной и можетъ быть изучена лишь въ архивахъ; поэтому особенно необходимо точное установленіе фондовъ, въ которыхъ сохраняются эти грамоты. Полученная нами, быть можетъ и временная, цифра 128 писемъ составлена изъ 91 оригинала, 24 старинныхъ копій и переводовъ и 13 упоминаній и описаній писемъ. Изъ 91 оригинала 33 русскихъ и 58 англійскихъ; русскіе хранятся въ Лондонѣ, при чемъ 32 въ архивѣ Public Record Office въ фондѣ

Royal Letters 49 [1]), а одинъ въ архивѣ Британскаго музея, въ фондѣ *Nero* B XI; англійскіе находятся въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ фондѣ *Англійскихъ грамотъ* [2]). Такъ какъ не всѣ оригиналы писемъ за этотъ періодъ дошли до насъ, то приходится также считаться со старинными копіями и переводами, хранящимися въ Public Record Office въ фондѣ *State Papers Russia*, пакеты I, II и III. Здѣсь находится большое число англійскихъ документовъ, пополнившихъ нашъ списокъ 6-ю англійскими грамотами въ копіяхъ [3]) и 17-ю царскими грамотами въ англійскихъ переводахъ; оригиналы этихъ памятниковъ пока не обнаружены [4]). Наконецъ, въ нашъ списокъ вошли еще 13 писемъ, лишь упомянутыхъ въ другихъ дошедшихъ до насъ грамотахъ или описанныхъ прежними изслѣдователями [5]).

Скажемъ нѣсколько словъ о внѣшней формѣ и стилѣ всѣхъ этихъ документовъ. Хранящіяся въ Лондонѣ русскія грамоты, какъ царя такъ и патріарха, представляютъ великолѣпные, прекрасно сохранив-

---

[1]) Объ этомъ фондѣ стоитъ сказать нѣсколько подробнѣе, такъ какъ онъ не былъ раньше описанъ. Онъ состоитъ изъ 46 роскошныхъ оригиналовъ писемъ русскаго двора, изъ которыхъ самое раннее датировано 1581 годомъ, а самое позднее 1680-мъ. Изъ этихъ грамотъ 2 принадлежатъ Іоанну IV, 3—Борису, изъ коихъ одна иллюминованная, 24—Михаилу, 8—Филарету, 1—Алексѣю, 1—послу Прозоровскому и 1—Іоанну и Петру. Печати сохранились цѣликомъ лишь у трехъ писемъ Михаила, отъ остальныхъ лишь слѣды. Бо̀льшая часть документовъ, роскошно украшенныхъ золотомъ, прекрасно сохранилась. Къ каждому изъ нихъ приложена очень плохая, подчасъ безграмотная русская копія, вѣроятно сдѣланная кѣмъ-нибудь изъ служившихъ въ архивѣ англичанъ.

[2]) Отъ № 22 до № 83.

[3]) Иногда въ двухъ экземплярахъ.

[4]) То обстоятельство, что для пополненія нашего списка понадобилось гораздо болѣе переводовъ, чѣмъ копій, объясняется тѣмъ, что Россія гораздо бережнѣе обошлась съ англійскими оригиналами, чѣмъ Англія съ русскими. При параллельной работѣ въ Лондонѣ и въ Москвѣ русскій историкъ не можетъ не констатировать съ удовлетвореніемъ этого обстоятельства. Уже одинъ тотъ фактъ, что въ Россіи всѣ письма собраны въ одномъ фондѣ и всѣ документы перенумерованы, тогда какъ въ Англіи оригиналы раскиданы подчасъ не только по разнымъ фондамъ, но и по разнымъ архивамъ и даже городамъ (такъ для XVI вѣка нѣкоторыя письма находятся въ Оксфордѣ и Кембриджѣ), говоритъ въ пользу русскихъ архивныхъ порядковъ, по сравненію съ англійскими. Съ другой стороны, чтобы быть справедливымъ, нельзя не замѣтить, что рѣдкая освѣдомленность и готовность къ помощи, проявляемая всѣми служащими англійскихъ архивовъ, значительно облегчаетъ розыски ученому.

[5]) Бантышъ-Каменскій, *Обзоръ внѣшнихъ сношеній;* Лыжинъ, *Столбовскій договоръ.*

шіеся экземпляры, большинство которыхъ богато украшено золотыми виньетками, при чемъ вводныя слова грамоты и титулъ, до первой буквы текста включительно, также написаны золотомъ. Письма англійскихъ королей меньше по размѣрамъ и скромнѣе по украшеніямъ.

Что касается слога, то употребленіе большого титула въ царскихъ грамотахъ, привычка повторять въ пространныхъ выраженіяхъ главные пункты предыдущаго англійскаго письма, а также необработанность старинной рѣчи съ частыми повтореніями, все это дѣлаетъ русскія письма очень длинными и подчасъ запутанными, тогда какъ англійскія значительно короче и проще. Въ англійскомъ титулѣ не перечисляются подробно всѣ области, а суммируется онъ въ краткихъ словахъ [1]). Конечно, и въ англійскихъ письмахъ попадаются длинноты и повторенія, особенно въ письмахъ Карла I. Іаковъ I былъ, для своего времени, очень образованный и незаурядный писатель, но и его письма далеки отъ литературныхъ шедевровъ. За то англійскій языкъ XVII вѣка уже весьма мало отличается отъ современнаго, и подчасъ только своеобразная орѳографія выдаетъ время написанія этихъ писемъ.

Вообще же переписка XVII вѣка, по стилю и языку, значительно безцвѣтнѣе переписки XVI; сказывается отсутствіе среди корреспондентовъ такихъ яркихъ индивидуальностей, какъ царь Иванъ Васильевичъ и царь Борисъ съ одной стороны, и королева Елизавета съ другой. Къ тому же сношенія между англійскимъ и русскимъ дворами послѣ Смуты уже потеряли характеръ особой близости, отличавшій переписку XVI вѣка и позволявшій корреспондентамъ вкладывать въ письма частичку своей индивидуальности. Въ письмахъ XVII вѣка весьма мало чувствуются люди и гораздо больше эпоха. За то, какъ историческій матеріалъ, они являются весьма цѣнными.

Переходя къ содержанію ихъ, мы должны сказать, что среди 128 писемъ не мало такихъ, которыя въ отдѣльности не представляютъ интереса. Таковы краткія извѣщенія объ отправкѣ пословъ и агентовъ [2]) и пропуски для нихъ [3]); краткія сообщенія о выдающихся

---

[1]) „James by the grace of God King of Great Brittain, Fraunce and Ireland, Defendor of the Faith etc.“.

[2]) Напр.: первое письмо Михаила къ Іакову I, отъ іюня 1613 г. съ извѣщеніемъ объ отправкѣ посла Зюзина, оригиналъ, *Royal Lett.* 49; грамота Іакова I къ

событіяхъ [1]), какъ то вступленіи на престолъ, заключеніи мира и т. п., и отвѣтныя поздравленія съ этими событіями [2]). Очень много съ англійской стороны рекомендательныхъ грамотъ, не только для пословъ и агентовъ, но и для разныхъ лицъ, военныхъ и статскихъ, отправляющихся въ Россію [3]), а также и просительныхъ грамотъ объ отпускѣ изъ Россіи нѣкоторыхъ англичанъ [4]) и русскихъ отвѣтовъ на нихъ [5]).

Но, на ряду съ этими мелкими грамотами, имѣющими въ отдѣльности мало интереса, но иногда очень цѣнными для пополненія общей картины отношеній, есть не мало длинныхъ писемъ съ подробнымъ изложеніемъ вопросовъ политическаго и торговаго характера, изъ которыхъ каждое является цѣннымъ историческимъ документомъ. Политическія отношенія играютъ въ письмахъ XVII вѣка наиболѣе значительную роль, такъ какъ торговыя дѣла часто ведутся безъ личнаго вмѣшательства монарховъ, и потому на политическихъ сношеніяхъ между обоими дворами намъ придется остановиться здѣсь подробнѣе, тогда какъ о торговыхъ вопросахъ мы будемъ говорить лишь вкратцѣ.

Михаилу, отъ 31-го мая 1618 г., вѣрющая посланнику Дуддею Диксу, оригиналъ, *Англ. грам.* № 27; грамота Карла Михаилу, отъ 18-го іюня 1632 г., вѣрющая агенту Томасу Вичу, оригиналъ, *Англ. грам.*, № 62.

[3]) Пропускъ Михаила отъ іюня 1613 г. для англ. посла, переводъ, St. Pap. Russia II.

[1]) Грамота Карла I къ Михаилу, отъ 1-го іюля 1625 г., съ увѣдомленіемъ о вступленіи на престолъ, ориг., *Англ. грам.* № 36; грамота Михаила къ Карлу I, отъ 17-го авг. 1634 г., съ сообщеніемъ о смерти Филарета, ориг., *Royal Lett.* 49.

[2]) Грамота Іакова I къ Филарету, отъ 24-го іюня 1620 г., по поводу избавленія отъ плѣна, ориг., *Англ. грам.*, № 28; грамоты Михаила и Филарета къ Карлу I, отъ іюня 1628 года, съ поздравленіями по поводу восшествія на престолъ, переводы, *State Pap. Russia*, II, f-os 187 и 191.

[3]) Грамота Іакова I къ Михаилу, отъ 11-го іюня 1621 г., рекомендующая доктора Артемія Дія, ориг., *Англ. грам.*, № 29; грамота Карла I къ Михаилу, отъ 20-го апр. 1629 г., рекомендующая Скруна, ориг., *Англ. грам.*, № 41.

[4]) Грамоты Карла къ Михаилу и Филарету, отъ 20-го января 1631 года, съ просьбой отпустить французскаго маркиза д'Ассидевиля, ориг., *Англ. грам.*, № 54 и № 55; грамота Карла къ Михаилу, отъ 24-го дек. 1633 г., съ просьбой отпустить доктора Дія, ориг., *Англ. грам.*, № 67.

[5]) Грамоты Михаила и Филарета къ Карлу, отъ 20-го окт. 1632 г., съ отказомъ освободить маркиза д'Ассидевиля, ориг., *Royal Lett.* 49; грамота Михаила къ Карлу I, отъ 15-го іюня 1635 г., съ сообщеніемъ объ отпускѣ доктора Дія, ориг., *Royal Lett.* 49.

III.

Главные политическіе вопросы, отразившіеся на сношеніяхъ Россіи съ Англіей въ XVII вѣкѣ, были:

1) Заключеніе мира между Россіей и Швеціей при посредничествѣ англійскаго короля.

2) Усиленіе могущества Московскаго государства путемъ денежной и военной помощи, оказанной ему Англіей.

3) Переговоры объ англо-русскомъ союзѣ, именовавшемся въ документахъ „вѣчнымъ докончаніемъ".

Скажемъ сначала о заключеніи мира съ Швеціей. Здѣсь, разумѣется, не мѣсто входить въ подробности переговоровъ въ Дедеринѣ и Тихвинѣ и давать оцѣнку Столбовскаго договора [1]), тѣмъ болѣе, что въ перепискѣ Михаила съ Іаковомъ I эти вопросы затронуты очень слабо. Но историкъ англо-русскихъ сношеній XVII вѣка не можетъ пройти мимо посредничества короля Іакова въ лицѣ представлявшаго его въ Дедеринѣ и Столбовѣ посла „Кавалера и Тайнаго Совѣтника Его Величества, Джона Меррика".

Иниціатива этого посредничества принадлежала не только Россіи, но и Швеціи, ибо Густавъ Адольфъ лично писалъ по этому вопросу Іакову I. Правда, въ Дедеринѣ состояли посредниками и голландцы [2]), но, послѣ заключенія временнаго перемирія, они въ началѣ 1616 года уѣхали въ Швецію, а оттуда обратно въ Голландію, отказавшись, несмотря на настойчивыя просьбы русскихъ [3]), продолжать дѣло умиротворенія. Повидимому тяжелыя условія жизни въ Дедеринѣ, гдѣ и Меррикъ жестоко болѣлъ ревматизмомъ, напугали голландцевъ, а упорныя пререканія между русскими и шведами разочаровали ихъ въ возможности заключенія мира [4]). Между тѣмъ Штаты придавали большое значеніе своему посредничеству, и голландскій посолъ въ Россіи, Масса, даже предлагалъ сговориться съ Густавомъ Адольфомъ, чтобы онъ не заключалъ мира безъ согласія Голландіи [5]).

---

[1]) См. Лыжинъ, *Столбовскій договоръ*.

[2]) Отчетъ о дѣятельности голландскихъ посредниковъ въ *Сборн. Ист. Общ.*, т. 24. Много данныхъ объ этихъ переговорахъ въ *Арсеньевскихъ бумагахъ*, *Сборн. Новг. Общ. Любит. Древн.*, вып. V и VI.

[3]) См. письмо царя къ голландскимъ посредникамъ, *Сб. Ист. Общ.*, т. 24, стр. 520—523.

[4]) Письма Массы въ *Вѣстн. Евр.*, 1868 г., январь и августъ и Isaac Massa, *Histoire des guerres de la Moscovie*, Bruxelles 1866, т. II, предисловіе.

[5]) *Вѣстн. Евр.*, 1868, январь: „Если это удастся, то я увѣренъ, что мы до

Въ своихъ донесеніяхъ голландскіе посредники жаловались, что англійскій посолъ, недовольный ихъ вмѣшательствомъ, чинитъ имъ всевозможныя препятствія, а Масса утверждалъ, что Меррикъ распускаетъ въ Россіи слухи, будто голландцы больше препятствуютъ, чѣмъ помогаютъ мирнымъ переговорамъ, такъ какъ симпатіи ихъ на сторонѣ шведовъ. Таково же впрочемъ было мнѣніе и русскихъ уполномоченныхъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что Голландія желала возвышенія Швеціи въ цѣляхъ ослабленія ганзейскихъ городовъ и Даніи.

Несомнѣнно, что Меррикъ былъ недоволенъ вмѣшательствомъ голландцевъ, главныхъ конкурентовъ въ Россіи англійскаго купечества, которое сильно разсчитывало на полученіе торговыхъ компенсацій въ случаѣ удачи англійскаго посредничества. Такимъ образомъ въ глухомъ антагонизмѣ, завязавшемся въ Дедеринѣ между Меррикомъ и голландцами, отразилась борьба обѣихъ народностей за первенствующее положеніе въ Россіи.

Побѣдителями въ данномъ случаѣ должны были выйти англичане, имѣвшіе за собой долгій опытъ торговыхъ и дипломатическихъ сношеній съ „Московіей“ и сдѣлавшіе весьма удачный выборъ посредника въ лицѣ Джона Меррика. Послѣдній съ дѣтства жилъ въ Россіи, въ англійскомъ домѣ, при отцѣ своемъ, Вильямѣ Меррикѣ, уже заправлявшемъ торговыми дѣлами компаніи. Съ 1584 года Джонъ неоднократно состоялъ агентомъ торговавшей въ Россіи „Muscovy Company“ [1]). Въ 1598 году имя его встрѣчаемъ въ числѣ 13 главныхъ купцовъ, которымъ дана царемъ Борисомъ привилегія на торговлю съ Россіей [2]). Съ конца XVI вѣка онъ нѣсколько разъ посылался англійскимъ правительствомъ въ качествѣ посла къ русскому двору [3]), заслужилъ довѣріе Димитрія и Шуйскаго и удачно выпутался изъ щекотливаго порученія 1613 года, о чемъ сказано выше [4]).

Хорошо зная русскій языкъ [5]), онъ былъ знакомъ съ русскими

того замараемъ цвѣтъ, въ который англичане выкрасили намѣреніе свое, что и красокъ распознать нельзя будетъ“.

[1]) Въ 1584 году онъ былъ назначенъ агентомъ въ Ярославль, въ 1589 г. предполагалась его посылка во Псковъ, въ 1592 г. онъ состоялъ главнымъ агентомъ въ Москвѣ.

[2]) См. эту привилегію въ моей книгѣ, *Исторія торг. снош. Росс. съ Англ.*, вып. 1, приложеніе, № 16.

[3]) О дѣятельности Меррика въ началѣ XVII вѣка имѣется не мало свѣдѣній въ бумагахъ Лондонскаго архива Guildhall, *Remembrencia*, III и IV.

[4]) См. стр. 58.

[5]) Любопытно, что въ англійскихъ письмахъ его встрѣчаемся съ руссицизмами;

дѣлами, съ московскими вкусами и требованіями, и при переговорахъ съ Швеціей опредѣленно, хотя и съ осторожностью, держалъ сторону Россіи.

Передъ началомъ переговоровъ онъ ѣздилъ въ Нарву къ Густаву Адольфу [1]) и вынесъ впечатлѣніе, что переговоры будутъ трудными, а требованія Швеціи неблагоразумными [2]).

Роль Англіи и ея представителя Меррика въ Дедеринѣ очень ясно выступаетъ въ донесеніяхъ голландцевъ. Въ присягѣ уполномоченныхъ вслѣдъ за „волей Бога всемогущаго" упоминается „содѣйство и посредничество" короля Іакова [3]). Съ самаго начала Меррикъ заявилъ, что онъ посланъ изъ Англіи не только по желанію русскаго царя, но и по просьбѣ шведскаго короля [4]). Главный шведскій уполномоченный, Делагарди, неоднократно говорилъ, что англійскій посолъ „держитъ въ своихъ рукахъ миръ" [5]). Къ нему на квартиру пріѣзжали и шведскіе уполномоченные, и голландскіе посредники [6]), Меррикъ же, какъ жаловались голландцы, никогда не посѣщалъ ихъ на ихъ квартирѣ. Изъ русской ставки за нимъ пріѣзжали „съ блистательнымъ конвоемъ" [7]). На первомъ засѣданіи первую рѣчь говорилъ англійскій посолъ по-англійски, тутъ же переводчики переводили ее на русскій и нѣмецкій языки [8]), По настоянію уполномоченныхъ, акты о присягѣ и цѣлованіи креста вручены великобританскому послу [9]). Позже акты о перемиріи также были оставлены у Меррика [10]). Характерно, что русскіе и шведы нашли возможнымъ

Арх. Мин. Ин. Д., *Англ. Дѣла*, 1603, № 2, f°s 6 и 11. Русскіе весьма лестно отзывались объ его знаніи ихъ языка, предлагал ему самому „толмачить".

[1]) См. *State Pap. Russ.* II, f° 261, „The request of the Russia Ambassador unto the Kings Magestie" и *Ib.*, f° 215, оригиналъ письма англ. гонца William Becher, къ англ. секретарю, Ralph Winwood, писаннаго 23-го іюля [1615 г.] изъ Нарвы.

[2]) Оригиналъ письма Меррика отъ декабря 1615 г. (съ его печатью) къ Winwood, *State Pap. Russ.* II, f° 216. По заступничеству Меррика, Густавъ Адольфъ помиловалъ Боборыкина, присужденнаго быть посаженнымъ на колъ; Замятинъ, *Къ вопросу объ избраніи Карла-Филиппа на русскій престолъ*, стр. 140.

[3]) *Сб. Ист. Общ.*, т. 24, стр. 131.

[4]) *Ib.*, стр. 358—359.

[5]) *Ib.*, стр. 276.

[6]) *Ib.*, стр. 164 и 79—80.

[7]) *Ib.*, стр. 166.

[8]) *Ib.*, стр. 210.

[9]) *Ib.*, стр. 55

[10]) *Записки о Россіи XVII и XVIII вѣка*, *Вѣстн. Евр.*, 1868 г., августъ, стр. 780.

самыя засѣданія въ Дедеринѣ вести въ домѣ англійскаго посла, когда холодъ помѣшалъ собираться въ палаткахъ. Позже то же видимъ въ Столбовѣ; 20.000 рублей, которые русскіе обязались уплатить шведамъ, должны были быть переданы черезъ Меррика. Съ англійскимъ посломъ было много его соотечественниковъ, такъ на одномъ обѣдѣ упоминается голландцами „множество англичанъ".

Шведы и голландцы много жаловались на важность англійскаго посла, на то, что онъ чинитъ проволочки, выѣзжаетъ лишь съ большой свитой, требуетъ крестьянъ, чтобы расчищать ему дорогу и т. п. Весьма вѣроятно, что Меррикъ держался нѣсколько надменно, съ другой стороны это должно было импонировать русскимъ, особенно цѣнившимъ въ дипломатѣ важность, несговорчивость, неподвижность и придававшимъ огромное значеніе проволочкамъ и соблюденію внѣшняго этикета.

Изъ Дедерина и Столбова Меррикъ неоднократно писалъ шведскому королю [1]) и русскому царю [2]), и посылалъ извѣщенія о ходѣ дѣлъ въ Англію [3]).

Осенью 1615 года царь Михаилъ, получивъ отъ англійскаго посла извѣщеніе, что переговоры съ шведскимъ королемъ не увѣнчались успѣхомъ, посылалъ къ Іакову I гонцомъ подъячаго Грязева съ грамотой, извѣщающей короля о намѣреніи Густава-Адольфа идти на Псковъ войною, просилъ Іакова быть прямымъ посредникомъ между царемъ и шведскимъ королемъ и отвратить послѣдняго отъ враждебныхъ намѣреній по отношенію къ Россіи, въ противномъ же случаѣ обратить свое оружіе вмѣстѣ съ русскими противъ шведовъ [4]). 7-го ноября гонецъ прибылъ въ Лондонъ и 12-го мая слѣдующаго года выѣхалъ оттуда съ грамотой Іакова I (отъ 16-го апрѣля 1616 года), обѣщавшей царю помощь въ случаѣ неудачи посредничества [5]).

---

[1]) См. письма Меррика къ Густаву Адольфу, отъ 8-го февр. 1616 г. изъ Дедерина, и отъ 20-го апр., 7-го мая и 2-го іюня 1616 г. изъ Москвы; *Br. Mus.* 35125; также у Лыжина, *op. cit*, 9 писемъ Меррика къ Густаву Адольфу.

[2]) Лыжинъ, *op. cit.*, № 38, отвѣтъ царя Михаила Меррику.

[3]) *State Pap. Russ.* II, f° 224, письмо отъ 10-го авг. 1616 г. къ секретарю Winwood; оригиналъ съ печатью.

[4]) Грамота эта описана у Бантышъ-Каменскаго, *Обз. внѣшн. снош. Россіи*, т. I, отъ 18-го авг. 1615 г.

[5]) Весьма прискорбно, что эта важная грамота, сохранившаяся въ Москвѣ, пришла въ ветхое состояніе, такъ что ея какъ слѣдуетъ прочесть нельзя; *Англ. грам.*, № 23.

Когда же, благодаря усиліямъ Меррика, дѣла пошли болѣе гладко [1]), Іаковъ I, 30-го сентября 1616 года, вновь обратился къ Михаилу съ письмомъ, въ которомъ выражалъ свое удовольствіе по поводу успѣшнаго веденіи переговоровъ [2]).

Въ февралѣ 1617 года, какъ извѣстно, послѣдовало заключеніе Столбовскаго договора. Позднѣйшій русскій историкъ могъ выразить сожалѣніе, что Россія, по этому договору, лишалась доступа къ Балтійскому морю и такимъ образомъ теряла плоды дальновидной политики московскихъ государей XVI вѣка. Но „Смута" наложила на нее свою тяжелую руку. Положеніе Московскаго государства въ началѣ воцаренія Михаила было запутаннымъ: со стороны Польши угрожала большая опасность, Новгородъ оставался въ шведскихъ рукахъ и молодая династія многимъ казалась весьма непрочной. Поэтому заключеніе мира съ Швеціей, даже на тяжелыхъ условіяхъ, было весьма желательнымъ, а возвращеніе Новгорода вызывало живѣйшую радость. Въ Москвѣ были довольны заключеніемъ мира и благодарны англійскому послу за его посредничество.

Исаакъ Масса разсказываетъ, что русская столица съ большимъ почетомъ встрѣтила Меррика, свита котораго при въѣздѣ въ Москву доходила до 3.000 человѣкъ. 8-го іюня [3]) онъ имѣлъ аудіенцію во дворцѣ, кремль былъ закрытъ для постороннихъ по случаю этого торжества. Послѣ пріема онъ обѣдалъ у царя, причемъ столъ его былъ поставленъ противъ царскаго стола, и затѣмъ участвовалъ въ царской охотѣ; лишь поздно вечеромъ его съ почетомъ отвели домой [4]).

Но этими внѣшними проявленіями благодарности и богатыми подарками послу, въ числѣ которыхъ особо отмѣчается царскій портретъ на золотой цѣпи, въ сущности и ограничились въ Россіи. Разумѣется, въ Англіи это не считали достаточнымъ. Еще при пріѣздѣ своемъ Меррикъ представилъ цѣлый рядъ просьбъ англійскаго купечества о различныхъ привилегіяхъ, въ числѣ которыхъ главную роль

---

[1]) Изъ Тихвина Меррикъ писалъ въ Англію, сообщая, что шведскіе коммиссары медлятъ явиться, и просилъ Іакова вновь написать Густаву-Адольфу; *St. Pap. Russ.* II, f° 224; письмо отъ 10-го авг. 1616 г. секретарю Winwood; оригиналъ съ печатью.

[2]) *Англ. грам.* № 24 и *State Pap. Russ.* I, f° 91.

[3]) Эта дата, данная Массой, не сходится съ датой Бантышъ-Каменскаго, который говоритъ о 20-мъ іюнѣ.

[4]) Massa, *Hist. des guerres de la Mosc.*, т. II, вступленіе, стр. CVII.

играла персидская торговля; тогда обсужденіе этихъ вопросовъ было отложено до заключенія мира, но и послѣ Столбовскаго договора ему заявили, что рѣшеніе не можетъ состояться „безъ совѣту всего государства", и просили, чтобы король „на Царское Величество за то мнѣнія не держалъ, впередъ то все ихъ братскою дружбою и любовью исправится" [1]).

Отказъ Россіи предоставить Столбовскій договоръ на конфирмацію Іакова I, какъ то предлагала Швеція, могъ также показаться обиднымъ въ Англіи, но Меррикъ рѣшилъ не настаивать, быть можетъ предпочитая избавить своего короля отъ тяжелой, хотя и почетной, отвѣтственности. 1-го іюня 1617 года Іаковъ личнымъ письмомъ поздравилъ царя съ заключеніемъ мира съ Швеціей [2]).

Въ августѣ Меррикъ отпущенъ въ Англію, съ нимъ поѣхало и два русскихъ посла, Волынскій и Поздѣевъ, съ порученіемъ благодарить короля за его посредничество [3]). Данная имъ вѣрющая грамота сохранилась въ Англіи въ оригиналѣ [4]).

IV.

Посольство Волынскаго и Поздѣева [5]) приводитъ насъ ко второй политической темѣ въ перепискѣ царя Михаила съ королемъ Іаковомъ, а именно къ денежной и военной помощи, оказанной Англіей Россіи. Извѣстно, что одной изъ главныхъ заботъ Михаила было приведеніе въ порядокъ въ конецъ разстроеннаго смутой финансоваго положенія и созданіе регулярныхъ полковъ по иностранному образцу. Финансы и войско были кардинальными вопросами новаго царствованія, отъ благопріятнаго разрѣшенія которыхъ зависѣло возстановленіе какъ внутренняго спокойствія, такъ и внѣшней мощи Россіи. Обойтись своими средствами не представлялось возможнымъ; страна была раззорена и деморализована и обращеніе къ иностранной помощи настоятельно подсказывалось обстоятельствами.

Вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ царь Михаилъ обратился къ Голландіи, Даніи, Англіи и Франціи, прося о денежномъ пособіи для войны съ Швеціей или о содѣйствіи для заключенія

---

[1]) Соловьевъ, *Русская Исторія*, т. IX, стр. 109.

[2]) Письмо это описано у Бантышъ-Каменскаго.

[3]) *Англ. дѣла*, 1617 г., № 2, 3 и 4.

[4]) *Nero* B. XI, f° 320.

[5]) О пріѣздѣ русскихъ пословъ въ Англію см. *State Pap. Dom.*, t. an. 1611—1618, pp. 494, 495 и 497 (ноябрь 1617 г.) и p. 530 (мартъ 1618 г.).

мира. Мы видѣли, что на эту просьбу отозвались Голландія и Англія, но лишь послѣдней удалось довести дѣло умиротворенія до благополучнаго конца. Однако, деньги все же оставались крайне нужны. Уже Зюзинъ въ 1613 году имѣлъ порученіе просить у Англіи о помощи „казною и товарами и пушечными запасами тысячъ на 100 рублей... а по самой нуждѣ на 50 тысячъ". Уклончивый отвѣтъ Іакова послѣдовалъ 19-го іюня 1614 года [1]). Позже Меррикъ, опасаясь сближенія царя съ Голландіей, выражалъ сожалѣніе, что „Его Величество король англійскій не счелъ возможнымъ связать себя письменно своимъ царскимъ словомъ въ вопросѣ объ этомъ займѣ" [2]).

Впрочемъ, опасенія Меррика были напрасны. Въ Голландіи, какъ и въ Англіи, просьба Михаила на первыхъ порахъ встрѣтила мало сочувствія, причемъ Штаты мотивировали свой отказъ ссылкой на собственное запутанное положеніе и необходимостью вести войну съ Испаніей. Также и Меррикъ впослѣдствіи увѣрялъ царя, что Іаковъ хотѣлъ послать съ Зюзинымъ денегъ, но въ это время „казнѣ его былъ расходъ большой". Безусловно и въ Англіи, и въ Голландіи правительства того времени не располагали свободными капиталами, а Іаковъ I, благодаря конфликтамъ съ парламентомъ, самъ постоянно нуждался въ деньгахъ, къ тому же прочность новаго царствованія на первыхъ порахъ возбуждала большія сомнѣнія за границей, гдѣ плохо разбирались въ разницѣ между избраніемъ Шуйскаго, Владислава и Михаила и опасались продолженія Смуты.

Съ другой стороны, англичане и голландцы боялись потерять свои рынки въ Московскомъ государствѣ, и потому, взамѣнъ денегъ и солдатъ, поспѣшили предложить посредничество при переговорахъ съ Швеціей. Въ концѣ концовъ русскимъ посламъ удалось еще добиться отъ Голландіи обѣщанія послать небольшое количество оружія и военныхъ припасовъ въ видѣ подарка царю. Возможность щедрости со стороны Голландіи долго тревожила Англію и въ значительной степени руководила ея позднѣйшими рѣшеніями. Въ 1616 году Меррикъ осторожно справлялся у голландскихъ посредниковъ, привезли ли они деньги; послѣдніе отвѣтили уклончиво, отговариваясь незнаніемъ, но указали на то, что Штаты еще имѣютъ долгъ къ Великобританіи и

---

[1]) Лыжинъ, *op. cit.*, № 7 „...А что тотъ же вашъ посолъ у насъ прошалъ казны и нынѣшнему нашему послу [т. е. Меррику] мы о томъ наказъ полной дали съ вашего величества о томъ совѣтовати..."

[2]) *State Pap. Russ.* II, f° 208, 7-го авг. 1614 г., изъ Архангельска.

потому врядъ ли могутъ ссужать другихъ государей [1]); дѣйствительно денегъ изъ Голландіи привезено не было.

Отправка послѣ Столбовскаго договора, въ 1618 году, Волынскаго и Поздѣева въ Англію [2]) имѣла одной изъ своихъ цѣлей денежный заемъ, въ размѣрѣ отъ 100 до 40 тысячъ рублей [3]), для войны съ Польшей. Просьба на этотъ разъ была принята благопріятно, такъ какъ англійскіе купцы, торгующіе въ Россіи, усиленно хлопотали передъ своимъ правительствомъ объ оказаніи помощи царю [4]) и выразили готовность предоставить нужную сумму, если заемъ будетъ заключенъ на условіяхъ удаленія голландцевъ съ внутреннихъ русскихъ рынковъ и допущенія Англіи къ транзитной торговлѣ черезъ Россію съ Персіей. Такъ какъ торговавшая въ Россіи „Московская компанія" („Muscovy Company") была въ весьма запутанномъ финансовомъ положеніи [5]), то на помощь была привлечена самая богатая изъ англійскихъ торговыхъ компаній, Остъ-Индская, которой уступлена часть доходовъ съ русской торговли на 8 лѣтъ [6]). Такимъ образомъ собраны 100 тысячъ рублей, или 200 тысячъ фунтовъ, и вручены англійскому послу, Дёдлею Диксу (Dudley Digges), которому поручено отвезти ихъ въ Россію.

Условія займа были слѣдующія: 1) разрѣшеніе транзитной торговли черезъ Волгу съ Персіей; 2) заключеніе желательныхъ для англійскихъ купцовъ контрактовъ на скупку пеньки и льна и вывозъ канатовъ; 3) недопущеніе голландцевъ къ привилегіямъ, которыми

---

[1]) *Сб. Ист. Общ.*, т. 24, стр. 87.

[2]) *Cal. St. Pap. Dom.*, t. an. 1611—1618, p. 530, 16 March 1618; „Reception of the two Russian Ambassadors."

[3]) Соловьевъ, т. IX, стр. 164; Александренко, *Участіе англ. Тайн. Сов. въ диплом. сношен. Англ. съ Росс.*, *Журн. Мин. Нар. Пр.*, 1889, декабрь, стр. 273; *Рукоп. Гамеля* въ Петрогр. Акад. Наукъ, т. 33, 3440.

[4]) До насъ дошелъ любопытный документъ, озаглавленный: „Причины, могущія побудить Его Величество къ денежному займу, испрашиваемому посломъ Великаго Русскаго Императора, Алексѣемъ Ивановичемъ" [переводъ нашъ]; *State Pap. Russ.* II, f° 257.

[5]) Немного позже мы имѣемъ свѣдѣнія о бѣдственномъ финансовомъ положеніи этой компаніи; *Cal. St. Pap. Dom.*, t. an. 1619—1623, an. 1621, pp. 296 и 302; an. 1622, pp. 338 и 461; an. 1623, p. 56; t. an. 1623—1625, an. 1624, pp. 276 и 278.

[6]) *Ib.*, t. an. 1611—1618, p. 532, 1 April 1618... the East-India Company helps the Muscovy Company with the loan to the Emperor of Russia, on condition of sharing their profits for 8 years; также *Ib.*, стр. 533.

пользовались англичане; 4) назначеніе срока для погашенія займа [1]). Меррикъ впослѣдствіи говорилъ, что король послалъ деньги царю „безъ всякаго заклада", велѣвъ только говорить „о письмѣ за царскою печатью для укрѣпленія" [2]).

Почти одновременно съ Диксомъ прибылъ въ Россію и голландскій посланный, Исаакъ Масса, привезшій царю, въ видѣ давно обѣщаннаго подарка, порохъ и свинецъ, оцѣненный русскими въ 40.000 гульденовъ, хотя, по собственному признанію Массы, онъ не стоилъ Штатамъ и половины этой суммы [3]). Въ этотъ моментъ произошло необыкновенно странное событіе. Англійскій посолъ Диксъ, доѣхавъ до Холмогоръ, вдругъ совершенно неожиданно повернулъ обратно, увозя съ собою главную сумму денегъ, и, добравшись благополучно до своихъ кораблей въ Архангельскѣ, немедленно уѣхалъ въ Англію [4]). Въ Россіи, въ рукахъ его племянника и секретаря, осталось лишь 20.000 рублей. Масса, въ своемъ письмѣ въ Голландію, съ торжествомъ разсказываетъ о великомъ смятеніи, произведенномъ среди русскихъ этимъ отъѣздомъ, объ организованной тщетной погонѣ, объ арестѣ приставовъ и казни стрѣльцовъ, сопровождавшихъ посла [5]).

Безъ сомнѣнія, въ тогдашнихъ условіяхъ строжайшей охраны иностранныхъ пословъ съ момента вступленія ихъ на русскій берегъ, отъѣздъ Дикса представляется въ видѣ организованнаго бѣгства, долженствовавшаго имѣть за собой серьезныя причины. То обстоятельство, что онъ произошелъ черезъ четыре дня послѣ пріѣзда голландцевъ, какъ будто указываетъ на нѣкоторую связь между обоими этими событіями. Мы видѣли, что однимъ изъ условій займа было вытѣсненіе голландцевъ съ внутреннихъ московскихъ рынковъ. Весьма вѣроятно, что Диксъ, впервые пріѣзжавшій въ Россію, очутившись съ большой суммой денегъ какъ бы въ плѣну у русскихъ приставовъ, почувствовалъ страхъ, что его не выпустятъ обратно и что ввѣренныя ему деньги во всякомъ случаѣ останутся въ Россіи; извѣстіе же о прибытіи голландцевъ заставило его усомниться въ возможности полученія тѣхъ коммерческихъ выгодъ, ради которыхъ един-

---

[1]) *Рукоп. Гамеля*, т. 33, 3440 и Александренко, *op. cit.*

[2]) Соловьевъ, IX, стр. 164.

[3]) *Вѣстн. Евр.*, 1868, авг., стр. 814. Любопытно, что Масса утверждалъ, будто провозъ военныхъ припасовъ сухимъ путемъ изъ Архангельска въ Москву обошелся втрое дороже ихъ стоимости.

[4]) *Англ. Дѣла*, г. 1618, № 2, Іюля 2.

[5]) *Вѣстн. Евр.*, г. 1868, авг., стр. 800—804, письмо отъ 4-го сент. 1618 г.

ственно англійское купечество рѣшилось ассигновать столь крупную сумму. Съ другой стороны, онъ могъ получить свѣдѣнія объ осадѣ Москвы поляками.

Какъ бы тамъ ни было, поступокъ Дикса не могъ не уронить англійскаго престижа въ Россіи, сыгравъ такимъ образомъ въ руку голландцамъ. Правда, оставшіеся въ Холмогорахъ англичане были привезены въ Москву и получили аудіенцію у царя, но они оказались безъ подарковъ, безъ обѣщанной суммы денегъ и въ сущности безъ полномочій, такъ какъ представленныя ими грамоты короля упоминали лишь о Диксѣ [1]). Оставшіеся у нихъ 20.000 рублей были все-таки взяты [2]), что указываетъ на крайнюю нужду въ деньгахъ московскаго правительства, но это не помѣшало принять съ особой любезностью голландцевъ и обѣщать имъ всякія льготы [3]). Царь Михаилъ, грамотой отъ іюля 1619 года, благодарилъ короля Іакова за присланныя деньги [4]), которыя въ очень скоромъ времени были выплачены обратно англичанамъ, по просьбѣ Меррика, утверждавшаго, что деньги крайне нужны Іакову для помощи его зятю, Фридриху Пфальцскому. Отъ 17-го августа 1621 года имѣемъ письмо царя, упоминающее объ уплатѣ Меррику этого долга [5]).

Этимъ инцидентомъ повидимому исчерпывается помощь, оказанная Англіей Россіи въ царствованіе царя Михаила. Правда, въ 1620 году Меррикъ, за свободный пропускъ англичанъ въ Персію, обѣщалъ реализацію новаго займа. Русскіе гости, относившіеся отрицательно къ допущенію иностранцевъ въ Персію, соглашались, въ виду „скудости“ царя, временно поступиться своими выгодами, но договоръ все-таки не былъ заключенъ.

Такимъ образомъ денежная помощь англичанъ Россіи сводится къ

---

[1]) Грамота Іакова къ Михаилу отъ 31-го мая 1618 г., вѣрющая посланнику Дюдлею Диксу; *Англ. грам.*, № 27, ориг.; другая грамота, болѣе пространная, отъ той же даты, упоминается у Бантышъ-Каменскаго.

[2]) *Англ. Дѣла*, г. 1619, № 1, январь.

[3]) *Вѣстн. Евр.*, 1868, августъ, стр. 108—109.

[4]) См. у Бантышъ-Каменскаго.

[5]) Royal Letters 49, оригиналъ и *St. Pap. Russ.* I, f° 111, переводъ „...А что въ прошломъ 7127-омъ году прислали к нашему царскому величеству вы братъ нашъ любительной съ посланники своими с Томасомъ Ѳипшомъ да с писаремъ с Томасомъ Лекомъ на вспоможенье противъ недруга нашего Польскаго короля сорокъ тысечь ѳеимковъ, а русскимъ счетомъ дватцать тысечь рублевъ, і по нашему царскаго величества указу наши приказные люди тѣ денги отдали послу вашему князю Івану Мерику сполна“.

одному незначительному займу, къ тому же вскорѣ погашенному. Фактъ этотъ безусловно объясняется тѣмъ, что англичане хотѣли давать деньги лишь въ обмѣнъ на торговыя привилегіи; въ Россіи же въ царствованіе Михаила замѣчается усиленіе вліянія русскихъ гостей, не желавшихъ возвращенія къ порядкамъ времени Грознаго, когда англичане безпрепятственно хозяйничали на русскихъ рынкахъ.

Нѣсколько значительнѣе была оказанная Англіей военная помощь. Какъ извѣстно, уже въ XVI вѣкѣ иностранные воины не составляли исключенія въ Россіи. При Грозномъ Флетчеръ насчитывалъ до 4.300 иностранцевъ на русской военной службѣ, но въ эту цифру входили малороссы и поляки; однако были и англичане, и особенно шотландцы. Въ иноземной дружинѣ царя Бориса, достигавшей 2.500 человѣкъ, шотландцы также играли видную роль, а Московская компанія въ XVI вѣкѣ, несмотря ни на какіе протесты Польши и Германіи, усиленно снабжала Россію оружіемъ и военными припасами. Въ иностранной охранѣ Димитрія одна дружина находилась подъ начальствомъ шотландца. Но въ Смутное время сильно сократилось количество иностранцевъ въ русскихъ полкахъ, ибо на нихъ должны были смотрѣть съ естественнымъ недовѣріемъ. Такъ, когда въ 1612 г. въ Архангельскѣ высадилось нѣсколько иностранныхъ полковниковъ, предлагая помощь Россіи противъ поляковъ, ихъ предпочли отправить обратно [1]). Къ царствованію Михаила общее число иностранцевъ значительно уменьшилось; но, съ упроченіемъ новой династіи, начинается и новый приливъ иностранцевъ, въ томъ числѣ и желающихъ поступить на русскую военную службу.

Въ 1615 году Іаковъ I письмомъ рекомендуетъ царю полковника Астона [2]), а послѣдній заявляетъ о желаніи многихъ англичанъ и шотландцевъ поступить на русскую службу [3]). Но особенно усилился притокъ военныхъ наемниковъ, а также и вооруженія и воинскихъ припасовъ, изъ Англіи въ Россію съ 1630 года, когда реорганизація русскихъ военныхъ силъ была уже въ полномъ разгарѣ. 29-го ноября 1630 года царь писалъ королю Карлу, прося его разрѣшенія вывезти

---

[1]) *St. Pap. Russ.* I, f° 124.

[2]) *Англ. грам.*, № 22, 30-го апр. 1615, оригиналъ. Любопытно, что Астонъ въ 1612 г. состоялъ въ числѣ лицъ, пріѣхавшихъ въ Архангельскъ, которыхъ не захотѣли тогда пустить далѣе.

[3]) *Англ. дѣла*, 1615, № 1; напечатано у Лыжина, прилож. № 6.

изъ Англіи „две тысечи мушкетовъ добрыхъ и иная ратная збруя“ [1]). Въ декабрѣ того же года онъ вновь обращался къ королю съ просьбой „заказъ всякимъ своимъ людемъ велѣти крепкоі учинити, чтобъ они у Полского короля не наимовалися... А таковы братъ нашъ поволишь недругу нашему Полскому королю въ своемъ государстве людеи наимовать или ему иную какую помочь учинить, и въ томъ межъ насъ впередъ какои дружбе и любви быти?“ [2]).

Въ этомъ же году пріѣхала изъ Англіи цѣлая партія полковниковъ, поручиковъ и капитановъ, переселявшихся въ Россію съ женами, малыми дѣтьми и слугами. Главную роль среди нихъ игралъ полковникъ Лесли [3]). Послѣдній, происходившій изъ семьи шотландскихъ лордовъ, давно состоялъ на военной службѣ у разныхъ государей. Въ 1618 году онъ былъ взятъ русскими въ плѣнъ подъ Смоленскомъ, а въ 1619, при размѣнѣ плѣнныхъ, отпущенъ въ Литву. Послѣ того онъ служилъ у шведскаго короля и, послѣ перемирія между Швеціей и Польшей, рѣшилъ поступить на военную службу въ Россію.

Вскорѣ послѣ своего пріѣзда, въ январѣ 1631 года, онъ былъ посланъ за границу нанять въ Швеціи, Даніи, Англіи и Голландіи „5000 добрыхъ охочихъ пѣшихъ солдатъ“. Съ нимъ къ англійскому королю послана отъ Михаила грамота, отъ 29-го января 1631 года [4]), съ извѣщеніемъ о намѣреніи воевать съ Польшей и просьбой о разрѣшеніи на покупку оружія и наемъ солдатъ и офицеровъ въ Англіи.

Карлъ I готовъ былъ идти на встрѣчу желаніямъ царя, но полковникъ Лесли, отличавшійся дурнымъ характеромъ и невоздержанностью, уже успѣлъ разсориться въ Россіи съ англійскими купцами и имѣлъ и въ Англіи много недоброжелателей, которые настаивали, чтобы онъ былъ привлеченъ къ отвѣту за свое поведеніе въ Россіи [5]).

---

[1]) Royal Lett. 49. Отвѣтъ на эту грамоту отъ 20-го мая 1631 г., *Англ. грам.* № 58; см. также *Ib.*, № 59, письмо Карла къ Филарету.

[2]) Royal. Lett. 49, оригиналъ.

[3]) О пріѣздѣ Лесли очень много документовъ находимъ въ *Копіяхъ Гамеля*, т. 32: 3131—извѣщеніе о прибытіи Лесли; 3133—грамота Густава Адольфа къ царю объ отпускѣ Лесли; 3142—пріемъ Лесли у царя; 3143, 3200, 3214, 3227, 3244, 3245—пріѣздъ семьи Лесли и другихъ лицъ, поступающихъ съ нимъ на русскую службу; 3251—жалоба Лесли на задержку жалованья и т. д.

[4]) *St. Pap. Russ.* II, f° 193—199, переводъ.

[5]) *Cal. St. Pap. Dom.*, t. an. 1631—1633, an. 1631, 18 Aug. Изъ этой замѣтки

Однако при Московскомъ дворѣ Лесли пользовался большимъ вліяніемъ, и, когда Карлъ предложилъ царю поручить другому шотландскому полковнику, Александру Стюарту, произвести наборъ въ Англіи, послѣдній, вѣроятно по проискамъ Лесли, былъ отправленъ обратно. Въ письмѣ отъ 4-го марта 1631 года царь сообщалъ, что Стюартъ ему не нуженъ, такъ какъ наборъ уже порученъ Лесли [1]). Другой полковникъ, Томасъ Сандерсонъ [2]), а вслѣдъ за нимъ и его сынъ Ралей [3]), по рекомендаціи короля, приняты на русскую службу.

4-го января 1632 года царь вновь обращается къ Карлу съ просьбой о разрѣшеніи купить въ Англіи 5.000 шпагъ [4]). На многочисленныя просьбы царя 18-го іюня 1632 года послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ, разрѣшавшій наемъ 2.000 солдатъ и покупку 5.000 шпагъ въ Англіи [5]), а въ февралѣ король, рекомендуя капитана Давида Лесли, обѣщалъ безпрепятственно отпускать и впредь своихъ подданныхъ на русскую военную службу [6]). Въ концѣ года съ королевскими грамотами и обѣщаннымъ оружіемъ прибылъ въ Россію англійскій купецъ, Джонъ Картрайтъ [7]). Слѣдуетъ замѣтить, что въ

видно, что Лесли не рѣшался сразу самъ пріѣхать въ Англію, а послалъ туда сначала гонца съ письмомъ царя.

[1]) Royal Lett. 49, оригиналъ.

[2]) *St. Pap. Russ.* II, f° 226, небрежная копія безъ даты письма Карла къ Михаилу.

[3]) *Англ. грам.*, № 56, 19-го мая 1631 г., оригиналъ рекомендательной грамоты Карла къ Михаилу.

[4]) „... Договорилися наши приказные люди с подданным вашимъ с англичениномъ с Ываномъ Катеромъ, что купити ему и здѣлати в вашем государстве пять тысечь шпагъ добрыхъ в ножнахъ и с поясы и вывести в наше государство. И вамъ бы брату нашему любительному для нашего царского величества подданному вашему Івану Катеру тѣ шпаги купить и здѣлать и в наше государство отпустити поволиті". *Royal Lett.* 49.

[5]) „... And moreover wheras you demanded by your letters for the supplie of your martial forces our royal licence as wel to levie men in our Kingdoms as also to export munition, wee have accordingly out of our love and respect of you our deare brother graunted both..." *Англ. грам.*, № 61.

[6]) *St. Pap. Russ.* III, f° 232, копія.

[7]) 25-го мая 1632 г. Картрайтъ обращался къ англійскому секретарю Куку съ просьбой возложить на него перевозку оружія въ Россію, *St. Pap. Russ.* II; о пріѣздѣ его см. *Англ. дѣла*, 1632 г., № 3, 1-го ноября. Впослѣдствіи онъ жаловался Карлу I на плохой пріемъ въ Россіи, *St. Pap. Russ.* III. О дѣлѣ его долго велась переписка между обоими дворами; см., напр., письмо Михаила къ Карлу отъ 31-го мая 1638 г., *Royal Lett.* 49.

Англіи существовалъ общій запретъ солдатамъ поступать на иноземную службу [1]), почему каждый разъ требовалось особое разрѣшеніе короля, выдававшееся отъ его имени тайнымъ совѣтомъ [2]).

Такъ какъ Лесли не очень разсчитывалъ на полученіе отъ Карла I разрѣшенія произвести наборъ въ Англіи, то онъ уже раньше нанялъ въ другихъ странахъ нужные ему 5.000 человѣкъ, а потому общій наборъ достигъ 7.000, о чемъ онъ далъ знать въ Москву, оправдывая свое превышеніе данныхъ ему полномочій тѣмъ соображеніемъ, что не всѣ наемники пріѣдутъ [3]).

Въ 1631 году въ Россіи насчитывалось 66.690 человѣкъ ратныхъ людей. Неудачи подъ Смоленскомъ скоро побудили русское правительство принять рѣшеніе приглашать впредь изъ-за границы лишь офицеровъ, поведеніе которыхъ въ Россіи также часто оставляло желать лучшаго, но которые были совершенно необходимы для обученія полковъ иностранному строю.

Во время осады Смоленска произошли вопіющія нарушенія дисциплины и среди англичанъ. Полковникъ Лесли выстрѣломъ изъ револьвера, въ присутствіи Шеина, убилъ полковника Сандерсона [4]). Правда, онъ обвинялъ его въ измѣнѣ, но общественное мнѣніе въ англійской средѣ категорически высказывалось противъ Лесли, который, будучи шотландцемъ, враждовалъ съ англичаниномъ Сандерсономъ. Однако Лесли въ Россіи наказанъ не былъ, быть можетъ потому, что принялъ православіе, за что царь наградилъ его богатымъ помѣстьемъ. О нарушеніи военной дисциплины подъ Смоленскомъ говоритъ также другое дѣло, о самовольной отлучкѣ во время осады одного англійскаго подполковника, о чемъ велось слѣдствіе [5]) съ опросомъ иностранныхъ полковниковъ, Лесли, Фукса, Шарпа и Сандерсона, чтобы узнать, какое по нѣмецкимъ законамъ полагается наказаніе за подобный проступокъ [6]). Въ этой осадѣ уже участвовали набранные Лесли полки.

Впрочемъ, для справедливости слѣдуетъ замѣтить, что и въ рус-

---

[1]) Онъ былъ формально подтвержденъ 6-го авг. 1622 г.

[2]) Александренко, *op. cit.*, стр. 273.

[3]) *Рукоп. Гамеля*, т. 32, 3265.

[4]) Англійскіе источники утверждаютъ, что убійство произошло во время военнаго совѣта, но существуетъ и другая версія. Въ пакетѣ *St. Pap. Russ.* II сохранилось много документовъ по этому вопросу.

[5]) *Рукоп. Гамеля*, т. 32, 3304.

[6]) *Ib.*, 3321.

скихъ полкахъ подъ Смоленскомъ было весьма неблагополучно, а измѣна Шеина, какъ бы ни оправдывали ее, не говоритъ и въ пользу русскихъ начальниковъ.

Несмотря на то, что иностранные офицеры были весьма нужны, ихъ принимали съ нѣкоторымъ разборомъ, мотивы котораго впрочемъ не всегда ясны. Такъ въ 1633 году былъ отосланъ обратно, пріѣхавшій по рекомендаціи Карла I, капитанъ Томасъ Линтсей [1]), причемъ Михаилъ ссылался на то, что онъ пріѣхалъ безъ собственнаго регимента, а въ другихъ полкахъ все начальство есть сполна [2]).

17-го августа 1634 года царь могъ наконецъ сообщить въ Англію о заключеніи мира съ Польшей [3]); по поводу этого счастливаго событія послано Карломъ поздравленіе отъ 5-го января 1635 года [4]).

Мы уже видѣли, что среда иностранныхъ наймитовъ въ Россіи часто отличалась отсутствіемъ дисциплины. Несомнѣнно, что на ряду съ дѣльными энергичными людьми среди такихъ выходцевъ было не мало ненадежныхъ и даже преступныхъ элементовъ, которымъ легко было развернуться въ общей неустоявшейся послѣ Смуты атмосферѣ царствованія Михаила, когда мятежи, бунты и всякія волненія были обыденнымъ явленіемъ [5]). Однако иностранные военные, не принадлежа ни къ какимъ партіямъ, рѣдко участвовали во внутреннихъ неурядицахъ; лучшая часть ихъ старалась держаться нейтральной, оставаясь вѣрной долгу присяги; на ихъ надежность сильно разсчитывало Московское правительство при подавленіи мятежей. Любопытно, что во время волненій 1648 года, когда иностранцы съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ вышли защищать дворецъ, чернь отнеслась къ нимъ благосклонно; въ народѣ раздавались голоса, что „нѣмцы", какъ называли тогда всѣхъ иностранцевъ, честные люди, не раздѣляющіе злоупотребленій бояръ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что иностранные военные сыграли въ

---

[1]) *Англ. грам.*, № 63 и 64, Карлъ Михаилу и Филарету, 12-го авг. 1632 г.

[2]) *Royal Lett.* 49, ориг., письмо Михаила къ Карлу отъ 21-го февр. 1633 г.

[3]) *Royal Lett.* 49, ориг.

[4]) *Англ. грам.* № 69, ориг. и *State Pap. Russ.* III, f° 245, копія. Бантышъ-Каменскій неправильно датируетъ это письмо 1634 г., что объясняется своеобразнымъ англійскимъ стилемъ, начинавшимъ годъ съ 25-го марта.

[5]) Очень много данныхъ о жизни и поведеніи иностранцевъ въ Россіи въ сочиненіяхъ Brückner'a: *Die Europäisierung Russlands* и *Kulturhistorische Studien*, но онъ несомнѣнно идеализируетъ иностранную среду и преувеличиваетъ тяжелое положеніе иностранцевъ въ Россіи.

XVII вѣкѣ важную роль при реформѣ русской арміи и созданіи новыхъ полковъ иноземнаго строя. Среди нихъ видное мѣсто занимали англичане, и особенно воинственные шотландцы; мы видѣли, что шотландцу Лесли поручено въ 1631 году отвѣтственное дѣло крупнаго иностраннаго набора. Вообще англичане и голландцы, какъ занимающіе въ Россіи наиболѣе прочное коммерческое положеніе, естественно являлись въ роли посредниковъ между Московскимъ правительствомъ и другими иностранцами.

V.

Наиболѣе выдающимся политическимъ вопросомъ, отразившимся на перепискѣ Михаила съ Іаковомъ, была попытка заключенія англо-русскаго союза. Мы уже видѣли выше, что еще въ XVI вѣкѣ царь Иванъ Васильевичъ, мечтавшій о политическомъ сближеніи съ Англіей, принялъ на себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ, но потерпѣлъ неудачу, благодаря уклончивому поведенію королевы Елизаветы. Трудное политическое положеніе царя Михаила заставляло его искать союзниковъ противъ Швеціи и Польши.

Ѣздившіе въ Голландію русскіе послы поднимали вопросъ о русско-голландскомъ союзѣ и настаивали на отправленіи съ этой цѣлью Голландіей великаго посольства въ Россію. Но не сплоченные въ общую организацію голландскіе купцы не сумѣли объединиться и повліять на мало предпріимчивое правительство Штатовъ въ смыслѣ политическаго сближенія съ Россіей; даже посылка посольства затянулась на многіе годы, что крайне оскорбляло Московское правительство.

Иначе обстояло дѣло съ англичанами. Еще передъ Столбовскимъ договоромъ царь настаивалъ на томъ, чтобы, въ случаѣ неудачи мирныхъ переговоровъ, Іаковъ I помогъ ему противъ Швеціи, на что Меррикъ отвѣтилъ уклончиво. Въ письмѣ, посланномъ Іакову въ 1615 году черезъ Грязева [1]), читаемъ предложеніе, въ случаѣ неудачи посредничества, помочь Россіи оружіемъ противъ Швеціи. По заключеніи Столбовскаго договора, послана въ Англію царская грамота отъ августа 1617 года, дабы объявить „нашу царскую братскую дружбу і любовь... и о вѣчномъ докончанье і о соединенье на всѣхъ нашихъ общихъ недруговъ“ [2]). Волынскимъ и Поздѣевымъ

---

[1]) У Бант.-Кам. подъ 18-мъ авг. 1615 г.

[2]) Brit. Mus., *Nero* B. XI, f° 320, оригиналъ.

представлена въ тайный совѣтъ записка о заключеніи оборонительнаго и наступательнаго союза противъ Польши [1]). Царь просилъ также Іакова повліять на Данію, Швецію и Нидерланды, чтобы они помогли ему противъ поляковъ [2]). Настаивая на немедленной присылкѣ изъ Англіи посла, со всѣми полномочіями для заключенія союза, царь даже прислалъ для него съ Волынскимъ свой пропускъ „подъ большою печатью“ [3]).

Переговорами между англійскимъ дворомъ и русскими послами въ 1618 году руководило англійское купечество, которое, черезъ своего представителя Джона Меррика, передало двору меморандумъ для руководства лордамъ въ ихъ сношеніяхъ съ русскими послами [4]). Въ этомъ любопытномъ документѣ купцы предлагаютъ королю съ готовностью принять проектъ о союзѣ и вѣчной лигѣ между нимъ и царемъ, на условіяхъ пріемлемыхъ для обоихъ государствъ. Но англійскій дворъ колебался, и цѣлую зиму русскіе ждали отъ него опредѣленнаго отвѣта на вопросы о займѣ и союзѣ. Еще 23-го марта 1618 года они подавали прошеніе въ тайный совѣтъ, прося ускорить переговоры [5]).

Только въ іюнѣ они отпущены изъ Лондона въ сопровожденіи уже извѣстнаго намъ Дёдлея Дикса, получившаго помимо 100 тысячъ рублей для Россіи еще порученіе „учинить договоръ объ обновленіи между Англіей и Россіей дружбы“, однако едва ли возможно разсматривать его, какъ достаточное полномочіе на заключеніе союза. Мы уже знаемъ, какъ печально закончилась поѣздка Дикса [6]); но бѣгство его изъ Россіи, вызвавъ временную натянутость между дворами, не охладило, а лишь слегка задержало дальнѣйшіе переговоры о союзѣ. Возвращеніе изъ плѣна Филарета придало еще болѣе прочную оріентацію русской внѣшней политикѣ. 24-го іюня 1620 года король Іаковъ поздравилъ царя съ возвращеніемъ его

---

[1]) Александренко, стр. 272.

[2]) Соловьевъ, т. IX, стр. 183.

[3]) *St. Pap. Russ.* II „Translation of the Ambassadors speach to his Majestie touching the Emperors affaires“; *Ib.*, „The speach of the Russia Ambassador to the Kings Majestie, february 4“, [1618] и *Ib.*, f° 236 „The speach of the Russe Ambassador“.

[4]) *State Pap. Russ.* II, f° 253, 28 March 1618, „Memoriall delivered by Sir John Merrick of such pointes as the Marchants humbly desire their Lordships to speake with the Moscovite Embassador upon.“

[5]) *St. Pap. Russ.* II, f° 245, переводъ.

[6]) См. выше, стр. 79.

отца [1]). Письмо это привезъ хорошо извѣстный намъ Джонъ Меррикъ, которому даны новыя полномочія на продолженіе переговоровъ о союзѣ. Однако, на предъявленное ему въ Москвѣ требованіе подтвердить присягою англо-русскій союзный договоръ, Меррикъ отвѣтилъ отказомъ, и потому въ Англію были отправлены новые русскіе послы, Погожевъ и Власьевъ, съ письмомъ царя отъ 17-го іюня 1621 года.

Въ этой любопытной грамотѣ, составленной особенно обстоятельно, царь жалуется, что „о большомъ дѣле о вѣчномъ докончанье і соединенье похотите-лі вы братъ нашъ съ нами великимъ Государемъ въ томъ укрепитися нашими государскими душами и руками и печатьми, і о томъ бояромъ нашимъ посолъ вашъ отъ васъ брата нашего полные науки не сказалъ, а говорилъ бояромъ нашимъ, что ему о томъ отъ васъ брата нашего не наказано". Указывая на то, что подобные договоры всегда закрѣпляются присягою „а бес того вѣчное докончанье и соединенье крѣпко быти не можетъ", царь предлагаетъ королю, если онъ захочетъ съ нимъ „на всякаго недруга стоять за одинъ", увѣдомить его объ этомъ. „А мы, великій Государь, заключаетъ онъ, с вами братомъ нашимъ любительнымъ в ссылке і в братцкои любви і в дружбе і в докончанье быти хотимъ по прежнему и выше, и хотимъ того, чтобы межъ нами, великими Государи, брацкая дружба и любовь отъ часу прибавлялася, а не умалялася" [2]).

Послы получили неопредѣленный отвѣтъ, что король желаетъ укрѣпить союзъ дружбы взаимной братской любовью свыше прежняго [3]), и лѣтомъ 1622 года уѣхали обратно, причемъ съ ними вновь отправленъ Меррикъ съ двумя грамотами отъ короля; одна заключала просьбу царю установить между обоими дворами тѣсныя письменныя сношенія безъ посылки пословъ [4]), другая—дружескія изъявленія патріарху Филарету [5]).

Наконецъ 1-го ноября 1623 года въ Москву прибылъ англійскій гонецъ, Христофоръ Коксъ (Cocks) [6]), объявившій на предваритель-

---

[1]) *Англ. грам.*, № 28.

[2]) *Royal Lett.*, 49, ориг.

[3]) *St. Pap. Russ.* I. „The Lords answere to the Emperors Stolnike Isaac Simonwich Pogozove" и Александренко, *op. cit.*, стр. 269, прим. 3.

[4]) *Англ. грам.*, № 30, 1-го іюня 1622 г.

[5]) *Ib.*, № 32, 11-го іюня 1622 г.

[6]) 14-го августа онъ писалъ въ Англію письмо изъ Архангельска.

номъ допросѣ, что онъ имѣетъ при себѣ закрѣпленный подписью и печатью короля Іакова актъ союзнаго договора между Россіей и Англіей [1]). Въ Москвѣ крайне обрадовались, но уже при слѣдующемъ свиданіи съ русскими боярами Коксъ принялъ оборонительное положеніе, ссылаясь на то, что не можетъ сказать ничего опредѣленнаго, пока царь не откроетъ ему своихъ мыслей. Бояре совершенно основательно возражали, что мысли царя по этому вопросу давно хорошо извѣстны королю. Когда же отъ гонца потребовали категорическаго отвѣта, привезъ ли онъ подписанный королемъ текстъ договора, то онъ отрекся отъ первоначальнаго заявленія, объяснивъ его ошибкой переводчика и предложивъ царю вновь отправить въ Англію посла для окончательныхъ переговоровъ [2]).

Какъ примирить противорѣчіе между первымъ заявленіемъ Кокса и его позднѣйшими объясненіями? Ошибка переводчика казалась аргументомъ неубѣдительнымъ уже въ XVII вѣкѣ.

На вопросъ, былъ ли дѣйствительно подписанъ союзный договоръ королемъ Іаковомъ, мы можемъ отвѣтить утвердительно; онъ былъ не только подписанъ королемъ и утвержденъ королевской печатью въ Вестминстерѣ 16-го іюня 1623 года, но и опубликованъ въ Англіи подъ заглавіемъ „Статьи вѣчнаго докончанья, дружбы и союза, сношеній и торговли, принятыя и установленныя между Великимъ и Могущественнымъ Королемъ Іаковомъ и Великимъ Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ“ [3]). Въ концѣ его читаемъ, что Его Величествомъ царемъ русскимъ уже данъ за большой печатью контрактъ или документъ подобнаго же содержанія, но позднѣйшія свѣдѣнія не вполнѣ подтверждаютъ это заявленіе. Во всякомъ случаѣ тотъ фактъ, что договоръ былъ присланъ съ гонцомъ, а не съ послами, указываетъ, что переговоры уже считались законченными и соглашеніе вполнѣ достигнутымъ.

Однако именно это обстоятельство оказалось роковымъ для союза,

---

[1]) *Англ. дѣла*, 1623, № 1, ноябрь.

[2]) Съ этими переговорами знакомитъ насъ документъ безъ даты, сохранившійся въ пакетѣ *St. Pap. Russ.* II, изъ котораго видимъ, что уже черезъ 10 дней послѣ пріѣзда въ Москву Коксъ отрекся отъ своего первоначальнаго заявленія.

[3]) Rymer, *Foedera*, t. VII, p. IV, pp. 71—73; общее заглавіе: „De Intercursu Mercandisarum cum Imperatore Russiae“, и далѣе болѣе подробное и точное: „Articles of a perpetuall League of Amity and Alliance, Entercourse and Commerce accorded and agreed uppon betweene the most high and mighty Prince James [титулъ] and the greate Lord Emperour and great Duke Michall Pheodorowith [титулъ]“.

ибо Коксъ счелъ возможнымъ не исполнить возложеннаго на него порученія и скрыть договоръ отъ русскаго правительства. Повторилось то же, что произошло въ 1618 году при пріѣздѣ Дёдлея Дикса съ деньгами. Нельзя не сказать, что повторность такихъ случаевъ указываетъ на полное паденіе королевскаго авторитета въ Англіи въ царствованіе перваго Стюарта. Іаковъ могъ сколько угодно распространяться въ своихъ произведеніяхъ о преимуществахъ неограниченной монархіи и сильной власти, на практикѣ же онъ даже не умѣлъ заставить своихъ чиновниковъ повиноваться королевской волѣ и исполнять ея предначертанія. Въ фактахъ, имѣвшихъ мѣсто въ Россіи въ 1618 и 1623 годахъ, нельзя не видѣть грозныхъ предвѣстниковъ грядущей великой англійской революціи.

О томъ, что Коксъ счелъ возможнымъ просто скрыть отправленный съ нимъ уже конфирмованный договоръ, мы имѣемъ совершенно достовѣрныя свѣдѣнія въ посланныхъ имъ изъ Москвы и Архангельска канцлеру въ Лондонѣ письмахъ, копіи съ которыхъ хранятся въ лондонскихъ архивахъ [1]). Въ одномъ изъ нихъ онъ прямо признается, что, для сокращенія времени, лига была поручена ему, но, такъ какъ она не имѣла значенія и силы, пока царь не согласился на ея параграфы и на конфирмацію ея, то онъ счелъ нужнымъ не объявлять ее. Даже если допустить справедливость утвержденія, будто лига еще не была конфирмована царемъ, что, какъ мы видѣли, противорѣчитъ офиціальному заявленію Іакова I, то все же приведенное извиненіе остается несостоятельнымъ, ибо желанія царя давно были извѣстны, и на гонцѣ лежала лишь обязанность исполнить данное ему въ Лондонѣ предписаніе.

Что касается мотивовъ дѣйствій Кокса, то нѣкоторыя косвенныя указанія какъ будто даютъ позднѣйшіе памятники. Въ нихъ встрѣчаются извѣстія, что Коксъ, посланный въ 1623 году въ Россію не только какъ гонецъ, но и какъ офиціальный агентъ компаніи, занимался нелегальной торговлей въ свою личную пользу и дѣйствовалъ за одно съ англійскими „interlopers“, нелегальными торговцами, злѣйшими конкурентами „Московской компаніи“. Между тѣмъ въ союзномъ договорѣ имѣлись не только политическіе, но и торговые параграфы, и въ числѣ послѣднихъ одинъ, опредѣленно направленный противъ „interlopers“, которыхъ царь обязывался немедленно выдавать англійскому правительству. Такимъ образомъ заключеніе дого-

---

[1]) *State Pap. Russ.* II, отъ 17-го апрѣля и 14-го августа 1624 года.

вора могло повредить личнымъ интересамъ Кокса, и потому было для него, вѣроятно, нежелательнымъ.

Договоръ XVII вѣка несомнѣнно имѣлъ своимъ родоначальникомъ проектъ англо-русскаго союза, выработанный еще при Грозномъ [1]), хотя за истекшее полстолѣтіе онъ успѣлъ развиться и разростись. Въ проектѣ Грознаго насчитываемъ всего 11 параграфовъ [2]), тогда какъ въ договорѣ, привезенномъ Коксомъ, число ихъ почти удвоилось [3]), а политическая часть договора увеличилась съ 4 параграфовъ до 8, суть которыхъ сводится къ слѣдующему:

§ 1. Договоръ между царемъ и королемъ явится обязательнымъ не только для нихъ обоихъ, но и для ихъ потомковъ и наслѣдниковъ, чѣмъ устанавливается характеръ того „вѣчнаго докончанія", о которомъ хлопоталъ уже царь Иванъ Васильевичъ.

§ 2. Оба государства будутъ стремиться ко взаимной выгодѣ и благополучію, и ни въ какомъ случаѣ одно изъ нихъ не окажетъ ни въ чемъ покровительства врагу другого.

§ 3. Оно не можетъ доставлять врагу своего союзника солдатъ, военные припасы, провіантъ и т. п., а также давать пропускъ черезъ свои земли идущимъ противъ послѣдняго войскамъ, а должно, наоборотъ, заботиться о предотвращеніи всего, что можетъ вредить союзнику.

§ 4. Каждый изъ договаривающихся долженъ предупредить другого, если начинаетъ какую либо войну, дабы послѣдній могъ употребить всѣ мѣры для улаженія конфликта, при чемъ расходы по всѣмъ переговорамъ въ такомъ случаѣ оплачиваются тѣмъ изъ союзниковъ, въ пользу котораго они ведутся.

§ 5. Если война уже возникла, то находящійся въ войнѣ союзникъ получаетъ право дѣлать наборъ въ странѣ другого, не считаясь съ изданными ранѣе общими запрещеніями, а также покупать военные и другіе припасы, оружіе, артиллерію и т. п., тогда какъ врагъ не можетъ быть допущенъ къ подобнымъ же наборамъ или покупкамъ.

§ 6. Однако, если послѣднее ограниченіе будетъ нарушено отдѣльными частными лицами, купцами или солдатами не воюющаго союзника, подобное частное нарушеніе не можетъ служить причиной для разрыва союза, а виновныя лица должны одни нести наказаніе.

---

[1]) Юрій Толстой, *Россія и Англія*, № 21 и № 44.

[2]) Въ проектѣ 1569 года 10 параграфовъ, а въ 1582 г. прибавленъ одиннадцатый.

[3]) Нумераціи по §§ въ этомъ текстѣ нѣтъ, но ее легко можно возстановить, и тогда получимъ 20 параграфовъ.

§ 7. Не воюющій союзникъ не можетъ начать мирнаго посредничества безъ разрѣшенія и желанія воюющаго.

§ 8. Союзъ этотъ не долженъ нарушать мирныхъ и дружескихъ отношеній, въ которыхъ вступающія въ него государства находились съ другими странами до его заключенія.

Такимъ образомъ этотъ союзъ является вѣчнымъ (§ 1), наступательнымъ и оборонительнымъ, ибо въ этомъ пунктѣ не дѣлается нигдѣ никакого различія, что также совпадаетъ съ первоначальнымъ проектомъ Грознаго; но помощь одного союзника другому, ограничиваясь посредничествомъ и разрѣшеніемъ найма солдатъ и покупки оружія, не идетъ до активнаго выступленія, а это ограниченіе, какъ и стремленіе сохранить всѣ прежнія международныя отношенія новыхъ союзниковъ (§ 8), идетъ въ разрѣзъ съ категорически выставлявшимся Грознымъ требованіемъ, чтобы друзья и недруги одного были друзьями и недругами другого.

Остальные §§ регулируютъ торговыя отношенія между обоими государствами, и здѣсь не мѣсто разбирать ихъ подробно; отмѣтимъ лишь, что, несмотря на ихъ многочисленность, они отнюдь не гарантируютъ Англіи того исключительно благопріятнаго коммерческаго положенія, которое занимали ея купцы въ XVI вѣкѣ.

Въ іюнѣ 1624 года царь Михаилъ написалъ длинное письмо королю Іакову [1]). Сообщивъ о первоначальномъ заявленіи Кокса и его позднѣйшемъ отреченіи отъ него, царь естественно задаетъ вопросъ: „То докончанье за вашею королевскою рукою и печатью ныне съ нимъ (т. е. съ Коксомъ) есть ли, і дѣлать ему о томъ нашего царского величества з бояры наказано ли?“ Вѣдь мысль царя о союзѣ королю давно извѣстна и, такъ какъ по отказу Кокса дѣло осталось не законченнымъ, пусть Іаковъ вновь шлетъ пословъ съ подлинными полномочіями.

Однако дальнѣйшаго развитія переговоры не получили. Непосредственной причиной ихъ прекращенія, вѣроятно, явилась смерть Іакова I. Отъ 1-го іюля 1625 года имѣемъ уже первое письмо новаго короля, Карла I, извѣщающаго царя о своемъ вступленіи на престолъ [2]), а отъ 9-го іюля 1626 года—первое письмо Михаила къ Карлу [3]). 1-го фе-

---

[1]) *Royal Lett.* 49, оригиналъ съ хорошо сохранившейся печатью, и два перевода въ *St. Pap. Russ.* II.

[2]) Послано съ Фабіаномъ Смитомъ, *Англ. грам.*, № 36, ориг. и *State Pap. Russ:* II, f° 119, копія.

[3]) *Royal Lett.* 49, ориг.

враля 1627 года Карлъ впервые пишетъ Филарету [1]), и почти одновременно, 13-го февраля 1627 года, Филаретъ впервые обращается къ Карлу [2]).

Конечно, если бы англо-русскій союзъ вытекалъ органически изъ тѣснаго сближенія между обоими государствами, переговоры, вѣроятно, возобновились бы, и прекращеніе ихъ свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ былъ до нѣкоторой степени мертворожденнымъ. Но, поскольку возможно допустить въ исторіи роль случая, постольку можно сказать, что въ 1623 году союзъ между Россіей и Англіей былъ очень близокъ къ осуществленію.

VI.

Слѣдуетъ еще, хотя бы вкратцѣ, упомянуть о торговыхъ вопросахъ, затронутыхъ въ перепискѣ XVII вѣка. Такъ король Іаковъ хлопочетъ передъ царемъ о разрѣшеніи для своихъ купцовъ торговать не на общій капиталъ, какъ это практиковалось ими раньше, а каждому члену компаніи порознь, на свой собственный капиталъ и рискъ. Этотъ переходъ отъ компаніи акціонерной, „Joint-Stock", къ болѣе примитивному типу „Regulated Company" [3]) былъ придуманъ повидимому съ цѣлью привлечь новые капиталы и этимъ путемъ поправить пошатнувшееся финансовое положеніе „Muscovy Company" [4]). Но совершенно неожиданно этотъ планъ натолкнулся на противодѣйствіе русскаго двора, опасавшагося увеличенія числа англійскихъ купцовъ въ Россіи, въ ущербъ русской торговлѣ [5]).

---

[1]) *Англ. грам.*, № 38 ориг. и *St. Pap. Russ.* II, f° 127, копія; одновременно послано и письмо Михаилу съ поздравленіемъ по случаю новаго брака; *Англ. грам.*, № 37 и *St. Pap. Russ.* II, f° 156; оба письма привезены Рихардомъ Свифтомъ.

[2]) *Royal Lett.* 49, ориг.

[3]) Подробное описаніе этихъ типовъ смотри у Cunningham, *Growth of English Industry and Commerce*, т. I, а также у Hewins, *English Trade and Finance.* Впрочемъ эти историки ошибочно предполагали, что Московская компанія XVI вѣка не торговала на общій капиталъ, но послѣдними изслѣдованіями съ несомнѣнностью доказано, что весь XVI вѣкъ Московская компанія была „Joint-Stock Company", являясь въ Англіи первой компаніей подобнаго типа; см. Scott, *Joint-Stock Companies to 1620*, т. I, Инна Любименко, *Истор. торг. снош. Росс. съ Англ.*, вып. I и Gerson, *The Organization and early Hist. of the Musc. Comp.*

[4]) Заявленіе о перемѣнѣ способа торговли сдѣлано впервые въ письмѣ короля Іакова отъ 30-го мая 1623 года, *Англ. грам.*, № 34, ориг. и *State Pap. Russ.*, II, копія. Подробный отвѣтъ данъ Михаиломъ въ письмѣ отъ 1-го іюня 1624 г., *Royal Lett.*, 49, ориг. и *State Pap. Russ.*, II, 2 перевода.

[5]) *Англ. дѣла*, 1635 г., № 1, „Докладная выписка объ объявленіи англичанамъ

Въ перепискѣ короля Карла съ царемъ Михаиломъ также неоднократно затрагивались торговыя темы. Нѣсколько писемъ посвящено вопросу, какимъ устьемъ Двины англійскія суда имѣють право входить при прибытіи въ Россію. Первоначально имъ было опредѣлено Пудожемское устье, но къ XVII вѣку, по увѣреніямъ англичанъ, оно обмелѣло и засорилось, что причиняло ихъ судамъ много затрудненій и даже опасностей, поэтому они хлопотали о полученіи разрѣшенія пользоваться Березовымъ устьемъ, какъ болѣе полноводнымъ и широкимъ. Первую просьбу Карла по этому поводу находимъ въ его письмѣ отъ 23-го апрѣля 1629 года [1]), но, такъ какъ она не была уважена, то и впослѣдствіи встрѣчаемъ неоднократныя возвращенія къ этому вопросу [2]).

Въ письмѣ отъ 22-го іюня 1634 года читаемъ:

„Мы надѣялись, что Вы скорѣе увеличите, нежели сократите старинныя привилегіи нашихъ купцовъ, и что по Нашему двойному ходатайству, Вы разрѣшите имъ подводить свои суда къ Вашему Архангельскому порту черезъ вновь открытое Березовое устье, такъ какъ они потерпѣли большія потери благодаря обмелѣнію стараго Пудожемскаго устья..... поэтому Мы не безъ обиды сообщаемъ Вамъ, нашему дорогому брату, что ни наши купцы не получили до сихъ поръ Вашего разрѣшенія на этотъ проѣздъ, ни Мы сами отвѣта на Наши письма“.

Соглашенія по этому вопросу такъ и не состоялось. Царь готовъ былъ пропускать англичанъ новымъ устьемъ, но на условіи „платить наша пошлина для того, что тѣми пошлинами на томъ новомъ устье для корабелново ходу подѣлать крѣпости і людеи учинити для береженья многихъ“ [3]); англичане же на подобное условіе не шли, такъ какъ компанія была уже слишкомъ слаба въ финансовомъ отношеніи, чтобы вынести такой новый налогъ.

Встрѣчаемъ также въ перепискѣ благодарности за привилегіи ком-

---

дабы тѣ только въ Россіи торговали, коихъ имена въ жалованной написаны грамотѣ, и на одномъ бы, а не на многихъ становились съ товарами дворахъ“.

[1]) *Англ. грам.*, № 42.

[2]) Напр., грамота Карла къ Филарету, отъ 31-го октября 1629 г., *Англ. грам.*, № 45 и къ Михаилу, отъ 5-го января 1630 г., *Англ. грам.*, № 46. Отрицательный отвѣтъ царя отъ 8-го іюля 1631 г., *St. Pap. Russ.*, II, f-os 279—283 и новая просьба Карла отъ 22-го іюня 1634 г., *Англ. грам.*, № 68, ориг. и *State Pap. Russ.*, II, f-os 142—144, копія.

[3]) Письмо Михаила къ Карлу, отъ 31-го мая 1637 г., *Royal Lett.*, ориг.

паніи [1]), просьбы о возвращеніи неправильно взятыхъ съ нея пошлинъ [2]), объ отосланіи провинившихся англійскихъ купцовъ [3]) и т. п.; рѣже — упоминанія отдѣльныхъ производствъ или предметовъ торговли. Особое значеніе англичане придавали торговлѣ черезъ Россію съ Персіей, такъ обогатившей ихъ еще въ XVI вѣкѣ, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ. Ея же добивались послѣ Смуты другіе иностранцы, голландцы, датчане, французы, но русское правительство упорно охраняло персидскую торговлю отъ всѣхъ подобныхъ посягательствъ, и неоднократныя попытки англичанъ проникнуть въ Персію всегда терпѣли неудачу [4]).

Нѣсколько подробнѣе приходится остановиться на двухъ предметахъ англійскаго вывоза изъ Россіи, зернѣ и смолѣ, имѣвшихъ для Англіи не только торговое, но и общегосударственное значеніе; а потому неудивительно, что вопросу о вывозѣ зерна посвящено 16 писемъ XVII вѣка. Мысль объ использованіи Россіи въ качествѣ житницы для страдавшей недородомъ остальной Европы являлась вполнѣ естественной. Уже въ XVI вѣкѣ встрѣчаемъ единичные случаи вывоза англичанами зерна изъ Россіи. Позже Исаакъ Масса разсчитывалъ склонить царя Михаила къ продажѣ въ большихъ размѣрахъ зерна голландцамъ, указавъ ему, что такимъ путемъ будутъ ослаблены его главные враги, поляки, державшіе до тѣхъ поръ въ своихъ рукахъ эту обогащавшую ихъ отрасль торговли.

Періодъ отъ 1628 до 1632 года былъ для западной Европы тяжелымъ временемъ хроническихъ недородовъ. Съ 1620 до 1628 года цѣна ржи поднялась въ Голландіи съ 44 до 250 флориновъ за ластъ, а въ 1630 до 462 флориновъ. Въ Англіи съ 1628 года также быстро растутъ хлѣбныя цѣны, а съ 1630 года страна переживаетъ подрядъ 9 лѣтъ недородовъ [5]). 12-го апрѣля 1628 года [6]), 31-го октября

---

[1]) Напр., въ письмѣ Іакова къ Михаилу отъ 30-го мая 1623 г., *Англ. грам.*, № 34, а также въ письмѣ Карла къ Филарету отъ 1-го февраля 1627 г., *Англ. грам.*, № 38, ориг., и *State Pap. Russ.*, II, f° 127, копія.

[2]) См. письмо Карла къ Михаилу, отъ 1-го февраля 1627 г., *Англ. грам.*, № 37, ориг. и *State Pap. Russ.*, II, f-os 156—158, копія; а также отъ 17-го декабря 1634 г., *Англ. грам.*, № 74.

[3]) Письмо Карла къ Михаилу отъ 17-го декабря 1639 г., *Англ. грам.*, № 74.

[4]) Упоминанія о Персіи и персидской торговлѣ въ перепискѣ см. въ письмѣ Карла къ Михаилу отъ 1625 г., *State Pap. Russ.*, II, f° 123 и въ письмѣ Михаила къ Карлу отъ 13-го февраля 1628 г., *Ib.*, f-os 175—179, переводъ.

[5]) Rogers, *Agriculture and Prices of England*, т. V.

[6]) *Англ. грам.*, № 40, ориг. и *State Pap. Russ.*, III, копія.

1629 года [1]), 10-го августа [2]) и 10-го сентября 1630 года [3]) Карлъ I обращается къ царю съ просьбами о разрѣшеніи на хлѣбныя покупки. Въ концѣ этого года подано въ Россіи англичаниномъ Іоганномъ Скрупомъ письмо короля, отъ 17-го сентября, съ просьбой разрѣшить ему, Скрупу, покупку 100.000 четвертей хлѣба [4]), а 30-го сентября того же года король просилъ о дозволеніи для англичанина Іоганна Ливинстона вывезти изъ Россіи зерно на 14 корабляхъ [5]).

Однако царь долго оставлялъ всѣ эти просьбы безъ отвѣта, хотя самъ именно въ это время нуждался въ англійскихъ солдатахъ и оружіи для войны съ поляками. Лишь 4-го марта 1631 года онъ положилъ на просьбы короля слѣдующую резолюцію [6]): „I мы великиі государь, совѣтовавъ о томъ съ отцемъ нашимъ съ великимъ государемъ святѣишимъ патріархомъ Филаретомъ Никитічемъ Московскимъ і всеа Русиі, поволили подданному вашему Томасу Вичю купить въ нашихъ государствахъ тритцать тысячь чети, а болѣе того было намъ хлѣба на васъ купити поволить нелзѣ, для того что в то время в нашемъ Государстве уродился мало“. Поэтому остальныя лица отпущены обратно безъ задержки, но и безъ хлѣба. Карлъ затѣмъ нѣсколько разъ благодарилъ за безпошлинно присланное и просилъ въ будущемъ дослать остальную мѣру до 100.000 четвертей [7]).

Такія же просьбы поступали къ русскому двору и отъ другихъ государствъ. Такъ Швеціи разрѣшена въ 1630 году покупка 75.000, а въ 1631—50.000 четвертей, изъ чего видно, что ссылка царя въ письмѣ къ Карлу на недородъ въ Россіи не вполнѣ основательна. За то Голландія получила отказъ, хотя и предлагала платить самымъ нужнымъ Россіи товаромъ—оружіемъ [8]).

Позже, при царѣ Алексѣѣ, возобновились англійскія просьбы о вывозѣ хлѣба. 7-го февраля 1646 года Карлъ пишетъ царю, прося отпустить англичанину, Лукѣ Найтингэлю, 300.000 четвертей и доз-

---

[1]) *Англ. грам.*, № 44.

[2]) *Ib.*, №-os 48 и 49, письма царю и патріарху; см. также *Англ. грам.*, № 50.

[3]) *Ib.*, № 51.

[4]) *Ib.*, №-os 52 и 53.

[5]) *Ib.*, № 54.

[6]) *Royal Lett.*, 49, оригг.

[7]) Письма отъ 20-го мая и 13-го сентября 1631 года, *Англ. грам.*, № 20 и *State Pap. Russ.*, II.

[8]) *Сб. Ист. Общ.*, т. 116, стр. CCXL.

волить уплатить англійскимъ сукномъ [1]). 1-го іюня 1648 года, съ острова Уайта, онъ вновь напоминаетъ царю о своей просьбѣ, предлагая вывезти 300.000 четвертей изъ Новгорода и Пскова къ Нарвскому и Рижскому портамъ, съ уплатой за нихъ сукномъ, оловомъ и другими англійскими товарами [2]). Наконецъ, въ декабрѣ того же года изъ Гааги, отъ молодого наслѣднаго принца Карла, посылалось царю извѣщеніе о посылкѣ въ Россію двухъ лицъ, съ цѣлью покупки 40.000 четвертей зерна для Ирландіи [3]).

Всѣ эти просьбы носили довольно безпорядочный характеръ, такъ какъ въ качествѣ покупщиковъ появлялись все новыя и новыя лица, подъ часъ совершенно неизвѣстныя и не внушавшія довѣрія и самой англійской торговой компаніи, такъ что дѣйствія короля не разъ подвергались суровому осужденію со стороны представителей англійскаго купечества. Слѣдуетъ помнить, что съ 1629 года Карлъ особенно нуждался въ деньгахъ [4]), а за рекомендательныя письма, вѣроятно, получалъ извѣстную плату; поэтому просьбы его вызывались не только соображеніями государственной нужды, но и личной выгоды, и это повидимому учитывалось при московскомъ дворѣ.

Довольно часто въ письмахъ упоминается также о смолѣ, такъ какъ этотъ предметъ вывоза, необходимый для осмоленія канатовъ, имѣлъ большое значеніе для англійскаго флота. 25-го марта 1636 года Карлъ просилъ о разрѣшеніи вывозить безпошлинно въ продолженіе 7-ми лѣтъ ежегодно отъ 3.000 до 4.000 бочекъ смолы для англійскихъ воинскихъ кораблей [5]), на что 11-го января 1638 года царь написалъ отказъ, въ виду того, что, съ разрѣшенія англичанъ, этотъ промыселъ уже откупленъ на 5 лѣтъ однимъ голландцемъ, а англійскимъ купцамъ разрѣшено безпрепятственно покупать для своихъ канатовъ смолу въ Холмогорахъ и Архангельскѣ [6]). 13-го декабря 1638 года Карлъ вновь предлагалъ отдать, по примѣру упомянутаго голландца, покупку смолы на тѣхъ же условіяхъ на откупъ англійскому агенту Вичу [7]). Но и здѣсь не существовало согласованности между просьбами короля и хлопотами компаніи, что не могло не вредить дѣлу.

---

[1]) *Англ. грам.*, № 79.
[2]) *Ib.*, № 81.
[3]) *Ib.*, № 82.
[4]) Naudé, *Die Getreidehandelspolitik der Europäischen Staaten.*
[5]) *Англ. грам.*, № 71.
[6]) *Royal Lett.* 49, ориг. и *State Pap. Russ.* III, f-os 167—168, переводъ.
[7]) *Англ. грам.*, № 73.

Такъ, въ своемъ отвѣтѣ отъ 20-го іюня 1640 года царь указывалъ, что, послѣ просьбы короля въ пользу Вича, англійскій агентъ Дигби подавалъ прошеніе о предоставленіи лично ему этой привилегіи, предлагая ежегодно уплачивать въ казну 15.000 рублей; но впослѣдствіи, по его собственному отказу, этотъ откупъ вновь перешелъ въ голландскія руки [1]). Характерно, что одно изъ тѣхъ лицъ, за которыхъ лично хлопоталъ король, Вильямъ Бладвель [2]), оказалось впослѣдствіи настолько неблагонадежнымъ и скомпрометированнымъ, что самъ же Карлъ просилъ о немедленной обратной высылкѣ его въ Англію [3]).

Нѣкоторыя письма носятъ интересный бытовой характеръ. Изъ нихъ заслуживаютъ быть отмѣченными тѣ, которыя касаются русскихъ, учившихся въ Англіи. Какъ извѣстно, еще при царѣ Борисѣ отправлено туда съ Меррикомъ нѣсколько юношей для науки. Смута задержала ихъ надолго за границей, а впослѣдствіи, когда Михаилъ сталъ хлопотать о ихъ возвращеніи, оказалось, что они настолько отвыкли отъ своего отечества, что не пожелали вернуться; одинъ изъ нихъ сдѣлался пасторомъ, другой уѣхалъ въ далекія колоніи. Царь настаивалъ на ихъ возвращеніи, но король отвѣтилъ, что не въ англійскихъ правилахъ отсылать ихъ насильно [4]). Тѣмъ не менѣе и при Михаилѣ посылались изъ Россіи новые юноши для науки въ Англію, но повидимому это были преимущественно сыновья жившихъ тамъ иностранцевъ, при чемъ образованіе имъ давалось весьма тщательное. Такъ о сынѣ переводчика Алмазенова узнаемъ изъ письма Михаила, что онъ учился „въ большои студіи въ Камбрике (т. е. въ Кембриджѣ) и гораздо наученъ аглинскому, латынскому, еллинскому греческому языку и волныхъ науковъ, а для болшие навычности отпущенъ во французжскую і в ытальянскую землю“ [5]).

---

[1]) *State Pap. Russ.* III, f-os 289—291, перев. царскаго письма отъ 20-го іюня 1640 года.

[2]) См. *St. Pap. Russ.* III, небрежная копія безъ даты письма Карла въ пользу William Bladwell.

[3]) Письмо короля отъ 17-го дек. 1639 г., *Англ. грам.*, № 74, и отвѣтъ царя отъ 20-го іюня 1640 г., *State Pap. Russ.* III, f-os 280—291, переводъ.

[4]) Письмо Михаила къ Іакову отъ 1621 года, *St. Pap. Russ.* II, f-os 103 и 116, два перевода.

[5]) Письмо Михаила къ Карлу отъ 7-го дек. 1630 г., *Royal Lett.* 49; также объ Алмазеновѣ письмо царя къ Карлу отъ 13-го февр. 1628 г. О сынѣ другого переводчика, John Helmson, тоже посланнаго учиться въ Англію, см. письмо Михаила Карлу отъ 13-го февр. 1628 г., *State Pap. Russ.* III, f-os 171, переводъ.

Весьма любопытна переписка по поводу насильственнаго окрещенія англичанки, Анны Бернули, вышедшей замужъ въ Россіи за французскаго барона и тамъ овдовѣвшей. По англійскимъ свѣдѣніямъ она была насильно окрещена въ православную вѣру и, послѣ смерти мужа, заточена въ монастырь. Англійскіе купцы опредѣленно указывали, что это дѣло рукъ патріарха. Король, по просьбѣ ея родныхъ, хлопоталъ о возвращеніи ея на родину, но царь наотрѣзъ отказалъ, ссылаясь на то, „что она крещена по ея хотѣнью и только еѣ отпустить и нашеи истиннои православнои вѣре греческаго закона будетъ поруганье“ [1]).

Разумѣется, мы не имѣемъ здѣсь возможности перечислить всѣ темы, затронутыя въ обширной перепискѣ XVII вѣка между англійскимъ и русскимъ дворами, да въ этомъ нѣтъ и необходимости. Во всякомъ случаѣ, мы старались отмѣтить въ ней все наиболѣе существенное и интересное, особенно внимательно останавливаясь на вопросахъ политическаго характера.

VII.

Попытаемся теперь вкратцѣ суммировать все вышеизложенное.

Мы видимъ, что изученная нами переписка даетъ богатый и цѣнный матеріалъ для знакомства съ англо-русскими сношеніями первой половины XVII вѣка, какъ дипломатическими, такъ и торговыми. Безусловно ни одинъ изъ поднятыхъ ею вопросовъ нельзя охарактеризовать исключительно по однимъ письмамъ, не привлекая къ изученію и источники другого характера, какъ мы это и сдѣлали. Особенно справедливо это о вопросахъ торговли, для которыхъ главнымъ матеріаломъ, какъ въ XVI такъ и въ XVII вѣкѣ, остаются бумаги „Muscovy Company“: письма агентовъ и отдѣльныхъ купцовъ, проекты купечества и тому подобное; но такъ какъ до 1666 года ихъ сохранилось немного [2]), то и здѣсь письма обоихъ дворовъ даютъ не мало новыхъ данныхъ.

Политическими темами переписки были: 1) посредничество Англіи при заключеніи Столбовскаго договора, 2) помощь ея Россіи деньгами, оружіемъ и воинами, 3) заключеніе союза между обоими государствами.

---

[1]) Письмо Михаила къ Карлу отъ 7-го марта 1638 г., *Royal Lett.* 49, ориг., отвѣтъ на недошедшее до насъ письмо Карла.

[2]) Лондонскій пожаръ 1666 года уничтожилъ почти всѣ бумаги Московской компаніи, см. Will. Page, *The Russia Company from 1553 to 1660.*

Во всѣхъ этихъ вопросахъ главной заинтересованной стороной является Россія, которой Англія оказываетъ услуги, миря ее съ Швеціей, снабжая ее деньгами, оружіемъ и солдатами. Даже при вопросѣ о заключеніи союза обѣ стороны не являются одинаково заинтересованными. Уже въ XVI вѣкѣ иниціатива этихъ переговоровъ принадлежала исключительно Россіи. Въ XVII вѣкѣ царь Михаилъ опять-таки первый поднимаетъ этотъ вопросъ, и во все время переговоровъ активная роль безусловно принадлежитъ ему. Но все же Англія въ этотъ второй періодъ выказываетъ гораздо болѣе склонности идти на встрѣчу желаніямъ царя, принимающимъ теперь болѣе характеръ просьбъ, нежели требованій, какъ то было при Грозномъ. Мы видѣли, что въ 1623 году союзъ былъ наканунѣ осуществленія, которому помѣшалъ лишь несчастный случай — неудача въ выборѣ англійскаго гонца.

Несомнѣнно, что главный мотивъ Англіи для сближенія съ Россіей остается прежній, торговый, при чемъ въ XVII вѣкѣ вожделѣнія англійскихъ купцовъ сводятся преимущественно къ вытѣсненію съ московскихъ рынковъ Голландіи и къ полученію разрѣшенія на транзитную торговлю черезъ Россію съ Персіей. Обѣ эти цѣли останутся недостигнутыми, и это въ сущности можно было предвидѣть. Англійское купечество въ XVII вѣкѣ уже не имѣло той силы и вліянія, ни въ Англіи, ни въ Россіи, которыми характеризуется его дѣятельность во времена Елизаветы, а въ Россіи особенно въ царствованіе Грознаго, въ періодъ расцвѣта англійской торговли въ Московскомъ государствѣ и въ Персіи. Внутренняя дезорганизація Московской компаніи, разстройство торговыхъ дѣлъ въ Смутное время, упорная конкуренція нелегальныхъ купцовъ-англичанъ, все это быстро дезорганизуетъ англійскую торговлю въ Россіи. Но самое главное, чего не слѣдуетъ никогда забывать при изученіи ея упадка, это общій ходъ историческаго развитія различныхъ народовъ западной Европы, приведшій Англію, послѣ періода расцвѣта всѣхъ ея силъ въ XVI вѣкѣ, къ быстрому и несомнѣнному упадку, и выдвинувшій наоборотъ на первое мѣсто въ международной экономической исторіи Голландію. Не даромъ уже великій англійскій историкъ, *Маколей*, указывалъ, что со времени воцаренія Іакова I Англія спустилась съ занимаемаго ею до тѣхъ поръ почетнаго мѣста въ разрядъ второстепенныхъ европейскихъ державъ, а упадокъ политическій сопровождался и упадкомъ экономическимъ.

Изученіе дѣятельности англичанъ въ Россіи въ первой половинѣ

XVII вѣка только подтверждаетъ всеобщую дезорганизацію времени первыхъ Стюартовъ. Такіе примѣры, какъ самоуправства Дикса и Кокса, являются тому разительными примѣрами. Характерно, что въ Московскомъ государствѣ, только-что вышедшемъ изъ періода тяжелой смуты, мы не найдемъ, даже въ первые годы царствованія молодого, неопытнаго царя, фактовъ самоуправства, которые, по своему международному значенію, могли бы быть поставлены рядомъ съ выходками Дикса и Кокса. Если внутри государства волненія и самоуправства, наслѣдники Смуты, были еще обычнымъ явленіемъ, то въ своихъ международныхъ отношеніяхъ Россія, несмотря на тяжелое положеніе, сохраняетъ внѣшній декорумъ порядка и дисциплины, поскольку эти требованія и раньше предъявлялись къ русскимъ посламъ. Любопытно также отмѣтить, что внимательное изученіе англо-русскихъ отношеній въ царствованіе Михаила не позволяетъ поставить видимой грани между до-Филаретовскимъ временемъ и послѣдующимъ періодомъ двоевластія. Можно даже сказать, что уже въ самые первые годы царствованія Михаила чувствуется въ международныхъ сношеніяхъ чья-то твердая и цѣлесообразная воля; безусловно она не могла исходить отъ слишкомъ юнаго царя, и источникъ ея остается до сихъ поръ невыясненнымъ.

Такимъ образомъ англо-русская переписка XVII вѣка рисуетъ намъ сближеніе между двумя колеблющимися и дезорганизованными государствами, изъ которыхъ одно, Россія, идетъ отъ анархіи къ порядку, другое, Англія, эволюціонируетъ отъ твердаго правопорядка къ революціи, и первое несомнѣнно, несмотря на всю свою внѣшнюю слабость, превосходитъ второе элементами внутренней устойчивости.

Что касается торговыхъ сношеній, то здѣсь, какъ и въ XVI вѣкѣ, главную пользу извлекала болѣе активная Англія; но въ положеніи англійскаго купечества въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ легко вскрывается существенная разница. Почти до самой Смуты Московская компанія въ Россіи сохраняла совершенно особое, привилегированное положеніе, и появившіеся въ концѣ вѣка на московскихъ рынкахъ новые иностранцы, голландцы и французы, могли лишь завидовать ея исключительнымъ привилегіямъ и разнообразной дѣятельности въ Московскомъ государствѣ и пытаться воспользоваться ея богатымъ опытомъ. Совсѣмъ не то видимъ мы послѣ Смуты, когда Англія, все еще сохраняя въ Россіи, благодаря привилегіи безпошлинной торговли, юридически первое положеніе, на практикѣ выступаетъ вездѣ какъ

равная своимъ конкурентамъ, особенно голландцамъ, и постепенно вытѣсняется ими изъ Россіи. Переписка намѣчаетъ передъ нами нѣкоторые этапы ея неудачной борьбы за сохраненіе первенства: попытку вновь захватить торговлю съ Персіей, стремленіе выхлопотать себѣ удобный подъѣздной путь къ Архангельску, наконецъ рѣшеніе организоваться на новыхъ болѣе свободныхъ началахъ; но письма царя Михаила послѣдовательно рисуютъ намъ ея неудачи на всѣхъ этихъ пунктахъ.

Англійская королевская власть, оказывавшая въ XVI вѣкѣ могучую поддержку компаніи, какъ въ Англіи, такъ и въ Россіи, теперь ослабѣла; неосторожныя выходки англійскихъ пословъ, обиліе рекомендательныхъ писемъ королей, дававшихся безъ достаточнаго разбора по соображеніямъ личной выгоды [1]), все это дискредитировало ее при русскомъ дворѣ, и неудивительно поэтому, что ея заступничество за интересы купечества уже не можетъ спасти положенія. Конкуренція голландцевъ и энергичныя попытки русскихъ гостей свергнуть экономическое иго иностранцевъ увеличиваютъ опасность; наконецъ, насильственное паденіе Стюартовъ наноситъ дѣлу англичанъ въ Россіи послѣдній незалѣчимый ударъ.

Не смотря на то, что за нѣсколько лѣтъ до смерти Карла I русскіе цари уже прекратили съ нимъ личныя сношенія, царь Алексѣй, повидимому ни разу не писавшій королю при его жизни, пришелъ въ сильное волненіе и негодованіе по поводу его казни. Онъ даже послалъ протестъ къ европейскимъ дворамъ, называя Карла „glorieux martyr“ и представляя, что въ лицѣ его нанесена нестерпимая обида всѣмъ государямъ. Англійскіе купцы изгнаны изъ Россіи за то, что они „всею землею учинили большое злое дѣло, государя своего до смерти убили“ [2]), а англійскій дворъ въ Москвѣ превращенъ въ „большую тюрьму“ [3]).

Попытка англійскихъ купцовъ при Кромвелѣ возстановить торговлю съ Россіей [4]) не имѣла успѣха, и посолъ протектора былъ весьма недружелюбно встрѣченъ въ Москвѣ [5]).

---

[1]) См. отзывъ Ордынъ-Нащокина: „Также намъ кажется страннымъ, зачѣмъ часто присылаются къ намъ письма отъ короля англійскаго, съ просьбой за частныхъ лицъ, какъ будто нашъ царь не довольно печется какъ объ русскихъ, такъ и объ иностранцахъ... не знаю, что они стоятъ въ Англіи...“ Капустинъ. *Дипломатич. сношенія Россіи*, стр. 44.

[2]) *Ib.*, стр. 43.

[3]) Кильбургеръ, *Очеркъ торговли*, стр. 152.

[4]) Cal. *State Pap. Dom.*, t. an. 1654, p. 202—203.

[5]) *Ib.*, p. 316.

Меньше всего даетъ переписка XVII вѣка для характеристики личностей отдѣльныхъ корреспондентовъ, и этимъ она рѣзко отличается отъ предыдущей. Въ письмахъ царя Ивана Васильевича бушуютъ страсти, чувствуется горѣніе этой безудержной истерической натуры; въ письмахъ Годунова, а впослѣдствіи царя Бориса, встаетъ передъ нами во весь ростъ фигура хитроумнаго, мудраго властолюбца; наконецъ многочисленныя письма Елизаветы даютъ интересные штрихи для характеристики умной, осторожной и изворотливой представительницы дома Тюдоровъ. Совсѣмъ не то въ XVII вѣкѣ. Здѣсь самыя личности остаются въ тѣни; это не столько переписка монарховъ, сколько переписка дворовъ; она даетъ интересныя свѣдѣнія для исторіи царствованій, но она тускла и безжизненна какъ автобіографическій матеріалъ. Письма Грознаго и Елизаветы можетъ съ интересомъ прочесть всякій образованный человѣкъ, письма Михаила и Карла заинтересуютъ только историка, которому необходимо считаться съ ними, какъ съ цѣнными историческими документами.

Инна Любименко.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Новые труды по источниковѣдѣнію древнерусской литературы и палеографіи.

Настоящими статьями и замѣтками мы начинаемъ *третью* серію критико-библіографическихъ обзоровъ новыхъ трудовъ по источниковѣдѣнію исторіи древнерусской литературы и палеографіи, ранѣе печатавшихся въ „Извѣстіяхъ университета св. Владиміра“ и отдѣльно [1]). Задачею этихъ обзоровъ было—сосредоточить всѣ, по возможности, данныя о появлявшихся въ печати указаніяхъ на тѣ или иныя славянорусскія рукописи, цѣнныя для историка древней русской литературы и палеографа въ томъ, или другомъ отношеніи. Сопровождая критическими замѣчаніями свѣдѣнія о новыхъ трудахъ по названнымъ вопросамъ, мы давали много мѣста и извлеченіямъ изъ „описаній“ и „каталоговъ“, выбирая то, что на нашъ взглядъ имѣло наибольшую цѣнность, хотя бы и слишкомъ субъективно опредѣляя ее, въ зависимости отъ интереса къ той, или иной области древнерусской книжности. Тѣмъ не менѣе мы старались въ этихъ обзорахъ соблюсти возможное безпристрастіе и имѣли въ виду лишь дѣйствительную пользу, которую могли бы извлечь изъ нихъ читатели. Мы касались въ обзорахъ: каталоговъ и описаній рукописей и старопечатныхъ книгъ, изданій снимковъ съ древнихъ рукописей, работъ по палеографіи и отчасти по иконографіи. Начиная, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, новую серію обзоровъ въ новомъ изданіи, не можемъ не упомянуть добрымъ словомъ профессора, нынѣ академика, В. С. Иконникова, съ полнымъ сочувствіемъ дававшаго имъ мѣсто въ выходившихъ подъ его редакціей „Университетскихъ Извѣстіяхъ“, гдѣ мое сотрудничество стало невозможнымъ по оставленіи

[1]) Новые труды по источниковѣдѣнію древней русской литературы и палеографіи, I серія, Кіевъ, 1905—1908 г., I—XLVI; II серія, Кіевъ, 1909—1914 г., I—LV.

мною каѳедры русскаго языка и словесности; продолжать обзоры въ „Чтеніяхъ“ Общ. Нестора Лѣтописца также не удалось вслѣдствіе отказа совѣта общества, не нашедшаго умѣстнымъ печатать мои статьи въ своемъ ученомъ изданіи.

I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ научной литературѣ были выдвинуты нѣкоторые общіе вопросы—о матеріалѣ для построенія исторіи древней русской литературы и о способѣ изученія этихъ матеріаловъ. Въ зависимости отъ различнаго пониманія задачъ и пріемовъ изслѣдованія явленій древней русской литературы высказались проф. Н. К. Никольскій [1]), ак. В. М. Истринъ [2]) и ак. А. И. Соболевскій [3]). Первый изъ названныхъ ученыхъ выдвинулъ особенно необходимость библіографическаго и церковно-историческаго изученія памятниковъ древнерусской письменности въ связи съ обслѣдованіемъ исторіи и состава древнерусскихъ библіотекъ; до полученія итоговъ такого изученія проф. Никольскій отрицалъ возможность знать древнерусскую литературу. Академикъ Соболевскій отрицалъ наличность спеціальнаго подбора книгъ въ монастырскихъ библіотекахъ; если послѣднія сохранили мало произведеній свѣтской литературы, то потому, что эта литература была совсѣмъ малочисленна. Господствующее положеніе занимала литература духовная, и мы можемъ знать древнерусскую литературу во всемъ ея объемѣ и возсоздать ея исторію постольку, поскольку позволяетъ матеріалъ. Академикъ Истринъ показалъ, что затрудненіе въ созданіи научной исторіи древней русской литературы заключается въ томъ, что матеріалъ для этой цѣли слишкомъ обширенъ и мало разработанъ. Прежде чѣмъ приступить къ синтезу, утверждалъ онъ,—необходимы многочисленныя и кропотливыя изысканія — и выдвигалъ, какъ существенное условіе успѣха въ работѣ, примѣненіе филологическаго метода, дающаго по виду незначительные, но важные результаты.

Теперь тѣ же вопросы снова подняты проф. Никольскимъ въ его новой работѣ, представляющей первый выпускъ громаднаго труда, за-

---

[1]) *Н. Никольскій*, О ближайшихъ задачахъ изученія древнерусской книжности, 1902 (Пам. Др. П.).

[2]) Разборъ кн. П. В. Владимирова „Древняя русская литература Кіевскаго періода“, *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1902, мартъ.

[3]) *А. И. Соболевскій*, Нѣсколько мыслей о древне-русской литературѣ, 1903 (изъ Изв. отд.).

думаннаго чрезвычайно широко и предполагающаго охватить всю древнерусскую книжность и съ внѣшней, и съ внутренней стороны: и исторію *книгъ*, какъ таковыхъ, и исторію *содержанія* ихъ. Книга распадается на двѣ части: вводныя замѣчанія автора, представляющія попытку теоретическаго обоснованія необходимости принятой имъ группировки матеріала, и соображенія методологическаго характера—*вообще* о пріемахъ историко-литературнаго произведенія и о его матеріалѣ; засимъ слѣдуетъ списокъ источниковъ, указываемыхъ въ словарѣ писцовъ, переводчиковъ, владѣльцевъ и т. д. въ сокращеніи; вторая часть—самый словарь, пока представленный двумя первыми буквами. Обѣ части работы представляютъ немалый интересъ. Мы скажемъ ниже о каждой. Сначала—о теоретическихъ предпосылкахъ проф. Никольскаго. Онѣ мало разнятся отъ тѣхъ, которыя были высказаны имъ въ упомянутой уже нами брошюрѣ 1902 года.

„Какія бы задачи ни намѣчалъ себѣ историкъ древнерусской литературы и какія бы границы ни отмежевывалъ онъ для произведеній, обязанныхъ войти въ кругъ его первоисточниковъ, онъ не въ силахъ опровергнуть наблюденія, что исторія нашей до-Петровской словесности въ томъ объемѣ, въ какомъ она наиболѣе доступна современному ея изученію, имѣла тѣснѣйшую связь съ судьбою библіоточной книги стараго времени“.

Вотъ тотъ основной тезисъ, которымъ начинается новый трудъ проф. Н. К. Никольскаго [1]), посвященный обслѣдованію древнерусской книжности съ начала письменности на Руси и до XVII в. включительно. На стр. VI этотъ тезисъ повторяется въ еще болѣе сжатомъ видѣ: „Исторія“ древнерусской рукописной „книги должна быть необходимою предпосылкою и спутникомъ исторіи наличныхъ остатковъ древнерусской литературы“. Проф. Н. К. Никольскій стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что древнерусская книжность была отвѣтомъ на потребности древняго церковнаго быта, а то, что сохранилось—дошло до нашего времени потому, что „входило въ составъ церковно-монастырскихъ рукописей“. Сказанное вызываетъ на нѣкоторыя соображенія. Справедливъ ли первый тезисъ уважаемаго ученаго? Насколько намъ извѣстно, въ древней русской письменности существовали такія сочиненія—и не въ одномъ, а во многихъ спискахъ,—которыя не

---

[1]) *Н. К. Никольскій*, Рукописная книжность древнерусскихъ библіотекъ (XI—XVII вв.). Матеріалы для словаря владѣльцевъ рукописей, писцовъ, переводчиковъ, справщиковъ и книгохранителей. Вып. I. *А—Б.* [С.-Пб. 1914] 8°, XI+163 стр. (Изд. И. О. Л. Др. П. № CXXXII).

только не были обязательнымъ членомъ въ составѣ древнерусскихъ библіотекъ, монастырскихъ и церковныхъ, но даже выбрасывались, уничтожались (напр., Сказаніе Афродитіана—вырванное изъ одного сборника Троице-Серг. Лавры, или Лунникъ—вырванный изъ рукоп. 1483 г. Кіево-Михайловскаго монастыря). Засимъ—невозможно узко звучатъ слова нашего автора, что древнерусская книжность служила главнымъ образомъ „практическимъ цѣлямъ церковной жизни"; думается, что кромѣ церковныхъ цѣлей существовали и другія. Если мы эти послѣднія умалимъ наряду съ церковными, то чѣмъ мы объяснимъ появленіе многочисленныхъ переводныхъ и оригинальныхъ произведеній, какъ, напримѣръ, лѣтописей, воинскихъ и вообще свѣтскихъ повѣстей? Конечно, разсматривать произведенія древнерусской литературы, какъ зародыши современной намъ беллетристики—было бы большою натяжкою; но, съ другой стороны, сводить всю совокупность древнерусской письменности къ удовлетворенію потребностей только церковнаго быта мы не рѣшились бы, даже признавая церковно-религіозные идеалы древней Руси—господствующими надъ свѣтскими. Это значило бы намѣренно и невполнѣ справедливо сузить пониманіе древнерусской жизни до такого, какое было у насъ до Буслаева, перваго, открывшаго связь между церковно-религіознымъ творчествомъ и жизнью, бытомъ, свѣтскими его интересами. Думается, что представляющіе себѣ древнюю Русь какимъ-то монастыремъ—и не болѣе—грѣшатъ противъ исторической истины.

Основаніемъ для правильнаго пониманія исторіи древнерусской книжности и ея отношенія къ древнерусскому литературному творчеству проф. Никольскій ставитъ изученіе состава этой книжности и исторіи ея, т. е. созданія и мобилизаціи, странствованія по книгохранилищамъ и частнымъ лицамъ. Препятствіемъ для такого изученія было до сихъ поръ, съ одной стороны, обиліе матеріала, съ другой—разбросанность его, наконецъ—трудность опредѣленія своего и переводнаго, русскаго и югославянскаго. Далѣе проф. Никольскій пытается установить причины, приведшія къ тому, что исторія древнерусской литературы есть еще вопросъ будущаго, несмотря на то, что явленія ея изучаются уже давно. Причину эту нашъ авторъ видитъ прежде всего въ томъ, что, при наличности многихъ списковъ памятника, „даже спеціалисты (sic) нерѣдко продолжаютъ опираться только на давнія и случайныя находки, повторяя ученыя преданія, установившіяся при самомъ ограниченномъ количествѣ первоисточниковъ, и потому неудовлетворяющія требованіямъ научной критики" (стр. IV).

Не знаемъ, какихъ современныхъ намъ спеціалистовъ, прошедшихъ научную школу, имѣетъ въ виду проф. Никольскій, но думаемъ, что высказанная имъ мысль стала давно уже общепринятымъ положеніемъ, и спорить противъ нея излишне. Гдѣ эти „спеціалисты", которые опираются на случайныя находки? Столь же не нова и едва ли справедлива для нашего времени мысль о „неизбѣжномъ" переходѣ изслѣдователя „на зыбкую почву субъективныхъ критеріевъ". Послѣднее наблюдается, правда, въ работахъ, посвященныхъ вопросамъ исторіи новой русской литературы, но въ области литературы древней — едва ли теперь кто-нибудь рискнетъ на такой обычный въ старину анахронизмъ. Справедливо утверждаетъ проф. Никольскій, что, напр., „нельзя правильно наблюдать за эволюціею романа, если приравнивать его къ произведеніямъ религіозной мысли и пытаться оцѣнить его психологическую основу при помощи угла зрѣнія старообрядца церковника" и т. п. Но, спросимъ мы опять, кто же изъ серіозныхъ ученыхъ нашего времени и послѣднихъ десятилѣтій это дѣлалъ? Не пытается ли уважаемый ученый силою проникнуть въ открытую дверь? Мы согласны, что „до сихъ поръ еще не удалось превратить литературную исторію старой Руси въ связную исторію ея литературы. Въ этой области не появлялся еще не только свой Ключевскій, но не было даже и Соловьева" (стр. IV); полагаемъ также, что правъ авторъ, говоря, что „прежде чѣмъ писать исторію необходимо квалифицировать факты и сообразно съ этимъ примѣнять къ нимъ надлежащіе способы ихъ изслѣдованія" (стр. V); прекрасно понимаемъ, что произведенія древнерусской литературы слѣдуетъ изучать въ той обстановкѣ, въ которой они сложились; но думаемъ, что уважаемый авторъ напросто борется съ воображаемыми противниками, доказывая несообразность изученія древнерусскихъ поученій, сказаній, житій и пр. съ помощью „приспособленія ихъ къ современной мѣркѣ литературнаго творчества".

На стр. IV-й проф. Никольскій говоритъ объ *остаткахъ* древнерусской литературы, очевидно, подразумѣвая то, что многіе изъ древнихъ памятниковъ не дошли до насъ. Но вотъ вопросъ: многіе ли? Исходя изъ основного тезиса нашего автора, мы спросимъ: все ли дошло, что требуется церковнымъ уставомъ и, въ силу его указаній—наполняло монастырскія библіотеки? Кажется, здѣсь особыхъ пробѣловъ не ощущается, даже напротивъ — мы имѣемъ громадное количество древнихъ богослужебныхъ и четьихъ книгъ. Все, требуемое уставомъ, извѣстно въ массѣ списковъ; стало быть, если что

и не дошло до насъ, то (становясь на точку зрѣнія проф. Никольскаго) это книги и статьи, не предусмотрѣнныя уставомъ. И здѣсь, сколько бы мы ни искали—монастырскія библіотеки едва ли могутъ намъ прійти на помощь. Засимъ, много ли пропало изъ книжнаго достоянія древней Руси? Возможно, что пропало кое-что безслѣдно; но это были, напр., проповѣди, не получившія того признанія, котораго удостоились слова Кирилла Туровскаго, м. Иларіона, еп. Серапіона и другихъ, даже анонимныхъ авторовъ. Пропали отчасти повѣсти, не отвѣчавшія потребностямъ времени и не успѣвшія распространиться въ спискахъ. Но если бы они, эти произведенія, существовали въ большомъ количествѣ — мы имѣли бы ихъ слѣды, цитаты, упоминанія. Намъ кажется, въ данномъ случаѣ правъ ак. Соболевскій: все существенное до насъ дошло. Можно же говорить объ утратѣ массы *списковъ*, но отнюдь не массы самыхъ *памятниковъ*.

Новымъ въ воззрѣніяхъ, высказанныхъ въ предисловіи, является желаніе вернуть исторію памятниковъ въ кругъ древнерусской книжности. Мѣсто, гдѣ мы застаемъ памятникъ древней письменности, далеко не безразлично для сужденія о его исторіи и о сохранности его текста въ первоначальномъ или близкомъ къ первоначальному видѣ: слово м. Иларіона, попадая въ Торжественникъ, приспособляется къ церковно-богослужебнымъ цѣлямъ, давая вторую редакцію памятника и т. п. „Текстъ сочиненія,—говоритъ справедливо нашъ авторъ,—попавшій позже на листы Измарагдовъ, Златоустниковъ, Торжественниковъ, Прологовъ и т. д., конечно, не можетъ имѣть для насъ того авторитета неповрежденности, какой онъ имѣлъ бы, если бы остался незнакомымъ съ подобными сборниками“ (стр. VI). Насколько труднымъ представляется, однако, намъ дальнѣйшій переходъ къ необходимости изученія „книги“, а засимъ выводы — вполнѣ основательные—звучатъ странно и неожиданно, именно необходимо: „1) раздвинуть по мѣрѣ возможности традиціонныя рамки историко-литературныхъ изысканій путемъ привлеченія въ кругъ ихъ первоисточниковъ новыхъ матеріаловъ; 2) попытаться при помощи цѣлесообразныхъ задачъ и методовъ изученія вернуть древнерусскому литературному произведенію то историческое мѣсто, какое оно могло занимать при своемъ появленіи на свѣтъ и въ своей дальнѣйшей судьбѣ, и 3) уже на основаніи собранныхъ фактовъ постараться приблизиться къ историческимъ чертамъ тѣхъ перемѣнъ, какое переживало древнерусское книжно-литературное творчество“ (стр. VI).

Первымъ и необходимымъ шагомъ къ достиженію этихъ задачъ

является систематизація извѣстнаго уже матеріала и привлеченіе вновь, въ качествѣ первоисточниковъ,—библіотечныхъ описей и инвентарей и т. п. документовъ, относящихся къ книжному дѣлу древней Руси. „Примѣнительно къ этому настоящій опытъ и расчлененъ на нѣсколько отдѣловъ, въ которыхъ сгруппированы факты, относящіеся а) къ внѣшней исторіи древнерусской книжности, б) къ обзору ея состава (или содержанія) и в) къ наблюденіямъ надъ исторіей книжно-литературнаго движенія въ древней Руси“ (стр. IX). Передъ нами—первый выпускъ перваго отдѣла, въ которомъ должны быть по плану автора собраны „свѣдѣнія а) о владѣльцахъ рукописей, писцахъ, переводчикахъ, составщикахъ и книгохранителяхъ; б) о мѣстонахожденіи рукописей (географическій указатель библіотекъ, какъ прежнихъ, такъ и современныхъ, въ которыхъ хранились или хранятся славянорусскія рукописи XI—XVII вв.); и в) о датированныхъ рукописяхъ (хронологическій списокъ извѣстныхъ автору славянорусскихъ рукописей отъ X-го до начала XVIII в.), а г) въ видѣ дополненія—списокъ сохранившихся пергаментныхъ рукописей, какъ памятниковъ древнѣйшаго періода русской книжности“ (стр. IX). Второй отдѣлъ будетъ содержать, по плану проф. Никольскаго, алфавитные списки а) авторовъ и б) ихъ произведеній, переводныхъ и оригинальныхъ. Въ третьемъ же отдѣлѣ авторъ обѣщаетъ дать „опытъ изложенія исторіи древнерусской книжности и литературы“. Таковъ грандіозный планъ работы, предпринятой проф. Никольскимъ. Будемъ вѣрить, что при его энергіи, трудолюбіи и громадныхъ познаніяхъ—трудъ будетъ доведенъ до конца. Но намъ, не скроемъ, было бы гораздо пріятнѣе увидѣть хотя бы ближайшее продолженіе „Матеріаловъ для повременнаго списка русскихъ писателей“, этого незамѣнимаго библіографическаго пособія для изученія произведеній древней русской литературы.

Обращаемся ко второй части разсматриваемой книги. Здѣсь мы находимъ перечень владѣльцевъ, писцовъ, переводчиковъ съ указаніемъ, какія рукописи носятъ слѣды ихъ труда и существованія на свѣтѣ. Имена расположены по алфавиту, рукописи имѣютъ указанія на время написанія и мѣстонахожденіе. Составитель этого словаря не ограничился поставленными въ заглавіи рамками и внесъ свѣдѣнія также о лицахъ вышеназванныхъ категорій — и XVIII и XIX вв. Намъ кажется, что, раздвигая рамки первоначальнаго плана, слѣдовало бы ограничиться внесеніемъ лишь переводчиковъ и писцовъ, ибо фактъ переписки древней рукописной (да и старопечатной) книги въ

XVIII-мъ и XIX-мъ столѣтіяхъ является свидѣтельствомъ живучести литературныхъ вкусовъ и традицій, — доказательствомъ, что жизнь древнерусской литературы и ея актуальное значеніе не были совершенно парализованы новыми литературными явленіями, новыми, сложившимися въ послѣднія два столѣтія вкусами;—что несмотря на удаленіе верховъ русскаго общества отъ интересовъ старины—а въ томъ числѣ и отъ религіозныхъ идеаловъ ея, коимъ служила и удовлетворяла древнерусская книжность въ главной своей части [1])—все таки оставалась группа лицъ, хранившая и переписывавшая памятники старины для *употребленія* (а не только для продажи). Съ этой точки зрѣнія данныя о томъ, *кто* написалъ книгу, *кто* ее пріобрѣлъ, хранилъ и жертвовалъ, какъ цѣнный предметъ или святыню, на поминъ души, въ древности—представляютъ не малый культурно-историческій интересъ и важны также для историка литературы. Но проф. Никольскій внесъ въ свой указатель свѣдѣнія о лицахъ, которыя въ сущности не имѣли никакого отношенія къ жизни древнерусской книги. Какое, напримѣръ, историческое значеніе для изучающаго судьбы древнерусской книжности имѣетъ то обстоятельство, что Н. П. Авенаріусъ въ 1888 г. принесъ Имп. публ. библіотекѣ въ даръ двѣ рукописи? Или—что свящ. Абрамовъ пожертвовалъ въ Виленскую публичную библіотеку въ 1868 г. Евангеліе XV в. или г. Бабенко, у котораго были пріобрѣтены рукописи комитетомъ XII-го археологическаго съѣзда. Какое отношеніе имѣютъ къ исторіи древнерусской книжности г. К. Бачинскій, П. Батюшковъ и другіе—весьма почтенные, можетъ быть, люди, но совершенно чуждые того отношенія къ древнерусской книжности, которое характеризуетъ многочисленныхъ древнихъ списателей и владѣльцевъ, для которыхъ рукописная книга была святыней, источникомъ мудрости и уподоблялась рѣкѣ, напаяющей міръ. Напрасно внесены, по нашему мнѣнію, и профессіоналы-торговцы рукописями, далеко не всегда умѣющіе оцѣнить содержаніе предмета своей торговли и безконечно далекіе отъ того отношенія къ книгѣ, которое наблюдается въ древней Руси. Въ этомъ смыслѣ гораздо больше правъ на вниманіе имѣетъ, на нашъ взглядъ, какая-нибудь вдова провіантмейстера Беклемишева, давшая вкладомъ за поминъ души книгу „Всенощное бдѣніе“. Единственнымъ оправданіемъ внесенія подобныхъ указаннымъ лицъ въ словарь является то соображеніе, что путемъ ихъ подбора выясняется исторія странствованія

---

[1]) Здѣсь мы согласны съ проф. Никольскимъ.

книгъ, перехода ихъ изъ рукъ въ руки; можетъ быть, это и важно для церковнаго историка, но для историка литературы, на нашъ взглядъ, не представляются важными подобные факты механической передачи книгъ, которые регистрируетъ въ своемъ новомъ трудѣ проф. Никольскій. Повидимому проф. Никольскій хорошо исчерпалъ для своей цѣли указанія рукописей и печатныхъ описаній рукописныхъ библіотекъ. Мы не нашли въ его книгѣ только: *Алексѣя Стараго*, писца во Псковѣ 1563 г. (Восток. Опис. Рум. муз., стр. 89); *Авраама Ивановича, думнаго дворянина* (Увар., по опис. арх. Леонида, № 1022), и *Безобразова*, Илью Козмича, владѣльца рукописи XVII в. историческаго содержанія (Толст. I, № 300, Опис., стр. 193).

Намъ казалось бы полезнымъ и необходимымъ — въ цѣляхъ поставленныхъ проф. Никольскимъ и преслѣдуя его же задачи, которыя мы раздѣляемъ — выяснить составъ древнерусскихъ библіотекъ путемъ разысканія инвентарей и каталоговъ, а также путемъ подбора записей. На основаніи данныхъ одной, напр., библіотеки архива св. синода (по описанію А. И. Никольскаго) можно намѣтить составъ домашней библіотеки нѣкоторыхъ старинныхъ любителей чтенія и книгописанія. На основаніи описей монастырскаго имущества, въ томъ числѣ книгъ [1]), можно получить иногда неожиданныя заключенія о характерѣ литературныхъ интересовъ братіи (какъ это было сдѣлано нами въ докладѣ о библіотекѣ Межигор. мон., см. проток. археол. съѣзда въ Черниговѣ). Несомнѣнно, обладая тою колоссальною эрудиціей, которая отличаетъ проф. Никольскаго, — можно сдѣлать много для освѣщенія исторіи древнерусской книжности; но полагаемъ, что при собираніи и опубликованіи матеріаловъ, для сего служащихъ, слѣдовало бы не загромождать и не затемнять важнаго неважнымъ. А неважно все то, что не служитъ прямымъ задачамъ, поставленнымъ изслѣдователемъ.

Позволимъ себѣ высказать нѣсколько пожеланій, которыя могли бы быть осуществлены при изданіи дальнѣйшихъ выпусковъ. Полезно было бы указывать, хотя бы приблизительно, время жизни называемаго лица—владѣльца, писца, переводчика и т. п. (см. напр. отсутствіе всякихъ указаній при инокѣ Игнатіи Аѳанѣевѣ и др.). Слѣдовало бы избѣгать сомнительныхъ свѣдѣній о происхожденіи рукописей, яко бы принадлежавшихъ святымъ и другимъ замѣчатель-

---

[1]) О составѣ библіотекъ нѣкоторыхъ сѣвернорусскихъ монастырей см. нашъ докладъ въ библіологическомъ обществѣ, который будетъ напечатанъ нѣсколько позже.

нымъ лицамъ (см. напр. стр. 63—о Служебникѣ св. Антонія Римлянина; въ другихъ случаяхъ авторъ остороженъ, см. объ Алексѣѣ митр.). Можетъ быть, лучше было бы выдѣлить южнославянскихъ писцовъ и особенно—владѣльцевъ книги: какое они, въ частности послѣдніе—имѣютъ отношеніе къ древней русской книжности, если нѣтъ данныхъ утверждать, что рукописи ихъ употреблялись въ древней Руси, а обслуживали лишь интересы южныхъ славянъ?

Матеріалъ, который привлекаетъ къ своей работѣ проф. Никольскій, съ каждымъ днемъ прибываетъ. Въ рукописяхъ, вновь пріобрѣтенныхъ Императорскою Публичною Библіотекою, встрѣчаемъ упоминаніе о принадлежности двухъ изъ нихъ казанскимъ купцамъ (Отчетъ за 1907 г., стр. 54 и 60); въ небольшомъ и въ общемъ мало цѣнномъ собраніи рук. И. В. Помяловскаго (о немъ см. ниже), описанномъ Д. И. Абрамовичемъ, упоминаніе въ № 9 о владѣльцѣ Т. Яковлевѣ, XVIII в. и т. п. Въ дальнѣйшемъ, съ обнаруженіемъ новыхъ рукописей, этотъ матеріалъ будетъ расти. Желательно, чтобы авторъ разсмотрѣнной книги въ дальнѣйшемъ ея продолженіи привлекъ къ дѣлу то, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ *древней русской* книжности, а не случайныя данныя, въ сущности ничего не объясняющія намъ въ судьбѣ древней книги и литературы.

II.

Въ „Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки“ [1]) за 1907 годъ находимъ значительное количество интереснаго матеріала и среди отдѣльныхъ пріобрѣтеній библіотеки, и среди рукописей коллекціи покойнаго проф. И. В. Помяловскаго, описанной Д. И. Абрамовичемъ [2]).

Обратимся сначала къ отдѣльнымъ пріобрѣтеніямъ библіотеки за отчетный годъ. Изъ Императорской археографической комиссіи поступилъ Карамзинскій списокъ Сибирской лѣтописи, написанный скорописью XVIII в. (F. IV. 858); текстъ ея—Есиповской распространенной редакціи. Далѣе рядъ рукописей болѣе древнихъ: Лицевое житіе свв. Варлаама и Іоасафа, полууст. XVI в. (F. I. 880)—текстъ совпадаетъ съ изданнымъ Имп. Общ. Л. Др. Письм. съ отличіями въ числѣ

[1]) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1907 годъ. С.-Петербургъ. 1914. 8° VII+147+180 стр.

[2]) Изданъ также отдѣльно: Каталогъ собранія рукописей профессора И. В. Помяловскаго, нынѣ принадлежащихъ Императорской Публичной Библіотекѣ. Составилъ *Д. И. Абрамовичъ*. С.-Пб. 1914, 8°, 180 стр.

и сюжетахъ миніатюръ; Уставъ Церковный, полууст. нѣсколькихъ почерковъ XVI в. (Q. I. 1436), съ вкладной записью 7049 (1541) года; Лицевой Сборникъ, полууст. XVII в., среди другихъ статей заключающій въ себѣ Повѣсть о житіи свв. Петра и Февроніи Муромскихъ и поученія на недѣли блуднаго сына, мясопустную и сырную (F. I. 879); Сборникъ полууст. XVI в. (F. I. 881) содержитъ житія святыхъ, мученія, слова похвальныя; изъ отдѣльныхъ статей назовемъ группу словъ на Рождество Христово, обычно встрѣчающуюся въ Торжественникахъ, Житіе Алексѣя человѣка Божія (обширное), мученіе святыхъ новоявленныхъ мученикъ родомъ изъ Литвы, Іоанна, Антонія и Евстафія, литовскія же имена имъ Круглецъ, Кумецъ, Нежило—чрезвычайно интересное и ожидающее своего изслѣдователя (проф. Сперанскій коснулся русскихъ списковъ лишь отчасти и не имѣлъ цѣлью дать ихъ исторію, да и выводы его относительно взаимоотношеній серб., русск. и греч. текстовъ житія требуютъ, на нашъ взглядъ, пересмотра); въ томъ же сборникѣ еще—слово м. Иларіона о законѣ и благодати, страсть свв. мучениковъ кн. Бориса и Глѣба безъ чудесъ, два сказанія о нерукотворенномъ образѣ—сказаніе о перенесеніи его изъ Эдеса въ Царьградъ и Григорія Нисскаго о обрѣтеніи, а также третье—„иное сказаніе о нерукотворенномъ образѣ Господа нашего Іисуса Христа“, начинающееся: „Рече нѣкто отъ первыхъ церковникъ живописецъ сый“; слова и сказанія объ образѣ, полученномъ Авгаремъ царемъ многочисленны въ нашей древней письменности, представляютъ немалый историческій, историко-литературный и церковно-археологическій интересъ; удивительно только то, что до сихъ поръ эта легенда не привлекла къ себѣ вниманія историковъ русской литературы.

Въ Торжественникѣ полууст. XVII в. (F. I. 884) отмѣтимъ слово Климента еп. архангелу Михаилу; воспоминаніе знаменія бывшаго иконою пресв. Владычицы нашей Богородицы.... въ Великомъ Новѣградѣ и слово похвальное знаменію; чудеса св. Николая Чудотворца, повѣсть о убіеніи въ ордѣ св. кн. Михаила Черниговскаго о преставленіи кн. Александра Невскаго, преставленіе св. Петра митрополита Кіевскаго и всея Россіи, Алексія митрополита; Іонѣ митрополиту слово похвальное, списанное въ лѣто 7000 благословеніемъ митр. Макарія; память Исидора Твердислова Ростовскаго чудотворца, житіе и подвиги Никиты Столпника Переяславскаго чудотворца и похвала ему же, житіе Леонтія епископа Ростовскаго, перенесеніе мощей свв. Бориса и Глѣба, Слово о законѣ и благодати митрополита Иларіона, Корсунская легенда о крещеніи кн. Владиміра, Слова

похвальныя прор. Иліи—Климента епископа и Григорія Цамблака (названнаго въ заглавіи статьи святымъ), житіе св. Макарія Желтоводскаго, Слово о срѣтеніи чудотворной иконы Богородицы Владимирской, како избави Москву отъ безбожнаго Темиръ-Аксака.

Подъ шифромъ Q. I. 1435 значится поздняя, но весьма интересная рукопись XIX в. (начала), на синеватой бумагѣ съ 28 лицевыми изображеніями—„Исторія о патріархѣ Никонѣ истребителѣ древнецерковнаго благочестія, списанная Андреемъ Діонисіевичемъ“ (кн. Мышецкимъ, старообрядческимъ писателемъ нач. XVIII в.). Можно усумниться въ принадлежности названному писателю этого сочиненія: онъ былъ для своего времени однимъ изъ образованнѣйшихъ людей, и не только для старообрядческой среды, повѣсть же полна невѣроятнаго баснословія; въ ней собрано все, что въ разрозненномъ видѣ ходило изъ устъ въ уста и записывалось въ тетрадки съ конца XVII в. въ теченіе XVIII и XIX; достаточно присмотрѣться къ началу, чтобы утвердиться въ скептическомъ отношеніи къ авторству Денисова; къ тому же и авторитетный знатокъ старообрядческой литературы, В. Г. Дружининъ указываетъ только одно сочиненіе о патріархѣ Никонѣ и его новшествахъ, принадлежащее А. Денисову (см. Писанія старообрядцевъ, Лѣт. Арх. Ком. 1912 г. стр. 90), но оно не совпадаетъ съ разсматриваемымъ. Вотъ образецъ манеры изложенія автора, прикрывшагося авторитетнымъ именемъ Андрея Денисова: „Понеже убо по древлецерковнѣмъ отечестемъ благочестіи, аще и горячею жалостію снѣдаемъ есть, и рачю ся приступити къ повѣсти, о бывшемъ искорителѣ православія сказати хотящей. Но къ лютости того томителя взирая, боюся бесѣдою моею съ коварными его умышленіями с (л. 2) плестися, ибо той единъ злобою своею и коварствомъ преодолѣ всю Россію, яко преимущія сладко увѣщательными бесѣдами, лестію помазанными, тако вельможныя высокихъ честей и даровъ награжденіями. Сице ничтожныя грозами и муками утомивъ побѣди и подобныхъ себѣ новолюбцевъ содѣла и на вся хранители святоотеческихъ законовъ и обычаевъ врата хулы и томле (2 об.) нія отверзе. И что сотворити, не вѣмъ: молчаніемъ ли желаемую многими слышати повѣсть покрыти, или преданную намъ отъ отецъ нашихъ бесѣду предъ очима чтущихъ и предъ ушима слышащихъ поставити; обаче убо надѣяся на молитвы пострадавшихъ за благочестіе ревнителей, начинаю слово, путемъ повѣсти текуще“. До сихъ поръ—риторскій разсказъ не безъ претензій писать торжественнымъ и важнымъ стилемъ. Такъ могъ писать Андрей Денисовъ. Далѣе сообщается

дата рожденія патріарха Никона „1613 года мая въ 21 день“, мѣсто, говорится о родителяхъ—Минѣ и Маріамнѣ, зѣло пострадавшей при рожденіи сына: „егда же родися сей дѣтищъ, пріиде къ Минѣ въ домъ мордовскій шаманъ, знающій волшебное ремество“ и, прочитавъ по-мордовски какое-то волшебное призываніе — посмотрѣлъ на дѣтище и затрепеталъ, а затѣмъ предрекъ его великое и вмѣстѣ съ тѣмъ печальное будущее. Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе разнообразныхъ слуховъ и толковъ о ненавистномъ старообрядцамъ патріархѣ, которые собраны и объяснены въ нашей работѣ „Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы, т. II, вып. I, С.-Пб. 1900 г. Замѣтимъ здѣсь, что повѣсть, приписанная А. Денисову, не совпадаетъ съ повѣстью о патріархѣ Никонѣ, читаемой въ рукописи Императорской Публичной Библіотеки Q. I, 1058, и напечатанной отчасти нами и полностью—А. К. Бороздинымъ въ его книгѣ „Протопопъ Аввакумъ“, 2-е изданіе. Новая повѣсть любопытна и по 28 лицевымъ изображеніямъ, въ ней заключающимся.

Любопытна „Книга глаголемая кодескъ....“ (F. IV. 859), XVII в., содержащая „Моленіе нѣкоего сына послушлива и благоразумна ко отцу чадолюбиву“—въ 45 главахъ и „Вопрошеніе о небеси и земли“, представляющее собою Палею въ соединеніи съ Хронографомъ, въ 167 главахъ.

Упомянемъ еще о сборникахъ: Сборникъ полууставный—XVI в. (F. XVII, 104) содержитъ—книгу Козмы Индикоплова, Физіологъ и мелкія статьи; Сборникъ скорописный XVIII в. (F. XVII. 102) содержитъ родословія, записки Крекшина, духовное завѣщаніе св. Димитрія Ростовскаго, митрополита Стефана Яворскаго, царя Алексѣя Михайловича, „Краткое веденіе о народе славяноросійскомъ и московскомъ“ и др. Въ Сборникѣ XVIII—XIX вв. (F. XVII. 105)—различные стихи, разсужденіе о суетной жизни человѣческой, сочиненное на случай смерти кн. Г. А. Потемкина барономъ фонъ-Визиномъ, Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ (изданный А. Титовымъ, Изв. отд. р. яз. и слов. 1907, кн. 3).

Прочія рукописи заключаютъ въ себѣ мало важнаго и интереснаго для историка древней русской литературы. Упомянемъ лишь—Лицевой нотный Ирмологій поморскаго письма (F. I. 883), различныя старообрядческія сочиненія (F. I. 878 и Q. I. 1431) въ спискахъ XIX в., въ послѣднемъ—сочиненія Семена и Андрея Денисовыхъ, стихи Андрея Д. и плачъ на его смерть; сочиненіе, приписываемое Ѳеоф. Прокоповичу объ Антихристѣ (O. I. 511), поморскаго письма XIX в.,

вѣроятно, старообрядческаго происхожденія; Книга глаголемая Лѣтописецъ, XVIII в. (Q. IV. 474), списокъ 1737 года; Лѣтописный Сборникъ полов. XVIII ст. (F. IV, 857); Лѣчебники XVIII вѣка—Q. VI. 47 и Q. VI. 48; переводъ „Гамлета“ Шекспира, скороп. к. XVIII в. (Q. XIV. 169); „Разговоръ Репутаціи съ Ѳицлипуцли“, скороп. XVIII в.—переводное сочиненіе (Q. XV. 127); „Эмблемата любви“ XVIII в., переводъ съ нѣмецкихъ виршъ „на расиской диалектъ“ 1747 г. (Q. XV. 129); „Погубленный Рай“ Мильтона, XVIII в., въ перев. бар. А. Г. Строганова (F. XV. 66).

Но пріобрѣтенія 1907 года не ограничиваются названными рукописями: помимо дѣловыхъ бумагъ, историческихъ документовъ, писемъ и пр., не поименованныхъ нами, библіотекою пріобрѣтено собраніе П. Н. Тиханова, содержащее въ себѣ свыше 900 рукописей XV—XIX вв. Въ Отчетѣ перечислены лишь нѣкоторыя, наиболѣе интересныя рукописи этого собранія. Описаніе уже приготовлено В. В. Майковымъ, а нами даны краткія свѣдѣнія о рукописяхъ, съ указаніемъ №№ ихъ въ „Отчетѣ объ экскурсіи семинарія русской филологіи въ С.-Петербургъ 13-го—28-го февраля 1911 г.“ Кіевъ. 1912 г. стр. 16—23. Поэтому, не останавливаясь на рукописяхъ этого собранія, упомянемъ еще о старопечатной книгѣ, извѣстной до недавняго времени лишь въ одномъ экземплярѣ—это Псалтырь, напеч. въ Москвѣ въ 1629 г.; теперь Императорская Публичная библіотека владѣетъ вторымъ и при томъ полнымъ. Изъ числа печатныхъ книгъ, пріобрѣтенныхъ библіотекою, слѣдуетъ назвать важное пособіе по палеографіи, не менѣе цѣнное, чѣмъ труды Н. П. Лихачева;—это Les Filigranes. Dictionnaire historique des Marques du Papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600, avec 39 figures dans le texte et 16112 fac-similés des filigranes, par C.-M. Briquet. Tomes I—IV. Paris-Londres-Leipzig etc. 1907. 4 vls. in 4°. Здѣсь можно найти указанія на важнѣйшія работы о филиграняхъ, свѣдѣнія о ходѣ и методѣ работы и громадное количество снимковъ съ филиграней, почти въ четыре раза превосходящее число ихъ въ трудѣ Лихачева. Такъ какъ древнерусскія рукописи пользовались въ массѣ случаевъ итальянскою, французскою и нѣмецкою бумагою,—важность труда Брике является самоочевидной. Можно только пожалѣть, что для XVII и XVIII в. нѣтъ такого сборника филиграней, что въ высшей степени затрудняетъ изученіе рукописей этого времени. А между прочимъ у архиваріуса Кіевскаго Центральнаго Архива древнихъ актовъ, г. И. М. Каманина имѣется матеріалъ для сборника филиграней, собранныхъ

изъ датированныхъ рукописей XVI—XVIII вв., преимущественно южнорусскаго и западнорусскаго письма; но, къ сожалѣнію, издателей этотъ многолѣтній трудъ не находитъ...

Обращаемся къ описанію рукописи проф. Помяловскаго, составленному Д. И. Абрамовичемъ. Изъ общаго числа 180 нумеровъ, не включая дѣловыя бумаги, патенты и пр., для насъ представляютъ интересъ не болѣе 50—60 рукописей, изъ коихъ часть имѣетъ лишь палеографическое значеніе. Старшія рукописи относятся къ XV—XVI в., XVII в., но ихъ очень немного: № 1—Минея служебная на октябрь и ноябрь, полууст. XV—XVI в.; № 2—Минея общая, полууст. разныхъ почерковъ XVI в.; корешокъ этой рукописи—изъ четырехъ обрѣзковъ богослужебной пергаменной рукописи нач. XV в. Къ XVI—XVII вв. относится № 137—Сборная рукопись, полууст. и скороп., среди другихъ статей заключаетъ въ себѣ сказаніе о Гришкѣ Отрепьевѣ (Р. Ист. Б. XIII, стр. 728); № 5—Служба пр. Александру Свирскому, полууст. XVII в.; въ № 38, того же времени—выписки изъ Цвѣтника, Отечника, Пролога и др. Къ XVII в. относятся еще нѣсколько датированныхъ документовъ—№№ 81, 82, 83, 84, 87 и не датированныхъ—№№ 85 и 86, имѣющихъ для насъ значеніе лишь палеографическаго матеріала.

Наибольшее количество рукописей, интересныхъ для насъ, относится *къ XVIII вѣку*. Здѣсь мы перечислимъ рукописи какъ духовнаго, церковнаго характера, такъ и свѣтскаго, именно: № 3—Отрывокъ рукописи богослуж. содержанія; № 4—Служба чудотворному образу Богородицы Одигитріи, на перенесеніе ея въ Кострому; № 7—Сборникъ житій, скороп.,—житія Прокопія Устюжскаго, Похвала общая ему и Варлааму Хутынскому, посмертныя чудеса Прокопія Уст., слово ему же и Іоанну Устюжскому, составленное кн. Симеономъ Шаховскимъ, Житіе св. Іоанна Уст.; въ Сборникѣ житій святыхъ № 8 среди другихъ отмѣтимъ Житіе и подвизи преп. Антонія Римлянина и о прихожденіи его отъ града Рима въ Новгородъ, о приходѣ ап. Андрея въ Россію, а также значительное количество раскрашенныхъ гравюръ, иллюстрирующихъ текстъ житій Іосифа Прекраснаго и Іоанна Милостиваго и упоминаемыхъ у Ровинскаго (Р. Пар. Карт. III и IV); № 9—также Сборникъ житій, вѣрнѣе—часть Сборника, содержащая житіе преп. Арсенія Коневскаго съ похвальнымъ словомъ ему и житіе пр. Тихона Амаѳунтскаго; любопытныя записи о продажѣ Сборника, съ упоминаніемъ *цѣны* его: „Житіе пр. о. н. Арсенія началника Коневскаго мон., а держитъ его у

себя Николаевскаго Гостинопольскаго мон. понамаръ Тихонъ Яковлевъ и *дана денегъ 35 коп.*, а подписалъ сію книгу Тих. Яковлевъ своею рукою 1731 году генваря 1-го дня, аминъ", далѣе—о покупкѣ у него этой книги племянникомъ, Ив. Кириловымъ—и снова запись Т. Яковлева „домоваго служителя" 1-го янв. 1731 г. „дана *денегъ петьдесятъ копеекъ* 1731 году"...; спрашивается, которую цѣну слѣдуетъ признать дѣйствительной? № 11—Воспоминаніе о трудѣхъ и страданіи въ постническихъ подвигахъ священнаго о. Геннадія инока киновіи Зосимы и Савватія, скороп.; № 12—Чудеса у гроба пр. Ѳеодосія Тотемскаго, 1797—98 гг.; № 14—Сѵнаппій, то есть собраніе о чинѣ св. литургіи 1747 г. и Основательное показаніе разности между греческою и римскою церковью 1741 г., № 16—Лѣтописецъ св. Димитрія Ростовскаго, неполный, списанъ въ 1757 г. бригадиромъ М. М. Ивинскимъ; № 17—Каталогъ митрополитовъ кіевскихъ, приписываемый св. Димитрію Ростовскому; № 18—Лѣтописецъ о церкви Рожества св. прор. Іоанна Предтечи, что на Петрятинѣ дворищѣ (отъ 1127 г.), рукописаніе в. кн. Всеволода Мстиславича („Се азъ великій Всеволодъ...") и копія грамоты пр. Варлаама Хутынскаго („Се вдале Варламе..."); № 25—Сборникъ „древностей Казанской епархіи, полууст. XVIII в. (1782 г.), среди коихъ житіе Гурія и Варсонофія, казанскихъ чудотворцевъ (сборникъ изд. въ Правосл. Собес. 1868 г.); № 28—Слово Ѳеофана Прокоповича въ день восшествія на престолъ импер. Анны Іоанновны 19-го янв. 1733 г., съ печатнаго. Въ Сборникѣ № 37—Сказаніе о тайнѣй вечери и о страсти..." — извѣстныя „Страсти", слово Палладія мниха о второмъ пришествіи Христовѣ и о страшномъ судѣ, слово о приходѣ въ Римъ сестеръ Лазаря, Марѳы и Маріи; № 39—документы, относящіеся къ канонизаціи св. Димитрія Ростовскаго, его житіе, духовная грамота, стихи („Взирай с прилежаніемъ..."); № 40—Сборникъ статей митр. Стефана Яворскаго и др., именно—каталогъ книгъ ст. яв. 1721 г. авг.,—о немъ см. въ книгѣ *С. Маслова* „Библіотека Стефана Яворскаго", Кіевъ, 1914; но элегія читается въ рук. Помяловскаго нѣсколько иначе, напр. у Маслова: „Стяжателя сихъ книгъ | Послѣднее книгамъ цѣлованіе | Книги, мною многажды носимы, грядите...", а въ рук. Помяловскаго: „Поссесора сихъ книгъ плачевное книгамъ цѣлованіе. | Грядите моима рукама часто пестованныя книжици"; далѣе въ той же рукописи—„Завѣщаніе", не совпадающее ни съ однимъ изъ двухъ, напечатанныхъ г. Масловымъ (*нач.*: „Превечный и всемогущій Творецъ мой и Богъ бренному своему созданію человѣчю предѣлъ маловремянного житія

на земли положи смерть"), засимъ Епитаѳионъ митр. Стефану въ стихахъ, статья о примиреніи церкви великороссійской съ римскою и отвѣты на нее Стеф. Яворскаго и Ѳеоф. Прокоповича. Въ Сборникѣ того же времени № 41—читается тоже статья о примиреніи, составленная учеными Сорбонны 1717 г., отвѣтъ на нее Стеф. Яворскаго, копія его письма къ владыкѣ Нижегородскому о перекрещиваніи лютеранъ и кальвинистовъ, списокъ грамоты Парѳенія, патр. Константинопольскаго, напечат. въ 1642 г., посланіе патр. Адріана по дѣлу дьячка Юшки Микляева и его же—къ Іову Новгородскому, извлеченіе изъ посланія Сильвестра митр. Нижегородскаго къ митр. Стеф. Яворскому. Сборникъ второй половины XVIII в. № 42 возвращаетъ насъ къ кругу литературныхъ интересовъ еще XVII вѣка; среди статей его назовемъ — Стословецъ патр. Геннадія, повѣсти изъ Великаго Зерцала и Синодика, вопросоотвѣты, увѣщаніе дѣтей въ виршахъ, повѣсть о жидовинѣ и оживленной курицѣ, посланіе архіеп. Новгородскаго Василія ко владыцѣ Тверскому Ѳеодору о раѣ, слова—объ умѣ („Уму добру учися, святому мужу повинися..."), о сонливыхъ и лѣнивыхъ, выписки изъ І. Дамаскина, Патерика, Преніе Панагіота и Азимита, слово объ ангелѣ, пишущемъ входящихъ въ церковь, слова Іоанна Златоуста изъ числа входящихъ въ Измарагды, Нифонта о русаліяхъ, поученіе къ лѣнивымъ Василія Великаго, Пахомія о средѣ и пятцѣ, списокъ съ печатной „Апологіи" св. Димитрія Ростовскаго (1716 г.), чудеса его, краткое житіе и служба, житіе муч. Никиты, Сонъ Богородицы, столь распространенный въ рукописныхъ тетрадкахъ, XIX в. (изданъ нами въ различныхъ спискахъ, Прилож. къ гл. XXXIX—XLIII второй серіи Нов. тр. по источниковѣдѣнію др.-р. лит.). № 43—Сборникъ, написанный поморскимъ полууст. XVIII в., содержащій выписки изъ Патерика, Пролога и др. книгъ. № 44 — Сборникъ старообрядческихъ сочиненій, того же времени. № 51 — Хронографъ скорописный, до 1754 г., судя по замѣткѣ на внутр. сторонѣ переплета; по содержанію — относится къ третьему разряду списковъ третьей редакціи (по Попову). № 67—Записки Крекшина о Петрѣ Великомъ; среди бумагъ А. Болотова, хранящихся въ нѣсколькихъ отдѣлахъ подъ № 88—упомянемъ комедію „Честохвалъ" 1779, сочиненную въ г. Богородицкѣ и „Нещастныя сироты", драма соч. тамъ же въ 1780 г.—автографы А. Болотова. Подъ № 89 — Псальмы и канты, 1762 г. № 90—„Исторія Гедвигъ", скороп., упоминаемая А. Пыпинымъ (Для люб. книжн. стар. стр. 12). № 91—Сказаніе о двунадесяти снахъ царя Мамера, изслѣдованное проф. А. В.

Рыстенко, но этотъ списокъ, если не ошибаемся, былъ ему неизвѣстенъ. № 117—Ариѳметика; № 121—Оракулъ сего свѣта; № 122—Лѣчебникъ, содержащій „Вертоградъ избранный отъ мудрыхъ философъ“ и „Ѳармакопедію“, напис. до 1792 г.; о лѣчебникахъ см. *Змѣева*, Русскіе врачебники, изд. И. О. Л. Др. П. Въ Сборникѣ № 124 разныхъ почерковъ XVII—XIX вв.: Уставъ св. ап. Володимира о церковныхъ судѣхъ, копія изъ Кормчей XIII в. Син. библ. № 82, Повѣданіе и сказаніе о побоищѣ в. кн. Димитрія Ивановича Донского (нач. „Се повѣдай Уранъ...“, см. объ этихъ сказаніяхъ изслѣд. *С. Шамбинаго*, 1910 г. изъ Сб. отд. р. яз. и слов.), а далѣе—матеріалы для исторіи Украины: „Пункты головнѣйшіе чрезъ ... погамовала бы ся война“, „Пункты головнѣйшіе чрезъ которые войско Запорозькое... до повинного пану подданства приступити хочетъ“, копія письма кошевого атамана Ив. Сѣрка крымскому хану 26-го сент. 1675 г., копія универсала гетм. Б. Хмельницкаго 16-го іюня 1657 г., статьи 1654 г., и документы о послѣдующихъ гетманахъ, старыя записи пѣсенъ (три пѣсни, лл. 171—174). Въ Сборникѣ 1751 г.—Исторія о плененіи славного Царьграда, его же плени Махометъ вторій... 1453 г.; въ Сборникѣ № 128, написанномъ разными почерками XVIII и XIX в., два интересныхъ южнорусскихъ документа: 1688 г. марта 30-го. Пріѣздъ въ Москву архидіакона Антонія, присланнаго къ государямъ отъ архіеп. Черниговскаго Лазаря Барановича (копія) и 1688, августа — списокъ и грамоты къ Моск. патр. Іоакиму отъ Кіев. митр. Гедеона кн. Четвертинскаго съ отреченіемъ отъ Флорентійскаго собора. Къ XVIII в. относится еще нѣсколько рукописей собранія И. В. Помяловскаго, но онѣ не представляютъ интереса для насъ; упомянемъ только №№ 55, 56 и 57—въ первомъ матеріалы по исторіи школы 1702—1718 г., въ слѣдующихъ—дѣло комиссіи о приготовленіи потребныхъ вещей къ коронованію имп. Екатерины I-й и описаніе входа въ Москву имп. Петра II 4-го февр. 1728 г.

Рукописей XIX в. можно было бы совершенно не касаться въ нашемъ обзорѣ, если бы среди нихъ не встрѣчались поздніе списки старыхъ памятниковъ, напр. № 6—Канонъ, житіе и духовная Аѳанасія патр. Константинопольскаго, Лубенскаго чудотворца; № 10—Житіе и чудеса кн. Іуліаніи; № 13—Синодикъ поморскаго письма; № 92—Стихъ объ Іосифѣ Прекрасномъ, полууст. поморскаго письма XIX в. Кромѣ того—рядъ рукописей историческаго содержанія, которыя мы обходимъ молчаніемъ.

Предложенный обзоръ показываетъ, что въ ряду другихъ коллекцій, хранящихся въ Импер. Публ. библіотекѣ, коллекція И. В. Помяловскаго занимаетъ скромное мѣсто не только по количеству, но и по качеству рукописей. Новаго она ничего не приноситъ, хотя и даетъ нѣсколько списковъ, небезполезныхъ для изученія литературной исторіи нѣкоторыхъ памятниковъ, а также довольно значительный палеографическій матеріалъ.

III.

Московскій историческій музей имени имп. Александра III въ 1913 году, какъ видно изъ его отчета [1]), обогатился рядомъ древнихъ рукописей, которыя, впрочемъ, по не разъ уже отмѣченному дурному обыкновенію не поименованы даже всѣ составителями Отчета: изъ 32 рукописей названы и описаны порою довольно подробно только 10. Изъ этихъ десяти, удостоившихся упоминанія—получены въ даръ 6: отъ И. Г. Блинова — Тропарь честному Кресту, написанный въ 1901 г. жертвователемъ, извѣстнымъ каллиграфомъ; далѣе—отъ проф. М. Н. Сперанскаго—Торжественникъ русскаго состава конца XV в., въ 4-ку; Сборникъ конца XVI в., въ 4-ку, содержащій Паренесисъ Ефрема Сирина и житія святыхъ; Святцы съ заставками к. XVIII в., въ 16-ю; Азбука и образцы писемъ того же времени и отрывокъ повѣсти о шляхтичѣ Долторнѣ.

Изъ купленныхъ музеемъ рукописей на первомъ мѣстѣ названъ Лицевой Цвѣтникъ, содержащій большею частью „сказанія о возмездіи за земную жизнь, относящіяся къ быту иноческому". По словамъ описателя—„многочисленные рисунки въ полную страницу, въ поздней фряжской манерѣ иконописи XVIII в., полны бытового интереса. Хорошо выписаны и разнообразны палаты и внутренняя обстановка покоевъ. Зданія воспроизводятъ реальную архитектуру: русскіе храмы XVIII-го и конца XVII вѣка, бревенчатыя деревянныя постройки и просторныя каменныя, западнаго образца, палаты петровскаго и екатерининскаго времени, съ широкими лѣстницами, галлереями, узорными полами, высокими сводами на колоннахъ и пилястрахъ, съ просторными окнами и дверьми, съ росписью поверхностей подъ мраморъ, лѣпными украшеніями въ стиляхъ Людовика XVI и рококо,

[1]) Отчетъ Императорскаго Россійскаго Историческаго музея имени Императора Александра III въ Москвѣ за 1913 годъ. М. Синодальная типографія, 1914 г., 4°, 124 стр.

съ вычурной мебелью рококо, тяжелыми драпировками, женскими костюмами и столовой утварью XVIII вѣка. Всѣ лики имѣютъ одинъ типъ, соединяющій черты реальнаго русскаго типа съ шаблономъ нѣмецкой и голландской гравюры XVIII вѣка: круглый окладъ лица, у молодыхъ людей—очень полнаго, большіе, нѣсколько на выкатѣ и съ поволокою глаза, довольно развитыя скулы, умѣренный носъ, полныя губы" (стр. 27). Это описаніе иллюстрируется снимкомъ на стр. 28. Спору нѣтъ, рукопись интересная, но мы привели полностью это обстоятельное описаніе ея для того, чтобы читатель увидѣлъ, *что* собственно привлекаетъ на себя вниманіе ученыхъ хранителей музея: о содержаніи рукописи — два слова, о составѣ ея текста — ни одного... Обходится молчаніемъ и составъ выше названнаго Торжественника и Сборника житій, потому что эти рукописи, можно думать, — не украшены миніатюрами. Эта односторонность на ряду съ неполнотою свѣдѣній о новыхъ пріобрѣтеніяхъ значительно понижаетъ цѣнность Отчетовъ музея; между тѣмъ каждый Отчетъ полонъ снимками съ разныхъ предметовъ, часто весьма скромнаго достоинства...

Возвращаясь къ тремъ рукописямъ, о которыхъ еще есть свѣдѣнія въ Отчетѣ, назовемъ описанный также чисто внѣшнимъ образомъ—„Молитвенникъ уніатскій на славено-россійскомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ, въ 4-ку, писанъ въ 1712 году базиліанцемъ іеромонахомъ Парѳеніемъ Даниловичемъ. Черченая перомъ заставка-рамка напоминаетъ позднія западныя старопечатныя травы, отразившіяся въ петровскую эпоху и на великорусскихъ рукописяхъ. Единственная концовка (на л. 36 об.), рис. 22, исполненная красками красной и синевато-зеленой представляетъ очень старый мотивъ: узорный узелъ съ висящею подъ нимъ ушастою бородатой головой" (стр. 29). Надо замѣтить, что между этою головою и тѣми, на которыя намекаетъ описатель, сходство весьма отдаленное: ни съ новгородскими миніатюрами-иниціалами XIV в., ни съ югославянскими, воспроизведенная концовка не имѣетъ ничего сходнаго, кромѣ самой идеи сдѣлать концовку съ помощью головы... Составъ Молитвенника не указанъ.

Далѣе—описана кратко рукопись „Поэтика и реторика по-латыни съ русскими образцами, въ 4-ку, XVIII в., преподанныя въ Вологодской семинаріи въ 1749 г.", и Старообрядческій Синодикъ 1793 г. съ канонами. Остальное содержаніе Отчета стоитъ внѣ нашихъ интересовъ.

IV.

Отчетъ Императорской Академіи Наукъ за 1914 годъ[1]) заключаетъ въ себѣ (стр. 45—47) свѣдѣнія о поступившихъ въ библіотеку Академіи рукописяхъ XIV—XVIII вв. Главное количество этихъ рукописей поступило изъ музея псковскаго любителя старины Ѳ. М. Плюшкина. Музей былъ пріобрѣтенъ правительствомъ на Высочайше дарованныя средства и въ Академическую библіотеку была передана по Высочайшему повелѣнію часть музея, заключающая въ себѣ рукописи, грамоты, акты и книги церковной печати: прочее—поступило въ музей имени императора Александра III. Часть, доставшаяся Академіи Наукъ, содержитъ 300 рукописей XV—XIX вв., около 200 печатныхъ и гравированныхъ изданій XVI—XIX вв., обширное собраніе столбцовъ XVII—XVIII вв., грамотъ XVI—XVIII в., патентовъ и дипломовъ. Отчетъ Академіи отмѣчаетъ нѣкоторыя, наиболѣе цѣнныя рукописи,—но въ самыхъ общихъ чертахъ, именно: Сборникъ сербскаго письма XVII в. (№ 258) „съ интересными статьями по иконописному дѣлу, нѣсколькими апокрифами, статьей „Сказаніе въ кратце сущимъ отъ Адама до ныняшнаго времене“, съ сербскими извѣстіями, лѣтописцемъ „срьбскымъ царемъ въкратце“, книгой Константина Костенчскаго и др. статьями. Далѣе нельзя не указать на Сборникъ XVII в. съ рядомъ мѣстныхъ Псковскихъ статей: повѣстью объ иконѣ Спасова образа, о чудесахъ Пресв. Богородицы, повѣстью о Печерскомъ мон., сказаніемъ объ избавленіи Пскова отъ Батура, о явленіи иконы Богородицы въ Вороночѣ на Синичьей горѣ, объ исшествіи трехъ иконъ въ Псковъ къ соборной церкви, повѣстью объ иконѣ Спаса на Завеличьѣ, объ осадѣ Пскова отъ свѣйскаго краля, о приходѣ Литвы подъ Печерскій монастырь и ми. др.“ Засимъ Отчетъ упоминаетъ въ самыхъ общихъ чертахъ объ остальныхъ рукописяхъ коллекціи Плюшкина. Имѣя возможность ознакомиться съ составомъ ея и разсмотрѣвъ нѣкоторыя рукописи, даемъ нѣсколько дополненій къ сообщеннымъ въ Отчетѣ свѣдѣніямъ:

Въ составѣ этой коллекціи есть нѣсколько рукописей, относящихся къ Священному Писанію, именно шесть Евангелій (№№ 1, 15, 40 и 48—XVI в. и № 2—XVII в., № 12—XIX в.), три Апостола (№№ 3, 41 и 280—XVI в.); изъ числа пяти Апокалипсисовъ—№ 18—

[1]) Отчетъ о дѣятельности Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1914 г. сост. и. о. непрем. секретаря ак. А. А. Шахматовымъ. Петроградъ. 1914. 8°. 460 стр.

XVII — XVIII в., № 17 — поморскаго письма, № 50 и 59 — толковые.

Довольно многочисленны богослужебныя книги различнаго содержанія и назначенія. Уставъ Церковный представленъ № 36, XVIII в.; выписки изъ него—въ № 62 и № 90, XVIII и XIX в. Минея общая съ прибавленіями—въ двухъ спискахъ, № 106, XVI в. и № 37, XVII в. Минеи служебныя: на январь, XVI в. № 105; на февраль—№ 34, того же времени, и на декабрь, № 56, XVIII в. Слѣдованная Псалтирь XVII в.—№ 300; Тріоди Постныя—№ 108, XVI в. и № 39 XVII в.; Тріодь Цвѣтная—XVII в. № 100. Октоиховъ—нѣсколько, именно: XVI в.—№№ 104 и 107, XVII в. №№ 101 и 109; нотные Октоихи XVIII и XIX в.—№№ 79 и 80. Ирмологіи крюковые XVII в.—№№ 43, 49 и 81, нотные: XVIII в. № 75, XVIII и XIX в. № 30 и 31, 73. Стихирари крюковые, праздничные XVIII—XIX вв.—№№ 33, 72, 84; Акаѳисты: Богородицѣ, съ прибавленіями, XVIII в.—№ 91; Троицѣ и Покрову Богородицы, XVIII в.—№ 60. Канонникъ XVI в., № 54; кромѣ того въ коллекціи имѣется рядъ рукописей, содержащихъ службы отдѣльнымъ святымъ и чинопослѣдованія, именно: № 55, службы избраннымъ святымъ, XVIII в.; служба Московскимъ святителямъ крюковая, № 45, XVIII в.; того же времени—служба Клименту папѣ Римскому съ чудомъ и похвальными словами ему, № 35; явленіе иконы Богородицы „Умиленіе“ № 96; преп. Евфросину Псковскому, № 182; XVII вѣка—служба Іоанну Златоустому и срѣтенію иконы Владимірской Божіей Матери, № 99. Не касаемся болѣе новыхъ рукописей. Упомянемъ старшіе изъ богослужебныхъ сборниковъ коллекціи Плошкина: къ XVI в. относятся №№ 173, 226, 276; къ XVII вѣку—№№ 32, 47, 52, 92, 93, 95, 97, 102, 103; къ XVIII вѣку—№ 286. Есть нѣсколько Святцевъ, Пасхалій, Помянниковъ—XVIII, но большею частью XIX в.

Гораздо болѣе интересны для насъ рукописи, содержащія творенія отцовъ и учителей Церкви и различныя богословскія сочиненія. Къ этой категоріи относятся: рядъ рукописей XVIII в., изъ нихъ часть, несомнѣнно, копіи съ печатн.: Книга Кирилла Іерусалимскаго, № 190; выписки изъ него же—№ 250; слово Григорія Паламы, № 260; сочиненія св. Димитрія Ростовскаго—о поклоненіи (?) № 143, Апологія № 264, о семи сакраментахъ № 140; соч. Ѳомы Кемпійскаго № 141 и № 227; Знаменія пришествія антихриста, Ст. Яворскаго, № 139; Іоанна Дамаскина Философія и Грамматика № 111; Зерцало Богословія Кирилла Транквилліона Ставровецкаго, № 20; Вѣнецъ Вѣры Си-

месона Полоцкаго № 110; Алфавитъ духовный №№ 142, 186, 273; Сокращенное исповѣданіе вѣры; № 262; полемическія сочиненія XVII в. № 243; есть и нѣсколько новѣйшихъ рукописей XIX в., которыя можно отнести къ этому отдѣлу.

Памятники житійной литературы представлены рукописями XVI—XIX вв. Перечислимъ лишь часть ихъ: къ XVI в. относится Прологъ, № 16; къ XVII в.—житіе Варлаама Хутынскаго, № 168; Никиты Новгородскаго, № 167; Арсенія Тверского, № 172; Нила Столбенскаго, № 162; Александра Свирскаго, № 166; къ XVIII в. относятся списки „Житій святыхъ", № 228; житіе Георгія Побѣдоносца № 169; Василія Новаго, № 163, 164 и № 170 (XIX в.); чудеса Антонія Римлянина, № 244; кн. Довмонта № 247; Кирилла Новоезерскаго, № 163; Корнилія Выговскаго № 241 и 257.

Историческія сочиненія древней Руси и XVIII в. немногочисленны: Лѣтописецъ Авраамія Палицына, XVII в. № 246; Новый Лѣтописецъ, XVIII в. № 160; Лѣтописецъ краткій, того же времени, № 147; Лѣтописецъ Соловецкій, XVIII в., № 149 и Сказаніе объ осадѣ Соловецкаго мон., списокъ XIX в., № 188; Лѣтописецъ св. Димитрія Ростовскаго въ четырехъ спискахъ—№№ 27, 28, 146, 151; О зачатіи и рожденіи Петра В., XVIII в. (Крекшина) № 156 и № 157; Житіе Петра В. (Катифора) № 29; кромѣ того значительное количество столбцовъ, дѣловыхъ бумагъ и грамотъ.

Рукописи юридическаго содержанія коллекціи Плюшкина малочисленны: кромѣ сборниковъ указовъ XVIII в. и выписокъ изъ нихъ можемъ назвать: Уложеніе ц. Алексѣя Михайловича, XVII в.—№ 154 и XVIII в. № 174; Кормчую XVIII в. № 210; Сынъ Церковный того же времени № 291.

Изъ сочиненій религіознаго и назидательнаго содержанія коллекція имѣетъ: Страсти XVIII в. №№ 128 и 132, XVIII—XIX в. № 129; неизвѣстнаго времени—№№ 184, 259, 267; Повѣсти о Богородицѣ: о Ея пришествіи во Псковъ, № 179; о знаменіи Богородицы въ Новгородѣ, № 180; повѣсть на Срѣтеніе Богородицы 1700 г., № 277; изъ сборниковъ назидательныхъ разсказовъ отмѣтимъ: Великое Зерцало XVII—XVIII в., № 6, № 145, и XVIII в.—№ 185; Звѣзду Пресвѣтлую XVIII в. въ спискахъ №№ 127, 171, 239 и 289—памятникъ пока загадочнаго происхожденія, ожидающій своего изслѣдователя. О составѣ его и о содержаніи см. въ „Отчетѣ объ экскурсіи семинарія рус. филол. въ Полтаву и Екатеринославъ" 1910 г. стр. 16—21 и 80—99; Хожденія въ св. Землю: Трифона Коробейникова,

№ 10 и кн. Радзивилла № 24; Апокрифическія произведенія коллекціи: Луцидарій въ спискахъ XVII и XVIII вв., №№ 112, 121, 123 и 268—о нихъ скажемъ нѣсколько словъ далѣе; Сонъ Богородицы, XIX в., № 117; Свитокъ Іерусалимскій, № 118, того же времени.

Слѣдуетъ упомянуть о произведеніяхъ духовной поэзіи: Псалтирь Симеона Полоцкаго, № 120; Духовные стихи крюковые, № 71; Духовные стихи № 133 и 122.

Изъ свѣтскихъ повѣстей въ коллекціи имѣется: Александрія XVII—XVIII в. № 130 и XVIII в., № 187; Повѣсть о Гереонѣ, XVIII в. № 8 и № 25; изъ прочихъ рукописей представляютъ нѣкоторый интересъ въ отношеніи содержанія или внѣшности — Хрисмологіонъ Н. Спаѳарія, № 7; Травникъ, XVIII в. № 274; книга Мусикійскихъ согласій Дилецкаго № 113; Иконописный подлинникъ XVIII в., № 183 и Буквица того же времени, № 269.

Едва ли не самый интересный отдѣлъ въ каждой коллекціи представляютъ сборники. Въ разсматриваемой—они представлены большимъ количествомъ нумеровъ. Мы остановимся лишь на немногихъ, именно на старшихъ по времени написанія, т. е. XV—XVIII вв. Здѣсь мы встрѣчаемъ и сборники болѣе или менѣе опредѣленнаго состава и сборники, возникшіе по капризу ихъ составителей, и наконецъ такъ называемыя „сборныя рукописи", образовавшіяся путемъ переплета вмѣстѣ различныхъ рукописей, существовавшихъ ранѣе отдѣльно.

Изъ сборниковъ опредѣленнаго характера назовемъ Торжественникъ XV в., № 257; Маргаритъ XVIII в., № 189; Златоустъ постный XVII в., № 191; Златоусты XVIII в.—№ 233 и № 272; Цвѣтникъ XVIII—XIX в., № 211; что же касается Златой Цѣпи XVII в., № 26, то она носитъ совершенно напрасно это названіе: это сборникъ выписокъ изъ Богословія Іоанна Дамаскина, Максима Грека, изъ переводныхъ (позднихъ) статей о человѣкѣ, его устроеніи и характерѣ, напоминающихъ нѣчто подобное въ астрологическихъ произведеніяхъ, переводившихся у насъ въ XVII в.

Другіе сборники самаго разнообразнаго состава; они относятся—къ XVII в.: №№ 258, 234, 193, 225, 229, 232, 252, 254; къ XVII—XVIII в. относятся №№ 98, 248; къ XVIII вѣку—большинство: №№ 53, 196, 204, 216, 217, 218, 231, 235—238, 240, 242, 249, 251, 283; возможно—къ концу XVIII в., а по нашему мнѣнію скорѣе къ началу XIX в. относятся №№ 57, 197, 219, 285; намъ удалось видѣть лишь первый изъ нихъ, № 57: онъ, несомнѣнно, начала

XIX в.; думаемъ, что и остальные той же категоріи не древнѣе; у собирателей, какъ извѣстно, есть тенденція датировать свои рукописи по крайней мѣрѣ на одинъ вѣкъ старше.

Что касается содержанія этихъ сборниковъ, то оно пока не приведено въ извѣстность. Мы пересмотрѣли лишь тѣ, которые вынуты изъ ящиковъ, и можемъ сказать лишь нѣсколько словъ о составѣ №№ 21, 53, 98; о № 26 упоминалось выше.

Хотя Сборникъ № 21 относится несомнѣнно къ началу XIX в. (въ листъ на синеватой бум., полууставомъ подражающимъ печатнымъ буквамъ), однако онъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя интересныя статьи, показывающія, что составитель имѣлъ предъ собою хорошіе оригиналы. Сначала Сборникъ напоминаетъ Златоустъ; далѣе идутъ статьи, въ послѣднемъ не встрѣчающіяся. Всего въ сборникѣ 132 главы. Первыя статьи: поученіе Іоанна Златоустаго на недѣлю о мытарѣ и фарисеѣ, его же на недѣлю о блудномъ сынѣ, его же о еже не плакати объ умершихъ, въ недѣлю мясопустную, о второмъ пришествіи, въ субботу сыропустную поученіе І. Злат.. въ недѣлю сыропустную— его же и т. д. Изъ другихъ статей отмѣтимъ: хожденіе и житіе Зосимы въ раю, сказаніе Прохора о хожденіи ап. Іоанна Богослова, повѣсти объ Андреѣ Критскомъ, о Петрѣ и Февроніи, житіе Іоанна Новгородскаго, видѣніе бывшее въ Новгородѣ 6-го октября 7115 г. (см. Р. Ист. б., т. XIII), сказаніе о вел. кн. Иванѣ Даниловичѣ Московскомъ.

Въ Сборникѣ конца XVIII и нач. XIX в. № 53 за богослужебными статьями идетъ повѣсть отъ палестинскихъ хроникъ—о царицѣ и львицѣ, повѣсть отъ Вел. Зерцала о томъ, „како не терпитъ діаволъ въ любви пребывающія“, и другія; слово о прор. Давидѣ царѣ и о Вирсавіи, слово о Іерусалимскомъ знаменіи, богумильская легенда о сотвореніи міра, повѣсть о Динарѣ царицѣ Иверской, о 12 снахъ Мамера царя и другія статьи.

Въ Сборникѣ XVII—XVIII в. № 98 отмѣтимъ только повѣсть о видѣніи въ 7115 году 6 октября.

Представляютъ интересъ книги Великаго Зерцала. Списки № 6 и 145 начинаются повѣстью „о непостижимствѣ пресв. Тройцы“. Со времени выхода въ свѣтъ единственнаго въ русской научной литературѣ изслѣдованія о В. Зерцалѣ П. В. Владимирова (1884 г.) накопилось немало новыхъ данныхъ о судьбѣ этого памятника въ русской литературѣ. Нѣтъ рукописнаго собранія, въ которомъ не было бы если не цѣлаго сборника, то хоть отдѣльныхъ повѣстей изъ него;

онѣ проникли въ народную легенду, сказку, отразились въ лубочной литературѣ и въ духовномъ стихѣ; все это наглядно показываетъ, какое значеніе имѣетъ Великое Зерцало въ исторіи нашей старинной литературы и искусства. Было бы, кажется, весьма своевременно заняться болѣе детальнымъ, чѣмъ у П. В. Владимирова, изученіемъ этого памятника; подготовка сдѣлана въ рядѣ этюдовъ г. Шевченка.

Въ томъ же Плюшкинскомъ собраніи мы пересмотрѣли списки Люцидарія № 112, 121 и 123; напрасно думаютъ, что поздніе списки подобныхъ памятниковъ не представляютъ интереса. Работа надъ Люцидаріемъ въ изслѣдованіяхъ проф. Архангельскаго лишь начата. Исторія же этого памятника въ русской литературѣ еще не написана. Академическіе списки его и въ частности названные, изъ коллекціи Плюшкина, даютъ нѣкоторый матеріалъ для исторіи текста Луцидарія.

Возвращаясь къ свѣдѣніямъ Отчета Императорской Академіи Наукъ 1914 г. о новыхъ пріобрѣтеніяхъ библіотеки, мы упомянемъ о Сборникѣ XVI в., пріобрѣтенномъ во Псковѣ; здѣсь—рядъ малоизвѣстныхъ статей, среди которыхъ договоръ князей Вымскихъ съ князьями Югорскими и Кодскими 1585 г. съ описаніемъ клятвеннаго обряда (приведенъ въ Отчетѣ, стр. 47). Нѣсколько старыхъ рукописей было пріобрѣтено въ отчетномъ году въ Архангельской губерніи; среди нихъ—листки изъ Требника XIV в.; и нѣсколько рукописей XVIII в. въ Солигаличскомъ у. Костромской губерніи; нѣсколько рукописей XVII и XVIII вв. поступило въ даръ отъ З. И. Мохнацкаго; въ Костромской губ. куплено собраніе столбцовъ (Ермоловскій архивъ), другое собраніе столбцовъ принесено въ даръ г. Елачичемъ, нѣсколько западнорусскихъ грамотъ XVI и XVII вв. подарены К. С. Шохоръ-Троцкимъ.

Таковы пріобрѣтенія Академической библіотеки за 1914 годъ, но мы упомянули только то, что относится къ поставленной нами задачѣ: дать сводъ относящагося къ исторіи древнерусской письменности и могущаго быть причисленнымъ къ палеографическимъ матеріаламъ. Пріобрѣтенія въ области новой литературы XIX в. нами не затронуты.

V.

Извѣстно, что во время шведскихъ войнъ на ряду съ произведеніями искусства и цѣнными предметами не малое количество книгъ печатныхъ и рукописныхъ, а также архивныхъ матеріаловъ, важныхъ

для историка—было перевезено изъ Польши въ Швецію и сдѣлалось или собственностью государственною, или собственностью частныхъ лицъ, любителей книгъ, собиравшихъ библіотеки. Съ теченіемъ времени многія изъ частныхъ библіотекъ перешли во владѣніе государства. Польскіе ученые всегда интересовались судьбою этихъ книгъ и ихъ содержаніемъ; нѣкоторые предпринимали поѣздки для изученія polonica, хранящихся въ шведскихъ библіотекахъ; создалась даже легенда о громадныхъ сокровищахъ книжныхъ и рукописныхъ, которыми владѣютъ шведскіе библіотеки и архивы. Было нѣсколько попытокъ освѣтить вопросъ и сообщить ученому міру о дѣйствительномъ содержаніи того наслѣдія, которое попало въ шведскія библіотеки изъ польскихъ. Это обстоятельство значительно облегчило трудъ экспедиціи, объ итогахъ которой мы желаемъ сказать ниже нѣсколько словъ [1]). Экспедиція, организованная Краковской академіей наукъ, выѣхала изъ Кракова въ половинѣ іюля 1911 г. въ составѣ нѣсколькихъ ученыхъ—историковъ и славистовъ. Задачею ея было—основательно пересмотрѣть всѣ извѣстныя собранія книгъ и рукописей, чтобы окончательно выяснить, какія polonica тамъ скрываются, и тѣмъ облегчить въ будущемъ труды ученыхъ, освободить ихъ отъ безплодныхъ поисковъ. Участники экспедиціи не ограничились пересмотромъ каталоговъ, а брали книгу за книгой въ руки, отмѣчая и записывая все, болѣе или менѣе заслуживающее вниманія. Въ отдѣлѣ печатныхъ книгъ пришлось перебрать десятки тысячъ книгъ, чтобы выловить въ этомъ морѣ печатнаго матеріала polonica, и можно думать, что ничто не ускользнуло отъ зоркаго взгляда изслѣдователей книжной польской старины.

Общее количество описанныхъ въ отчетѣ рукописей, происходящихъ изъ Польши, достигаетъ 205; остальныя, упоминаемыя въ отчетѣ, иного происхожденія, хотя и относятся къ Польшѣ. Матеріалъ расположенъ въ книгѣ (вслѣдъ за введеніемъ) такъ: I. Rękopisy dawniejsze; II. Dodatki rękopiśmienne do druków; III. Rękopisy nowsze; IV. Rossica dotyczące Polski; V. Rękopisy nowsze treści historycznej; VI. Druki; Druki hebrajskie. Завершается книга указателемъ собственныхъ именъ.

Могутъ спросить, почему мы, въ обзорѣ трудовъ по источниковѣдѣнію древней русской литературы касаемся этого изданія. Но

---

[1]) Sprawozdanie z poszukiwań w Szwecyi, dokonanych z ramienia Akademii Umiejętnosci przez Eug. Barwińskiego, Ludw. Birkenmajera i Jana Łosia. W Krakowie. Nakładem Akademii Um. 1914. 8°. XXVII+364.

слѣдуетъ вспомнить, что было время—въ XVI и XVII вѣкахъ, когда между русской (и московской, и украинской) литературой и съ другой стороны—польской (на польскомъ и латинскомъ яз.) наблюдался постоянный и тѣсный контактъ. Многіе памятники, особенно, украинской литературы—непонятны, если мы исключимъ возможность польскаго вліянія; съ другой стороны, многіе писатели XVI—XVII в. принадлежатъ едва ли не въ равной степени и литературѣ южнорусской и—польской (вспомнимъ хотя бы М. Смотрицкаго); кромѣ того—и анонимныя произведенія зачастую не ограничивались мѣстомъ возникновенія и переносились изъ Польши въ родственную, русскую среду путемъ переводовъ и подражаній. Такимъ образомъ намъ представляется даже невозможнымъ изучать литературныя явленія въ Россіи, отмежевавшись отъ таковыхъ же, наблюдаемыхъ въ Польшѣ. А если такъ, то, говоря объ источникахъ древней русской литературы, намъ нельзя обойти описаніе рукописей и старопечатныхъ книгъ старой Польши.

Имѣя въ виду вышесказанное, обратимся къ *первому* отдѣлу, заключающему въ себѣ описаніе древнѣйшихъ рукописей. Таковыми считаютъ составители Отчета—рукописи XIII, XIV и XV вѣковъ; послѣднихъ—большинство. Изъ нихъ часть представляетъ интересъ какъ матеріалъ для историка и филолога—по содержанію и языку; другая часть по содержанію не относится, собственно говоря, къ Польшѣ, но достойны, по мнѣнію составителей отчета, упоминанія потому, что нѣкогда принадлежали польскимъ библіотекамъ и попали въ Швецію какъ военная добыча. Мы остановимся ниже только на рукописяхъ, имѣющихъ для историка русской литературы нѣкоторое значеніе и изъ 114 №№ упомянемъ лишь:

№ 11 (Ups. C. 330)—бумажная рукоп. XV в. содержитъ „Sermones dominicales ex de quibusdam sanctis"—повидимому по содержанію и составу напоминаетъ наши Торжественники и Учительныя Евангелія.

№ 17 (Lund, Bibl. Ms. H. L. a. 4° 20)—рукопись XIII в., Jacobi de Voragine Legenda sanctorum, на лат. языкѣ. Отдѣльныя статьи изъ этого сборника извѣстны въ старинной русской литературѣ.

№ 18 (Ups. C. 281) и № 19 (Ups. C. 520)—обѣ пергам., XIII в. содержатъ житія свв. на латинскомъ яз. Среди житій любопытно одною подробностью житіе св. Станислава: „Vidimus beatum Stanislaum missarum sollempnia celebrare et circa eum chorum ministrorum dei stare et *campanas sine nostro et omni humano ministerio per se-*

metipsas pulsare"—подробность о чудесно самозвонящихъ колоколахъ встрѣчаемъ въ житіи св. Алексѣя человѣка Божія (въ народной обработкѣ легенды, по Массману „В"), въ другихъ житіяхъ и даже въ повѣстяхъ о Смутномъ времени (см. Р. Истор. Библ. т. XIII); мотивъ этотъ особенно широко распространенъ былъ на Западѣ: самозвонящіе колокола—свидѣтельство о чудѣ и пр. Въ тѣхъ же рукоп. житія Войцѣха, Адальберта во второй еще—Венцеслава. Житіе св. Станислава—есть такъ называемая „Vita major", опубликованная въ Monumenta Histor. Polon.

№ 23 (Ups. C. 237), XIV в., отчасти XV в.,—содержитъ различные трактаты на лат. яз. въ стихахъ, между прочимъ—„Nomina avium et piscium metrice composita" и грамматическія правила—также въ стихахъ.

№ 31 (Ups. C. 618), XV и XVI вв. среди другихъ богословскихъ сочиненій на лат. яз.—„Sex Errores Ruthenorum" XVI в., полемическое сочиненіе, повидимому, не вполнѣ освѣдомленнаго о религіи русскихъ автора, называющаго своихъ противниковъ такъ: „ex omni gente sclavorum.... nulla pertinacior invenitur gente ruthena"... (1523 г.).

№ 38 (Ups. C. 236), XV в.—любопытный сборникъ богословскихъ статей на лат. яз. съ польской припиской XVI в., для насъ особенно цѣнной. Приводимъ эту приписку въ современной намъ транскрипціи:

„Praktyka gospodarstwa domowego.

Siej gdy miesiąc jest w Skopie, w Raku, w Pannie, w Wadze, w Kozorożcu. Na suchej ziemi siej przed pełnią od nowego miesiąca, a na mokrej po pełniej.

Drzewo na budowanie aby go czerw nie gryzł rąb od ś. Wita aż do nowego roku zawse na schodzie miesiąca od pełniej aż do wtórej kwadry.

Łow y wszelkie pole szczęsci (sczesci) się w Skopie, we Lwie, w Strzelcu.

Ryby łow, gdy miesiąc idzie pod Rakiem albo Rybami.

Ptaki łowić dobrze, gdy miesiąc pomija Bliźnięta, Pannę, Strzelca, Ryby.

Grunty do budowania zakładać gdy miesiąc roście pod dobrym aspektem Jowisza, albo Wenery.

Blizkości dziedzictwa dochodzić dobrze, gdy miesiąc (k. 169 v.) jest w Raku albo w Cielcu za dobrym aspektem Jowisza.

Prowadzić się dobrze w Cielcu, w Lwie, w Strzelcu za dobrym aspektem.

W drogę jechać, poselstwa sprawować albo na nie się gotować pod tymi znamiony: pod Cielcem, Lwem, Strzelcem.

Na morze się puścić albo żeglować skuty, traffty, komiegi spuszczać w Raku, w Niedźwiadku, w Rybach za dobrym aspektem.

Rękować się albo małżeństwo zacinać gdy miesiąc jest w Cielcu, w Wadze, w Strzelcu, w Wodniku y w Rybach, a wdowam służy Panna.

Włosy chceszli aby rosły, strzyż, gdy miesiąc jest w Cielcu, w Pannie, w Wadze, a k temu (k. 170) gdy rocśie. A żeby nie rychło rosły, tedy strzyż na schodzie w Raku, w Niedźwiadku, w Strzelcu.

Laźnia sucha tłustym ludziem, aby je suszyła, ma być poranu pod Skopem, Lwem, Cielcem, Strzelcem" (стр. 51—52).

Значеніе этой статьи для исторіи старинной русской литературы выясняется при сопоставленіи ея съ данными, собранными въ нашей книгѣ „Матеріалы къ исторіи апокрифа и легенды. Къ исторіи Лунника" 1901 г. и въ статьѣ Н. Кононова „Изъ области Астрологіи" Труды Славянской Ком. Моск. Археол. Общества, т. IV. 1907. Въ польской статьѣ мы, повидимому, имѣемъ не цѣльное произведеніе астрологической литературы, а лишь извлеченіе изъ болѣе обширнаго и обстоятельнаго. Такія статьи и выписки изъ нихъ были извѣстны въ переводѣ съ польскаго въ нашей литературѣ XVII в., вѣроятно, черпавшей свой матеріалъ изъ календарей и альманаховъ.

№ 83 (Ups. C. 680)—Speculum historiale Vincentii Bellovacensis, списокъ XIII в., на пергаменѣ.

№ 95 (Ups. C. 180)—Сборникъ статей XV в. (1466—7 г.), среди которыхъ „Documenta notabilia Aristotelis missa regi Alexandro: Cela secreta, loquere pauca, verax esto etc.", и статьи о медицинскихъ свойствахъ растеній.

№ 104 (Ups. C. 524)—„Liber de tribus regibus beatis" XIV в., на пергаменѣ, содержитъ 49 главъ—повидимому, оригиналъ „Повѣсти о трехъ короляхъ волхвахъ", которая издана нами въ Пам. Древн. Письм. CL, 1903 г., по бѣлорусской рукописи к. XV в. Императ. публ. библ. Q. I. 391; хотя составители Отчета и не приводятъ выписокъ изъ латинской повѣсти, однако, одинаковое (49) число главъ дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ высказанное выше предположеніе (см. также ст. проф. Е. Ѳ. Карскаго, Западно-русскій сборникъ XV вѣка, Сб. отд. р. яз. и слов. т. LXV и „Извѣстія" 1897, кн. 2).

Второй отдѣлъ Отчета содержитъ описаніе книгъ печатныхъ, но съ приписками, сдѣланными владѣльцами и читателями. Участники

экспедиціи отмѣтили всё, что сколько-нибудь относится къ Польшѣ и ея культурной жизни, мы же остановимся на немногихъ книгахъ, интересныхъ по возможности предположенія о вліяніи на старинную русскую письменность. Прежде всего остановимся на указанныхъ въ этомъ отдѣлѣ виршахъ:

№ 125 (Ups. 68: 391)—въ небольшой книжкѣ „De Sacramento Eucharistia“ 1527 г. въ концѣ вписаны польскія вирши половины XVI в.—„Cantio valde pulchra“, начинающіеся словами: „Mądrosć ojca wszechmocnego Chrystu son wieczny syn jego“ и т. д., и затѣмъ—„Cancio de Jesu Christo“, начинающееся: „Racz ukazać miły Panie nad nami swoje zmiłowanie“...

№ 126 (Link. bez sygnatury)—въ книгѣ Philelphi Francisci Epistolae... 1506 г. „Cantio pulchra“: „Już słońce padło, ciemno nadchodzi etc. (J. Kochanowskiego, Dzieła wszystkie, wyd. pomnikowe I, str. 288).

№ 127 (Ups. 49:274)—на книгѣ Jana Brenti Catechism, 1556 г.—стихотв. Кохановскаго, второй полов. XVI в.

№ 138 (Ups. Inc. 34: 77), на верхней доскѣ переплета сатирическое стихотвореніе противъ іезуитовъ, къ сожалѣнію, не приведенное въ Отчетѣ, и стихотвореніе (латинское же) на смерть кн. Димитрія Вишневецкаго.

№ 192 (Stockh. K. Bibl., bez sygn.)—томъ изъ двухъ старопеч. книгъ 1518 и 1521 гг., на пергам. оберткѣ, внутри—вирши.

Цѣлый рядъ альманаховъ и календарей—см. подъ № 136 (Ups. Q. q. VI. 3) Almanach novum Petri Pitati Veronensis Mathematici, 1542 г.; № 141 (Strängn. T. 380), Almanach nova plurimis annis venturis inservientia per Joannem Stoefflerinum Justingensem... (до 1504 г.); № 150 (Ups. 34. VII. 69 = incunab. 1369) Almanach nova... 1499 г.; № 180 (Ups. Observ. Coll. Hjörter G. I. 51) Calendarium Romanum Magnum... Stoeffler'a, 1518 г.; № 181 (Ups. Observ. Coll. Rec. K. 269) Ephemerides sive Almanach perpetuum, 1498 г., тутъ же приплетены рукописи астрологическаго содержанія к. XV и н. XVI в. и Opusculum astrologicum Joannis Schoneri Carolostadii 1539 года; наконецъ, № 200 (Ups. Q. q. 373) Petri Pitati Almanach novum 1542 г.

Мы перечислили эти альманахи не напрасно: вопросъ о происхожденіи различныхъ и довольно многочисленныхъ астрологическихъ статей въ русскихъ рукописяхъ XVII в.—далеко не можетъ считаться порѣшеннымъ, и, можетъ быть, приведеніе въ извѣстность ста-

рыхъ латинскихъ календарей и альманаховъ, печатавшихся въ Венеціи и разныхъ городахъ Германіи, будетъ далеко не лишнимъ.

Чтобы покончить съ этимъ отдѣломъ Отчета, упомянемъ о записи, указывающей на цѣну книги „Πλουτάρχου Παραλληλα ἐν βίοις Ἑλλήνων τε καὶ Ῥωμαίων“ Basileae, 1533 г., № 187 (Ups. F. I. 2, 27): „Hunc librum emi *duobus taleris 6 gross.* Wratislawia apud Winclerum Anno Domini 1549, quart. Calend. Augusti“ — матеріалъ интересный для характеристики отношенія въ старой Польшѣ къ греческой книгѣ.

Въ отдѣлѣ *третьемъ* описаны рукописи различнаго содержанія, написанныя въ XVI и XVII вв. и преимущественно заключающія въ себѣ произведенія польскихъ авторовъ, касающіяся литературы, исторіи церкви, богословія, математики, права и экономики, а также тутъ описаны и каталоги старинныхъ польскихъ библіотекъ, завезенные вмѣстѣ съ послѣдними въ Швецію. Изъ 97 рукописей этого отдѣла— коснемся немногихъ:

№ 217 (Ups. V. 280), рукопись XVII в., заключающая въ себѣ „школьную іезуитскую драму безъ начала перваго акта, на латинскомъ яз. съ нѣмецкими прологами“. Описатель охарактеризовалъ эту рукопись (вшитую между прочимъ въ листъ печатной ц.-сл. книги) какъ не имѣющую значенія (bez wartości), что едва ли справедливо— послѣ изслѣдованій проф. В. Рѣзанова о значеніи театра іезуитовъ для исторіи южнорусской школьной драмы.

№ 218 (Ups. R. 380)—„Tragaediae Scripta“ около 1600 г.; это— сборникъ іезуитскихъ пьесъ изъ Познани, о чемъ свидѣтельствуетъ надпись на первомъ листѣ: „Collegii Posnaniensis Societatis Jesu“. Участникамъ экспедиціи не удалось видѣть этой рукописи. По описанію O. Wieselgren'a въ „Historische Monatsblätter für die Provinz Posen“ XII, № 3, 1911 г., стр. 33—40—это прекрасно переплетенный томъ, содержащій 10 пьесъ: 1) Odostratocles, drama comicum; 2) Faelicitas, Tragaedia; 3) Philopater seu Pietas, drama comico-tragicum; 4) Eutropius, Tragaedia; 5) Mauritius, Tragaedia; 6) Belisarius, Tragaedia; 7—9) fragmenta или драмы безъ названій; 10) De vita aulica dialogus. Можно думать, не есть ли послѣдній—упоминаемая нами пьеска по рукоп. И. П. Библ. въ серіи „Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра“, гл. V, стр. 22 (Aulicus, Puer, Dominus, Cocus)?

№ 219 (Ups. C. 698)—Сборникъ XVI в., въ немъ нѣсколько любопытныхъ статей, невольно напоминающихъ намъ русскія аналогич-

наго содержанія и вызывающихъ вопросъ: въ какомъ отношеніи стоятъ русскія статьи къ нижеслѣдующимъ латинскимъ? Эти же послѣднія—таковы: 1) Aeneae Silvii carmen sapphicum ad Christi passiones contemplandas a. 1557; 2) Dominici Mancini De passione Domini Nostri Jesu Christi, спис. 1520 г.; обѣ эти статьи являются параллелью къ стариннымъ украинскимъ виршамъ на Воскресеніе и Страсти Христовы, среди коихъ видное мѣсто принадлежитъ брошюрѣ свящ. Волковича „Размышленіе о мукѣ Христовой“ 1633 г. и стихотворному же произведенію о томъ же—въ одной изъ рукописей Кіево-Софійскаго собора. Кромѣ того—3) „Publii Fausti Andrelini elegia in festivitatem Natalis Dominice“ 1520 г. — небезынтересная параллель къ стариннымъ украинскимъ виршамъ на ту же тему и 4) „Magistri Pauli Crosnensis Rutheni de infernorum vastatione et Triumpho Christi“ (изд. Kruczkiewicz, Crakoviae 1887, p. 136—144)—прямо имѣетъ непосредственное значеніе при изученіи пьесы „Слово про збуренне пекла“, нѣкогда изданной Г. Франкомъ. Вѣроятно, послѣднее скорѣе всего восходитъ именно къ подобному средневѣковому латинскому произведенію, а не къ извѣстному въ славянорусской литературѣ „Слову о сошествіи во адъ Іоанна Предтечи“, усвояемому то Евсевію Александрійскому, то — Емесскому, то Самосатскому, ни одному изъ нихъ не принадлежащему, хотя и переведенному съ греческаго (см. части этого слова у Миня Patrol. curs. compl. Series graeca, sub *Euseb. Alex.* et *Emes*). Вопросъ интересный и требующій детальнаго изслѣдованія.

№ 145 (Stockh. K. Bibl. Collectio Engeström B. X. 1. 65) содержитъ извлеченія изъ различныхъ астрологическихъ предсказаній к. XVI—н. XVII вв., повидимому принадлежащихъ „Joanno Latocinio“: это не кто иной, какъ Янъ Лятошъ, изъ Кракова, разошедшійся съ Краковскими университетскими учеными по вопросу о календарѣ и нашедшій себѣ убѣжище при дворѣ князя Константина Острожскаго, гдѣ собралось интересное общество ученыхъ свободомыслящихъ и ортодоксовъ, представителей всѣхъ исповѣданій—католическаго, православнаго и кальвинскаго. Между прочимъ—экспедиціей отмѣчено много рукописей и книгъ, относящихся къ исторіи кальвинизма въ Польшѣ, а онъ особенное значеніе имѣетъ для историка украинской литературы к. XVI и н. XVII в., будучи одною изъ побудительныхъ причинъ къ созданію новыхъ литературныхъ памятниковъ.

№ 251 (Ups. T. 374), рукопись 1551 г. и отрывокъ печ. книги—1532 г. о заклинаніяхъ; памятники той же категоріи, что и соот-

вѣтствующія главы въ „Требникѣ“ 1640 г. изд. въ Кіевѣ по повел. митр. П. Могилы. Главы о заклинаніяхъ бѣсовъ, взятыя едва ли не изъ латинской церковной литературы, перепечатаны изъ него въ видѣ приложенія къ гл. XVI—XXIV первой серіи нашихъ обзоровъ.

№ 252 (Ups. T. 336)—интересный сборникъ назидательныхъ и аскетическихъ статей на польск. яз. съ слѣдами украинскаго писца (pres вм. przez, mira вм. miara), рукоп. XVI—XVII вв.

№ 302 (Stockh. K. Bibl., Bibliografi)—рукописный каталогъ книгъ библіотеки короля польскаго Сигизмунда Августа 1545—1553 годовъ. По этому каталогу въ библіотекѣ было 164 тома in folio, 33 тома in 4°, 96 томовъ in 8°; польскихъ авторовъ—не было. Интересно, не было ли въ этомъ каталогѣ упоминанія о ц.-сл. и русскихъ книгахъ.

Заканчивая обзоръ этого отдѣла, упомянемъ, что въ портфелѣ № 250 (Ups. K. 30, а старая сигнатура—№ 143)—собраніе разрозненныхъ и непереплетенныхъ документовъ XVII в., изъ коихъ нѣкоторые имѣютъ значеніе для исторіи социніанъ въ Польшѣ и Руси и для исторіи козацкихъ движеній въ первой полов. XVII в.

Отдѣлъ *четвертый* могъ бы быть самымъ интереснымъ для насъ въ разсматриваемой книгѣ: здѣсь описаны русскія рукописи, найденныя экспедиціей. На дѣлѣ же упомянутыя здѣсь немногочисленныя рукописи имѣютъ значеніе довольно скромное въ ряду другихъ, хотя и приносятъ читателю нѣчто новое. Къ древнерусской письменности относятся слѣдующія четыре рукописи:

№ 312 (Ups. Slav. 61)—десять тетрадей въ листъ, бумага XVIII в.,—„Отца Н. Еромонаха Сѵмеона Полоцкаго Словникъ полоно-славенскій“ безъ конца; начинается съ „А“, кончается „misiurka—шлемъ“.

№ 313 (Ups. Slav. 34)—Исторія о Мелусынѣ XVII в., „изъ немецкого на полскій и с полского на славено-россійскій языкъ недавно преведена“. Въ концѣ книги болѣе сложная исторія перевода: „Сію гисторію совершити ажъ с французкаго языка на латински приведену бысть лѣта отъ воплощения господня ҂аѵ, нынѣж с немецкаго на полски преведена лѣта господня ҂афѯ, а нынѣ з полскаго на славено россійскій языкъ преложена“. У Эстрейхера, Bibliografia polska отмѣчено это, погибшее изданіе 1569 года.

№ 314 (Ups. Slav. 35)—списокъ съ печатнаго изданія М. 1712 г. „Апофеегмата, то есть краткихъ витіеватыхъ и нравоучительныхъ рѣчей книги три“, XVIII в., интересный тѣмъ, что русскій текстъ занимаетъ лѣвую страницу, а на правыхъ страницахъ—нѣмецкій пе-

реводъ. Не трудъ ли это маг. І. В. Пауса, о коемъ см. наши Изслѣдованія и матеріалы, т. III.

№ 315 (Ups. Slav. 26, 27, 28)—три тома въ переплетахъ, рукописи XVII в. разныхъ почерковъ, полууставомъ—„Кроника..... Матѳея Осостевиціуса Стріковского, доволно полскимъ языкомъ написана, сложена и на первый свѣтъ со испытаніемъ истинно доводной древности свойственнымъ изобрѣтеніемъ, великимъ остроуміемъ и иждивленіемъ вновѣ воздвигнута чрезъ всѣ древніе вѣки ажъ до настоящаго 1582 году..... Печатана на полскомъ языкѣ въ Кюнигсбергѣ у Георгія Остербергъ 1582 году а по словенороссійски переведена въ Москвѣ". Далѣе приписка: „въ посолскомъ приказѣ, его же роздныхъ перевощиковъ власные руки здѣ обрѣтаются, которые сами сію славную книгу перевели по приказу царя Алексѣя Михайловича". На первомъ листѣ—запись владѣльца книги: „Сіею книгою меня пожаловалъ бояринъ и Казанскій воевода князь Іванъ Івановичъ Голицынъ въ Москвѣ лѣта отъ воплощенія Божья Слова ҂ахпє (1685) к҃ іюня мѣсяца. Іоанн Гаврил Спарвенфидъ. I. G. Sparwenfild".

Въ *пятомъ* отдѣлѣ Отчета сгруппированы данныя о новѣйшихъ рукописяхъ историческаго содержанія. Въ этомъ отдѣлѣ мы отмѣтимъ немногое, относящееся къ исторіи Москвы и Украины и отдѣльныхъ ея дѣятелей.

№ 331 (Stockh. R. Ark. Polska Arkivet)—письма къ королю Сигизмунду III, среди коихъ Іереміи Могилы (1595—1597 и 1599, 13 шт.), кн. Конст. Острожскаго (1596). Срв. № 341—къ еп. Куявскому.

№ 334 (Stockh. R. Ark. Skokloster Samlingar, fol. № 335a, Polsk. manuscr.)—Московскія дѣла 1609, 1610 и 1611 гг.

№ 335 (тамъ же, 4°, № 11), нач. XVII в.—о дѣлахъ, относящихся къ выбору королевича Владислава на Московскій тронъ 1611—1612 г.

№ 338 (тамъ же, fol. № 334, Polsk. manuscr.)—Московскія дѣла за 1605—1620 и нѣсколько актовъ 1634 и 1644 гг.

№ 356 (Bibl. bar. Carl Carlson Bonde w Eriksberg)—документы о козацкихъ дѣлахъ 1651 г., между прочимъ оригиналъ письма А. Конецпольскаго 11-го іюня изъ-подъ Берестечка, гдѣ произошло неудачное для козаковъ сраженіе, описанное въ извѣстной виршѣ, открытой П. И. Житецкимъ.

№ 357 (Stockh. R. Ark. Skokloster. Samlingar, fol. № 337)—документы о войнахъ московскихъ при Сигизмундѣ III и о козакахъ 1648—1649, письма и донесенія.

№ 362 (тамъ же, fol. № 341)—сборникъ оригин. писемъ, среди коихъ—М. Калиновскаго къ Адаму Киселю, воев. Кіевскому, 15 мая 1652 г.

№ 363 (Stockh. K. Bibl. Polonica, безъ №)—сборникъ писемъ, документовъ и пр. главнымъ образомъ 1672, 1673 и 1674 гг., среди коихъ—нѣсколько писемъ царя съ отвѣтами короля.

№ 364 (тамъ же, безъ №)—пакетъ разныхъ бумагъ, среди нихъ копія „Relatio gloriosissimae victoriae Ser. Joannis Casimiri Poloniae et Sueciae Regis de Hano Krimensi rebellibusque Kosacis et foederatis die XXX mensis Junii A. D. 1651 apud Beresteczko obtentae“, на 6 листахъ.

Шестой отдѣлъ содержитъ въ себѣ описаніе старопечатныхъ книгъ, нѣкогда увезенныхъ изъ Польши въ Швецію. Это описаніе тѣмъ болѣе интересно, что заключаетъ въ себѣ рядъ книгъ до сихъ поръ совершенно неизвѣстныхъ библіографамъ и историкамъ польской литературы, или, если и извѣстныхъ, то только по заглавіямъ. Весь собранный экспедиціей громадный матеріалъ не вошелъ въ Отчетъ: приведены и описаны лишь книги совершенно доселѣ неизвѣстныя, а также хотя и описанныя Эстрейхеромъ, но неточно. Мы же не будемъ перечислять здѣсь даже уники, а назовемъ лишь самое важное для насъ, а именно только то, что имѣетъ болѣе близкое отношеніе къ памятникамъ старинной украинской литературы.

№ 16 (Ups. 65. 144)—„Summariusz nauki Chrześciańskiey“ кард. Беллярмина, Краковъ 1611 г., 12°, съ приложеніемъ Pieśni dla katechismu.

№ 48 (Ups. Pedagogik)—De civilitate morum puerilium per D. Erasmum Roterdamum libellus...., повидимому, изданіе Шарфенберга въ Краковѣ; 8°, 1535 г.; здѣсь—также „Catonis disticha“, Cr. 1535.

№ 65 (Ups. 65. 209) „Historie męki Pana naszego Jesu Krista“... 1557 г., по утвержденію г. Е. Барвинскаго, изъ типографіи Вижбенты. Памятникъ любопытный для исторіи славянскихъ „Страстей“.

№ 72 (Ups. 65. 233) Katechizm zborów ewangielickich litewskich, Несвижъ 1563 г. Особенно интересна эта небольшая книжка тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ рядъ виршъ: „piosnki według rozdziału katechizmowego, o Zborze świętym, o wyznawaniu grzechów y kaianiu się ich, piosnki pospolite o sprawach y postępkach Zbawiciela naszego, piosnki o Synu Bożym i dobrodziejstwach jego, o pilnym słowa Bożego słuchaniu, o pokuszeniu, o małżeństwie świętym, o śmiertelności, o sądnym dniu, piosnka w którey się zamyka summa wszytkiego pisma

świętego". Составитель описанія справедливо замѣчаетъ, что по сравненію съ катехизисомъ русскимъ Мацея Кавечинскаго, Шимона Будного и Лаврентія Кжишковскаго, напечатаннымъ въ Несвижѣ въ 1562 г., оказывается, что польскій и русскій катехизисы, хотя и созданы одною средою, однако совершенно независимо одинъ отъ другого. Польскій катехизисъ представляется скорѣе канціоналомъ, чѣмъ катехизисомъ въ собственномъ смыслѣ слова. Слѣдующій—

№ 73 (Ups. 65. 232) Katechizm...., также евангелическаго происхожденія, отпечатанный въ Вильнѣ, въ 1594 г.—приблизительно такого же состава, что и выше упомянутый № 72, съ добавленіемъ: „piosnki duchowne o świętych Bożych, przy obieraniu Ministrów, pieśni pospolite". Такимъ образомъ изъ сопоставленія Несвижскаго и Виленск. катехизисовъ видно, что въ послѣднемъ есть почти все, что въ первомъ, съ небольшими пропусками, но и съ значительными добавленіями. Пѣсни, находящіяся въ Катехизисахъ 1563 и 1594 гг., любопытны потому, что представляютъ своеобразный продуктъ религіозно-полемическаго творчества; въ этомъ отношеніи польскія пѣсни, повидимому, какъ можно догадываться, дали толчекъ къ созданію аналогичнаго сборника—православнаго. Разумѣемъ вирши похвальныя и обличительныя на аріанъ, сохранившіяся въ рукописи конца XVI или самаго начала XVII в. Кіево-Михайловскаго монастыря и изданныя съ изслѣдованіемъ о нихъ С. А. Щегловой (Пам. Др. Письм. 1913 г.).

№ 75 (Ups. V. Mus. 889)—Passio Domini nostri Jesu Christi... Cracoviae 1609 г.—книга, интересная для исторіи нашихъ „Страстей"; срв. № 128 (Ups. Teol. Liturgik)—Passio... 1578 г. Coloniae.

№ 82 (Ups. Teol. Liturgik, Rituarier, Polska)—„Harfa duchowna" Marcina Laterny, экземпляръ дефектный, но замѣчательный тѣмъ, что не сходится ни съ однимъ изъ описанныхъ у Эстрейхера; w Krakowie, 1592. Сборникъ этотъ—любопытный продуктъ творчества оо. іезуитовъ, стремившихся, не ограничиваясь голословными запрещеніями народныхъ и безыскусственныхъ религіозныхъ пѣсенъ, замѣнить ихъ своими, написанными въ согласіи съ серьезными требованіями богословія и хорошаго вкуса.

№ 84 (Skokl. II. 33—251)—къ сожалѣнію, только титульный листъ лѣчебника 1639 г. на польскомъ языкѣ. Эти лѣчебники необходимо имѣть въ виду интересующимся исторіей русскихъ таковыхъ же въ XVII в.

№ 97 (Ups. Litter, slavisk, polsk, 1650)—Modlitwy z Doktorów SS. wedlug *ś. Wschodniey Cerkwie* zebrane.... Въ Вильнѣ 1650 г.—изда-

ніе, любопытное для историка вѣроисповѣдной борьбы въ XVII в.; см. и № 164 (тамъ же).

№ 104 (Skokl. I. 46—440) Catonis praecepta moralia de institutis vitae communis.... Rithmis germanicis recens reddita.... 1597 г.—изданіе важное для исторіи тѣхъ сборничковъ пословицъ и изреченій, которые встрѣчаются довольно обычно при рукописныхъ учебникахъ реторики, сохранившихся отъ старинныхъ польскихъ и южнорусскихъ школъ.

№ 129 (Ups. 6. 209)—первое и до сихъ поръ неизвѣстное изданіе сборника проповѣдей (польскихъ): „Postilla polska, to iest Lekcie, Epistoły y Ewangelie Niedzielne.... przez cały rok.... W Krakowie 1557 г.". Второе изданіе Postilli—1561 г. извѣстно по единственному экземпляру библіотеки Оссолинскихъ во Львовѣ, третье—1572 г., у Оссол. и въ библ. Краков. унив. Эти и другія Постиллы были для польскаго читателя тѣмъ же, чѣмъ для русскаго и православнаго—Учительныя Евангелія. Изучая послѣднія въ многочисленныхъ украинскихъ рукописяхъ, нельзя миновать вопроса объ отношеніи ихъ къ польскимъ Постилламъ, особенно въ XVI—XVII вв., въ Южной Руси. Доказательства близости см. въ отрывкахъ изъ украинскихъ Учительныхъ Евангелій, напечатанныхъ нами въ „Отчетахъ" объ экскурсіяхъ въ Полтаву и Екатеринославъ, въ Житомиръ и въ Петербургъ. И если, напримѣръ, Кириллъ Транквилліонъ Ставровецкій въ своемъ Учительномъ Евангеліи 1618 г. шелъ за восточными, православными проповѣдниками, то отнюдь нельзя того же сказать о разнообразныхъ рукописныхъ Учительныхъ Евангеліяхъ указанной эпохи.

Въ заключеніе упомянемъ о любопытномъ сборникѣ печатныхъ, большею частью юмористическихъ, брошюръ XVII в., числомъ 20—№ 153 (Stockh. K. Bibl. Litt. Polsk. Wiersz. Krönika år 1617).

Не касаемся древнееврейскихъ печатныхъ книгъ, описанныхъ въ отдѣлѣ седьмомъ. Отчетъ заключается указателемъ собственныхъ именъ, составленнымъ весьма тщательно. При описаніи старопечатныхъ книгъ и рукописей—всегда тщательно указывается форматъ, мѣсто печати или написанія, время; иногда приводятся изъ униковъ выписки. Мы замѣтили лишь очень немного погрѣшностей, большею частью корректурнаго характера.

VI.

Недавно вышелъ послѣдній выпускъ II-го тома Каталога рукописей Музея кн. Чарторыскихъ въ Краковѣ. До сихъ поръ, такимъ обра-

зомъ, описано въ I-мъ и II-мъ томахъ 1681 рукопись, изъ числа принадлежащихъ Музею, т. е. всего часть этого богатѣйшаго собранія [1]), Славянорусскія рукописи, среди которыхъ находится иллюстрированное Лавришовское Евангеліе (о немъ см. изслѣдованіе г. Свѣнцицкаго въ Изв. отдѣл. русск. языка и словесн. Импер. Академіи Наукъ 1913 г.)—пока не затронуты составителями описанія. Однако и среди польскихъ и латинскихъ рукописей можно найти нѣчто небезынтересное для историка русской литературы, находившейся въ XVI—XVII вв. въ близкомъ соприкосновеніи съ польской.

Мы не будемъ касаться многочисленныхъ рукописей, содержащихъ историческіе матеріалы, относящіеся къ исторіи польско-русскихъ отношеній указаннаго времени и къ исторіи козацкихъ войнъ. Здѣсь судья—историкъ, который найдетъ для себя нужное. Ниже отмѣтимъ только относящееся къ нашей области, а также иногда и къ церковной исторіи въ Южной и Западной Руси.

Прежде всего перечислимъ *славянорусскія* рукописи, описанныя въ лежащихъ передъ нами первыхъ двухъ томахъ „Каталога". Это—№ 1270, Евангеліе въ листъ, написанное въ Орлѣ (w Orle miasteczku) 21-го мая 1618 г. „lingua ruthenica". Далѣе № 1271—Бесѣды Іоанна Златоустаго, Василія Великаго, Калликста патріарха, Іоанна Дамаскина и другихъ „lingua ruthenica scriptae", въ листъ, XVII в.; № 1272—рукопись того же времени и того же содержанія. № 1273—содержитъ кн. Эздры (часть), описаніе посольства Герберштейна въ Москву (на какомъ языкѣ?), Хронику свѣта Слейдана и сочиненіе Ипатія Потія о соединеніи церквей, посвященное Скумину, 1598 г. Хронику Слейдана находимъ и въ рукописи № 1417 („Книга глаголемая космографія"...), конца XVI или начала XVII в. Подъ № 307—южнорусская грамота, пергаменная, относящаяся къ половинѣ XVI в.: дворянство браславское проситъ короля Стефана сохранить за нимъ право получать письма изъ королевской канцеляріи *на русскомъ* языкѣ; въ

---

[1]) Editionum Musei Czartorysciani Cracoviensis № 1. Catalogus Codicum manuscriptorum Musei Principum Czartoryski Cracoviensis. Edidit Dr. *Josephus Korzeniowski*. Cracoviae 1887, 8°, fasciculus primus 1—438, 96 стр.; fasciculus secundus 1888, 439—603, стр. 97—178; fasciculus tertius 1891, 604—728, стр. 179—272; fasciculus quartus, 1893, 730—917, стр. 273—385.

Catalogus..... scripsit Dr. *Stanislaus Kurtzeba*, Cracoviae. Volumen II, fasciculus primus, 8°, 1909, 913—1092, стр. 1—96; fasciculus secundus, 1910, 1093—1376, стр. 97—192; fasciculus tertius, 1911, 1377—1624, стр. 193—288; fasciculus quartus, 1913, 1625—1671, стр. 289—385.

этомъ же сборникѣ и другія южнорусскія рукописи; таковыя же см. въ № 1170.

Изъ рукописей, относящихся къ исторіи западной и южной русской церкви, отмѣтимъ: въ № 96—рѣчь къ русскимъ епископамъ секретаря папы въ 1595 г.; № 602—Сочиненіе о брестской уніи на латинскомъ языкѣ, списокъ XVIII в.; № 738 и 739—матеріалы по исторіи уніи, отчасти исчерпанные ксендзомъ Ликовскимъ (Dzieje kościoła unickiego, 1880); въ № 1625—письмо грека Петра Аркудія 1604 г., сотрудника Ипатія Потія; № 1657—сочиненіе „Errores et vitia communia vladicarum unitarum cum disunitis, per Cassianum Sakowicz conscripta“ XVII в.—одного изъ талантливыхъ, но неустойчивыхъ дѣятелей церковныхъ на Украинѣ, измѣнившаго православію въ пользу уніи, и уніи—въ пользу католичества. №№ 751—761 содержатъ документы XVII и XVIII вв. къ исторіи диссидентовъ въ Польшѣ. № 838—Списокъ отнятыхъ уніатами у православныхъ церквей и монастырей, составленный и подписанный архіепископомъ Бѣлорусскимъ Георгіемъ Конискимъ въ 1765 г. Въ № 318 и 312 оригинальныя письма кн. Константина, Александра и Януша Острожскихъ 1590-хъ гг. Значительное количество документовъ мы отмѣтили о кіевскомъ воеводѣ Адамѣ Киселѣ: завѣщаніе его № 163, письма отъ него и къ нему № 1652, № 402; пасквиль на него на латинскомъ языкѣ, первыхъ лѣтъ XVII в., № 127. Въ упомянутомъ № 402, XVII в.—письма Петра Дорошенки, Павла Тетери, Ивана Выговскаго, Богдана Хмельницкаго; № 418, 423, 827 (1670 г.) письма П. Дорошенки; о немъ см. въ № 1376, также о Сиркѣ, Юріи Хмельницкомъ; № 1656, 1657—письма Б. Хмельницкаго и къ нему. Въ № 844—письма на русскомъ языкѣ гетм. Брюховецкаго, кіевскаго архим. Велюбовича-Тукальскаго къ Ханенку, грамоты царя Алексѣя Михайловича, столбцы, письма козацкой старшины 1651—1671 гг.; № 394—письмо Ив. Выговскаго, дневникъ путешествія Адама Киселя въ Брацлавъ; № 539, № 1668—письма козацкой старшины. № 1585—документы по исторіи Россіи 1075—1672 гг., извлеченные изъ Ватиканскаго архива, на латинскомъ, итальянскомъ и польскомъ языкахъ. № 122—Лѣтопись русская, написанная латинскими буквами, до 1629 г., XVIII в.; № 934—переписка еп. Виктора Садковскаго 1757—1789 гг. съ митр. Самуиломъ Миславскимъ и другими духовными лицами; о немъ же — № 949. Помимо перечисленнаго, въ названныхъ двухъ томахъ Каталога упоминается много историческаго матеріала — о первомъ Самозванцѣ, о московскихъ царяхъ, объ эпохѣ Петра Ве-

ликаго и XVIII вѣка: разнообразныя донесенія дипломатовъ, договоры и т. п.

Обращаемся къ старшимъ *пергаменнымъ рукописямъ* латинскимъ и польскимъ; онѣ таковы: № 1414—Chronica Bohemica, XIV в., съ миніатюрами; № 1418—Статутъ о польскихъ короляхъ 1449 г.; № 1441—Институціи Юстиніана XIII в.; № 1498—того же вѣка—Antidotarius universalis; № 1501—того же времени, медицинское сочиненіе Абубекра Араза; № 1197—Библія 1415 г. съ миніатюрами; № 1207—Евангеліе XI в., со многими миніатюрами; № 1211—Бревіарій и Календарь XV в., съ миніатюрами; № 1212—Pontificalis ordinis liber, XVI в.; № 1216—Calendarium и Бревіарій XIII в.; № 1309—Martini Poloni Chronica, XIII в.; № 1552—Calendarium и Missale XIII в. Подъ № 1269 хранится замѣчательная польская Пулавская Псалтирь XVI в. (изд. 1880 г.).

Переходя къ рукописямъ бумажнымъ, мы прежде всего остановимъ наше вниманіе на содержащихъ поэтики и реторики: № 1445, XVIII в. поэтика и реторика; № 1446, тоже, XVII в. Сарбѣвскаго; № 1555—реторика к. XVII в. (variae sententiae и пр.), написанная въ Ряшевѣ въ 1693 г. „Josepho Tyxinski". За симъ—перечислимъ рукописи, въ которыхъ встрѣчаются различныя стихотворенія на латинскомъ и польскомъ языкахъ. Укладъ жизни Польши и Литвы въ XVI—XVIII вв. содѣйствовалъ процвѣтанію политическаго стихотворства, начиная отъ панегириковъ, эпитафій, эпиграммъ, посвященій, элегій, до самой острой и ядовитой сатиры на явленія политической и частной жизни. Слабымъ откликомъ этой своеобразной виршевой литературы является таковая же на Украйнѣ. И тамъ—первые опыты стихотворнаго искусства начинаются въ XVI в. съ виршъ на гербы выдающихся политическихъ дѣятелей; позже вырастаетъ обширная литература панегириковъ, переходящихъ въ XVIII в. въ напыщенное пустословіе; религіозная пѣсня и свѣтская и опыты, грубой правда, сатиры—все это вырастаетъ не самостоятельно, а подъ воздѣйствіемъ аналогичныхъ явленій польской литературы, почему эта послѣдняя для пониманія и объясненія украинской ученой и простонародной поэзіи имѣетъ важное значеніе. Въ библіотекѣ музея Чарторыскихъ хранится масса рукописей, содержащихъ въ себѣ, между другими остатками старины, также и стихотворенія. Перечислимъ эти рукописи—если не всѣ, то хотя часть ихъ: №№ 82, 102, 143—„Carmina polonica"; № 173, 421—польское стихотвореніе на смерть царя Алексѣя Михайловича; № 144, пасквиль на миръ съ козаками, 1649 г.; № 150—Епитафія Б. Хмель-

ницкому на лат. яз.; № 190—„Lament strapionej ojczyzny“ 1697 г., встрѣчающійся кромѣ того во многихъ другихъ рукописяхъ; № 196—сатирическое стихотвореніе 1702 г. „Epiphania w Polsce“; въ № 197—также сатирическое стихотв.; № 339—Epitaphium на польск. яз. кн. Константину Острожскому; № 338, 339 и 340—стихотворенія политическія и діалоги въ стихахъ; № 350—Епитафія кн. Самуилу Корецкому; № 362—различныя польскія стихотворенія, политическія и любовныя, XVII—XVIII вв.; № 377—„Silwa rerum“ съ массою стихотвореній XVII в., среди которыхъ—Duma Ukrainna, Raki, Lament chłopski и др. Въ № 378—Różne ucieszne wiersze“ первой половины XVII ст.; № 417—эпитафіи польскимъ замѣчательнымъ людямъ XVII в.; № 439—политическія стихотворенія XVII в. на польск. яз.; въ №№ 440 и 442—Lament wolności polskiej, Lament ziemianina и друг. стихотв. XVII—XVIII вв.; № 444—сатирическія стих. XVII в.; № 530—пасквили и политическія стихотвор. к. XVII и начала XVIII в., тоже и въ № 570; политич. стихотворенія XVIII в.—въ №№ 525, 526, 528, 532, 533, 536, 537, 540, 545, 555,—тутъ же встрѣчаются и сатирическія и др. стихотв.; въ №№ 584, 602, 707, 828, 829, 830, 838, 848—такія же стих. XVIII в. Въ № 852—документы, относящіеся къ Волыни на русскомъ языкѣ, а затѣмъ стихотворенія на русскомъ же (малорусскомъ?) объ уманской рѣзнѣ. Въ № 853—стихотворенія на польскомъ яз. к. XVII—н. XVIII в. и рѣчи Шереметева предъ папой; № 854—XVIII в., политическія и другія стихотворенія; аналогичныя—въ №№ 856, 862 того же времени; сатирическіе стихи и пасквили—въ № 863 и 865, XVII—XVIII вв.; любовные и политич. к. XVIII в. въ № 938; пѣсня „Отъ я козакъ зъ Украины“ съ музыкою—въ № 965, того же времени; политич. и другія стихотворенія XVII в. въ №№ 1168, 1180, 1461, 1455; поэма Вацл. Потоцкаго о страданіяхъ Христовыхъ 1679 г.—№ 1250; сатиры польскія 1606—7 гг. № 1368; политическія стихотворенія на лат. яз. XVII в.—№ 1374; тоже 1734 г.—№№ 1577, 1644, 1651, 1664, 1656, 1657, 1667, 1669—тоже, XVIII в.; Pieśń nabożna, эпиграммы и эпитафіи XVII в.—въ № 1627. Историческія, политич., любовныя стихотворенія XVIII в.—въ №№ 1681, 1673, 1674, 1676, 1679.

Изъ другихъ рукописей назовемъ немногія, содержащія то, что такъ или иначе можетъ представлять нѣкоторый интересъ для историка старинной русской литературы: въ сборникѣ № 783, 1729—31 гг., разные жарты и анекдоты, духовныя и свѣтскія—порою неприличныя—пѣсни, пасквили, пословицы. Въ № 793, XVIII в.—діалоги плебана съ при-

хожаниномъ; подобные діалоги были въ модѣ и въ XVII в., имъ подражалъ въ своихъ діалогахъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, пользуясь удобною формою непринужденной бесѣды. Въ № 1465—adverbia moralia, XVII в.; № 1256 содержитъ нравственныя разсужденія Софіи Одровонжъ 1555 г.—о танцахъ, исповѣди, молитвѣ и др. (см. Brückner, Literatura religijna, III, стр. 175); № 1467—Orationes pro Nativitate Christi, pro resurrectione Christi, XVII в.; въ № 1474 — комедія „Oszust czyli Oszukaniec", перев. съ русскаго 1786 г., № 1447—медицинская книга XV в., перев. съ чешскаго. Анекдоты находимъ въ № 1662, XVIII в.; въ № 1676—польскіе куранты, нач. XVII в.; они же встрѣчаются и въ другихъ рукописяхъ разсматриваемаго собранія.

Намъ остается сказать въ заключеніе нѣсколько словъ о характерѣ труда гг. Коженёвскаго и Кутшебы. Составленіе описаній, подобныхъ разсматриваемому—вещь утомительная. Требуется не мало терпѣнія и внимательности къ описываемымъ документамъ, и едва ли найдется ученый, который бы не допустилъ какихъ либо недосмотровъ. Поэтому, встрѣчая такіе куріозы, какъ напр. въ № 532 — „Codex Chartaceus saec. XVII", а дальше „diarium gestarum anni 1704", или въ № 1664 (II, стр. 348) датировку „a. 7757 (=2249!) для документа времени кор. Казимира и в. кн. Василія Васильевича,—не будемъ удивляться. Гораздо непріятнѣе систематически проведенное въ первомъ томѣ умолчаніе датъ писемъ (№ 574 и др.) и отсутствіе указаній, *на какомъ языкѣ* написанъ дошедшій до насъ документъ (напр. №№ 22, 66, 140, 227). За симъ — иногда сборники документовъ описываются весьма подробно и обстоятельно, занимая не одну страницу мелкаго шрифта (напр. № 1668 и др.), иногда же составители описанія ограничиваются *одною* строчкою: „continet 175 docum" № 1515 и т. п. (см. №№ 28, 29, 30—35, 37—43 и т. д.); описаніе сборника разнообразнаго состава, напр. № 1586, XVIII в.—занимаетъ всего *три* строчки! Сборникъ № 570, содержащій „miscellanea varia", описанъ на *двухъ* строчкахъ. Подобнаго рода лаконизмъ лишаетъ каталогъ главнаго достоинства всякой справочной книги: точности и полноты указаній въ немъ искать не приходится. Въ общемъ — второй томъ удобнѣе для справокъ: въ немъ документы, объединенные въ сборникахъ совершенно механически, классифицированы такъ, что сразу легко обозрѣть составъ сборника; но и здѣсь нѣтъ желанной полноты: часто натыкаемся на небрежное замѣчаніе описателя: „inter alia inveniuntur"—тѣ или иные интересные документы, „alia" же остаются попрежнему неизвѣстны (срв. № 1162 и др.).

VII.

Въ русской научной литературѣ какъ-то незамѣченнымъ остался трудъ д-ра Б. Цонева, посвященный описанію славянскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, находящихся въ Загребскихъ библіотекахъ [1]). Безспорно, многія изъ этихъ рукописей не представляютъ для ученыхъ прелести новизны: онѣ были изучены въ разныхъ отношеніяхъ Лескинымъ, Воскресенскимъ, Ягичемъ, Ильинскимъ, Сперанскимъ, Яцимирскимъ и др. славистами, но — въ отдѣльности и сообразно тѣмъ задачамъ, которыя ставилъ себѣ каждый. Въ цѣломъ же ихъ описалъ д-ръ Цоневъ и сдѣлалъ это не напрасно. Имъ описаны кирилловскія рукописи Югославянской академіи и Загребскаго университета, а также „Пейкичево Зарцало" 1715 г. Загребскаго каѳедральнаго собора.

Собраніе Югославянской академіи состоитъ изъ 140 нумеровъ рукописей; оно объединило три крупныхъ собранія: А. Михановича, Ст. Верковича и Кукулевича-Сакцинскаго. Эти собранія были отчасти описаны еп. Никаноромъ Ружичемъ (Михан.) и Гр. Ильинскимъ (Верковича). Большинство рукописей — духовнаго содержанія; изъ нихъ 32 [2]) — на пергаменѣ, остальныя — бумажныя; въ отношеніи древности—старшія XIII в.

Пергаменныя рукописи—слѣдующія: Псалтирь 8°, XIII в. болгар. ред. (III, a. 49); Псалтирь XIII в. серб. ред. 8°, (III, b. 1); Четвероевангеліе XIII в. 4°, серб. (III, c. 20); Евангеліе Тырновское 1273 г. 8°, перг. съ бумагой (III, a. 30); Евангеліе XIII в. болг., 4°, писано нѣсколькими почерками (III, b. 14); Евангеліе XIII в. серб. 8° (III, c. 1); Евангеліе XIII в. серб. 4° (III, b. 24); Евангеліе XIII в. серб. 4° (III, b. 22); Евангеліе XIII—XIV в. 4°, (IV, d. 12); Четвероевангеліе XIV в. серб. 4° (III, b. 23); Четвероев. XIV в. серб. 4° (III, b. 4); Четвероев. XIV в. 4° серб. (IV, d. 3); Четвероев. XIV в. болг., f°, Михановичево (III, c. 26); Четвероев. XIV—XV в. серб. 8° (III, b. 7): Четвероев. XIV в. серб. f°, (Мих. Ев. X); Апостолъ апракосъ XIII в., болг. 8° (III, a. 48); Апостолъ XIV в. на перг. съ бумагой,

---

[1]) Кирилски ржкописи и старопечатни книги въ Загребъ отъ д-ръ *Б. Цоневъ* (отпечатано отъ Сборника на Българската академия на наукитѣ, кн. I). София. 1912, 8°, 54 стр.

[2]) Авторъ описанія почему-то считаетъ 25, тогда какъ мы насчитали по его же указаніямъ—32 перг. рукописи, число коихъ, возможно, больше, такъ какъ при нѣкоторыхъ рукописяхъ не указанъ матеріалъ.

сербо-болг. ред. (III, a. 44); Апостолъ XIV в. серб. 4° (IV, d. 1); Апостолъ XIV в., серб. 4° (III, b. 17); Синаксарь къ Апостолу XIV в. серб. 8° (III, a. 31); Октоихъ XIII в., серб. f° (IV, d. 14); болгарскій Октоихъ Миханов. XIII в., 4° (III, b. 9); отрывокъ Октоиха XIII—XIV в. болгарск., 8° (III, a. 45); Октоихъ того же времени, болг. 8° (III, a. 46); Тріодь XIII в. серб. f°, съ поученіями, описанными постатейно (IV, d. 4); Тріодь постная XIV в. серб. f° (III, b. 18); Служебникъ XIV в. серб. 8°, частью на пергаменѣ, частью на бумагѣ (IV, d. 12); отрывокъ Служебника XIV в. серб. 8° (III, a. 29); Служебникъ XIV в. серб. 8° на пергам. и на бумагѣ (XVI в.) (III, a. 32); Требникъ XIV в. серб. 8° (III, a. 52); Прологъ XIV в. серб. f° (III, c. 6); Сборникъ словъ XIII в. серб. f° (III, c. 19); Кормчая (Иловацкая) 1261 г., серб., 4° (III, c. 9).

Число датированныхъ бумажныхъ рукописей—16, именно:

1370 г. Мѣсяцесловъ съ краткими житіями, 4°, серб., 309 лл., написанный въ теченіе трехъ мѣсяцевъ (III, b. 19).

1428 г. Апостолъ серб. 8° (III, b. 16).

1454 г. Служебникъ серб., 8° (III, a. 40).

1456 г. Метафрастъ, серб., f° (III, b. 20).

1469 г. Сборникъ Владислава грамматика, серб. 8° (III, a. 47).

1488 г. Ефремовы поученія XIV—XV в., серб., 4° (III, b. 12).

1520 г. Сборникъ, писанный въ Дубровникѣ (IV, a. 24).

1547 г. Служебникъ, серб. 8° (III, c. 25).

1567 г. Молитвенникъ (III, a. 25).

1570 г. Прологъ серб., сент.—мартъ, 8° (III, c. 8).

1572 г. Прологъ серб., іюнь—дек. f° (III, c. 14).

1602 г. Номоканонъ (III, a. 28 и III, a. 38).

1612 г. Панегирикъ серб. 8° (III, b. 21).

1623 г. Молитвословъ, серб. (III, a. 2).

1631 г. Псалтирь слѣдованная, серб. 16° (III, a. 14).

1676 г. Псалтирь слѣдов., серб., 16° (III, a. 12).

Другія датированныя рукописи—позднія и для насъ интереса по содержанію не представляютъ.

Что касается остальныхъ бумажныхъ рукописей, то, исключая новыя рукописи юридическаго характера и новыя копіи XIX в. со старыхъ рукописей,—имѣемъ слѣдующее:

Библія XVI серб., содержитъ Пятокнижіе, Іисуса Навина и Судей (III, c. 17); Псалтирь XVI в. серб. (форматъ?) ресавскаго извода (III, a. 3); Псалтирь съ Часословомъ, Мѣсяцесловомъ и Типикомъ XVI в.

(III, a. 24); Евангеліе XIV—XV в. 8°, серб. (III, c. 5); отрывокъ Евангелія-тетра серб. 8° (III, c. 11); Четвероевангеліе XV в. серб. 8° (III, a. 50); Четвероев. XV—XVI в. серб., 8° (III, c. 7); Четвероев. XVI в. серб. f° (IV, d. 7); тоже, XVI в. 8°, переплетено въ 1747 г. (III, b. 8); Апостолъ XV в. русско-болг. f° (III, c. 18); Октоихъ XVI в., ресав. правописанія (IV, d. 15); Тріодь цвѣтная XV в. серб. 8° (III, b. 26); Тріодь XVI в. и праздничная Минея XV в., серб.? (IV, d. 13); Служебникъ XIV в. отрывокъ, серб. (III, c. 2); Служебникъ XV в. серб. 8° (IV, d. 8); Служебника отрывокъ XVI в., серб., ресав., 4° (III, a. 21); Требникъ XVI в., серб. (III, a. 4); Часословъ XVII в., серб. (III, a. 11); Минея съ Прологомъ XV в. и Минея за декабрь, 4°, серб. (IV, d. 11); Прологъ XIV в. серб. f°, за дек.—авг. (III, c. 22); Службы святымъ XVII в. серб. (III, a. 39); Сборникъ праздничныхъ поученій XV в. серб., f° (IV, a. 9); Сборникъ житій и словъ XV в. серб. 4° (III, a. 43); Сборникъ разныхъ статей XVI в. серб. (III, a. 20); Книга назидательнаго содержанія (?) XVII в. серб. 16° (I, a. 13).

Составитель описанія ссылается на своихъ предшественниковъ и ограничивается самыми краткими замѣчаніями, главнымъ образомъ, о внѣшней сторонѣ рукописей. Что касается содержанія, то кромѣ названныхъ выше сборниковъ, представляютъ наибольшій интересъ слѣдующія рукописи: Сборникъ серб. XVIII в. (I, a. 22), въ которомъ есть житіе кн. Лазаря (новыя копіи того же житія въ рукоп. IV, c. 45 и III, a. 21); Лѣтопись сербская XVII в. (III, a. 9); Житіе св. Рока съ нѣкоторыми апокрифическими прибавленіями (IV, b. 14), XVIII вѣка; Сборникъ чудесъ Богородицы 1698 г. (III, a. 35); Сборникъ, писанный въ Дубровникѣ 1520 г., содержащій поученія, житія и апокрифы (IV, a. 24); Сборникъ XVI в. серб., содержащій между прочими статьями: Слово, како сътвори Господь побратимство, сказаніе о 12 пятницахъ, слово, како исписа Давидъ царь псалтирь, слово о премудрости Соломонови, о злыхъ дняхъ луны (Лунникъ, см. наше изслѣдованіе объ этомъ памятникѣ), и др. (III, a. 10); Повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ XV (?) в. (III, b. 15); Александрія серб. XVI в. (III, a. 27); Гадательныя таблицы XVII в., заговоры и пр. (I, b. 140); Апокрифическія молитвы XVIII в. (I, a. 46); Гадательныя таблицы XVIII в. (IV, d. 59).

Не останавливаемся на новыхъ копіяхъ съ древнихъ памятниковъ, упомянемъ еще о значительномъ количествѣ старопечатныхъ книгъ, описанныхъ д-ромъ Цоневымъ весьма поверхностно, безъ указанія

датъ выхода и безъ попытокъ пріуроченія къ опредѣленнымъ датамъ книгъ, не имѣющихъ выходныхъ листовъ. Изъ датированныхъ назовемъ: Слѣдованную Псалтирь, Венец. изд. 1520 г., видимо соотв. № 16 по Каратаеву, экземпляръ дефектный и дописанный отъ руки (IV. d. 10). Отмѣтимъ двѣ Тріоди Венеціанскаго (Божидарова) изданія, постную и цвѣтную, о коихъ нѣтъ упоминаній у Каратаева; не ошибка ли здѣсь описателя? Обращаясь къ оцѣнкѣ этой части труда д-ра Цонева, нельзя не признать за нимъ нѣкоторыхъ достоинствъ (онъ обстоятельно указываетъ, гдѣ, кто и когда писалъ о каждой рукописи, обращавшей на себя ранѣе вниманіе ученыхъ; часто обозначаетъ дату рукописи, если въ инвентарѣ дата отсутствуетъ; порою исправляетъ ошибочную датировку своихъ предшественниковъ и инвентаря); но на ряду съ положительными сторонами, надо отмѣтить и недостатки: при описаніи ряда рукописей, даже такихъ, которыя написаны въ эпоху, когда пользовались и пергаменомъ и бумагой, д-ръ Цоневъ не указываетъ, на какомъ матеріалѣ написана рукопись, напр. Октоихъ XIV—XV в. (стр. 20), Служебникъ XIV в. (стр. 28), Апостолъ XV в. (стр. 18) и др. Конечно, если матеріалъ не указанъ при описаніи сравнительно позднихъ рукописей XV—XVI—XVII вв., то здѣсь легко догадаться, что онѣ написаны на бумагѣ; но бываютъ и исключенія, какъ Пересопницкое Еванг. 1561 г. Не всегда указывается и число листовъ въ рукописи. Небрежность сказалась и въ томъ, что въ рукописи съ датою 7055 г.—указана дата—1447 г., вмѣсто 1547; повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ зачислена въ апокрифы, а Sybilla превратилась въ Sylla.

Въ заключеніе обратимся къ описаннымъ д-ромъ Цоневымъ Кирилловскимъ рукописямъ Загребскаго университета. Ихъ очень немного, всего шесть: Толковая Псалтирь 4°, XV в. серб.; Слѣдованная Псалтирь XV в. 16°; отрывокъ Четвероевангелія XVI в., серб. 4°; Служебникъ серб. XV в. 8°;—всѣ эти рукописи на бумагѣ. На пергаменѣ написанъ Апостолъ XIV в., 4°, серб. и Типикъ XIV в. серб. 8°.

Мы обозрѣли вкратцѣ содержаніе труда д-ра Цонева и привели данныя для оцѣнки этого ученаго труда. Къ сожалѣнію, эта книга написана такъ, что не упраздняетъ предшествующихъ ей опытовъ описанія Загребскихъ рукописей, лишь отчасти восполняя ихъ, но не замѣняя.

VIII.

Въ исторіи древней русской литературы есть одинъ любопытный моментъ—моментъ ея вымиранія въ верхнихъ, болѣе культурныхъ

слояхъ общества, начавшихъ съ половины XVIII в. преимущественно интересоваться произведеніями литературы свѣтской. На ряду съ этимъ—та же среда стала отходить постепенно и отъ традиціонныхъ памятниковъ древнерусской свѣтской литературы, ставшихъ достояніемъ низшаго класса грамотныхъ людей. Достояніе древней русской литературы, какъ свѣтской, такъ и религіозной, не исчезло сразу. Оно въ обрывкахъ и обломкахъ продолжало цѣлыя два столѣтія свое существованіе, приспособляясь къ потребностямъ и вкусамъ простонародной среды и порою значительно видоизмѣняя и свое содержаніе и литературную форму. Въ 1847 г. была издана Императорскимъ Русскимъ географическимъ обществомъ печатная программа, приглашавшая всѣхъ, желавшихъ потрудиться на пользу русской этнографіи,—доставлять различныя записи. Среди этихъ записей, нынѣ приведенныхъ въ порядокъ и описанныхъ весьма обстоятельно г. Д. К. Зеленинымъ [1]), мы находимъ цѣнный матеріалъ для изученія отголосковъ древнерусской литературы въ простонародной средѣ. При этомъ надо замѣтить, что лучшія записи большею частью относятся къ 1840—50-мъ годамъ. Записи каталогизированы по губерніямъ, въ каждой губерніи—своя нумерація рукописей. Прежде всего выдѣлимъ тетрадки съ рядомъ апокрифическихъ памятниковъ, имѣющія значеніе амулета, оберегающаго противъ различныхъ бѣдствій. Въ этихъ тетрадкахъ, какъ и въ настоящее время, повторяется приблизительно одинъ и тотъ же матеріалъ: Кіев. № 22—Сонъ Богородицы и 12 пятницъ Климентовской сокращенной редакціи (запись 1896 г. малор.); Нижегор. № 83—Сонъ Б., Свитокъ Іерусалимскій, Клим. сказаніе о 12 пятницахъ, запись 1849—50 г.; Нижегор. № 148—Сонъ Б. (2 варіанта стиха и копія съ старой рукописи), Клим. сказаніе о 12 пятницахъ, Свитокъ Іерус. (Святое письмо), запись 1896 г., Енисейск. округа; Нижегор. № 159—Сонъ Б. (2 списка), Свитокъ Іерус., 12 пятницъ, Хожденіе Богородицы по мукамъ, несчастные дни, заговоры, запись 1891 г.; Новгор. № 37—Сонъ Б. (2 вар.), Іерус. Знаменіе, Хожденіе Б. по мукамъ, 12 пятницъ,—запись 1894 г. Объ этихъ популярныхъ въ народной средѣ сказаніяхъ см. новыя работы С. Шевченка, А. Назаревскаго; нѣкоторые тексты изданы въ приложеніи къ нашимъ обзорамъ.

---

[1]) *Д. К. Зеленинъ*, Описаніе рукописей ученаго архива Императорскаго Русскаго географическаго общества. Выпускъ *первый*, Петроградъ, 8°, 1914, X+483 стр. Выпускъ *второй*, 1915, 8°, IV+стр. 485—986 (губерніи Архангельская—Пензенская).

Обращаемся къ легендамъ, сохраненнымъ народною устною (а отчасти и письменною) традиціею, и къ памятникамъ старинной русской литературы, удержавшимся въ народномъ оборотѣ.

Прежде всего отмѣтимъ легенды о сотвореніи міра Богомъ и діаволомъ, примыкающія къ распространеннымъ въ рукописяхъ богумильскимъ легендамъ (Курск. № 41, 1848 г.; Казанск. № 61); засимъ—легенды (въ стихахъ) о воскресеніи Христовѣ и о сошествіи во адъ, извѣстныя обработки части Никодимова Ев., точнѣе—слова псевдо-Евсевія о сошествіи Іоанна Предтечи во адъ, извѣстнаго въ громадномъ количествѣ списковъ, начиная съ XII в. (Витебск. № 7, тутъ же—стихъ о Лазарѣ). Далѣе—легенда объ удаленіи Іуды предателя и о проклятіи углей (Казан. № 62, 1876 г.),—варіантъ, оставшійся незатронутымъ въ изслѣдованіи Соловьева о легендахъ объ Іудѣ. Вологод. № 40, Плачи Адама („Праведное солнце"... и „Христосъ воссіятъ"...), Святое письмо Господа Іисуса Христа, Бесѣда трехъ святителей въ 3-хъ варіантахъ, „Книга завѣтъ, гаданія и мысли ц. Давида, сына его Соломона и дума Божія", „Сказаніе како претерпѣ Христосъ Господь вольное страданіе" (Страсти?), Хожденіе Богородицы по мукамъ, апокрифическія молитвы (запись 1877 г.). Въ Казанск. № 106—Вопросоотвѣты „отъ сколькихъ частей созданъ Адамъ", Сны Мамера царя въ двухъ редакціяхъ (запись 1878 г.), изученные не только А. Н. Веселовскимъ, но и проф. А. Рыстенко въ недавней его работѣ; списки географическаго общества представляютъ интересъ для исторіи памятника. Въ Вятск. № 39—легенда о разстрѣлѣ св. Причастія сомнѣвающимся, навѣянная разсказами Великаго Зерцала (см. въ прилож. къ I—VIII гл. I-й серіи нашихъ „Обзоровъ"), Бесѣда Богородицы со Христомъ, объ Антихристѣ, о сотвореніи Еввы и др. Въ Нижегор. № 74—легенда о Варлаамѣ Хутынскомъ, восходящая къ рукописному житію этого святого, и легенда о церкви, провалившейся въ землю, запись 1849 г. Нижегор. № 5 содержитъ запись разсказа о происхожденіи вина, запись 1850 гг. Интересна обработка сказанія о видѣніи, относящагося къ эпохѣ Смутнаго времени, въ Волог. № 42—преданіе о чудесномъ пѣніи въ Новгор. церкви и объ умоленіи Богородицею Бога отложить перемѣну свѣта; тутъ же и о табакѣ и слово о пьяницахъ,—передѣлка древняго обличительнаго слова (см. Пономаревъ, Памятники учительн. литер., III, и нашу статью въ Сборн. въ честь С. Ѳ. Платонова). Въ приложеніи къ описанію быта раскольниковъ въ Козмодемьянскомъ у. „списки" съ свитковъ, содержащіе „хулу на православную цер-

ковъ"; среди этихъ „списковъ": 1) „Бесѣда за гоненіемъ сіяюща о. протопопа Аввакума о томъ, что истинный двуперстный крестъ Христовъ спасетъ христіанъ и очиститъ отъ всѣхъ грѣховъ (*нач.* „Азъ прот. Аввакумъ, рабъ и посланникъ Господа Бога"...) и 2) Откровеніе преп. Елеазару Анзерскому (*нач.* „Бяху мнѣ въ церкви и совершающу божественну службу Никону"...); послѣднее—одна изъ варіацій фантастическаго разсказа о Никонѣ, впослѣдствіи патріархѣ. Въ Новгор. № 27 запись 1853 г. легенды о Щилѣ ростоимцѣ, посадникѣ новгородскомъ; легенда эта извѣстна въ большомъ количествѣ списковъ (см. Пам. стар. р. лит. Кушелева-Безбор.; изд. нами тексты въ Унив. Изв., Кіевъ 1908 г.; Пѣтуховъ, Оч. по исторіи Синодика; Шляпкинъ, Опис. рукоп. Псковск. стат. Комит.), но судьба ея, несмотря на недавно опубликованное изслѣдованіе де-Виттъ (Изв. отд. р. яз. и слов. 1913 г.), остается далеко не выясненной. Въ Новг. (ошибочно—Вологод. № 65) записи 1895 г.—сказка про Ерша, восходящая къ древней сатирической повѣсти, изслѣдованной проф. Шляпкинымъ (*Ж. М. Н. Пр.*, 1904 г., авг.). Среди копій со старыхъ рукописей, найденныхъ въ Сольвычегод. у. отмѣтимъ шуточное посланіе Масленицы въ стилѣ лубочной юмористики XVIII в., къ которой оно и восходитъ (Волог. № 49).

Выше мы уже привели нѣсколько списковъ со старыхъ рукописей; такихъ списковъ въ архивѣ геогр. общ. довольно много. Конечно, большая часть ихъ—исключительно этнографическаго содержанія, но есть и такіе, какъ напр. копія съ рукописи 1786 г., содержащей описаніе староства Кричевскаго (здѣсь упомин. о рукоп. Евангеліи Параскевіевской церкви)—Могилев. № 2. Въ Волог. № 43—канты, псальмы и духовные стихи, извѣстные еще въ XVIII в., „списанные со старыхъ рукописей", но въ очень плохомъ текстѣ (на Рожд. Хр. и друг.). Старыя записи („списаны со старинныхъ тетрадокъ") былинъ и историческая пѣсня о кн. Скопинѣ-Шуйскомъ, вирши и пѣсни, извѣстныя въ XVII—XVIII вв.—въ Вологод. № 46. Старинная украинская пѣсня „Ах мнѣ тескно, жаль не малый", извѣстная въ рукописи п. XVIII в., вирши духовнаго содержанія того же времени—въ копіи 1850 г. со старой рукописи—Витебск. № 4. Въ Нижегор. № 148—пѣсни, выписанныя въ 1856 г. „изъ стариннаго рукописнаго пѣсенника", вѣроятно, XVIII в. Кіев. № 28—содержитъ въ записи 1854—1855 гг. вирши на день Рождества Хр., ораціи, псальму Сковороды въ нар. варіантѣ „Пішли мої літа". Псальмы на Рождество Хр. встрѣчаемъ въ Гродн. № 6, повидимому, изъ Богогласника; тутъ же

и стихъ объ Алексѣѣ человѣкѣ Божьемъ оттуда же. Богогласникъ оказалъ вліяніе на составъ записей въ Гродн. № 9: псальмы о Р. Хр., Богоявленіи, о св. Николаѣ. Воронежскія записи содержатъ рядъ такихъ же памятниковъ книжнаго происхожденія, опустившихся въ народную среду; такъ въ Ворон. № 5 — поздравительные стихи на Рождество Хр.; Ворон. № 11—псальмы, среди коихъ извѣстная умилительная, принадлежащая св. Дмитрію Ростовскому, её же находимъ и въ Ворон. № 73 въ записи 1855 г.; въ Ворон. № 59—вирши и псальмы, извѣстные въ XVIII в. объ Іоаннѣ Богословѣ, первомученикѣ Стефанѣ, Іоасафѣ царевичѣ (запись 1854 г.); въ Ворон. № 54—Стихи св. Митрофану и изъ Богогласника—св. Николаю, Маріи Егип., Стефану первомученику (малор.). Въ Волынск. № 6—записи виршъ религіознаго содержанія, изъ Богогласника, діалогъ двухъ крестьянъ о томъ, какой праздникъ больше, Великдень или Коляды.

Отъ виршъ и псальмъ—одинъ шагъ къ духовнымъ стихамъ. Эти послѣдніе представлены въ опубликованной части архива геогр. общ. въ большомъ количествѣ. Но нельзя не замѣтить, что въ записяхъ повторяются большею частью одни и тѣ же стихи, образуя довольно тѣсный кругъ сюжетовъ. Сначала — западнорусскія записи, ближе стоящія къ вліянію виршевой литературы: Волынск. № 16—духовные стихи объ Алексѣѣ б. человѣкѣ, о Лазарѣ (запись 1854 г.); Виленск. № 11—о Лазарѣ (бѣлор.); въ великорусскихъ губерніяхъ сдѣланы записи: Арханг. № 14—духовные стихи Шенкурскаго у. о Снѣ Богородицы, Іосифѣ, Алексѣѣ, Адамѣ, о воинѣ, т. е. стихотворная обработка Пренія живота и смерти, и др.; Арханг. № 42—стихъ о Василіи Кесарійскомъ (о пьянствѣ); Арханг. № 57—объ арх. Михаилѣ, объ Алексѣѣ, о пустынѣ, о Георгіи; Астрах. № 26—объ Адамѣ, Лазарѣ, Георгіи, о Страшномъ судѣ; Владимирск. № 22—о Лазаряхъ, Голубиная книга, Сонъ Богородицы; Владим. № 32—о Лазаряхъ, о числахъ („Евангелистая пѣснь", едва ли не др.-еврейскаго происхожденія), запись 1856 г.; Владимир. № 58—объ Іосифѣ прекрасномъ и о Лазарѣ; Владим. № 70—про Николу Мокрушу и Касьяна, часть стиха про Анику и Смерть, запись 1854 г. Въ записяхъ Вологод. № 64—пять дух. стиховъ, большею частью покаянныхъ, о Страшномъ судѣ; Ворон. № 63—стихъ „Плачусь и ужасаюсь", о Страшномъ судѣ и стихъ объ Егоріи, запись 1854 г.; Казан. № 35—духовные стихи старообрядцевъ Казанск. губ., именно: Адамовъ плачъ, стихъ о Ноевомъ потопѣ, стихъ Іосифа Прекраснаго „выписано изъ книгъ Ефрема Сирина и Четіи минеи", стихъ о чудѣ

въ Канѣ Галилейской (польск. происхожденія), о страстяхъ Господнихъ, объ антихристѣ, о пустынѣ и антихристѣ, стихи Іоасафа царевича (3), стихи о расѣ, покаянные, о смерти и пр., всего 44 стиха, изъ коихъ часть напечатана въ Этн. Обозр. 1906 г., № 3—4, но „почти всегда въ редакціи нѣсколько отличной" отъ рукописной. Въ Казан. № 39—15 дух. стиховъ изъ Лаишевскаго у.: нѣсколько стиховъ о смерти, о покаяніи, о землѣ (обработка эпизода изъ Видѣнія Павла ап.), о Рахили и Іосифѣ, о св. Варварѣ, о Георгіи Побѣдоносцѣ и др. Въ Казан. № 105—чрезвычайно цѣнныя записи 1840-хъ годовъ: стихи о Страшномъ судѣ, объ антихристѣ, Аникѣ воинѣ, о 12 пятницахъ, Адамѣ, о Лазаряхъ, объ Агриковомъ сынѣ Василіи, объ Алексѣѣ Б. чел., о Богородицѣ, Ѳеодорѣ Тиронѣ и др., былина про Василія Окуловича, заговоры. Въ Калуж. № 3—пѣснь про Алексѣя чел. Божія и объ Асафіи царевичѣ. Въ Калуж. № 41 — объ Алексѣѣ, Егоріи, Лазарѣ, о пьянствѣ („Слава Василію Кисиримскому"), записи 1854 г.; Нижегор. № 130, того же времени—плачъ Адама, о Страшномъ судѣ, объ Алексѣѣ, Лазаряхъ, два стиха о Егоріи; Нижегор. № 146—о Лазаряхъ, Сонъ Богородицы; Нижегор. № 157, записи 1849—1850 гг.—два Лазаря, Егорій и змѣй, о прокаженномъ, объ Іоасафѣ царевичѣ, объ Алексѣѣ, объ Аникѣ. Новгор. № 38—стихи объ Алексѣѣ, царѣ Константинѣ Самуйловичѣ (очень любопытный стихъ), о богатомъ и Лазарѣ. Олонецк. № 12, тетр. 3-я—духовные стихи и вирши на Рождество Хр., о Страшномъ судѣ, о Прекрасномъ Іосифѣ и здѣсь же обработка извѣстной фацеціи (изъ переведенныхъ съ польскаго въ 1678 г.) объ утопившейся упрямой женѣ. Пензенск. № 13, запись 1853—1854 гг. — стихи о Ѳеодорѣ Тиронѣ и объ Алексѣѣ. Пензенск. № 19, 1854 г.—объ Аникѣ воинѣ и объ Алексѣѣ. Кромѣ того—записи духовныхъ стиховъ безъ болѣе детальнаго обозначенія въ Олон. № 37. Самый репертуаръ записей, перечисленныхъ нами, несмотря на кажущуюся случайность, даетъ нѣкоторое основаніе заключать о сравнительной популярности того или другого стиха.

Чтобы покончить съ обзоромъ осколковъ и отраженій древней письменности, зарегистрованныхъ въ трудѣ г. Зеленина, мы должны упомянуть еще о спискахъ съ старинныхъ Лѣчебниковъ и Травниковъ. Они доставлялись въ геогр. общество наравнѣ съ памятниками народнаго творчества и сохранились въ слѣдующихъ рукописяхъ архива: Вологод. № 45—Лѣчебникъ, списанный со старинной рукописи; Вологод. № 47—Травникъ, списанный съ рук. 1760 г.; Казанск.

№ 41—Травникъ же, копія со старинной рукописи; Костром. № 20—копія „Травника"; Новгор. № 37, тетр. 4-я—„Цвѣтникъ или Травникъ" изъ Череповецкаго у.

Трудъ г. Зеленина, разсмотрѣнный нами лишь съ одной стороны, въ зависимости отъ поставленной нами задачи,—достаточно ясно обнаруживаетъ, какимъ цѣннымъ пособіемъ обогатилъ науку названный ученый, съ изумительной энергіей пересмотрѣвшій и оцѣнившій громадное количество рукописей богатаго, но долгое время бывшаго въ забвеніи архива. Пожелаемъ, чтобы энергія не покинула г. Зеленина и для завершенія его труда, а у географическаго общества—нашлись средства для опубликованія остальной части описанія.

В. Перетцъ.

Обзоръ работъ Карла Фосслера по романскому языкознанію.

1) *K. Vossler*, Positivismus und Idealismus in der Sprachwissenschaft, Heidelberg, 1904. 2) *K. Vossler*, Sprache als Schöpfung und Entwicklung. Eine theoretiche Untersuchung mit praktischen Beispielen, Heidelberg, 1905. 3) *K. Vossler*, Frankreichs Kultur im Spiegel seiner Sprachentwicklung. Geschichte der französischen Schriftsprache von den Anfängen bis zur klassischen Neuzeit, Heidelberg, 1913.

Карлъ Фосслеръ осуждаетъ въ своихъ сочиненіяхъ принципы изслѣдованія нео-грамматической школы, обвиняемоей имъ въ позитивизмѣ, которому онъ противопоставляетъ идеалистическую точку зрѣнія. Подъ идеализмомъ и позитивизмомъ Фосслеръ понимаетъ не различныя философскія системы, но пріемы научнаго изслѣдованія. Идеализмъ и позитивизмъ являются для него понятіями *не* гносеологическими, но методологическими.

Для выясненія позиціи Фосслера, занятой имъ относительно изслѣдователей современнаго ему романскаго языкознанія, обратимся къ крупнѣйшему современному романисту Мейеру-Любке, который во введеніи къ своей „Грамматикѣ романскихъ языковъ" выразилъ свои руководящіе взгляды [1]).

Мейеръ-Любке говоритъ, что научное изученіе языка имѣетъ въ виду, съ одной стороны чистую форму, слово, какъ физіологическій продуктъ, какъ звукъ, производимый вытекающимъ изо рта воздухомъ, а съ другой—содержаніе слова, слово, какъ средство общенія

---

[1]) *W. Meyer-Lübke*, Grammatik der romanischen Sprachen, Leipzig, 1890—1902. 4 тт.

между людьми. Такъ какъ составными элементами слова являются звуки, то грамматическія изслѣдованія должно начинать съ фонетики. Мейеръ-Любке считаетъ, что при развитіи звуковъ языка имѣютъ мѣсто почти исключительно лишь физіологическіе процессы. Однако содержаніе слова, его значеніе часто препятствуетъ правильности его фонетическаго развитія. Законы фонетики нарушаются аналогическими образованіями. Изученіемъ этихъ отклоненій отъ нормальнаго звукового развитія занимается морфологія. Наконецъ третья часть грамматики есть синтаксисъ, т. е. ученіе объ отношеніяхъ словъ другъ къ другу. Вся система грамматики должна завершиться ученіемъ о значеніи словъ, т. е. установленіемъ связи между словами и выраженными въ нихъ понятіями.

Такимъ образомъ по методу Мейера-Любке при изслѣдованіи языка должно начинать съ акустическаго феномена и затѣмъ послѣдовательно переходить къ психическому элементу.

По мнѣнію Фосслера, при изученіи языка слѣдуетъ пользоваться какъ разъ обратнымъ построеніемъ, ибо „языкъ есть выраженіе духа", отчего его изученіе должно быть чисто эстетическимъ. Поэтому въ основѣ всей грамматики Фосслеръ ставитъ стилистику, отъ которой совѣтуетъ переходить къ синтаксису, морфологіи и фонетикѣ.

Основная точка зрѣнія Фосслера заимствована имъ изъ эстетики Бенедетто Кроче [1]).

Различая двѣ формы познанія: интуитивную и логическую, Кроче говоритъ, что всякая интуиція есть всегда одновременно и выраженіе: словесное, живописное, музыкальное и т. д. Произведенія искусства являются примѣрами интуитивнаго познанія, которое изучается эстетикой. Но эстетика понимается Кроче не только, какъ наука объ эстетическомъ выраженіи, но также и какъ общее языкознаніе. Эстетика и лингвистика сливаются для Кроче въ одну науку объ эстетическомъ выраженіи. Простое изверженіе звуковъ, не имѣющее смысла, не составляетъ еще языка. Языкъ есть артикулированный звукъ, употребленный съ цѣлью выраженья духовнаго содержанія. По своему происхожденію языкъ есть духовное творчество. Поэтому задачи эстетики и лингвистики вполнѣ совпадаютъ.

Подъ вліяніемъ философіи Бенедетто Кроче образовалось основное положеніе Карла Фосслера: „языкъ есть выраженіе духа", которое привело къ замѣнѣ исторіи развитія языка исторіей развитія выра-

[1]) *Benedetto Croce*, Estetica come scienza dell' espressione e linguistica generale, 3 ed. Bari, 1909.

женій духа, т. е. исторіи искусства въ широкомъ значеніи этого слова. Грамматика стала для Фосслера частью исторіи стиля и литературы, которыя въ свою очередь вошли въ общую исторію культуры.

Въ основѣ фонетики позитивнаго языкознанія лежитъ убѣжденіе въ существованіи законовъ фонетическаго развитія, которые иногда нарушаетъ аналогія. Фонетическое развитіе есть выраженіе фонетическаго закона. Сущность самого языка требуетъ, чтобы онъ развивался такимъ, а не инымъ образомъ. Языкъ заключаетъ въ самомъ себѣ свой законъ, ибо для позитивиста феномены сами по себѣ автономны.

Иначе думаетъ Фосслеръ. Для него не самъ языкъ автономенъ, но духъ, который его создаетъ, образуетъ и движетъ. Поэтому по Фосслеру языкознаніе не можетъ имѣть другой задачи, какъ доказать, что духъ есть единственная дѣятельная причина всѣхъ формъ языка. Фонетическихъ законовъ не существуетъ, ибо фонетическое развитіе имѣетъ основной причиной человѣческій духъ, неистощимый въ индивидуальныхъ интуиціяхъ.

Отрицая существованіе фонетическихъ законовъ, Фосслеръ также отрицаетъ и различіе между фонетическимъ и аналогическимъ развитіемъ. Дуализмъ самопроизвольнаго фонетическаго развитія и аналогическаго препятствія, по мнѣнію Фосслера, является лишь оптическимъ обманомъ, ибо въ дѣйствительности между фонетикой и аналогіей нѣтъ качественной разницы. Напр., рядомъ со старо-французскимъ *celeste* имѣется *celestre*, которое объясняется обыкновенно, какъ аналогія съ *terrestre*. Между тѣмъ, какъ замѣчаетъ Фосслеръ, мы имѣемъ такіе случаи, какъ *potesta*, дающее *poestre*, и *crusta*, дающее *crostre*, откуда слѣдуетъ, что все зависитъ отъ точки зрѣнія: посмотрѣвъ съ одной стороны, мы имѣемъ фонетическое измѣненіе, посмотрѣвъ съ другой стороны—аналогическое образованіе. Поэтому понятія „фонетическаго“ и „аналогическаго“ являются лишь средствами оріентаціи, которыми мы указываемъ на различные полюсы нашего воспріятія: дифференцирующій и нивеллирующій. Слово въ отношеніи къ другимъ словамъ подчиняется нивеллирующему дѣйствію аналогіи: фонетически оно развивается тогда, когда говорящій сохраняетъ его обособленное индивидуальное значеніе. Поэтому дѣйствія аналогіи преимущественно замѣчаются во флексіяхъ.

Различіе между Фосслеромъ и позитивистами въ ученіи о флексіяхъ я постараюсь сейчасъ показать на слѣдующемъ примѣрѣ. Какъ извѣстно, латинское склоненіе въ романскихъ языкахъ почти совсѣмъ не сохранилось. Только языки старо-провансальскій и старо-французъ-

скій сохранили приблизительно до 13-го столѣтія систему двухъ падежей. Напр., въ старо-провансальскомъ, именит. падежъ *cars*, винительный *car*. Въ старо-французскомъ мы имѣемъ имен. пад. *chars* и винительный *char*. Казалось бы, что причину этого сохраненія падежей можно видѣть въ болѣе продолжительномъ сохраненіи конечнаго *-s*, чего не было въ языкахъ итальянскомъ и румынскомъ, гдѣ также не сохранилась и система двухъ падежей. Это соображеніе какъ будто подтверждается тѣмъ, что во Франціи исчезновеніе системы двухъ падежей, т. е. уничтоженіе номинатива, совпадаетъ съ исчезновеніемъ конечнаго *-s*. Однако данное объясненіе опровергается тѣмъ, что въ испанскомъ языкѣ, въ которомъ конечное *-s* сохранилось до нашихъ дней, латинскій именительный падежъ на *-us* безслѣдно исчезъ, уступивъ свое мѣсто винительному, оканчивающемуся на *-um*. Такъ какъ фонетика не могла объяснить судьбы системы двухъ падежей, то позитивному языкознанію пришлось обратиться къ синтаксису. Здѣсь было сдѣлано наблюденіе, что пока именительный падежъ отличался отъ винительнаго по флексіи, то не было надобности отличать ихъ синтаксически, отчего порядокъ словъ въ предложеніи былъ свободенъ. Было одинаково возможно поставить сначала подлежащее, потомъ сказуемое и наконецъ дополненіе, или же построить предложеніе въ обратномъ порядкѣ. Напр., можно было сказать *les enfants aiment li pedre* или же *li pedre aiment les enfants*, тогда какъ въ ново-французскомъ только возможна постановка: *les pères aiment les enfants*. Одновременно было замѣчено, что съ исчезновеніемъ системы двухъ падежей, обратная постановка, т. е. „дополненіе, сказуемое и подлежащее“, стала встрѣчаться рѣже. Какъ же эти явленія относятся другъ къ другу? Позитивисты, объяснявшіе уничтоженіе латинскаго склоненія исчезновеніемъ конечнаго *-s*, склонны также объяснять закрѣпленіе постановки словъ въ предложеніи уничтоженіемъ различія во флексіяхъ.

Какъ уничтоженіе падежей, такъ и закрѣпленіе постановки словъ въ предложеніи объясняются позитивнымъ языкознаніемъ исчезновеніемъ конечнаго *-s*.

Иначе думаетъ Фосслеръ, для котораго, какъ уничтоженіе падежей, такъ и закрѣпленіе постановки словъ являются слѣдствіемъ духа новаго французскаго языка. Къ этому привели потребность въ возможно раціональномъ распорядкѣ понятій и логическая тенденція духа языка. Порядокъ словъ былъ раціонализированъ не оттого, что флексіи стали ирраціональны, но обратно, система двухъ падежей

была униформирована, такъ какъ раціональное направленіе духа французской націи привело ее къ опредѣленному порядку представленій. Исчезновеніе конечнаго *-s* и системы двухъ падежей такъ же, какъ и закрѣпленіе порядка словъ, имѣютъ всѣ вмѣстѣ одну причину, находящуюся въ духѣ языка.

Такимъ образомъ разница между позитивизмомъ и критическимъ идеализмомъ Фосслера заключается въ томъ, что позитивистъ объясняетъ одно явленіе языка другимъ явленіемъ, а идеалистъ ищетъ причину въ человѣческомъ духѣ.

Идеалистическую точку зрѣнія Фосслеръ также примѣняетъ и къ синтаксису, которому онъ также противопоставляетъ стилистику. Поскольку словесныя выраженія условны, ими занимается синтаксисъ. Словеснымъ выраженіемъ, какъ индивидуальнымъ творчествомъ, занимается стилистика.

Индуктивный путь ведетъ отъ индивидуальнаго къ общему, отъ единичнаго случая къ условности, отчего должно переходить отъ стилистики къ синтаксису, а не наоборотъ. Фосслеръ говоритъ, что всякое словесное выраженіе, прежде чѣмъ стать условнымъ и синтаксическимъ, было индивидуальнымъ и стилистическимъ. Поэтому всѣ элементы языка являются стилистическими средствами выраженія, т. е. всѣ они по отношенію къ какому-нибудь времени суть архаизмы и неологизмы одновременно.

Часто и многими индивидуумами повторяемыя стилическія выраженія называются позитивнымъ синтаксисомъ правилами. Но идеалистъ не можетъ удовлетвориться статистическимъ доказательствомъ многочисленности и правильности словеснаго выраженія. Идеалистъ долженъ изслѣдовать причину и отвѣтить на вопросъ, почему одно выраженіе стало употребляться чаще, а другое рѣже. Для этого онъ долженъ изучать словесное выраженіе, какъ индивидуальное творчество духа, помня, что для выраженія внутренней интуиціи имѣется только одна форма, отчего стилей столько, сколько индивидуальностей. Поэтому, по Фосслеру, научнымъ можно назвать только переходъ отъ стилистики къ синтаксису, а никакъ не обратно. Изученіе языка, какъ условности и правила, не можетъ быть предметомъ науки, отчего синтаксисъ не есть наука такъ же, какъ и ученіе о флексіяхъ и фонетика. Все языкознаніе сводится Фосслеромъ къ стилистикѣ. Стилистика же принадлежитъ эстетикѣ, вслѣдствіе чего наука объ языкѣ совпадаетъ съ наукой объ искусствѣ.

Такъ начавъ съ развитія точки зрѣнія Кроче, Фосслеръ и въ ко-

нечномъ выводѣ пришелъ къ основному положенію итальянскаго философа.

Однако, если Фосслеръ требуетъ *эстетическаго* изученія языка, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не отрицаетъ необходимости *историческаго* изученія, къ признанію котораго приходитъ путемъ слѣдующихъ соображеній. Если словесное выраженіе возникаетъ чрезъ индивидуальное творчество, то оно распространяется, такъ сказать получаетъ право гражданства, или пассивно, будучи безсознательно воспринятымъ, или также творчески, будучи модифицированнымъ чрезъ коллективную дѣятельность. Въ моментъ возникновенія или абсолютнаго движенія языкъ есть нѣчто индивидуальное или активное; въ моментъ закрѣпленія онъ есть нѣчто пассивное; въ моментъ относительнаго движенія, не какъ творчество, но какъ развитіе, языкъ есть коллективная дѣятельность. Если исключить моментъ пассивнаго закрѣпленія, то мы можемъ разсматривать языкъ съ двухъ точекъ зрѣнія: какъ творчество и какъ развитіе. Изученіе языка съ первой точки зрѣнія должно быть чисто эстетическимъ. Изученіе со второй точки зрѣнія должно быть историческимъ, ибо оно сравниваетъ предшествующее состояніе языка съ послѣдующимъ.

Въ критикѣ историзма въ языкознаніи Фосслеръ совпадаетъ съ Вильгельмомъ Вундтомъ, но съ психологическимъ методомъ Вундта онъ не соглашается. Какъ извѣстно, Вундтъ осудилъ односторонность историческаго изученія, говоря напр., что историческое объясненіе фонетическихъ законовъ недостаточно, ибо все ставшее историческимъ требуетъ возвращенія къ своимъ причинамъ и мотивамъ, которые Вундтъ понимаетъ, какъ психологическія отношенія между звукомъ и значеніемъ [1]). Здѣсь Фосслеръ уже расходится съ Вундтомъ. Если Фосслеръ связываетъ языкознаніе съ эстетикой, то Вундтъ подчиняетъ языкознаніе психологіи.

По опредѣленію Вундта, психологія занимается изученіемъ душевныхъ *явленій*, т. е. она есть наука эмпирическая. Историческое языковѣдѣніе работаетъ также эмпирически, въ результатѣ чего мы имѣемъ своеобразный случай обоснованія одного эмпирическаго знанія другимъ эмпирическимъ знаніемъ. Поэтому, по мнѣнію Фосслера, психологія и языкознаніе совершенно самостоятельны и могутъ быть обоснованы только эстетикой и логикой, которыя занимаются изученіемъ самой познавательной способности человѣка.

---

[1]) W. Wundt, Völkerpsychologie, I т., Leipzig 1904, стр. 324.

Нѣсколько выше я отмѣтилъ признаніе Фосслеромъ необходимости историческаго изученія языка. Это признаніе требуетъ поясненія. Исторію языка, по мнѣнію Фосслера, слѣдуетъ изучать не съ чисто исторической, но съ культурно-исторической точки зрѣнія. Если языкъ есть выраженіе духа, то его развитіе есть выраженіе развитія духа. Языкъ, какъ индивидуальное творчество, какъ фактъ эстетическій, подлежитъ изученію съ точки зрѣнія эстетической. Языкъ, какъ развитіе, какъ результатъ коллективной духовной дѣятельности, воспринимающей индивидуальное творчество, т. е. какъ культурно-историческій фактъ, подлежитъ изученію съ точки зрѣнія культурно-исторической. Примѣромъ подобнаго изученія исторіи языка служитъ послѣдняя книга Фосслера: „Культура Франціи въ отраженіи развитія ея языка". Въ эту работу частью вошли статьи, напечатанныя сначала въ Germanisch-Romanische Monatsschrift [1]). Заглавіе очень точно выражаетъ задачу автора, который пытался показать, какъ французская культура отразилась въ развитіи французскаго языка.

Въ основу всего изслѣдованія полагается убѣжденіе въ существованіи правильнаго параллелизма между политико-общественнымъ, литературнымъ и языковымъ развитіемъ Франціи.

9-й, 10-й и частью 11-й вѣкъ есть эпоха политическаго раздробленія французскаго государства и возникновенія въ результатѣ его дезинтеграціи партикуляристическихъ и индивидуалистическихъ политико-общественныхъ единицъ. Одновременно это есть періодъ языковой дезинтеграціи, т. е. раздробленія галло-романскаго языкового единства на обособленные сѣверно-французскіе діалекты.

Конецъ 11-го вѣка, 12-й вѣкъ и половина 13-го являются въ политикѣ временемъ образованія и закрѣпленія феодальной системы съ королемъ во главѣ, чему соотвѣтствуетъ въ исторіи языка признаніе діалектами примата франкскаго діалекта, т. е. діалекта королевской метрополіи.

Приблизительно отъ 1270 года до 1498 года мы наблюдаемъ процессъ разложенія феодальной системы, обостренія сословныхъ контрастовъ и зарожденія абсолютизма. Эта переходная эпоха отразилась въ средне-французскомъ языкѣ.

Послѣ бурной поры реформаціи и возрожденія наступаетъ вѣкъ классическаго порядка абсолютной монархіи и академически правильнаго языка.

---

[1]) За 1911 и 1912 гг.

Такова общая схема Фосслера, которая развивается и обосновывается въ дальнѣйшихъ главахъ его книги. Замѣтивъ, что оригинальность Фосслера заключается въ постановкѣ вопроса и методѣ работы, я не буду останавливаться на хотя бы краткомъ изложеніи содержанія его изслѣдованія, также какъ и удержусь отъ сообщенія всѣхъ выводовъ, полученныхъ имъ въ результатѣ. Насъ интересуетъ сейчасъ не использованный матеріалъ, но его обработка, самый способъ, самый пріемъ совершенной работы, который я постараюсь объяснить помощью слѣдующаго примѣра.

Политической раздробленности и диференціаціи феодальной Франціи соотвѣтствовала языковая и литературная раздробленность. Выросшая на почвѣ обособленныхъ діалектовъ старо-французская литература есть литература діалектическая.

Одновременно съ политической раздробленностью мы имѣемъ идею политическаго единства, носителемъ которой было еще не достигшее преобладанія французское королевство.

Съ политико-общественнымъ выдѣленіемъ королевства Капетинговъ выдѣлился также и франкскій діалектъ. Однако, какъ политическое единство существовало лишь въ идеѣ, такъ и единство литературнаго языка было лишь идеальнымъ. Несомнѣнные памятники собственно старо-французскаго, т. е. языка Ile-de-France, мы имѣемъ лишь начиная со второй половины 13 столѣтія. Въ теченіе 10, 11 и 12 вѣковъ мы имѣемъ лишь отрицательное его опредѣленіе, какъ не-шампанскаго, не-пикардійскаго, не-норманскаго и т. д. Литературный языкъ есть такъ же, какъ и политическое единство, идеалъ, абстракція, точка, мѣсто которой среди діалектовъ отмѣчено, но не дано.

Такимъ образомъ въ политической жизни такъ же, какъ и во внѣшней исторіи языка, мы имѣемъ одно и то же: фактическое разъединеніе, раздробленность, индивидуализацію и партикуляризацію частей и одновременно идею объединенія, генерализаціи и универсализаціи. Въ языкѣ такъ же, какъ и въ политикѣ, за процессомъ дезинтеграціи послѣдовала реинтеграція.

Дѣйствіе тѣхъ же силъ наблюдается также и въ поэзіи. Въ „Пѣснѣ о Роландѣ“ цѣлое распадается на отдѣльныя картины, пѣсни распадаются на тирады, тирады на стихи, изъ которыхъ каждый стоитъ какъ бы особнякомъ. Художнику совершенно неизвѣстно искусство соединенія, сочетанія и подчиненія. Не нарушая цѣлаго, можно свободно изъять нѣкоторые стихи, тирады или эпизоды. И несмотря на это, „Пѣснь о Роландѣ“ имѣетъ свое единство, которое

заключено скорѣе въ оттѣнкѣ чувства, этикѣ, чѣмъ рисункѣ и планѣ. Слѣдовательно, и въ поэзіи мы имѣемъ съ одной стороны разъединеніе, раздробленность, а съ другой—стремленіе къ объединенію.

Если мы теперь обратимся ко внутренней исторіи языка, то и здѣсь найдемъ подчиняющееся тѣмъ же причинамъ развитіе.

Возьмемъ для примѣра судьбу гласныхъ. Какъ извѣстно, въ старофранцузскомъ языкѣ сохранилось вульгарно-латинское удареніе. При одинаковыхъ условіяхъ главное удареніе вызывало одинаковое звуковое измѣненіе, какъ въ корняхъ, такъ и въ окончаніяхъ. Имѣющее корневое удареніе *via* развилось такъ же, какъ имѣющее удареніе въ окончаніи *habebam*. Первое дало *vea* > *veie*, второе — *habea*, *aveie*. Полная самостоятельность ударенія въ словѣ доказываетъ отсутствіе чувства зависимости словъ другъ отъ друга. Поэтому предложеніе отличалось нѣкоторой раздробленностью, и объединенію цѣлаго мѣшали индивидуалистическія и партикуляристическія тенденціи отдѣльныхъ частей.

Не вдаваясь въ подробности фонетическаго развитія ударенныхъ гласныхъ, можно сказать, что оно заключалось въ дифтонгизаціи и палатализаціи. Однако за процессомъ вокальнаго распространенія, вокальной дезинтеграціи послѣдовалъ процессъ вокальной концентраціи или реинтеграціи: дифтонги отчасти монофтонгизируются, отчасти распадаются вслѣдствіе диссимиляціи. Эти явленія, сближавшія судьбы главнаго ударенія съ побочнымъ, были результатомъ качественной и количественной потери энергіи главнаго ударенія и соотвѣтственнаго увеличенія энергіи ударенія побочнаго.

Всякая потеря энергіи главнаго ударенія обозначаетъ уменьшеніе той силы, которая выдѣляла слово, какъ обособленную единицу. Когда побочное удареніе начинаетъ конкурировать съ главнымъ, то возникаетъ дуализмъ, въ результатѣ котораго самостоятельность слова теряется. То, что теряетъ въ силѣ отдѣльное слово, переходитъ къ синтаксической средѣ: съ уменьшеніемъ самостоятельнаго значенія слова увеличивается его значеніе, какъ части предложенія. Слѣдовательно, въ ростѣ побочнаго ударенія мы имѣемъ начало объединенія словъ и образованія болѣе сложныхъ группъ.

Такимъ образомъ во внутренней исторіи языка мы имѣемъ то же, что и въ политикѣ и литературѣ. Съ одной стороны раздробленность, дифференціацію и партикуляризацію частей, а съ другой—стремленіе къ ихъ объединенію. За процессомъ дезинтеграціи слѣдуетъ реинтеграція.

Признавая интересъ фосслеровской попытки культурно-историческаго объясненія языкового развитія, нельзя тѣмъ не менѣе не привести противъ нея слѣдующихъ соображеній.

1. Параллельное изученіе языка, литературы и политики, хотя и указываетъ какъ будто на существованіе общихъ принциповъ въ ихъ развитіи, вмѣстѣ съ тѣмъ ничего не доказываетъ. Параллели и аналогіи еще не свидѣтельствуютъ о существованіи внутренней связи. Если по Фосслеру языкъ есть отраженіе культуры, то съ равной основательностью можно утверждать обратное, т. е., что культура есть отраженіе языка. Культура есть такое же проявленіе духа, какъ и языкъ, слѣдовательно языкъ можетъ быть только отраженіемъ духа и психологіи создавшаго его народа. Поэтому параллели въ развитіи языка и политико-общественной жизни должно признать простыми совпаденіями. Внутреннюю связь можно установить только между языкомъ и литературой, какъ проявленіями одной и той же эстетической интуиціи. Параллелизмъ Фосслера предопредѣлилъ недочеты въ обработкѣ матеріала и построеніи историческаго цѣлаго.

2. Фосслеръ слѣдитъ за эволюціей лишь избранныхъ имъ идей и явленій. Изслѣдованіе затронутыхъ имъ фактовъ выполняется искусно и оригинально, но это достигается оставленіемъ въ сторонѣ цѣлаго ряда другихъ фактовъ. При изложеніи исторіи языка по такому методу матеріалъ далеко не исчерпывается. Изслѣдованіе Фосслера приводитъ къ познанію лишь нѣкоторыхъ причинъ языкового развитія, но знанія самого этого развитія оно намъ не даетъ.

3. Почти во всѣхъ своихъ построеніяхъ Фосслеръ грѣшитъ наклонностью къ излишней раціонализаціи дѣйствительности. Между тѣмъ, историческое развитіе далеко не всегда бываетъ логическимъ и раціональнымъ, ибо жизнь въ большой своей степени ирраціональна, въ ней очень много путаннаго и противорѣчиваго, исключающаго гармонію. Жизнь языка не представляетъ исключенія. Поэтому, если соединеніе филолога съ философомъ вообще полезно, то подчиненіе перваго второму для историческаго изслѣдованія языка безусловно вредно. Иллюстраціей раціонализаціи Фосслера можетъ служить хотя бы отнесеніе всѣхъ аналогическихъ образованій исключительно на счетъ средне-французскаго. Для гармоническаго сочетанія сословной борьбы и цѣлесообразнаго выравниванія флексій отнесеніе всѣхъ аналогическихъ образованій къ XIV-му и XV-му вѣку очень удобно, но принятіе его едва ли возможно безъ насилія надъ фактами.

4. Недочеты Фосслера въ построеніи историческаго цѣлаго относятся къ началу и концу его изслѣдованія:

А) Фосслеръ начинаетъ свое изученіе прямо съ анализа старофранцузскихъ діалектовъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, отразилась общественно-политическая раздробленность. При этомъ оставляется совершенно въ сторонѣ вопросъ *образованія* діалектовъ. Между тѣмъ, если съ одной стороны феодализмъ возможно объяснить, какъ это указалъ Фюстель де Куланжъ, только въ связи съ исторической ролью римской традиціи, то съ другой стороны, старо-французская языковая раздробленность можетъ быть понятна лишь въ связи съ мѣстными видоизмѣненіями вульгарной латыни. Связь послѣдней со всѣми романскими языками слишкомъ значительна, чтобы можно было изучать развитіе одного изъ нихъ, минуя вопросъ объ его происхожденіи. Поэтому, начиная свою исторію съ установившихся діалектическихъ формъ 10 вѣка, Фосслеръ подрубилъ корни живому дереву французскаго языка.

В) Вторая ошибка Фосслера въ построеніи историческаго цѣлаго относится къ XVI и XVII вѣку. Фосслеръ говоритъ, что въ исторіи языка „классицизмъ есть едва ли нѣчто иное, чѣмъ осуществленіе и довершеніе идей и стремленій Плеяды“. Поэтому изслѣдователь заканчиваетъ свой культурно-историческій обзоръ концомъ XVI вѣка. Такая точка зрѣнія глубоко ошибочна, ибо она совершенно уничтожаетъ самостоятельность и цѣнность XVII вѣка, взятаго самъ по себѣ. Вѣдь, если вѣкъ классицизма во многомъ есть осуществленіе начатаго XVI вѣкомъ, то не меньше въ немъ было такого, что было совершенно чуждо предшествующему столѣтію. XVI вѣкъ есть вѣкъ гражданскихъ войнъ, жестокой борьбы идей и страстей, когда въ языкѣ и литературѣ не было никакого единства. Пестрота и безпорядочность настроеній чувства и мысли отразились въ лексикологическомъ маскарадѣ Раблэ и экзотизмѣ Плеяды. Въ XVII вѣкѣ мы имѣемъ абсолютизмъ, раціонализмъ, политико-языковую централизацію и однородность. Поэтому разсматривать оба вѣка, какъ одну эпоху, крайне неправильно. Непониманіе культурно-исторической и языковой оригинальности XVII вѣка должно было остановить изслѣдованіе дальнѣйшаго развитія. Такъ оно и случилось. Но пресѣченіемъ своей исторіи Фосслеръ отрубилъ живому древу французскаго языка его вѣтви.

Подрубивъ корни и срубивъ вѣтви, Фосслеръ оставилъ одинъ лишь стволъ языкового развитія.

Если сдѣланная Фосслеромъ попытка объяснить отраженіе культуры Франціи въ ея языкѣ ему не вполнѣ удалась, то все же работы Фосслера по романскому языкознанію имѣютъ и положительныя стороны:

1. Критика позитивизма въ языкознаніи должна освободить романскую филологію отъ склонности къ черезчуръ механическому пониманію языкового развитія.

2. Обоснованіемъ идеализма Фосслеръ возродилъ забытыя мысли Вильгельма Гумбольдта. Однако, если Гумбольдтъ безъ возведенія языка и духа къ высшему началу не могъ выйти изъ круга: „безъ языка нѣтъ духа, и наоборотъ—безъ духа нѣтъ языка", то Фосслеръ вышелъ изъ этого круга признаніемъ языка явленіемъ эстетическимъ. Какъ было выше сказано, это основное положеніе теоріи Фосслера было имъ заимствовано изъ философіи Бенедетто Кроче. Интересно отмѣтить, что еще 39 лѣтъ до выхода эстетики Кроче его положеніе было высказано русскимъ ученымъ А. А. Потебней. Послѣдній находилъ, что изъ круга Гумбольдта можно выйти только признаніемъ однородности искусства и языка. „Слово есть искусство" [1]), говоритъ Потебня; оно „имѣетъ всѣ свойства художественнаго произведенія" [2]).

3. За взглядами Фосслера должно еще признать ту заслугу, что они уничтожаютъ мнимую границу между исторіей литературы и грамматикой. Изученіе языка и поэзіи, т. е. единой эстетической интуиціи, составляетъ предметъ единой и нераздѣльной филологической науки.

С. Боткинъ.

Архивъ братьевъ Тургеневыхъ. Выпускъ 4-й. Путешествіе А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова по славянскимъ землямъ въ 1804 году. Подъ редакціей В. М. Истрина. Изданіе Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Петроградъ. 1915. Б. 8°. 2 нен. + II + 2 нен. + 116 стр. Цѣна 60 коп.

„Несмотря на небольшое количество, издаваемыя письма выдѣлены въ особый выпускъ потому, что по своему содержанію они представляютъ одно цѣлое: они говорятъ намъ исключительно о славянскихъ интересахъ автора [А. И. Тургенева. *Н. П.*], наглядно показывая, какъ этотъ интересъ, основанія котораго были теоретически заложены, хотя и въ слабой степени, еще въ Геттингенѣ, постепенно

---

[1]) А. Потебня, Мысль и языкъ, 3 изд., Харьковъ, 1913, стр. 162.

[2]) Ibid., стр. 168.

возрасталъ, когда автору пришлось непосредственно столкнуться со славянами", читаемъ въ предисловіи (стр. I). Кромѣ писемъ А. И. Тургенева въ этомъ выпускѣ „Архива" напечатаны извлеченія изъ записной тетради А. С. Кайсарова и нѣсколько писемъ (по черновикамъ) его къ Ст. Стратимировичу и Шлёцеру. По справедливому замѣчанію редактора разбираемаго изданія, письма Тургенева и Кайсарова въ настоящее время пріобрѣтаютъ особый интересъ. „Читая ихъ письма, читаешь какъ будто современную корреспонденцію о тяжеломъ положеніи славянъ въ Германіи и Австріи" (стр. II).

„Общее значеніе издаваемыхъ писемъ", замѣчаетъ г. Истринъ (стр. I), „указано мною въ статьѣ «Русскіе путешественники по славянскимъ землямъ въ началѣ XIX столѣтія» (*Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1912 г. сентябрь)". Дѣйствительно, все наиболѣе существенное изъ изданныхъ теперь матеріаловъ было уже обнародовано въ этой статьѣ, и послѣдняя представляетъ собою высоко интересный этюдъ, къ сожалѣнію сильно страдающій отъ корректурныхъ недосмотровъ, напр. „присылалъ къ намъ на квартиру пѣсни" (стр. 83) вмѣсто „... книгъ" (ср. „Архивъ", IV, 15), „графа Черника" (стр. 85) вмѣсто „графа Чернина", „Шиллера, Гете, Вертера, Коцебу" (ibid.), вмѣсто „Шиллера, Гете, Гердера, Коцебу", „Гергетенъ" (стр. 95) вмѣсто „Гергетекъ", „Heinrici Wilhelmi Rudolfi" (стр. 104) вмѣсто „Ludolfi", „Rob. Reclarmino" (стр. 106) вмѣсто „... Bellarmino"; особенно обидны двѣ послѣднія опечатки, такъ какъ въ IV томъ „Архива" соотвѣтственные матеріалы не вошли, и потому эти неточности остались неисправленными.

Что касается характеристики, данной г. Истринымъ А. С. Кайсарову (статья, стр. 107—109; „Архивъ", стр. II—указаніе на благородство обоихъ путешественниковъ, не проявляющихъ ненависти къ нѣмцамъ, которыхъ они признавали угнетателями славянъ), ее можно было бы дополнить замѣчаніемъ о значительномъ свободомысліи этого ученика Шлёцера; Кайсаровъ возстаетъ противъ суевѣрій, цензуры, обычая провозглашать анаѳему въ первое воскресенье великаго поста („Архивъ", стр. 35—36) и т. п.

Трудъ редактора „Архива братьевъ Тургеневыхъ" естественно раздѣляется на двѣ части — надзоръ за печатаніемъ и составленіе введенія, примѣчаній и указателя.

Что касается внѣшности изданія, она вызываетъ менѣе возраженій, чѣмъ цитированная выше статья. Изъ датъ на письмахъ слѣдуетъ отмѣтить безусловно невѣрныя на стр. 51 („*15 Октяб./27*

Ноября") и 99 („*1805, 13/26 февраля*") и неправильно напечатанную на стр. 100: „*1805, 16/7 mbr*" вмѣсто „... 16 7 mbr", т. е. „16 September". Большая хронологическая неточность, вѣроятно вслѣдствіе опечатки, получилась и въ примѣчаніи самого г. Истрина къ словамъ Тургенева (въ письмѣ безъ даты, но несомнѣнно отъ мая 1804 г.): „А я было еще надѣялся показать Платону латинской переводъ его Богословіи, который былъ сдѣланъ въ Гетингенѣ и почти напечатанъ подъ присмотромъ Шлецера уже за 28 лѣтъ" (стр. 13). „Въ сообщеніе Тургенева", говоритъ г. Истринъ (стр. 105), „вкралась ошибка: за 28 лѣтъ до того, т. е. въ 1796 г. Семенова уже не было въ Геттингенѣ, но въ 1779 г. онъ издалъ сочин. Платона «Православное ученіе или сокращенное Богословіе" на латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: Orthodoxa Doctrina seu Compendium Theologiae Christianae". 1796 — очевидная опечатка, вмѣсто 1776; что же касается 1779, то и этотъ годъ невѣренъ — слѣдуетъ читать 1774 (книга была напечатана, однако, не въ Геттингенѣ, а „Typis Academiae Petropolitanae").

Изъ другихъ опечатокъ можно указать напр. такія, какъ „Linie" вмѣсто „Linien" на стр. 105 (такъ и въ статьѣ, стр. 83). Если Тургеневъ пишетъ (стр. 26), что собирается ѣхать „къ Славенскому Митрополиту", то естественно предположить здѣсь опечатку, вмѣсто „Славонскому"; ср. на стр. 77: „Изъ податей Славянскихъ и Сремскихъ солдатъ" — вмѣсто „... Славонскихъ ...". На стр. 79 читаемъ: „Зѣсмильхъ полагаетъ, что въ *просвѣщенномъ* народѣ не прежде какъ черезъ 80 лѣтъ можетъ число жителей удвоиться" — имя *Зѣсмильхъ* попало и въ указатель, хотя несомнѣнно, что здѣсь слѣдуетъ подразумѣвать извѣстнаго статистика Зюссмильха (Johann Peter Süssmilch). Нѣмецкіе тексты напечатаны не особенно исправно; есть ошибки и въ сербской „Пѣсни Історіческой" (стр. 79—87).

Въ смыслѣ объясненій нельзя не пожалѣть о краткости ихъ и недостаточности; тѣ, которыя есть, не всегда изложены въ удобной формѣ, напр. въ текстѣ писемъ упоминается „Антонъ Антоновичъ" (стр. 22, 50, 56); въ „Примѣчаніяхъ" его фамилія не опредѣлена, но въ „Указателѣ" находимъ „Прокоповичъ-Антонскій Антонъ Антоновичъ 22, 50, 56"; тотъ, кто хотѣлъ бы узнать, кто такой этотъ „Антонъ Антоновичъ", вынужденъ былъ бы читать „Указатель" цѣликомъ.

Нѣкоторыя славянскія собственныя и географическія имена приводятся въ текстѣ въ необычной формѣ и, тѣмъ не менѣе, остаются

безъ объясненій. Такъ, на стр. 58 повѣствуется, что съ набережной города Рѣки „виденъ островъ Херсонъ"; очевидно, рѣчь идетъ объ островѣ, называемомъ итальянцами Cherso, а славянами Čres; несмотря на это на стр. 60, когда Тургеневъ назвалъ этотъ островъ въ родительномъ падежѣ „Херсо", повидимому редакція прибавила въ прямыхъ скобкахъ окончаніе „на". Тутъ же упоминаются „развалины замковъ, принадлежавшихъ нѣкогда одному изъ знатнѣйшихъ Венгерцовъ Франценшпану, которой сдѣлалъ заговоръ противъ Короля своего..."—г. Истринъ не объяснилъ, что это былъ Франкопанъ, и въ „Указатель" попалъ „Франценшпанъ, венгерецъ".

На стр. 87 начинается грамота Петра I, адресованная между прочимъ „Приморцамъ, Зетяномъ, Кучамъ [,] Бѣло Паличемъ" etc.—редакторъ не оговариваетъ находящагося здѣсь искаженія имени Бѣлопавличей, и въ „Указатель" вносится терминъ: „Бѣло-Палича".

Сверхъ того вообще весьма и весьма многія имена остались безъ соотвѣтственныхъ примѣчаній. Если г. Истринъ разъясняетъ, кто былъ Дамаскинъ (Семеновъ-Рудневъ, стр. 105) или Стефанъ Стратимировичъ (стр. 107), то можно было бы ожидать, что лица менѣе извѣстныя будутъ по мѣрѣ возможности охарактеризованы; такъ, напр., на стр. 27 читаемъ: „Сюда [въ Вѣну. *Н. П.*) пріѣхалъ изъ Парижа Ираклій Ивановичъ Марковъ, братъ Министра"; очевидно, рѣчь идетъ о генералѣ (1753—1829), который въ 1812 г. былъ избранъ Москвою въ начальники ея ополченія (ср. Бартеневъ, П. И., „Графъ Аркадій Ивановичъ Морковъ"—Русская Бесѣда 1857 г., кн. IV, отдѣлъ пятый, стр. 3); кстати можно замѣтить, что настоящая фамилія этого рода—Морковы, и знаменитый дипломатъ, графъ Аркадій Ивановичъ (1747—1827, „Министръ"), обычно подписывался Морковъ (ibid., 3[3]). Г. Истринъ не сообщаетъ никакихъ данныхъ ни о князьяхъ Долгорукомъ (стр. 28, 40, 43) и Баратовѣ (стр. 29, 34), ни о Ковачичѣ („славномъ Венгерскомъ ученомъ" стр. 38), ни о многихъ другихъ малоизвѣстныхъ лицахъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о славянскихъ дѣятеляхъ, примѣчанія г. Истрина не отличаются желательной подробностью, хотя спеціальное содержаніе IV-го выпуска „Архива", казалось бы, требовало ея. Вотъ, напр., на стр. 17 читается (въ письмѣ 1804 г. изъ Праги): „Недавно Проф. Богемской литтературы, нашъ знакомецъ, говорилъ рѣчь о томъ, что вредно (онъ хотѣлъ сказать—опасно) стараться истреблять Богемской языкъ между ними" etc.; далѣе идетъ обзоръ содержанія этой рѣчи, показывающій, что въ данномъ случаѣ имѣлась въ виду „Akademische Antrittsrede, ge-

halten den 16. November 1801 von Johann Negedly...“ (Prag, 1801— въ одномъ году было два изданія; существуетъ и русскій переводъ— въ „Извѣстіяхъ Россійской Академіи“ 1817 г., ч. III). Г. Истринъ сказалъ (стр. 106) нѣсколько словъ о Неѣдломъ по поводу упоминанія (стр. 16) пражскаго профессора „Богемской литературы“ и переводчика Гомера, но ни объ его рѣчи, ни о переводѣ Гомера („Homerowa Iliada, Zpěw prwní“, w Praze, 1801) никакихъ примѣчаній не сдѣлалъ. „Къ этому“, читаемъ на стр. 106, „Яну Неѣдлому, повидимому, относится слѣдующій отрывокъ изъ письма Алек. Иван. Тургенева къ Жуковскому и Мерзлякову... ...изъ Москвы въ Петербургъ, по возвращеніи Тургенева изъ-за границы: «Завтра посылаю въ Прагу для профессора Богемской Литературы, который намѣренъ издавать на Богемскомъ Журналъ, піесу Мерзлякова „Къ Непостижимому“, съ нѣмецкимъ слово въ слово переводомъ, по прозьбѣ самаго его, въ бытность мою въ Прагѣ»“; этотъ журналъ „на Богемскомъ“ былъ знаменитый „Hlasatel Český“, начавшій выходить въ 1806 году. „Кто бы подумалъ, чтобы на Чехскомъ (или Богемскомъ) прекрасно мастерски переведенъ былъ Гомеръ, Мильтонъ, Херасковъ?“ писалъ въ 1804 г. Тургеневъ (стр. 16). Переводъ изъ Гомера былъ уже указанъ, „Jana Miltona ztrácený ráj“, изданный только въ 1811 г., былъ переведенъ Юнгманномъ въ 1800—1804 гг., изъ Хераскова чешской литературѣ была усвоена еще въ 1795 году „Ода о величествѣ Божіи“ (перепечатку ея съ переводомъ en regard см. въ моей рецензіи на второе изданіе перваго тома книги „Literatura česká devatenáctého století“—Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, 1911, ноябрь, „Критика и библіографія“, стр. 5—9).

„Нѣкоторыя“, сообщаетъ Тургеневъ о чехахъ (стр. 16), „писали Исторію свою въ стихахъ“ — очевидно имѣется въ виду такъ назыв. Далимилъ.

5—17 іюля 1805 г. А. С. Кайсаровъ писалъ Стратимировичу (стр. 93): „Ваше высокопревосходительство имѣли благосклонность увѣдомить меня о изслѣдованіи вашемъ о имени князь. Я осмѣливаюсь трудить васъ прозьбою, естьли можно, приказать доставить мнѣ ваше изысканіе“. Г. Истринъ не объяснилъ, что здѣсь подразумѣвается „Опытъ произведенія именъ сихъ: Князь и Книга“, вышедшій „Въ Будинѣ“ въ 1805 г.

О времени пребыванія А. И. Тургенева въ Геттингенѣ въ „Примѣчаніяхъ“ между прочимъ сказано (стр. 104), что Шлёцеръ „слѣдилъ за выходившими тогда работами Добнера и Добровскаго по

древнѣйшимъ славянскимъ вопросамъ...“ — относительно Добнера († 1790) это невѣрно, такъ какъ его труды появлялись въ болѣе раннюю эпоху (ср. то же утвержденіе въ статьѣ, стр. 81).

Весьма любопытны были бы для насъ данныя о пріобрѣтавшихся Тургеневымъ и Кайсаровымъ книгахъ, но обнародованные въ „Архивѣ“ матеріалы даютъ объ этомъ мало свѣдѣній (см. стр. 15, 17, 90); однако въ печати уже давно (см. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1902 г., № 2, стр. 401 второго отдѣла) сообщены даты пріобрѣтенія Кайсаровымъ нѣкоторыхъ славянскихъ изданій; можно отмѣтить, что одно изъ нихъ было куплено въ Люблянѣ въ декабрѣ 1804 г., между тѣмъ какъ о пребываніи нашихъ путешественниковъ въ этомъ городѣ мы изъ ихъ писемъ или дневника Кайсарова не узнаемъ; можно думать, что они были въ Люблянѣ во второй половинѣ декабря ст. ст. 1804 г., такъ какъ 14—26 числа этого мѣсяца А. И. Тургеневъ писалъ родителямъ изъ Венеціи (стр. 67): „... завтра ввечеру ѣдемъ мы... ... черезъ Тріестъ въ Вѣну“. Какъ можно видѣть изъ этого примѣра, записи на книгахъ, принадлежавшихъ Кайсарову, должны быть причислены къ источникамъ объ его (и Тургенева) славянскомъ путешествіи, на скудость которыхъ справедливо указываетъ г. Истринъ въ своей статьѣ (стр. 107). У меня имѣются и другія славянскія книги съ ex-libris'ами „Andrej de Kajsarow“, но безъ датъ; таковы: „Tu malu besedishe treh jesikow“ Поглина и два чешско-словацкихъ букваря (W Budine, M.DCC.XCVIII) подъ заглавіемъ „Abecedar aneb Sillabikár pro Kraginské Sskoly w Uherskem Králowstwj“, одинъ съ мадьярскимъ, другой съ нѣмецкимъ переводомъ. Книги эти нѣкогда принадлежали временному замѣстителю В. И. Григоровича въ Казанскомъ университетѣ, А. И. Соколову (1824 — 1893) и были имъ найдены, по его разсказу, гдѣ-то на чердакѣ въ страшной пыли (въ какой мѣстности, не помню).

Ни въ статьѣ г. Истрина, ни въ IV томѣ „Архива“ не упоминается, что наши путешественники въ Тріестѣ посѣтили Обрадовича, который былъ имъ очень радъ и подарилъ имъ нѣкоторыя свои книги. Сербскій просвѣтитель показался Кайсарову необыкновеннымъ человѣкомъ (Источники для исторіи славянской филологіи, II, 697). Нѣтъ свѣдѣній и о знакомствѣ Тургенева и Кайсарова съ Добровскимъ, хотя при сношеніяхъ его съ Шлёцеромъ можно было бы ожидать, что послѣдній направитъ своихъ русскихъ учениковъ къ великому аббату, бывшему въ Россіи; но возможно, что наши путеше-

ственники не застали патріарха славянской филологіи въ Прагѣ, такъ какъ они были тамъ лѣтомъ, а это время года Добровскій обычно проводилъ въ деревнѣ у своихъ пріятелей-магнатовъ.

Изъ отдѣльныхъ замѣчаній, которыя могли бы быть сдѣланы по поводу тѣхъ или другихъ мѣстъ „Архива", приведу напр. такія. „По одиночкѣ", пишетъ Тургеневъ (стр. 8), „есть еще и въ Германіи люди, которыя умѣютъ стоять и правду говорить" — поставленныя разрядкою слова взяты изъ оды Державина „Вельможа" (строфа 21, послѣдній стихъ). Подобнымъ образомъ Кайсаровъ въ 1805 г. спрашивалъ (стр. 100): „Aber wo haben wir einen Wachter, einen Ihre?"—въ данномъ случаѣ онъ только повторялъ слова своего учителя: „Wann wird doch die slavonische Litteratur einen Wachter, einen Ihre, erhalten..." (Несторъ, I, 51). Любопытно, что нѣсколькими строками ниже Шлёцеръ замѣчаетъ: „... von allen slavonischen Dialekten — den einzigen **bulgarischen** ausgenommen — haben wir bereits brauchbare Grammatiken und Wörterbücher", тогда какъ Кайсаровъ писалъ (уже по возвращеніи въ Геттингенъ изъ путешествія по славянскимъ краямъ) Стратимировичу (стр. 91): „Шлецеръ... ободряетъ меня сдѣлать пробу нѣкотораго образа сравнительнаго словаря славянскихъ нарѣчій; всѣхъ почти главнѣйшихъ нарѣчій имѣемъ мы словари и грамматики, одинъ только славной родъ Сербской не имѣетъ ихъ"; какимъ образомъ ученикъ Шлёцера могъ такъ ошибиться?

18-го іюля (=1-го августа) 1804 года Кайсаровъ писалъ (стр. 36) И. П. Тургеневу: „Вѣрно, пудреннаго монаха не найдетъ онъ [московскій митрополитъ, т. е. знаменитый Платонъ Левшинъ. *Н. П.*] на всемъ своемъ теперешнемъ путешествіи" — вѣроятно здѣсь подразумѣвалась поѣздка митр. Платона на поклоненіе кіевскимъ святынямъ и въ другія мѣстности въ 1804 году, позднѣе описанная имъ самимъ въ печати (ср. „Изображеніе жизни и дѣяній московскаго митрополита Платона" [И. М. Снегирева], изданіе второе, I, 34 — 35, 73 — 74).

Число дополненій къ примѣчаніямъ г. Истрина могло бы быть и увеличено, но скудость редакторскихъ объясненій не отнимаетъ интереса и цѣнности у матеріаловъ, вошедшихъ въ IV томъ „Архива братьевъ Тургеневыхъ".

Н. Истроискій.

С. М. Кульбакинъ. Грамматика церковно-славянскаго языка по древнѣйшимъ памятникамъ. (Энциклопедія славянской филологіи. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. Подъ редакціею орд. акад. *И. В. Ягича.* Выпускъ 10). Петроградъ, 1915.

Книжка проф. Кульбакина посвящена грамматикѣ церковно-славянскаго языка по „древнѣйшимъ памятникамъ", и потому первою ея задачею должно бы быть опредѣленіе этого языка, въ связи съ тѣмъ народомъ, который на немъ говорилъ, и въ связи съ тою областью, гдѣ онъ слышался. Второю не менѣе важною задачею должна бы быть всесторонняя характеристика памятниковъ. Для оцѣнки заключающихся въ нихъ фактовъ языка въ полномъ смыслѣ слова необходимо обоснованное хронологическое опредѣленіе, параллельно съ которымъ должно идти опредѣленіе палеографическое. Затѣмъ должно слѣдовать историко-литературное опредѣленіе памятника, указаніе, что̀ за текстъ въ немъ находится, когда и гдѣ явился этотъ текстъ на церковно-славянскомъ языкѣ. Только имѣя уже въ рукахъ заключенія или хотя бы вѣскія предположенія о прошломъ памятниковъ, мы можемъ говорить о значеніи тѣхъ или другихъ буквъ въ нихъ, о присутствіи или отсутствіи тѣхъ или другихъ звуковыхъ явленій. Безъ всесторонней характеристики памятниковъ трудъ изслѣдователя церковно-славянскаго языка лишенъ необходимаго фундамента и каждый читатель можетъ отказать изслѣдователю въ самомъ правѣ производить изслѣдованіе этого языка.

Поясню примѣрами.

Одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для изученія церковно-славянскаго языка—Саввино Евангеліе. Проф. Кульбакинъ о немъ говоритъ: „судя по языку и палеографическимъ даннымъ, относится къ XI вѣку, возможно, къ его срединѣ: начертанія буквъ памятника въ общемъ совпадаютъ съ начертаніями надписи Самуила" (стр. 8). Если дѣйствительно по палеографическимъ даннымъ Саввино Евангеліе близко къ надписи 993 г., является вопросъ: почему авторъ относитъ его не къ концу X вѣка, не къ началу XI вѣка, а вообще къ XI в., предпочитая датировать срединою XI вѣка? Къ нему присоединяется другой вопросъ: почему авторъ не связываетъ Саввина Евангелія съ надписью 993 г. по мѣсту написанія и умалчиваетъ о послѣднемъ?

Другой источникъ—Супрасльская рукопись. По словамъ проф. Кульбакина, онъ „по палеографическимъ даннымъ... близко подходитъ" къ Саввину Евангелію и относится „несомнѣнно" къ XI вѣку (стр. 8—9).

И здѣсь читатель ставитъ вопросы: почему авторъ не относитъ Супрасльской рукописи, какъ Саввино Евангеліе, — къ срединѣ XI в.? А такъ какъ проф. Кульбакинъ приводитъ мнѣнія Вондрака—о „рукѣ малоруса“ въ Супрасльской рукописи и Облака—объ связи этого памятника съ „сѣверною Дакіею“ (стр. 13) и изъ нихъ съ мнѣніемъ Облака соглашается, то у читателя невольно является еще одинъ вопросъ: гдѣ написано близкое къ Супрасльской рукописи Саввино Евангеліе—не въ сѣверной ли Дакіи—и не прошлась ли и по немъ „рука малоруса“?

Третій памятникъ, поставленный авторомъ во главѣ церковно-славянскихъ памятниковъ,—Кіевскій Миссалъ. „Одни, говоритъ авторъ, видятъ въ немъ „копію съ церковно-славянскаго оригинала, писанную чехомъ“; другіе видятъ въ немъ отраженіе „особаго древне-славянскаго говора“ съ *з* и *с* на мѣстѣ церковно-славянскихъ *жд* и *шт*; „самое содержаніе“ памятника — „болѣе поздняго происхожденія“ (стр. 2—3); тѣмъ не менѣе, по словамъ проф. Кульбакина, „Кіевскій Миссалъ, вѣроятно, не моложе конца X вѣка“ (стр. 8).

При такихъ характеристикахъ памятниковъ церковно-славянскаго языка, какъ я сказалъ выше, въ полномъ смыслѣ слова необходимо объяснить, что̀ это за языкъ, гдѣ жилъ народъ имъ говорившій и когда этотъ языкъ существовалъ какъ живой. Проф. Кульбакинъ не даетъ никакихъ объясненій, и читателю самому изъ приведенныхъ выше характеристикъ памятниковъ приходится выводить заключенія, какія можетъ. Вѣроятно, обычный читатель сдѣлаетъ такое заключеніе: церковно-славянскій языкъ былъ языкомъ славянскаго народа, жившаго и на Балканскомъ полуостровѣ, и на земляхъ средняго Дуная, близъ нынѣшнихъ Вѣны и Будапешта, соприкасаясь съ чехами, словаками и юго-западными русскими, и что этотъ языкъ былъ живымъ въ теченіе по крайней мѣрѣ двухъ столѣтій — X-го и XI-го, послѣ которыхъ онъ пересталъ существовать.

Не знаю, какъ можетъ читатель согласить съ этимъ своимъ заключеніемъ извѣстную ему изъ учебныхъ руководствъ дату нашествія мадьяръ въ средне-дунайскую равнину...

Недоумѣніе читателя усугубляется, когда въ числѣ памятниковъ церковно-славянскаго языка онъ видитъ Пражскіе глаголическіе отрывки. Правда, они названы имъ „съ извѣстными оговорками“; по автору, они „относятся къ области чехо-словацкаго языка“ и принадлежатъ „по крайней мѣрѣ концу XI вѣка, если не началу XII“ (стр. 6—7). Правда, авторъ умолчалъ о величинѣ этого памятника.

Но все же читатель долженъ припомнить, что авторъ не помѣстилъ въ число своихъ источниковъ—церковно-славянскихъ памятниковъ—даже Святославова сборника 1073 г., памятника датированнаго и имѣющаго значительный объемъ, слѣдовательно, могущаго дать большое количество данныхъ. А сколько извѣстно памятниковъ не датированныхъ, но палеографически вполнѣ опредѣленныхъ: Реймское Евангеліе, Пандектъ Антіоха, слова Григорія Богослова, слова Кирилла Іерусалимскаго, старшія нотныя книги; кромѣ нотныхъ книгъ, въ нихъ во всѣхъ можно видѣть непосредственные списки съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, устанавливающіе хронологію цѣлаго ряда явленій орѳографіи и языка. Почему авторъ воздалъ такъ много чести ничтожнымъ Пражскимъ отрывкамъ и обошелъ вниманіемъ драгоцѣнные русскіе тексты? Почему „область чехо-словацкаго языка“ поставлена такъ высоко въ сравненіи съ областью русскаго языка? Понятно, когда ученый австріецъ или германецъ избѣгаетъ всего русскаго; но непонятно, почему русскій ученый считаетъ себя обязаннымъ слѣдовать въ этомъ отношеніи чужому примѣру.

Чтобъ покончить съ памятниками, скажу кстати два слова pro domo sua. Проф. Кульбакинъ, какъ мы уже видѣли, отмѣчаетъ всѣ мнѣнія о памятникахъ, какія нашелъ. Но одного онъ не удостоилъ отмѣтки — моего о Кіевскихъ отрывкахъ. Оно изложено въ моихъ „Матеріалахъ и изслѣдованіяхъ въ области славянской филологіи и археологіи“, С.-Пб. 1910, и можетъ быть названо послѣднимъ по времени. Не приводя его въ полномъ видѣ, я ограничусь указаніемъ, что, по моему мнѣнію, *возможно* видѣть въ Кіевскихъ отрывкахъ памятникъ польской письменности XI в. Повидимому, проф. Кульбакина поразила неожиданность моего сужденія объ этомъ памятникѣ. Но чѣмъ существеннымъ оно отличается отъ мнѣнія тѣхъ, которые видятъ въ немъ памятникъ чешско-словацкій, отъ мнѣнія, приведеннаго проф. Кульбакинымъ? Повидимому, проф. Кульбакину неизвѣстно, что обыкновенно смѣшиваемые со словаками поляки въ Венгріи, въ сосѣдствѣ съ чехами и словаками, живутъ и до сихъ поръ и что ихъ поселенія подходятъ къ самой Нитрѣ (см. объ этомъ хотя бы въ трудѣ Цамбела).

Послѣ того, что выше сказано, авторъ едва ли будетъ удивленъ недоумѣніемъ пишущаго эти строки отъ послѣдней страницы его изслѣдованія. Здѣсь проф. Кульбакинъ говоритъ: „сдѣланный обзоръ церковно-славянскихъ памятниковъ позволяетъ заключить, что *говоръ Кирилла и Меѳодія* характеризовался въ области фонетики еще не

порушеннымъ сохраненіемъ праславянскихъ носовыхъ гласныхъ и редуцированныхъ ъ и ь, артикуляціей *ѣ* = *ä* или *еа*, послѣдовательнымъ проведеніемъ измѣненія группы губной + j въ губной + *л*, сохраненіемъ особой артикуляціей *дз*, группой *сц* изъ *ск* передъ *ѣ*, *і* изъ дифтонга, смягченностью согласныхъ *ш*, *ц*, *ч*, *ж* и сочетаній *шт*, *жд*; въ области морфологіи его характеризовали старая форма твор. п. ед. ч. ж. р. на *ою*, нестяженныя формы прилагательныхъ на *аго*, *уєму*, формы аориста сильнаго и сигматическаго стараго типа и нестяженныя формы имперфекта" (стр. 97).

Дѣло въ томъ, что измѣненіе группы губной + j въ губной + *л* проведено вовсе не послѣдовательно и въ Синайской Псалтири, и въ Саввиномъ апракосномъ Евангеліи, и въ Ассемановомъ апракосномъ Евангеліи, во всѣхъ церковно-славянскихъ памятникахъ съ текстомъ несомнѣнно кирилло-меѳодіевскимъ. Зографское тетръ-Евангеліе, которое имѣетъ группу губной + *л* „почти безъ исключеній" (стр. 46), при всей близости своего текста къ тексту апракосному, тѣмъ не менѣе должно считаться прошедшимъ черезъ руки „учениковъ" Кирилла и Меѳодія; а всѣ остальные церковно-славянскіе памятники едва ли могутъ быть связаны, кромѣ немногихъ отдѣльныхъ статей, даже съ учениками первоучителей. Не будемъ распространяться о мягкости *ж*, *ч*, *ш*, *жд*, *шт*, *ц* передъ *а*, такъ какъ ея нѣтъ даже въ Зографскомъ Евангеліи. Употребленіе группы *сц* изъ *ск* проведено непослѣдовательно въ Зографскомъ и въ Ассемановомъ Евангеліяхъ. Послѣдовательность, напротивъ, отмѣчена въ Синайскомъ Требникѣ, не имѣющемъ связи съ дѣятельностью Кирилла и Меѳодія. О формахъ род. и дат. п. ед. ч. прилагательныхъ на *аго*, *уєму* прежде всего надо сказать, что ихъ въ церковно-славянскихъ памятникахъ не существуетъ: извѣстны только формы на *аего*, *уему*, что надо читать *аэго*, *уэму* (срв. великорусск. діалект. *думаэтъ* при *думатъ*), откуда *ааго*, *ууму* и *аго*, *уму*. Объ этихъ *аего*, *уему* можно говорить какъ объ архаизмахъ, но нѣтъ основанія всѣ архаизмы церковно-славянскихъ памятниковъ связывать съ говоромъ Кирилла и Меѳодія, видѣть въ нихъ, вмѣстѣ съ проф. Кульбакинымъ, „отзвуки кирилло-меѳодіевской эпохи" (стр. 77).

Обратимся къ самой „грамматикѣ" проф. Кульбакина. Это—нѣчто странное. Грамматики, въ обычномъ смыслѣ этого слова, въ ней нѣтъ. Сначала идутъ замѣчанія объ нѣкоторыхъ фонетическихъ особенностяхъ церковно-славянскихъ памятниковъ, главнымъ образомъ объ тѣхъ, которыя возникли въ періодъ существованія этихъ памятни-

ковъ, т. е. между концомъ IX и половиной XII вѣковъ. Потомъ нѣчто очень бѣглое объ формахъ склоненія и спряженія. Авторъ какъ будто не знаетъ о существованіи между формами церковно-славянскихъ памятниковъ такихъ интересныхъ, какъ *камы* вин. п. ед. ч. (Супрасл. рук.), какъ *помоштья* вин. п. ед. ч. (Супрасл. р., по изд. Академіи Наукъ, стр. 151: призъвати на *помоштья* ему εἰς βοήθειαν), какъ *румѣхъ* мѣстн. п. мн. ч. (Остром.; срв. съ одной стороны *румѣнинъ* въ лексиконѣ Миклошича, съ другой *корюнтѣмъ* въ Пандектѣ Антіоха XI в., *жителямъ* въ Путятиной Минеѣ XI в. и др.) [1]). Вездѣ авторъ показываетъ пренебреженіе къ сравнительному методу изслѣдованія и ограничивается выводами не изъ широкаго лингвистическаго матеріала, а изъ разсужденій субъективнаго свойства, иногда очень странныхъ; такъ, на стр. 78, приведя формы *живого* Саввина Евангелія и *благовѣрному* Ассеманова Евангелія, формы вполнѣ совпадающія съ формами древне-русскими и древне-сербскими, авторъ признаетъ ихъ поздними, возникшими на церковно-славянской почвѣ; а на стр. 93 вѣрующій въ сравнительную древность глаголицы авторъ говоритъ, что трудно „съ увѣренностью рѣшить, была ли въ языкѣ Кирилла и Меѳодія форма *борѣахъ*, или *борѣахъ*“.

А. Соболевскій.

Акты времени правленія царя Василія Шуйскаго (1606 г. 19-го мая—17-го іюля 1610 г.). Собралъ и редактировалъ *А. М. Гнѣвушевъ*. Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. М. 1914. XVII+421+1 нен. Цѣна 1 р. 50 коп. („Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн.“ за 1915 г., кн. 2).

Въ предисловіи къ настоящему сборнику, составляющему 2-й выпускъ предпринятаго Императорскимъ обществомъ исторіи и древностей изданія матеріаловъ подъ общимъ заглавіемъ „Смутное время Московскаго Государства“, редакторъ его, А. М. Гнѣвушевъ, указываетъ, что „сборникъ актовъ времени правленія царя Василія Шуйскаго составленъ преимущественно изъ документовъ, хранящихся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, при чемъ фонды этого архива были изучены по возможности съ исчерпывающей полнотой. Что же касается до фондовъ другихъ Московскихъ архивовъ (министерства юстиціи и Императорскаго двора), то ихъ

---

[1]) *Соболевскій*, Лингвистическія и археологическія наблюденія, вып. I, Варш. 1910, стр. 64.

основательное обслѣдованіе не входило въ задачи редактора настоящаго изданія, и изъ нихъ были извлечены и изданы только отдѣльные случайные документы". Останавливаясь поэтому исключительно на своихъ занятіяхъ въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, редакторъ въ дальнѣйшемъ называетъ отдѣлы архива, изученные имъ: это—„дѣла объ избраніи на царство", „дѣла о бракахъ", „приказныя дѣла старыхъ лѣтъ", отдѣлъ „жалованныхъ грамотъ, дипломовъ, патентовъ и проч.", „портфели Миллера и Малиновскаго", „дѣла о самозванцахъ", „кабинетныя бумаги кн. М. А. Оболенскаго"; изъ дѣлъ, касающихся сношеній съ иностранными государствами, просмотрѣны дѣла шведскія, голштинскія, австрійскія, грузинскія, греческія, ногайскія, крымскія, мунгальскія и персидскія; польскія дѣла г. Гнѣвушевымъ „оставлены безъ разсмотрѣнія, такъ какъ С. А. Бѣлокуровымъ они обслѣдованы исчерпывающимъ образомъ и неизданныя изданы въ «Сборникѣ Императорскаго историческаго общества», т. 137 и 142". По непонятной причинѣ въ отдѣлы архива, изученные имъ, редакторъ занесъ (стр. XIII—XIV) и „рукописи Императорской публичной библіотеки", при чемъ имѣетъ въ виду только одну изъ нихъ, извѣстную по „*актамъ археографической экспедиціи*", какъ „Сборникъ грамотъ Смутнаго періода, принадлежащій Императорской публичной библіотекѣ". Кромѣ отдѣловъ, указанныхъ въ предисловіи, редакторъ извлекъ кое-что и изъ другихъ отдѣловъ архива (№№ 104—105 изъ отдѣла „городовыхъ книгъ", № 107—изъ неразобранныхъ столбцовъ архива, №№ 119—121 изъ „дѣлъ о Посольскомъ Приказѣ"), но, повидимому, работы въ этихъ отдѣлахъ носили случайный характеръ, и потому о нихъ въ предисловіи не упоминается. Такимъ образомъ, „исчерпывающая полнота" изученія фондовъ главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ врядъ ли достигнута. Есть къ тому же отдѣлы архива, въ которыхъ редакторъ, повидимому, совсѣмъ не работалъ. Напримѣръ, г. Гнѣвушевъ не изучилъ одинъ изъ интересныхъ отдѣловъ архива, такъ называемыя „монастырскія дѣла"; среди нихъ онъ несомнѣнно нашелъ бы грамоты, относящіяся ко времени правленія царя Василія Шуйскаго. Для примѣра укажу хотя бы на дѣло Троицкаго Печенгскаго монастыря 1674 г.; на листахъ 22—34 „дѣла" приводится жалованная тарханная грамота Троицкому Печенгскому монастырю 1606 г. ноября 30-го (та же грамота и въ „дѣлѣ" 1622 г.). Наиболѣе богатый по количеству матеріалъ дали редактору „портфели Миллера" и дѣла, касающіяся сношеній съ иноземцами. Многіе акты изъ портфелей Мил-

лера, просмотрѣнныхъ редакторомъ, оказались, однако, изданными ранѣе (хронологическій списокъ ихъ приводится въ предисловіи—с. IV—VIII), при чемъ напечатанныя грамоты соотвѣтствуютъ спискамъ съ грамотъ портфелей № 133 (ч. I) и 478 (ч. I). Изъ другихъ портфелей Миллера многое, „хотя и не бывшее напечатаннымъ", г. Гнѣвушевъ не счелъ „нужнымъ цѣликомъ вносить въ изданіе, полагая вполнѣ достаточнымъ ограничиться указаніемъ на эти акты только въ предисловіи";—причина такого отношенія къ остальнымъ бумагамъ Миллера изъ этихъ словъ предисловія не видна, и принципъ, на основаніи котораго произведено разграниченіе, остается непонятнымъ и, кажется, довольно случайнымъ. Такимъ образомъ, нѣкоторые портфели только кратко описываются; всѣ же напечатанные акты (№№ 24—37, 39—43, 54—69) взяты изъ двухъ указанныхъ выше портфелей, а также изъ портфеля № 477 (ч. II) — (№№ 57, 64 — 67, 69). Не печатая того, что уже издано ранѣе, редакторъ почему-то, однако, сдѣлалъ исключеніе для №№ 24 (напеч. въ А. А. Э., т. II, № 91, II), 25 (ib., № 94, II), 37 (ib., № 123) и 42 (ib., № 103, II), при чемъ въ А. А. Э. соотвѣтствующія грамоты напечатаны по подлинникамъ, а не по спискамъ, какъ у г. Гнѣвушева. Впрочемъ, въ указанныхъ трехъ портфеляхъ и послѣ изученія ихъ содержанія г. Гнѣвушевымъ возможны, повидимому, находки интересныхъ актовъ (см. № 118 „Актовъ", извлеченъ изъ портфеля Миллера № 478 [ч. I], № 47 сообщенъ редактору С. К. Богоявленскимъ—предисл., с. XVII). Въ перечнѣ дѣлъ по сношеніямъ съ иноземцами редакторъ ничего не говоритъ о просмотрѣ англійскихъ, голландскихъ и датскихъ дѣлъ за 1606—1610 гг.; если ихъ нѣтъ въ архивѣ, то не лишнимъ было бы указаніе на то, какъ это сдѣлано, напр., въ отношеніи голштинскихъ дѣлъ (предисл., с. XVI, № 11). Изъ шведскихъ дѣлъ за 1606—1610 года не вошли въ изданіе только грамоты на шведскомъ языкѣ, описанныя въ предисловіи (с. XV—XVI), но грамота австрійскаго герцога на латинскомъ языкѣ (№ 92) печатается, однако, цѣликомъ. Остальные отдѣлы архива дали редактору сравнительно очень мало, такъ какъ большая часть хранящагося въ нихъ уже напечатана. Между прочимъ, въ предисловіи (с. III) указывается, что г. Гнѣвушевымъ изучены „приказныя дѣла старыхъ лѣтъ"—за всѣ ли года XVII столѣтія или только за нѣкоторые — изъ предисловія невидно. „Изъ этого отдѣла нами извлечены только двѣ грамоты, имѣющія прямое отношеніе къ сборнику (см. №№ 52 и 53). Третью же грамоту 7086 года октября 6-го, содержащую пожалованье псковской

церкви Успенія Богородицы, что на Заволочьи, на которой имѣется подтвердительная припись 115 года 8-го сентября, мы сочли излишнимъ печатать" (предисл., с. III). Но изъ этого отдѣла редакторомъ извлечено не двѣ грамоты, а девять (кромѣ №№ 52 и 53, также №№ 14, 20—22, 44, 45, 51, если только № 14 можно называть грамотой); что же касается грамотъ, на которыхъ имѣются только подтвержденія 1606—1610 гг., то количество ихъ, даже среди приказныхъ дѣлъ, навѣрно, значительно больше, и врядъ ли кто станетъ возражать противъ принятаго редакторомъ рѣшенія; къ тому же упомянутая грамота, повидимому, давно напечатана (см. Псковск. Губ. Вѣд. 1843 г., №№ 49 и 51).

Въ предисловіи отмѣчается, что работы редактора въ другихъ архивахъ носили случайный характеръ. Больше всего матеріала (послѣ арх. мин. иностранныхъ дѣлъ) редакторъ извлекъ, однако, изъ Московскаго архива министерства юстиціи. Вполнѣ понятно, что во время занятій въ архивѣ министерства юстиціи нельзя было обойти просмотромъ грамотъ коллегіи экономіи. Къ сожалѣнію, приходится признать, что эти занятія редактора носятъ, дѣйствительно, слишкомъ случайный характеръ. Казалось бы, что хоть нѣкоторые уѣзды коллежскаго фонда г. Гнѣвушевъ просмотритъ сплошь, зная, конечно, что не очень можно полагаться на хронологическое расположеніе актовъ въ предѣлахъ каждаго уѣзда. Но изъ напечатаннаго матеріала не приходишь къ заключенію, что даже это было сдѣлано; въ предѣлахъ отдѣльныхъ уѣздовъ редакторъ не просмотрѣлъ грамоты даже за тѣ годы, которые ему нужны. Такъ, г. Гнѣвушевъ печатаетъ (№ 11) грамоту № 14392/8 по Холмогорскому уѣзду, но почему-то не находитъ нужнымъ напечатать слѣдующій нумеръ по тому же уѣзду (14393/9)—грамоту съ прочетомъ отъ сентября 1606 г. двинскому дьяку Николаю Новокщенову о невзиманіи десятой рыбы съ рыбныхъ ловель Троице-Сергіева монастыря въ волости Варзугѣ Двинскаго уѣзда; изъ числа грамотъ по Галичу напечатаны (№№ 12 и 19) — №№ 3408/78 и 3410/80, но почему-то опущены лежащія съ ними рядомъ грамоты: № 3407/77 жалованная тарханная грамота на вотчины Авраамiева Чухломскаго монастыря отъ 1607 г. января, и № 3413/83 — грамота съ прочетомъ 1610 г. іюля 21-го о неправежѣ денегъ за посошныхъ людей и за лошадей съ вотчинъ Симонова монастыря въ Галицкомъ уѣздѣ. Аналогичные случаи можно бы указать и по другимъ уѣздамъ (напр., Бѣлозерскому, Вологодскому, Казанскому, Свіяжскому), при чемъ нѣкоторыя изъ этихъ опущен-

ныхъ грамотъ извѣстны уже по печатнымъ обзорамъ грамотъ коллегіи экономіи, составленнымъ С. А. Шумаковымъ. Редакторъ, не пересматривая всего фонда по Бѣлозерскому уѣзду, могъ бы найти, напримѣръ, указанія и на всѣ прочія грамоты 1606—1610 гг. по тому же уѣзду, имъ ненапечатанныя (напр., у *С. А. Шумакова* „Обзоръ грамотъ Коллегіи Экономіи", в. II, с. 45 и др.; грамоты Алаторскаго и Бѣжецкаго уѣздовъ, ib., в. I, с. 53, 98—99); въ третьемъ выпускѣ „Обзора" матеріала за 1606—1610 годы нѣтъ; то же замѣчаніе о неиспользованіи печатныхъ описей можно сдѣлать и въ отношеніи грамотъ Сибирскаго Приказа архива министерства юстиціи, напечатанныхъ подъ №№ 108—117, но по „Обозрѣнію столбцовъ и книгъ Сибирскаго Приказа", *Н. Н. Оглоблина* (ч. 3, с. 222—3; ч. 4, с. 128, 140 — извѣстны и другія грамоты этого же времени, касающіяся Сибири). Отсутствіе систематическаго просмотра хотя бы въ предѣлахъ тѣхъ четырнадцати уѣздовъ коллежскаго фонда, въ которые заглянулъ г. Гнѣвушевъ, привело къ тому, что редакторъ извлекъ оттуда всего только семнадцать грамотъ, при чемъ пять изъ нихъ не представляютъ интереса новизны, такъ какъ напечатаны уже ранѣе въ другихъ изданіяхъ (№ 16—въ „Матеріалахъ по исторіи Нижегород. края изъ столичныхъ архивовъ", в. 3: Грамоты коллегіи экономіи по Арзамасскому, Балахнинскому и Нижегородскому уѣздамъ. Ч. I. Подъ ред. А. К. Кабанова, с. 118 — 119 (*Дѣйств. Нижегор. арх. ком.*, т. XIV (1913), отд. III), при чемъ діакъ „Григорей" Мартемьяновъ у г. Кабанова — извѣстный д. „Герасимъ" Мартемьяновъ, а дата грамоты: 1606 г. марта 3-го (у г. Гнѣвушева — марта 13); № 17— въ „*Сборникѣ Муханова*" (изд. 2), № 138, с. 205—206; тамъ же (с. 347—348) напечатанъ и № 49 „Актовъ"; № 19 въ „*Описаніи Макаріева Унженскаго Костромской епархіи монастыря*" (М. 1825), с. 69—72; № 46 напечатанъ *С. А. Шумаковымъ* въ „Угличскихъ актахъ", с. 16—17). Такимъ образомъ, послѣ случайныхъ работъ г. Гнѣвушева въ коллежскомъ фондѣ Моск. арх. мин. юстиціи найдется еще немало грамотъ, относящихся къ 1606—1610 гг. Другіе отдѣлы архива г. Гнѣвушевъ просмотрѣлъ, дѣйствительно, также очень бѣгло (№№ 47, 48, 103, 106, 108—117, 123, 124, не упоминая о тѣхъ актахъ, которые были предоставлены редактору С. Б. Веселовскимъ—предисл., XVII), и его поиски тамъ врядъ ли имѣютъ серьезное значеніе для будущихъ собирателей актовъ этого времени. Не мѣшаетъ отмѣтить одну курьезную подробность работы г. Гнѣвушева въ арх. мин. юстиціи въ отдѣлѣ писцовыхъ книгъ. Послѣд-

нихъ за данные годы, дѣйствительно, сохранилось очень мало. Одна изъ нихъ, писцовая № 208 Кольскаго уѣзда 7116, 7117 и 7119 годовъ въ значительной своей части (до листа 196 включ.) напечатана въ приложеніи къ изслѣдованію Н. Харузина „Русскіе лопари“ (М. 1890, въ „*Изв. И. О-ва Любит. Естеств., Антроп. и Этногр.*“, т. 66), но описаніе нѣкоторыхъ Кольскихъ волостей, именно Керецкой и Ковдской, относящееся именно къ 7116—7117 гг. (ср. Грам. коллегіи экономіи по Двинскому уѣзду № 4318/216, л. 9—45 об.), не напечатано, и редакторъ могъ бы, кажется, дополнить пробѣлъ, оказавшійся у г. Харузина. Но вниманіе редактора остановила писцовая книга за № 142, которую онъ и печатаетъ подъ № 103 какъ „писцовую книгу Яранскаго уѣзда письма и дозору Василья Ларіонова и подъячаго Андрея Горохова 7116 года“ — и которая всюду въ изданіи (стр. XVII, 267—354, ср. въ указателѣ—Яранское Городище, Яранскъ, но рѣка Яренга) называется г. Гнѣвушевымъ писцовой книгой Яранскаго уѣзда... Сама же писцовая книга именуетъ себя такъ: „книги Вымские и Вычегодские земли Еренсково городища письма и дозору Василья Ларивонова да подъячево Ондрѣя Горохова лѣта 7116-го“... Память ли измѣнила редактору по части географіи или тутъ какое-то неразъяснимое недоразумѣніе, но г. Гнѣвушевъ смѣшалъ два уѣзда XVII в.: Яренскій (Еренскій)—нынѣ Вологодской губ. и Яранскій (Еранскій) — теперь Вятской губ.; и передъ нами, конечно, писцовая книга не Яранскаго уѣзда, а Яренскаго, при чемъ писцовыхъ книгъ Яранскаго уѣзда за 1606—1610 годы неизвѣстно (см. „*Опис. Докум. и Бумагъ Моск. Арх. Мин. Юст.*“, кн. I, с. 77).

Совсѣмъ случайный характеръ носятъ поиски редактора въ такъ называемомъ Дворцовомъ архивѣ (Московскомъ отдѣленіи общаго архива министерства императорскаго двора) и въ Императорской публичной библіотекѣ. Въ частности, на рукописи послѣдней редакторъ ссылается дважды (с. XIII — XIV, 43). Не знаю, видѣлъ ли самъ редакторъ тотъ сборникъ, на который онъ ссылается въ предисловіи (с. XIII), во всякомъ случаѣ остается неяснымъ, почему ни слова не говорится о другихъ грамотахъ времени правленія царя Василія Шуйскаго, находящихся въ указанномъ сборникѣ—или онѣ (какъ и двѣ указанныя въ предисловіи) тоже напечатаны (см. сборникъ И. П. Б. OIV № 17, лл. 329—334, 384—389 об., 390—397). Врядъ ли также стоило изъ-за данной грамоты, названной редакторомъ „жалованной грамотой“ кн. Д. М. Пожарскаго, пересматривать и другой сборникъ публичной библіотеки (FIV № 344): вѣдь, данная

грамота кн. Д. М. Пожарскаго 1609 г. по списку Румянцовскаго музея напечатана въ А. И., т. II, № 87 (откуда перепечатана *А. Смирновымъ* въ „Матер. для исторіи Владим. губ.", в. 3, с. 179—180). Нельзя не отмѣтить, кстати, что отдѣлъ подлинныхъ грамотъ публичной библіотеки за 1606—1610 года, на которыя, казалось бы, и слѣдовало г. Гнѣвушеву обратить свое главное вниманіе во время занятій въ публичной библіотекѣ, представляетъ довольно богатую коллекцію, главнымъ образомъ, жалованныхъ грамотъ разнымъ монастырямъ; въ значительной части, эти грамоты восходятъ къ тому же фонду грамотъ коллегіи экономіи, о чемъ въ отношеніи нѣкоторыхъ имѣются несомнѣнныя свидѣтельства въ видѣ коллежскихъ помѣтъ на оборотѣ грамотъ (напр., такія помѣты имѣются на жалованной тарханной грамотѣ 1606 г. іюня 6-го Троице-Сергіеву монастырю, подтверждающей грамоту, данную монастырю „при Гришке Ростриге", на рыбныя ловли въ озерахъ Переяславскомъ и Соминѣ, пожалованныя монастырю великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ). Большинство жалованныхъ грамотъ публ. библ. за 1606—1609 гг. подтверждаютъ жалованныя грамоты, данныя монастырямъ царями Иваномъ Васильевичемъ и Ѳедоромъ Іоанновичемъ (см. напр., жалов. гр. (безъ года) Шаровкину Перемышльскому монастырю (съ указаніемъ на неизвѣстныхъ Перемышльскихъ епископъ 7074 г. кн. Вас. Ив. Вяземскаго и подъяч. Увара Васильева); жалов. гр. 1606 г. сентября 16 Казанскому архіерейскому дому, подтвержд. грамоты 7073 и 7074 гг. и др.). Впрочемъ часть этихъ грамотъ уже напечатана. Въ томъ же собраніи за 1606—1610 гг. имѣется нѣсколько государевыхъ грамотъ на Верхотурье о роздачѣ жалованья служилымъ людямъ. Особо стоятъ четыре грамоты, касающіяся Важской области (одна изъ нихъ напечатана въ „Сборн. Хилкова" № 64); изъ нихъ грамота съ прочетомъ 1609 г. декабря 10-го на Двину, данная по челобитьѣ всѣхъ крестьянъ Важскаго уѣзда, подтверждаетъ старыя таможенныя льготы важанамъ, торговавшимъ въ Двинской области; въ грамотѣ много интересныхъ подробностей, касающихся сбора таможенныхъ пошлинъ на Холмогорахъ.

Приступая къ собиранію, а затѣмъ и печатанію актовъ времени правленія царя Василія Шуйскаго, г. Гнѣвушевъ несомнѣнно имѣлъ извѣстный планъ; къ сожалѣнію, онъ не нашелъ возможнымъ сообщить намъ о немъ, и потому о послѣднемъ приходится только догадываться. Повидимому, редакторъ подбиралъ въ архивахъ и печаталъ, во 1), все то, что не было еще напечатано, за исключе-

ніемъ документовъ ветхихъ (предисл. XII, XVI) или не представляющихъ самостоятельнаго значенія по сравненію съ напечатанными ранѣе (стр. XII); во 2), редакторъ печаталъ не только публичные акты времени царя Василія Шуйскаго, но и разные матеріалы, относящіеся къ этому времени (ср. №№ 14, 119—125), при чемъ пользовался съ послѣдней цѣлью и источниками позднѣйшаго времени. Такимъ образомъ, сборникъ заключаетъ въ себѣ нѣчто большее, чѣмъ только одни акты, при этомъ хронологическія рамки его расширены благодаря включенію въ него актовъ позднѣйшаго времени (напр., №№ 51, 52, 121—125), дающихъ матеріалъ для исторіи времени царя Василія Шуйскаго. Другими словами, правильнѣе было бы назвать сборникъ не „Актами времени правленія...", а какъ-нибудь иначе, напр., „Матеріалами для исторіи времени правленія царя Василія Шуйскаго"; тогда подъ „актомъ" не пришлось бы подразумѣвать, напр., приказную справку, повидимому, 1613 года, о службѣ при царѣ Василіи Ѳедора Дурова, кн. Григорія Волконскаго и др. (№ 14). Неясность же плана привела къ тому, что, помимо указанной приказной справки, подъ актами разумѣются не только наказы, жалованныя грамоты, грамоты съ прочетомъ, государевы грамоты въ города по разнымъ вопросамъ, отписки городовъ и воеводъ государю, ввозныя грамоты, отводная память, отпись дьяковъ Новгородской Четверти, списки съ подорожныхъ, данная запись и проч., а также статейные списки, дѣла по сношенію съ иноземцами и, наконецъ, писцовая книга... Съ другой стороны, то же смѣшеніе актовъ съ матеріалами позволило внести въ изданіе и акты позднѣйшаго времени, при чемъ самый поздній изъ нихъ относится къ 1649 г. (№ 125). Отсутствіемъ строго опредѣленнаго плана работы объясняется и то, что, въ сущности, ни въ одномъ изъ названныхъ выше архивовъ г. Гнѣвушевъ не довелъ работу до конца; послѣдняя, несмотря на желаніе придать ей, хотя бы въ предѣлахъ одного архива, исчерпывающій характеръ, имѣетъ слишкомъ случайный и далеко не законченный характеръ...

Переходя къ самому матеріалу, который собранъ г. Гнѣвушевымъ, остановлюсь сначала на принятыхъ редакторомъ пріемахъ его передачи. Внѣшнія описанія, хотя бы краткія, тѣхъ документовъ, которые печатаются, отсутствуютъ, и нельзя о томъ не пожалѣть. Самый текстъ грамотъ, конечно, приводится цѣликомъ, но обороты грамотъ часто только кратко описываются, при чемъ оборотныя помѣты или опускаются или приводятся не всѣ (въ № 11 пропущено: „Игуменъ

Антоней. 25 алтынъ", позднѣйшая же помѣта—„115-го году у Архангельсково города..." приведена; въ № 16—тоже); но этотъ пріемъ редактора, когда рѣчь идетъ о подтвержденіяхъ жалованныхъ грамотъ, отмѣчаемыхъ на оборотѣ, совершенно неправиленъ: вѣдь тотъ сложный вопросъ о пересмотрѣ жалованныхъ грамотъ, производившемся при царѣ Михаилѣ, заставляетъ цѣнить и тѣ мелкія подробности, о которыхъ рѣчь идетъ въ названныхъ подтвержденіяхъ. Не упоминается ничего и о печатяхъ, которыя, однако, имѣются при нѣкоторыхъ грамотахъ (напр., при №№ 5 и 9). Каждой грамотѣ послѣ нумера сборника предшествуетъ дата документа и заголовокъ. Нельзя при этомъ не отмѣтить нѣкоторую небрежность въ датировкѣ и невыдержанность терминологіи въ составленіи заголовковъ. Самую дату, кажется, правильнѣе располагать въ томъ порядкѣ, какъ принято въ старыхъ документахъ, т. е. послѣ указанія года ставить названіе мѣсяца въ родительномъ падежѣ, а затѣмъ уже число мѣсяца. Можетъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ неправильность датировки грамотъ обясняется плохой, вообще, корректурой изданія, но въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ недосмотръ редактора ясенъ. Напр., дата № 8—1606 г. августа 21-го, а грамота помѣчена августа 22-го; № 47—1610 г. апрѣля—въ грамотѣ: апрѣля 13-го; № 49: 1610 г. мая 5-го—въ грамотѣ: іюня 5-го; № 62—1609 г. ноября 18-го—въ грамотѣ: августа 6-го; № 81—1607 г. мая 29-го—въ грамотѣ: мая 20-го; № 92—1606 г.—въ грамотѣ: 1606 г. ноября 24-го; № 101—1607 г. марта 7-го—въ дѣлѣ: 1607 г. апрѣля 22-го и др. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дата является догадкой редактора, правильнѣе было бы заключать ее въ скобки. Случаи датировки подобнаго рода вызываютъ, конечно, больше всего сомнѣній, въ особенности въ отношеніи отписокъ разныхъ городовъ между собою. Можно бы разсчитывать точнѣе опредѣлить дату нѣкоторыхъ изъ нихъ, если принять во вниманіе отписки, напечатанныя въ другихъ, извѣстныхъ редактору, изданіяхъ (предисл. IV—VIII); но не претендуя даже на такую довольно кропотливую работу, оставаясь, такъ сказать, въ предѣлахъ данныхъ отдѣльнаго акта, нѣкоторыя изъ нихъ можно датировать точнѣе. Такъ, изъ числа тѣхъ отписокъ, которыя датируются при помощи указанія дня, послѣ котораго онѣ могли быть написаны (terminus post quem), слѣдовало бы, въ соотвѣтствіи съ указаніями самихъ отписокъ, исправить дату такъ: въ № 25—1609 г. послѣ января 1-го; въ № 27—1609 г. послѣ января 13-го; въ № 28—1609 г. послѣ января 27-го; въ № 29—1609 г. послѣ января 28-го; въ № 31—1609 г. послѣ

апрѣля 9-го. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ редакторъ датируетъ отписки днемъ полученія ихъ въ мѣстѣ назначенія (№№ 24, 56, 59, 61, 67, 83, 85, но въ № 80—это не выдерживается); по аналогіи съ ними и точно датированныя грамоты въ заголовкѣ отмѣчаются иногда днемъ ихъ полученія (№ 62, 83, 85, но ср. №№ 60 и 80), что, во всякомъ случаѣ, врядъ ли правильно. Есть случаи, когда совсѣмъ неясно, чѣмъ руководился редакторъ при своихъ хронологическихъ работахъ. Такъ, № 30—отписка кн. Мих. Вас. Скопина-Шуйскаго каргопольскому воеводѣ Семену Панфильевичу помѣчена, неизвѣстно почему, датой „послѣ 19-го марта", правильнѣе помѣтить ее—„послѣ марта 8-го, но ранѣе марта 26-го" (ср. Карамзинъ, XII, 91). Этотъ Семенъ Панфильевичъ, несомнѣнно, тотъ каргопольскій воевода Семенъ Шапкинъ, о которомъ имѣется упоминаніе, напр., въ А. И. т. II, № 190, какъ о воеводѣ, пославшемъ извѣстіе о ратныхъ людяхъ въ Холмогоры (повидимому, во исполненіе предписанія кн. М. В. Шуйскаго, о которомъ говорится въ отпискѣ № 30). Редакторъ пишетъ въ предисловіи, что онъ не нашелъ въ трудѣ Барсукова для Семена Панфильевича фамиліи, но на цитированной имъ стр. 93 „Списка" фамилія-то указана, но нѣтъ отчества; редакторъ смѣло могъ бы внести Семена Панфильевича въ свой указатель (см. предисл. XVII), дополнивъ указанія Барсукова еще новой датой: этотъ Семенъ Панфильевичъ Шапкинъ (вмѣстѣ съ подъячимъ И. Озерецкимъ) былъ каргопольскимъ воеводой и въ декабрѣ 1608 г. (см. стр. 29 разбираемаго изданія, гдѣ указывается отписка, присланная Шапкинымъ ранѣе 1-го января 1609 г. на Вологду съ сообщеніемъ о приходѣ, по словамъ заонежскихъ торговыхъ людей, въ Орѣховскій уѣздъ 20 тысячъ нѣмцевъ—объ этомъ см. А. А. Э. т. II, № 95—отписка М. В. Скопина-Шуйскаго 17-го декабря 1608 г. о прибытіи шведскаго вспомогательнаго войска). Неясно также происхожденіе даты № 118 (въ заголовкѣ и оглавленіи дата различная)—не двѣ ли отписки соединены здѣсь въ одну?—Напечатавъ „шведскій статейный списокъ № 8", редакторъ помѣстилъ его подъ нѣсколькими нумерами (№№ 70—90) на основаніи хронологіи грамотъ, входящихъ въ „списокъ". Нельзя не указать, однако, что измѣненія въ расположеніи грамотъ въ ихъ печатномъ изданіи по сравненію съ архивнымъ врядъ ли можно назвать удачными. Такъ, №№ 70 и 71, въ соотвѣтствіи съ листами рукописи, должны датироваться въ обратномъ порядкѣ: въ № 70 уже упоминается грамота, напечатанная подъ № 71;—и, несомнѣнно, „грамота образцовая" (№ 70), какъ посланная изъ

Москвы, относится къ тому же январю 1607 г.; въ №№ 76 и 78 дата относится, собственно, не ко всему нумеру, а только къ государевой грамотѣ, входящей въ составъ нумера (ср. то же въ № 102); № 77 не можетъ относиться къ 1607 г. марту 4, такъ какъ въ немъ упоминается (стр. 96) отписка, полученная 22-го марта, о самой же грамотѣ, полученной въ Архангельскѣ (№ 80, стр. 103) 11-го апрѣля 1607 г., упоминается въ грамотѣ отъ 30-го марта 1607 г. (стр. 100), какъ посланной „нынѣ", и правильнѣе, опять-таки въ соотвѣтствіи съ листами рукописи, № 77 помѣстить послѣ № 78, датируя его 30-мъ марта 1607 года. Редакторъ, повидимому, сознавалъ, что раздѣленіе статейныхъ списковъ и дѣлъ по сношенію съ иноземцами на отдѣльныя грамоты врядъ ли всегда можетъ быть продѣлано до конца, потому-то онъ отказался отъ этой мысли въ №№ 91 и 93,—иначе пришлось бы, подобно редактору, печатать, напр., подъ № 90 какъ актъ—„пріемъ шведскаго посла", подъ № 101—„пріѣздъ въ Москву крымскихъ гонцовъ". Чтобы покончить съ хронологіей, слѣдуетъ отмѣтить, что хронологическое расположеніе актовъ въ сборникѣ далеко не вездѣ выдержано (ср. №№ 21, 22, 28, 29, 52, 53 и др.).

Переходя къ заголовкамъ, предпосланнымъ тексту грамотъ, приходится отмѣтить довольно сбивчивую, вообще, терминологію г. Гнѣвушева. Отмѣчая, напр., разновидности грамотъ, которыми даются правительствомъ разнаго рода пожалованія, редакторъ употребляетъ термины „жалованная грамота" (№№ 2, 10, 19, 45, 48—50, 52), „подтвердительная жалованная грамота" (№№ 4, 7, 9, 44), „грамота" (№№ 5, 11), „жалованная обѣльная" (№ 17), „государева жалованная грамота" (№№ 23, 51), „указная грамота" (№№ 8, 12, 13, 15, 16, 18, 46). Если же подойти къ дѣлу съ формальной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія формуляра этихъ грамотъ, то всѣ приведенныя выше грамоты раздѣляются на двѣ группы—именно, собственно жалованныя грамоты (№№ 2, 4, 7, 9, 17, 19, 23, 48—50, 52) и грамоты съ прочетомъ (№№ 5, 8, 10, 11, 12, 13, 15, 16, 18, 44—46, 51); разсматриваемыя же по существу, грамоты съ прочетомъ не отличаются отъ собственно жалованныхъ грамотъ, но съ формальной точки зрѣнія разница, конечно, есть. Въ дальнѣйшемъ, собственно жалованныя грамоты могутъ дѣлиться на болѣе мелкія разновидности, но врядъ ли среди членовъ одного ряда этой классификаціи будутъ: просто жалованная грамота, подтвердительная жалованная грамота, обѣльная жалованная грамота и, наконецъ, государева жалованная грамота.

Недостатокъ строго установленной классификаціи грамотъ и терминологіи, къ сожалѣнію, больное мѣсто многихъ нашихъ научныхъ изданій актовыхъ матеріаловъ. Въ частности же, у г. Гнѣвушева остается непонятнымъ, чѣмъ, напримѣръ, №№ 5 и 11, названныя имъ просто „грамотами", отличаются отъ другихъ грамотъ, именуемыхъ имъ „указными грамотами"; подъ послѣдними г. Гнѣвушевъ, повидимому, и разумѣетъ, главнымъ образомъ, грамоты съ прочетомъ, но тогда чѣмъ же отъ указныхъ грамотъ отличаются „жалованныя грамоты" (по терминологіи редактора) №№ 10, 44, 45, 51? — И совсѣмъ неправильно смѣшеніе жалованныхъ грамотъ съ простыми данными въ заголовкѣ № 38—въ упомянутой уже выше „данной записи" кн. Дм. Мих. Пожарскаго. Нельзя не отмѣтить столь же неустойчивое употребленіе г. Гнѣвушевымъ терминовъ „припись", „подпись", „приписка" (ср., напр., стр. III, 4, 8, 9, 12, 13 и др.). Нѣкоторые заголовки, составленные редакторомъ, не вполнѣ соотвѣтствуютъ содержанію грамотъ; укажу, напримѣръ, на № 4—не говоря уже о томъ, что самъ же редакторъ считаетъ, повидимому, недостаточнымъ опредѣлять только родъ грамотъ, но указываетъ иногда и видъ ихъ, въ данномъ нумерѣ почему-то, кромѣ того, указывается не вся вотчина, на которую распространяется пожалованіе, а часть ея; въ № 13—пожалованіе дается не только въ отношеніи покупаемаго (какъ у редактора), но и продаваемаго меда—и рядъ другихъ.

Не имѣя подъ руками тѣхъ текстовъ, которыми пользовался г. Гнѣвушевъ, трудно судить о томъ, насколько правильно онъ ихъ передалъ. О пріемахъ передачи текста редакторъ ничего не говоритъ, но кое-что выясняется послѣ изученія „Актовъ". Редакторъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (не вездѣ) допустилъ сокращеніе царскаго титула (стр. 4, 5, 9 и др.); кой-гдѣ текстъ, повидимому, не сохранился или неразобранъ (стр. 13, 124—125 и др., особенно №№ 93, 97, 99); безспорныя реконструкціи текста отмѣчаются въ круглыхъ скобкахъ (стр. 12, 13), но въ нихъ же печатаются зачеркнутыя мѣста подлинниковъ (стр. 69, 117), очевидныя описки и пропуски указываются въ примѣчаніяхъ (стр. 12, 28—30, 40 и др.) въ наиболѣе спорныхъ мѣстахъ текста въ примѣчаніи дѣлается отмѣтка: „такъ въ ркп." (стр. 53, 66, 104, 107 и др.); иногда же редакторъ ставитъ послѣ такого мѣста восклицательный знакъ (стр. 366—367), курсивомъ въ текстѣ отмѣчаются мѣста его, вписанныя надъ строкой (см., напр., стр. 69), но въ другомъ мѣстѣ (на стр. 117) то же печатается въ ломаныхъ скобкахъ. Такое разнообразіе пріемовъ нельзя при-

знать удачнымъ, но, въ общемъ, редакторъ остороженъ въ передачѣ текста, избѣгая исправленія даже явно плохихъ и невѣрныхъ мѣстъ (напр., стр. 366—367). Кой-гдѣ, однако, текстъ по рукописи прочитанъ едва ли правильно. Такъ, на стр. 6—въ жалованной грамотѣ Никольскому Веневскому монастырю, среди деревень монастыря въ Тульскомъ уѣздѣ, указывается деревня Медвѣжье, что „приписали писцы наши князь Михайло Ретовской (?—поставленъ редакторомъ) да Дмитрей Пыжовъ противъ ихъ монастырской земли...“; этотъ князь Михайло „Ретовской“, несомнѣнно, кн. Мих. Ростовскій—писецъ Тульск. уѣзда 7074 г. (*П. Н. Милюковъ* „Спорные вопросы...“, стр. 185); стр. 9—дьякъ Тарасій Мартемьяновъ—не Герасимъ ли Мартемьяновъ, которымъ по тексту грамоты 1607 г., напечатанному г. Кабановымъ (*Дѣйствія Нижегородск. арх. ком.*, т. XIV, отд. III, стр. 118—119) является и дьякъ Григорій Мартемьяновъ на стр. 16; стр. 20 (изъ грам. 1606 г., сохраняю пунктуацію изданія): „I тѣ деи Вотцкія волости крестьяне во 114-мъ году, хотятъ у нихъ тоѣ Поповы Слободки угодьемъ и пожнею насильствомъ завладѣть и били де челомъ писцомъ...“ и т. д.; здѣсь, повидимому, неправильная пунктуація и опечатка въ словѣ „хотятъ“ надо „хотя“—„і тѣ деи Вотцкія волости крестьяне, хотя у нихъ тоѣ... насильствомъ завладѣть, и били де челомъ...“; въ томъ же № 12 Галицкій воевода 1606 г. названъ Черестовымъ (тоже въ указателѣ), но на стр. 17 (въ той же грамотѣ) онъ читается уже Чередовъ, а справка у Барсукова (стр. 59) указываетъ на правильность именно второго чтенія, и напрасно редакторъ считаетъ это чтеніе ошибочнымъ (см. „замѣченныя опечатки“ въ концѣ книги); стр. 18—„Пинявское (Пиняское) усолье“ Каргопольскаго уѣзда—конечно, не Пинявское, а Піяльское; стр. 72—„какъ они княгиня Анна и Гумейко ѣздили въ Сургутцкой уѣздъ въ вахъ“, но на стр. 375—въ сходномъ текстѣ послѣднія два слова прочитаны: „въ Ахъ“; дьякъ Помѣстнаго Приказа 1621 г. Неупокой Кошкинъ (стр. 380 и въ указателѣ, стр. 390)—конечно, извѣстный дьякъ Неупокой Кокошкинъ. Писцовой книгой Яренскаго уѣзда, напечатанной въ „Актахъ“ подъ № 103, занимался также М. М. Богословскій; въ спискѣ волостей этого уѣзда, приложенномъ къ первому тому его изслѣдованія о „Земскомъ самоуправленіи“ (прилож., стр. 28—33), нѣкоторыя волости Яренскаго уѣзда называются иначе, чѣмъ у г. Гнѣвушева; во всякомъ случаѣ, послѣднему надо бы какъ-нибудь отмѣтить это обстоятельство... Въ тѣхъ случаяхъ, когда г. Гнѣвушевъ печатаетъ грамоты, уже напечатанныя ранѣе въ другихъ изданіяхъ, его текстъ

нѣсколько отличается отъ послѣднихъ; отнюдь не указывая на большую правильность ихъ, нельзя не отмѣтить нѣкоторыя разночтенія—напр., у г. Гнѣвушева (въ № 16)—„пуст. Зименко, а Зимнишное Раменье тожъ“, у г. Кабанова (стр. 118)—„п. Зименкі, а Зимѣнинное Рамене тож“; Данилкино (№ 16)—Данилково; кромѣ того, въ той же грамотѣ встрѣчается рядъ болѣе мелкихъ отличій.

Много бы можно сказать по поводу пунктуаціи текстовъ, напечатанныхъ г. Гнѣвушевымъ... Къ сожалѣнію, и здѣсь сказывается печальное состояніе нашей дипломатики (а при печатаніи текстовъ и плохое знаніе грамматики): составъ, напримѣръ, тѣхъ или иныхъ грамотъ изученъ такъ мало, что редакторы отдѣльныхъ изданій, не различая отдѣльныхъ клаузулъ, разставляютъ знаки препинанія каждый по своему. Ограничимся двумя примѣрами. Подъ № 13-мъ г. Гнѣвушевъ печатаетъ указную грамоту 1606 г. октября — (т. е. грамоту съ прочетомъ) въ Юрьевецъ Поволжскій дворцовому прикащику Якову Пустобоярову; послѣ обычнаго начала: „отъ царя... Як. Пустобоярову“, въ грамотѣ читаемъ: „Билъ намъ челомъ богомолецъ нашъ Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря архимандритъ Іасафъ съ братьею, а сказалъ. Покупаютъ де въ Юрьевце Повольскомъ Троецкіе старцы и слуги...“ и т. д. (ср. то же въ №№ 5, 8, 10—12, 18, 44, 45, 46). Не кажется ли редактору, что послѣ „а сказалъ“, въ соотвѣтствіи съ правилами синтаксиса, надо поставить не точку, а двоеточіе, если ужъ редакторъ рѣшилъ разставлять знаки препинанія. Затѣмъ, при изложеніи самого челобитья и сущности пожалованія правильнѣе ставить въ текстѣ не точки (какъ у г. Гнѣвушева), а запятыя или точки съ запятой, опять-таки въ соотвѣтствіи съ правилами синтаксиса объ употребленіи названныхъ знаковъ и на основаніи клаузальнаго состава подобныхъ грамотъ.

Если перейти теперь къ положительной сторонѣ разбираемаго изданія, то приходится отмѣтить, къ сожалѣнію, что собранные г. Гнѣвушевымъ матеріалы даютъ все-таки мало новаго для характеристики времени царя Василія Шуйскаго. Кой-что изъ того, что напечатано г. Гнѣвушевымъ, врядъ ли заслуживало бы даже печатанія, если бы у редактора была какая либо опредѣленная точка зрѣнія на то, что подлежитъ печатанію. Имѣю въ виду, напримѣръ, напечатанныя подъ №№ 93—100, на 80-ти страницахъ, ногайскія дѣла: можно бы безъ ущерба для дѣла ограничиться краткимъ описаніемъ этихъ дѣлъ; жалованныя грамоты отдѣльнымъ лицамъ (№№ 48—50, 52) за вѣрную службу, извѣстныя и ранѣе (см., напр., А. А. Э. т. II, № 159),

по своему формуляру настолько сходны, что г. Гнѣвушевъ могъ бы ограничиться только указаніемъ ихъ, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ приведя разночтенія и давъ, такимъ образомъ, сводный текстъ; врядъ ли была также надобность въ печатаніи довольно сходныхъ съ напечатанными ранѣе царскихъ похвальныхъ грамотъ отдѣльнымъ городамъ (№№ 32—34) и въ перепечаткѣ тѣхъ грамотъ, которыя отмѣчены выше, какъ напечатанныя ранѣе. Извѣстныя и ранѣе по по описанію *Н. Н. Оглоблина* („Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго Приказа", ч. 3, стр. 215—216; ч. 4, стр. 128) грамоты подъ №№ 109—117 имѣютъ слишкомъ мѣстное значеніе; и для полноты представленія объ этихъ мѣстныхъ дѣлахъ надо бы печатать и остальныя грамоты этого времени, касающіяся Сибири, отмѣченныя въ томъ же „Обозрѣніи" (ч. 3, стр. 222—223; ч. 4, стр. 131, 140). Что же касается остального матеріала, то нельзя не отмѣтить напечатаніе въ полномъ видѣ важнаго для этого времени шведскаго статейнаго списка 1607 г. (№№ 70—90), извѣстнаго только въ изложеніи; также цѣнно напечатанное подъ № 91 шведское дѣло 1609 г. № 2; напрасно только редакторъ не перепечаталъ и грамоту Корельскому епископу, напечатанную въ С. Г. Г. и Д. т. II, № 191—вѣдь, послѣднее изданіе мало доступно. Важныя данныя для характеристики сѣверо-восточной окраины Поморья можно извлечь и изъ напечатанной писцовой книги Яренскаго уѣзда. Замѣчу, кстати, что приправочныя книги, письма и мѣры Ив. Огарева и подъячаго Филиппа Юрьева 7094 г., о которыхъ упоминается въ писцовой 7116 г. (напр., стр. 292 и др.), повидимому, до насъ не дошли, но двѣ сотныя съ нихъ (Глотовой Слободы и Сысольской волости) хранятся среди подлинныхъ грамотъ и сборниковъ Императорской публичной библіотеки (третья сотная на вотчины Спасскаго Сойгинскаго монастыря напеч. *С. А. Шумаковымъ* въ „Сольвычегодскихъ сотницахъ" М. 1905), № I. Не менѣе важны двѣ жалованныя грамоты, относящіяся къ самому сѣверу Московской Руси—именно, жалованныя грамоты Усть-Цилемской слободѣ (№№ 44, 47). Кой-какія, правда, мелкія подробности извлечетъ историкъ изъ тѣхъ отписокъ городовъ, которыя напечатаны г. Гнѣвушевымъ впервые (№№ 26—31, 36, 39—41, 43). Акты же, касающіеся сибирскихъ городовъ (№№ 54—69, 108—118), дали самому редактору матеріалъ для любопытной статьи, помѣщенной подъ заглавіемъ „Сибирскіе города въ Смутное время" въ „Юбилейн. Сборн. Истор.-Этногр. Кружка при Кіевск. Универс." (К. 1914, стр. 111—122, и отд. К. 1914); тѣ же акты, кромѣ того, даютъ

нѣкоторыя любопытныя данныя, касающіяся, напримѣръ, обычаевъ сибирскихъ инородцевъ XVII в. Такъ, въ отпискѣ 1606 г. изъ Тобольска въ Кецкій острогъ, между прочимъ, читаемъ (стр. 66): „а какъ, г-не, учнешь ясачныхъ людей къ шерти приводити и ты бы въ тѣ поры велѣлъ надъ ними держати сабли, а прочетчи запись (крестоцѣловальную) велѣлъ встыкати на ножъ и давати имъ въ ротъ по куску хлѣба съ ножа, а послѣ того велѣлъ бы еси ихъ поити и кормити по государеву указу" (см. также № 61, стр. 72—73, и № 118, стр. 375—376). Рядъ любопытныхъ черточекъ даютъ тѣ же акты о сибирскихъ воеводахъ того времени; среди нихъ не лишены интереса свѣдѣнія объ извѣстномъ Ив. Мих. Катыревѣ-Ростовскомъ, посланномъ воеводой въ Тобольскъ, послѣ раскрытія заговора въ войскахъ, высланныхъ противъ Лжедимитрія весной 1608 г. (*Карамзинъ*, XIII, 48—49; *Соловьевъ*, II, 837). По дѣлу объ измѣнѣ княгини Анны Игичеевой пелымскіе воеводы Ив. Мих. Годуновъ и Петръ Данил. Истленьевъ отказались послать въ Березовъ для допроса князька Четырку на томъ основаніи, что послѣдній приписанъ къ Пелымскому уѣзду, и требованіе главнаго сибирскаго воеводы, Ив. Мих. Катырева находили неосновательнымъ (№ 61—1609 г. ранѣе авг. 20-го); въ отвѣтъ на это кн. Катыревъ гнѣвно писалъ (стр. 374): „А что пишете, что мы дѣлаемъ не по государеву указу и посылаемъ Вагуличъ на Березовъ, а Конда Пелымскаго уѣзда, и ясакъ емлете въ Пелымской городъ, а не въ Тобольскъ—и вы то дѣлаете сами не по государеву указу, что въ такомъ измѣнномъ дѣле для сыску на очную ставку не посылаете. Въ которыхъ большихъ городѣхъ живутъ государевы большіе бояры и дьяки, а въ ыныхъ городѣхъ приказные люди губные старосты и городовые приказщики, а въ иныхъ городѣхъ земскіе старосты, и тѣ въ государевыхъ дѣлехъ ссылаютца и зъ бояры и изъ большихъ городовъ посылаютъ на очную ставку въ меньшые городы и въ розбойномъ дѣле, не токмо что въ ызмѣнномъ дѣле. И вы то пишите малоумьемъ, а ты Петръ и ничего не знаешь, да хотя бы ты что и зналъ, и тебѣ было мнѣ указывати не пригодилось, да и Данило Изтлѣневъ князю Михайлу Петровичу Катыреву не указывалъ, а мнѣ по государеву ц. и в. к. Василья Ивановича в. Р. указу велено во всѣ сибирскіе городы о всякихъ государевыхъ дѣлехъ указывати. И вы-бъ впередъ такъ не плутали и безумьемъ не писали..."—Какъ уже упомянуто выше, г. Гнѣвушевъ извлекъ, главнымъ образомъ, изъ фонда грамотъ Коллегіи экономіи арх. мин. юст., рядъ жалованныхъ грамотъ, монастырямъ: Чудову (№ 2), Никольскому Веневскому (№ 4),

Кириллову Бѣлозерскому (№ 5, 17), Троице Сергіеву (№ 7, 12, 13, 16), Троицкой Слободской пустыни (№ 8), Покровскому Суздальскому (№ 9), Спасскому Золотоворотскому Владимирскому (№ 10), Соловецкому (№ 11, 15), Глушицкому Вологодскому (№ 18), Макаріеву Желтоводскому (№ 19) и Алексѣевскому Угличскому (№ 46), а также интересную опись имущества Пафнутьева Боровского монастыря, отправленнаго въ 1608 г. въ Москву (№ 107). Можно пожалѣть, конечно, о томъ, что, помимо перепечатки извѣстныхъ уже грамотъ, извлеченныя г. Гнѣвушевымъ жалованныя грамоты не столь богаты содержаніемъ по сравненію съ тѣми, которыя имѣются въ томъ же фондѣ архива министерства юстиціи. Жалованныя грамоты времени царя Василія Шуйскаго, въ особенности за 1606 и 1607 гг., цѣнны часто потому, что являются подтвержденіями болѣе раннихъ грамотъ XVI вѣка, часто не дошедшихъ до насъ (ср., напр., жалованную грамоту Троице-Сергіеву монастырю 1606 г. іюня 11, напеч. въ „Опис. Госуд. Архива“ Иванова, прилож., стр. 248—256 и въ „Исторіи Россійской Іерархіи“ Амвросія, ч. II, стр. 151—156, которая, съ небольшими варіантами, воспроизводитъ жалованную грамоту тому же монастырю царя Ивана Васильевича 1578 г. апрѣля 28-го—въ сборн. древлехр. Погодина (въ И. П. Б.) № 1564, л. 92 и слѣд. и въ сборн. № 1905, лл. 97—112; жалованная грамота 1607 г. февраля 28-го Николаевскому корельскому монастырю, напечатанная по списку въ А. И., № 77 и въ Р. И. Б., т. XIV, стб. 180—189 (подлинникъ грамоты—не вполнѣ сохранившійся—находится среди подлинныхъ грамотъ Имп. публичной библіотеки) подтверждаетъ недошедшія до насъ грамоты тому же монастырю царей Ивана Васильевича и Ѳедора Іоанновича (см. также выше), и при томъ безъ тѣхъ измѣненій, которыя вносились въ содержаніе грамотъ при подтвержденіяхъ 20-ыхъ годовъ XVII в. Такого характера напечатанная въ „Актахъ“ подъ № 4 жалованная тарханная грамота Никольскому Веневскому монастырю, подтверждающая, между прочимъ, и грамоту царя Ивана IV, по которой игумена съ братіей и монастырскихъ прикащиковъ судилъ самъ царь или „дворетцкой Большово Земсково Дворца“. Изъ прочихъ грамотъ слѣдуетъ отмѣтить три: это—№ 10—грамоту съ прочетомъ 1606 г. сентября 1-го во Владимиръ губному старостѣ Несмѣяну Зловидову, подтверждающую освобожденіе отъ посадскаго тягла жившихъ на монастырской землѣ гор. Владимира бобылей церковныхъ сторожей Спасскаго Золотоворотскаго монастыря; № 11—грамоту съ прочетомъ 1606 г. сентября 17-го на Двину, князю Д. Г.

Бѣльскому и дьяку Николаю Новокщенову, подтверждающую владѣніе Соловецкимъ монастыремъ купленнымъ у г. Архангельска бѣлымъ дворовымъ мѣстомъ, и, наконецъ, № 15 — грамоту съ прочетомъ 1607 г. января 23-го Каргопольскаго уѣзда Турчасовскаго стана Нижняго и Верхняго концовъ прошлымъ судьямъ и даннымъ цѣловальникамъ объ отказѣ въ удовлетвореніи исковъ о выкупѣ проданныхъ монастырямъ вотчинныхъ крестьянскихъ участковъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ. Всѣ остальныя грамоты не имѣютъ общаго интереса.— Напечатанныя подъ №№ 3, 6 и 47 ввозныя грамоты также не представляютъ особаго интереса.

Приложенный къ „Актамъ" личный и географическій указатели составлены, къ сожалѣнію, съ пропусками. Редакторъ въ предисловіи отмѣтилъ, что въ указатель не попалъ только каргопольскій воевода Семенъ Панфильевичъ, но тамъ же нѣтъ князя вологодскаго Андрея Васильевича (стр. 21), князя Петра Волконскаго (стр. 7), Ирины Клешниной (жены Андрея Клешнина) (стр. 360), Данилы Истленьева (стр. 374), кн. Михаила Петровича Катырева (стр. 374), безчисленныхъ тяглецовъ писцовой книги Яренскаго уѣзда, о чемъ стоило бы упомянуть въ предисловіи, и др.; среди попавшихъ въ указатель при нѣкоторыхъ отмѣчены не всѣ страницы (напр., дьякъ Нечай Ѳедоровъ по указателю только на стр. 12, 15, 18, 19, но онъ же на стр. 75, 363, 369, 370). Составитель указателя, повидимому, не производилъ никакихъ сопоставленій и объединеній сходныхъ лицъ, поэтому въ указателѣ „Дмитрій I, самозванецъ", „Отрепьевъ Григорій", „Растрига"—не имѣютъ даже перекрестныхъ ссылокъ; лица же несомнѣнно сходныя фигурируютъ иногда, какъ разныя—вѣдь, дьякъ Василій Нелюбовъ (стр. 392) тотъ же дьякъ Вас. Нелюбовъ с. Суковъ (стр. 395); воевода пелымскій Петръ Даниловичъ Загрязскій (стр. 388) все тотъ же Петръ Даниловичъ Истленьевъ (стр. 389)—и др. При именахъ многихъ лицъ указано ихъ положеніе, но и тутъ не все понятно—напр., Софроній Долбиловъ, старецъ не Спасо-Евѳимьевскаго Боровскаго монастыря, а Пафнутьева Боровскаго; Строгановъ, Кузьма Даниловичъ, названъ „воеводой тотемскимъ" (въ согласіи, повидимому, съ указаніями Барсукова (стр. 248), но у послѣдняго и Харламъ Губинъ—воевода), Максимъ Яковлевичъ и Никита Григорьевичъ Строгановы—„воеводы Сольвычегодскіе"; и безъ труда Барсукова редакторъ могъ бы установить, что воеводой въ Сольвычегодскѣ въ указанные годы былъ Поспѣлъ Елисѣевичъ Извольскій (стр. 23, 25, 39, 42, 67). Нѣсколько лѣтъ тому на-

задъ среди мѣстныхъ нижегородскихъ историковъ много разговоровъ вызывала личность строителя Макаріева Желтоводскаго монастыря старца Давыда Хвостова, при чемъ нѣкоторые изъ историковъ видѣли въ немъ Даніила Васильевича Хвостова. Съ именемъ Даніила, но съ указаніемъ, что онъ—Даніилъ Хвостовъ—строитель упомянутаго монастыря, г. Гнѣвушевъ помѣстилъ его въ своемъ указателѣ, хотя—помимо неумѣстности въ указателѣ такой необоснованной перемѣны имени—редактору должно быть небезызвѣстно, что послѣ обстоятельной статьи П. Г. Любомирова („Легенда о старцѣ Давидѣ Хвостовѣ" въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1911 г., декабрь, 322—355, особенно стр. 338—341) о тожествѣ старца Давида Хвостова съ Даніиломъ Васильевичемъ Хвостовымъ врядъ ли можетъ быть разговоръ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ указателѣ, благодаря плохой вообще корректурѣ изданія, несомнѣнныя опечатки (напр. воевода Кецкаго острога не Елизарьевъ, а Елизаровъ—см. стр. 75, 76 и др.). Столь же осторожно надо пользоваться и географическимъ указателемъ. Въ послѣдній вошли, между прочимъ, и географическія имена писцовой книги. Указывая, напримѣръ, что деревня Базлукъ встрѣчается пять разъ на такихъ-то страницахъ, редакторъ почему-то не отмѣчаетъ волости или погоста, къ которымъ названная деревня относится; если каждый разъ приходится наводить справку, про какую именно деревню Базлукъ идетъ рѣчь, то не проще ли было при названіи деревни только указать всѣ тѣ страницы, на которыхъ она упоминается (независимо отъ волости и погоста), чѣмъ значительно сократился бы указатель, хотя и безъ этого при провѣркѣ указатель, навѣрно, сократится (напр., деревня Базлукъ на стр. 272—273 все одна и та же деревня Базлукъ волости Тохты); впрочемъ, не въ экономіи здѣсь дѣло, такъ какъ редакторъ всюду передъ указаніями страницъ ставитъ явно ненужное слово „стр.", иногда выписывая его даже полностью. При указаніи двухъ наименованій погоста, волости или же деревни, напр., „волостка Тохта и Черва тожъ" (271), „дер. Березникъ, Шилково тожъ" (285), второе названіе почему-то совсѣмъ не попадаетъ въ указатель. Пропуски въ географическомъ указателѣ встрѣчаются, напр., на стр. 268—„за рекою за Кижмою монастырь Архангельской", ни р. Кижма, ни монастырь Архангельскій совсѣмъ не попали въ указатель; не указанъ и другой монастырь Яренскаго уѣзда—Спасскій на устьѣ рѣчки Сойги (стр. 309—311), а также совсѣмъ не отмѣчены церкви на погостахъ.

Въ заключеніе, приходится отмѣтить, что, при нѣкоторыхъ круп-

ныхъ недочетахъ, главное—отсутствію опредѣленнаго плана, а оттого довольно случайномъ подборѣ документовъ, „Акты времени правленія царя Василія Шуйскаго“ все-таки кой-что даютъ для историка этого времени, не исключая, однако, необходимости дальнѣйшихъ поисковъ въ тѣхъ же архивахъ, откуда извлечены и настоящіе акты.

А. Андреевъ.

Книжныя новости.

Шестериковъ, П. С., библіотекарь Императорскаго Новороссійскаго университета. Постановка библіотечнаго дѣла въ университетскихъ и нѣкоторыхъ другихъ библіотекахъ Россіи. Одесса. 1915 г., стр. 1—261.

Лѣтомъ 1913 г. библіотекарь Новороссійскаго университета П. Шестериковъ былъ командированъ въ Петроградъ для пріема библіотеки, пожертвованной Новороссійскому университету сенаторомъ С. В. Пахманомъ. Покончивъ съ порученіемъ, П. С. Шестериковъ сталъ знакомиться съ постановкой библіотечнаго дѣла въ крупныхъ книгохранилищахъ Москвы и Петрограда, въ университетахъ: Варшавы, Юрьева, Казани, Саратова, Харькова, политехническихъ институтахъ. Въ заключеніе авторъ подробно останавливается на описаніи постановки библіотечнаго дѣла въ Новороссійскомъ университетѣ (стр. 170—259, всего въ книгѣ 261 стр.).

Въ итогѣ получилось очень цѣнное, систематически расположенное, очень большое собраніе матеріала, которое предстаетъ въ такомъ обиліи впервые. Безспорную цѣнность труда П. С. Шестерикова составляетъ то, что такого большого единообразно собраннаго матеріала никто до него не представлялъ, и въ предстоящей, неотложной реформѣ библіотечнаго дѣла въ Россіи книга г. Шестерикова окажетъ неоцѣнимую услугу.

Авторъ даетъ обильный матеріалъ, касающійся способовъ и пріемовъ храненія книжныхъ богатствъ, принятыхъ способовъ каталогизаціи книгъ и правилъ для пользованія книгами. Одновременно онъ даетъ статистическія данныя о книжныхъ собраніяхъ, подробно описываетъ спеціальныя библіотечныя зданія тамъ, гдѣ таковыя имѣются, или помѣщенія, гдѣ хранятся книги. Очень цѣнными являются матеріалы, которые, съ одной стороны, рисуютъ матеріальное положеніе служащихъ въ крупныхъ русскихъ библіотекахъ, съ другой—цифровыя данныя о расходахъ на пополненіе библіотекъ; наконецъ, нельзя не отмѣтить и громаднаго количества снимковъ, прекрасно исполненныхъ, съ инвентарныхъ книгъ библіотекъ, карточекъ, по которымъ регистрируются книги, составляются каталоги, билетовъ для пользованія книгами, для права посѣщенія библіотекъ. Эта матеріальная часть труда представляетъ тѣмъ больше цѣнности, что по ней можно получить отчетливое представленіе о библіотековѣдѣніи въ Россіи.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не отмѣтить и нѣкоторыхъ дефектовъ книги: прежде всего, непомѣрно растянутое изложеніе постановки библіотечнаго дѣла въ Новороссійскомъ университетѣ, что, конечно, объясняется болѣе близкимъ знакомствомъ для составителя книги, отчасти и тѣмъ, что книга издана ко

дню пятидесятилѣтняго юбилея университета (1865 $\frac{1}{V}$ 1915 г.). Давая описаніе сравнительно небольшого, молодого книжнаго собранія Николаевскаго Саратовскаго университета, г. Шестериковъ оставляетъ безъ вниманія Одесскую публичную библіотеку, помѣщающуюся въ спеціальномъ помѣщеніи, оборудованномъ по послѣднимъ указаніямъ техники [1]). Совершенно излишними являются компилятивные историческіе обзоры университетовъ, предшествующіе описанію нѣкоторыхъ книгохранилищъ; недочеты являются слишкомъ ничтожными въ сравненіи съ указанными крупными достоинствами.

Помимо общей цѣнности, какъ богатаго собранія матеріаловъ, книга г. Шестерикова пріобрѣтаетъ не менѣе существенную практическую цѣнность.

На основаніи знакомства съ книгой П. С. Шестерикова получается впечатлѣніе чрезвычайной хаотичности и случайности въ постановкѣ библіотечнаго дѣла въ наиболѣе крупныхъ библіотечныхъ центрахъ; отсутствіе согласованности, планомѣрности—общій итогъ состоянія практическаго библіотековѣдѣнія у насъ. Лишь кое-гдѣ, какъ въ Румянцевской библіотекѣ, библіотекѣ Московскаго университета, Петроградской публичной библіотекѣ, постановка библіотечнаго дѣла стоитъ на должномъ уровнѣ, но такое положеніе обусловлено не системой, равно обязательной для всѣхъ, а знаніемъ тѣхъ отдѣльныхъ лицъ, которыя руководятъ библіотеками. Весьма прискорбнымъ обстоятельствомъ должно признать и то, что библіотекарями и руководителями библіотечнаго дѣла являются лица мало подготовленныя для этого важнаго дѣла, лица безъ спеціальной подготовки, лица случайныя. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо матеріальное вознагражденіе служащихъ въ нашихъ библіотекахъ настолько ничтожно, что едва ли оно можетъ привлечь лицъ съ спеціальнымъ образованіемъ, съ университетскимъ образованіемъ; такъ помощники библіотекарей (а они несутъ очень отвѣтственную работу въ библіотекѣ) получали въ годъ: въ Петроградскомъ университетѣ 900 р., Юрьевскомъ—975 р., Казанскомъ—720 р., Саратовскомъ——1.050 р., Кіевскомъ—700 р., Московскомъ—1.200 р., Харьковскомъ—1.125 р. до 1.425 р. Конечно, на такіе скромные оклады едва ли пойдутъ лица со спеціальной подготовкой. Вопросъ о новыхъ штатахъ въ библіотекахъ университетовъ давно уже поставленъ на очередь, но такъ какъ этотъ вопросъ связали съ реформой университетскаго устава, то по сію пору онъ лежитъ безъ движенія [2]).

Библіотековѣдѣніе въ настоящее время представляетъ очень сложную дисциплину, которая требуетъ особой подготовки и подготовки научной; библіотековѣдѣнію предъявляютъ очень сложныя требованія; „предметъ библіотековѣдѣнія, пишетъ Ф. Эйхлеръ [3]), опредѣляется, какъ изслѣдованіе условій

---

[1]) *Т. Г. Попруженко*, Одесская городская публичная библіотека 1830—1910 гг., Одесса. 1911 г., стр. 1—84.

[2]) *Ив. Дусинскій*, Въ ожиданіи давно назрѣвшей реформы (къ вопросу о матеріальномъ и служебномъ положеніи личнаго состава нашихъ университетскихъ библіотекъ въ связи съ предстоящимъ введеніемъ новыхъ штатовъ). Изв. Одесск. библ. общ. при Императорскомъ Новор. университетѣ, т. III, вып. 2, 1914.

[3]) *Ф. Эйхлеръ*, Библіотековѣдѣніе высшаго порядка въ его отношеніи къ ме-

и самаго процесса возникновенія, распространенія и эксплуатаціи памятниковъ литературы", „библіотековѣдѣнію предстоитъ разрѣшить огромную совокупность вопросовъ, группирующихся вокругъ понятія книги—понятія, отъ котораго исходятъ и къ которому возвращаются всѣ изслѣдованія въ этой области знанія", слѣдовательно библіотека должна стать не простымъ книгохранилищемъ, какъ доселѣ полагали, но „благодаря разностороннимъ знаніямъ своихъ руководителей", должна „давать авторитетныя указанія по вопросамъ литературы"; при такихъ требованіяхъ библіотекарь лишь тогда успѣшно выполнитъ свои обязанности, „когда онъ основательно изучитъ исторію письменности, книжное и библіотечное дѣло, т. е. библіотековѣдѣніе".

Мало того, библіотековѣдѣніе, какъ особая дисциплина, начинаетъ строиться на строго научныхъ основаніяхъ. Такимъ образомъ, библіотековѣдѣніе постепенно освобождается отъ примитивныхъ способовъ стараго порядка. У насъ въ Россіи это движеніе принимаетъ реальныя формы, и книговѣдѣніе въ широкомъ значеніи этого понятія вводится въ курсъ предметовъ университетскаго преподаванія (см. вступительную лекцію прив.-доц. Н. М. Лисовскаго, „Книговѣдѣніе, какъ предметъ преподаванія, его сущность и задачи", чит. 28-го сент. 1913 г. въ Петроградскомъ университетѣ, „Библіографическія Извѣстія", 1914 г., № 1—2).

Точно также реформируется система технической организаціи библіотекъ; каталогизація библіотечныхъ богатствъ представляетъ сложную и стройную систему; десятичная система, съ различными американскими варіаціями, является конечнымъ моментомъ развитія систематизаціи книжныхъ сокровищъ (усердно пропагандируютъ у насъ десятичную систему „Библіографическія Извѣстія", изд. Русск. библ. о-вомъ при Моск. унив.).

Трудъ П. С. Шестерикова долженъ быть рекомендованъ всѣмъ интересующимся библіотековѣдѣніемъ у насъ, и послужитъ къ большой пользѣ для ознакомленія съ общимъ состояніемъ библіотековѣдѣнія въ Россіи, поскольку оно отражается въ крупныхъ книгохранилищахъ имперіи.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* въ теченіе мая и іюня мѣсяцевъ 1915 года.

— Энциклопедія славянской филологіи. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Подъ редакціею *И. В. Ягича.* Выпускъ 11-й. *А. А. Шахматовъ.* Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка. П. 1915. L+369 стр. Цѣна 2 р.

— Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ сто сорокъ пятый. С.-Пб. 1914. XL+596 стр. Цѣна 3 р. (Дипломатическая переписка Императрицы Екатерины II. Часть десятая. 1776—1777 гг.).—Томъ сто сорокъ шестой. Юрьевъ 1915. XLIII+568 стр. Цѣна 3 р. [Бумаги кабинета министровъ Императрицы Анны Іоанновны 1731—1740 гг. Собраны и изданы подъ редакціею *А. Н. Филиппова.* Томъ XII. (1740 г.)].—Томъ сто со-

---

тодамъ научнаго изслѣдованія и преподаванія, пер. С. Бернштейна, подъ ред. Э. А. Вольтера, С.-Пб. 1913, 1—47.

рокъ седьмой. П. 1915. 402+XLV стр. Цѣна 3 р. (Матеріалы Екатерининской законодательной комиссіи. Часть XIV).

— *Чебанъ, С. Н.* Досиѳей, митрополитъ Сочавскій и его книжная дѣятельность. Къ исторіи румынской письменности и румыно-русскихъ литературныхъ отношеній XVII в. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Кіевъ 1915. VIII+160 стр. Цѣна 2 р.

— *Рыхлинъ, Е. А.* Поэтическая дѣятельность Франца Ладислава Челяковскаго. (Изъ исторіи чешскаго литературнаго возрожденія). Кіевъ 1915. VI+330 стр. Цѣна 2 р.

— Статистическій семинарій Петроградскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Новгородскія Писцовыя книги въ статистической обработкѣ. I. Погосты и деревни Шелонской пятины по письму 1498—1501 гг. Табличный матеріалъ съ предисловіемъ и „Статистическими итогами" *проф. А. А. Кауфмана.* П. 1915. 52+129 стр.

— *Богородицкій, В. А.* Лекціи по общему языковѣдѣнію. Изданіе 2-ое, значительно дополненное. Казань 1915. II+332 стр. Цѣна 2 р.

— *Яворскій, Ю. А.* Памятники галицко-русской словесности. I. Легенды. II. Сказки. III. Разсказы и анекдоты. Выпускъ первый. Кіевъ 1915. 336 стр. Цѣна 2 р. (Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Отдѣленію Этнографіи. Томъ XXVII. Вып. I).

— *Яворскій, Ю. А.* Заговоры и апокрифическія молитвы по карпато-русскимъ рукописямъ XVIII-го и нач. XIX-го в. I—IV. Варшава 1915. 31 стр.

— *Яворскій, Ю. А.* Карпато-русское житіе апостола Петра. П. 1915. 19 стр.

— *Костровъ, Н. И.* Торговля Россіи съ Италіей и нашъ вывозъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ въ эту страну. М. 1915. 248 стр. Цѣна 1 р. 50 к. (Семинарій политической экономіи при Московскомъ университетѣ. Секція подъ руководствомъ I. М. Гольдштейна. Выпускъ XI).

— Труды Воронежской ученой архивной комиссіи. Выпускъ V. Подъ редакціею прот. Ст. Звѣрева. Воронежъ 1914. VIII+704 стр. Цѣна 2 р.

— Труды Полтавской ученой архивной комиссіи. Издано подъ редакціей И. Ф. Павловскаго, А. Ф. Мальцева и Л. В. Падалки. Выпускъ двѣнадцатый. Полтава 1915. 240+21 стр.

— *Клецанда, Ю. И.* Чешско-словацкая литература, исторія и древности въ 1913 г. П. 1915. 136 стр.

— *Архангельскій, П. Г.* Выборы въ Екатерининскую комиссію отъ крестьянъ Двинскаго сѣвера. П. 1915. 28 стр.

— Опись дѣлъ архива канцеляріи Государственной Думы. Томъ второй. Дѣла Государственной Думы второго созыва. (20-го февраля—2-го іюня 1907 г.). П. 1915. XII+143 стр.

— *Шульце, Е., д-ръ.* Зальбургъ—древне-рижская пограничная съ Германіей крѣпость. Съ 5 рисунками. Переводъ съ нѣмецкаго Г. Алексѣева. Казань 1913. 38 стр. Цѣна 20 к.

— Матеріалы для алфавитнаго указателя къ журналамъ и опредѣленіямъ 1-го Департамента Правительствующаго Сената, хранящихся въ Сенатскомъ архивѣ. 1797 г.—1825 г. III. В. П. 1915. 240 стр.

— *Сватиковъ, С. Г.* Русскіе университеты и ихъ историческая библіографія. I. Докладъ, прочитанный 11-го марта 1915 года въ общемъ собраніи Русскаго Библіологическаго Общества. II. Программа русской университетской библіографіи. П. 1915. 20 стр.

— Матеріалы къ познанію фауны и флоры Россійской Имперіи. Отдѣлъ зоологическій. Выпускъ XII. М. 1913. 475 стр. Цѣна 3 р. 50 к. (*Шнитниковъ, В. Н.* Птицы Минской губерніи).—Выпускъ XIII. Съ картой, 5-ью фототипіями и 1-ой хромолитогр. таблицей. М. 1914. 551+7 табл. Ц. 3 р. 75 к. (*П. П. Сушкинъ.* Птицы Минусинскаго края, западнаго Саяна и Урянхайской земли).

— Матеріалы къ познанію геологическаго строенія Россійской Имперіи. Выпускъ четвертый. М. 1913. 103 стр. Цѣна 1 р.

— *Пархоменко, В. А.* Отвѣтъ на рецензію г. Приселкова. П. 1915. 3 стр.

— *Пархоменко, В. А.* Почему Святославъ посадилъ сыновей своихъ Олега въ землѣ Древлянской и Владиміра въ Новгородѣ. П. 1915. 4 стр.

— *Пархоменко, В. А.* Къ исторіи начальнаго христіанства на Руси. (По поводу новаго изслѣдованія г. Аничкова). П. 1915. 5 стр.

— Обозрѣніе трудовъ по славяновѣдѣнію. Подъ редакціею В. Н. Бенешевича. Извлеченія изъ протоколовъ сотрудниковъ „Обозрѣнія трудовъ по славяновѣдѣнію" за 1911—1914 гг. С.-Пб. 1914. 22 стр.

— Отчетъ о соединенномъ засѣданіи Высочайше утвержденнаго Комитета по устройству Музея изящныхъ искусствъ имени Императора Александра III и Совѣта Императорскаго Московскаго университета, посвященномъ памяти И. В. Цвѣтаева и Ю. С. Нечаева-Мальцова. (15-го декабря 1913 г.). М. 1914. 39 стр.

— Статистика Россійской Имперіи. LXXXIX. Время начала освобожденія полей отъ снѣга, цвѣтенія зерновыхъ хлѣбовъ, льна и конопли и производства полевыхъ работъ въ Россійской Имперіи въ 1910 году. Изданіе Центральнаго Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. П. 1914. XIX+145 стр.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

КЛАССИФИКАЦІЯ ЛИЧНОСТЕЙ [1]).

III. Извращенные.

Изъ той общей характеристики извращеннаго типа, которая дана была нами въ первой главѣ, видно, что отличительной особенностью этого типа является болѣе или менѣе значительное несоотвѣтствіе его представителей съ основными біологическими и соціальными задачами и требованіями человѣческаго существованія. Этому соотвѣтствуетъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что различнаго рода антисоціальныя проявленія (напр., преступность, бродяжничество, отвращеніе къ труду, эгоизмъ и жестокость и др.) встрѣчаются у представителей данной группы гораздо чаще, чѣмъ у чистыхъ типовъ какого бы то ни было уровня. Отличіе же отъ патологическихъ или болѣзненно-ненормальныхъ состоитъ въ томъ, что извращенность является здѣсь слѣдствіемъ не какихъ либо органическихъ измѣненій въ центральной нервной системѣ, а чисто внѣшнихъ, соціальныхъ воздѣйствій и привычекъ; привычки эти могутъ или образоваться въ теченіе жизни (воспитаніе, вліяніе среды), или — что, повидимому, бываетъ значительно рѣже — являются прирожденными, унаслѣдованными.

Въ тѣсной связи съ этой отличительной особенностью данной группы стоитъ другое обстоятельство, также очень характерное для извращенныхъ всѣхъ уровней, именно, болѣе или менѣе значительное несоотвѣтствіе между ихъ эндо- и экзо-психикой или, другими словами, между ихъ нервно-психической организаціей и тѣмъ внѣшнимъ отпечаткомъ, который получаетъ ихъ жизнь и дѣятельность

[1]) *Продолженіе.* См. іюньскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1915 годъ.

подъ вліяніемъ дѣйствующихъ извнѣ обстоятельствъ. Такое несоотвѣтствіе, какъ мы увидимъ ниже, является одной изъ наиболѣе частыхъ причинъ возникновенія извращеннаго типа. Съ другой стороны, разъ возникшая соціальная извращенность, со всѣми ея характерными особенностями, въ свою очередь мѣшаетъ правильному, естественному (resp. адэкватному) удовлетворенію какъ общечеловѣческихъ, такъ и личныхъ стремленій и потребностей даннаго индивидуума; невозможность прямымъ, естественнымъ путемъ осуществлять свои основныя наклонности побуждаетъ зачастую человѣка къ страннымъ, совершенно ему, казалось бы, несвойственнымъ, выходкамъ и поступкамъ, вырывая, такимъ образомъ, еще большую пропасть между его эндо-и экзо-психикой.

Къ этимъ общимъ особенностямъ извращеннаго типа присоединяются на низшемъ уровнѣ свои собственныя отличительныя черты, придающія извращеннымъ этого уровня своеобразный отпечатокъ. Сюда относятся, прежде всего, столь характерныя для низшаго уровня умственная ограниченность и недостаточная способность оріентироваться въ окружающей средѣ, а также слабая идейность, преобладаніе низшихъ, болѣе элементарныхъ психическихъ процессовъ надъ высшими, болѣе сложными. Такія черты, какъ легкомысліе и непредусмотрительность, лѣность, неспособность владѣть собой, отсутствіе сознательной настойчивости въ дѣйствіяхъ, грубость инстинктовъ и т. д., у извращенныхъ представляются еще болѣе рѣзко выраженными, чѣмъ у чистыхъ того же уровня: тамъ, благодаря наличности благопріятныхъ условій, сама внѣшняя среда какъ бы поддерживаетъ человѣка, сохраняя цѣльность его духовнаго облика и позволяя его скудному психическому багажу проявиться съ возможно большей полнотою; здѣсь, наоборотъ, враждебная среда заглушаетъ личность, ломая и коверкая и тѣ способности, которыя въ ней были. Ферри [1]) указываетъ на двѣ основныя психологическія формы аномалій у преступниковъ: нравственную нечувствительность и непредусмотрительность; къ нимъ часто присоединяется также столь характерная для дѣтей и дикарей чрезмѣрная возбудимость (стр. 49—50), заставляющая нѣкоторыхъ изслѣдователей (Bonghi) видѣть въ преступности не что иное, какъ результатъ недостаточнаго развитія задерживающихъ центровъ (107). Съ этимъ согласуются и другія наблюденія, свидѣтельствующія о томъ, что преступники часто являются настоящими

---

[1]) Энрико Ферри. Уголовная соціологія. Русск. перев. Москва, 1908 г.

„большими дѣтьми“, проявляя иногда случаи „настоящаго ребячества“ (44) [1]).

Тотъ же Ферри указываетъ (стр. 68) на то, что антрополого-біологическія аномаліи, характеризующія собой такъ называемый „преступный типъ“, могутъ быть свойственны не только людямъ, фактически совершившимъ какое-нибудь преступленіе: вызываемыя ими ненормальности поведенія могутъ выразиться также и въ другихъ формахъ, не квалифицируемыхъ закономъ какъ преступленіе, но отличающихся той же основной чертой, именно—своимъ несоотвѣтствіемъ основнымъ біологическимъ и соціальнымъ задачамъ человѣческаго существованія. И дѣйствительно, при обозрѣніи различныхъ извращенныхъ типовъ низшаго уровня мы увидимъ, что въ число ихъ входятъ не только преступники, т. е., воры, убійцы, мошенники и т. п., но также нищіе, бродяги, проститутки, привычные пьяницы, однимъ словомъ—весь этотъ несчастный людъ, выбившійся разъ навсегда изъ соціальной колеи и уже почти неспособный больше вернуться къ сколько-нибудь нормальному человѣческому существованію.

Не менѣе рѣзко выражена здѣсь также и другая характерная особенность низшаго психическаго уровня, именно — подчиненность внѣшней средѣ, слабое развитіе собственнаго „я“, собственной инициативы. Въ то время, какъ болѣе одаренные представители средняго уровня, принадлежащіе къ извращенному типу, борются за сохраненіе своей индивидуальности, ищутъ для себя подходящихъ условій, стараются осуществить свои основныя стремленія хотя бы и при помощи различныхъ антисоціальныхъ средствъ и пріемовъ (обманы, эксплуатація и т. п.),—здѣсь мы встрѣчаемъ совсѣмъ иное: человѣкъ покорно подчиняется тѣмъ неблагопріятнымъ условіямъ, въ которыя поставила его судьба, и либо совершенно не пытается противиться имъ, либо послѣ ряда неудачныхъ попытокъ совершенно теряетъ способность къ сопротивленію. Въ результатѣ представители этой группы, даже если они принадлежатъ къ типу раздраженныхъ, озлобленныхъ и протестующихъ, все-таки отражаютъ въ своихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ не столько свои собственныя, индивидуальныя черты, сколько тотъ чисто внѣшній отпечатокъ, который налагается на нихъ средой и условіями жизни.

Это послѣднее обстоятельство, именно—преобладаніе въ данномъ

---

[1]) Аналогичныя указанія можно найти и у Достоевскаго, въ „Запискахъ изъ мертваго дома“.

случаѣ извращенныхъ экзо-психическихъ проявленій надъ особенностями эндо-психики, кажется намъ заслуживающимъ значительнаго вниманія и изученія. Въ бродягѣ, нищемъ, пропойцѣ, проституткѣ намъ прежде всего бросается въ глаза не ихъ личный характеръ, а ихъ, если можно такъ выразиться, профессіональныя особенности; и нужно бываетъ зачастую много вниманія, интереса и любви къ человѣчеству, чтобы за этой толстой, нивеллирующей корой распознать и выдѣлить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ свои, индивидуальные задатки, живую человѣческую личность.

Здѣсь нужно, однако, сдѣлать одну существенную оговорку. Среди извращенныхъ низшаго уровня мы встрѣчаемъ немало и такихъ людей, которые по своимъ прирожденнымъ задаткамъ являются сравнительно болѣе одаренными и могли бы принадлежать къ среднему психическому уровню, если бы, въ силу тѣхъ или иныхъ условій (см. ниже), они не выбились изъ соотвѣтствующей ихъ характеру соціальной колеи и не попали „на дно“ общественной жизни. Такіе типы (правда, зачастую сильно прикрашенные и идеализированные) встрѣчаются въ большомъ числѣ у Горькаго, нерѣдко также у Достоевскаго и другихъ авторовъ. Въ нихъ всегда есть нѣчто, выдѣляющее ихъ изъ ряда остальныхъ товарищей по участи и заставляющее обратить на нихъ вниманіе,—хотя и не могущее дать имъ возможности встать на собственныя ноги и изъ „бывшихъ людей“ сдѣлаться людьми настоящими. Такимъ „нѣчто“ въ однихъ случаяхъ является извѣстная энергія и предпріимчивость, въ другихъ—остатки ума, образованія или таланта, мягкость и состраданіе къ людямъ и т. д. Иногда эти качества доставляютъ ихъ обладателямъ нѣкоторое преобладаніе, дѣлаютъ ихъ вожаками среди товарищей по положенію, въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, становятся источникомъ лишнихъ мученій, заставляя горько сожалѣть объ утраченныхъ жизненныхъ возможностяхъ; наконецъ, бываютъ и такіе случаи, когда эта „искра Божія“ (въ видѣ религіознаго или какихъ либо другихъ идейныхъ чувствъ), глубоко затаенная въ душѣ порабощеннаго судьбой и опустившагося человѣка, является, въ сущности, единственнымъ утѣшеніемъ и поддержкой въ его тяжелой жизни.

Что касается, наконецъ, условій, способствующихъ развитію и проявленію извращенныхъ типовъ низшаго уровня, то они, въ общемъ, отличаются довольно значительнымъ разнообразіемъ. На первомъ планѣ, какъ уже можно судить изъ всего сказаннаго, слѣдуетъ поставить здѣсь все то, что такъ или иначе угнетаетъ и порабощаетъ

личность и, задерживая нормальное развитіе человѣка, подавляя его естественныя склонности, заставляетъ его психическую энергію искать другихъ выходовъ, въ большинствѣ случаевъ уже болѣе или менѣе искусственныхъ и антисоціальныхъ. Сюда относится, напр., столь часто и охотно описываемый въ литературѣ типъ опустившихся людей—пьяницъ, бродягъ и т. д.,—одаренныхъ отъ природы, но которымъ отсутствіе правильнаго воспитанія и образованія, бѣдность или какія либо другія условія помѣшали развить и проявить свои естественные задатки въ болѣе или менѣе полномъ видѣ. Такой человѣкъ инстинктивно чувствуетъ заложенныя въ немъ силы, физическія или духовныя,—и въ то же время неоднократно убѣждается въ томъ, что всякая попытка проявить эти силы оканчивается неудачей. Его ограниченный, неразвитый умъ отказывается объяснить это противорѣчіе,—и въ результатѣ являются пьянство, разгулъ, ссоры, бродяжничество и т. п. Если мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ отъ природы угрюмымъ и подозрительнымъ или если внѣшнія стѣсненія, исходящія отъ другихъ людей, носятъ слишкомъ ужъ безсердечный и несправедливый характеръ, то очень легко возникаютъ раздраженіе и злоба, могущія повести къ преступленіямъ и другимъ дѣйствіямъ антисоціальнаго характера.

Съ другой стороны, многія антиморальныя и антисоціальныя проявленія (напр., жестокость, лживость, склонность къ воровству и т. п.) могутъ быть прямо въ готовомъ видѣ привиты человѣку путемъ подражанія и выучки. Особенно часто бываетъ это, разумѣется, въ дѣтскіе годы: извѣстно, напр., что дѣти большихъ городовъ, брошенныя безъ призора и большую часть своего времени проводящія на улицахъ, быстро пріучаются къ воровству, нищенству и хулиганству. У взрослыхъ важную роль въ данномъ случаѣ играютъ слабость воли и податливость внушенію, дѣлающія ихъ неспособными сопротивляться дурнымъ вліяніямъ со стороны окружающихъ. Между тѣмъ всякое повторное совершеніе извѣстнаго дѣйствія или поступка способствуетъ, какъ извѣстно, образованію своего рода привычки, создавая постепенно уже самостоятельное, внутреннее предрасположеніе къ дальнѣйшему повторенію аналогичныхъ дѣйствій. Благодаря этому, у значительнаго большинства извращенныхъ типовъ бываетъ обыкновенно очень трудно провести сколько-нибудь опредѣленную границу между тѣми проявленіями, которыя возникли самостоятельно, подъ вліяніемъ несоотвѣтствующихъ данному характеру условій, и другими, возникшими путемъ подражанія.

Надо сказать, что то несоотвѣтствіе между эндо- и экзо-психикой, то тормозящее и извращающее вліяніе внѣшнихъ условій, о которомъ неоднократно говорилось выше, сказывается особенно рѣзко въ процессѣ образованія и сформированія извращеннаго типа. Тамъ же, гдѣ процессъ этотъ уже закончился, гдѣ, благодаря накопленію цѣлаго ряда разнообразныхъ привычекъ, успѣло образоваться стойкое, болѣе или менѣе прочное приспособленіе человѣка къ окружающимъ его ненормальнымъ условіямъ, упомянутое несоотвѣтствіе дѣлается уже менѣе замѣтнымъ. Въ особенности слѣдуетъ сказать это объ извращенныхъ низшаго уровня, характеръ которыхъ отличается сравнительно слабой сопротивляемостью по отношенію къ внѣшнимъ воздѣйствіямъ. Настоящіе прирожденные преступники, говоритъ Ферри [1]), „бываютъ преступниками, какъ другіе бываютъ хорошими рабочими"; преступленіе для нихъ такое же ремесло, какъ всякое другое, на тюрьму они смотрятъ какъ на убѣжище и чувствуютъ себя въ ней какъ дома. Съ точки зрѣнія Ферри это обстоятельство является лишнимъ подтвержденіемъ того, что на ряду съ привычкой существуетъ также и прирожденная преступность. Не вдаваясь въ обсужденіе этого спорнаго вопроса (какъ не имѣющаго для насъ въ данномъ случаѣ существеннаго значенія), мы ограничимся лишь констатированіемъ самаго факта, встрѣчающагося, дѣйствительно, довольно часто.

Есть еще одинъ факторъ, который невозможно обойти молчаніемъ, когда рѣчь идетъ объ извращенныхъ низшаго психическаго уровня. Этотъ факторъ—пьянство. По словамъ Сикорскаго [2]), много занимавшагося изученіемъ алкоголиковъ, постепенныя измѣненія характера, наступающія подъ вліяніемъ хроническаго алкоголизма, можно раздѣлить на три періода. Первый періодъ характеризуется ослабленіемъ мышленія (преобладаніе внѣшнихъ ассоціацій надъ внутренними [3])) и произвольнаго вниманія, а также дряблостью воли, неохотой къ труду и преобладаніемъ интереса къ легкимъ, пустымъ удовольствіямъ и развлеченіямъ. „Второй періодъ, который, по справедливости, можно назвать періодомъ нравственной огрубѣлости и фанатизма, характеризуется, независимо отъ ослабленія воли, утратой или пониженіемъ высшихъ чувствъ, носящихъ въ своей сложности названіе стыда или стыда и совѣсти. Ослабленіе высшихъ чувствъ, въ соединеніи съ

---

[1]) „Уголовная соціологія", стр. 141.

[2]) „Всеобщая психологія", стр. 742 и слѣд.

[3]) См. по тому же вопросу работы Крепелина и его учениковъ въ „Psychologische Arbeiten".

ослабленіемъ воли, вызываетъ глубокое нарушеніе нравственнаго равновѣсія, давая свободу низшимъ чувствамъ и страстямъ. Эти послѣднія, занявъ господствующее положеніе въ душѣ, низводятъ человѣка съ человѣческой высоты до низшаго психическаго уровня—животнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предрасполагаютъ къ грубой, рѣзкой, несдержанной дѣятельности" (стр. 745). Отсюда вытекаютъ свойственныя хроническимъ алкоголикамъ нравственная тупость, раздражительность и жестокость, безстыдство и цинизмъ, соединенные, въ то же время, съ повышеннымъ мнѣніемъ о себѣ и своего рода горделивымъ кокетствомъ и т. д. Наконецъ, третій періодъ, по словамъ Сикорскаго, относится уже къ душевнымъ болѣзнямъ и поэтому не можетъ насъ здѣсь интересовать.

Такимъ образомъ хроническій алкоголизмъ дѣйствуетъ на человѣческую личность какъ принижающимъ, такъ и извращающимъ образомъ. Съ одной стороны, ослабленіе высшихъ психическихъ функцій—мысли, воли и идейныхъ чувствованій, съ другой — возникновеніе у человѣка цѣлаго рода извращенныхъ, антиморальныхъ и антисоціальныхъ склонностей, вначалѣ у него, быть можетъ, отсутствовавшихъ и развившихся лишь благодаря хроническому злоупотребленію алкоголемъ. Можно сказать, что психическая извращенность и пьянство взаимно содѣйствуютъ другъ другу: человѣкъ, личность котораго изломана и исковеркана неблагопріятными условіями, ищетъ утѣшенія и забвенія въ винѣ; когда же онъ пристрастился къ вину, то уже самая обстановка хроническаго алкоголизма съ его шумными оргіями и праздной жизнью, съ его постоянными безразсудными тратами („все тащитъ въ кабакъ") и невозможностью предвидѣть и регулировать свое дальнѣйшее поведеніе,—еще болѣе усиливаютъ извращеніе и распадъ личности.

Что касается дѣленія извращенныхъ низшаго уровня на отдѣльные типы и разновидности, то оно отчасти напоминаетъ собою предшествующую группу („чистыхъ"), такъ какъ преобладаніе въ однихъ случаяхъ аффективныхъ, а въ другихъ—волевыхъ процессовъ и здѣсь можетъ выступать довольно отчетливо. Однако, на ряду съ этимъ есть и различія, и при томъ весьма существенныя. Эти различія обязаны своимъ происхожденіемъ тому обстоятельству, что у представителей разбираемой сейчасъ группы — какъ объ этомъ уже было сказано выше — экзо-психика въ большинствѣ случаевъ рѣшительно выступаетъ на первый планъ, накладывая свой характерный, хотя и чисто внѣшній отпечатокъ на всю личность даннаго человѣка. Въ общемъ

можно сказать, пожалуй, что основное дѣленіе, установленіе главныхъ типовъ совершается здѣсь преимущественно на основаніи особенностей эндо-психики (слабое или болѣе сильное развитіе аффективныхъ и волевыхъ процессовъ), между тѣмъ какъ дальнѣйшія, болѣе детальныя разновидности и подраздѣленія отражаютъ въ себѣ уже главнымъ образомъ экзо-психическія или психо-соціальныя стороны данныхъ индивидуумовъ.

Кромѣ того, при описаніи отдѣльныхъ разновидностей придется считаться еще и съ тѣмъ обстоятельствомъ, что среди извращенныхъ низшаго уровня можно различать (см. выше) двоякаго рода субъектовъ: во-первыхъ, такихъ, которые уже въ силу прирожденныхъ особенностей или, по крайней мѣрѣ, съ самаго своего дѣтства ясно обнаруживали признаки низшаго психическаго уровня, и на которыхъ, слѣдовательно, внѣшняя среда дѣйствовала не столько принижающимъ, сколько извращающимъ образомъ; во-вторыхъ,—такихъ, которые по своимъ прирожденнымъ задаткамъ принадлежали къ среднему психическому уровню и лишь въ силу какихъ либо рѣзко неблагопріятныхъ условій, алкоголизма и т. п. опустились „на дно“ человѣческаго общества. Конечно, далеко не во всѣхъ случаяхъ можно провести одинаково отчетливо разграниченіе между этими двумя разновидностями, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ разница между ними выступаетъ очень рѣзко.

1. Пассивные.

Среди „чистыхъ“ низшаго уровня аналогичной группы не было вовсе. Полная пассивность вообще несвойственна живому существу, находящемуся въ сколько-нибудь нормальныхъ условіяхъ своего существованія; и только благодаря длительному извращающему вліянію внѣшнихъ обстоятельствъ или другихъ какихъ либо факторовъ могутъ возникнуть то апатичное отношеніе ко всему окружающему, та полная невозможность оказывать какое бы то ни было сопротивленіе внѣшнимъ воздѣйствіямъ, которыя характеризуютъ данную группу. При этомъ характеристика типа нѣсколько измѣняется въ зависимости отъ того, будутъ ли выступать на первый планъ апатія, вялость чувствованій и желаній, безразличное отношеніе къ окружающему, или же безмолвіе, пассивная покорность, неспособность къ сопротивленію. Получаются, такимъ образомъ, двѣ разновидности пассивнаго типа: апатичные и безвольные; каждую изъ этихъ разновидностей мы разберемъ отдѣльно.

а) Апатичные.

Какъ показываетъ уже самое названіе этой разновидности, одну изъ наиболѣе характерныхъ ея чертъ составляетъ слабое развитіе чувствованій и желаній: не только аффекты, но и всякія другія чувства и интересы у нихъ трудно возбудимы, будучи же возбуждены, остываютъ очень скоро, не достигши сколько-нибудь значительной интенсивности. Такъ, напр., Обломовъ (который, въ общемъ, по своей умственной одаренности и по содержанію интересовъ долженъ быть причисленъ скорѣе къ извращеннымъ средняго уровня, но въ худшіе, наиболѣе пассивные періоды своей жизни опускается до того, что начинаетъ близко напоминать разбираемую сейчасъ группу) заинтересуется, бывало, какой-нибудь новой книгой, замѣчательнымъ произведеніемъ, захочетъ познакомиться съ даннымъ вопросомъ, „еще шагъ — и онъ овладѣлъ бы имъ, а посмотришь, онъ уже лежитъ, глядя апатически въ потолокъ, и книга лежитъ подлѣ него, недочитанная, непонятая". Вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежность къ низшему психическому уровню сказывается здѣсь узостью и ограниченностью интересовъ, отсутствіемъ сколько-нибудь ясно выраженныхъ идейныхъ потребностей и стремленій. Только низшія, чисто органическія влеченія (напр., потребность въ ѣдѣ и т. п.) вносятъ нѣкоторое оживленіе и перемѣну въ ихъ вялую, однообразную жизнь. Обыкновенно они очень много спятъ, много ѣдятъ, при чемъ въ выборѣ кушаній не отличаются особой разборчивостью и прихотливостью,—ко всему же остальному относятся въ высокой степени равнодушно. Любовь съ ея радостями и тревогами, съ восторгами удовлетворенной страсти и муками ревности проходитъ обычно мимо нихъ. Они не злы, не эгоистичны, но нельзя ихъ назвать и добрыми: ихъ равнодушная снисходительность къ окружающимъ проистекаетъ не изъ доброты, а скорѣе изъ лѣности, нежеланія вмѣшиваться во всякаго рода житейскія передряги. Ихъ трудно бываетъ разсердить, вывести изъ себя, но такъ же трудно бываетъ и вызвать у нихъ интересъ или сочувствіе къ чему бы то ни было. Настроеніе у нихъ обычно ровное, спокойное; особенной разговорчивостью или общительностью не отличаются,—не потому, чтобы они избѣгали общества, а просто потому, что молчать покойнѣе, да и говорить имъ почти не о чемъ.

Вслѣдствіе отсутствія сколько-нибудь интенсивныхъ желаній и стремленій субъекты эти отличаются обыкновенно крайней лѣностью и малоподвижностью: всякаго усилія или напряженія они прямо боятся,

къ систематическому же труду совершенно неспособны. Больше всего на свѣтѣ они любятъ покой. И если ихъ не безпокоятъ ни болѣзнь, ни окружающіе люди, если потребности ихъ удовлетворяются настолько, что можно, ничего не дѣлая, не думать о завтрашнемъ днѣ, то этого имъ вполнѣ достаточно для того, чтобы быть довольными собой и окружающими. Тамъ же, гдѣ требуется дѣйствовать во что бы то ни стало, они отличаются обыкновенно крайней нерѣшительностью и неувѣренностью въ себѣ, а также полной неумѣлостью: благодаря слабости умственныхъ способностей и умственной лѣности они ничего не знаютъ, ни въ чемъ не могутъ оріентироваться; будучи предоставлены самимъ себѣ, они при малѣйшемъ затрудненіи оказываются совершенно безпомощными. Къ какой бы то ни было борьбѣ или сопротивленію люди эти совершенно неспособны: всякая борьба требуетъ напряженія и безпокойства, а это совершенно противорѣчитъ общему складу ихъ личности. Въ силу этого ихъ частенько эксплуатируютъ окружающіе, чему они обыкновенно подчиняются безпрекословно и совершенно равнодушно, заботясь лишь о томъ, чтобы отъ нихъ не требовали слишкомъ многаго.

Условія, способствующія возникновенію даннаго типа, могутъ быть двоякаго рода. Съ одной стороны, въ богатой и обезпеченной средѣ, это—баловство, чрезмѣрная забота о ребенкѣ, стремленіе удовлетворять заранѣе всѣ его потребности, дѣйствительныя и воображаемыя, не давши ему даже пошевельнуть пальцемъ; такъ былъ воспитанъ Обломовъ, таково же происхожденіе „мягко-забитаго“ или „заласканнаго“ типа Лесгафта, близко напоминающаго собой нашихъ апатичныхъ. Съ другой стороны, въ средѣ бѣдной, малообезпеченной такими условіями являются чрезмѣрная подавленность и забитость, доводящія человѣка до полной почти атрофіи его личныхъ желаній и стремленій и превращающія его постепенно въ тупое и безразличное существо, покорно подчиняющееся всему, что бы съ нимъ ни случилось. Въ обоихъ случаяхъ существенное значеніе имѣетъ также примѣръ окружающихъ, отсутствіе трудовой обстановки, вялость и безжизненность окружающей среды, лишенной живого, творческаго духа и сознательныхъ, идейныхъ стремленій.

Въ качествѣ иллюстраціи мы приведемъ здѣсь характеристику одного изъ дѣйствующихъ лицъ „Растеряевой улицы“ Гл. Успенскаго, именно—мѣщанина Лубкова.

Тучный, лѣнивый, малоподвижный Лубковъ способенъ былъ цѣлыми днями просиживать на крылечкѣ своего полуразвалившагося дома, ничего не дѣлая

и вялымъ, добродушно-спокойнымъ взоромъ глядя на окружающее. Его почти невозможно было чѣмъ бы то ни было взволновать, разсердить или обезпокоить. Когда его молодая, бойкая жена набрасывалась на него съ цѣлымъ потокомъ ругательствъ, Лубковъ, не мѣняя своей неподвижной позы, только встряхивалъ головой и почесывалъ за ухомъ,—чѣмъ еще болѣе раздражалъ разгнѣванную супругу. Совершенно спокойно относится онъ къ своимъ финансовымъ неудачамъ, приведшимъ ихъ, въ концѣ концовъ, къ полному разоренію. Такъ же равнодушно смотритъ и на то, какъ жена тутъ же, на глазахъ у него, любезничаетъ съ Прохоромъ Порфирычемъ, которому она только что назначила свиданіе, какъ она безпрерывно мѣняетъ, одного за другимъ, любовниковъ и ухаживателей, навлекая на него общія насмѣшки. Сначала Лубковъ пробовалъ было протестовать, но, получивши отъ жены рѣзкій отпоръ, быстро успокоился и, раздумывая надъ случившимся, только „улыбался и бормоталъ: к-комиссія!", на шутки же сосѣдей отвѣчалъ: „А ты бы, умный человѣкъ, помалчивалъ бы, ей-Богу! Во сто тысячъ разъ было превосходнѣе, ежели бы ты молчкомъ поровилъ... такъ-то!" Такое безразлично-вялое отношеніе ко всему на свѣтѣ не можетъ не отразиться и на его двигательно-волевой сферѣ. Кряхтя, онъ медленно подымается съ своего мѣста; придя въ сосѣднюю лавочку, чтобы купить три фунта хлѣба, долго почесывается и глядитъ кругомъ, прежде чѣмъ сообщить о своемъ желаніи; въ теченіе 10 лѣтъ собирается снять висѣвшій съ потолка обрывокъ веревки. Въ хозяйствѣ у него все пришло въ полный упадокъ: домъ разваливается, лавочка пустуетъ, затянутая по угламъ паутиной, одежда вся истрепалась и износилась. Причина заключается отчасти въ его лѣности и безпечности, отчасти же въ крайней неразсчетливости и непредусмотрительности: нѣсколько разъ переходилъ онъ отъ одного предпріятія къ другому и всякій разъ неизбѣжно прогоралъ, благодаря полному неумѣнью „расчесть", т. е., сообразоваться съ состояніемъ рынка и потребностями момента. Въ довершеніе всего, пятидесяти лѣтъ отъ роду женился на молоденькой, бойкой дѣвушкѣ, которая не замедлила наставить ему рога. У жены Лубковъ находился въ полномъ подчиненіи и, относясь равнодушно къ ея связямъ, сохраняетъ дружескія отношенія съ ея любовниками. Надо добавить, что такое равнодушное отношеніе ко всему окружающему отнюдь не является слѣдствіемъ какихъ либо идейныхъ мотивовъ высшаго порядка, какой-либо, хотя бы и доморощенной, „философіи": напротивъ, всякіе идейные интересы у него совершенно отсутствуютъ, разговоры его такъ же вялы, пусты и безсодержательны, какъ и его дѣйствія, и столь характерное для него спокойствіе вытекаетъ не изъ самообладанія и сознательныхъ размышленій, а исключительно изъ общей вялости и бѣдности его душевной жизни.

b. Безвольные.

Какъ уже сказано было выше, безвольные многими своими чертами напоминаютъ апатичныхъ, составляя вмѣстѣ съ ними лишь двѣ разновидности одного и того же типа. Отличительной чертой является здѣсь болѣе значительное развитіе аффективной сферы, соединенное, однако, съ полной неспособностью къ сколько-нибудь интенсивному

и длительному волевому усилію. Вслѣдствіе этого безвольные далеко не отличаются тѣмъ апатичнымъ спокойствіемъ, тѣмъ полнымъ равнодушіемъ ко всему окружающему, которое характеризуетъ собой лицъ предыдущаго типа. Среди разнообразныхъ аффектовъ, наблюдающихся у нихъ, преобладаютъ обычно аффекты астеническіе: робость, неувѣренность въ себѣ, подавленность, чувство сомнѣнія и нерѣшительности,—что обусловливается, очевидно, ихъ неспособностью къ энергичному осуществленію своихъ желаній и ихъ постоянной подчиненностью другимъ людямъ. Представители этого типа одинаково неспособны оказать какое бы то ни было сопротивленіе какъ постороннимъ вліяніямъ, такъ и своимъ собственнымъ пагубнымъ привычкамъ (напр., склонности къ выпивкѣ), хотя бы и сознавали всю необходимость сдѣлать это. Покорно и уныло бредутъ они тѣмъ путемъ, который опредѣлила имъ судьба, не дѣлая ни малѣйшей попытки хоть сколько-нибудь измѣнить свое печальное положеніе.

Сюда слѣдуетъ причислить такіе типы, какъ, напримѣръ, Мармеладова изъ „Преступленія и наказанія“. Не менѣе яркій примѣръ той же разновидности находимъ мы у Григоровича, въ его романѣ „Переселенцы“.

Крестьянинъ сельца Марьинскаго Тимоѳей Демьяновъ, 45 лѣтъ отъ роду, уже самой наружностью своей оправдывалъ данное ему односельчанами прозвище „Лапши“. Худощавый, невзрачный, съ глубоко впалой грудью, онъ, казалось, насквозь былъ проникнутъ „переминаньемъ и мямленьемъ“. Торопливо-неловкая, припадающая поступь его производила такое впечатлѣніе, будто руки и ноги плохо его слушались и то и дѣло путались и бились другъ о дружку. Желтовато-болѣзненное лицо его всегда сохраняло выраженіе какого-то безпокойнаго ожиданія и пугливости. „Словомъ, это былъ совершеннѣйшій типъ безсилія и слабости, какъ физической, такъ и нравственной. Работать Лапша не любилъ и не умѣлъ: жена справедливо упрекаетъ его, въ минуту раздраженія, въ томъ, что онъ ей только обуза, что несмотря на крайнее ихъ разореніе, онъ палецъ о палецъ не ударитъ, чтобы отработать долгъ сосѣду или помочь въ хозяйствѣ. Когда же его начинаютъ бранить за бездѣлье или за какія-нибудь другія провинности, у Лапши тотчасъ же является ломота въ поясницѣ, онъ наполняетъ всю избу охами и стонами и, въ концѣ концовъ, заваливается на печку, откуда его уже не вытащишь. И это не только притворство: напротивъ, всякое непріятное впечатлѣніе, въ чемъ бы оно ни состояло, вызываетъ у Лапши состояніе рѣзкой депрессіи. Такъ, извѣстіе о томъ, что братъ Филиппъ, отъ котораго они такъ много терпѣли, снова появился въ окрестности, „произвело на Тимоѳея совершенно другое дѣйствіе, чѣмъ на жену его: онъ не пришелъ въ негодованіе, а напротивъ, окончательно уже раскисъ; руки его опустились, голова свѣсилась—онъ весь опустился“. Когда помѣщикъ сталъ допрашивать его, какъ онъ рѣшился отдать сына бродягамъ, Лапша не въ состояніи былъ вымолвить ни одного слова:

его кидало то въ жаръ, то въ холодъ, онъ, казалось, изнемогалъ отъ боли и страха и, въ концѣ концовъ, вдругъ заплакалъ, да такъ горько, что присутствовавшія дамы отвернулись, чтобы скрыть слезы. Робкій, боязливый и нерѣшительный, онъ въ трудныхъ случаяхъ всегда падаетъ духомъ и старается искать поддержки въ другихъ, въ ихъ помощи и сочувствіи. Поэтому при всякихъ затруднительныхъ для семьи обстоятельствахъ (борьба съ братомъ, который разорялъ ихъ, объясненіе съ господами и т. д.) онъ прячется за жену, которая является настоящей главой семьи, ея опорой и защитницей; Лапша же только поддакиваетъ женѣ, вопросительно глядя на нее въ тѣхъ случаяхъ, когда она медлитъ съ рѣшеніемъ или отвѣтомъ. Несамостоятельность его сказывается также и въ полной неспособности оказать сопротивленіе брату, который всегда можетъ добиться отъ него всего, чего только захочетъ. Этому способствуетъ и его умственная недалекость, слабость соображенія, сказывающаяся какъ въ мелочахъ (напугалъ дѣтей совершенно неосновательнымъ предположеніемъ о появленіи волковъ), такъ и въ важныхъ дѣлахъ: далъ себя одурачить нищимъ, которые за полтинникъ увели у него сына. Всѣ эти характерныя эндо-психическія черты опредѣляютъ также и отношеніе Лапши къ самому себѣ, къ другимъ людямъ и ко всему окружающему. Себя онъ считаетъ несчастнымъ человѣкомъ, жертвою несправедливой и жестокой судьбы; „лучшими радостями Лапши было то, когда о немъ громко жалѣли или начинали съ нимъ заодно вздыхать и охать". Точно также и при нападкахъ на него, не будучи способенъ къ сопротивленію, онъ старается „придать своей физіономіи, по возможности, жалкій видъ съ цѣлью возбудить состраданіе противника и смягчить его сердце". Тѣмъ не менѣе, умственная ограниченность и поверхностность чувствованій (отсутствіе аффективной памяти) ведутъ къ тому, что при малѣйшей удачѣ или похвалѣ со стороны собесѣдника Лапша начинаетъ хвастать, принимаетъ дѣловой видъ и свысока третируетъ свою жену,—пока его не оборвутъ и не укажутъ ему настоящаго мѣста. Лапша не злой человѣкъ, не воръ, не обманщикъ; однако, и настоящей доброты къ людямъ, сколько-нибудь глубокихъ привязанностей въ немъ также незамѣтно: отдалъ, тайкомъ отъ жены, изъ-за денегъ своего сына нищимъ,—о чемъ и самъ потомъ жалѣетъ; при прощаньи съ роднымъ селомъ остается почти совершенно равнодушенъ; во время переѣзда спитъ все время на возу, занимая мѣсто дѣтей, и т. д.

2. Разсчетливые эгоисты.

Типъ этотъ представляетъ собой извращенную разновидность той группы, которую мы выше назвали „разсудочными". Основная особенность эндо-психики и здѣсь заключается въ томъ, что всякое дѣйствіе или поступокъ сопровождается предварительнымъ, и иногда весьма продолжительнымъ обсужденіемъ мотивовъ; отсюда ихъ осторожность, трусливая нерѣшительность и склонность къ колебаніямъ, отсюда же ихъ консерватизмъ, боязнь передъ всякими новшествами, доходящая иногда до крайняго рутинерства. Этому способствуетъ еще и то обстоятельство, что, благодаря принадлежности къ низшему психиче-

скому уровню (слабость мышленія, узость и ограниченность умственнаго кругозора), обсужденіе поступковъ носитъ у нихъ крайне несовершенный характеръ, ограничиваясь однообразнымъ пережевываніемъ нѣсколькихъ, ранѣе усвоенныхъ доводовъ и соображеній или же простымъ колебаніемъ между двумя-тремя сравнительно элементарными мыслями. Поэтому, несмотря на значительную склонность къ разсужденіямъ, дѣйствія ихъ отнюдь не отличаются дальновидностью и продуманной цѣлесообразностью. Ихъ консерватизмъ обычно вырождается въ безсмысленное рутинерство, хозяйственная разсчетливость превращается въ безразсудную, для нихъ же самихъ пагубную скупость, свойственная консервативнымъ натурамъ религіозность всецѣло сосредоточивается на обрядовой сторонѣ религіи, дѣлая ихъ лицемѣрными ханжами, и т. д.

Однако, на ряду со всѣми этими особенностями, сближающими данный типъ съ типомъ „разсудочныхъ", мы находимъ у разсчетливыхъ эгоистовъ также и другія, не менѣе характерныя черты, вытекающія уже изъ ихъ психической извращенности. Обычными *условіями*, способствующими возникновенію данной разновидности, являются бѣдность и забитость какъ окружающей среды, такъ и самого индивидуума, постоянныя гоненія со стороны другихъ людей, выражающіяся или въ нарушеніи его матеріальныхъ интересовъ, или же во всякаго рода насмѣшкахъ и издѣвательствахъ, и заставляющія человѣка постоянно заботиться объ огражденіи себя и своихъ интересовъ. Отсюда ихъ эгоизмъ, доходящій зачастую до крайнихъ размѣровъ и дѣлающій ихъ не только антипатичными, но часто и вредными въ соціальномъ отношеніи. Постоянная необходимость быть настороже порождаетъ въ нихъ недовѣрчивость, дѣлаетъ ихъ замкнутыми, угрюмыми и нелюдимыми. Насмѣшки и оскорбленія со стороны окружающихъ усиливаютъ до болѣзненности ихъ самолюбіе, вызывая въ нихъ самихъ желаніе язвить, издѣваться и мучительствовать,—что они впослѣдствіи и выполняютъ съ успѣхомъ, если только имъ самимъ удается достигнуть извѣстнаго положенія и власти надъ другими. Вообще, мстительность и жестокость составляютъ обычно одну изъ отличительныхъ чертъ ихъ характера. При этомъ, въ отличіе отъ „энергичныхъ насильниковъ" (см. ниже), грубо-откровенныхъ въ своей борьбѣ противъ окружающаго, трусливо-разсчетливые представители разбираемаго сейчасъ типа предпочитаютъ прибѣгать къ хитрости, обману и тому подобнымъ средствамъ. Что касается чувственныхъ потребностей и влеченій, то, при ограниченности ихъ умственныхъ, эстетическихъ и

вообще идейныхъ интересовъ, они бываютъ нерѣдко очень чувственны; однако, присущая имъ осторожность и разсчетливость заставляетъ ихъ сдерживать свои чувственныя влеченія, не давая имъ полнаго простора. Отсюда ихъ трусливо-осторожный развратъ, пьянство втихомолку, иногда довольно значительное, но никогда не доводящее ихъ до разстройства дѣлъ и разоренія, и т. д.

Образцомъ разбираемаго типа можетъ служить довольно подробно очерченный чиновникъ Толоконниковъ (онъ же Богоборцевъ) изъ „Нравовъ Растеряевой улицы" Гл. Успенскаго.

Семенъ Ивановичъ Толоконниковъ, 36 лѣтъ отъ роду, холостъ (впослѣдствіи онъ женился—см. ниже), служитъ мелкимъ чиновникомъ въ „одной изъ палатъ". Сынъ дьячка, онъ былъ въ дѣтствѣ „много битъ, единственно ради непроходимаго сна и обжорства; .....въ училищѣ онъ былъ предметомъ общаго поношенія, ради неспособности къ наукамъ". Когда, исключенный изъ послѣдняго класса духовнаго училища, онъ поступилъ на службу, то сразу же сталъ „какою-то притчею въ языцѣхъ чиновниковъ и на долгое время доставилъ имъ матеріалъ для развлеченія"; „общее полупрезрѣніе", которымъ онъ былъ окруженъ, сдѣлало его нелюдимымъ, пробудило въ немъ сожалѣніе къ самому себѣ и потребность мести кому-то..... Такъ складывался его характеръ. Въ настоящее время Толоконниковъ неповоротливъ и угрюмъ, замкнутъ и необщителенъ. Онъ привыкъ къ одиночеству, смущается въ незнакомомъ обществѣ и доволенъ, когда на службѣ его помѣстили, наконецъ, въ отдѣльной комнатѣ, вдали отъ опротивѣвшихъ ему чиновниковъ. Выйдя на прогулку съ дѣвицами, онъ отказался идти въ городской садъ, а повелъ ихъ на кладбище. Никакъ не можетъ наладить разговора съ пришедшимъ въ гости пріятелемъ, хотя и радъ его приходу. Въ умственномъ отношеніи онъ недалекъ, въ своихъ поступкахъ плохо разбирается. Нерѣшителенъ и остороженъ до трусости: обладая цѣлыми ворохами совершенно новаго платья (см. ниже), Сем. Ив. никогда не рѣшался надѣть и носить его,—все почему-то боялся, что люди его осудятъ,—и ходилъ поэтому въ поношенномъ; „при всей привязанности къ женскому полу", никакъ не рѣшался осуществить своей мечты, нанять въ кухарки молодую бабу,—и держалъ всегда старухъ. Отъ пьянства Толоконниковъ какъ-то удержался; спасла его, по словамъ автора, любовь къ породистымъ курамъ (у него имѣется цѣлый курятникъ), къ бойцовымъ пѣтухамъ, кулачнымъ боямъ и т. д. Сем. Ив. большой скопидомъ; чего-чего только нѣтъ въ его шкапахъ и комодахъ: тутъ и посуда всякаго рода, и бѣлье, и платье, и вина, и папиросы, и даже принадлежности дамскаго туалета. Все это новенькое, нетронутое, покупается дюжинами, аккуратно складывается и—лежитъ безъ всякаго употребленія, поѣдаемое молью и теряющее постепенно цѣну; хозяину просто нравится отъ времени до времени прикупать то новый подсвѣчникъ, то новую шинель на ватѣ и тотчасъ же навѣки похоронить ихъ въ своихъ сундукахъ. Но наибольшее удовольствіе все-таки ему доставляютъ тѣ случаи, когда онъ имѣетъ возможность потѣшить такъ или иначе свое уязвленное и до болѣзненности раздраженное самолюбіе: показывая пріятелю своихъ куръ, крайне обижается, когда тотъ сказалъ, что и у другого чиновника тоже есть породистыя куры; завидуетъ строгости дру-

гихъ господъ, передъ которыми трепещетъ ихъ прислуга; очень утѣшенъ случайнымъ замѣчаніемъ кухарки, что у него всякаго добра напихано такъ много, какъ у любого помѣщика; съ наслажденіемъ слушаетъ грубую лесть пьяницы Хрипушина и т. д. Эта постоянная потребность тѣшить свое самолюбіе привела къ тому, что изъ Толоконникова постепенно выработался типичный самодуръ, мелкій и придирчивый, злой и раздражительный. Передъ „облагодѣтельствованными“ имъ Претерпѣевыми онъ ежедневно разыгрываетъ въ этомъ родѣ цѣлыя сцены, пока наконецъ тѣ, несмотря на свою нищету, не вышли изъ себя и не прогнали его; когда онъ впослѣдствіи женился, то нарочно выбралъ жену совершенно забитую и безотвѣтную, чтобы имѣть возможность издѣваться надъ ней и мучить ее сколько угодно. Вообще онъ жестокъ: „любимымъ зрѣлищемъ его была драка, которую онъ всемѣрно старался «подгваздивать», то есть раззадоривать“; „съ глубокимъ вниманіемъ смотрѣлъ, какъ гоняютъ сквозь строй“. „Книгъ онъ не читалъ ни одной“, даже духовныхъ, хотя и уважалъ послѣднія. Любилъ духовные концерты и постоянно напѣвалъ что-нибудь церковное. Относительно политики полагалъ, что „всѣ наши“, на поляковъ сердился и совѣтовалъ ихъ уничтожить, и т. д.

3. Аффективные-извращенные.

Группа эта многими своими чертами напоминаетъ описанную выше и родственную ей группу аффективныхъ-чистыхъ. Та же повышенная аффективная возбудимость и неустойчивость чувствованій, обиліе ихъ внѣшнихъ, физіологическихъ проявленій, подвижность, разговорчивость и общительность; то же любопытство и нѣкоторая наблюдательность, соединенныя, однако, съ полной неспособностью къ сколько-нибудь серьезному и сосредоточенному мышленію; наконецъ, та же импульсивность и недостаточная обдуманность поступковъ, легкомысліе, отсутствіе предусмотрительности и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, психологическая извращенность даннаго типа приводитъ къ возникновенію цѣлаго рода другихъ проявленій, нерѣдко весьма характерныхъ. Подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ неблагопріятныхъ факторовъ—нищеты, плохого воспитанія, дурныхъ примѣровъ, злоупотребленія спиртными напитками и т. п.—у человѣка мало-по-малу развиваются такія экзо-проявленія, которыя, съ одной стороны, выбиваютъ его болѣе или менѣе изъ соціальной колеи, а съ другой—принижаютъ и уродуютъ его и безъ того небогатую психику, мѣшая свободному развитію естественныхъ его способностей и задатковъ. Уже и у чистыхъ аффективныхъ низшаго уровня мы отмѣчали нѣкоторыя черты, не особенно благопріятныя какъ съ соціальной, такъ и съ обще-біологической точекъ зрѣнія: преобладаніе чувственныхъ влеченій надъ идейными интересами, склонность къ пустому, необоснованному хвастовству, къ шутовству и разнаго рода глупымъ, легко-

мысленнымъ выходкамъ, наконецъ, отсутствіе постоянныхъ, опредѣленныхъ нравственныхъ принциповъ. Подъ вліяніемъ упомянутыхъ выше неблагопріятныхъ факторовъ эти отрицательныя черты дѣлаются преобладающими въ характерѣ даннаго человѣка, накладывая отпечатокъ на всю его психическую личность и оттѣсняя на задній планъ другія, болѣе положительныя его особенности. Получается, напр., столь распространенный типъ безпорядочнаго пьяницы, драчуна и скандалиста, который въ свои свѣтлые промежутки можетъ быть недурнымъ мастеровымъ, порядочнымъ чиновникомъ и т. д., но затѣмъ, спиваясь все больше и больше, постепенно теряетъ службу, дѣлается неспособнымъ къ работѣ и, мало-по-малу, превращается въ типичнаго босяка-пропойцу. Или же человѣкъ выполняетъ среди своихъ товарищей роль добровольнаго шута, надъ которымъ всѣ потѣшаются, къ которому всѣ относятся съ нескрываемымъ презрѣніемъ и который, однако—странное дѣло!—не только не тяготится, но даже дорожитъ своей ролью, такъ какъ она является для него все-таки суррогатомъ извѣстной репутаціи, извѣстнаго соціальнаго положенія. Одного изъ такихъ добровольныхъ шутовъ, каторжанина Скуратова описываетъ, между прочимъ, Достоевскій въ своихъ „Запискахъ изъ мертваго дома“.

Недостаточное развитіе нравственныхъ принциповъ, въ связи съ разнаго рода извращающими факторами, ведетъ къ тому, что обманъ, плутовство, кражи,—вообще всякаго рода надувательство дѣлается у представителей этого типа однимъ изъ обычныхъ пріемовъ въ ихъ борьбѣ за существованіе. Къ насилію и жестокости они бываютъ обыкновенно мало способны, между тѣмъ какъ плутоватость всегда до извѣстной степени присуща ихъ подвижному, живому характеру. При этомъ, въ зависимости отъ окружающихъ условій, плутовство можетъ принимать самые разнообразные, иногда совершенно неожиданные виды и формы.

Не вдаваясь въ подробное описаніе и перечисленіе различныхъ, возникающихъ на этой почвѣ типовъ и разновидностей, мы приведемъ лишь, въ качествѣ примѣровъ, двѣ характеристики: веселаго нищаго-пропойцу слѣпца Фуфаева изъ романа Григоровича „Переселенцы“ и плутоватаго, недалекаго въ умственномъ отношеніи еврея, ювелира и процентщика, Исая Ѳомича Бумштейнъ, сосланнаго на каторгу и описаннаго Достоевскимъ въ „Запискахъ изъ мертваго дома“.

Совершенно слѣпой, лѣтъ сорока съ лишнимъ отъ роду, Фуфаевъ обладалъ „неуклюжей, коротенькой фигурой, напоминавшей медвѣженка“ и придававшей

уже самой наружности его что-то комическое, скоморошное. Здоровый и крѣпкій физически, онъ безъ труда сносилъ всѣ невзгоды и тягости бродячей нищенской жизни; когда его поводырь Мишка тяжело захворалъ и не могъ идти, онъ, несмотря на сильный зной и духоту, взялъ его на руки и довольно долго несъ по тяжелой, песчаной дорогѣ. Фуфаевъ всегда веселъ и ни отъ чего не унываетъ. Его толстое, красное лицо сіяетъ полнымъ довольствомъ, маленькій, какъ пуговица, носъ забавно вздернутъ, губы насмѣшливо передвигаются. Онъ очень подвиженъ, говоритъ безъ умолку, перебивая другихъ, то и дѣло строитъ смѣшныя гримасы или принимаетъ смѣшныя позы, приплясываетъ, выдѣлывая разныя „колѣнца" и подпѣвая своимъ козлинымъ голосомъ. Несмотря на неуклюжее тѣлосложеніе, движенія его очень ловки: будучи слѣпымъ, онъ быстро и ловко считаетъ деньги, разливаетъ вино въ стаканы и т. д. Любитъ дразнить старика Мизгиря его скупостью, хохочетъ, подзадоривая на драку Филиппа и Верстана. То и дѣло остритъ и шутитъ (при чемъ шутки его довольно примитивны), безъ конца сыплетъ разныя присказки и прибаутки, охотно скоморошничаетъ, чтобы посмѣшить товарищей (напр., изображая медвѣдя, реветъ и ползаетъ на четвереренькахъ). Легкомысленъ и безпеченъ; когда начинаетъ пить, то пропиваетъ обыкновенно все, что у него есть, совершенно не заботясь о послѣдствіяхъ; до того свыкся съ своей безалаберно-бродячей жизнью, что когда помѣщица, знавшая его изъ разсказовъ Пети, предложила ему въ Мàрьинскомъ уголъ и вѣрный кусокъ хлѣба, онъ наотрѣзъ отказался. Фуфаевъ хроническій, привычный алкоголикъ; добываніе спиртныхъ напитковъ „было, можно сказать, единственной цѣлью его существованія". Онъ никогда не пропускаетъ случая выпить; чутьемъ слышитъ, гдѣ есть по близости кабакъ, и умоляетъ товарищей зайти опохмѣлиться. Пьетъ, какъ и все дѣлаетъ, весело, съ присказками и прибаутками, съ пѣніемъ, охотно угощая другихъ. При своей повышенной аффективной возбудимости Фуфаевъ вспыльчивъ и способенъ иногда—правда, рѣдко—придти въ бѣшенство; однако гнѣвъ его проходитъ такъ же быстро, какъ и начался. Вообще же онъ по природѣ добръ и жалостливъ: заступается за Петю передъ Верстаномъ и принялъ на себя даже часть ударовъ, предназначавшихся для мальчика; участливо относится къ своему больному поводырю Мишѣ и всячески старается облегчить его участь; извѣстіе о смерти Миши поразило его: онъ долго, угрюмо молчалъ, а потомъ запилъ. Сострадательность, однако, не мѣшаетъ ему обмануть старуху, оставивши у ней тяжело больного мальчика, смерть котораго доставила ей потомъ много хлопотъ. Въ подобныхъ случаяхъ онъ покорно подчиняется необходимости и вліянію товарищей (въ особенности угрюмаго и жестокаго силача-Верстана), такъ какъ особой устойчивостью и самостоятельностью не отличается: нисколько не сопротивляется, когда на ярмаркѣ писарь, ни за что, ни про что вытянулъ его хлыстомъ по спинѣ, безпрекословно слушается Верстана, боясь и избѣгая ссоры съ нимъ, и т. д.

Исай Ѳомичъ Бумштейнъ, лѣтъ около 50 отъ роду, еврей, ювелиръ по профессіи, занимается также и ростовщичествомъ. Попалъ на каторгу по обвиненію въ убійствѣ (къ сожалѣнію, Достоевскій не указываетъ, насколько обвиненіе было обосновано, каковы были мотивы убійства и какимъ образомъ оно

было совершено). Маленькій ростомъ, худощавый и слабосильный, весь въ какихъ-то морщинкахъ, Исай Ѳомичъ „былъ какъ двѣ капли воды похожъ на общипаннаго цыпленка“; „я никакъ не могъ понять, какъ онъ могъ выдержать шестьдесятъ плетей“. Однако, несмотря на свое тщедушное сложеніе, И. Ѳ. „всегда былъ въ превосходнѣйшемъ расположеніи духа“; „въ выраженіи лица его виднѣлось безпрерывное, ничѣмъ непоколебимое самодовольство и даже блаженство“. Этому способствовало, правда, до извѣстной степени то обстоятельство, что въ каторгѣ жить ему было сравнительно легко: городскіе евреи ему покровительствовали; кромѣ того, будучи ювелиромъ по профессіи, онъ былъ заваленъ работой изъ города и всегда имѣлъ деньги, которыя давалъ подъ закладъ на проценты всей каторгѣ. Благодаря этому, И. Ѳ. жилъ „богато“, имѣлъ свой самоваръ, хорошій тюфякъ, чашки, весь обѣденный приборъ. Со стороны умственныхъ способностей Достоевскій опредѣляетъ его какъ „хитренькаго и въ то же время рѣшительно глупаго“. „Въ немъ была самая комическая смѣсь наивности, глупости, хитрости, дерзости, простодушія, робости, хвастливости и нахальства“; онъ былъ дерзокъ и заносчивъ, и въ то же время ужасно трусливъ“. Трусость, однако, не мѣшаетъ ему очень выгодно обдѣлывать свои денежныя дѣлишки и брать за одолженныя подъ закладъ деньги чуть не 50% въ мѣсяцъ. Очень характерна въ этомъ отношеніи сценка, происшедшая тотчасъ же по прибытіи его въ острогъ: перепуганный до нельзя ужасной обстановкой, въ которую онъ попалъ, И. Ѳ., однако, сразу оживился, когда одинъ арестантъ предложилъ ему въ закладъ свои старыя лѣтнія шаровары, и, хотя и дрожащимъ голосомъ, но довелъ торгъ до конца. На каторгѣ надъ нимъ постоянно смѣялись и въ то же время всѣ безъ исключенія его любили, такъ какъ онъ забавлялъ арестантовъ своей комической наружностью („я даже теперь не могу вспоминать о немъ безъ смѣху“) и своимъ невиннымъ хвастовствомъ и тщеславіемъ. Исай Ѳомичъ, хотя и понималъ, въ чемъ дѣло, но видимо гордился своимъ значеніемъ, что очень тѣшило арестантовъ. При перебранкѣ съ другими онъ молодцовато отвѣчаетъ, веселое одобреніе окружающихъ ему нравится, и онъ начинаетъ на всю казарму тоненькимъ дискантомъ пѣть свой побѣдный гимнъ—смѣшной мотивъ безъ словъ (единственный, который онъ зналъ): ля-ля-ля-ля-ля... Вообще онъ за собой ухаживалъ и о своей наружности былъ вовсе не плохого мнѣнія: любилъ мыться въ банѣ, при чемъ парился „до отупѣнія, до безчувственности“; по отбытіи своего 12-лѣтняго срока на каторгѣ собирался непремѣнно „жениться“, и съ этой цѣлью берегъ у себя мазь для сведенія клеймъ со лба и щекъ. И. Ѳ. религіозенъ, но религіозность его всецѣло сводится къ строгому выполненію обрядовъ: въ субботу онъ „слоняется, бывало, безъ дѣла, по всему острогу, всѣми силами стараясь ничего не дѣлать, какъ это предписано въ субботу по закону“. Наканунѣ субботы очень любитъ справлять шабашъ, устраивая изъ своей молитвы цѣлое театральное представленіе; особенно нравился ему внезапный переходъ отъ печальныхъ молитвъ и рыданій къ торжествующимъ, побѣднымъ мотивамъ (пророчество о возвращеніи евреевъ въ Іерусалимъ). Любопытство окружающихъ доставляло ему при этомъ тоже большое удовольствіе, дѣлая его въ эти моменты центромъ общаго вниманія и льстя такимъ образомъ его тщеславію.

4. Активные-извращенные (насильники).

Подобно всѣмъ вообще извращеннымъ низшаго уровня, представители данной группы также обладаютъ цѣлымъ рядомъ особенностей, принижающихъ ихъ психику и дѣлающихъ ихъ, въ соціальномъ отношеніи, не только безполезными, но нерѣдко и вредными членами общества. Сюда слѣдуетъ отнести такія качества, какъ слабость мышленія, узость умственнаго кругозора, неспособность къ труду, эгоизмъ, отсутствіе нравственныхъ принциповъ и склонность къ обману, преобладаніе чувственныхъ влеченій надъ идейными и т. п. Съ другой стороны, и самая активность (resp. преобладаніе волевыхъ процессовъ надъ всѣми остальными), составляющая отличительную черту данной группы, принимаетъ у извращенныхъ также своеобразный, очень характерный оттѣнокъ. Выше намъ уже приходилось упоминать о томъ, что значительное развитіе волевыхъ процессовъ порождаетъ обычно въ человѣкѣ не только усиленную дѣятельность, но также и повышенную склонность къ борьбѣ и сопротивленію. Въ нормальныхъ условіяхъ жизни, у „чистыхъ", естественно развивающихся типовъ волевая дѣятельность бываетъ направлена на борьбу съ тѣми препятствіями, которыя ставитъ имъ жизнь, профессіональная дѣятельность, неблагопріятно складывающіяся обстоятельства и т. д.; другими словами, энергія борьбы расходуется здѣсь съ пользой какъ для нихъ самихъ, такъ зачастую и для общества. Въ противоположность этому извращенные, выросшіе въ тяжелой, уродующей и гнетущей обстановкѣ, среди всякаго рода обидъ и преслѣдованій, становятся мало-по-малу озлобленными и жестокими, начиная находить удовольствіе не только въ цѣлесообразной, жизненно-необходимой борьбѣ, но и вообще въ насиліи надъ другими людьми, въ причиненіи другимъ тѣхъ самыхъ страданій, которыя имъ самимъ столько разъ приходилось испытывать.

По словамъ Ферри, Du Camp различаетъ двѣ категоріи преступниковъ: la basse pègre, т. е., воровъ, не проливающихъ крови и не совершающихъ насилій, и la haute pègre, представители которой— убійцы по разсчету, которые сначала убиваютъ, а потомъ грабятъ. Самъ Ферри также считаетъ возможнымъ различать антропологическій типъ убійцы отъ типа вора. При этомъ онъ считаетъ, что въ убійствѣ и вообще въ преступленіяхъ противъ личности біологическіе, resp. психо-физіологическіе факторы преобладаютъ надъ соціальными, между тѣмъ какъ въ воровствѣ и другихъ преступленіяхъ противъ

собственности наблюдается какъ разъ обратное. Преступленіями, въ которыхъ преобладаютъ прирожденныя наклонности, онъ считаетъ убійство, изнасилованіе, поджогъ, вооруженную кражу, квалифицированное воровство; напротивъ, такія преступленія, какъ простое воровство, нищенство и бродяжничество, являются, по его мнѣнію, результатомъ пріобрѣтенной привычки. Оба приведенныя мнѣнія, на нашъ взглядъ, вполнѣ согласуются съ тѣмъ, отмѣчаемымъ нами обстоятельствомъ, что активные-извращенные уже по самой природѣ своей являются склонными къ насилію и жестокости, между тѣмъ какъ аффективные и иные типы обнаруживаютъ свою соціально-психическую извращенность различными другими проявленіями.

Что касается подраздѣленія данной группы, то, подобно чистымъ-активнымъ, и здѣсь также намѣчается нѣсколько разновидностей, въ зависимости отъ преобладающаго развитія той или иной стороны волевого процесса. Мы упомянемъ здѣсь только о двухъ, особенно яркихъ и часто встрѣчающихся въ жизни типахъ, которые можно назвать *безпорядочными насильниками* и *сосредоточенно-жестокими*.

а. Безпорядочные насильники.

Типъ этотъ соотвѣтствуетъ той разновидности чисто-активныхъ низшаго уровня, которую мы выше назвали „энергичными". Характерной чертой здѣсь, какъ и тамъ, является то обстоятельство, что всякое вновь возникшее желаніе немедленно переходитъ въ соотвѣтствующее дѣйствіе, не будучи задерживаемо ни мотивами противоположнаго характера, ни попытками обсудить предстоящій поступокъ и его послѣдствія. Отсюда ихъ рѣшительность и склонность къ энергичнымъ дѣйствіямъ, соединенная, однако, съ значительнымъ легкомысліемъ, несерьезностью и безпорядочностью поступковъ, крайней безпечностью и полной неспособностью къ труду, наконецъ, съ хвастливой, ни на чемъ не основанной самоувѣренностью.

Принадлежность къ группѣ извращенныхъ сказывается здѣсь въ томъ, что импульсивная, безпорядочная дѣятельность представителей этого типа бываетъ обыкновенно направлена на борьбу съ окружающими людьми, при чемъ борьба эта принимаетъ нерѣдко самыя нелѣпыя и дикія формы. „Штыкъ-юнкеръ Заусайловъ («Въ дурномъ обществѣ» В. Короленка), обладавшій громаднымъ ростомъ, сизо-багровымъ носомъ и свирѣпо-выкаченными глазами, давно уже объявилъ открытую войну всему живущему, не признавая ни перемирій, ни нейтралитетовъ". Заступаясь за своего товарища, такого же босяка-

пропойцу, какъ и онъ самъ, „онъ носился по улицамъ, подобно Тамерлану, уничтожая все, попадавшееся на пути грознаго шествія; такимъ образомъ онъ практиковалъ еврейскіе погромы, задолго до ихъ возникновенія, въ широкихъ размѣрахъ; попадавшихся ему въ плѣнъ евреевъ онъ всячески истязалъ, а надъ еврейскими дамами совершалъ гнусности, пока, наконецъ, экспедиція браваго штыкъ-юнкера не кончалась на съѣзжей, куда онъ неизмѣнно водворялся послѣ жестокихъ схватокъ съ бутарями. Обѣ стороны проявляли при этомъ не мало геройства". Товарищъ Заусайлова, „генералъ" Туркевичъ въ тѣ рѣдкіе дни, когда ему случалось быть трезвымъ, сначала впадалъ въ малодушіе и меланхолію, а затѣмъ вдругъ загорался неистовымъ гнѣвомъ, „ударялъ себя въ грудь и торжественно отправлялся по улицамъ, оповѣщая громкимъ голосомъ: Иду!.. Какъ пророкъ Іеремія... Иду обличать нечестивыхъ!" Обличеніе это состояло въ томъ, что панъ Туркевичъ, окруженный толпой зѣвакъ, останавливался передъ домами главныхъ заправилъ города и начиналъ разсказывать наиболѣе пикантные случаи изъ ихъ жизни и дѣятельности, пока ему не выносили соотвѣтствующую взятку или же не водворяли его на съѣзжую.

Та же самая склонность психически-извращеннаго человѣка къ постоянной, хотя бы и не мотивированной борьбѣ съ окружающей средой лежитъ, повидимому, въ основѣ тѣхъ жестокихъ и въ то же время совершенно безцѣльныхъ выходокъ противъ ни въ чемъ не повинныхъ людей, которыя въ послѣднее время получили названіе „хулиганства". Правда, во многихъ случаяхъ хулиганство возникаетъ просто какъ результатъ уличнаго воспитанія и подражанія дурнымъ примѣрамъ; но тогда оно является чѣмъ-то наноснымъ, не особенно стойкимъ и мало характернымъ для даннаго индивидуума. Что же касается извращенныхъ-активныхъ низшаго уровня, то здѣсь безсмысленно-озлобленныя, жестокія выходки находятся, какъ уже сказано, въ полномъ соотвѣтствіи съ потребностями ихъ исковерканной души и могутъ поэтому измѣниться только съ перемѣной всего душевнаго облика даннаго человѣка. Очень типичнымъ въ этомъ отношеніи представляется хулиганство Николки Гвоздева, подробная характеристика котораго приводится нами ниже.

Добродушно-спокойная самоувѣренность энергичныхъ-чистыхъ низшаго уровня также не можетъ сохраниться у извращенныхъ во всей ея полнотѣ и нетронутости. Жизнь то и дѣло жестоко унижаетъ ихъ, указывая имъ настоящее мѣсто и не позволяя заблуждаться

насчетъ своего положенія; поэтому минуты самодовольства и повышенной оцѣнки своей личности очень часто смѣняются у нихъ злобно-мстительными вспышками уязвленнаго самолюбія. Или же они, подобно вышеупомянутому пану Туркевичу, поддерживаютъ свою веселую самоувѣренность при помощи постояннаго опьяненія и насилій надъ окружающими. Туркевичъ, типичный босякъ-пропойца, самъ произвелъ себя въ генералы; „если же по временамъ его беззаботную голову посѣщали на этотъ счетъ какія либо сомнѣнья, то, изловивъ на улицѣ перваго встрѣчнаго обывателя, онъ грозно спрашивалъ: Кто я по здѣшнему мѣсту? а?—Генералъ Туркевичъ! смиренно отвѣчалъ обыватель“, опасаясь потасовки; и удовлетворенный „генералъ“ отпускалъ его, величественно покручивая свои тараканьи усы.

Въ качествѣ примѣра приведемъ характеристику Николки Гвоздева (изъ разсказа М. Горькаго „Озорникъ“), представляющаго довольно типичный экземпляръ извращенныхъ-активныхъ низшаго уровня.

Николай Семеновичъ Гвоздевъ или Николка Гвоздевъ (какъ его называетъ метранпажъ), по профессіи наборщикъ. Авторъ описываетъ его, какъ „коренастаго малаго, съ рябымъ лицомъ и вьющимися кверху вихрами на лѣвомъ вискѣ“; у него „сильная, жилистая фигура“ и сѣрые, злые глаза. Сынъ слесаря, выросшій на улицѣ, онъ мало образованъ („грамоту плохо знаю“), такъ какъ все его ученіе ограничилось приходскимъ училищемъ. Однако, отъ природы онъ неглупъ, что видно хотя бы изъ его способности ко всякаго рода мастерствамъ („онъ на всѣ руки: по литографской части смекаетъ, граверъ, водопроводчикомъ былъ тоже“); кромѣ того, профессія наборщика дала ему возможность нахвататься всякихъ отрывочныхъ свѣдѣній и возбудила въ немъ цѣлый рядъ мучительныхъ вопросовъ, которыхъ онъ рѣшить не въ состояніи и которые, въ то же время, не даютъ ему покоя. Когда Гвоздевъ, слегка выпивши, находится въ хорошемъ настроеніи (какъ, напр., во время прогулки въ городскомъ саду), его рѣшительное рябое лицо смотритъ добродушно и общительно и онъ имѣетъ видъ „молодчины мастерового, который доволенъ собой, хоть сейчасъ готовъ спѣть, поплясать и подраться и во всякую минуту непрочь выпить“. Онъ любитъ прогуливаться среди публики и чувствовать себя равнымъ со всѣми; при этомъ миролюбивъ и по своему вѣжливъ. Любитъ принарядиться: синяя блуза, подпоясанная ремнемъ, брюки навыпускъ, ярко начищенныя ботинки, картузъ, надѣтый на бекрень и на затылокъ. Общителенъ: чувствуетъ „настоятельное желаніе потолковать съ кѣмъ-нибудь за парой пива“, и, поймавши редактора, горячо, хотя и довольно безтолково излагаетъ ему всю свою доморощенную философію. Однако, когда что-нибудь его разсердитъ, настроеніе рѣзко мѣняется, онъ дѣлается грубъ и нахаленъ, готовъ не только дерзко оборвать собесѣдника или отвратительно-цинично выругаться, но также и устроить скандалъ, полѣзть въ драку. Редакторъ, слушая его возбужденную рѣчь, невольно думаетъ: „а что какъ онъ побьетъ меня? онъ такой злой“. Гвоздевъ самъ знаетъ это очень хорошо: „Живу я одинъ на свѣтѣ и всѣмъ людямъ, меня знающимъ, очень надоѣлъ. Потому—у меня характеръ

злой, и очень я люблю разные фокусы выкидывать". Объясняетъ это тѣмъ, что никакъ не можетъ помириться съ обидѣвшей его судьбой: всѣ его сверстники по дѣтскимъ играмъ, когда-то такіе же чумазые мальчишки, какъ и онъ самъ, получили образованіе и вышли въ люди, одинъ онъ остался ни съ чѣмъ. А между тѣмъ Гвоздевъ очень самолюбивъ и любитъ чувствовать себя со всѣми на равной ногѣ; когда ему удастся чѣмъ-нибудь выдѣлиться (напр., во время разговора въ редакціи) онъ чувствуетъ себя героемъ и не скрываетъ своего торжества. При такомъ самолюбіи неудивительно, что, напримѣръ, воспоминаніе о томъ, какъ онъ у своего бывшаго товарища, нынѣ судебнаго слѣдователя, установлялъ клозетъ и получилъ сорокъ коп. на чай, приводитъ его въ бѣшенство: „Нашего брата иногда такое зло разбираетъ, что и виномъ не зальешь... Ну, въ такую вотъ пору и созорничаешь надъ кѣмъ-нибудь: прохожему въ рыло дашь или что другое"... Отсюда его склонность ко всякаго рода озорнымъ и хулиганскимъ выходкамъ: набирая передовицу газеты, вставилъ въ нее фразу, крайне непріятную для редактора, у кумы метранпажа въ печкѣ „развелъ чертей", въ одну ночь въ семи голубятняхъ взломалъ замки и выпустилъ всѣхъ голубей (не для воровства—онъ не воръ,—а чтобы потомъ посмѣяться надъ владѣльцами голубей) и т. д. Его били за это до того, что разъ лежалъ въ больницѣ, но онъ не унимается. И вотъ, въ результатѣ, несмотря на прирожденныя умственныя способности, несмотря на смѣлость, настойчивость и самообладаніе (см., напр., первый разговоръ въ редакціи), жизнь Гвоздева характеризуется авторомъ какъ „безалаберная и безплодная".

b. Сосредоточенно-жестокіе.

Примыкая близко къ описанному выше (въ группѣ чистыхъ—активныхъ) типу „упрямыхъ", данная разновидность напоминаетъ его многими своими чертами. Основной особенностью характера здѣсь, какъ и тамъ, является значительное развитіе волевой энергіи, спокойной и сосредоточенной, упорно стремящейся къ достиженію намѣченной цѣли или къ осуществленію разъ принятаго рѣшенія. Принадлежность къ низшему психическому уровню сказывается и здѣсь узостью и ограниченностью умственнаго кругозора, примитивностью цѣлей, которыя человѣкъ себѣ ставитъ, нежеланіемъ и неспособностью разобраться въ отдаленныхъ послѣдствіяхъ и конечныхъ результатахъ своихъ поступковъ. Правда, среди представителей разбираемаго типа встрѣчается немало и такихъ, которые по своимъ прирожденнымъ умственнымъ задаткамъ могли бы принадлежать къ среднему психическому уровню и лишь въ силу неблагопріятныхъ обстоятельствъ опустились „на дно" человѣческаго существованія; у такихъ субъектовъ можно замѣтить нерѣдко проблески ума, нѣкоторую дальновидность, проявленія иниціативы. Однако, все это мелькаетъ лишь по временамъ, отражаясь главнымъ образомъ на частныхъ проявленіяхъ дѣятельности даннаго человѣка и не оказывая умственнаго вліянія

на общую линію его поведенія. Умственная дѣятельность у такихъ людей выражается обыкновенно не столько въ разумномъ обсужденіи своихъ поступковъ, сколько въ разсчетливой хитрости, находящейся всецѣло на служеніи у ихъ низменныхъ инстинктовъ.

Подобно упрямымъ, представители разбираемаго типа также обладаютъ цѣлымъ рядомъ чертъ, тѣсно связанныхъ съ преобладаніемъ у нихъ спокойно-сосредоточеннаго волевого усилія. Молчаливые и малообщительные, они обыкновенно не отличаются особенной подвижностью; разсчетливо-осторожные въ своихъ дѣйствіяхъ, они, однако, не могутъ быть названы трусами и въ нѣкоторыхъ случаяхъ способны обнаружить даже значительную рѣшимость и безстрашіе; спокойно-самоувѣренные, они бываютъ обыкновенно грубы и требовательны въ обращеніи съ окружающими, стараясь (и не безъ успѣха) подчинить ихъ своему вліянію.

Различіе между типами чистымъ и извращеннымъ выступаетъ здѣсь главнымъ образомъ въ отношеніи человѣка къ другимъ людямъ и къ соблюденію извѣстныхъ нравственныхъ принциповъ. Въ противоположность упрямымъ, чувство долга у „сосредоточенно-жестокихъ“ совершенно отсутствуетъ; холодные, разсчетливые эгоисты, они готовы въ любую минуту обмануть и сдѣлать несчастнымъ другого человѣка, если только это соотвѣтствуетъ ихъ выгодамъ. Но особенно характерна для нихъ значительная жестокость и склонность къ насиліямъ, совершаемымъ при томъ не въ порывѣ гнѣвнаго аффекта (какъ у „безпорядочныхъ насильниковъ“), а со спокойной самоувѣренностью привычнаго разбойника или убійцы. Этому способствуетъ, между прочимъ, также и значительная физическая сила, которою обыкновенно обладаютъ подобнаго рода субъекты и которая дѣлаетъ ихъ иногда прямо страшными для окружающихъ.

Достоевскій въ своихъ „Запискахъ изъ мертваго дома“ разсказываетъ объ одномъ каторжникѣ, татаринѣ Газинѣ, который „производилъ на всѣхъ страшное, мучительное впечатлѣніе. Мнѣ всегда казалось, что ничего не могло быть свирѣпѣе, чудовищнѣе его“. Очень сильный, сильнѣе всѣхъ въ острогѣ, онъ былъ „росту выше средняго, сложенія геркулесовскаго, съ безобразной, непропорціонально-огромной головой; ходилъ сутуловато, смотрѣлъ исподлобья“. Въ ссылкѣ былъ уже не въ первый разъ. Въ острогѣ про него разсказывали, „что онъ любилъ прежде рѣзать маленькихъ дѣтей, единственно изъ удовольствія..... Все это, можетъ быть, и выдумывали,.... но всѣ эти выдумки какъ-то шли къ нему, были къ лицу“. Будучи трезвъ, онъ

обычно велъ себя благоразумно: избѣгалъ ссоръ, говорилъ очень мало. „Всѣ движенія его были медленныя, спокойныя, самоувѣренныя. По глазамъ его было видно, что онъ очень не глупъ и чрезвычайно хитеръ; но что-то высокомѣрно-насмѣшливое и жестокое было всегда въ лицѣ его и въ улыбкѣ". Иногда же онъ напивался, „и вотъ тутъ-то высказывалось все звѣрство его натуры": сначала онъ задиралъ окружающихъ насмѣшками, самыми злыми, разсчитанными, а затѣмъ хваталъ ножъ и бросался на перваго встрѣчнаго. Однажды онъ въ пьяномъ видѣ сталъ приставать къ Достоевскому и чуть не убилъ его; только случай предотвратилъ убійство.

Хорошій образчикъ разобраннаго сейчасъ типа даетъ намъ Григоровичъ въ своихъ „Переселенцахъ":

Профессіональный нищій, по прозвищу Верстанъ, „человѣкъ около пятидесяти лѣтъ, исполинскаго роста, атлетическаго сложенія, съ чернымъ лицомъ, какъ у цыгана, мрачно-нахмуреннымъ и грубымъ;.... его короткія мускулистыя руки, пальцы съ пучками волосъ между суставами и могучая шея показывали страшную силу... Говорилъ онъ отрывисто, и голосъ его звучалъ, какъ изъ бочки". Молчаливый и малообщительный, неторопливый въ своихъ движеніяхъ, Верстанъ отличался значительной осторожностью и разсчетливостью: неоднократно останавливалъ весельчака Фуфаева, когда тотъ слишкомъ ужъ разоткровенничается при постороннихъ; организовалъ планъ похищенія Пети и научилъ Лапшу, какъ его осуществить; въ критическую минуту, когда нищіе узнали о смерти покинутаго ими у старухи больного поводыря и опасаются погони, Верстанъ руководитъ ихъ бѣгствомъ, предусмотрительно выбирая наиболѣе безопасные пути и способы передвиженія. Несмотря на свою осторожность, онъ далеко не трусъ и въ случаѣ надобности можетъ проявить значительную рѣшимость и самообладаніе: такъ, когда Филиппъ (опасный, готовый на все воръ и бродяга), взбѣшенный обманомъ, ворвался въ избу и съ угрозами сталъ требовать отъ Верстана деньги, тотъ не испугался и далъ ему надлежащій отпоръ; точно также не растерялся на ярмаркѣ, когда неожиданно встрѣченный торгашъ закричалъ толпѣ, что нищіе силой увели мальчика, и когда толпа стала угрожающе тѣсниться вокругъ него. Въ то же время Верстанъ способенъ владѣть и самимъ собою: онъ, конечно, пьетъ, какъ и его товарищи, но никогда не напивается, подобно Фуфаеву, до потери сознанія; когда, по пути на каторгу (куда онъ попалъ за убійство старика—Мизгиря), ему встрѣтились случайно торгашъ съ Петей, Верстанъ при видѣ ихъ даже не выразилъ удивленія, а лишь бросилъ на нихъ холодный, равнодушный взглядъ и съ мрачной неподвижностью насупилъ свои сѣдыя брови. Благодаря всѣмъ этимъ качествамъ, Верстанъ умѣетъ вліять на окружающихъ и среди своихъ товарищей-нищихъ является руководителемъ и вожакомъ, которому они почти безпрекословно повинуются. Этому способствуютъ также его суровость и жестокость, доходящія нерѣдко до полнаго безсердечія. Уведя Петю, противъ его воли, отъ родителей, онъ угрозами и побоями заставляетъ мальчика подчиниться своей участи; когда болѣзненный и слабый поводырь Фу-

фаева Миша тяжело захворалъ въ пути и сострадательный Фуфаевъ умоляетъ Верстана хоть ненадолго остановиться, чтобы дать передохнуть мальчику, тотъ ни за что не соглашается, готовый бросить умирающаго мальчика и слѣпого товарища на произволъ судьбы. Своей выгоды никогда не упуститъ и на деньги очень жаденъ: подсматривая, какъ старичокъ Мизгирь потихоньку считалъ свои деньги, онъ имѣлъ такой страшный видъ, „что Петя почувствовалъ холодъ въ спинѣ“; впослѣдствіи онъ, съ цѣлью ограбленія, убилъ Мизгиря. Для достиженія своихъ выгодъ Верстанъ всегда готовъ на обманъ и хитрость: будучи на самомъ дѣлѣ зрячимъ, выдаетъ себя за слѣпого, притворно-ласково заговариваетъ съ женой Лапши, подобострастничаетъ на ярмаркѣ передъ писаремъ станового, обманулъ Лапшу и Филиппа и т. д.

А. Ф. Лазурскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОРЪ ЦАРСКОСЕЛЬСКАГО ЛИЦЕЯ.

Постановленіе о Царскосельскомъ лицеѣ, проектъ котораго былъ разработанъ, по непосредственнымъ указаніямъ Императора Александра, министромъ народнаго просвѣщенія графомъ А. К. Разумовскимъ, утверждено было Императоромъ 12-го августа 1810 года.

Сколько извѣстно, учрежденіе лицея имѣло связь съ мыслію дать общественное воспитаніе великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ. Вѣроятно, поэтому интересовалась лицеемъ Императрица Марія Ѳедоровна. Секретарь ея, Г. И. Вилламовъ, записалъ въ дневникѣ своемъ 13-го декабря того же 1810 года: „Je me rendis le matin au Palais travailler avec l'Impératrice qui fut souvent interrompue, entre autre, par le comte Razoumoffsky qui lui apporta, si je ne me trompe, le réglement du Lycée, qui doit être établi à Zarskoe-Sélo".

Мысль о воспитаніи въ лицеѣ великихъ князей была оставлена, и избраніемъ лица, которому слѣдовало бы поручить обязанности начальника этого снабженнаго исключительными преимуществами учебнаго заведенія, не спѣшили. Только послѣ ряда предварительныхъ къ открытію лицея распоряженій, директоромъ его назначенъ былъ 12-го іюня 1811 года статскій совѣтникъ Василій Ѳедоровичъ Малиновскій.

Окончивъ курсъ Московскаго университета, Малиновскій началъ служебную дѣятельность въ 1781 году въ вѣдомствѣ иностранной коллегіи и состоялъ то за границей—въ Лондонѣ (1789—90) и въ Яссахъ (1800—1802),—то въ центральныхъ учрежденіяхъ коллегіи.

Въ іюнѣ 1810 года онъ обратился къ министру иностранныхъ дѣлъ графу Н. П. Румянцову съ письмомъ, въ которомъ, объясняя, что послѣ тридцатилѣтней службы достигъ лишь должности секретнаго архиваріуса, просилъ о назначеніи ему квартирныхъ денегъ „по

примѣру другихъ казенныхъ мѣстъ". „Сія милость"—писалъ Малиновскій—„послужила бы въ пособіе къ содержанію и въ одобреніе долговременной службы, остающейся безъ вниманія". Онъ надѣялся, что Румянцовъ обратитъ взоръ на его службу и оживитъ исчезающія надежды, открывъ ему путь къ отличію и изъявленію усердія.

Мало занятый службою, Малиновскій посвящалъ свои досуги научно-литературнымъ занятіямъ, но къ педагогической дѣятельности не подготовлялся [1]).

Почему же именно на немъ остановился выборъ въ должность директора лицея?

Пытался отвѣтить на этотъ вопросъ первокурсникъ лицея баронъ М. А. Корфъ [2]). „Значеніе свое"—говоритъ баронъ—„Малиновскій получилъ, кажется, отъ того, что былъ женатъ на дочери извѣстнаго протоіерея Андрея Аѳанасьевича Самборскаго, сперва священника при церкви нашего посольства въ Лондонѣ, потомъ законоучителя и духовника великихъ князей Александра и Константина Павловичей и, наконецъ, духовника великой княгини Александры Павловны, по вступленіи ея въ бракъ съ палатиномъ венгерскимъ. Есть, впрочемъ, вся вѣроятность думать, — прибавляетъ баронъ Корфъ,— что и въ выборѣ Малиновскаго не обошлось безъ участія тогдашняго государственнаго секретаря Сперанскаго, который издавна былъ очень близокъ къ Самборскому".

Положеніе Малиновскаго въ моментъ назначенія его директоромъ лицея и кругъ его знакомствъ, нѣкоторые члены котораго не остались, кажется, безъ вліянія на его назначеніе, рисуются письмами Василія Ѳедоровича къ младшему брату, Павлу. Послѣдній, служившій въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и въ должности директора государственнаго ассигнаціоннаго банка, пользовался расположеніемъ графа Николая Петровича Шереметева, умершаго 2-го января 1809 года, который избралъ его однимъ изъ своихъ душеприкащиковъ.

Приводимъ эти письма Малиновскаго полностью [3]).

---

[1]) О первоначальной службѣ Малиновскаго и его литературной дѣятельности см. въ моей книгѣ: Императорскій Царскосельскій лицей. С.-Пб. 1911.

[2]) Записка его о лицеѣ въ книгѣ Грота „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники". С.-Пб. 1899, стр. 223.

[3]) Хранятся въ числѣ бумагъ, поступившихъ въ Императорскую Публичную Библіотеку въ 1915 году отъ И. П. Малиновскаго.

I.

Безъ даты.

Каковъ ты, любезный братъ, а мы здоровы всѣ. У министра [1]) нынче былъ; онъ допустилъ меня къ себѣ, не выходя еще ко всѣмъ. Условился ѣхать въ Царское и тамъ все распорядить со мною: чему, гдѣ и какъ быть, и для меня на пріѣздъ приказалъ архитектору изготовить покои, а указъ поднесетъ въ пятницу [2]) Государю. О екипажныхъ и столовыхъ сказалъ: „объ этомъ подождите; такъ надо; это послѣ".

О Ванѣ [3]) я сказалъ его лѣта, чтобъ послѣ не стыдно было; но онъ, уважая мое отцовское желаніе, согласенъ такъ сдѣлать, чтобы онъ казался моложе, и помирить его на 13 годахъ, «какъ и другіе по волѣ Государя въ семъ возрастѣ принимаются».

Мнѣ вздумалось просить Бѣлозерку [4]), если не вдругъ для себя, то покуда въ качествѣ директора, для дѣтей прогуливаться, такъ и играть и упражняться въ охотку въ садоводствѣ, а притомъ и для экономіи огородныхъ овощей и содержанія птицъ и прочей скотины, какъ бывало, помнишь, у любезнаго нашего земледѣльца [5]). Теперь къ сему есть случай, что новые покои не готовы для моего семейства и сыры, хотя онъ, т. е. графъ, сказалъ, что не сыры, потому что одинъ этажъ только пристроенъ;—онъ увидитъ и самъ. Итакъ Софія моя жила бы тамъ съ дѣтьми всегда весной и лѣтомъ, а дѣти—воспитанники лицея—и я приходили гулять. Можно о семъ сообщить благодѣтелю моему Михаилу Ивановичу [6]); онъ знаетъ, пристойно ли это и какъ приступить.

Мое почтеніе милостивой государынѣ Марьѣ Ѳедотовнѣ [7]) и дѣтямъ любовь. Прости.

Я слышалъ, что Бушъ [8]) пользовался [9]) какъ садовникъ, а не подарена ему, но освѣдомлюсь въ конторѣ навѣрно".

---

[1]) Графа А. К. Разумовскаго.

[2]) Указъ о назначеніи Малиновскаго директоромъ лицея состоялся 12-го іюня 1811 года; число это падало на пятницу.

[3]) Сынъ В. Ѳ. Малиновскаго, Иванъ, предназначенный къ поступленію въ лицей.

[4]) Дача между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ, отведенная прежде для жительства Самборскаго.

[5]) Самборскаго.

[6]) Сенатору Донаурову.

[7]) Женѣ Донаурова.

[8]) Придворный садовникъ Царскаго Села.

[9]) Бѣлозеркою.

P. S. Вспомнилъ, что графъ А. К. хочетъ, чтобъ дѣти лицея удалены были отъ женщинъ, и такъ гулянье тамъ не резонъ, но довольно есть и другихъ и одинъ главный—милость мнѣ пріятная многими воспоминаніями по отношеніи семейства: тамъ женился, тамъ и дѣти росли, тамъ и Государя угощали. Андрея Аѳанасьевича это бы утѣшило".

II.

16 іюня 1811 г.

Сдѣлай мнѣ одолженіе, любезный братъ, выведи изъ теперешней нужды, а потомъ ужъ будетъ мнѣ легче. Беру овесъ и муку въ лабазѣ, когда все дешевле, подъ Невскимъ, и задолжалъ за триста рублей, и другіе многіе недостатки, даже и въ платьѣ. Нынѣ обѣдаю у Р. А. Кошелева, а не знаю, что надѣть; развѣ вице-мундиръ, а это знаешь какъ некстати. Кажется, ты мнѣ дарилъ довольно, а не ссужалъ. Если я и найду 1.000 р.,—долженъ проценты платить. Нельзя ли у вашихъ Ел. Сем. или Татьяны Васильевны [1]) попросить. М. А. Лѣнивцевъ [2]) вчера отозвался: мнѣ же нужна колясочка для разъѣздовъ и лошадей поневолѣ три, ибо министръ сказалъ, что и комнаты мнѣ будутъ приготовлены для пріѣзду, а дрожки мои худы; совсѣмъ сломаны; долговъ же накопилось такъ, что безъ тысячи до новаго жалованья нельзя исправиться: даже безъ коляски—мундиръ новый!

Письмомъ батюшки я обрадованъ, а другое—не такъ пріятно, но видно есть всему часъ и срокъ, который миновать нельзя. Тогда—а не прежде—будь здѣсь, а не тамъ! но и не увидишь какъ время свиданія наступитъ. О мнѣ, говорятъ, указъ есть; завтра поѣду къ графу А. К.; прости; мы всѣ здоровы.

P. S. Сейчасъ прислали указъ Сенату о опредѣленіи меня директоромъ лицея: оставили при коллегіи съ жалованіемъ. Поздравляй! благодари Михаила Ивановича".

По вступленіи въ должность директора, Малиновскій немедля приступилъ къ образованію административной части лицея, о чемъ и писалъ брату (безъ даты).

---

[1]) Татьяна Васильевна Шлыкова, жившая свыше 80 лѣтъ въ домѣ графовъ Шереметевыхъ. О ней см. интересную книжку гр. С. Д. Шереметева, 2-ое изд. С.-Пб. 1911.

[2]) Михаилъ Алексѣевичъ Лѣнивцевъ † 1837 г. въ чинѣ статскаго совѣтника.

III.

„Теперь я буду чаще увѣдомлять тебя, любезный братъ, о всемъ. Хорошо, что имѣю такого доброжелателя въ Михаилѣ Ивановичѣ, что онъ все спрашиваетъ. Не показалось ли ему странно, что Г. Витманъ такъ усерденъ, а мнѣ нынѣ весьма стала подозрительна сія рекомендація, ибо самъ полковникъ Реймерсъ сказалъ, что онъ просьбу свою подалъ чрезъ Энгельгардта, который искалъ моего мѣста" [1]).

Далѣе, говоря, что онъ приглашаетъ на службу въ лицей чиновника Кишинскаго, Малиновскій прибавляетъ, что „какъ скоро я узнаю отвѣтъ о согласіи, увѣдомлю и попрошу Михаила Ивановича, буде удобно, поговорить съ министромъ. Тутъ же Пилецкаго, Мартына Степановича, и Люценко [2]), съ прибавкою жалованья, ибо онъ беретъ на себя или исправлять должность переписыванія на бѣло, на что положено 500 р., или учить, а иначе не идетъ; представлю и бухгалтера. Итакъ все правленіе составится изъ единодушныхъ честныхъ, такъ что государю примѣтно будетъ".

Приведенныя три письма служатъ, кажется, достаточнымъ указаніемъ, что иниціаторомъ ходатайства о назначеніи В. Ѳ. Малиновскаго на должность директора лицея былъ младшій его братъ, Павелъ Ѳедоровичъ. Пользуясь дружбою М. И. Донаурова (опекуна графа Д. Н. Шереметева), котораго В. Ѳ. Малиновскій называетъ своимъ благодѣтелемъ, и знакомствомъ съ Р. А. Кошелевымъ, онъ съ ихъ помощью повліялъ на министра народнаго просвѣщенія графа Разумовскаго, женатаго на графинѣ Варварѣ Петровнѣ Шереметевой, сестрѣ графа Николая Петровича, теткѣ малолѣтняго въ то время графа Дмитрія Николаевича. Участіе въ этомъ дѣлѣ графа Разумовскаго было, конечно, рѣшающимъ, но оно не исключало участія въ немъ Самборскаго, а, можетъ быть, и Сперанскаго.

Кромѣ служебнаго положенія, связывавшаго этихъ трехъ лицъ, графа Разумовскаго, Донаурова и Кошелева, между ними была другая, высшая, духовная связь: они были мартинисты.

Ученіе мартинистовъ, обязанное своимъ происхожденіемъ Сенъ-Мартену, издавшему подъ псевдонимомъ „Философъ неизвѣстный" „Изслѣдованіе о заблужденіяхъ и истинѣ", явившееся въ русскомъ

---

[1]) Энгельгардтъ назначенъ былъ въ 1811 г. директоромъ педагогическаго института.

[2]) Пилецкій и Люценко поступили въ лицей первый—надзирателемъ по учебной и хозяйственной части, а второй—секретаремъ хозяйственнаго правленія.

переводѣ въ 1785 году, принесено было въ Москву профессоромъ ея университета Шварцемъ и затѣмъ широко распространилось въ кружкѣ Новикова.

Послѣ разгрома Новиковскаго общества Императрицею Екатериною ученіе это притихло, но въ царствованіе Павла I и въ первые годы правленія Александра вновь ожило. Извѣстный графъ Растопчинъ въ запискѣ о мартинистахъ, составленной имъ въ 1811 году, т. е. въ годъ назначенія Малиновскаго директоромъ лицея, утверждаетъ, что къ этому времени, „дѣйствуя постоянно однимъ и тѣмъ же путемъ, мартинисты возвысили и умножили свою секту присоединеніемъ значительныхъ лицъ, которымъ доставили важныя должности. Къ числу ихъ принадлежали въ Петербургѣ графъ Разумовскій, Мордвиновъ, Карнѣевъ, Алексѣевъ, Донауровъ; въ Москвѣ—Лопухинъ, Ключаревъ, Кутузовъ, Руничъ, князь Козловскій и Поздѣевъ. Они всѣ болѣе или менѣе преданы Сперанскому, который, не придерживаясь въ душѣ никакой секты, а, можетъ быть, и никакой религіи, пользовался ихъ услугами для направленія дѣлъ и держалъ ихъ въ зависимости отъ себя“ [1]).

Біографія графа Разумовскаго и его дѣятельность, какъ попечителя Московскаго учебнаго округа, а затѣмъ министра народнаго просвѣщенія, подробно разсказаны А. А. Васильчиковымъ во второй части его изслѣдованія „Семейство Разумовскихъ“.

Прослуживъ нѣсколько лѣтъ въ придворныхъ должностяхъ, Разумовскій вышелъ въ 1778 году въ отставку и жилъ въ Москвѣ. Здѣсь, подъ вліяніемъ одного изъ сподвижниковъ Новикова, О. А. Поздѣева, онъ увлекся ученіемъ Сенъ-Мартена. По настоятельному желанію Императора Александра, принялъ онъ въ 1807 году должность попечителя Московскаго учебнаго округа, а 11-го апрѣля 1810 г. назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія, передавъ должность попечителя старому масону П. И. Кутузову. Изъ писемъ къ нему Поздѣева за 1807—1814 гг. видно, подъ какимъ сильнымъ его вліяніемъ находился графъ Разумовскій.

Упоминаемый въ трехъ письмахъ Малиновскаго „благодѣтель“ Михаилъ Ивановичъ Донауровъ родился въ 1758 году. Начавъ службу въ 1775 году по военному вѣдомству, Донауровъ переведенъ впо-

---

[1]) Записка графа Растопчина напечатана во французскомъ подлинникѣ въ „Архивѣ кн. Воронцова“, кн. XIV, а въ русскомъ переводѣ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1875, кн. III, № 9.

слѣдствіи въ вѣдомство гражданское. Въ 80-хъ годахъ XVIII столѣтія онъ исполнялъ обязанности секретаря и библіотекаря при дворѣ великаго князя Павла Петровича, при чемъ въ 1789 году имѣлъ чинъ надворнаго совѣтника. Затѣмъ, согласно желанію великаго князя, перешелъ вновь на военную службу, съ зачисленіемъ по гатчинскимъ войскамъ, гдѣ получилъ чинъ полковника. Будучи въ 1795 году бригадиромъ, онъ продолжалъ состоять при его императорскомъ высочествѣ [1]) и въ 1796 году носилъ офиціальный титулъ „на вакансіи генералъ-аудиторъ-лейтенанта бригадиръ и ордена св. Владиміра 4 степ. кавалеръ". Женатъ онъ былъ на фрейлинѣ великой княгини Маріи Ѳедоровны, Маріи Ѳедотовнѣ Веригиной, съ сестрою которой, также фрейлиною, Натальею [2]), вступилъ въ бракъ С. И. Плещеевъ, дѣятельный масонъ, который, вѣроятно, и привлекъ Донаурова въ мартинизмъ. Павелъ Петровичъ немедленно по вступленіи на престолъ, приказомъ 8-го ноября 1796 года, произвелъ его въ генералъ-маіоры и затѣмъ указомъ 4-го декабря того же года пожаловалъ ему 2.000 душъ.

Когда началось удаленіе старыхъ сотрудниковъ Екатерины и замѣщеніе ихъ должностей новыми людьми, угодными Павлу, указомъ 28-го января 1797 г. тайный совѣтникъ В. С. Поповъ—довѣренное лицо и любимецъ князя Потемкина—отставленъ былъ отъ службы, а кабинетъ Его Величества повелѣно имѣть въ вѣдѣніи Донаурову [3]).

За этими первыми шагами послѣдовалъ рядъ новыхъ награжденій.

5-го апрѣля 1797 г. пожаловано ему 30.000 рублей на покупку дома; 9-го августа того же года пожаловано въ вѣчное и потомственное владѣніе мѣсто въ С.-Петербургѣ, лежащее по Невѣ и улицѣ Воскресенской набережной; 18-го марта 1798 г. произведенъ онъ въ тайные, а 14-го января 1799 г. въ дѣйствительные тайные совѣтники.

Въ то же время жена Донаурова, Марья Ѳедотовна, пользуясь расположеніемъ императорской четы, нерѣдко приглашалась къ обѣдамъ и ужинамъ во дворцѣ, въ числѣ очень ограниченнаго круга лицъ.

---

[1]) 200-лѣтіе Кабинета Его Императорскаго Величества. С.-Пб. 1911, стр. 449.

[2]) Онѣ были дочери Ѳедота Михаиловича Веригина, генералъ-маіора и члена военной коллегіи † 1783 г.

[3]) *Массонъ*, въ его Mémoires secrets sur la Russie, P. 1863, p. 159 говоритъ, что „M. Donaourow, ci devant bibliothecaire du prince de Wurtemberg et depuis aide de camp de Paul, devint aussi un personnage important".

Несмотря на эти милости, Донауровъ не избѣгъ превратностей, которыя грозили въ тѣ времена всѣмъ приближеннымъ къ Императору. Указомъ 16-го декабря 1799 года онъ, по прошенію, уволенъ былъ отъ всѣхъ дѣлъ.

Отставка эта была, однако, непродолжительна. По вступленіи на престолъ Александра Павловича вернулось къ Донауровымъ царское благоволеніе.

Указомъ 20-го апрѣля 1801 года повелѣно было ему быть сенаторомъ, а 22-го іюля 1804 года, въ день празднованія тезоименитства императрицы Маріи Ѳедоровны, жена его пожалована орденомъ св. Екатерины меньшаго креста.

Сверхъ должности сенатора, Донауровъ состоялъ съ января 1802 г. въ званіи члена совѣта общества благородныхъ дѣвицъ (Смольнаго института) и совѣта Екатерининскаго института, что̀ дѣлало его близкимъ къ Императрицѣ Маріи, главной начальницѣ обоихъ институтовъ.

Наконецъ, онъ былъ однимъ изъ попечителей малолѣтняго графа Д. Н. Шереметева, что̀ также упрочивало его значеніе въ обществѣ.

Весьма понятно, что какъ служебное, такъ и общественное положеніе Донаурова ставили его въ возможность оказывать „благодѣянія“ Малиновскому.

Хотя Донауровъ и считался мартинистомъ, но не видно, чтобы онъ прилагалъ старанія къ привлеченію новыхъ адептовъ; разнообразныя служебныя его обязанности должны были поглощать все его вниманіе и время.

Умеръ Донауровъ 21-го октября 1817 года.

Наконецъ, третье лицо, упомянутое въ письмѣ Малиновскаго, былъ Родіонъ Александровичъ Кошелевъ. О немъ, до появленія въ 1912 г. труда великаго князя Николая Михаиловича объ Императорѣ Александрѣ, извѣстно было весьма немногое. Собранныя нами біографическія о немъ данныя также представляются неполными и отрывочными.

Кошелевъ родился 31-го мая 1749 года. Воспитаніе получилъ, кажется, въ Москвѣ. По крайней мѣрѣ въ книгѣ Сушкова встрѣчается упоминаніе, что въ числѣ членовъ Дружескаго общества, образовавшагося при благородномъ пансіонѣ Московскаго университета, былъ („если я не ошибаюсь“, оговаривается онъ) и Кошелевъ [1]). Хотя

[1]) *Сушковъ*. Московскій университетскій пансіонъ. М. 1858, стр. 21. Сушковъ

свѣдѣніе это и нельзя признать вполнѣ достовѣрнымъ, но слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ числѣ членовъ Дружескаго общества, которое образовалось въ семидесятыхъ годахъ, если не раньше, было много молодыхъ людей, ставшихъ впослѣдствіи дѣятельными мартинистами и масонами.

Поступивъ въ военную службу, Кошелевъ 22-го сентября 1769 г. [1]) произведенъ изъ вахмистровъ Конной гвардіи въ корнеты, служилъ въ Польшѣ при извѣстномъ генералѣ А. И. Бибиковѣ, а во время Пугачевщины въ качествѣ волонтера при князѣ П. М. Голицынѣ и 22-го марта 1774 г. въ сраженіи при крѣпости Татищевой раненъ въ ногу; а 1-го января 1777 г. изъ поручиковъ уволенъ въ отставку съ чиномъ ротмистра гвардіи [2]).

Дальнѣйшія обстоятельства его жизни неизвѣстны вплоть до 1784 года, когда онъ назначенъ былъ къ великому князю Александру Павловичу въ качествѣ кавалера и въ этой должности оставался до 1787 г. [3]). Въ это время онъ вступилъ въ бракъ съ Варварою Ивановною Плещеевою, сестрою С. И. Плещеева, о которомъ упомянуто было выше.

Въ 1787 году Кошелевъ вмѣстѣ съ женою совершилъ путешествіе по Европѣ. Въ Лондонѣ онъ познакомился съ Сенъ-Мартеномъ [4]). Во время пребыванія за границею сблизился онъ съ В. Н. Зиновьевымъ, также увлекавшимся ученіемъ мистиковъ, и часть пути совершили они совмѣстно. Зиновьевъ оставилъ любопытныя записки о сношеніяхъ своихъ съ нѣкоторыми французскими масонами [5]).

Знакомство Зиновьева съ Кошелевымъ произошло въ Парижѣ, 27-го іюня 1787 г. въ русской церкви, гдѣ праздновался Троицынъ день [6]). Зиновьевъ восторженно отзывается о Кошелевой, „одной изъ

характеризуетъ Кошелева словами: „дипломатъ и чѣмъ-то неугодившій Павлу посолъ“. Лонгиновъ въ изслѣдованіи „Новиковъ и московскіе мартинисты“ (М. 1867, стр. 141) отвергаетъ мнѣніе Сушкова.

[1]) *Анненковъ.* Исторія Л.-Гв. Коннаго полка. С.-Пб. 1849, II, 49; Записки о жизни А. И. Бибикова. М. 1865, стр. 56, 89 въ приложеніи.

[2]) Сочиненія Державина, академ. изд. V, 113, 520; VI, 463; Архивъ кн. Куракина, VII, 284.

[3]) Двухсотлѣтіе Кабинета Его Величества. С.-Пб. 1907, 384; *Шильдеръ.* Императоръ Александръ I. Т. I, стр. 260.

[4]) *Mattern.* Saint-Martin, sa vie et ses oeuvres. Paris. 1862, стр. 135.

[5]) Записки его помѣщены въ Русской Старинѣ 1878 г., т. XXIII.

[6]) Записки *Зиновьева*, стр. 599. По словамъ издателя Записокъ, во время путешествія Кошелевыхъ по Европѣ, ихъ домъ служилъ сборнымъ мѣстомъ для русскихъ масоновъ. Стр. 607, прим.

превосходнѣйшихъ мною встрѣченныхъ душъ“ [1]); она отчасти была причиною, что онъ рѣшился продолжить свое отсутствіе изъ отечества. Даже журналъ своего заграничнаго путешествія онъ началъ вести въ формѣ писемъ, адресуя ихъ (по масонскому обычаю) à ma soeur Barbe.

Кошелевъ вмѣстѣ съ Зиновьевымъ посѣтили въ Цюрихѣ Лафатера [2]).

Въ томъ же году Кошелевъ, вмѣстѣ съ Сенъ-Мартеномъ, представился въ Монбельярѣ принцессѣ Виртембергской, матери великой княгини Маріи Ѳедоровны. Въ гостяхъ у принцессы они провели два дня [3]).

Вѣроятно, въ это же путешествіе Кошелевъ вошелъ въ личныя сношенія съ Сведенборгомъ и Эккартсгаузеномъ. Въ 1789 году онъ вернулся въ Петербургъ, а въ 1796 г., февраля 3-го, будучи уже въ чинѣ генералъ-маіора, получилъ пенсію въ 2.000 р. и единовременно 6.000 руб. за довершеніе воспитанія великаго князя Константина Павловича [4]).

Вслѣдъ за воцареніемъ Павла Петровича, пожалованъ былъ 26-го ноября 1796 года въ камергеры [5]), а въ 1797 году 30-го апрѣля назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Данію [6]), а 24-го октября слѣдующаго 1798 г. отозванъ. Въ первой же депешѣ своей изъ Копенгагена Кошелевъ писалъ, что послѣ представленія довѣрительныхъ грамотъ и исполненія офиціальныхъ визитовъ: „Je me suis retiré dans la coquille de mon repos“. Императоръ разгнѣвался на эту фразу и написалъ на депешѣ: „Restez à jamais dans la coquille de votre repos. J'ai nommé Lisakewitch à votre place“ [7]).

---

[1]) Лейбъ-медикъ Императрицы Екатерины Рожерсонъ отзывается о Кошелевой, какъ о „femme sous tous les rapports rare et d'un entendement mâle“. Арх. кн. Воронцова, XXX, 170.

[2]) Записки, 626.

[3]) *Mattern*, стр. 143.

[4]) Русскій Архивъ. 1864, стр. 987.

[5]) *Волковъ*. Дворъ русскихъ императоровъ. С.-Пб. 1900, стр. 199.

[6]) Kochélew est parti pour Danemark, писалъ докторъ Рожерсонъ графу Воронцову 10 іюня 1797 г., c'est un honnête homme et dans des bons principes; il est aussi mal avec l'Empeurer. Son beau-frère (т. е. Плещеевъ) est bien surtout avec l'Imperatrice, mais il ne signifie pas beaucoup; c'est un bonhomme, faible et ne possédant ni beaucoup de nerfs, ni talents, mais très prudent. Арх. кн. Воронцова, XXX, 88.

[7]) Aus den Erlebnissen von Peter von Goetze. Leipzig. 1882, S. 29.

Въ слѣдующемъ 1798 году, 26-го ноября, онъ былъ уволенъ по прошенію отъ службы [1]). Послѣ этого онъ уѣхалъ за границу и жилъ въ Дрезденѣ.

„Зиму 1800—1801 года, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Ѳ. П. Лубяновскій [2]), мы провели въ Дрезденѣ: тамъ получили извѣстіе о кончинѣ Императора Павла, прежде офиціальнаго,—частное—съ непонятною скоростью, хотя тогда не только не было телеграфовъ и желѣзныхъ дорогъ, но шоссе еще рѣдко гдѣ показывалось. Изъ русскихъ въ ту зиму въ Дрезденѣ составилась бы порядочная колонія; но всѣ мы, и знатные и безвѣстные, и старые и молодые, и мужчины и женщины—приняли эту вѣсть, къ удивленію туземцевъ, съ горестными и лицами и чувствами. Къ Р. А. и В. И. Кошелевымъ я имѣлъ письмо отъ С. И. Плещеева; принятъ ими съ отличнымъ благорасположеніемъ и они же ввели меня въ домъ графа В. П. Кочубея“.

Возвратясь затѣмъ въ Петербургъ, Кошелевъ въ 1808 году произведенъ былъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, 18-го апрѣля 1809 г. получилъ орденъ Александра Невскаго и пожалованъ оберъ-гофмейстеромъ, а указомъ 1-го января 1810 года назначенъ членомъ государственнаго совѣта и предсѣдателемъ тогда же учрежденной комиссіи прошеній [3]).

Эти совершенно исключительныя награды и повышенія объясняются тѣмъ, что Кошелевъ, давно пріобрѣвшій расположеніе Императора Александра, бывшій съ первыхъ годовъ его царствованія въ близкихъ къ нему отношеніяхъ и, несомнѣнно, вліявшій на развитіе въ немъ мистическихъ идей, употребленъ былъ Императоромъ на служеніе иного рода.

Императоръ дѣятельно занимался веденіемъ иностранной политики; часто бесѣдовалъ съ дипломатическими при немъ представителями и, можно сказать, съ нѣкоторыми изъ нихъ велъ переговоры. При этомъ министръ иностранныхъ дѣлъ не всегда былъ ознакомленъ съ видами и намѣреніями Государя, а это выпадало на долю другихъ лицъ. Такъ, графъ Румянцовъ, управлявшій съ званіемъ государственнаго канцлера министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, не поль-

---

[1]) Сенатскій Архивъ. Указы Павла I, С.-Пб. 1888, стр. 462.

[2]) Рус. Арх., 1872, № 4 и пр. 466—467. Лубяновскій былъ въ то время адъютантомъ князя Репнина.

[3]) *Писаревъ.* Учрежденіе по принятію прошеній приносимыхъ на Высочайшее имя. С.-Пб. 1909, стр. 31.

зовался довѣріемъ Императора, который скрывалъ отъ него нѣкоторыя важныя дѣла и поручалъ ихъ Кошелеву. Въ трудѣ великаго князя Николая Михаиловича эта любопытная двойственная игра Государя изложена впервые и при томъ съ исчерпывающею полнотою. Мы считаемъ лишнимъ для скромной задачи настоящей нашей статьи повторять эти свѣдѣнія.

Австрійскій повѣренный въ дѣлахъ въ Петербургѣ, графъ Сенъ-Жюльенъ, съ которымъ Кошелевъ былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ, въ донесеніи 14-го апрѣля 1811 года [1]), давъ не лестный отзывъ о Кошелевѣ, прибавилъ, что онъ „личный врагъ графа Румянцова и льститъ себя надеждою—хотя совершенно напрасною—сдѣлаться его преемникомъ". Въ другомъ донесеніи [2]) онъ сообщаетъ, что „Кошелевъ не владѣетъ искусствомъ угадывать тайныя мысли своего Государя".

Но ни прямая государственная служба, ни исполненіе временныхъ дипломатическихъ порученій не отвлекли Кошелева отъ религіозно-мистическихъ настроеній. Онъ старался распространять это ученіе, обративъ въ него князя А. Н. Голицына, и шелъ даже такъ далеко, что посѣщалъ радѣнія едва ли не скопческаго кружка Татариновой [3]).

Въ 1812 году онъ покинулъ службу, но и въ отставкѣ сохранилъ благоволеніе государя, переписывавшагося съ нимъ и сообщавшаго ему нѣкоторыя свои предположенія, хранившіяся въ тайнѣ.

Постепенно теряя зрѣніе, Кошелевъ ослѣпъ и умеръ 26-го ноября 1827 года.

На могильномъ его памятникѣ вырѣзана слѣдующая надпись:

Давно я ждалъ, мой Боже, ждалъ,
Когда отпустишь Ты меня
Отъ всѣхъ заботъ земныхъ, суетъ
Отыти съ миромъ въ Твой покой!
И нынѣ отпустилъ меня
Ты грѣшнаго раба,
Искупленна безцѣнной кровью Сына Твоего,
Чему я вѣрилъ, уповалъ,
И, наконецъ, любя, молился, ожидалъ

[1]) Императоръ Александръ I, стр. 431—432.

[2]) Тамъ же, стр. 460.

[3]) Карамзинъ относился недовѣрчиво къ дѣятельности Кошелева и 17-го іюля 1817 г. писалъ И. И. Дмитріеву: Кн. Голицынъ хорошій человѣкъ и всегда учтивъ со мною, но я къ нему совсѣмъ не близокъ и съ Кошелевымъ не знакомъ; даже и текстами не промышляю. Иногда смотрю на небо, но не въ то время, когда другіе на меня смотрятъ.... Письма Карамзина къ Дмитріеву. С.-Пб. 1866, стр. 218.

Твоей я воли совершенья.
Се нынѣ Ты и разрѣшилъ,
Отъ плоти узъ освободилъ
И далъ узрѣть Твое спасенье.

Все, сказанное выше, дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что Малиновскій обязанъ своимъ назначеніемъ на должность директора лицея графу Разумовскому, Донаурову и Кошелеву. Они стояли во главѣ того религіознаго настроенія, которое увлекало значительную часть русскаго образованнаго общества въ первое двадцатилѣтіе царствованія Императора Александра. По справедливости эти три лица избраны были въ первомъ учредительномъ собраніи Библейскаго общества, 11-го января 1813 г., вице-президентами общества, президентомъ котораго былъ князь А. Н. Голицынъ.

Такимъ образомъ, назначеніе Малиновскаго директоромъ лицея оправдало слова гр. Растопчина, что мартинисты умножали свою секту присоединеніемъ лицъ, которымъ доставили важныя должности.

Въ заключеніе естественно коснуться вопроса, не принадлежалъ ли къ числу мартинистовъ также и В. Ѳ. Малиновскій?

Мартинисты не составляли какого либо общества, съ уставомъ, администраціею и опредѣленнымъ планомѣрнымъ образомъ дѣйствій; они были послѣдователями религіозно-нравственнаго ученія, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ даже точно не формулированнаго. Малиновскій, сынъ и зять православныхъ іереевъ, былъ искренно вѣрующимъ, глубоко-религіознымъ православнымъ. Однако, оставшіяся послѣ него въ рукописи нѣкоторыя его разсужденія о вопросахъ нравственности показываютъ, что они проникнуты мистическимъ направленіемъ, а только это и могло сблизить его съ Кошелевымъ [1]).

Вскорѣ по вступленіи Малиновскаго въ должность директора лицея, постигло его тяжкое несчастье. 9-го февраля 1812 г. скончалась его жена, Софія Андреевна. Василій Ѳедоровичъ вспомнилъ о ней въ слѣдующемъ (недатированномъ) письмѣ къ брату Павлу:

„Посѣщеніе Охты [2]) мнѣ сдѣлало сильное впечатлѣніе; я вижу преимущество Софіи надо мною; она перешла то, что мнѣ еще страшно, но я долженъ жить такъ, чтобъ было весело. Отъ сего пункта зрѣнія все въ другомъ видѣ представляется,—дай Богъ мнѣ

---

[1]) Производившій въ 1792 г. слѣдствіе о московскомъ кружкѣ Новикова, Шешковскій интересовался принадлежностью къ масонству священника Малиновскаго, но Новиковъ опровергъ это предположеніе. Лонгиновъ, цит. сочин., стр. 327 и 0111.

[2]) На Охтенскомъ кладбищѣ похоронена жена Малиновскаго.

онаго не потерять. Любезной сестрѣ и дѣтеночкамъ моя любовь, а Андрею Аѳанасьевичу почтеніе. О Корчаковскомъ [1]) я нынѣ посылаю представленіе, ибо его сіятельство на мою волю оставилъ выборъ его или другова.

Григорій Ивановичъ Вилламовъ два письма прислалъ, желая видѣть г. Кошанскаго [2]); послѣднее, для поспѣшенія свиданія, съ нарочнымъ. Нынѣ г. профессоръ отправляется въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы познакомиться или показать себя; кажется, ему дѣйствительно желалось бы сего мѣста, но онъ манерится. Скажи о семъ, любезный братъ, Михаилу Ивановичу".

Но и самому В. Ѳ. Малиновскому не долго суждено было прожить въ лицеѣ. Умеръ онъ 23-го марта 1814 г. и, какъ сказано въ надгробной его надписи, „соединился съ Творцомъ своимъ".

Эта краткая прозаическая надпись выражаетъ ту же мысль, что и длинное стихотворное надгробіе Кошелева.

Оставилъ ли Малиновскій, среди своихъ питомцевъ, благодарную о себѣ память?

„В. Ѳ. Малиновскій былъ человѣкъ добрый и съ образованіемъ, хотя нѣсколько семинарскимъ, но слишкомъ простодушный, безъ всякой людскости, слабый и вообще не созданный для управленія какой-нибудь частью, тѣмъ болѣе высшимъ учебнымъ заведеніемъ".

Этотъ отзывъ, похожій на служебную начальническую аттестацію, а не на мнѣніе питомца о своемъ воспитателѣ, принадлежитъ первокурснику лицея, барону М. А. Корфу [3]). Къ счастью, мы имѣемъ отзывъ о Малиновскомъ другого первокурсника, князя А. М. Горчакова. Вотъ что писалъ онъ черезъ мѣсяцъ по поступленіи въ лицей, 26-го ноября 1811 года, своему дядѣ, А. Н. Пещурову: „Je ne connais point d'expressions pour louer M. Malinoffsky; quel excellent, quel digne homme; il se comporte avec nous comme avec ses enfans et il ne fait de différence entre nous et son fils. Il a bien des bontés pour moi". Извѣстно, что по смерти Малиновскаго лицей пережилъ рядъ попытокъ назначенія лица, для завѣдыванія онымъ, пока управленіе это ввѣрено не было, временно, профессору Гауеншильду [4]), весьма не любимому лицеистами.

---

[1]) Сенатскій регистраторъ Яковъ Михайловичъ Корчаковскій, съ 1813 года канцелярскій чиновникъ въ лицеѣ.

[2]) Профессоръ русской словесности въ лицеѣ.

[3]) *Гротъ*. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, стр. 223.

[4]) Въ запискѣ своей о Сперанскомъ Гауеншильдъ разсказываетъ о своихъ

По этому поводу 14-го августа 1815 года князь А. М. Горчаковъ писалъ тому же дядѣ Пещурову:

„Вы хотите знать нѣчто о нашемъ лицеѣ? Вотъ мой отвѣтъ. Вы знаете басню о лягушкахъ, просящихъ царя; послѣ тихаго, смирнаго [1])... коимъ они не были довольны, въ наказаніе дана была имъ голодная, водяная змѣя. Добраго, почтеннаго Малиновскаго, котораго не постыжусь назвать передъ цѣлымъ свѣтомъ благодѣтелемъ моимъ, не стало, а теперь увы!..... [2]). Однако блеститъ для насъ въ отдаленіи лучъ надежды; говорятъ, что будетъ у насъ новый директоръ“.

Почти еще годъ послѣ этого письма ожидалъ лицей новаго начальника, и только 27-го января 1816 года директоромъ назначенъ былъ Е. А. Энгельгардтъ, жаждавшій занять эту должность еще при учрежденіи лицея, въ 1811 году.

Д. Кобеко.

сношеніяхъ съ Кошелевымъ (Рус. Стар. 1902 г. № 5, стр. 251), съ которымъ онъ познакомился, вѣроятно, чрезъ посредство австрійскаго посольства.

[1]) Точки въ подлинникѣ.

[2]) Тоже.

УЧЕНЬЕ И ЗАУЧИВАНІЕ.

I.

Заучиваніе составляетъ въ существующей школѣ столь выдающуюся, столь бьющую въ глаза составную часть учебнаго труда, что непосвященнымъ въ дѣло лицамъ кажется, будто самое ученье есть не что иное, какъ заучиваніе учебныхъ книгъ. Въ самомъ дѣлѣ, заучиваніе неизмѣнно сопутствуетъ ученью во всѣхъ его стадіяхъ, начиная съ того времени, какъ учащійся овладѣлъ грамотой, и постепенно усложняется по мѣрѣ развитія учебнаго курса. Заучиваніе поглощаетъ большую часть времени ученика. Классныя занятія состоятъ обыкновенно или въ повтореніяхъ заученнаго, или въ объясненіяхъ того, что заучено или должно быть заучено. Домашнія занятія учащихся также почти всецѣло посвящаются заучиванію. Положеніе учащагося въ школѣ опредѣляется его отвѣтами на экзаменахъ; отвѣты же составляютъ обыкновенно воспроизведеніе текста изъ выученныхъ учебниковъ. Эти отвѣты, судя по ихъ относительному достоинству, которое опредѣляется большею или меньшею близостію къ учебнику, или открываютъ ученику двери учебнаго заведенія, или закрываютъ ихъ, способствуютъ восхожденію его въ высшіе классы, или затрудняютъ его, даютъ поводъ къ поощрительнымъ изъявленіямъ или выраженіямъ неудовольствія ученику со стороны руководителей учебнаго дѣла, составляютъ основаніе къ выдачѣ воспитуемому документовъ, или обезпечивающихъ жизненную карьеру абитуріентовъ по крайней мѣрѣ на первыхъ ея порахъ, или затрудняющихъ ее и т. д. и т. д.

При такомъ значеніи заучиванья въ школѣ и въ жизни, какъ само собою разумѣется, на этой сторонѣ труда сосредоточивается вся энергія учащагося юношества, и вульгарное представленіе объ ученьи,

какъ заучиваніи учебниковъ, представляется не лишеннымъ своего серьезнаго основанія. Представленіе это однакожъ совершенно ошибочно. Ученье не есть только заучиваніе, и направленіе, при которомъ ученикъ не идетъ дальше заучиванія, нельзя не признать стоящимъ въ противорѣчіи съ воспитательными задачами обученія и крайне не экономичнымъ использованіемъ силъ учащагося юношества.

Цѣль общеобразовательной школы, скажемъ глубоко продуманными словами профессора А. П. Павлова, заключается въ томъ, чтобы, при условіяхъ, обезпечивающихъ правильное физическое развитіе воспитуемаго, возможно всесторонне развить его духовныя способности. Школа должна расширить кругозоръ воспитуемаго; научить его разумно видѣть и въ доступныхъ для его возраста предѣлахъ понимать окружающій его міръ и черпать изъ него матеріалы для своей умственной дѣятельности; научить его слушать, читать и понимать чужія мысли и правильно выражать собственныя; поддержать въ немъ свойственную юношескому возрасту любознательность и интересъ къ умственнымъ занятіямъ; развить въ немъ любовь къ правдѣ, чувство нравственной связи съ другими людьми, съ обществомъ, съ народомъ, возбудить въ его сердцѣ стремленіе дѣятельно поработать для блага человѣчества и, ближайшимъ образомъ, родной страны; словомъ, научить его разумно и самодѣятельно разбираться въ вопросахъ, предлагаемыхъ жизнію, независимо отъ предмета этихъ вопросовъ. Тѣми же орудіями и средствами, какими достигается эта цѣль, общеобразовательная школа должна снабдить своего воспитанника запасомъ свѣдѣній, необходимыхъ современному культурному человѣку независимо отъ дальнѣйшаго пути, который онъ изберетъ. Такъ понимается задача общеобразовательной школы современными дѣятелями науки и компетентными представителями педагогической практики [1]).

Спрашивается, эта сложная и многообъемлющая задача можетъ ли быть достигаема однимъ заучиваніемъ учебниковъ? Что такое заучиваніе? Это есть многократное повтореніе даннаго текста съ цѣлію добиться возможности быстраго и точнаго его воспроизведенія по первому требованію. Цѣль заучиванія представляется достигнутой, если его результатомъ является удовлетворительная отмѣтка въ классномъ журналѣ или въ экзаменаціонной вѣдомости. Въ такой поста-

---

[1]) См. Труды Высочайше учрежденной комиссіи по вопросу объ улучшеніяхъ въ средней общеобразовательной школѣ. Вып. I. С.-Пб. 1900.

новкѣ дѣла заучиваніе представляетъ чистую работу памяти. Насколько подобнаго рода работа можетъ содѣйствовать достиженію указанныхъ выше цѣлей обученія, мы увидимъ, если выяснимъ роль памяти въ ходѣ умственнаго развитія.

II.

Разъ пережитыя нами психическія состоянія, воспріятія, чувства, мысли, волевые импульсы имѣютъ свойство впослѣдствіи оживать, такъ какъ они оставляютъ въ нашемъ существѣ слѣды, сохраняющіеся болѣе или менѣе продолжительное время, по мнѣнію нѣкоторыхъ психологовъ, даже неизгладимые. Память является хранительницею этихъ слѣдовъ. Работа памяти выражается двумя процессами: запоминаніемъ и воспроизведеніемъ. Эти двѣ стороны памяти имѣютъ не одинаковое значеніе для умственной дѣятельности. Процессъ запоминанія не представляетъ безусловной важности; потому что накопляемый памятью матеріалъ, пока онъ находится за порогомъ сознанія и не вовлеченъ въ сферу его интересовъ, является мертвымъ капиталомъ. Напротивъ, процессъ воспроизведенія представляетъ первостепенную важность; потому что онъ составляетъ необходимое условіе мышленія и можетъ вносить въ сферу умственной дѣятельности величайшее оживленіе. Вся наша сознательная жизнь развивается на основѣ пережитаго опыта. Въ каждый данный моментъ память напоминаетъ намъ тѣ или другія представленія, когда либо занимавшія наше сознаніе. Лишь при участіи этихъ доставляемыхъ памятью представленій можетъ функціонировать наша сознательная жизнь. Безъ притока этого рода матеріала психическіе процессы спускаются до крайняго минимума. Потеря памяти почти равносильна потерѣ сознанія.

Память есть сила служебная по отношенію къ другимъ психическимъ силамъ. Она есть поставщица матеріала для мышленія и воображенія и вообще возбудительница высшихъ творческихъ силъ духа. Лишь въ той мѣрѣ, въ какой она исполняетъ это назначеніе, она и можетъ оказывать благотворное воспитательное вліяніе на формировку умственныхъ обликовъ воспитуемаго юношества. Но память можетъ работать также и единственно для самой себя, внѣ сейчасъ объясненнаго прямого ея назначенія. Въ этомъ случаѣ ея полезное дѣйствіе совершенно ничтожно; потому что она не вноситъ въ сознаніе ничего новаго, ничего такого, чего не было въ немъ прежде. Она есть зеркало, все отражающее, но ничего не творящее. Заучиваніе

для заучиванія, какимъ является оно, когда заучиваютъ только для того, чтобы по требованію хорошо повторить заученное, не затрогивая высшихъ двигателей умственной жизни, если и можетъ сопровождаться какою-нибудь пользою для развитія, то развѣ нѣкоторымъ изощреніемъ способности запоминанія.

Мейманнъ и Эбертъ произвели рядъ систематизированныхъ экспериментовъ съ цѣлію выясненія вопроса о томъ, улучшается ли память подъ вліяніемъ упражненія въ заучиваніи. Всего было произведено 65 наблюденій. Экспериментированными лицами были 6 взрослыхъ мужчинъ зрѣлаго возраста (одному было даже 54 года, прочіе— значительно моложе). Въ числѣ этихъ лицъ былъ и одинъ изъ иниціаторовъ эксперимента, такъ что наблюденіе здѣсь сопровождалось и самонаблюденіемъ. Опыты были начаты въ ноябрѣ 1902 г. и закончены въ августѣ 1903 г. Результаты опытовъ привели экспериментаторовъ къ убѣжденію въ томъ, что упражненіе въ заучиваніи повышаетъ работоспособность памяти во всѣхъ отношеніяхъ. Экспериментированныя лица послѣ ряда упражненій въ заучиваніи безсмысленныхъ слоговъ стали не только скорѣе запоминать заучиваемое механически, но вмѣстѣ съ этимъ улучшили и способность сознательнаго усвоенія заучиваемаго матеріала, и вообще подняли работоспособность всѣхъ видовъ памяти. Такъ, послѣ опытныхъ упражненій, экспериментированныя лица стали запоминать заучиваемый матеріалъ въ 5 — 10 разъ скорѣе, чѣмъ до опытовъ, и въ данную единицу времени въ 3 — 10 разъ больше [1]). Опыты американскихъ ученыхъ Кувера и Франка Анжеля подтвердили выводы Мейманна.

Но необходимо прибавить, что другіе ученые мнѣніе объ усовершаемости памяти признаютъ недоразумѣніемъ. Такъ полагаетъ извѣстный американскій психологъ Уилльямъ Джэмсъ. Никакое развитіе, по его мнѣнію, не можетъ усовершенствовать общую воспріимчивость человѣка. Она представляетъ собою физіологическое свойство, данное человѣку разъ навсегда вмѣстѣ съ его организаціей, свойство, которое онъ никогда не будетъ въ состояніи измѣнить... Мы можемъ сказать, что любое интеллектуальное упражненіе, усиливающее питаніе мозга и повышающее общій тонъ его дѣятельности, полезно и для общей его воспріимчивости. Но далѣе этого общаго сужденія идти не имѣется основанія. Принято думать, что извѣстнаго рода

---

[1]) *Ebert* und *Meumann*, Übungsphenomene im Bereiche d. Gedächtnisses, Leipzig, 1904.

систематическія упражненія укрѣпляютъ въ человѣкѣ не только способность запоминать факты, входящіе въ составъ этихъ упражненій, но и вообще воспріимчивость человѣка къ запоминанію какихъ бы то ни было фактовъ. Еслибъ это было справедливо, то вся теорія зависимости памяти отъ образованія нервныхъ путей въ мозгу должна была бы вновь быть пересмотрѣнной. Я склоненъ думать, говоритъ Джэмсъ, что фактовъ, противорѣчащихъ этой теоріи, на самомъ дѣлѣ не существуетъ. Я обстоятельно разспрашивалъ по этому поводу многихъ опытныхъ актеровъ, и всѣ они единогласно утверждаютъ, что практика заучиванія ролей весьма мало облегчаетъ дѣло. По ихъ словамъ, она только развиваетъ въ нихъ способность разучивать роли методичнѣе. Опытъ сообщилъ имъ богатый запасъ интонацій, экспрессіи и жестикуляціи. Это облегчаетъ разучиваніе новыхъ ролей, потому что является возможность примѣнить къ дѣлу выработанные уже навыки. Но прирожденная воспріимчивость не только не совершенствуется, а, напротивъ, слабѣетъ съ годами. Здѣсь запоминаніе облегчается вдумчивостію. Поэтому должно полагать, что если школьники совершенствуются въ заучиваніи, то это является послѣдствіемъ улучшенія способовъ заучиванія и развитія интереса къ заучиванію, но отнюдь не укрѣпленія чисто физіологической силы воспріимчивости [1]).

Намъ кажется, что разногласіе ученыхъ по вопросу объ усовершаемости памяти не представляетъ практическаго значенія. Каждый, кто учился, знаетъ по собственному опыту, что заучиваніе достигается тѣмъ легче, чѣмъ больше въ немъ упражняются. Съ педагогической точки зрѣнія безразлично, происходитъ ли это отъ улучшенія самаго существа памяти или отъ усовершенствованія пріемовъ въ пользованіи этой способностію. Спорить противъ того, что упражненіе въ заучиваніи дѣлаетъ этотъ процессъ болѣе легкимъ, невозможно.

Но дѣло въ томъ, что такой результатъ упражненій въ заучиваніи не составляетъ еще самъ по себѣ пріобрѣтенія высокой цѣнности и можетъ вовсе не приближать къ достиженію воспитательныхъ цѣлей обученія. Увеличеніе запасовъ памяти не приноситъ съ собою еще дѣйствительнаго приращенія интеллектуальныхъ богатствъ; потому что матеріалы, накопляемые памятью, какъ объяснено уже выше,

---

[1]) *Уилльямъ Джэмсъ*, Психологія. Переводъ Лапшина, 5-е русское изданіе. С.-Пб., 1905 г.

составляютъ мертвый капиталъ, пока эти матеріалы не использованы высшими духовными силами. Память, отягощенную знаніями, остающимися безъ примѣненія и обработки мышленіемъ, справедливо сравниваютъ съ обширнымъ кладбищемъ, въ которомъ мирно покоятся безжизненные трупы. Лишь то знаніе цѣнно, которое не только воспринято памятью, но и усвоено разумомъ, которое вошло въ органическую связь съ общею системою нашего умственнаго кругозора и заняло тутъ твердое положеніе. Вотъ такого-то знанія, обращающагося въ плоть и кровь нашу, расширяющаго нашъ умственный кругозоръ, поднимающаго общій уровень нашего міропониманія, повышающаго энергію нашихъ творческихъ силъ, и не можетъ дать одна работа памяти—заучиваніе для заучиванія.

Исторія представляетъ намъ многочисленные примѣры того, что люди, обладавшіе феноменальною памятью и вслѣдствіе этого необъятными знаніями, были не рѣдко заурядными мыслителями, не оставившими никакихъ слѣдовъ въ исторіи науки и техники, а съ другой стороны—люди, обладавшіе видимо несовершенною памятью, являлись двигателями науки и культурнаго совершенствованія.

Блиставшій въ первой половинѣ прошлаго столѣтія профессоръ Болонскаго университета кардиналъ Меццофанти говорилъ вполнѣ правильно и даже съ соблюденіемъ діалектическихъ особенностей болѣе, чѣмъ на 50 языкахъ самыхъ несходныхъ семействъ, обладая въ то же время болѣе или менѣе совершеннымъ знакомствомъ со многими другими языками. Благодаря такимъ колоссальнымъ знаніямъ и своему положенію, открывавшему ему возможность посвящать все свое время и всѣ свои силы излюбленной спеціальности, Меццофанти не внесъ однакожъ никакихъ цѣнныхъ вкладовъ въ науку. И хотя въ его время зарождалась и твердо становилась на ноги наука сравнительнаго языкознанія, Меццофанти былъ тутъ не при чемъ, и дѣятелями эпохи были люди, далеко уступавшіе ему въ знаніи, но превосходившіе глубиною воззрѣній.

Совсѣмъ противоположное явленіе представлялъ Александръ фонъ-Гумбольдтъ, „Аристотель XIX столѣтія“, какъ его называли. Онъ обладалъ такою ограниченною памятью, что даже собственная его мать, образованная женщина, сомнѣвалась въ способности его къ ученью. Но трудно исчислить всѣ тѣ открытія, которыми прославилъ себя этотъ человѣкъ, такъ мало подававшій надеждъ. Онъ, вмѣстѣ съ Гэй-Люссакомъ, произвелъ первое химическое изслѣдованіе состава воздуха. Установивъ изотермы, Гумбольдтъ положилъ основаніе сра-

внительной климатологіи. Изслѣдованія жизни растеній, произведенныя Гумбольдтомъ, дали происхожденіе ботанической географіи. Громадныя заслуги принадлежали Гумбольдту въ области геологіи. Онъ установилъ связь между дѣятельностью вулкановъ, опредѣлилъ полосу землетрясеній въ Азіи, классифицировалъ землетрясенія и т. д. Не менѣе важны его открытія въ области физики земли. Онъ первый фактически доказалъ, что напряженность земного магнетизма уменьшается отъ полюсовъ къ экватору, и открылъ существованіе магнитныхъ бурь. Столь же важны были труды Гумбольдта по земле- и человѣковѣдѣнію. Изслѣдованія надъ морскими теченіями, произведенныя Гумбольдтомъ, положили начало новой отрасли знанія, впослѣдствіи развившейся въ науку. Гумбольдтъ первый обратилъ вниманіе на связь человѣка съ природой, на значеніе природы для цивилизаціи и т. п.

Однородный примѣръ представлялъ и Фарадей, величайшій изъ физиковъ XIX столѣтія. Память его была такъ далека отъ совершенства, что онъ не осилилъ даже начальнаго училища. Но этому самоучкѣ мы обязаны научными открытіями послѣдняго времени, наиболѣе содѣйствовавшими комфорту современнаго быта. Фарадей открылъ явленіе электромагнитной индукціи, діамагнитизмъ, зависимость между электромагнитными и свѣтовыми явленіями. Въ области химіи Фарадей обогатилъ науку открытіемъ бензола и бутилена, указаніемъ метода добыванія сульфокислотъ и т. д. и т. д.

Многія другія свѣтила науки и литературныя знаменитости жаловались на свою память, какъ, напр., Руссо, Либихъ, Гельмгольцъ, Дарвинъ, Спенсеръ. Конечно, подобнаго рода сѣтованія людей, заявившихъ себя выдающимися научными трудами, слѣдуетъ понимать весьма условно. Самыя работы ихъ доказываютъ, что мышленіе ихъ не только не было стѣснено какимъ либо недостаткомъ умственнаго аппарата, а напротивъ справлялось съ своими задачами вполнѣ успѣшно. И если они не совсѣмъ были довольны услугами своей памяти, то, можетъ быть, это обстоятельство способствовало тѣмъ болѣе глубокому вниканію ихъ въ тотъ матеріалъ, который память подавала.

III.

Нельзя представлять себѣ, что чѣмъ сильнѣе мы работаемъ памятью, тѣмъ больше мы накопляемъ знаній. Память имѣетъ свой предѣлъ насыщенія, за которымъ всякій дальнѣйшій подвозъ мате-

ріала составляетъ не плюсъ, а минусъ. Предѣлъ этотъ опредѣляется возможностію логическаго использованія матеріала. Этотъ біологическій законъ часто забывается. Тамъ, гдѣ обученіе сводится къ заучиванію, обыкновенно заставляютъ ребенка воспринимать памятью больше, чѣмъ можетъ переварить его мозгъ. И это происходитъ вполнѣ естественно, можно сказать, даже неизбѣжно. Дѣти такъ способны запоминать, такъ легко справляются съ заучиваніемъ, что, когда преподаваніе не слишкомъ озабочено логическою переработкой заучиваемаго, оно невольно впадаетъ въ грѣхъ перенагруженія дѣтской памяти. Между тѣмъ послѣдствія такой практики весьма серьезны и печальны. Положеніе ребенка, память котораго подавлена массою матеріала, можно сравнить съ положеніемъ человѣка, введеннаго въ обширное помѣщеніе, переполненное неизвѣстными ему людьми, съ которыми онъ въ короткое время своего пребыванія долженъ познакомиться. Ясное дѣло, что этотъ человѣкъ многихъ совсѣмъ не замѣтитъ, другихъ не разглядитъ, какъ слѣдуетъ, у третьихъ замѣтитъ кой-какіе внѣшніе случайные признаки и проглядитъ самые существенные. Подобное этому происходитъ съ ученикомъ, когда ему даютъ умственнаго матеріала больше, чѣмъ онъ можетъ охватить своимъ слабымъ дѣтскимъ умомъ. При массѣ матеріала вниманіе дробится между множествомъ отдѣльныхъ элементовъ изученія. Совершенно понятно, что многое совсѣмъ проскользнетъ мимо сознанія, многое будетъ разсмотрѣно поверхностно, многое будетъ воспринято ошибочно. Отсюда пробѣлы въ знаніи, ошибочныя представленія, односторонніе заключенія и выводы, общая неясность, сбивчивость, нетвердость, неосновательность сужденій. Но все это происходитъ въ лучшемъ случаѣ, когда ребенокъ пытается оріентироваться въ томъ матеріалѣ, который ему предлагаютъ, и котораго онъ не можетъ осилить по слабости своей анализирующей и синтетизирующей способности. Большинство учащихся избираетъ другой путь. Оно останавливается на той сторонѣ изучаемаго матеріала, которая ему доступнѣе,—на внѣшней, на словахъ или звукахъ, устраняя вовсе внутреннюю, логическую сторону, мысль. Оно воспринимаетъ изучаемый матеріалъ, какъ систему словъ и звуковъ, не задается логическимъ ихъ соотношеніемъ и такимъ образомъ обращаетъ заучиваніе въ чисто механическій процессъ. Профессоръ Сикорскій даетъ такое описаніе этого процесса. Обыкновенно заучиваютъ, говоритъ онъ, или такимъ образомъ, что обращаютъ преимущественное вниманіе на звуки (если заучиваніе происходитъ

путемъ повторнаго чтенія вслухъ извѣстнаго отрывка), или стараются закрѣпить въ памяти страницу и мѣсто на ней, гдѣ находится запоминаемое, или наконецъ путемъ продолжительнаго беззвучнаго произношенія (двигательно-осязательныя ассоціаціи) заучиваютъ послѣдовательность произносимыхъ словъ. Въ первомъ случаѣ пользуются звуковою памятью, во второмъ—зрительной, и въ третьемъ—мышечно-осязательной. Этого рода заучиваніе соотвѣтствуетъ памяти животныхъ, и воспроизведеніе заученнаго при помощи подобной памяти возможно при воспоминаніи какой либо части его или какого либо отдѣльнаго члена цѣлаго ряда. Воспоминаніе одной части служитъ сигналомъ, который вызываетъ повтореніе всей работы, напримѣръ, подсказываніе или припоминаніе начала фразы облегчаетъ дальнѣйшія воспоминанія. При такомъ видѣ памяти иная постановка вопроса можетъ затруднить или сдѣлать невозможнымъ припоминаніе [1]).

Что же даетъ въ концѣ концовъ такое заучиваніе? Дѣти и люди посредственныхъ дарованій, отвѣчаетъ тотъ же профессоръ, пользуются описанными видами памяти и обыкновенно скоро усвоиваютъ заученное или запоминаемое; но какъ храненіе впечатлѣній, заученныхъ такимъ образомъ, такъ и въ особенности ихъ воспроизведеніе бываетъ непрочнымъ и необезпеченнымъ. Ученикъ, подготовляющійся къ экзамену при помощи подобной памяти, обыкновенно скоро и вполнѣ забываетъ то, что онъ заучилъ и за что получилъ удовлетворительную отмѣтку на экзаменѣ [2]).

Почему? потому что въ данномъ случаѣ недостаетъ того, что составляетъ основу истиннаго усвоенія заучиваемаго, — логической обработки воспринимаемаго матеріала, введенія его въ общую систему нашего знанія. Чѣмъ съ большимъ количествомъ фактовъ, говоритъ Джэмсъ, мы ассоціировали данный фактъ, тѣмъ болѣе прочно онъ задерживается нашею памятью. Каждый изъ элементовъ ассоціаціи есть крючокъ, на которомъ фактъ виситъ, и съ помощію котораго его можно выудить, когда онъ, такъ сказать, опускается на дно. Всѣ элементы ассоціаціи образуютъ ткань, съ помощью которой данный фактъ закрѣпленъ въ мозгу. Тайна хорошей памяти есть, такимъ образомъ, искусство образовывать многочисленныя и разнородныя ассоціаціи со всякимъ фактомъ, который мы желаемъ удержать въ памяти [3]). Логическая разработка воспринимаемаго матеріала

---

[1]) *Сикорскій*, Психологическія основы воспитанія и обученія. Кіевъ, 1908.

[2]) Ibid.

[3]) *Уилльямъ Джэмсъ*, Психологія. Переводъ Лапшина, 5-е изд. С.-Пб. 1905.

установляетъ безпредѣльное число связей, объединяющихъ новое наше пріобрѣтеніе съ общимъ корпусомъ нашего знанія, вслѣдствіе чего это пріобрѣтеніе становится отъ него неотдѣлимымъ. Воспринятіе же знанія путемъ механическаго заучиванія можно сравнить съ привязываніемъ или приклеиваніемъ предмета къ предмету, при которомъ не происходитъ органическаго объединенія связуемыхъ или склеиваемыхъ частей. Поэтому знаніе, пріобрѣтаемое путемъ спѣшнаго заучиванія, скоро исчезаетъ безслѣдно. Напротивъ, умственный матеріалъ, набираемый исподволь, въ связи съ имѣющимися знаніями, освѣщенный съ разныхъ точекъ зрѣнія, связанный съ другими ассоціаціями, много разъ прошедшій горнило обсужденія, становится нашимъ прочнымъ, во многихъ случаяхъ неотчуждаемымъ пріобрѣтеніемъ.

Неблагопріятныя послѣдствія перегруженія дѣтской памяти воспринятымъ механически, не продуманнымъ матеріаломъ не исчерпываются только отрицательными результатами по отношенію къ пріобрѣтенію знаній, но сопровождаются и положительнымъ вредомъ для умственнаго и даже нравственнаго совершенствованія воспитуемаго. Обращеніе учебнаго процесса въ механическій процессъ заучиванія учебныхъ книжекъ составляетъ не что иное, какъ фальсификацію обученія. И какъ фальсификація пищевыхъ продуктовъ подъ видомъ питанія расшатываетъ силы организма и вноситъ въ него отраву, такъ учебная фальсификація подъ видомъ ученья разстраиваетъ духовныя силы дѣтей и вноситъ нравственную порчу. Когда воспитаніе и обученіе становится только механикой, стало быть ложью и обманомъ, говоритъ К. П. Побѣдоносцевъ, плоды его, горькіе для души, горьки для возрастающихъ поколѣній, какъ бы ни казались блистательны конечные результаты ученья въ видѣ похвальныхъ аттестатовъ и добываемыхъ при помощи ихъ мѣстъ, чиновъ и отличій [1]).

IV.

Народная мудрость придумала весьма мѣткое слово для обозначенія обычнаго ученическаго труда: про ученика, сидящаго за приготовленіемъ уроковъ, говорятъ, что онъ „зубритъ“. „Зубрить значитъ— долбить, учить въ долбежку, твердить, затверживать безсмысленно наизусть“ [2]). Вотъ какимъ рисуется въ народномъ сознаніи трудъ

---

[1]) *К. П. Побѣдоносцевъ*, Ученье и учитель. М. 1904.

[2]) *Даль*, Толковый словарь живого великорусскаго языка. Второе изданіе. Т. I. С.-Пб. 1880.

ученика, усвоивающаго содержаніе учебника! Это есть трудъ, въ которомъ мысль исключена. Правда, выраженіе, о которомъ идетъ рѣчь, получило происхожденіе въ стародавнія времена, когда учебный трудъ имѣлъ совершенно другой характеръ, чѣмъ въ наше время, когда ученики заучивали матеріалъ, котораго они вовсе не понимали. А теперь заучивается матеріалъ болѣе или менѣе приближенный къ пониманію учащихся (хотя и не всегда). Однакожъ и въ настоящее время употребленіе глагола зубрить для характеристики ученическаго труда не составляетъ анахронизма; потому что можно зубрить и понятный текстъ. И наши ученики именно зубрятъ, потому что они заучиваютъ слова, а не мысли. При этомъ умственное углубленіе въ заучиваемый матеріалъ устраняется вполнѣ, и все вниманіе обращено на запоминаніе послѣдовательности словъ. Часто текстъ заучивается съ его опечатками, иногда даже съ тѣми несообразностями текста, которыя явились послѣдствіемъ небрежности переплетчика. Бываетъ и такъ, что, не разглядѣвши хорошенько при торопливомъ чтеніи какое-нибудь слово, ученикъ вставляетъ совершенно не подходящее собственное слово, и затѣмъ заучиваетъ этотъ извращенный текстъ.

Но все это исключительные, не часто встрѣчающіеся случаи. Остановимся на обычныхъ, повседневныхъ фактахъ. Развѣ мы видимъ когда-нибудь, чтобы ученикъ, прочитавъ заданный урокъ, остановился и сталъ соображать, въ какомъ отношеніи содержаніе прочитаннаго находится къ пройденному прежде и вообще къ запасу уже пріобрѣтенныхъ имъ знаній? Развѣ онъ старается при этомъ припомнить все, что имѣетъ отношеніе къ изучаемому въ настоящій моментъ? Развѣ онъ проводитъ какія-нибудь параллели, устанавливаетъ черты сходства или различія, вдумывается въ генетическое отношеніе понятій, провѣряетъ сужденіе справками, вычисленіями, чертежами, опытами и т. д. и т. д.? Ничего подобнаго. Прочитавши разъ, два или больше, смотря по силѣ своей памяти, ученикъ старается повторить заучиваемое возможно ближе къ подлиннику, и повторяетъ эту процедуру до тѣхъ поръ, пока сможетъ наизусть воспроизвести заучиваемое изъ слова въ слово. Ему совсѣмъ не приходитъ въ голову изложить содержаніе прочитаннаго въ иномъ порядкѣ, можетъ быть, по крайней мѣрѣ, по его понятію, болѣе подходящемъ къ данному случаю. Онъ не пытается передать текстъ своими словами, болѣе простымъ, свойственнымъ ему языкомъ. Онъ не задумывается надъ выраженіями, не подыскиваетъ наилучшія, — они ему даны. Ему

внушено, какъ нерѣдко бываетъ, что лучше книжки не скажешь. Никогда онъ не догадается да и не посмѣетъ вставить въ содержаніе отвѣта какой-нибудь извѣстный ему и подходящій въ данномъ случаѣ фактъ, привести свое, придуманное имъ доказательство, даже просто переиначить чертежъ, напримѣръ, нарисовать треугольникъ не въ томъ положеніи, въ какомъ онъ данъ въ книжкѣ, даже просто произвести иное обозначеніе буквъ въ алгебраическихъ дѣйствіяхъ и т. п.

Приготовленіе уроковъ могло бы быть прекрасною школою для выработки у учащихся способности къ сосредоточенному умственному труду, для развитія логическаго мышленія, для совершенствованія рѣчи и конечно—для укрѣпленія и углубленія знаній, пріобрѣтаемыхъ въ классѣ. Когда приготовленіе уроковъ сводится къ зубренію учебниковъ, ученикъ лишается лучшихъ способовъ къ умственному преуспѣянію. Не думаемъ, чтобъ желательная постановка домашнихъ занятій учащихся могла встрѣтить неодолимыя препятствія, если бъ прототипомъ ея являлась аналогическая классная работа и если бъ задаваніе уроковъ не состояло въ указаніи „отъ сихъ до сихъ", а въ объясненіи возможныхъ способовъ логическаго использованія матеріала.

Какъ бы то ни было, зубреніе въ существующей школѣ въ полномъ ходу, и учащіеся несутъ всѣ тяжелыя послѣдствія этой практики, ограничивающей работу разсудка въ пользу неблагодарной работы чистой памяти.

V.

Дѣтскіе и юношескіе годы представляютъ тотъ періодъ жизни, когда полагается основаніе характерамъ. Природа человѣческая въ стадіи развитія отличается такою отзывчивостію на всякія вліянія, что нѣтъ мелочи въ условіяхъ и обстановкѣ воспитанія, которая такъ или иначе не отразилась бы на нравственномъ обликѣ воспитуемаго субъекта. Тѣмъ серьезнѣе тѣ вліянія, которыя касаются самаго существа воспитанія, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ выработкѣ у воспитуемаго привычекъ и настроеній. Въ ряду этихъ неотразимыхъ вліяній на первомъ планѣ надо поставить вліяніе самой системы воспитанія. Типъ, выработанный воспитаніемъ, вносится въ жизнь. Тѣ черты характера, которыя воспитала у ребенка школа, являются обыкновенно неизгладимыми.

Зубреніе составляетъ преобладающее занятіе воспитуемыхъ въ

теченіе долгихъ годовъ обученія. Очевидно, что рабочій типъ, который складывается подъ вліяніемъ этого труда, имѣетъ всѣ шансы особенной живучести. То отношеніе къ дѣлу, которое образуется въ школѣ, переносится неизбѣжно и въ сферу жизненнаго труда. Тотъ методъ работы, къ которому пріучила школа, прилагается воспитуемымъ, по выходѣ его изъ школы, и къ избранному имъ профессіональному занятію.

Посмотримъ же, въ чемъ состоятъ характеристическія черты школьнаго труда, состоящаго въ зубреніи.

Во-первыхъ, это — трудъ пассивный, связывающій дѣятельныя, творческія силы духа. Такой трудъ всегда ощущается какъ тягость. Учить уроки никогда не составляетъ для ученика удовольствія. Этой работѣ онъ предпочитаетъ всякое другое занятіе. Въ своей вѣчной вознѣ ребенокъ выноситъ иногда весьма тяжелый и физическій, и умственный трудъ не только безъ ропота, но прямо съ наслажденіемъ, если этотъ трудъ предпринятъ имъ по своей охотѣ; потому что такой трудъ даетъ удовлетвореніе его активнымъ стремленіямъ. А учить и легкій урокъ всегда для него скучно, потому что эта работа лишена элемента творчества и вынуждаетъ ученика къ состоянію, противному его подвижной, увлекающейся природѣ.

Работа, которая даетъ только скуку и томленіе, очевидно, не можетъ и интересовать ребенка. Если онъ старается заучить урокъ какъ можно тверже, то не потому, что его интересуетъ успѣшность работы самой по себѣ, а потому, что за хорошій отвѣтъ онъ получитъ хорошую отмѣтку. Отсюда естественное стремленіе исполнить работу съ возможно меньшею затратою силъ и времени, бросить ее сейчасъ же безъ сожалѣнія, какъ скоро сомнѣніе насчетъ возможной отмѣтки отпадаетъ. Отсюда же наклонность совсѣмъ уклониться отъ работы, когда есть увѣренность, что учитель не спроситъ, или когда представляется случай подставить благовидный предлогъ въ извиненіе неисправности. Словомъ — воспитывается рабское, наемническое отношеніе къ труду, когда работаютъ изъ-подъ палки, настолько, насколько слѣдитъ за работой наниматель, работа не въ интересахъ дѣла, а изъ корыстныхъ побужденій.

Такой характеръ работы исключаетъ возможность строгаго вниманія къ ней, глубокаго сосредоточенія на ней, напряженности рабочей энергіи. Имѣющая подобный характеръ работа ученика не идетъ дальше схватыванія верхушекъ. Вѣдь тутъ все дѣло въ томъ, чтобы отбыть повинность. Мысль можетъ быть далеко отъ этой работы.

Глаза и языкъ могутъ работать въ одномъ направленіи, а въ глубинѣ сознанія можетъ таиться нѣчто, не имѣющее никакой связи съ этой работой. Всякое внѣшнее затрудненіе, не имѣющее значенія для работы, исполняемой съ увлеченіемъ, нарушаетъ правильное теченіе этой подневольной работы. По всѣмъ этимъ причинамъ зубреніе есть работа поверхностная, прерывающаяся, сопровождаемая постоянною борьбою съ отвлекающими условіями.

Система обученія, основанная на зубреніи, представляетъ самыя невыгодныя условія для проявленія и развитія индивидуальныхъ особенностей воспитуемыхъ. Она неблагопріятна для талантливыхъ учениковъ и чрезвычайно удобна для бездарныхъ. Зубреніе не представляетъ такого занятія, гдѣ могли бы свободно проявляться личныя особенности учащихся, за исключеніемъ одной силы памяти. Здѣсь не встрѣчается возможности блеснуть свѣжестію мысли, оригинальностію логическаго построенія, мѣткостію языка и т. д. Отвѣчающій урокъ ученикъ есть граммофонъ, воспроизводящій отпечатлѣнные на немъ звуки. Тембръ звука можетъ быть различный, но мелодія неизмѣнно одна и та же. Въ заученномъ отвѣтѣ ученика не выражается его души. Ученикъ посредственныхъ способностей, посидѣвшій значительное время надъ приготовленіемъ урока, можетъ отвѣтить такъ же хорошо, какъ талантливый ученикъ, разъ его прочитавшій. Первый даже можетъ имѣть преимущество предъ послѣднимъ, если отвѣтъ оцѣнивается съ точки зрѣнія близости къ оригиналу; потому что способному ученику свойственнѣе допустить какое-нибудь отступленіе отъ учебника, чѣмъ слабому ученику, который все беретъ изъ одной памяти. Къ этому надо прибавить, что если ученикъ изображаетъ собою граммофонъ, то и учитель очень часто уподобляется слушателю граммофонной музыки по тому вниманію, съ которымъ онъ слушаетъ ученическіе отвѣты; ибо отвѣты эти усыпляютъ, и нерѣдко вниманіе учителя пробуждается лишь въ моментъ остановки ученика. Послѣднее особенно часто бываетъ на экзаменахъ, гдѣ учителя цѣлыми днями слушаютъ ученическіе отвѣты. При объясненныхъ условіяхъ, становятся понятными тѣ постоянныя ошибки въ оцѣнкѣ учениковъ, въ силу которыхъ ученики въ родѣ Жуковскаго и Бѣлинскаго признаются малоспособными, а бездарности ловко минуютъ всякія Сциллы и Харибды учебнаго курса.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что злоупотребленіе заучиваніемъ ослабляетъ естественную остроту ума. По мнѣнію Эббингауза, существеннѣйшимъ признакомъ интеллигентнаго ума служитъ подвиж-

ность мышленія, способность его пользоваться разнообразными путями изслѣдованія для достиженія истины, тогда какъ умъ неразвитой отличается косностію и шаблонностію своихъ пріемовъ [1]). Зубреніе благопріятствуетъ умственной косности, такъ какъ оно отучаетъ отъ самостоятельнаго мышленія и развиваетъ инерцію, наклонность слѣдовать по разъ проложенному пути.

Многократное повтореніе однѣхъ и тѣхъ же фразъ наполняетъ подсознательную область запасами готовыхъ словесныхъ формъ, которыя непроизвольно вторгаются въ сознаніе въ тѣ моменты, когда мышленіе работаетъ надъ какимъ-нибудь вопросомъ. Способъ рѣшенія неизбѣжно подсказывается этими указаніями памяти, а умъ оказывается не въ силахъ преодолѣть этого навязчиваго вліянія. Вызываемыя памятью представленія загромождаютъ поле сознанія и затрудняютъ движенія мысли. Обстоятельное разсмотрѣніе предмета становится невозможнымъ. Подъ видомъ мышленія происходитъ процессъ, существенно отъ него отличный. Вмѣсто изобрѣтенія выступаетъ на сцену подставка заранѣе приготовленнаго матеріала; вмѣсто развитія мысли получается перетасовка словесныхъ формъ. Чѣмъ дѣятельнѣе въ этомъ случаѣ память, тѣмъ больше стѣснено мышленіе, тѣмъ дальше идетъ фальсификація мышленія. Мышленіе превращается въ механическій процессъ. У субъектовъ талантливыхъ сознаніе можетъ еще вести борьбу съ этимъ натискомъ шаблоновъ; дѣти же посредственныхъ способностей уступаютъ ему болѣе или менѣе рѣшительно. Поэтому для нихъ заучиваніе представляется особенно угрожающимъ.

Вмѣшательство затверженныхъ словесныхъ формъ въ процессъ мышленія, далѣе, препятствуетъ свободному теченію аперцепціонной работы. Новыя идеи оказываются безсильными справиться съ укоренившимися въ памяти представленіями, не оказываютъ вліянія на ихъ дальнѣйшую переработку, не находятъ способовъ слиться съ ними. Умственному прогрессированію ставится существеннѣйшая преграда. Ослабляются средства для разоблаченія ложныхъ идей и для выясненія недостаточно продуманныхъ. Стѣсняются пути къ приращенію и освѣженію умственныхъ богатствъ.

Такимъ же тормозомъ зубреніе является и для развитія творческаго воображенія. Какъ фраза убиваетъ мысль, такъ подставляемые памятью готовые шаблоны подавляютъ свободные полеты фантазіи. Этимъ наносится самый капитальный вредъ умственному развитію;

---

[1]) *Ebbingshaus*, Kultur d. Gegenwart.

потому что творческое воображеніе является неизбѣжнымъ и необходимымъ спутникомъ творческаго ума. Мышленіе и воображеніе, говоритъ Сёлли, такъ тѣсно связано между собою, что долженъ быть поставленъ вопросъ, не есть ли воображеніе и мышленіе одно и то же. Не существуетъ отчетливой разграничительной линіи между первымъ и вторымъ, и только различныя точки зрѣнія заставляютъ насъ называть какой-нибудь данный процессъ то воображеніемъ, то мышленіемъ. Когда мы имѣемъ въ виду назначеніе какой-нибудь гипотезы и ея отношеніе къ индуктивному разсужденію вообще, мы признаемъ, что это—мышленіе, когда же мы разсматриваемъ ее, какъ группу представленій, скомбинированныхъ опредѣленнымъ образомъ, мы говоримъ, что это—воображеніе. Можно сказать, что творческое воображеніе вообще состоитъ изъ центральной мысли, вокругъ которой образы тѣснятся, какъ рой пчелъ вокругъ своей матки. Гораздо болѣе половины всѣхъ нашихъ знаній о поверхности нашей планеты, о минувшей исторіи человѣческаго рода, о скрытомъ мірѣ человѣческихъ чувствованій и мыслей пріобрѣтены благодаря напряженной методической работѣ воображенія. Поэтому, при прочихъ равныхъ условіяхъ, дѣти съ живымъ воображеніемъ учатся лучше, чѣмъ дѣти, лишенныя воображенія. Воображеніе остается составной частью разума и въ высшихъ, болѣе цѣнныхъ формахъ его развитія. Человѣкъ, быстро схватывающій, уясняющій себѣ какой-нибудь новый фактъ, новое положеніе, новую мысль, — это, по существу, человѣкъ съ сильнымъ воображеніемъ. Многіе изъ величайшихъ умовъ—напримѣръ, у выдающихся людей, сдѣлавшихъ научныя открытія, и у поэтовъ—это умы, у которыхъ большую роль играетъ воображеніе. И потому мы въ правѣ разсматривать работу воображенія, какъ составную часть умственныхъ процессовъ [1]).

Наконецъ, нельзя оставить безъ вниманія и нравственную сторону дѣла. Вызубрить урокъ гораздо легче, чѣмъ усвоить его путемъ разумнаго вникания и логической переработки. Зубреніе, строго говоря, прикрываетъ лѣнь. Зубрятъ потому, что желаютъ какъ можно скорѣе отбыть непріятный трудъ приготовленія уроковъ. Понятно, что такое настроеніе не совмѣстимо съ представленіемъ долга и добросовѣстнымъ исполненіемъ обязанностей; а между тѣмъ оно не можетъ стоять особнякомъ въ ряду другихъ проявленій духа. Небрежность, недобросовѣстность въ исполненіи ученическихъ обязанностей, обратив-

---

[1]) *Джэмсъ Сёлли*, Педагогическая психологія, переводъ Громбаха. М. 1912.

шаяся въ привычку воспитанника годами школьнаго обученія, кладетъ свою неблаговидную печать на всю нравственную физіономію субъекта. Трудно допустить, чтобы лѣнтяй оказался на высотѣ нравственнаго достоинства, когда придется дѣлать выборъ между благороднымъ подвигомъ, требующимъ напряженія умственныхъ и моральныхъ силъ, и льстящею лѣни низостью. Нельзя закрывать глаза и на то обычное явленіе, что мелкія личности, съ успѣхомъ подвизающіяся на поприщѣ зубренія, склонны къ самомнѣнію, надменности, пренебрежительному отношенію къ людямъ добросовѣстнаго труда, не блещущимъ мишурными успѣхами и т. д. и т. д.

VI.

Итакъ, какой же рабочій типъ производитъ школа, основанная на преобладающей работѣ памяти? Не очевидно ли, что инертность, поверхностность, невыдержанность, нерасположеніе къ серьезному и послѣдовательному труду должны въ большей или меньшей степени быть характеристическими чертами современной молодежи, вступающей въ жизнь?

Къ сожалѣнію, наблюденія, произведенныя компетентными людьми, вполнѣ подтверждаютъ эти теоретическія предположенія. Изъ многочисленнаго ряда относящихся къ дѣлу свидѣтельствъ, остановимся на одномъ, которое по положенію автора и по обстоятельствамъ оглашенія мнѣнія заслуживаетъ особеннаго вниманія. Это — мнѣніе профессора университета св. Владиміра Н. А. Оболонскаго, основанное на 19-лѣтнихъ наблюденіяхъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, высказанное имъ въ Высочайше учрежденной комиссіи 1900 г. по вопросу объ улучшеніяхъ въ средней общеобразовательной школѣ, въ присутствіи представителей науки и педагогической практики и не вызвавшее никакихъ возраженій. „Съ теченіемъ времени“, заявлялъ профессоръ, „все больше и больше стали бросаться въ глаза среди университетской молодежи студенты инертные, вялые, посѣщающіе лекціи и практическія занятія лишь по обязанности, совершенно не интересуясь ими, съ трудомъ усвоивающіе изустное преподаваніе предмета, хотя бы и сопровождаемое демонстраціями. У этихъ молодыхъ людей новой формаціи появилась неохота къ чтенію сочиненій научнаго характера, требующихъ умственнаго напряженія. Въ послѣднее время настолько часто приходится встрѣчать подобныхъ слушателей университета, что ихъ можно уже считать типомъ современнаго студента, а молодыхъ людей, полныхъ энергіи,

стремящихся къ мыслительной работѣ, у которыхъ выработаны извѣстные принципы, идеалы, слѣдуетъ скорѣе считать за исключеніе, въ виду малочисленности ихъ. На основаніи личныхъ наблюденій, я, какъ состоящій преподавателемъ на медицинскомъ и юридическомъ факультетахъ, а также на основаніи разспросовъ нѣкоторыхъ профессоровъ медицинскаго и физико-математическаго факультета, могу констатировать то общее явленіе, что у современныхъ студентовъ университета въ указанныхъ факультетахъ не развита привычка къ мышленію, отсутствуетъ гибкость ума, не выработана способность къ наблюденію, или, какъ выразился одинъ изъ профессоровъ медицинскаго факультета, «они не умѣютъ даже видѣть». Не могу умолчать еще о томъ прискорбномъ явленіи, что современный студентъ совершенно не умѣетъ выражаться правильно по-русски на словахъ и въ письмѣ; русская грамматика у него также сильно страдаетъ... Итакъ въ общемъ современный студентъ университета представляется субъектомъ мало культурнымъ, вялымъ, безъ идеаловъ, мало способнымъ къ усиленной умственной отвлеченной работѣ, неспособнымъ къ наблюденію и не владѣющимъ русскимъ языкомъ. У многихъ проявляется лишь стремленіе скорѣе получить дипломъ, чтобы вырваться на общественную дѣятельность, такъ какъ всякое ученье, всякое накопленіе знаній, всякій умственный трудъ имъ надоѣлъ и опротивѣлъ. Такіе люди, конечно, и въ жизнь будутъ вносить лишь формализмъ, въ нихъ не можетъ быть стремленія къ усиленной работѣ на пользу общественную, и кромѣ того, это — субъекты, которые представляются слабо защищенными при борьбѣ за существованіе. Такіе люди въ общественной жизни, въ виду отсутствія у нихъ идеаловъ, усвоеннаго и превратившагося въ привычку умственнаго труда, не могутъ быть полезными общественными дѣятелями. Мало того, этотъ умственный и нравственный дефектъ долженъ будетъ отразиться и на ихъ семейныхъ отношеніяхъ... Приходится наталкиваться и на такихъ юношей, у которыхъ развилось уже taedium vitae, жизнь имъ надоѣла, они въ ней не видятъ никакой цѣнности, а это ведетъ иногда къ самоубійству. Попадаются и другіе типы — это тѣ, которые ко всему пріучаются относиться крайне поверхностно; они самодовольны; на ученіе, на свои отношенія къ семьѣ смотрятъ крайне легко, даже съ пренебреженіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они пріучаются къ изворотливости и пріобрѣтаютъ умѣнье подлаживаться къ окружающимъ лицамъ ради полученія извѣстныхъ выгодъ". Переходя къ причинамъ описаннаго имъ положенія дѣла, профессоръ усматриваетъ

ихъ въ томъ, что „въ среднеучебныхъ заведеніяхъ обращается вниманіе не на развитіе гибкости ума, сообразительности, способности къ наблюденію, вообще не развивается умственная дѣятельность учащихся, а все вниманіе обращено на изощреніе памяти и накопленіе знаній". „Понятно"—говоритъ г. Оболонскій—„что если одна только функція психической дѣятельности будетъ упражняться, то получается дефектъ въ этой дѣятельности, въ виду же чрезмѣрнаго упражненія одного лишь мозгового центра наступаетъ въ концѣ концовъ ослабленіе и этого послѣдняго—подобно тому, какъ ослабляется мышечная дѣятельность при неправильныхъ, не соотвѣтственныхъ возрасту и мышечной силѣ гимнастическихъ упражненіяхъ атлетическаго характера. Такимъ образомъ получается недоразвитіе мышленія и ослабленіе памяти. Стремленіе къ накопленію знаній въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, безъ развитія мышленія, ведетъ къ тому, что такія знанія, механически усваиваясь, оставляютъ лишь поверхностные слѣды въ мозгу, а потому они не прочны, быстро исчезаютъ. Съ другой стороны такое вдалбливаніе знаній вызываетъ апатію умственную и антипатію къ ученію вообще. Для оживленія мозговой дѣятельности должна быть посильная, съ необходимымъ отдыхомъ работа для всѣхъ мозговыхъ центровъ, и только при гармоническомъ развитіи ихъ получается систематизированное мышленіе, которое вызываетъ чувство удовлетворенія, т. е. чувство пріятнаго, повышающее чувственный тонусъ, вызывая такъ называемое жизнерадостное чувство, которое дѣйствуетъ освѣжающимъ образомъ на организмъ" [1]).

VII.

Зубреніе есть застарѣлая болѣзнь нашей школы. Министерство народнаго просвѣщенія ведетъ съ нею борьбу съ самаго открытія своихъ дѣйствій. Утвердивъ 5 мая 1803 г. первыхъ визитаторовъ училищъ, министерство тогда же снабдило ихъ наставленіемъ, въ которомъ, между прочимъ, возложило на ихъ обязанность, при производствѣ ревизій, наблюдать, понимаютъ ли ученики то, о чемъ ихъ спрашиваютъ, и не затверживаютъ ли на память одни слова, которыми отвѣчаютъ на заученные ими вопросы [2]).

Въ слѣдующемъ году, въ новомъ наставленіи, преподанномъ ви-

---

[1]) Труды Высочайше учрежденной комиссіи по вопросу объ улучшеніяхъ въ средней общеобразовательной школѣ. Вып. VIII. С.-Пб. 1900.

[2]) Сборникъ распоряженій по Министерству Народнаго Просвѣщенія. Т. I. Изд. 2. С.-Пб. 1898 г.

зитаторамъ училищъ Виленскаго университета (учебнаго округа), министерство, усмотрѣвъ изъ донесеній о прошлогоднемъ обозрѣніи училищъ во многихъ мѣстахъ недостатокъ яснаго истолкованія со стороны учителей того, что ученикамъ назначается выучивать наизусть, предписывало визитаторамъ предлагать ученикамъ вопросы, и изъ ихъ словъ заключать объ ихъ успѣхѣ и понятіи того, чему учились [1]). А 8-го іюля 1810 г. министерство признало необходимымъ циркулярно предложить учебнымъ начальствамъ принять строгія мѣры противъ механическаго заучиванія уроковъ.

„Усмотрѣвъ", писало министерство, „что во многихъ училищахъ преподаются науки безъ всякаго вниманія къ пользѣ учащихся, что учители болѣе стараются обременять, чѣмъ поощрять память ихъ, и вмѣсто развитія разсудка постепеннымъ ходомъ, притупляютъ оный, заставляя заучивать наизусть отъ слова до слова то, изъ чего ученикъ долженъ удерживать одну мысль и доказывать, что понимаетъ ее, собственными, хотя бы и не связными, но не книжными выраженіями. Таковый способъ ученья сколько легокъ для учителей, столько вреденъ для истиннаго образованія юношества, и на сіе тѣмъ менѣе можно взирать съ равнодушіемъ, что, сверхъ потраты дѣтьми наилучшаго времени жизни, обманывается надежда правительства и употребляемыя имъ на воспитаніе издержки остаются мало вознагражденными". Въ прекращеніе сего министерствомъ предлагалось: 1) „чтобы при опредѣленіи учителей требовано было отъ нихъ знаніе методы ученья не механической, но способствующей дѣйствительному обогащенію ума полезными и нужными истинами; 2) чтобы предписано было директорамъ и смотрителямъ училищъ имѣть неослабный надзоръ за учителями, дабы въ облегченіе себя не затрудняли дѣтей однимъ только затверживаніемъ наизусть уроковъ, но приводили бы ихъ легкимъ, простымъ образомъ къ пониманію всего имъ преподаваемаго, останавливаясь на каждомъ словѣ, сколько-нибудь для нихъ непонятномъ, и объясняя оныя удобовразумительнымъ для ихъ лѣтъ способомъ. Изъ сего исключаются лучшія мѣста изъ писателей по части словесности, которыя для примѣровъ и подражанія вытверживать наизусть полезно и нужно, но не прежде какъ послѣ яснаго и аналитическаго истолкованія оныхъ; 3) чтобы визитаторы первое обращали вниманіе на способъ, какимъ преподаются науки въ осматриваемыхъ ими училищахъ, и объ учителяхъ, не знающихъ доброй методы ученія или не жела-

---

[1]) Ibid.

ющихъ слѣдовать ей, представляли университетамъ [1]), которые съ таковыми поступать имѣютъ по власти имъ данной" [2]).

Нельзя не удивляться тому, что это мудрое и гуманное распоряженіе, состоявшееся 105 лѣтъ тому назадъ, дышитъ такою свѣжестію, какъ будто оно послѣдовало въ наши дни. Прошло цѣлое столѣтіе, а результатовъ, желательныхъ для министерства, не получилось. Существуютъ даже несомнѣнные признаки дальнѣйшаго развитія зла. Это тѣмъ поразительнѣе, что министерство никогда не прекращало своей борьбы противъ механическаго способа обученія. Къ тому же въ настоящемъ случаѣ министерство не стояло одиноко. Напротивъ, всѣ симпатіи общества были на его сторонѣ. Просматривая педагогическую литературу истекшаго столѣтія, мы видимъ, что нападки на школьное зубреніе составляли едва ли не преобладающее содержаніе періодическихъ изданій.

Причину развившагося зла министерство усматривало въ неподготовленности и нерадѣніи учителей, и соотвѣтственно этому взгляду дѣйствовало. Но опытъ показалъ, что и у педагогически подготовленныхъ учителей зубреніе не переставало господствовать, и что преслѣдованіе нерадивыхъ учителей также не вноситъ никакой перемѣны къ лучшему. Это обстоятельство убѣждаетъ въ томъ, что не указанные недостатки учителей составляютъ коренную причину развившагося порока школы, но что на ряду съ ними были и продолжаютъ дѣйствовать другія, глубже лежащія условія, которыя сводили и сводятъ къ нулю противодѣйствіе правительства и общества. Выясненіе этихъ условій представляетъ величайшую важность для дальнѣйшаго развитія дѣла народнаго просвѣщенія; потому что коль скоро дѣйствительныя причины зла будутъ раскрыты, то сами собой обрисуются и тѣ мѣры, къ которымъ должно въ данномъ случаѣ обращаться съ надеждой на вѣрный успѣхъ.

VIII.

Существуетъ мнѣніе, что корень зла заключается въ принудительномъ характерѣ обученія, въ томъ, что дѣтей учатъ не тому, что они хотятъ знать и не тогда, когда у нихъ есть на то охота. Достаточно-де предоставить дѣтямъ въ этомъ отношеніи полную свободу, и безсмысленное зубреніе скоро и безслѣдно исчезнетъ. Крѣпко

---

[1]) Въ то время университеты управляли учебными заведеніями въ предѣлахъ извѣстныхъ районовъ.

[2]) Сборникъ распоряженій по М. Н. Пр. Т. I. Изд. 2. С.-Пб. 1898 г.

запоминается только то, что насъ интересуетъ. Напротивъ, матеріалъ, къ которому не лежитъ сердце ребенка, для своего усвоенія требуетъ многократныхъ повтореній, и это-то обстоятельство, именно, говорятъ, и пріучаетъ дѣтей къ зубренію, т. е. затверживать слова, не участвуя въ этомъ процессѣ мыслію; такъ какъ съ каждымъ новымъ повтореніемъ интересъ къ занятію, а слѣдовательно участіе въ немъ разсудка, все болѣе слабѣетъ. Итакъ—долой всякое принужденіе, всякія обязательныя нормы, учебные планы, программы, расписанія занятій, задаваніе уроковъ и т. п. Такова точка зрѣнія на разсматриваемый вопросъ представителей такъ называемаго „свободнаго воспитанія“ [1]), педагогическаго толка, имѣющаго сторонниковъ и въ средѣ нашихъ служителей просвѣщенія.

Можно согласиться съ тѣмъ, что изложенная теорія въ корнѣ уничтожаетъ зубреніе; но нельзя не замѣтить, что при этомъ она уничтожаетъ также и самое ученіе. А это—такой исходъ дѣла, съ которымъ, очевидно, мириться не приходится.

Ученье безъ принудительнаго его характера есть contradictio in adjecto; потому что принудительность лежитъ въ самой природѣ ученья. Ученье предполагаетъ извѣстную цѣль, состоящую въ пріобрѣтеніи опредѣленнаго круга знаній или умѣній, а существованіе цѣли дѣлаетъ необходимостію и примѣненіе извѣстныхъ средствъ къ ея достиженію, т. е. извѣстныхъ дѣйствій, приближающихъ къ цѣли, обезпечивающихъ ея достиженіе; эти же дѣйствія въ свою очередь требуютъ извѣстнаго времени и извѣстной послѣдовательности ихъ проведенія. Такимъ образомъ ученье есть цѣлая система, которая связуетъ свободу ученика, которая направляетъ его рабочую энергію въ извѣстную сторону и держитъ ее на извѣстномъ уровнѣ. Ученье нельзя смѣшивать съ процессомъ удовлетворенія мимолетныхъ проявленій любопытства ребенка, который составляетъ видъ развлеченія, который тоже имѣетъ свое мѣсто въ воспитаніи и замѣняетъ собою ученье до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не дозрѣлъ до систематическаго обученія. Но когда ребенокъ является въ школу, то дѣло принимаетъ уже совершенно иной характеръ. Вѣдь въ школу гонитъ серьезная нужда. Въ школу приходятъ за тѣмъ, чтобы пріобрѣсти знанія, необходимыя для положенія въ жизни; потому что человѣкъ, лишенный знанія, обыкновенно обреченъ на отреченіе отъ своей лич-

---

[1]) D-r *M. Vaërting*, Die Vernichtung der Intelligenz durch Gedächtnissarbeit, München, 1913.

ности и рабское служеніе лицамъ, обладающимъ знаніями. Принимая ученика въ свой составъ, школа беретъ на себя отвѣтственность, что требуемыя знанія онъ вынесетъ изъ нея.

Но если ученье по самой натурѣ своей принудительно, то отсюда не слѣдуетъ, что оно не должно считаться съ личностью ученика и его естественными требованіями, а также что существованіе обязательныхъ нормъ въ процессѣ обученія ставитъ ученье въ противорѣчіе съ дѣтскими интересами. Напротивъ, дѣтская душа есть центральный пунктъ правильно поставленной учебной системы. Ребенокъ является въ школу съ своимъ цикломъ интересовъ и съ безграничною любознательностію. Задача учителя—войти въ кругъ интересовъ дѣтей, создать здѣсь почву для своихъ начинаній, облагородить дѣтскіе интересы, на основѣ ихъ возбудить новые интересы и дать имъ должное питаніе, постепенно и послѣдовательно расширяя умственный кругозоръ дѣтей. Настоящее ученье, говоритъ К. П. Побѣдоносцевъ, состоитъ въ томъ, что ученикъ *приводится* къ знанію. Для этого добрый учитель обращается къ двумъ душевнымъ качествамъ, на коихъ утверждается всякое знаніе: къ *любознательности* и къ *наблюдательности*. Эти качества отыщетъ добрый учитель въ душѣ у каждаго, если потрудится вглядѣться въ нее [1]). Правильно поставленное преподаваніе обладаетъ всѣми средствами для того, чтобы возбуждать и поддерживать интересы учащихся къ предметамъ изученія во все теченіе курса. Надо только знать природу дѣтей и сообразовать преподаваніе съ ихъ психологіей. Предметъ можетъ быть самъ по себѣ не интереснымъ для дѣтей, но искусный преподаватель умѣетъ придать ему интересъ, поставивши его въ извѣстное соотношеніе съ тѣмъ, что интересуетъ дѣтей, или примѣнивши способъ трактовки предмета, увлекающій дѣтей.

Отрицательное отношеніе послѣдователей свободнаго воспитанія къ процессу повторенія также нельзя не признать недоразумѣніемъ. Правда, школа слишкомъ злоупотребляетъ этимъ учебнымъ пріемомъ и неумѣлой его постановкой даетъ слишкомъ много поводовъ къ развитію зубренія. Но все это не даетъ основанія къ совершенному устраненію этого могучаго орудія образованія. Педагогическіе эксперименты послѣдняго времени заставляютъ смотрѣть на дѣло иначе. Извѣстный спеціалистъ по изслѣдованію памяти Мейманнъ придаетъ

---

[1]) *К. П. Побѣдоносцевъ*, Ученье и учитель. Педагогическія замѣтки. Вторая книжка. М. 1904.

повторенію самое важное значеніе: по его мнѣнію, безъ повторенія нѣтъ знанія. То, что только одинъ разъ было въ сознаніи, исчезаетъ изъ него съ неимовѣрною быстротой, иногда вслѣдъ за своимъ появленіемъ. Даже то, что разъ было выучено ученикомъ и безошибочно воспроизведено, совершенно забывается (если это, напр. безсмысленные слоги въ числѣ 10—12) или сохраняется въ памяти въ видѣ исключенія (если это осмысленный матеріалъ). Поэтому всякій, воспринятый памятью матеріалъ, если онъ назначается для постояннаго сохраненія въ памяти, долженъ быть освѣжаемъ путемъ повторенія [1]). Это обстоятельство дѣлаетъ повтореніе совершенно необходимою составною частью ученья. Невозможно раздѣлять наивную точку зрѣнія сторонниковъ „свободнаго воспитанія", съ которой повтореніе съ цѣлію усвоенія представляетъ пережитокъ отдаленной старины, когда не было ни книгъ, ни самой грамоты, когда память была единственной хранительницей знаній, пережиткомъ, лишеннымъ смысла въ наше время, изобилующее необъятной литературой, допускающей извлеченіе нужныхъ свѣдѣній во всякомъ данномъ случаѣ. Противъ этого надо сказать, что знанія важно имѣть именно въ своей головѣ, а не на книжной полкѣ, какъ важно имѣть пищу на нашемъ именно обѣденномъ столѣ, а не въ бакалейной или мясной лавкѣ. Извѣстный кругъ знаній необходимъ человѣку, какъ почва для развитія его идей, какъ постоянный регуляторъ его дѣйствій.

Совершенно справедливо, что повтореніе можетъ порождать скуку и въ высокой степени благопріятствовать развитію механическаго характера ученья; но это—только при условіи неправильнаго, неумѣлаго, антипедагогическаго веденія его. Когда преподаваніе дѣлится на два различные періода, изъ которыхъ въ одномъ предметъ проходится вновь, а въ другомъ новое совершенно исключено, а пройденное повторяется неизбѣжно въ одномъ и томъ же порядкѣ, въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, тогда скука, вызываемая повтореніемъ, конечно неминуема, а равно неминуема и механичность работы. Правильная же постановка преподаванія требуетъ, чтобъ каждое повтореніе заключало въ себѣ и элементъ новизны, чтобъ оно никогда не было повтореніемъ словъ, а существа дѣла, чтобъ оно состояло въ новой группировкѣ изученнаго матеріала, въ новомъ освѣщеніи усвоенныхъ фактовъ, въ сопоставленіи фактовъ однородныхъ, противоположныхъ, родственныхъ и т. д. и т. д. Оно можетъ

---

[1]) *Meumann*, Ökonomie und Technik des Gedächtnisses. Leipzig, 1908.

быть оживляемо разными практическими работами, напр. составленіемъ конспектовъ, чертежей, рисунковъ, лѣпкой моделей и т. п. При подобномъ веденіи повторенія, оно не только не можетъ производить скуки, но должно увлекать дѣтей; потому что въ этомъ случаѣ мысль ихъ призывается къ активной работѣ, и дѣти имѣютъ возможность проявлять всѣ свои дарованія. Повтореніе подобнаго характера не должно происходить только въ опредѣленные для того періоды ученья, а должно составлять постоянную составную часть каждаго урока. При всякомъ удобномъ случаѣ учитель обращается къ классу съ вопросами, заставляющими ихъ порыться въ своей памяти. Если учитель готовится къ урокамъ, и самъ владѣетъ предметомъ хорошо, онъ сумѣетъ поставить дѣло такимъ образомъ, чтобъ подобные вопросы, даваемые à propos, составляли въ его головѣ цѣлую систему, обезпечивающую многократное повтореніе всѣхъ важнѣйшихъ данныхъ предмета [1]).

Итакъ, ни въ личныхъ качествахъ учителей, ни въ принудительномъ характерѣ обученія мы не можемъ видѣть коренной причины чрезмѣрнаго развитія школьнаго зубренія. Опытъ показываетъ, что зубреніе можетъ развиваться при всякихъ условіяхъ со стороны личнаго состава учащихъ и характера обученія, лишь давая разницу въ степени развитія зла. По нашему мнѣнію, основная причина зла заключается въ непомѣрной громоздкости учебныхъ курсовъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, вызывающей необходимость крайне спѣшнаго ихъ прохожденія, не допускающаго возможности надлежащей разработки учебнаго матеріала со стороны учителей и вдумчиваго отношенія учениковъ. Неблагопріятное дѣйствіе этой причины поддерживается и усугубляется невыгодной постановкой учебнаго контроля, которая невольно выдвигаетъ на первый планъ внѣшнюю, показную сторону дѣла.

IX.

Просматривая программы учебныхъ курсовъ, поражаешься ихъ обширностію, вызывающею сомнѣнія въ ихъ исполнимости для тѣхъ возрастовъ, для которыхъ они предназначаются, и при томъ количествѣ уроковъ, какое этими программами установлено. Чтобъ не ходить далеко за примѣрами, остановимся на только что опубликованной программѣ географіи для среднихъ учебныхъ заведеній.

---

[1]) Опытъ такого веденія повторенія данъ нами въ учебникѣ русской исторіи.

Вотъ программа географіи для 2-го класса, слѣдовательно для дѣтей 11—12-лѣтняго возраста, при двухъ урокахъ въ недѣлю [1]). Краткіе общіе очерки природы и населенія Азіи, Африки, Америки и Австраліи. Элементарное знакомство съ исторіей ихъ открытія и заселенія (великія путешествія). Описанія отдѣльныхъ странъ (государствъ и колоній), разсмотрѣніе ихъ положенія, границъ, поверхности, климата, внутреннихъ водъ, растительности, животнаго міра, дѣятельности населенія, формъ его быта и городовъ. Въ объяснительной запискѣ сказано, что въ виду небольшого еще возраста учениковъ 2-го класса, нѣтъ возможности дать систематическое изложеніе страновѣдѣнія. Курсъ является болѣе или менѣе эпизодическимъ, но тѣмъ не менѣе онъ не можетъ сводиться къ безсвязному, отрывочному изложенію фактовъ, хотя бы и достаточно красочныхъ и яркихъ. Уже на этой ступени необходимо вводить ученика въ пониманіе географическихъ взаимоотношеній, а потому факты, составляющіе содержаніе курса, должны быть изложены въ причинной связи. Хотя главной задачей курса является объясненіе типичныхъ картинъ жизни на землѣ, тѣмъ не менѣе всѣ сообщаемыя свѣдѣнія должны быть пріурочены къ картѣ, съ которою ученикъ долженъ настолько познакомиться, чтобы быть въ состояніи безъ затрудненія находить въ ней тѣ географическіе объекты, которые онъ изучалъ... На примѣрахъ различныхъ странъ представляется возможнымъ проработать общія положенія физической и математической географіи, недостаточно усвоенныя въ первомъ классѣ. Такъ, напр. необходимо въ яркихъ образахъ и картинахъ разработать основные факты климатическаго характера и, что особенно важно, дать яркое представленіе о явленіяхъ тропической и подтропической полосы (времена года по сравненію съ нашими, пассаты, муссоны, ураганы, зенитальные дожди и т. п.). Вмѣстѣ съ тѣмъ должны быть пополнены представленія ученика о физико-географической жизни поверхности земли, для чего необходимо остановиться на характерныхъ явленіяхъ природы разныхъ странъ, каковы напр. гейзеры, вулканы, землетрясенія и т. п. Въ связи съ климатомъ различныхъ частей свѣта должны быть ярко обрисованы картины распространенія растительности и животнаго міра. Детали не могутъ имѣть мѣста, но ученикъ долженъ получить отчетливыя представленія о господствующихъ на землѣ растительныхъ ландшафтахъ. Говоря о животныхъ, нѣтъ возмож-

---

[1]) *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1914, ноябрь.

ности распредѣлять ихъ по зоографическимъ провинціямъ, а приходится руководствоваться скорѣе біологическими соотношеніями, пріурочивая животныхъ къ типическимъ географическимъ областямъ. Чрезвычайно важно сообщить во второмъ классѣ основныя свѣдѣнія по этнографіи, поскольку она можетъ быть сведена къ живымъ характеристикамъ наиболѣе типичныхъ формъ быта: преподавателю придется остановить вниманіе учениковъ на жизни австралійцевъ, полинезійцевъ, полярныхъ народовъ, американскихъ индѣйцевъ, негровъ, кочевыхъ народовъ Азіи и т. д. При характеристикѣ отдѣльныхъ странъ необходимо дать картины промышленнаго труда человѣка въ зависимости отъ природныхъ условій, обращая вниманіе не столько на экономическую, сколько на бытовую сторону предмета. Попутно придется выяснить значеніе полезныхъ ископаемыхъ и растеній, служащихъ предметомъ промышленности (домашнія животныя, промысловые звѣри, промысловыя рыбы).

Нельзя не отдать справедливости этой заботливости о серьезной постановкѣ предмета, этому стремленію вести его въ уровень съ современнымъ состояніемъ науки, этому богатству содержащихся въ программѣ идей. Здѣсь мы находимъ цѣлую энциклопедію земле- и народовѣдѣнія, неисчерпаемый источникъ свѣдѣній изъ физической, математической, политической, ботанической, зоологической географіи, геофизики, климатологіи, біологіи, этнографіи, исторіи, даже технологіи и политической экономіи; и все это предполагается дать не въ безсвязныхъ отрывкахъ, а въ географическихъ взаимоотношеніяхъ и причинныхъ соподчиненіяхъ. Для ума, уже развернувшагося, освоившагося съ міромъ идей, искусившагося въ логическихъ отвлеченіяхъ и обобщеніяхъ, не могло бы быть питанія болѣе производительнаго. Но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ дѣтьми, только что одолѣвшими элементарную грамотность, съ міросозерцаніемъ, едва выступившимъ за предѣлы повседневной жизни, совсѣмъ незнакомыхъ съ научной терминологіей и лишенныхъ знанія иностранныхъ языковъ. Посильна ли программа для возраста, которому она назначается? Въ этомъ можно не безъ основанія усумниться. Опускаясь на почву реальной дѣйствительности, слѣдуетъ принять во вниманіе, что въ данномъ случаѣ значительную часть времени придется посвятить только на то, чтобы, какъ говорятъ учителя, „выломать дѣтскій языкъ“, т. е. чтобы научить дѣтей безъ затрудненія произносить тѣ чуждыя имъ географическія названія и научные термины, которые въ такомъ изобиліи даетъ преподаваніе, не смѣшивать ихъ одни съ другими, не

составлять изъ частей ихъ варварскихъ словообразованій и т. п. При такихъ условіяхъ крайне затруднительно будетъ для учителя посвятить на объясненія существа дѣла столько времени, сколько необходимо для того, чтобы дѣти привыкли сообщенныя имъ новыя слова соединять съ ясными представленіями. Не создается ли этимъ условія, благопріятнаго для развитія механическаго зубренія учебника?

X.

Учебники, назначаемые для школьнаго употребленія, какъ само собою разумѣется, стремятся удовлетворить всѣмъ требованіямъ обязательныхъ программъ, при чемъ составители нерѣдко проявляютъ наклонность прибавить еще то, что съ своей стороны находятъ важнымъ и нужнымъ. Вслѣдствіе этого приходится еще болѣе поражаться чрезмѣрнымъ обиліемъ предлагаемаго ими матеріала. Вотъ, напр., каковы объемы нѣкоторыхъ учебниковъ, явившихся въ послѣдніе мѣсяцы и назначаемыхъ для среднихъ учебныхъ заведеній. Логика, Виноградова, даетъ 160 страницъ текста; Теорія поэзіи, Житецкаго, 294 страницы; Учебникъ русской исторіи, Елпатьевскаго, 494. Поражаютъ размѣры учебниковъ по математикѣ. Такъ учебникъ ариѳметики, Никульцева, обнимаетъ 272 страницы; алгебры, Киселева — 448 страницъ; тригонометріи, Рыбина, 170; итого для математики, не считая геометріи, 890 страницъ. Учебникъ Индриксона по физикѣ состоитъ изъ двухъ частей (ч. 1-я 329, ч. 2-я 464), составляющихъ вмѣстѣ 793 страницы. Солидные томы представляютъ также учебники по исторіи русской литературы: Саводника 766 (415 + 351), Бороздина 966 (268 + 272 + 426), Сиповскаго 1332 (150 + 251 + 332 + 255 + 344). Замѣтить должно, что кромѣ учебниковъ, для изученія рекомендуются нерѣдко также учебныя пособія, представляющія еще большіе объемы. Каждый, кто наблюдалъ возвращеніе дѣтей изъ гимназіи, конечно обращалъ вниманіе на то, что носимые дѣтьми грузы часто не помѣщаются въ ихъ объемистые ранцы и дополняются еще связками, иногда тоже достаточно объемистыми.

Намъ могутъ возразить, что содержательность учебниковъ нельзя измѣрять такою внѣшнею мѣркою, какъ число страницъ. Но — если содержаніе курса опредѣляется числомъ годовыхъ уроковъ, то и числомъ страницъ учебной книги, по нашему мнѣнію, позволительно опредѣлять количество труда, нужнаго для изученія учебника. Чѣмъ объемистѣе учебная книга, тѣмъ большее число страницъ должно

быть разучиваемо учениками въ каждый отдѣльный урокъ. Сдѣлаемъ нѣкоторое примѣрное вычисленіе. Если, напр., для предмета, на который положено 2 годовыхъ урока, имѣется учебникъ въ 132 страницы, то это значитъ, что въ каждый отдѣльный урокъ разучивается при первоначальномъ прохожденіи предмета приблизительно 3 страницы, а при повторительномъ около 8 страницъ, считая (какъ это принято) годовой часъ въ 30 уроковъ и полагая 22 на прохожденіе въ первый разъ и 8 на повтореніе. Обыкновенно учебники обширнѣе, чѣмъ въ приведенномъ нами примѣрѣ, такъ что и при прохожденіи предмета вновь зачастую приходится давать 4, 5, 6 и болѣе страницъ на одинъ урокъ.

Чѣмъ большій размѣръ текста учебника приходится на каждый отдѣльный урокъ, тѣмъ больше онъ требуетъ времени какъ для классной проработки, такъ и для послѣдующаго домашняго изученія урока воспитанникомъ. А между тѣмъ учитель располагаетъ извѣстнымъ точно опредѣленнымъ срокомъ, въ теченіе котораго урокъ долженъ быть законченъ; и время, въ теченіе котораго ученикъ можетъ заниматься приготовленіемъ уроковъ дома, также не безгранично. Отсюда возникаетъ и для учителя, и для ученика необходимость крайне дорожить временемъ и вслѣдствіе этого въ наивозможной степени ускорять темпъ работы. Но при извѣстныхъ условіяхъ, и этого средства оказывается недостаточно, и тогда приходится бросать работу, не кончивши ее, а въ иныхъ случаяхъ даже и не начинать, въ виду сознаваемой безполезности ея частичнаго исполненія. Чтобы оцѣнить значеніе затрудненій, о которыхъ мы говоримъ, всмотримся пристальнѣе въ процедуру урока, даваемаго учителемъ.

Практика сводитъ классныя занятія къ двумъ процессамъ—спрашиванію урока, заданнаго ученикамъ на извѣстный день, и объясненію урока, который предполагается назначить для дальнѣйшаго изученія. По одинаковой важности того и другого процесса, въ теоріи допускается, что они приблизительно должны поглощать равное количество времени. Принятая продолжительность урока составляетъ 50 минутъ. Изъ нихъ надо сложить со счета минутъ 5, нужныхъ для приспособленія къ занятію и для записей въ классномъ журналѣ. Дѣйствительную продолжительность урока надо считать не болѣе 45 минутъ. Если указанное выше дѣленіе времени выдержано, то учитель имѣетъ по 20—25 минутъ какъ на спрашиваніе, такъ и на объясненіе новаго урока. Но спрашиваніе почти всегда требуетъ больше времени, чѣмъ предположено. Это является необходимостію, потому

что ученикамъ приходится заучивать текстъ или вовсе имъ необъясненный, или объясненный недостаточно, какъ увидимъ ниже. Вслѣдствіе этого при отвѣтахъ учениками допускается большое число ошибокъ, неточностей и т. п., которыя учитель не можетъ оставить безъ оговорокъ. Чѣмъ больше учителю приходится останавливать учениковъ, тѣмъ больше нужно терять времени, а времени у него и такъ недостаточно. Это приводитъ учителя въ раздраженіе, и онъ съ неумолимостію казнитъ учениковъ за остановки пониженіемъ отмѣтокъ. Обстоятельства складываются такимъ образомъ, что какъ для учителя, такъ и для учениковъ наиболѣе выгодно, когда ученики отвѣчаютъ урокъ изъ слова въ слово по книжкѣ. Тогда учителю нѣтъ надобности дѣлать досадныхъ остановокъ, а ученикъ наиболѣе можетъ быть увѣренъ въ хорошей отмѣткѣ. Такимъ образомъ общіе интересы учителя и учениковъ являются обстоятельствомъ, въ высшей степени благопріятствующимъ процвѣтанію зубренія, независимо отъ того, обладаетъ ли учитель педагогическою подготовленностію или нѣтъ, и какъ онъ относится къ своимъ обязанностямъ. Конечно, невѣжественность или недобросовѣстность учителя еще въ значительной степени ухудшаютъ положеніе дѣла, но коренная причина развитія зубренія не въ этихъ качествахъ учителя.

Теперь переходимъ къ другой половинѣ урока. Какъ сказано, на объясненіе новаго урока учитель имѣетъ тоже отъ 20 до 25 минутъ. Что же онъ можетъ сдѣлать? Будемъ считать средній размѣръ подлежащаго объясненію отрывка учебника въ 3 страницы. На прочтеніе страницы, въ родѣ той, которая сейчасъ предъ глазами читателя, на прочтеніе медленное, со скоростію не свыше 4 слоговъ въ секунду, какъ требуетъ педагогика, съ надлежащей интонаціей и подчеркиваніемъ существенныхъ мѣстъ, требуется около 5 минутъ. Слѣдовательно, если учитель только прочтетъ по книгѣ очередныя 3 страницы, то уже потратитъ 15 минутъ. И значитъ на всякія объясненія останется отъ 5 до 10 минутъ. Въ дѣйствительности учитель обыкновенно не имѣетъ и этихъ минутъ, потому что спрашиваніе почти всегда занимаетъ болѣе половины урока. Итакъ, учитель или вовсе не имѣетъ времени для какихъ-нибудь объясненій, или имѣетъ настолько недостаточно, что его не хватаетъ для всѣхъ необходимыхъ объясненій. Во всякомъ же случаѣ, учитель абсолютно никогда не имѣетъ достаточно времени, чтобы провѣрить, поняли ли ученики то, что онъ объяснилъ. Итакъ ученики выходятъ изъ класса съ задачей къ слѣдующему разу приготовить урокъ, можетъ быть, вовсе

не понятый, и во всякомъ случаѣ для нихъ не вполнѣ ясный. Поневолѣ приходится зубрить, тѣмъ болѣе, что это такъ выгодно.

Такъ вотъ къ чему сводится процедура классной работы. Получается какой-то заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода, кромѣ зубренія. Ни о какой логической разработкѣ учебнаго матеріала не приходится думать. Никакихъ сопоставленій вновь сообщаемыхъ свѣдѣній съ имѣющимися уже у учениковъ знаніями обыкновенно не происходитъ. Учитель и ученики вращаются исключительно въ предѣлахъ, опредѣленныхъ содержаніемъ двухъ смежныхъ уроковъ. Уроки почти вполнѣ лишены необходимаго элемента преподаванія, постояннаго повторенія въ формѣ параллелей, антитезъ, логическихъ обобщеній, генетическихъ соображеній и т. п. Вмѣстѣ съ этимъ замѣчается нерасположеніе къ нагляднымъ пособіямъ, производству опытовъ, примѣненію трудового принципа и т. п.; такъ какъ все это поглощаетъ много времени, а учитель поневолѣ долженъ гнать, гнать и гнать.

Въ Высочайше учрежденной комиссіи 1900 г. преподаватели не разъ заявляли о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣчаются ими при преподаваніи вслѣдствіе недостатка времени. Такъ директоръ Рижской гимназіи говорилъ: По уставу 1864 г. уроки полагались по часу съ четвертью. Въ теченіе часа съ четвертью, какъ докладчику извѣстно по опыту, можно спросить достаточное количество учениковъ, хорошо объяснить слѣдующій урокъ, заставить повторить объясненія, т. е. сдѣлать для учениковъ приготовленіе къ слѣдующему уроку вполнѣ легкимъ. При теперешней же продолжительности урока въ 55 минутъ [1]) этого сдѣлать невозможно. Веденіе урока дѣлается торопливымъ, нервнымъ и мало плодотворнымъ. Трудъ по приготовленію уроковъ сваливается на домашнія занятія учениковъ, откуда появилась нужда въ репетиторахъ, которые, въ свою очередь, не столько помогаютъ дѣлу, сколько вредятъ [2]).

Заявленіе директора Рижской гимназіи, совпадавшее и съ мнѣніями другихъ представителей педагогической практики, проливаетъ свѣтъ на то, по первому разу совершенно непонятное явленіе, что зубреніе продолжало господствовать и даже развиваться въ школѣ, несмотря на то, что въ теченіе истекшаго столѣтія введено было много улучшеній и во внѣшнюю обстановку, и въ организацію обу-

---

[1]) Въ 1900 г. практиковалась такая норма продолжительности урока.

[2]) Труды Высочайше учрежденной комиссіи по вопросу объ улучшеніяхъ въ средней общеобразовательной школѣ. Вып. VI. С.-Пб. 1900.

ченія, и несмотря на то, что во все это время борьба съ зубреніемъ не прекращалась. Причина заключалась въ томъ, что классное время постепенно болѣе и болѣе сокращалось, а учебный матеріалъ болѣе и болѣе разрастался и вширь и вглубь. Прежде учителя имѣли время объяснить дѣтямъ урокъ, а теперь почти лишены этого времени. Вслѣдствіе этого заучиваніе непонятаго или ложно понятаго, говоря проще, заучиваніе словъ безъ вниманія къ мысли, стало болѣе обыкновеннымъ дѣломъ. То, что прежде дѣлалось въ классѣ, теперь дѣлается на дому, и вмѣсто образованныхъ учителей толкователями текста учебниковъ часто являются репетиторы сомнительной компетентности.

Нельзя не остановиться еще на одномъ послѣдствіи недостатка времени для объясненій учителя. Благодаря этому недостатку, ученику приходится теперь учиться болѣе изъ книгъ, чѣмъ со словъ учителя. Это очень важный ущербъ для формировки логическаго развитія ученика; потому что живое слово учителя является незамѣнимою школою техники мышленія. Не прибѣгая даже къ помощи анатоміи и физіологіи мозга, говоритъ профессоръ Сикорскій, легко понять преимущества изустнаго преподаванія передъ книжнымъ. Слушая изустную рѣчь преподавателя, мы воспринимаемъ не простыя слова, а *живыя*, т. е. слова со скрытыми оттѣнками ихъ смысла и значенія. Болѣе того, въ звукахъ словъ и рѣчи, въ ея оттѣнкахъ, въ повышеніяхъ и пониженіяхъ, въ ускореніи и замедленіи темпа, въ удареніяхъ, остановкахъ и промедленіяхъ открывается безконечный міръ чувства, не передаваемаго однимъ скелетомъ словъ. Выраженіемъ лица преподавателя и его тѣлодвиженіями дается новый рядъ впечатлѣній, дѣйствующихъ на душу слушателя. Всѣ эти сложные ряды неуловимыхъ атомовъ, входящихъ въ составъ конкретнаго акта живой рѣчи, проникаютъ въ душу и регистрируются въ памяти со всей своей сложностію. Такимъ образомъ все, слышанное нами, носитъ характеръ богатой наглядности и закрѣпляется тысячами ассоціативныхъ связей, которыя послужатъ потомъ такими же исходными точками для воспоминанія. Въ сравненіи съ этимъ книжное воспріятіе почти ничего не даетъ, кромѣ пространственныхъ отношеній страницъ, и наша память можетъ связывать содержаніе читаемаго только съ тѣмъ или другимъ пунктомъ страницы, что и дѣлаетъ дѣтская память въ своей работѣ затверживанія изъ книги наизусть. Въ этомъ способѣ запоминанія профессоръ справедливо усматриваетъ величайшую опасность для развивающагося ума. Ука-

занная форма памяти, закрѣпленная одностороннимъ упражненіемъ, можетъ упрочиться и стать главнѣйшимъ привычнымъ пріемомъ школьной работы, замѣнивъ собою размышленіе, столь необходимое для правильнаго умственнаго развитія. Она можетъ остаться и на дальнѣйшіе періоды жизни въ качествѣ привычки, крайне вредной для ума. По убѣжденію профессора, ослабленіе живого преподаванія и перевѣсъ мертвящаго книжнаго болѣе, чѣмъ что либо, содѣйствовали упадку средней школы [1]).

Обратимся теперь къ домашнимъ занятіямъ дѣтей. Съ замѣной словеснаго обученія книжнымъ, съ введеніемъ новыхъ учебныхъ дисциплинъ и расширеніемъ многихъ отдѣловъ преподаванія, съ постепеннымъ усложненіемъ программъ и незамѣтнымъ, но постояннымъ разрастаніемъ учебниковъ, количество домашнихъ работъ не могло также не возрасти и наконецъ приняло такіе размѣры, что обратило вниманіе центральнаго управленія министерства народнаго просвѣщенія. Изъ свѣдѣній, собранныхъ министерствомъ въ 1890—1892 годахъ, оказалось, что въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ количество времени, требуемаго для исполненія домашнихъ работъ, „доходило до предѣловъ чрезвычайныхъ"—отъ 4 часовъ въ приготовительномъ классѣ до 7 часовъ, начиная съ 3 класса; въ среднемъ же, въ большинствѣ учебныхъ заведеній, для исполненія ежедневно задаваемыхъ ученикамъ домашнихъ работъ требовалось въ приготовительномъ классѣ отъ 1 до 2 часовъ, въ двухъ низшихъ отъ 2 до 3 часовъ, въ трехъ среднихъ отъ 3 до 4 часовъ и въ трехъ высшихъ отъ 4 до 6 часовъ. И хотя эти среднія нормы, установленныя министерскимъ дознаніемъ, тоже не далеки отъ чрезвычайныхъ, тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности онѣ были, надо полагать, еще значительнѣе; потому что учебныя начальства, повидимому, нѣсколько смягчали дѣйствительныя данныя. Въ подтвержденіе этого приведемъ цѣликомъ заявленіе инспектора одной изъ гимназій Виленскаго учебнаго округа, сдѣланное имъ въ санитарной подкомиссіи Высочайше учрежденной комиссіи 1900 г. Въ 1890 году, говорилъ онъ, свѣдѣнія о количествѣ времени, посвящаемаго учениками ежедневно на приготовленіе уроковъ, были собраны крайне неточно во всей Россіи, и только изъ 17 среднихъ учебныхъ заведеній были получены данныя, болѣе или менѣе соотвѣтствующія

---

[1]) Проф. *И. А. Сикорскій*, Психологическія основы воспитанія и обученія. Кіевъ, 1909.

дѣйствительности. Въ Виленскомъ реальномъ училищѣ было поручено собрать эти свѣдѣнія классным наставникамъ, каждому въ своемъ классѣ, при чемъ ученикамъ было объяснено, какое значеніе имѣетъ эта статистика. Тогда самими учениками былъ поставленъ вопросъ, хотятъ ли отъ нихъ узнать, сколько времени имъ необходимо работать для того, чтобы вполнѣ удовлетворить свое чувство долга и добросовѣстно приготовить все, что отъ нихъ требуется, или же они должны сообщить, сколько они въ дѣйствительности проводятъ каждый вечеръ за работой. Для полученія отвѣта на первый вопросъ ученики разсчитали, сколько времени требуетъ въ среднемъ приготовленіе отдѣльнаго урока по каждому предмету. Въ V классѣ, гдѣ классным наставникомъ былъ авторъ настоящаго мнѣнія, вышло, что, напримѣръ, для приготовленія урока по Закону Божію православные ученики, кромѣ большого числа страницъ трудно составленнаго учебника, должны еще знакомиться съ содержаніемъ апостольскихъ посланій и другихъ священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, такъ что на приготовленіе каждаго урока необходимо отъ $2^1/_2$ до 3 часовъ времени. По русской словесности, кромѣ соотвѣтственнаго числа страницъ учебника, пришлось принять во вниманіе внѣклассное чтеніе, исполненіе домашнихъ сочиненій и т. п., такъ что ученики опредѣлили количество времени для приготовленія урока по русской словесности minimum въ 2 часа. Составивъ такимъ образомъ списокъ всѣхъ проходимыхъ въ классѣ предметовъ, опредѣлили уже сообразно недѣльному расписанію уроковъ, сколько часовъ надо работать ученику въ среднемъ для приготовленія уроковъ къ каждому дню недѣли. При этомъ оказалось, что въ легкіе дни надо вечеромъ работать не менѣе 8 часовъ, а въ трудные и до 11 часовъ. Эти числа были затѣмъ провѣрены опросомъ преподавателей, при чемъ числа, ими показанныя, вполнѣ совпали съ числами, сообщенными учениками. Для избѣжанія всякой возможности преувеличенія въ донесеніи министру было показано, что въ V классѣ необходимо на приготовленіе уроковъ ежедневно minimum 7 часовъ. На вопросъ, какъ ученики справляются со своимъ дѣломъ въ дѣйствительности, они сообщили, что переводы по новымъ языкамъ готовятся при помощи товарищей, владѣющихъ этими языками, изъ остальныхъ же предметовъ готовятся лишь къ тѣмъ, по которымъ разсчитываютъ быть спрошенными. Заурядъ случается, что ученикъ бываетъ вызванъ по какому-нибудь предмету невзначай и получаетъ двойку. Тогда начинается работа для „исправленія“ этой двойки. Въ это время полу-

чается двойка по другому предмету, начинается новая работа для ея исправленія и т. д. Данныя, подобныя полученнымъ въ Виленскомъ реальномъ училищѣ, были посланы въ министерство всего только 17 учебными заведеніями, почему эти учебныя заведенія были признаны неумѣло ведущими свое дѣло, и имъ было предписано озаботиться улучшеніемъ методовъ преподаванія [1]).

Таковы условія, въ которыхъ происходятъ домашнія занятія учащихся дѣтей. При подобныхъ условіяхъ, очевидно, всего менѣе можно ожидать, что у ученика, приготовляющаго уроки къ слѣдующему дню, можетъ явиться охота пристально остановиться на какомъ нибудь отдѣльномъ вопросѣ, углубиться въ обсужденіе какой-нибудь мысли, сдѣлать какія-нибудь справки, словомъ, внести въ занятіе какую-нибудь логическую работу. Подъ бременемъ возложенной на ученика работы самымъ естественнымъ его стремленіемъ является какъ можно скорѣе стряхнуть съ плечъ лежащую на немъ обузу. А потому работа его не можетъ не быть крайне торопливой и поверхностной. Зубреніе представляетъ для ученика самый удобный путь выйти изъ затрудненія, и совершенно понятно, что ученикъ прибѣгаетъ къ этому спасительному средству.

XI.

Существующая система контроля учебныхъ занятій является новымъ обстоятельствомъ, въ самой значительной степени поддерживающимъ развитіе школьнаго зубренія. Въ эту систему входятъ: отмѣтки за отвѣты, даваемые учениками на урокахъ; начальственныя ревизіи учебныхъ заведеній; экзамены.

Лежащая на учителяхъ обязанность оцѣнивать отвѣты учениковъ цифрами и періодически, по четвертямъ года, сводить эти цифры къ общимъ выводамъ, прежде всего, поглощаетъ у учителя массу времени. Очевидно, что совершенно неосновательно и несправедливо выводить среднюю отмѣтку за четверть года на основаніи одной отмѣтки, полученной ученикомъ въ теченіе отчетнаго періода. Но часто и двухъ отмѣтокъ въ этомъ случаѣ недостаточно, особенно, когда онѣ не тожественны. Почти всегда необходимо, если не по существу дѣла, то во избѣжаніе конфликтовъ, имѣть для вывода средней отмѣтки за четверть по меньшей мѣрѣ три отмѣтки для каждаго ученика. Од-

[1]) Труды Высочайше учрежденной комиссіи по вопросу объ улучшеніяхъ въ средней общеобразовательной школѣ. Вып. V. С.-Пб. 1900.

накожъ, если учитель будетъ ставить отмѣтки только въ предѣлахъ необходимости, то ему трудно будетъ избѣжать нѣкоторой очереди въ спрашиваніи учениковъ или по крайней мѣрѣ такой системы въ вызовѣ учениковъ для отвѣта, въ которой они могутъ съ большою вѣроятностью предугадывать время спроса. Итакъ, болѣе нормальнымъ является такой порядокъ, при которомъ ученикъ въ теченіе четверти получаетъ по крайней мѣрѣ четыре отмѣтки. Но для того, чтобы оцѣнить отвѣтъ ученика цифрой, необходима извѣстная полнота и законченность отвѣта. На такой отвѣтъ надо полагать не менѣе 5 минутъ. Теперь сдѣлаемъ нѣкоторыя примѣрныя выкладки, сколько на это потребуется времени для класса вообще. Нормальное число учениковъ въ классѣ 35. Четверть учебнаго года составляетъ обычно около 2 мѣсяцевъ. Допустимъ теперь, что учитель имѣетъ въ классѣ 3 урока въ недѣлю. Въ 2 мѣсяца онъ даетъ приблизительно 24 урока. По приведеннымъ выше соображеніямъ 35 учениковъ потребуютъ у него 140 отвѣтовъ или болѣе, чѣмъ по 5 отмѣтокъ на каждый отдѣльный урокъ. А 5 отвѣтовъ потребуютъ уже 25 минутъ времени, т. е. все то количество времени, которое учитель можетъ употребить на спрашиваніе. Но съ такимъ порядкомъ никакъ нельзя мириться. Учитель долженъ быть увѣренъ въ томъ, что заданный урокъ разученъ и понятъ всѣми учениками. Ему не такъ важно имѣть нѣсколько полныхъ отвѣтовъ отдѣльныхъ учениковъ, какъ возможно большее число отвѣтовъ хотя бы и короткихъ, но свидѣтельствующихъ объ усвоеніи урока всѣмъ классомъ. Такимъ образомъ время, употребляемое для спрашиванія, поневолѣ затягивается; потому что учитель долженъ сверхъ тѣхъ отвѣтовъ, которые ему нужны въ педагогическихъ видахъ, выслушать еще нѣсколько продолжительныхъ отвѣтовъ, не нужныхъ по существу дѣла, но необходимыхъ по формальнымъ условіямъ. Но затрачивая время на это обязательное прослушиваніе, въ теченіе котораго классъ обыкновенно бездѣйствуетъ, учитель тѣмъ самымъ сокращаетъ то время, которое должно бы идти на производительную работу, и такимъ образомъ способствуетъ практикѣ заучиванія уроковъ необъясненныхъ или непонятыхъ какъ должно, слѣдовательно, неосмысленному зубренію. Описанныя условія принижаютъ роль учителя до крайней степени. „Дѣло учителя“, говоритъ К. П. Побѣдоносцевъ, „дать работу уму, понятливости и умѣнью каждаго ученика, и его дѣло требовать, чтобъ каждая работа была исполнена добросовѣстно, по мѣрѣ того, что каждый въ состояніи понять и сдѣлать. Онъ долженъ удостовѣриться,

что понято и что не понято, а непонятое долженъ направить въ умѣ ученика, для того, чтобы сообщить ему и укрѣпить въ немъ привычку вдумываться въ то, что онъ дѣлаетъ, и желаніе сдѣлать исправно и удовлетворительно, такъ чтобы всѣ могли понять и оцѣнить его работу. Только при этомъ условіи работа получаетъ интересъ для того, кто ее дѣлаетъ. Если же учитель всю свою оцѣнку работы разумѣетъ только голою цифрою отмѣтки, выговоромъ или взысканіемъ, не заботясь о томъ, какой слѣдъ то или другое оставитъ въ умѣ ученика, ученикъ остается на томъ же мѣстѣ отупѣнія или протеста, безъ движенія впередъ, а самъ учитель являетъ въ себѣ только куклу механически заведенную и механически двигающуюся. Такъ идутъ одинъ за другимъ механическіе дни и годы, наполняясь раздраженіемъ и скукою, доколѣ не приведутъ къ критической эпохѣ каждаго учебнаго года—къ столь же механическому экзамену,—къ паутинѣ, которую прорываетъ большая муха, тогда какъ малыя мухи въ ней запутываются" [1]).

Другой, еще болѣе существенный вредъ, причиняемый системою отмѣтокъ, заключается въ томъ, что эта система въ корнѣ подрываетъ тѣ довѣрчивыя и доброжелательныя отношенія, какія должны существовать между воспитателемъ и воспитуемыми. Въ интересахъ успѣха дѣла весьма важно знать истинныя образовательныя потребности учениковъ, имѣть ясныя представленія о томъ, что они дѣйствительно усвоили изъ преподаннаго, что пропустили мимо ушей или ошибочно поняли, что возбуждаетъ ихъ недоумѣнія и т. д. Все это возможно лишь при посредствѣ живого, непринужденнаго обращенія учителя съ учениками. Но всякая искренность и откровенность исключены тамъ, гдѣ въ лицѣ учителя имѣется неумолимая Немезида, карающая ученика за всякій промахъ. Тутъ не можетъ быть рѣчи о свободномъ признаніи ученикомъ допущенной имъ неправильности или плохомъ пониманіи преподаннаго. Напротивъ, тутъ совершенно естественными являются всѣ средства, чтобы обмануть учителя, показать товаръ лицомъ, затѣняя оборотную сторону. Подглядываніе, подсказываніе, записываніе плохо выученнаго на столахъ, на стѣнахъ, на обшлагахъ сорочки, на ногтяхъ и т. п.—цѣлый арсеналъ хитроумныхъ изобрѣтеній, чтобы провести учителя—все это пріемы, развившіеся подъ вліяніемъ принятой системы контроля.

---

[1]) *К. П. Побѣдоносцевъ*, Ученье и учитель. Педагогическія замѣтки. Вторая книжка. М. 1904.

Нельзя закрывать глаза и на то, что система отмѣтокъ вызываетъ своего рода спортъ, т. е. такое соревнованіе, которое соединяется съ предосудительнымъ желаніемъ выдвинуться, восторжествовать надъ товарищами, стать выше ихъ и наслаждаться униженіемъ конкурентовъ. Такимъ образомъ вносится раздоръ въ товарищескія отношенія, воспитываются жадныя, эгоистическія натуры, противообщественные характеры, для которыхъ не существуетъ ничего выше ихъ личныхъ цѣлей.

Едва ли также можно оставить безъ вниманія и наблюденія врачей, указывающихъ на опасности существующей системы контроля для здоровья учащихся дѣтей. Подъ гнетомъ системы отмѣтокъ ученикъ чувствуетъ себя постоянно какъ бы виновнымъ въ чемъ-то, постоянно готовымъ принять ударъ отъ занесенной надъ нимъ руки. У слабыхъ натуръ это подавленное настроеніе можетъ вызывать настоящіе психозы и вести къ самымъ прискорбнымъ явленіямъ. Профессоръ Н. М. Поповъ, изслѣдовавшій детально 70 случаевъ школьныхъ самоубійствъ, имѣвшихъ мѣсто въ учебныхъ заведеніяхъ Одесскаго учебнаго округа за время съ мая 1908 по октябрь 1910 г., свидѣтельствуетъ, что страхъ наказанія за плохія отмѣтки въ 10 случаяхъ или 13% всѣхъ обслѣдованныхъ имъ фигурировалъ на первомъ мѣстѣ, а во многихъ другихъ ясно читается между строками [1]).

Особая подкомиссія Высочайше учрежденной комиссіи 1900 г. по тщательномъ обсужденіи вопроса о системѣ отмѣтокъ признала нежелательнымъ выставленіе отмѣтокъ за отдѣльные отвѣты учениковъ въ классахъ, находя, что отмѣтки эти не даютъ истинныхъ понятій о знаніяхъ учениковъ и служатъ постояннымъ источникомъ недоразумѣній между школой и родителями учащихся. При этомъ принято было во вниманіе и то, что многія учебныя заведенія, какъ напр. народныя училища, учительскія семинаріи и разныя частныя учебныя заведенія обходятся безъ отмѣтокъ и не замѣчаютъ какихъ либо вредныхъ отъ сего послѣдствій [2]).

Спрашивается, во имя чего поддерживается эта, несомнѣнно сопровождающаяся опасностями форма контроля?

Говорятъ, если отмѣнить отмѣтки, ученики перестанутъ учиться. Было бы безконечно обидно за дѣтей и за науку воспитанія, еслибъ

---

[1]) Проф. *Поповъ*, Современная эпидемія школьныхъ самоубійствъ въ Россіи. Казань. 1911.

[2]) Труды Высочайше учрежденной комиссіи по вопросу объ улучшеніяхъ въ средней общеобразовательной школѣ. Вып. I. С.-Пб. 1900.

только это было справедливо. Развѣ стремленіе къ знанію не составляетъ глубокой потребности человѣческаго духа, и развѣ педагогика не обладаетъ безконечнымъ количествомъ пріемовъ, способныхъ поддерживать и развивать въ дѣтяхъ это естественное стремленіе? Было время, когда существовало убѣжденіе, что въ обученіи дѣтей невозможно обходиться и безъ розги. Теперь розги нѣтъ, а развѣ учиться стали менѣе старательно? Система отмѣтокъ имѣетъ то же значеніе, какъ нѣкогда розга, значеніе вѣчнаго дамоклова меча, висящаго надъ головой ребенка. Это—то же орудіе, но болѣе утонченное, болѣе облагороженное, но не менѣе гнетущее.

Говорятъ, система отмѣтокъ устанавливаетъ связь между школой и семьей, даетъ семьѣ возможность своевременно знать, какъ ученикъ идетъ въ школѣ, когда требуется поддержка семьи въ подкрѣпленіе дѣйствій школы и т. п. На это нужно сказать, что языкъ цифръ весьма невразумителенъ. Освѣдомленіе семьи могло бы происходить съ большею опредѣлительностію и обстоятельностію путемъ личныхъ переговоровъ учителей съ членами семьи. И теперь этотъ путь взаимодѣйствія не загражденъ. Учитель, въ нужныхъ случаяхъ, всегда имѣетъ возможность вызвать родителя въ заведеніе, точно такъ же, какъ и родители не лишены возможности, въ случаѣ какихъ либо сомнѣній, обратиться къ учителю или начальнику заведенія для личныхъ объясненій.

Итакъ, для контроля ученической работы не имѣется никакой надобности въ отмѣткахъ. Нѣтъ въ ней надобности и для контроля учителя; потому что имѣется живой контроль (de jure) въ лицѣ начальника заведенія, педагогическаго совѣта, ревизоровъ и т. д.

XII.

Осмотры учебныхъ заведеній, производимые компетентными ревизорами, могли бы въ значительной степени смягчать наиболѣе острыя проявленія школьной болѣзни, которой посвящена настоящая статья, если бъ не забывались наставленія, данныя министерствомъ народнаго просвѣщенія при самомъ введеніи учрежденія школьныхъ визитаторовъ. А въ этихъ наставленіяхъ сказано: визитаторъ во всякомъ училищѣ начинаетъ исполненіе своего званія приглашеніемъ учителей и начальниковъ ихъ къ засѣданію, въ коемъ, прочитавъ данное ему наставленіе, входитъ съ ними въ разговоръ о внутреннемъ порядкѣ училища, о должности всякаго чиновника, о наукахъ, въ училищѣ преподаваемыхъ, и способѣ ученья (п. 2); испытывая учени-

ковъ по всѣмъ, преподаваемымъ имъ предметамъ, онъ замѣчаетъ изъ вопросовъ, дѣлаемыхъ ихъ учителями, способности и знанія какъ тѣхъ, такъ и другихъ; наблюдаетъ изъ отвѣтовъ учениковъ, понимаютъ ли они то, о чемъ ихъ спрашиваютъ, не затверживаютъ ли на память одни слова, которыми отвѣчаютъ на задаваемые имъ вопросы, и для несомнительнаго заключенія объ ихъ успѣхѣ спрашиваетъ ихъ и самъ (п. 3 наставленія визитаторамъ училищъ 5-го мая 1803 г.) [1]).

По смыслу этого наставленія ревизія учебнаго заведенія должна слагаться, прежде всего, изъ „разговора" ревизора съ начальникомъ и учителями заведенія, и, во-вторыхъ, изъ испытанія учениковъ. Предписываемый здѣсь „разговоръ" составляетъ не что иное, какъ экзаменъ начальства и учителей; такъ какъ онъ долженъ выяснить педагогическія воззрѣнія и пріемы преподавателей и ихъ соотвѣтствіе требованіямъ установленныхъ правилъ, а также дѣятельность начальства по наблюденію за правильностію веденія учебно-воспитательнаго дѣла. Только затѣмъ начинается испытаніе учениковъ, имѣющее, между прочимъ, непремѣнною задачею опредѣлить, учатся ли дѣти съ пониманіемъ или только зубрятъ. Практика упростила дѣло. Первая задача обыкновенно не ставится, почему ревизіи не оказываютъ должнаго вліянія на методическую постановку преподаванія и дѣятельность мѣстнаго надзора. Что же касается испытанія учениковъ, то оно почти всегда исчерпывается вопросами по содержанію учебныхъ книжекъ и въ той именно постановкѣ, какая имъ дается въ нихъ, т. е. служитъ опять испытаніемъ только памяти и слѣдовательно новымъ поощреніемъ зубренія. Однакожъ и эта сторона ревизіонной дѣятельности чаще всего стоитъ у ревизующаго лица на второмъ планѣ, такъ какъ ревизоры большею частію наѣзжаютъ для производства дознаній по жалобамъ или происшествіямъ, часть же педагогическая присоединяется къ ревизіи только à propos.

XIII.

Постановка экзаменовъ имѣетъ самое существенное вліяніе на характеръ обученія; такъ какъ по результатамъ экзаменовъ принято цѣнить и учителей, и учениковъ. Но въ существующей постановкѣ экзамены представляютъ условіе, въ высокой степени благопріятствующее развитію зубренія. Прежде всего, экзамены съ операціями,

---

[1]) Собраніе распоряженій по М. Н. П. Т. I. Второе изд. С.-Пб. 1896.

составляющими подготовленіе къ нимъ, отнимаютъ громадное количество времени, которое могло бы быть использовано на расширеніе знаній учениковъ и углубленіе въ ихъ значеніе. Такимъ образомъ къ числу причинъ, заставляющихъ преподаваніе спѣшить и, слѣдовательно, поверхностно относиться къ дѣлу, присоединяется еще одна, очень существенная. Далѣе, въ настоящемъ своемъ видѣ экзамены составляютъ по преимуществу испытаніе памяти. Между тѣмъ, какъ объяснено выше, память не является показателемъ ни общей одаренности ученика, ни жизненности воспринятыхъ имъ знаній. Дѣйствительнымъ показателемъ развитости и работоспособности могутъ быть только такіе процессы, въ которыхъ учащіеся могутъ обнаружить способность разсужденія и умѣнье примѣнять къ дѣлу сообщенныя имъ знанія. Такими процессами можно признать сочиненія на темы изъ пройденныхъ предметовъ, допускающія возможность обобщеній и выводовъ, переводы съ иностранныхъ языковъ и на иностранные языки и математическія задачи. Устные экзамены представляютъ весьма несовершенную форму испытанія и по тѣмъ психологическимъ условіямъ, въ которыхъ они происходятъ. Каждому лицу, которое испытывается, свойственно смущеніе. Смущеніе это проявляется тѣмъ рѣзче, чѣмъ болѣе серьезныя послѣдствія соединены съ испытаніемъ. Едва ли есть лица, которыя способны сохранить полное самообладаніе во время отвѣта, даваемаго на экзаменѣ. „Переэкзаменовалъ на своемъ вѣку нѣсколько сотенъ молодыхъ людей“, говоритъ профессоръ Быстровъ, „и слѣдя взглядомъ врача за экзаменующимися, я могу всю ненормальность современныхъ испытаній—экзаменовъ доказать множествомъ очень вѣскихъ фактовъ... Изъ 100 экзаменующихся студентовъ 90 блѣднѣютъ, ускоренно дышатъ, говорятъ неестественнымъ голосомъ; видалъ пересохшія губы, дрожащія руки и т. п. признаки сильнѣйшаго возбужденія... Что жъ послѣ этого ожидать отъ дѣтей, которыхъ мозгъ и нервная система еще недостаточно созрѣли, у которыхъ задерживающіе центры не вполнѣ окрѣпли“ [1]). Спрашивается, какое значеніе можетъ имѣть отвѣтъ, даваемый въ состояніи нервнаго раздраженія, граничащаго часто съ психозомъ? Да и что вообще можетъ дать устный отвѣтъ на вопросъ изъ содержанія учебника? Въ лучшемъ случаѣ, только засвидѣтельствовать наличность извѣстной суммы знаній у испытуемаго лица. Но знаніе, само по себѣ, еще не дѣлаетъ человѣка пригоднымъ для жизни. „Блаженный Августинъ“,

---

[1]) *Фармаковскій*, Охрана здоровья учащихся, изд. 10-е. Одесса, 1914.

читаемъ у К. П. Побѣдоносцева, „разсуждая объ ученьи, говоритъ: безполезенъ золотой ключъ, когда не приходится къ замку, а на все годенъ деревянный ключъ, когда къ замку приходится. Невольно приходитъ на мысль это слово, когда смотришь на наши многопредметныя и широкія программы, примѣняемыя безразлично къ цѣлой массѣ учениковъ: у многихъ изъ нихъ большимъ ключомъ замки не отпираются“ [1]). „Надо испытывать“, говоритъ профессоръ П. Г. Виноградовъ въ Высочайше учрежденной комиссіи 1900 г., „не столько количество знаній, сколько умѣнье пользоваться ими, усвоеніе методовъ, общее развитіе. Обо всемъ этомъ нельзя судить по отвѣтамъ экзаменующихся—они слишкомъ кратки, по необходимости представляютъ повтореніе чужихъ словъ и не допускаютъ пытливаго распрашиванія. Нужны не отвѣты, а работы. Тѣмъ самымъ центръ тяжести испытаній долженъ быть перенесенъ на письменныя работы задачнаго характера... Если предоставить на эти работы достаточное время, дать возможность выбрать между нѣсколькими темами и ограничить испытаніе нѣсколькими предметами, то эта форма испытаній можетъ дать хорошіе результаты. Въ Англіи экзамены сводятся главнымъ образомъ на представленіе письменныхъ работъ (papers)“ [2]).

Одинъ изъ опытнѣйшихъ и разумнѣйшихъ руководителей учебнаго дѣла, 20 лѣтъ состоявшій попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа, впослѣдствіи членъ государственнаго совѣта К. П. Яновскій, выражалъ крайнее недовольство существующей постановкой школьныхъ испытаній. Онъ находилъ, что испытанія, назначаемыя въ извѣстные, опредѣленные дни, съ промежутками между ними въ одинъ или нѣсколько дней, для приготовленія къ экзаменамъ по каждому предмету, независимо отъ вреда, заключающагося въ пріученіи экзаменующихся къ усвоенію поверхностныхъ знаній и въ развитіи между ними стремленія къ обманамъ, вредны еще и потому, что причиняютъ молодымъ людямъ ущербъ въ санитарномъ отношеніи. Многіе изъ нихъ, разсчитывая на удачу во время экзаменовъ, нерѣдко относятся въ теченіе года къ своимъ учебнымъ обязанностямъ весьма небрежно, а взамѣнъ того, въ экзаменную пору часто цѣлыя ночи проводятъ въ приготовленіи къ сдачѣ экзаменовъ. Полезными и производительными въ воспитательномъ смыслѣ, по мнѣнію Яновскаго, могутъ быть только такія испытанія, которыя, не нарушая хода обыкновенныхъ текущихъ за-

---

[1]) *К. П. Побѣдоносцевъ*, Ученье и учитель. Вторая книжка. М. 1907.

[2]) Труды Высочайше учрежд. комиссіи по вопросу объ улучшеніяхъ въ средней общеобразовательной школѣ. Вып. I. С.-Пб. 1900.

нятій учащихся, находятся съ ними, такъ сказать, въ органической связи, служатъ дополненіемъ къ этимъ занятіямъ и содѣйствуютъ ихъ улучшенію, устраняя своевременно, насколько это возможно, недостатки, касающіеся работы учащихся и способовъ преподаванія учителями, а также привлекая къ участію въ наблюденіи за дѣтьми какъ родителей, такъ и лицъ, которымъ ввѣрено родителями попеченіе объ ихъ дѣтяхъ. Ученики должны на такихъ испытаніяхъ обнаруживать тѣ знанія, которыя сдѣлались ихъ достояніемъ, которыя вошли въ ихъ плоть и кровь. Испытанія должны быть построены на принципѣ, который долженъ лежать въ основѣ всей организаціи учебной части,—на принципѣ, по которому каждый новый урокъ составляетъ звено въ непрерывной цѣпи учебнаго матеріала, находящееся въ тѣсной связи со всѣмъ этимъ матеріаломъ, и по которому повтореніе ведется не періодически, а постоянно, по возможности на каждомъ отдѣльномъ урокѣ, и по которому ученикъ долженъ знать во всякое время все существенное изъ пройденнаго. Пользуясь своимъ положеніемъ, Яновскій провелъ свои идеи и въ практику учебнаго округа, которымъ онъ управлялъ [1]).

Въ періодъ времени 1880—1891 гг. въ этомъ округѣ дѣйствовали выработанныя Яновскимъ и утвержденныя кавказскимъ на-

---

[1]) До 1891 г. въ министерствѣ народнаго просвѣщенія не существовало общихъ правилъ о производствѣ испытаній. Испытанія производились въ каждомъ учебномъ округѣ по своему. Въ началѣ 60 годовъ дѣло представлялось въ такомъ видѣ. Въ округахъ Казанскомъ, Одесскомъ, Харьковскомъ и Московскомъ всѣ учащіеся въ концѣ года подвергались испытаніямъ. Въ Кіевскомъ округѣ отличные ученики переводились безъ испытанія, по годовымъ отмѣткамъ, слабые вовсе не допускались до экзамена, и затѣмъ экзаменовались лишь тѣ, которые не принадлежали ни къ отличнымъ, ни къ слабымъ. Въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ переводные экзамены замѣнялись репетиціями, которыя производились въ концѣ года и отличались тѣмъ, что при репетиціяхъ ученье не прекращалось, а продолжалось, какъ и въ учебное время, и только все время употреблялось на повтореніе пройденнаго курса, подъ руководствомъ учителя, и на спрашиваніе учениковъ изъ пройденнаго. Такимъ образомъ выгадывался для ученья цѣлый мѣсяцъ учебнаго времени. Ученый комитетъ, разсматривавшій въ засѣданіи 7-го апрѣля 1864 г. вопросъ о наилучшей постановкѣ экзаменовъ, съ особеннымъ сочувствіемъ отнесся къ практикѣ Кіевскаго учебнаго округа, признавая, однако же, выгодною для дѣла и практику С.-Петербургскаго округа. Совѣтъ министра постановленіемъ 1-го мая того же года рекомендовалъ вниманію окружныхъ начальствъ соображенія ученаго комитета, предоставивъ однакожъ попечителямъ округовъ въ отношеніи переводныхъ и выпускныхъ экзаменовъ принимать тѣ мѣры, которыя по мѣстнымъ условіямъ и по усмотрѣнію попечительскихъ и педагогическихъ совѣтовъ, будутъ признаны наиболѣе достигающими цѣли. (Собраніе распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія. Т. III. С.-Пб. 1867).

мѣстникомъ правила о переводныхъ испытаніяхъ, основныя черты которыхъ сводились къ слѣдующему. Такъ какъ научныя свѣдѣнія, пріобрѣтаемыя учениками и составляющія ихъ дѣйствительную, а не мнимую собственность, ученикъ можетъ обнаруживать устно и письменно во всякое время, а не только тогда, когда повторилъ ихъ, то переводныя испытанія должны производиться безъ всякаго предварительнаго подготовленія къ нимъ. О такихъ испытаніяхъ ни учителя, ни ученики не предупреждаются. Они могутъ происходить во все теченіе учебнаго года по истеченіи первой его четверти, по назначенію начальника заведенія. Во избѣжаніе лишней траты времени, испытанія назначаются на часы отсутствующихъ преподавателей. (По исчисленію Яновскаго, учителя въ среднемъ пропускаютъ 4% уроковъ). Испытанія могутъ быть письменныя и устныя. Письменныя работы не должны быть переписываемы. Испытанія назначаются не всѣмъ ученикамъ класса, но по преимуществу посредственнымъ и слабымъ. Для производства испытаній каждый разъ употребляется не болѣе одного часа на каждое. Вопросы предлагаются не отдѣльно каждому ученику, а нѣсколькимъ вмѣстѣ или даже и цѣлому классу, съ тѣмъ, чтобы неудовлетворительные отвѣты одного изъ экзаменующихся были исправляемы, по указанію экзаминаторовъ, другими учениками. Письменныя и устныя испытанія, по усмотрѣнію экзаминаторовъ, могутъ быть производимы экзаминаторами и одновременно (если нужно, то въ разныхъ комнатахъ), т. е. такъ, чтобы одни ученики исполняли заданную имъ письменную работу, а другіе устно отвѣчали на задаваемые имъ вопросы. На испытаніяхъ могутъ присутствовать, кромѣ лицъ, назначаемыхъ начальникомъ, и всѣ свободные отъ уроковъ преподаватели класса, въ которомъ происходитъ испытаніе. Въ качествѣ ассистентовъ могутъ быть приглашаемы и преподаватели другихъ заведеній, а по искусствамъ даже и стороннія лица. Переводы учащихся въ старшіе классы производятся на основаніи отмѣтокъ, получаемыхъ учениками на испытаніяхъ въ теченіе года, и свѣдѣній, сообщаемыхъ учителями. Ученики, которые при удовлетворительныхъ вообще занятіяхъ въ теченіе года по всѣмъ предметамъ, получили, кромѣ того, удовлетворительныя отмѣтки и на послѣднихъ испытаніяхъ въ маѣ, а въ случаѣ, если не было у нихъ такихъ испытаній, получили удовлетворительныя отмѣтки за послѣднюю четверть года у преподавателей, переводятся въ слѣдующіе классы безусловно. Кромѣ того могутъ быть переведены въ высшіе классы и такіе ученики, которые, по единогласному убѣжденію всѣхъ членовъ педагогическаго

совѣта, могутъ безпрепятственно слѣдовать за курсомъ высшаго класса, хотя бы и не вполнѣ удовлетворяли требованію, сейчасъ изложенному. Для учениковъ, знанія которыхъ по нѣкоторымъ предметамъ будутъ возбуждать сомнѣнія въ глазахъ совѣта, назначаются повѣрочныя испытанія въ періодъ времени съ 1-го по 10-е іюня [1]).

Многіе считали Яновскаго увлекающимся новаторомъ, недостаточно цѣнившимъ школьныя традиціи, и потому его начинанія не встрѣтили той поддержки, которой они заслуживали. Надо сказать однакожъ, что недостатки существующей постановки школьныхъ экзаменовъ на столько очевидны, что встрѣчали рѣзкую критику и со стороны самыхъ ревностныхъ охранителей традиціонныхъ формъ. Вотъ что, напр., мы читаемъ у К. П. Побѣдоносцева. „Экзаменъ въ смыслѣ испытанія — дѣло нужное и полезное. Въ этомъ смыслѣ онъ возбуждаетъ и поддерживаетъ сознательную энергію и учителя, и ученика. Но въ дѣйствительности экзаменъ перестаетъ быть испытаніемъ и превращается въ механическую *мѣрку* матеріала, помѣщаемаго въ голову и въ память ученика въ качествѣ *знанія*. Въ этомъ смыслѣ экзаменъ становится *бѣдою* школьнаго дѣла. Тогда провесть цѣлый классъ черезъ экзаменъ становится главною *цѣлью* и главнымъ предметомъ обученія: главная забота и учителя, и ученика, чтобы экзаменъ прошелъ благополучно, и учитель невольно стремится сократить по возможности нервное напряженіе всей операціи краткими и быстрыми вопросами, обращаемыми къ памяти ученика. При этомъ совсѣмъ забыта главная цѣль обученія—умственное развитіе ученика. На послѣднихъ дняхъ курса сосредоточивается все напряженіе и учителя, и учениковъ для того, чтобы вмѣстилось въ головахъ все то количество учебнаго матеріала, какое должно явиться на экзаменѣ въ качествѣ *знанія*. Начинаются особенныя заботы учебнаго начальства оградить вѣрность такъ называемаго испытанія отъ всякихъ уловокъ со стороны учениковъ, изобрѣтаются для сего всякаго рода механическія предосторожности и стѣсненія свободы ученика во время экзамена; а со стороны учениковъ изобрѣтаются средства—безъ труда или съ наименьшимъ трудомъ отвѣтить на предлагаемые вопросы. Между тѣмъ въ цѣломъ классѣ день и ночь происходитъ такъ называемое зубреніе учебнаго матеріала по программамъ и билетамъ экзамена и наконецъ къ утру назначеннаго дня собирается вся истомленная толпа на судъ испытанія. Дѣло завершается—иногда

---

[1]) *Яновскій*, Мысли о воспитаніи и обученіи. С.-Пб. 1900.

только къ ночи—торжествомъ однихъ и горькимъ рыданіемъ другихъ, при чемъ иные послѣдніе становятся первыми, а первые — послѣдними. Если спросить, на какомъ основаніи, трудно будетъ отвѣтить. Скажутъ, на основаніи отвѣтовъ на билеты, взятые изъ программы преподаванія предмета. Эта программа тщится обыкновенно обнять всѣ части предмета, и въ общихъ выраженіяхъ, и во всѣхъ подробностяхъ, при чемъ предполагается, что все это пройдено, что все это должно быть понято и усвоено, и что все это должно быть начертано въ памяти каждаго ученика... Въ системѣ экзамена все какъ будто разсчитано на то, чтобы держать учениковъ въ нервномъ напряженіи, и не давать имъ времени одуматься и обмѣняться, дабы они всѣ свои силы, особливо же память, направили безъ отдыха на приготовленіе къ экзамену" [1]). И въ другомъ мѣстѣ: „Случается слышать о *варварствѣ* нѣкоторыхъ формъ новѣйшей культуры. Не мудрено отнесть къ этому разряду, въ области педагогіи, наши экзамены. Жестокая и бездушная форма ихъ образовалась и развилась нераздѣльно съ новѣйшимъ вырожденіемъ нашей школы, во всѣхъ ея степеняхъ... Экзаменъ означаетъ *испытаніе*. Испытаніе въ истинномъ педагогическомъ смыслѣ предполагаетъ личное отношеніе къ тому, кого испытываютъ, требуетъ спокойнаго отношенія къ дѣлу, разума, терпѣнія и времени. А времени очень мало для испытанія цѣлой массы, по одиночкѣ; для спокойствія же и терпѣнія — условія самыя неблагопріятныя. Остается примѣнить къ испытанію механическую формулу вопросовъ, взятыхъ или выдергиваемыхъ изъ программы каждаго предмета. Это признается кратчайшимъ способомъ повѣрки *знаній*, вынесенныхъ учениками изъ годичныхъ курсовъ. Этой повѣркѣ подвергается масса: экзаминатору нѣтъ дѣла до личности ученика. Самъ, приведенный въ нервное состояніе механической работой, онъ выдергиваетъ вопросы, на которые долженъ отвѣчать ученикъ. А ставить вопросы — дѣло искусства, нераздѣльнаго съ наблюденіемъ за тѣмъ, кому вопросы предлагаются: для такого наблюденія большею частію нѣтъ ни способностей, ни времени. Выходитъ нѣчто подобное прикидыванію мѣрки роста на рекрута. Въ пять минутъ можно справиться съ каждымъ, предложивъ ему нѣсколько вопросовъ: если молчитъ или неладно отвѣтитъ, или не припомнитъ названіе царя, города, рѣки или цифру года, стало быть не годится—

---

[1]) *К. П. Побѣдоносцевъ*, Ученье и учитель. Педагогическія замѣтки. Вторая книжка. М. 1904.

разсуждать нечего. Значитъ ли это, что экзамены не нужны? нѣтъ, они нужны, они полезны, они могутъ возбуждать школу и оживлять учебное дѣло, но лишь въ томъ случаѣ, когда сама школа *живетъ*, а не является только неодушевленнымъ механизмомъ программнаго обученія. Когда учитель знаетъ своихъ учениковъ, различая ихъ поименно, т. е. по способности и свойству каждаго, когда ученье въ школѣ не томитъ учениковъ, но привлекаетъ ихъ живымъ интересомъ и желаніемъ понимать и думать,—тогда экзаменъ пріобрѣтаетъ и для учителя, и для ученика живой интересъ и получаетъ видъ праздника, вѣнчающаго учебное дѣло" [1]).

Противъ существующей постановки экзаменовъ высказалась и Высочайше учрежденная комиссія 1900 г. въ лицѣ особой подкомиссіи, спеціально для разсмотрѣнія вопроса образованной. Эта подкомиссія признала подлежащими отмѣнѣ переводные экзамены во всѣхъ классахъ, оставивъ ихъ только для малоуспѣвающихъ учениковъ, но не болѣе, какъ по двумъ предметамъ, а цѣлью выпускныхъ испытаній поставила изслѣдовать развитіе учениковъ и пониманіе ими главнѣйшихъ познаній, пріобрѣтаемыхъ учениками [2]). Предположенія подкомиссіи, въ существенной части, были приняты министерствомъ и проведены въ школьную практику, но такая практика продолжалась лишь нѣсколько лѣтъ, послѣ чего отмѣненные экзамены были возстановлены.

Слѣдуетъ сказать, что есть обстоятельство, препятствующее дать экзаменамъ тотъ педагогическій характеръ, который попытался имъ сообщить Яновскій въ учебномъ округѣ, которымъ онъ завѣдывалъ. Обстоятельство это заключается въ томъ, что окончаніе курса въ нѣкоторыхъ классахъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній предоставляетъ учащимся извѣстныя права (по службѣ, по отбыванію воинской повинности, по поступленію въ учебныя заведенія). Раздавая эти права, учебныя заведенія выходятъ изъ чисто-педагогической сферы и исполняютъ несвойственныя имъ административныя функціи. Такое совмѣщеніе задачъ, весьма обременительное для учебныхъ заведеній, служитъ источникомъ постоянныхъ коллизій между ними и тѣми учрежденіями, гдѣ окончившіе курсъ примѣняютъ пріобрѣтенныя ими права. Это обстоятельство обязываетъ къ особенной осмотрительности относительно

---

[1]) *К. П. Побѣдоносцевъ*, Ученье и учитель. Педагогическія замѣтки. Изд. 3-е. М. 1901.

[2]) Труды Высочайше учрежденной комиссіи по вопросу объ улучшеніяхъ въ средней школѣ. Вып. I. С.-Пб. 1900.

экзаменовъ. Какъ скоро экзаменъ приноситъ или дарованіе правъ, или лишеніе ихъ, то онъ пріобрѣтаетъ въ значительной степени характеръ юридическій, обязывающій къ соблюденію извѣстныхъ формъ и обрядовъ, противъ которыхъ съ педагогической точки зрѣнія можно возражать. Поэтому нельзя не желать скорѣйшаго освобожденія среднихъ учебныхъ заведеній отъ производства испытаній, имѣющихъ государственный характеръ, какъ освобождены начальныя училища и университеты. Педагогическіе идеалы не осуществимы въ заведеніяхъ, куда поступаютъ для пріобрѣтенія правъ, гдѣ поэтому многіе воспитанники и учатся лишь на столько, чтобы не быть лишенными этихъ правъ.

Возвращаясь къ вопросу о значеніи экзаменовъ, какъ контрольнаго орудія, необходимо указать на то обстоятельство, что экзамены въ своей существующей формѣ значительно уклонились отъ типа, который они имѣли при первоначальномъ ихъ введеніи, и уклонились, по нашему мнѣнію, совершенно не въ пользу для существа дѣла. По первоначальной мысли министерства, экзамены должны производиться отнюдь не тѣми учителями, которые вели преподаваніе по предмету испытанія, но приглашаемыми со стороны образованными людьми, и только въ случаѣ неимѣнія таковыхъ въ наличности, членами учительской корпораціи. Циркулярнымъ предложеніемъ министерства 8-го іюля 1810 г. установлялось, въ видахъ „совершеннаго удостовѣренія въ успѣхахъ учениковъ“, чтобы „не сами учителя экзаменовали учениковъ, а постороннія лица, гдѣ есть свѣдущія въ наукахъ, гдѣ же нѣтъ— по крайней мѣрѣ не тѣ учители, которые обучали учениковъ наукѣ, въ коей испытаніе производится, но обучающіе другимъ предметамъ, также директоры и смотрители“ [1]). Уставъ 1828 г. измѣнилъ этотъ порядокъ, замѣнивъ приглашеніе стороннихъ лицъ обязательнымъ присутствіемъ на экзаменахъ почетныхъ смотрителей и попечителей по принадлежности. Но участіе этихъ лицъ, въ извѣстной степени отвѣтственныхъ за состояніе заведеній, при которыхъ они состоятъ, не могло по своему значенію равняться производству экзаменовъ сторонними образованными лицами. По нынѣ дѣйствующимъ правиламъ, учитель, ведшій преподаваніе въ классѣ, состоитъ экзаминаторомъ, и при томъ стоящимъ въ привилегированномъ положеніи съ другими членами комиссіи, производящей испытанія, такъ какъ выведенный учителемъ ученику баллъ за годичныя занятія является рѣшающимъ многія сомнѣнія, порождаемыя испытаніемъ. Мы видимъ здѣсь не-

---

[1]) Сборникъ распоряженій по мин. нар. пр. I т. 2 изд. С.-Пб. 1898.

удобства двоякаго рода. Во-первыхъ, учитель является здѣсь судьей въ собственномъ дѣлѣ. Вѣдь какъ ни смотрѣть на экзамены, во всякомъ случаѣ удачный экзаменъ дѣлаетъ учителю честь, а всякіе провалы на экзаменахъ не могутъ не бросать тѣни на достоинство преподаванія. Всѣмъ извѣстна педагогическая аксіома, разсуждалъ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія въ журналѣ 7-го апрѣля 1864 г., что у хорошаго учителя и учатся хорошо [1]). Въ интересахъ учителя въ извѣстной мѣрѣ затушевать недостатки отвѣтовъ, потому что они падаютъ на его голову. Съ какою корректностью ни производился бы экзаменъ, въ которомъ ведетъ его учитель, преподававшій предметъ, все же нельзя не признать, что интересы правды представляются здѣсь слишкомъ мало обезпеченными; ибо никто не врагъ себѣ. И едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что экзамены вообще производятся менѣе серьезно, чѣмъ слѣдовало бы. На это имѣются многочисленныя доказательства. 8-го апрѣля 1863 г. министръ народнаго просвѣщенія докладывалъ Государю Императору, что выпускные экзамены въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ производятся крайне слабо, и при выдачѣ аттестатовъ объ окончаніи курса допускается слишкомъ большая снисходительность. Случалось, что родители выходящихъ изъ гимназіи молодыхъ людей сами замѣчали, что сыновья ихъ не заслуживаютъ полученныхъ на экзаменахъ одобрительныхъ отмѣтокъ, а воспитанники гимназій хотя и бываютъ довольны такою снисходительностію, но тѣмъ не менѣе понимаютъ несправедливость и отзываются съ неуваженіемъ о своихъ наставникахъ. Министръ прибавлялъ, что нѣкоторые профессоры университетовъ сами говорили ему, что изъ числа молодыхъ людей, окончившихъ гимназическое воспитаніе и получившихъ одобрительные аттестаты, многіе совершенно не приготовлены для слушанія университетскихъ лекцій и должны бы продолжать ученье въ гимназіи [2]). Прошло 37 лѣтъ, и тѣ же рѣчи слышались въ Высочайше учрежденной комиссіи 1900 г., несомнѣнно указывая на присущій экзаменамъ органическій порокъ, препятствующій имъ быть безупречными относительно справедливости. Вотъ что заявлялъ напр. представитель военнаго вѣдомства генералъ-лейтенантъ Макаровъ. Около 20% молодыхъ людей съ гимназическими аттестатами, поступающихъ въ военно-медицинскую академію, увольняются

---

[1]) Сборникъ распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія, т. III. С.-Пб. 1867.

[2]) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, т. III. Изд. 2. С.-Пб. 1876.

изъ академіи съ первыхъ двухъ курсовъ по неспособности ихъ дальше продолжать образованіе; между тѣмъ какъ въ академію поступаютъ по конкурсу аттестатовъ, т. е. молодые люди, кончившіе гимназію съ отличіемъ. Къ этому генералъ Макаровъ прибавилъ, что, по отзыву профессоровъ Московскаго техническаго училища, абитуріенты средней школы поражаютъ недостаточностію, а иногда и убожествомъ своего развитія [1]). Во-вторыхъ, преобладающая роль учителя, который велъ преподаваніе, въ оцѣнкѣ результатовъ преподаванія, лишаетъ экзамены почти вполнѣ ихъ значенія контрольнаго орудія. Члены учебной корпораціи связаны такими тѣсными взаимоотношеніями, которыя дѣлаютъ для нихъ крайне неудобными взаимныя пререканія и столкновенія. Поэтому солидарность есть характерная черта этихъ корпорацій. Только за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, когда эта солидарность отсутствуетъ, экзаменъ является актомъ, санкціонирующимъ педагогическіе пріемы и требованія учителя. А такъ какъ преподаваніе, суммирующееся въ задаваніи и спрашиваніи уроковъ, составляетъ самый распространенный типъ отношенія учителей къ своему дѣлу, то экзамены въ настоящей своей формѣ въ высшей степени благопріятствуютъ усиленію школьнаго зубренія. Въ виду всего сказаннаго, намъ кажется, что еслибъ экзамены сохранили характеръ, какой они имѣли въ эпоху учрежденія министерства народнаго просвѣщенія, порокъ зубренія не достигъ бы такого развитія, какъ мы наблюдаемъ теперь. Участіе въ экзаменѣ постороннихъ лицъ давало бы ему дѣйствительно значеніе контроля, который относился бы къ порокамъ школы строже, чѣмъ тѣ лица, которыя волей-неволей содѣйствуютъ ихъ развитію. На этой точкѣ, какъ намъ кажется, стоялъ нашъ незабвенный К. П. Яновскій, возстановившій въ своихъ правилахъ объ испытаніяхъ институтъ приглашенія экзаминаторовъ со стороны, хотя и въ крайне ограниченной области (только въ экзаменахъ по искусствамъ).

XIV.

На этомъ мы заканчиваемъ нашу рѣчь объ условіяхъ, благопріятствующихъ развитію школьнаго зубренія. Мы не коснулись многихъ изъ нихъ, потому что условія эти, можно сказать, неисчислимы. Все, что обращаетъ живое дѣло обученія въ мертвящую формальность, что превращаетъ одушевленную, жизнерадостную учебную работу въ

---

[1]) Труды Высочайше учрежденной комиссіи по вопросу объ улучшеніяхъ въ средней школѣ. Вып. I. С.-Пб. 1900.

подневольный, подавляющій трудъ, зависитъ ли это отъ внѣшней обстановки школы, отъ ошибокъ въ ея организаціи или отъ личности учащихъ, все это прямо или косвенно ведетъ къ механизаціи обученія и, слѣдовательно, къ перенесенію центра тяжести ученья изъ глубины духа ко внѣшнимъ формамъ, къ замѣнѣ работы мысли работой памяти и языка. Но въ нашу задачу и не входило разсмотрѣніе всѣхъ подобныхъ условій,—она ограничивалась выясненіемъ основной причины зла, съ устраненіемъ которой только и можно надѣяться на успѣшную борьбу съ школьнымъ зубреніемъ. Эта основная причина школьнаго зубренія заключается, какъ видно изъ нашего изложенія, въ несоотвѣтствіи количества учебнаго матеріала съ количествомъ времени, которымъ располагаетъ преподаваніе для педагогической обработки этого матеріала.

Путь, которымъ можетъ быть достигнуто требуемое равновѣсіе, подсказывается самымъ существомъ дѣла. Очевидно, что необходимо или прибавить учебнаго времени или убавить учебнаго матеріала, или прибѣгнуть къ тому и другому средству вмѣстѣ.

Самымъ естественнымъ путемъ представляется рѣшеніе вопроса въ первомъ смыслѣ. Если бы преподаваніе располагало достаточнымъ временемъ, то и при существующихъ задачахъ обученія оно могло бы быть поставлено педагогично. Въ приведенномъ выше мнѣніи директора Рижской гимназіи, какъ въ нѣкоторыхъ заявленіяхъ другихъ членовъ Высочайше учрежденной комиссіи 1900 г., очевидно проскальзывало желаніе возврата къ прежде практиковавшейся нормѣ продолжительности отдѣльныхъ уроковъ въ $1^1/_4$ часа. Однакожъ такая мѣра представляется совершенно неосуществимой. Сокращеніе продолжительности уроковъ послѣдовало въ виду точно установленнаго наукою положенія, что свыше $^3/_4$ часа подъ рядъ дѣти школьнаго возраста не могутъ выносить тягости умственнаго труда, и что всякое превышеніе этой нормы ведетъ къ изнуренію дѣтей, не принося существенной пользы обученію. Таково общепринятое теперь положеніе школьной гигіены, установленное на I международномъ гигіеническомъ конгрессѣ въ 1904 г. Къ этому надо прибавить, что удлиненіе времени отдѣльныхъ уроковъ вело бы неминуемо къ увеличенію общей продолжительности учебныхъ курсовъ, можетъ быть, на нѣсколько лѣтъ, такъ какъ при этомъ преграждалась бы возможность на отдѣльные дни назначать болѣе 4 уроковъ. Но о продленіи существующей нормы продолжительности курсовъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ и эта норма повсемѣстно признается тягостной.

Но если невозможно увеличить продолжительности отдѣльныхъ уроковъ, то вполнѣ возможно выиграть не малое количество времени путемъ болѣе цѣлесообразнаго его использованія. Какъ мы видѣли, на каждомъ урокѣ учитель теряетъ приблизительно 10 минутъ на такое спрашиваніе учениковъ, которое для успѣха преподаванія не нужно, но которое вызывается посторонними соображеніями, вытекающими изъ обязанности выставлять за отвѣты отмѣтки. Съ отмѣной обязательности отмѣтокъ, эти десять минутъ могли бы быть употребляемы на полезную педагогическую работу, что приблизительно на 50% повышало бы норму времени, которымъ располагаетъ учитель для объясненія задаваемыхъ уроковъ.

Отмѣна переводныхъ испытаній дала бы дальнѣйшее повышеніе коэффиціента полезнаго времени. Въ настоящее время учебный годъ считается въ 30 недѣль. Отмѣна переводныхъ испытаній дала бы лишнихъ по крайней мѣрѣ 3 недѣли, слѣдовательно давала бы еще выигрыша во времени на 10%.

Но и за всѣмъ тѣмъ вопросъ не былъ бы разрѣшенъ радикально. Несоотвѣтствіе между учебными задачами и временемъ, назначеннымъ для ихъ исполненія, столь значительно, что безъ извѣстнаго упрощенія этихъ задачъ едва ли возможно установленіе нормальнаго порядка вещей. Такимъ образомъ пересмотръ учебныхъ программъ и принятыхъ учебниковъ является, по нашему мнѣнію, существенною потребностію школы.

Вл. Фармаковскій.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХЪ *).

Кл. Лукашевичъ. Какъ жилъ и что писалъ М. Ю. Лермонтовъ. Для раздачи учащимся. Москва. 1914 г. Стр. 178. Цѣна 40 коп.

Книга г-жи Лукашевичъ заключаетъ въ себѣ вступительный очеркъ о Лермонтовѣ и хрестоматію изъ произведеній его. Несомнѣнно, что книга составлена наспѣхъ и небрежно.

Во вступительномъ очеркѣ замѣчается цѣлый рядъ ошибокъ. Такъ, мы здѣсь, къ изумленію своему, читаемъ (стр. 14), что англичанинъ Виндсонъ былъ преподавателемъ благороднаго пансіона, хотя онъ, въ сущности, былъ гувернеромъ поэта (ср. академическое изданіе сочиненій Лермонтова, т. V, стр. XXI). Страннымъ кажется, что г-жа Лукашевичъ приписываетъ Лермонтову какое-то стихотвореніе „Поэту", смѣшивая его со стих. „На смерть поэта" (стр. 26). Совершенно невѣрна фраза, которую авторъ помѣстилъ послѣ сообщенія о ссылкѣ Лермонтова на Кавказъ въ 1837 г.: „Здѣсь, на Кавказѣ, онъ написалъ своего „Демона", „Кавказскаго плѣнника", „Мцыри" и много другихъ прекрасныхъ произведеній. Первое пребываніе Лермонтова на Кавказѣ длилось всего нѣсколько мѣсяцевъ" (стр. 28). Здѣсь обнаружено полное незнаніе хронологіи произведеній поэта: первый очеркъ „Демона" относится къ 1829 г., о чемъ авторъ совершенно не упоминаетъ; „Кавк. плѣнникъ" написанъ въ 1828 г., т. е., на девять лѣтъ раньше, чѣмъ думаетъ г-жа Лукашевичъ; „Мцыри" созданы въ 1840 г.,—слѣдовательно, гораздо позже первой ссылки на Кавказъ. Невѣрно также, что въ 1840 г. „*по пути* въ ссылку юноша (т. е. Лермонтовъ) написалъ чудное обращеніе къ

*) Отзывы, отмѣченные звѣздочкою, составлены для ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, какъ по основному его отдѣлу, такъ и по отдѣлу начальнаго образованія, а также и по отдѣлу техническихъ и промышленныхъ училищъ.

„Тучкамъ“ (стр. 28). Оно было написано *предъ* отправленіемъ въ путь (Лермонтовъ, т. V, стр. XCII).

Разумѣется, авторъ не преслѣдуетъ научныхъ цѣлей, требующихъ особой точности отъ изслѣдователя. Но едва ли полезно давать въ руки ученикамъ, не могущимъ отнестись критически къ книгѣ, эту полную ошибокъ работу.

Неудачнымъ намъ кажется и выборъ произведеній Лермонтова, сдѣланный г-жей Лукашевичъ.

Прежде всего, не вполнѣ понятенъ порядокъ, въ которомъ размѣщены стихотворенія. Очевидно, авторъ, не придерживаясь хронологической послѣдовательности, расположилъ ихъ въ зависимости отъ мотивовъ, разработанныхъ въ нихъ,—и это вполнѣ разумно въ подобной хрестоматіи. Но, въ такомъ случаѣ, непонятно, почему стих. „На рожденіе сына у А. И. Лопухина“ и „Ребенку“ находятся среди стихотвореній, посвященныхъ войнѣ, а „Дубовый листокъ“ и „Три пальмы“—отдѣльно отъ тѣхъ, въ которыхъ выясняется отношеніе Лермонтова къ природѣ.

Напрасно также, кажется намъ, помѣщать такія мало интересныя произведенія, какъ „Поле Бородино“, „Св. Елена“, „Панорама Москвы“, когда пропущены „Зачѣмъ я не птица“, „Отворите мнѣ темницу“ и др., болѣе подходящія. Все это заставляетъ насъ признать, что и вторая часть книги г-жи Лукашевичъ почти такъ же неудачна, какъ и первая.

Б. Нейманъ.

**Г. Зоргенфрей и К. Тюлеліевъ.* JANUA RESERATA LINGUAE LATINAE. Фразы и статьи для практическаго усвоенія латинскаго синтаксиса. Курсъ V и VI классовъ мужскихъ гимназій. Книгоизд. т-во „Просвѣщеніе“. Петроградъ 1914. Стр. IV+262 стр. Цѣна 1 р.

Извѣстные въ учебной литературѣ педагоги гг. Зоргенфрей и Тюлеліевъ собрали матеріалъ для перевода съ русскаго языка на латинскій въ V и VI классахъ гимназій, при чемъ пользовались извѣстными нѣмецкими книгами Остерманъ-Мюллера, Клауке, Тегге и другими.

Въ предисловіи они высказываютъ мысль,—вполнѣ раздѣляемую мною,—что въ указанныхъ классахъ слѣдуетъ посвятить изученію латинскаго синтаксиса особые уроки, а именно въ V кл.—2 урока въ недѣлю въ первомъ и 1 урокъ въ недѣлю во второмъ полугодіи и въ VI кл.—по одному уроку въ недѣлю.

Имѣя въ виду, что благодаря реформѣ генералъ-адъютанта Ванновскаго преподаватель латинскаго языка имѣетъ въ своемъ распоряженіи весьма ограниченное число уроковъ, составители учебника задались скромною цѣлью, а именно дать ученикамъ матеріалъ для усвоенія лишь самыхъ элементарныхъ правилъ латинскаго синтаксиса, легкія фразы и нетрудныя статьи почти исключительно повѣствовательнаго характера (стр. IV).

Всецѣло одобряя эту точку зрѣнія составителей, я—именно въ силу этого ограниченія задачи, которую они себѣ поставили—на ихъ мѣстѣ не рѣшился бы озаглавить учебникъ „Janua reserata linguae latinae", такъ какъ это заглавіе можетъ ввести въ заблужденіе читателя. Конечно, духа латинскаго языка ученики не познаютъ при помощи нашего учебника, и я рекомендовалъ бы нѣсколько видоизмѣнить заглавіе, вставивъ между „reserata" и „linguae" слово „vestibuli" и создавъ такимъ образомъ полное соотвѣтствіе между названіемъ книги и ея содержаніемъ.

Что касается выполненія плана гг. Зоргенфрея и Тюлеліева, то скажу безъ колебанія, что ихъ книга—цѣнное обогащеніе нашей учебной литературы, и я не сомнѣваюсь, что она сослужитъ службу нашей классической гимназіи и въ рукахъ умѣлаго преподавателя посодѣйствуетъ прочному усвоенію элементовъ латинскаго синтаксиса.

Но, конечно, въ учебникѣ, выходящемъ въ первомъ изданіи, не можетъ не быть шероховатостей и частичныхъ недостатковъ. Нѣкоторые изъ нихъ будутъ мною указаны.

Отдѣлъ I „Повтореніе курса IV класса" занимаетъ лишь двѣ странички. Я предложилъ бы или совсѣмъ выкинуть этотъ отдѣлъ или—лучше—расширить его значительно. Врядъ ли ученики много вынесутъ изъ перевода одной фразы на partic. coniunct. въ § 3 или одной фразы на partic. fut. act. въ § 6 и т. д. Также я нѣсколько дополнилъ бы отдѣлы, касающіеся опредѣленія мѣста и мѣстоименія возвратнаго, и прибавилъ бы отдѣльный § для усвоенія другихъ мѣстоименій, особенно неопредѣленныхъ и указательныхъ. Но наиболѣе нуждается въ расширеніи заключительный отдѣлъ „Фразеологія въ связи съ синонимикой". Включеніе этого отдѣла въ составъ книги я считаю счастливою мыслью, но его слѣдуетъ дополнить цѣлымъ рядомъ новыхъ группъ, какъ фразеологическихъ, такъ особенно синонимическихъ. Что касается первой категоріи, то хотя бы учебникъ Остерманъ-Мюллера, извѣстный составителямъ, дастъ имъ богатый матеріалъ для дополненій. Изъ синонимовъ же недостаетъ такихъ, на-

примѣръ, важныхъ группъ, какъ aut, vel, ve, sive; paene, fere, prope; at, sed, autem, vero; et, que, atque; ita, sic, tam, adeo; erga, contra, adversus; cis, citra, ultra, trans; cupere, optare, velle; vicinus, finitimus; cognatus, affinis, necessarius; mors, nex, caedes; videre, cernere, intueri, contemplari, spectare; terra, humus, solum; fructus, fruges; metuo, timeo, paveo, horreo, vereor; vir, conjux, femina, mulier, uxor; necesse est, oportet, decet, debeo, opus est, gerundium; urbs, oppidum, civitas; civitas, respublica, regnum, dominatio, imperium; murus, paries, moenia; antiquus, vetus, vetustus, priscus, pristinus; amnis, fluvius, flumen, rivus; pauper, egens, inops, miser; adipisci, assequi, nancisci.

Если составители затруднились бы увеличить объемъ книги, то они могли бы, какъ мнѣ кажется, сократить статью о косвенной рѣчи, занимающую 27 страницъ [1]).

Далѣе, я рекомендовалъ бы авторамъ учебника тщательно пересмотрѣть русскій текстъ фразъ для перевода. Изъ желанія облегчить ученикамъ задачу и навести ихъ на латинскій оборотъ они грѣшатъ противъ правильности или изящности русскаго стиля. Приведу примѣры.

Стр. 3: „Цезарь уговариваетъ Думнорига, *чтобы* онъ . . . избѣгалъ . . . “

Стр. 25: „*Послѣ одержанной побѣды* Александръ послалъ Парменіона . . . “

Стр. 47: „Если это такъ устроено судьбой, чтобы я, который побѣдилъ римскій народъ въ столь многихъ битвахъ, самъ пришелъ просить мира, то я радъ, что рокомъ назначенъ мнѣ именно ты, котораго я долженъ просить“.

Стр. 80. Въ § 55 *новая* статья начинается словами „*Остальные* нубійцы поздравляли Ганнибала . . . . . “. „Напротивъ Магарбалъ . . . . . сказалъ . . . . . “. Это—очень нехорошій латинизмъ!

Стр. 80: „Историкъ Ливій сообщаетъ, что Ганнибалъ отказался отъ этого плана, потому что онъ показался ему слишкомъ *важнымъ*, и онъ не могъ его сразу *обнять*“.

Стр. 83: „Нужно созвать *отцовъ* въ курію“. Слѣдовало сказать „сенатъ“.

Стр. 85: „Своей рѣчью Цицеронъ *помѣшалъ* судьямъ осудить на смерть за отцеубійство Секста Росція“.

---

[1]) Кстати на стр. 260 слѣдовало бы разъяснить разницу между senatus consultum и senatus auctoritas.

Стр. 136: „Катилина, созвавъ солдатъ на сходку, ободрялъ ихъ такой рѣчью". Лучше было бы сказать: „Созвавъ солдатъ на сходку, Катилина . . . . . ."

Стр. 149: „*Пріятно узнать*, какъ поступилъ . . . . . Камиллъ . . . . . ."

Стр. 153: „Алкивіадъ . . . утверждалъ, что *онъ, если они желаютъ, заставитъ* Лизандра или сражаться или просить мира . . .".

Стр. 153: „онъ понравился своей доблестью, а не *за* подлость"; . . . . . „Адгербалъ угрожалъ его жизни, а, когда онъ это узналъ, онъ *пошелъ навстрѣчу преступленію*".

Стр. 154: „римскій народъ поступитъ несправедливо, если *исключитъ его изъ международнаго права*".

Затѣмъ, не могу не выразить пожеланія, чтобы авторы учебника обратили вниманіе на правила объ употребленіи въ латинскомъ языкѣ *именъ собственныхъ* и на транскрипцію ихъ.

Мы читаемъ на стр. 9 Лизандръ, Агезилай; на стр. же 14 Діонисій, на стр. 22 Павзаній, на стр. 148 Ѳразибулъ; слѣдовало бы вездѣ писать „с".

На стр. 9 Агисъ, на стр. 10 Нектанабидъ.

На стр. 9 Гераклъ, на стр. 23 Геркулесъ; само собою разумѣется, послѣдняя форма заслуживаетъ предпочтенія.

На стр. 7 Птоломей вмѣсто Птолемей.

На стр. 79 Клеонтъ вмѣсто Клеонъ.

Затѣмъ, слѣдуетъ избѣгать сочетанія nomen+cognomen, котораго нельзя считать классическимъ; римляне говорили M. Tullius Cicero, M. Cicero, Tullius или Cicero, но не Tullius Cicero. Между тѣмъ мы на стр. 74 читаемъ: Эмилій Павелъ, на стр. 89 Децій Мусъ, на стр. 91 Муцій Сцевола.

Корректура авторами читалась внимательно; кромѣ отмѣченныхъ на стр. VI опечатокъ, я другихъ почти не замѣтилъ.

А. Брокъ.

**Н. Каменьщиковъ.* Сокращенный курсъ космографіи. Съ 83 рисунками и приложеніемъ статей: „Что могъ наблюдать на небѣ"?, „Простѣйшія наблюденія" и звѣздной карты. Учебникъ для среднихъ учебныхъ заведеній. С.-Пб. 1914. Стр. VI+2 нен.+110+1 карта. Цѣна 70 к.

Авторъ предназначаетъ свою книгу для тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ математическая подготовка учащихся весьма невелика или гдѣ отводится не болѣе одного часа въ недѣлю на преподаваніе космографіи.

Внѣшность изданія весьма хороша и изложеніе въ большинствѣ случаевъ просто и ясно. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ сожалѣть, что въ книгѣ оказалось довольно большое число крупныхъ промаховъ, тѣмъ болѣе удивительныхъ, что это—уже второй учебникъ по космографіи, составленный авторомъ. Прибавлю еще, что большинство этихъ промаховъ могли бы быть совершенно легко устранены, такъ что у меня осталось такое впечатлѣніе, что авторъ просто поспѣшилъ съ опубликованіемъ своей книги, не давъ себѣ труда пересмотрѣть ее еще разъ.

Такъ напр. на стр. 2 читаемъ: „Земля шарообразна. Доказательства этому слѣдующія: 1) кругосвѣтныя путешествія показываютъ, что Земля есть нѣкоторое ограниченное со всѣхъ сторонъ тѣло, свободно находящееся въ пространствѣ, т. е. не имѣющее никакихъ опоръ“.

А если бы земля представляла собою конусъ или цилиндръ, стоящій на подставкѣ, то развѣ кругосвѣтныя путешествія не были бы возможны?

Ibid. „3. По мѣрѣ поднятія наблюдателя видимый горизонтъ расширяется. Т. е. чѣмъ выше подниматься, тѣмъ видимая часть земной поверхности больше, что можетъ имѣть мѣсто только (sic!) въ томъ случаѣ, если Земля имѣетъ шарообразную форму“.

Неужели? А если земля была бы конусомъ или эллиптическимъ параболоидомъ или двуполымъ гиперболоидомъ, то этого бы не было?

Стр. 3. „4. Линія видимаго горизонта всегда имѣетъ видъ окружности, что наблюдается *вездѣ въ любомъ мѣстѣ на Землѣ*“.

Сомнѣваюсь, чтобы это наблюдалось въ *любомъ* мѣстѣ на землѣ.

Стр. 10. На фиг. 12 почему-то французскія надписи.

Стр. 13. „Если провести мысленно линію перпендикулярную къ плоскостямъ, въ которыхъ совершается это видимое суточное перемѣщеніе звѣздъ, то мы получимъ ось вращенія небеснаго свода, такъ называемую ось міра“.

Такимъ образомъ авторъ учитъ, что любая прямая, перпендикулярная къ плоскостямъ, въ которыхъ обращаются звѣзды, есть ось міра!

Стр. 15. Опредѣленіе небесной сферы не полно: не сказано, гдѣ ея центръ.

Стр. 22. „Звѣздныя сутки, основанныя на видимомъ суточномъ движеніи звѣздъ, несмотря на ихъ (сутокъ или звѣздъ?) точность, въ практической жизни людей мало пригодны“ и т. д.

Что хотѣлъ авторъ сказать словомъ „точность“, непонятно мнѣ, а думаю—и ему самому.

Стр. 31. „Плоскость горизонта вслѣдствіе вращенія Земли *опускается* на востокѣ, а на западѣ *поднимается*“ и т. д.

Какъ можно говорить о подниманіи и опусканіи по отношенію къ явленіямъ въ пространствѣ, гдѣ нѣтъ ни верха, ни низа!

Стр. 36—37. „Плоскость земного экватора всегда наклонена къ плоскости эклиптики подъ угломъ въ $23^1/_2{}^0$, а слѣдовательно (sic!) ось Земли при этомъ движеніи всегда остается параллельной самой себѣ“ и т. д.

Неужели авторъ не видитъ, что одного постоянства угла между эклиптикой и экваторомъ недостаточно для постоянства направленія земной оси, и это постоянство доказывается совсѣмъ инымъ способомъ?

Стр. 22. „Движеніе Земли вокругъ солнца неравномѣрно: зимой Земля движется скорѣе, а лѣтомъ медленнѣе. Это мы замѣчаемъ (?) по видимому смѣщенію Солнца за сутки по эклиптикѣ: зимой оно больше, а лѣтомъ меньше.

Также угловой радіусъ солнца зимой больше, а лѣтомъ меньше, т. е. Солнце зимою къ намъ ближе, нежели лѣтомъ. Кромѣ того, Земля, какъ всякая планета, при своемъ движеніи вокругъ Солнца подчиняется опредѣленнымъ законамъ (см. Законы Кеплера, § 37). Изъ всего этого выходитъ (?) что орбита Земли, т. е. путь ея вокругъ Солнца не есть точный кругъ (sic!), а эллипсъ“.

Я прямо затрудняюсь понять, что хотѣлъ здѣсь сказать авторъ. Не говоря уже объ удивительномъ „точномъ“ и „не точномъ“ кругѣ, спрашивается, какимъ образомъ по одному *видимому* смѣщенію солнца можно заключать о скорости *истиннаго* движенія земли. Далѣе, если авторъ желалъ ссылаться на законы Кеплера (NB помѣщенные *послѣ* этой цитаты), то тогда нечего было ссылаться на скорость движенія земли и видимое движеніе солнца, а если не считать законовъ Кеплера извѣстными, то приведенныхъ авторомъ данныхъ недостаточно, чтобы установить форму земной орбиты.

Стр. 55. „Неправильность и сложность системы Птоло(е)мея была настолько очевидна, что это отмѣтили еще древніе астрономы; но несмотря на это она продолжалась вплоть до Коперника, т. е. около $1^1/_2$ тысячи лѣтъ“.

Читатель въ правѣ сказать: какіе же глупые люди были астрономы, что въ теченіе полуторы тысячи лѣтъ удерживали явно неправильную

систему. Въ дѣйствительности, конечно, г. Каменьщиковъ забываетъ прибавить, что эта система была единственная извѣстная и давала возможность довольно удовлетворительно предсказывать движеніе извѣстныхъ тогда небесныхъ тѣлъ.

Б. Кояловичъ.

**Н. Г. Лексинъ*, наставникъ Казанской учительской семинаріи и преподаватель на педагогическихъ курсахъ для подготовки учителей и учительницъ среднихъ учебныхъ заведеній при управленіи Казанскаго учебнаго округа. Методика начальной ариѳметики въ духѣ воспитывающаго обученія. Методическія указанія и примѣрные наглядно-лабораторные уроки. Первый концентръ разработанъ примѣнительно къ идеямъ Лая. Пособіе для начинающихъ учителей и учительницъ. Казань. 1914. Стр. 303. Цѣна 1 р. 20 коп.

„Вмѣсто предисловія" къ разсматриваемой книгѣ, авторъ разсказываетъ, при какихъ обстоятельствахъ „настоящее руководство возникло". Въ концѣ 1909 г., когда появился переводъ „Руководства къ первоначальному обученію ариѳметикѣ" *В. А. Лая*, г. Лексинъ „былъ наставникомъ въ П—ой учительской семинаріи". Несмотря на то, что названная книга Лая „слишкомъ суха и отвлеченна, во многихъ случаяхъ даже слишкомъ трудна для пониманія учителей, и особенно для тѣхъ, которые не прошли спеціально педагогической школы" (стр. 4), появленіе ея „было встрѣчено авторомъ и воспитанниками съ такимъ интересомъ, что всѣ они тотчасъ же принялись ее штудировать" (стр. 6). Самъ онъ, вмѣстѣ съ воспитанниками старшаго класса, въ началѣ 1910—1911 учебнаго года задумалъ было даже „примѣнить методъ Лая на дѣлѣ въ образцовой при семинаріи школѣ", но въ сентябрѣ былъ перемѣщенъ въ Казанскую татарскую учительскую школу, гдѣ въ первый учебный годъ успѣлъ только познакомить выпускной классъ съ „общими методическими положеніями Лая" и, въ качествѣ „иллюстрацій", дать не болѣе 20 уроковъ въ младшемъ отдѣленіи татарскаго образцоваго училища при школѣ (стр. 6—7). Лѣтомъ 1911 г. авторъ уже „демонстрировалъ методъ" Лая на краткосрочныхъ педагогическихъ курсахъ въ г. Ардатовѣ; въ 1911—12 учебномъ году „обученіе ариѳметикѣ по методу Лая было проведено полностью чрезъ весь учебный годъ" (стр. 7); лѣтомъ 1912 г. авторъ снова „демонстрировалъ" Лая на курсахъ въ г. Уржумѣ, а лѣтомъ 1913 г. демонстраціи произведены были имъ уже въ двухъ городахъ— Глазовѣ и Нолинскѣ. Тѣмъ временемъ авторъ перешелъ въ Казанскую инородческую учительскую семинарію и тамъ въ 1912—13 году

„лично велъ уроки“ по Лаю съ учениками младшаго отдѣленія вотской и черемисской школъ, а въ 1913—14 учебномъ году—съ учениками мордовской и чувашской школъ, при чемъ, самъ „не зная инородческихъ языковъ“, все-таки достигалъ „весьма хорошихъ результатовъ“ (стр. 8). Указанными опытами „убѣдившись въ томъ, что методъ обученія ариѳметикѣ по Лаю могъ бы привиться и въ нашихъ русскихъ начальныхъ школахъ, авторъ и задался цѣлью напечатать рядъ записанныхъ уроковъ по этой системѣ, именно такихъ уроковъ, которые можетъ *ставить* въ своей школѣ каждый сельскій учитель или учительница“ (стр. 9). „Примѣнительно къ идеямъ Лая“ разработаны только уроки въ предѣлѣ 10-ти; ибо, „хотя за предѣлами 10 и можно заниматься ариѳметикой по этой именно системѣ, однако въ этомъ нѣтъ особенной нужды“ (стр. 10), а лучше затѣмъ держаться „наглядно-лабораторной“ системы.

Планамъ и конспектамъ упомянутыхъ уроковъ отведено 18 страницъ (282—299) въ концѣ книги, а „психологическимъ основаніямъ излагаемаго метода обученія“ — всего 3 страницы (279—281), ибо авторъ признаетъ себя „не посвященнымъ въ тайны экспериментальной науки о дѣтяхъ“ (стр. 278) и, въ виду „своей некомпетентности въ области дѣтской психологіи, а также и психологіи вообще“, отсылаетъ читателя „къ книгамъ самого г. Лая, а именно къ его „Экспериментальной педагогикѣ“, „Экспериментальной дидактикѣ“ и „Руководству къ первоначальному обученію ариѳметикѣ“ (стр. 281). Остальная же часть сочиненія занята „бесѣдами“ болѣе или менѣе общаго характера, имѣющими то или иное отношеніе къ преподаванію ариѳметики.

„Прежде чѣмъ переходить къ изложенію основъ обученія начальной ариѳметикѣ“, авторъ счелъ необходимымъ „сказать нѣсколько словъ“ о сущности „воспитывающаго обученія“. Начавшій съ изреченія Рѣдкина: „Homo non nascitur, sed fit“, переведеннаго словами: „*Человѣкъ не родится, а воспитывается*“, г. Лексинъ пишетъ далѣе: „Нашъ девизъ *при обученіи* въ начальной школѣ *не ставить на первомъ планѣ сообщеніе знаній*, а развивать дѣтей *физически*, воспитывать ихъ умъ, облагораживать сердце, укрѣплять волю“ (стр. 13). Но успѣхъ такого воспитывающаго обученія „прежде всего и главнымъ образомъ кроется въ личности учителя“. Учитель для сего долженъ не только обладать „любвеобильнымъ сердцемъ“ (стр. 18), но и быть: а) „*солнцемъ*, которое постоянно вызываетъ къ жизни сѣмена растеній“: „Только въ рукахъ солнце-учителя дѣти будутъ вызваны

на общую дружную работу, разовьются, возмужаютъ, расцвѣтутъ духовно, а затѣмъ и плодъ принесутъ" (стр. 19—20); b) *„учитель-путешественникъ"*, но не въ смыслѣ постоянныхъ переходовъ изъ одной школы въ другую или переѣздовъ съ однихъ лѣтнихъ курсовъ на другіе, а потому, что „задача" его „заключается въ умѣньи вмѣстѣ съ учениками бодро и весело шагать впередъ" (стр. 25); c) *„учитель-художникъ"*: „Полотно—это умы и сердца учениковъ, а краски—это умственныя и нравственныя качества учителя, это его способность оказывать воспитательное воздѣйствіе на ввѣренныхъ ему школьниковъ. Картина же — это ученики въ зрѣломъ возрастѣ, это будущіе люди" (стр. 28); d) *„учитель-садовникъ и земледѣлецъ"*, ибо, между прочимъ, „его заботливое и теплое отношеніе къ дѣтямъ, къ ихъ интересамъ и запросамъ можетъ быть совершенно уподоблено орошенію почвы" (стр. 31); наконецъ e) *„учитель-дитя"*: „Трудно учителю, какъ взрослому человѣку, самому стать ребенкомъ... Но стать таковымъ необходимо. Въ этомъ именно и кроется одно изъ первыхъ условій успѣшности школьнаго обученія" (стр. 32—33). Разсужденіе о качествахъ учителя заканчивается словами „всѣмъ извѣстнаго" Дистервега: „Я желаю, чтобы учитель имѣлъ здоровье Арминія, остроуміе Лессинга, душу Гегеля, одушевленіе Песталоцци, умъ Тильмана, краснорѣчіе Зальцмана, знаніе Лейбица (Лейбница?), мудрость Сократа и любовь Іисуса Христа" (стр. 36).

Послѣ такого введенія начинаются самыя „бесѣды" автора. Въ первой изъ нихъ онъ подробнѣе раскрываетъ основную мысль свою, что „прежде и больше всего мы должны обратить вниманіе на воспитательныя задачи школы, мы должны обратить вниманіе на воспитаніе учениковъ сначала въ отношеніи ихъ здоровья, потомъ въ отношеніи развитія ихъ внѣшнихъ чувствъ, а потомъ уже попутно съ этимъ мы обратимъ вниманіе на воспитаніе ума, сердца и воли дѣтей" (стр. 39). Съ указанною цѣлью, вмѣсто рѣшенія задачъ на бассейны, пусть весною „на школьномъ огородѣ засѣвается самими дѣтьми 8 грядокъ луку" и опредѣляется „средній расходъ на каждую грядку, на квадратную сажень земли", а осенью сами ученики пусть выберутъ лукъ, взвѣсятъ и вычислятъ средній урожай на квадратную сажень и т. д. (стр. 47); зимой же можно заставить дѣтей въ сугробахъ снѣга „вырыть землянку" данныхъ размѣровъ, вычислить ея объемъ, поверхность ея пола, стѣнъ,—„сосчитать, сколько воды получится изъ кубической сажени снѣга" и т. д. (стр. 48). Вообще „большую часть времени ученики за уроками ариѳметики будутъ проводить

внѣ школы" (стр. 49), отчего не только поправится ихъ здоровье, но „природное изученіе видимыхъ вещей" поведетъ „къ чистому созерцанію и духовныхъ вещей. Познаніе чувственныхъ вещей весьма полезно и для достиженія вещей сверхчувственныхъ", ибо „мы чрезъ тварь возвращаемся къ Богу" (стр. 55). Сверхъ того, „уроки ариѳметики, будучи поставлены нормально, вліяютъ на развитіе въ учащихся чувства любви къ родной школѣ и къ тому, слѣдовательно, органу, который ею завѣдуетъ": по мнѣнію автора, „школа своими работами въ области ариѳметики вліяетъ на развитіе патріотизма" (стр. 58).

Во второй бесѣдѣ разсматривается „Общеизвѣстная наглядность въ обученіи ариѳметикѣ" (стр. 66), т. е. употребительныя наглядныя пособія, при чемъ особенно рекомендуются „палочки, длиною и толщиною въ карандашъ" (стр. 69) и въ довольно значительномъ количествѣ: не только „учитель долженъ располагать столькими сотнями палочекъ, чтобы на каждаго (ученика) хватило бы по одной сотнѣ" (стр. 70), но ихъ должно хватить и для выясненія производства дѣйствій „надъ трехзначными и *четырехзначными* числами" (стр. 72). „Исключительно" самимъ авторомъ составленъ еще проектъ новаго „универсальнаго счетнаго прибора" (стр. 77), высотою въ 2 арш. и въ сажень длиною, содержащаго въ себѣ: 1) полный приборъ Лая, въ нижней части котораго вставленъ еще вынимающійся „маленькій приборъ" того же экспериментатора; 2) русскіе торговые счеты большого размѣра; 3) „обыкновенные" дробные счеты съ 23 валиками въ аршинъ длиною; 4) десятичные дробные счеты съ 4-мя валиками, длиною въ метръ; 5) счеты съ вертикальными проволоками; 6) „приспособленіе для постановки буквъ при чтеніи и принадлежностей ариѳметическаго ящика"; 7) „помѣщеніе (ящички) для складыванія буквъ, цифръ, знаковъ дѣйствій и знаковъ препинанія". Приборъ „съ обѣихъ сторонъ закрытъ классными досками, которыя выдвигаются влѣво или вправо и даютъ возможность видѣть ту или другую часть прибора. Приборъ можетъ двигаться по классу. Въ обычное время служитъ классной доской (см. стр. 77, 300 и чертежи I—III въ концѣ книги). Для приданія же „школьнымъ работамъ" большей „общности", необходимо, чтобы „каждый ученикъ по мѣрѣ своихъ силъ и умѣнья изготовилъ себѣ пособіе", къ числу коихъ „главнымъ образомъ относятся *единицы длины*—сажень, аршинъ, вершокъ, футъ, дюймъ; метръ, дециметръ, сантиметръ; *квадратныя единицы*—кв. сажень, кв. метръ (изъ линеекъ), квадратный аршинъ (бумажный), кв. футъ, кв. дециметръ (изъ бумаги или картона), а также кв. вер-

шокъ, кв. дюймъ и кв. сантиметръ (изъ деревянныхъ дощечекъ); *кубическія единицы* — кубическій аршинъ (составляющійся изъ линеекъ-реберъ), куб. вершокъ, кубическій футъ (полый), кубическій дюймъ, кубическій метръ (составляющійся изъ линеекъ-реберъ), куб. дециметръ (полый) и кубическій сантиметръ. Крупныя линейныя и квадратныя единицы должны быть сдѣланы съ дѣленіями на слѣдующія мелкія" (стр. 78 и 133). Необходимо также „каждому ученику обзавестись нѣсколькими полыми прямоугольными параллепипедами", и „надо показать имъ, какъ можно устроить самодѣльные вѣсы" (стр. 78). Сверхъ того, дѣти могутъ сдѣлать изъ картона или дерева „геометрическія модели, которыя иллюстрировали бы предложенія: $(a+b)^2=a^2+2ab+b^2$; $(a-b)^2=a^2-2ab+b^2$; $(a+b)(a-b)=a^2-b^2$; $a^2=b^2+c^2$; $(a+b)^3=a^3+3a^2b+3ab^2+b^3$; $C=2\pi r$; $1+2+3+\ldots+n=\frac{n(n+1)}{2}$; $1+2^2+3^2\ldots+n^2=\frac{n(n+1)(2n+1)}{6}$ и т. п." (стр. 79). Хотя предложенія эти „не имѣютъ въ теперешней жизни школьниковъ и въ ихъ будущей жизни въ деревнѣ никакого практическаго значенія", но „если вести работы по усвоенію упомянутыхъ предложеній алгебры или геометріи наглядно, то всѣ ученики безъ исключенія будутъ ихъ свободно понимать. Тогда подобная работа не можетъ не сказаться на умственномъ развитіи всего класса" (стр. 79—80).

Бесѣда третья посвящена „истинной наглядности въ обученіи ариѳметикѣ" (стр. 82), для осуществленія каковой, по „глубокому убѣжденію" автора, „частью ариѳметика должна какъ бы проходиться на лонѣ природы, а частью сама природа должна вноситься въ классную комнату" (стр. 99). Учитель отправляется съ дѣтьми „въ лѣсъ, въ поле, на луга, на берегъ рѣки", предупредивши ихъ, чтобы „они посвятили время собиранію нужныхъ предметовъ, разсмотрѣнію нужныхъ явленій въ жизни растеній, животныхъ, минераловъ" (стр. 85): „одна группа учениковъ должна будетъ собрать всѣ тѣ предметы, на которыхъ можно было бы наблюдать число «одинъ». Сюда ученики могутъ отнести — стебелекъ лютика съ однимъ только цвѣткомъ, стебель ржи съ однимъ колосомъ, вѣтку ели, на которой выросла только одна шишка, и т. п.... Составится такимъ образомъ гербарій съ надписью словъ «число одинъ». Другая группа учениковъ должна была собрать всѣ тѣ предметы, которые носятъ на себѣ явные слѣды количества «два»... появится гербарій, содержащій въ себѣ прорастаніе гороха (корешокъ одинъ, листочковъ два), моркови (съ ого-

рода) и т. п. и коробка съ насѣкомыми (комаръ, муха и т. п.)" (стр. 86—87). Съ другой стороны, въ школѣ „на окнахъ свободно можно разводить цвѣты, злаки, маленькія деревца" (стр. 97), на урокѣ же вынимается, напр., одинъ экземпляръ изъ „прорастающихъ сѣмянъ однодольныхъ растеній", и „ученики, вкратцѣ наблюдая за устройствомъ корня, видятъ, что на немъ «много» маленькихъ корешковъ. Смотря на выбившійся изъ земли листочекъ, они усваиваютъ, что количество «одинъ» дѣйствительно существуетъ" (стр. 98), и т. д. Такимъ способомъ „иллюстрируются" всѣ числа до 10.

Въ слѣдующей бесѣдѣ (Ариѳметика въ играхъ дѣтей) разъясняется, что „уроки можно время отъ времени проводить играючи на свѣжемъ воздухѣ, можно проводить бодро, весело" (стр. 107), разсказывается, какъ учитель и одинъ изъ учениковъ, который „бойчѣе всѣхъ остальныхъ въ смыслѣ ловкости", набираютъ себѣ партію для игры въ лапту: сыграютъ „два кона" и сравниваютъ, которая изъ партій „лучше играла и бойчѣе", для чего изъ числа перебѣжекъ въ одной партіи вычитаютъ число перебѣжекъ въ другой; сыграютъ „третій, четвертый и т. д. конъ" и продолжаютъ сравненіе или вычисляютъ „среднія" числа пробѣговъ (стр. 105—106). „Работаютъ играючи" и на урокахъ: вычисляютъ, напр., „площадь крышки шкатулки, длина которой 84 сант., а ширина 40 сантиметровъ", для чего учитель выдаетъ каждому ученику „въ бѣдной школѣ" по прямоугольнику изъ „обыкновенной писчей" бумаги, одинаковому по величинѣ съ крышкой шкатулки (стр. 107—108); а крышка эта, въ переводѣ на русскія мѣры, имѣетъ почти *1 аршинъ 3 вершка* длины и 9 вершк. ширины, и „разбить" такіе прямоугольники на 40 полосъ „карандашомъ по линейкѣ"—*игра* не очень легкая.

Не малое значеніе придаетъ авторъ „рисованію на урокахъ ариѳметики" (бес. 5-я) и вообще картинамъ; ибо „онѣ будутъ русломъ, по которому потечетъ живая дѣтская мысль" (стр. 117), ручейкомъ, „ширящимся и въ ширь и вглубь" до впаденія въ „рѣку, которая уходитъ далеко-далеко, простирается въ будущее и наполняетъ всю духовную жизнь ученика" (стр. 120). При томъ, въ крестьянской семьѣ „кругомъ мракъ, всюду грязь, нечистота, иногда зловоніе, распространяемое какъ животными, такъ и людьми" (стр. 116), а картины на стѣнахъ будутъ „ласкать взоръ и воображеніе дѣтей". Рисованіе же съ „ариѳметическимъ элементомъ" и „самую ариѳметическую работу облекаетъ въ такую работу, которая способствуетъ лучшему усвоенію ариѳметическихъ предложеній" (стр. 123).

„Лѣпка на урокахъ ариѳметики“ (бес. 6) или внѣ уроковъ тоже не безполезна, такъ что авторъ, „будучи въ теченіе двухъ лѣтъ учителемъ въ краѣ (Астрах. губ.), гдѣ очень трудно достать хорошую глину“, добывалъ ее „при копаніи крестьянами колодцевъ“. Указаны слѣдующія примѣненія глины: 1) слѣпивши печку, ребенокъ опредѣляетъ ея размѣры въ какомъ-нибудь масштабѣ и по этимъ даннымъ вычисляетъ объемъ, количество кирпича и вѣсъ ея (стр. 124); 2) „каждый заготовляетъ по своему вкусу проектъ дома“, тоже посредствомъ лѣпки, и по модели этой опять производятся разнаго рода „вычислительныя работы“ (стр. 125), а наконецъ 3) можно лѣпить „какіе либо круглые предметы (яблоки, орѣхи, желуди, вишни и т. п.)“ и „располагать ихъ на плоскости“ въ формѣ числовыхъ фигуръ Лая (стр. 126).

„Изученіе единицъ мѣръ и именованныхъ чиселъ“ (бес. 7) авторъ совѣтуетъ начинать возможно ранѣе. Уже „при изученіи дѣйствій въ предѣлѣ 9 ученики ознакомятся съ кв. саженью и кв. аршиномъ и найдутъ, что въ квадратной сажени 9 квадр. аршинъ“ (стр. 130). Въ предѣлахъ перваго же десятка „положительно необходимо“ познакомить дѣтей съ „метромъ, дециметромъ, сантиметромъ и миллиметромъ“; хотя „упомянутыя нами сейчасъ единицы длины въ обиходѣ школьной и крестьянской жизни не встрѣчаются“, но надо все-таки убѣдить дѣтей въ особомъ „удобствѣ“ этихъ единицъ „въ сравненіи съ нашими“ (стр. 131). Въ предѣлахъ первой же сотни „ученики узнаютъ отношеніе кубической сажени къ кубическому аршину“, и „само собою понятно, что для такой работы необходимо имѣть кубическую сажень и 27 кубическихъ аршинъ“, каковые должны быть „сдѣланы изъ линеекъ“ (стр. 131). А дабы показать дѣтямъ „и цѣль изученія кубическихъ мѣръ, стоитъ только заставить ихъ вырыть канаву въ 3 арш. длины, 2 арш. ширины и 1 арш. глубины, затѣмъ яму, имѣющую форму кубической сажени. Рядомъ такихъ упражненій дѣти и убѣдятся, что куб. сажень и куб. аршинъ — это мѣры объемовъ“ (стр. 132). Съ младшаго же отдѣленія начинается опредѣленіе площадей прямоугольниковъ и объема коробокъ, раздаваемыхъ по нѣскольку штукъ каждому изъ учащихся, а чтобы снабдить дѣтей кубическими единицами въ достаточномъ количествѣ, стоитъ только „заставить мѣстнаго столяра приготовить 2.000 — 3.000 куб. верш., 2.000—3.000 куб. дм. и 2.000—3.000 куб. сант. Такого количества пособій достанетъ на 20—30 учениковъ въ одной группѣ“ (стр. 141). Все это дѣлается потому, что „для дѣтей не-

обходимо и *моторное воспитаніе*",—что надо установить связь „между *преподаваніемъ вещественнымъ*, имѣющимъ въ своей основѣ *наблюденіе*, и *преподаваніемъ формальнымъ*, въ основѣ котораго лежитъ *работа*, дѣйствіе. Мѣсто *пассивнаго преподаванія* должно занять *преподаваніе активное*" (стр. 145).

„Основой всего курса ариѳметики" авторъ считаетъ таблицу умноженія (стр. 147), а потому „нѣколько словъ объ изученіи" ея (отд. II, бес. 1) растянулись у него на цѣлый печатный листъ (стр. 146—162). По наблюденіямъ автора, теперь таблицу „заучиваютъ непремѣнно съ зажатыми ушами" (стр. 146), а онъ предлагаетъ каждой строчкѣ таблицы посвящать „одинъ или даже два урока" (стр. 158), при чемъ строчку эту повторяютъ „поодиночкѣ и хоромъ" (стр. 148), но безъ зажиманія ушей; остальное же время уходитъ на примѣненіе той же строчки къ рѣшенію задачъ и примѣровъ на умноженіе и дѣленіе. Затѣмъ болѣе двухъ печатныхъ листовъ занимаетъ „Обученіе умноженію и дѣленію многозначныхъ чиселъ", каковыя дѣйствія проходятся параллельно и при значительномъ содѣйствіи палочекъ и коробокъ: на стр. 177, напр., надо „набрать сначала" 640 палочекъ, разложить ихъ поровну въ двѣ большихъ коробки, а затѣмъ содержимое каждой большой коробки разложить поровну въ 10 маленькихъ коробокъ, хотя „ученикъ-то, зная результатъ заранѣе, и начинаетъ смотрѣть на наглядныя операціи, какъ на комедію" (стр. 151).

Три бесѣды на 36 страницахъ (198—234) удѣлены рѣшенію задачъ. Не даромъ, однако, автору пришлось и отъ другихъ учителей слышать, что „учащіеся, умѣя достаточно хорошо рѣшать задачи *съ учителемъ*, весьма часто затрудняются рѣшать *самостоятельно* и болѣе простыя задачи", да и „на своихъ урокахъ приходилось наблюдать нѣчто подобное" (стр. 245). Не вызывается ли странное на первый взглядъ явленіе это тѣми „словесными ухищреніями, измышленіями (въ чемъ считаетъ себя иногда повиннымъ и авторъ настоящей книги)" (стр. 204), каковыми обыкновенно „*наводятъ*" дѣтей на рѣшеніе, отнимая у нихъ словоохотливостью своею всякую возможность соображать? Не играютъ ли подобную же роль „чрезмѣрная, неестественная и неумѣстная наглядность" (стр. 230), въ чемъ тоже могъ бы „считать себя повиннымъ" и самъ авторъ? Предлагается, напр., многословная, но не очень мудреная задача: „Мальчикъ поймалъ одной удочкой 7 рыбокъ, а другой 3 рыбки, и положилъ (пустилъ) ихъ въ ведро съ водой, чтобы онѣ не уснули. Не-

чаянно, поторопившись къ удочкѣ, чтобы тащить ее изъ воды (рыба снова клевала), онъ задѣлъ за ведро ногою и опрокинулъ его. Ведро было близко къ рѣкѣ. 4 рыбки водою изъ опрокинутаго ведра унеслись въ рѣку и уплыли, а остальныхъ рыбокъ мальчикъ подобралъ и снова пустилъ въ ведро съ водою. Сколько теперь рыбокъ у него въ ведрѣ?" Тѣмъ не менѣе, для рѣшенія предложеннаго вопроса авторъ рекомендуетъ три картинки: „На одной картинкѣ нарисованъ мальчикъ. Передъ нимъ ведерко (стеклянный кувшинокъ, сквозь стѣнки котораго видны рыбки). Въ ведеркѣ 7 рыбокъ. На другой картинкѣ тотъ же мальчикъ. Передъ нимъ ведерко съ рыбой. Видны 10 рыбокъ". На третьей картинкѣ „дѣти видятъ споткнувшагося мальчика, опрокинутое ведерко и на поверхности воды у бережка четырехъ рыбокъ, которыя скрываются вглубь" (стр. 203—204). А съ другой стороны авторъ предлагаетъ рѣшать съ дѣтьми задачи на смѣшеніе 2-го рода *при помощи уравненій*; ибо ему „кажется", что „ученики, толково рѣшающіе обыкновенныя ариѳметическія задачи, толково и сознательно примѣняющіе изученныя ими дѣйствія, никогда не затруднятся въ рѣшеніи уравненія" вида: $40a = 50(27—a)$. А если и затруднятся, то, вѣдь, „учитель не долженъ спрашивать, сколько трудностей ему предстоитъ преодолѣть"; ибо „не нужно забывать, что наши дѣти впослѣдствіи, ставъ совершеннолѣтними, будутъ офицерами и солдатами. Такъ пусть же эти будущіе офицеры и солдаты не спрашиваютъ передъ сраженіемъ съ непріятелемъ о томъ, сколько у него силы, а пусть только спрашиваютъ, гдѣ она. Таковы воспитательныя задачи школы" (стр. 228). Въ виду сего, на первыхъ же урокахъ „рѣшенія сложныхъ задачъ аналитическимъ способомъ" совѣтуетъ онъ „прибѣгнуть къ общему или буквенному обозначенію чиселъ" (стр. 216) и рисованію схемъ, „похожихъ на вѣточку дерева, раздѣляющуюся на рядъ другихъ меньшихъ вѣточекъ" (стр. 218). Впрочемъ, „модныя" теперь „типическія задачи", по его мнѣнію, „должны быть изгнаны изъ школьнаго обихода" (стр. 229); ибо „рѣшая типическія задачи одного рода въ теченіе одного или даже нѣсколькихъ уроковъ, мы заставляемъ дѣтей поступать необдуманно" и слѣдовательно „ставимъ въ ненормальныя условія развитіе нравственнаго чувства дѣтей", въ чемъ и заключается „особенно вредъ нагляднаго рѣшенія" таковыхъ задачъ (стр. 231), вслѣдствіе чего „онѣ должны быть разнесены по всему курсу ариѳметики" (стр. 229). Въ слѣдующей бесѣдѣ разъясняется, что „преподаваніе ариѳметики въ начальной школѣ должно преслѣдовать главнымъ обра-

зомъ обученіе дѣтей правильному, сознательному, *устному* счету" (стр. 235) и рекомендуются вниманію учащихъ „книга Мартеля", „книга Лезана *Начатки математической инициативы*" (такъ переведено на русскій языкъ заглавіе ея: *Initiation mathématique*) и „*книга* Камескаса *Ознакомитель съ математикой*" (стр. 239), хотя „Ознакомитель" совсѣмъ *не книга*, а *ящикъ* съ кубиками и прутиками.

Заканчивается второй отдѣлъ книги бесѣдою о „самостоятельныхъ работахъ по ариѳметикѣ". Въ качествѣ новыхъ занятій этого рода, рекомендуется, кромѣ „иллюстрированія рѣшенныхъ задачъ", опредѣлять „измѣреніемъ" и наносить на „клѣтчатую бумагу" ежедневный приростъ въ высоту лука, подсолнечника; „такую же работу ученики могутъ продѣлать и съ вѣсомъ растенія, если только для этой цѣли у нихъ имѣлись бы соотвѣтствующія приспособленія": это для „малыхъ дѣтей", въ видахъ, между прочимъ, „воспитанія ихъ сердца и воли" (стр. 243). Ученики же „старшихъ группъ въ состояніи исполнять" хозяйственные расчеты, т. е. „работы, имѣющія въ своемъ составѣ соображенія о постройкѣ дома, сарая, риги, амбара, кладкѣ печи, укрѣпленіи оврага, распланировкѣ сада, огорода, доходности того или иного предпріятія въ хозяйствѣ крестьянина и т. п." (стр. 248). Учащіе, впрочемъ, не безъ чувства нѣкотораго облегченія прочитаютъ здѣсь, что „провѣрять задачу можно иногда только по послѣднему окончательному отвѣту" и что „провѣрка на дому физически невозможна для учителя и непедагогична" (стр. 246).

Весьма интересны собственные уроки автора по Лаю, начинающіеся „примѣрной бесѣдой съ дѣтьми на лонѣ природы" *ночью*, когда на небѣ дѣти видятъ „мѣсяцъ (луну), звѣзды, облака (тучи)". Бесѣда эта „служитъ весьма удачнымъ поводомъ къ тому, чтобы повести съ дѣтьми рѣчь о Богѣ, Творцѣ всего того, что ученики до сего времени наблюдали" (стр. 282). Интересно изученіе числовыхъ *фигуръ* Лая посредствомъ *слуха* (стр. 257, 283, 286 и далѣе); оригинально „наблюденіе" числа 5 на „дѣйствительномъ предметѣ—голой ногѣ" (стр. 291); хороши придуманныя авторомъ картины съ „каймами": на одной изъ нихъ „взмыла туча", и „сквозь нея" дѣти видятъ молнію (стр. 288), на другой — сидятъ „на заваленкѣ шесть Божьихъ коровокъ" (стр. 293); занимательны и „бесѣды, самыя непринужденныя" (стр. 256). Но картины еще только „готовятся къ печати", а уроки и бесѣды пришлось бы переписать буквально, ибо въ краткой передачѣ трудно сохранить ихъ своеобразную прелесть.

Судя по „отзывамъ печати“, приведеннымъ на обложкѣ разсматриваемой книги, сочиненія г. Лексина уже имѣютъ своихъ сторонниковъ: такъ „Народное образованіе въ Виленскомъ учебномъ округѣ“ *рекомендуетъ* „Методику ариѳметики (Именованныя числа русской системы и обыкновенныя дроби)“ *всѣмъ* начинающимъ учителямъ, а „Лабораторный методъ изученія геометріи“—„вниманію преподавателей вообще и учительскихъ семинарій и институтовъ въ особенности“. Новая книга въ общемъ болѣе удобочитаема, чѣмъ поименованныя два произведенія автора; ибо и по объему она процентовъ на 30 меньше, и не такъ уже переполнена воображаемыми разговорами учителя съ учениками, да и самые разговоры не столь длинны, хотя напр. при выясненіи пріема дѣленія 64-хъ на 4 и теперь автору понадобилось 22 вопроса (стр. 136—137). Потребуется все-таки не малый запасъ энергіи, чтобы довести чтеніе ея до конца, а еще труднѣе извлечь изъ нея что либо *практически примѣнимое*.

В. Соллертинскій.

*1) *Никоновъ, Л. Н.* Ботаника. Учебникъ для средняго возраста. Часть I. Общая ботаника. Изд. 2-е, т-ва И. Д. Сытина. М. 1915. Стр. 157—II. Цѣна 70 к.—2) *То же.* Часть II. Систематика растеній. Изданіе 2-е, т-ва И. Д. Сытина. М. 1915. Стр. 121—I нен.—II. Цѣна 50 к.

Оригинальной особенностью учебника Никонова является своеобразный планъ, по которому расположенъ матеріалъ для преподаванія. Исходя изъ мысли, что морфологія, анатомія и физіологія растеній суть отдѣлы общаго характера, Никоновъ соединяетъ ихъ въ одинъ подъ названіемъ „общей ботаники“ и противополагаетъ послѣдней „частную ботанику“ или „систематику“, какъ отдѣлъ, занимающійся классификаціей растеній по сходству и различію признаковъ у отдѣльныхъ растеній. Принявъ въ основу такое дѣленіе, Никоновъ строитъ на немъ и преподаваніе предмета. Въ I-й части учебника излагаются морфологія, анатомія и физіологія растеній, а во II-й систематика.

I-я часть раздѣлена на 5 главъ по плану, обычно принимаемому въ учебникахъ морфологіи растеній; глава I—сѣмя; глава II—корень; глава III—стебель; глава IV—листъ; глава V—органы размноженія растеній. Анатомія и физіологія вводятся въ дополненіе къ морфологическому описанію органовъ растенія въ такомъ размѣрѣ, чтобы ученикъ могъ составить себѣ представленіе о внутреннемъ строеніи органа и его физіологической функціи. Физіологія иллюстрируется довольно многочисленными опытами.

Такъ какъ I-я часть учебника должна служить пособіемъ въ низшихъ классахъ, а II-я въ высшихъ, то отсюда понятно крупное неудобство, которое возникаетъ при подобномъ порядкѣ преподаванія. Усвоеніе анатоміи и физіологіи требуетъ отъ ученика хорошо развитой наблюдательности и привычки обращаться съ отвлеченными представленіями и обобщеніями; поэтому обычно анатомія и физіологія преподаются въ старшихъ классахъ. Морфологія же и систематика какъ разъ и даютъ матеріалъ для развитія наблюдательности и умѣнья оперировать съ отвлеченными представленіями, вслѣдствіе чего эти отдѣлы болѣе подходятъ для низшихъ классовъ.

Присоединяя къ морфологіи анатомію и физіологію для преподаванія въ низшихъ классахъ и выдѣляя систематику въ особый отдѣлъ для высшихъ классовъ, Никоновъ неминуемо сильно затрудняетъ преподаваніе ботаники въ низшихъ классахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обрекаетъ высшіе классы на скучную зубрежку признаковъ у отдѣльныхъ растеній, зубрежку, не скрашенную никакими отвлеченными обобщеніями.

Къ этому слѣдуетъ добавить еще и то, мнѣ думается, важное соображеніе, что прохожденіе анатоміи и физіологіи отрывочно, въ качествѣ придатковъ къ морфологической характеристикѣ органовъ растенія, лишаетъ учениковъ возможности составить себѣ стройное представленіе, какъ объ анатомическомъ строеніи всего растенія, такъ и о важнѣйшихъ физіологическихъ функціяхъ растительнаго организма въ его цѣломъ.

Въ особенности такой порядокъ затрудняетъ общее представленіе о топографіи различныхъ тканей и физіологической роли тканей защитнаго характера.

Помимо этого общаго недостатка, вотъ нѣкоторыя погрѣшности.

I-я часть. На стр. 8-й и 9-й не дано полныхъ надписей для рис. 3, 4 и 5.

На стр. 12-й, говоря объ избыткѣ и недостаткѣ воды, авторъ не объясняетъ, вреденъ ли избытокъ воды въ самомъ сѣмени или въ окружающей его средѣ.

На стр. 13-й невѣрно, что крахмалъ совершенно сходенъ съ сахаромъ.

На стр. 19-й невѣрно, что сѣмена въ темнотѣ прорастаютъ лучше, чѣмъ на свѣту; это зависитъ отъ силы свѣта и вида растенія.

На стр. 23-й дано неправильное опредѣленіе термину „чистая культура растенія“.

На стр. 36-й неправильно, что корневой чехликъ состоитъ изъ толстыхъ клѣтокъ.

На стр. 44-й неясно изображены воздушные корни на рис. 35.

На стр. 50-й не указаны единицы для содержанія углекислоты въ воздухѣ, ибо цифры 0,0003—0,0004 сами по себѣ не говорятъ ничего.

На стр. 60-й невѣрно, что крахмалъ образуется у растеній только на свѣту.

На той же 60-й стр. невѣрно, что крахмалъ можетъ формироваться только въ зеленыхъ растеніяхъ и что только на свѣту растенія могутъ быть зелеными; крахмалъ образуется у сѣменныхъ безхлорофильныхъ растеній, а зеленѣніе у многихъ водорослей, мховъ, папоротниковъ и хвойныхъ происходитъ и въ темнотѣ.

На стр. 64-й неправильно объяснено образованіе антоціана и его періодическое накопленіе.

На стр. 71-й взятъ неудачный примѣръ для рисунка, изображающаго части листа (рис. 53).

На стр. 75-й неправильно, что крупные листья имѣютъ вырѣзы для предохраненія пластинки отъ разрывовъ; вырѣзы имѣютъ и мелкіе листья, а крупные ихъ часто не имѣютъ (напр. у лопуха).

На стр. 77-й невѣрно, что стремленіе къ свѣту называется геліотропизмомъ; авторъ упустилъ изъ виду отрицательный геліотропизмъ.

На стр. 94-й неясенъ рис. 80, представляющій поперечные разрѣзы стеблей.

На стр. 99-й авторъ даетъ неправильное опредѣленіе коркѣ и рѣшительно упускаетъ изъ виду перидерму и пробковый камбій.

II-ая часть. Въ отдѣлѣ систематики авторъ по неизвѣстнымъ причинамъ пропускаетъ цѣлый рядъ крупныхъ семействъ, какъ зонтичныя, пасленовыя, губоцвѣтныя, орхидныя и др.

Съ внѣшней стороны книжки изданы хорошо, и обиліе рисунковъ оживляетъ текстъ.

В. Любименко.

**Ѳ. Зѣлинскій.* Исторія античной культуры. Часть I (Курсъ VIII класса мужскихъ гимназій). Москва 1915 г. 204 стр. Цѣна 60 коп.

Ѳ. Ф. Зѣлинскій обогатилъ ученую литературу блестящей книгой, которая читается отъ первой до послѣдней страницы съ захватывающимъ интересомъ. Въ ней соединены достоинства обширной эрудиціи и всесторонняго знанія предмета съ увлекательнымъ изложеніемъ

и пламенною любовью къ античному міру, пониманію и правильной оцѣнкѣ котораго своими многочисленными статьями такъ содѣйствовалъ авторъ нашей книги.

Во введеніи (стр. 3—18) авторъ даетъ опредѣленіе понятія культуры и трехъ ея сторонъ, матеріальной, общественно-экономической и духовной, говоритъ о наукахъ (естественныхъ и гуманитарныхъ), искусствахъ (изобразительныхъ и мусическихъ), нравахъ (семьѣ, корпораціяхъ, государствѣ), устанавливаетъ три части религіи—догматическую, повѣствовательную и обрядовую и въ послѣднемъ (10) параграфѣ опредѣляетъ понятіе *античной* культуры, которая остается единой и послѣ перенесенія центра тяжести изъ Греціи въ Римъ.

Исторію античной культуры авторъ дѣлитъ на два большихъ отдѣла: 1) культуру грековъ до смерти Александра Великаго и 2) „вселенскую культуру" отъ 323 г. до Р. Хр. до 529 г. послѣ Р. Хр.

Первый отдѣлъ распадается на три періода: ахейскій (приблиз. до 1000 г. до Р. Хр.), эллинскій (до 500 г. до Р. Хр.) и аттическій (до 323 г.); періодъ вселенскій на: А) періодъ отъ 323 г. до 30 г. до Р. Хр., при чемъ параллельно разсматриваются эллинистическій періодъ на востокѣ и римско-республиканскій на западѣ, и на Б) періодъ отъ 30 до Р. Хр. до 529 послѣ Р. Хр.; этотъ періодъ въ свою очередь распадается на двѣ эпохи: періодъ языческой имперіи (до 313 г.) и періодъ христіанской имперіи.

Въ вышедшей I части излагаются періоды ахейскій, эллинскій и аттическій.

При изложеніи каждаго изъ этихъ періодовъ авторъ во вводной главѣ даетъ краткій очеркъ внѣшней исторіи и затѣмъ послѣдовательно четыре главы посвящаетъ нравамъ, наукѣ, искусству и религіи.

Намъ кажется, что слѣдовало бы нѣсколько расширить обзоры политической исторіи въ эллинскомъ и аттическомъ періодахъ и значительно сократить главы, касающіяся нравовъ, науки и религіи.

Въ самомъ дѣлѣ, внѣшней исторіи (включая сюда и исторію колонизаціи) удѣлено всего 22—23 страницы; исторія Греціи (не считая Черноморья), съ 500 по 323 г. изложена на 4 страницахъ. Нужно имѣть въ виду, что исторія Греціи и Рима проходится въ III (!) классѣ и многіе факты политической исторіи, несомнѣнно, ко времени достиженія гимназистами VIII класса должны забываться.

Если я предлагаю произвести это расширеніе за счетъ другихъ

главъ, то я отнюдь не имѣю въ виду перенесенія центра тяжести на политическую исторію, которая въ курсѣ „Исторіи античной культуры", конечно, не должна стоять на первомъ планѣ; но, съ другой стороны, нежелательно и чрезмѣрное ея сокращеніе.

Что касается другихъ отдѣловъ, то они поражаютъ насъ обиліемъ богатѣйшаго матеріала и оригинальностью мысли. Но я не могу не высказать опасенія, что они будутъ не подъ силу большинству воспитанниковъ нашихъ гимназій. Ради примѣра я указываю на двѣ главы („Нравы" и „Религія") въ изложеніи ахейскаго періода, въ частности на стр. 39—42 и стр. 52—56. Въ § 6, озаглавленномъ „Нравственное сознаніе", мы на стр. 39—42 находимъ слѣдующіе термины: онтономическое сознаніе, филономическое сознаніе, императивная и евдемонистическая нравственность, религіозный и нерелигіозный біологическій евдемонизмъ, положительная и отрицательная нравственность, фатализмъ, детерминизмъ. Я считаю весьма важнымъ, чтобы ученики на высшей ступени гуманистической средней школы познакомились съ основными научными категоріями этики и допускаю даже включеніе ученія о нихъ въ объединяющій и заканчивающій все гимназическое ученіе курсъ исторіи античной культуры, но боюсь, что этотъ параграфъ въ книгѣ Ѳ. Ф. Зѣлинскаго, подобно нѣкоторымъ другимъ параграфамъ, не будетъ доступнымъ пониманію средняго ученика VIII класса. На стр. 52—56 мы находимъ столь же интересное, но и столь же трудное изложеніе религіи ахейцевъ. Авторъ говоритъ, что ахейскій періодъ былъ эпохой расцвѣта религіи Зевса, но ей предшествовала хронологически неопредѣлимая религія примитивизма, состоявшая изъ двухъ частей: *анимизма* (т. е. признанія человѣческой души) и *аниматизма* (т. е. признанія одушевленности природы). Затѣмъ авторъ въ §§ 10 и 11 поясняетъ сущность этихъ двухъ частей примитивной религіи. Онъ говоритъ (въ § 10) о душѣ и разныхъ представленіяхъ о ней (душа—геній, душа—духъ, душа—идолъ и душа—тѣнь), объ имманентномъ и трансцендентномъ представленіи о душѣ, о жизни отдѣленной отъ тѣла души, о ея безпомощности и ея благодѣтельной и вредоносной силахъ. § 11 посвященъ аниматизму, развитіе котораго состояло въ томъ, что имманентное представленіе перешло въ трансцендентное; различаются три ступени: теріоморфизма, миксантропизма и антропоморфизма, и т. д.

Все это изложено очень увлекательно и ясно, но, повторяю, ученики усвоятъ его лишь съ большимъ трудомъ.

Можно было бы указать еще на цѣлый рядъ §§-овъ, равныхъ по трудности указаннымъ выше.

Не могу не указать и на чисто внѣшнее несоотвѣтствіе объема предлагаемаго Ѳ. Ф. Зѣлинскимъ курса тому времени, которое отведено на его преподаваніе. Въ распоряженіи преподавателя находятся два недѣльныхъ часа, при чемъ въ виду производства испытаній зрѣлости въ концѣ учебнаго года и практикующагося роспуска учениковъ въ первой половинѣ апрѣля, врядъ ли останется болѣе 50 уроковъ на преподаваніе нашего предмета. Первая часть труда Ѳ. Ф. Зѣлинскаго обнимаетъ болѣе 200 страницъ, и мы не ошибемся, если предположимъ, что на изложеніе эллинистическаго, римско-республиканскаго и вселенскаго періодовъ потребуется по меньшей мѣрѣ 150 страницъ. Такимъ образомъ, на каждый урокъ среднимъ числомъ придется по 7 страницъ. Полагаю, что всѣ преподающіе въ средней школѣ согласятся, что это будетъ неосуществимо, особенно если вспомнить, что объяснительная записка къ курсу исторіи античной культуры рекомендуетъ избѣгать лекціоннаго способа изложенія и примѣнять скорѣе коллоквіальный „въ видѣ живыхъ бесѣдъ, иллюстрируемыхъ разнаго рода наглядными пособіями, чтеніями изъ древнихъ и новыхъ авторовъ и, буде возможно,—экскурсіями въ галлереи и музеи“. Чтобы пройти курсъ проф. Зѣлинскаго, нужно, по крайней мѣрѣ, удвоить число уроковъ.

Все сказанное приводитъ меня къ тому выводу, что проф. Зѣлинскій слишкомъ мало считался съ уровнемъ развитія нашихъ гимназистовъ и съ тѣмъ скромнымъ временемъ, которое назначено для прохожденія курса исторіи античной культуры.

Въ виду этого, я опасаюсь, что его книгу, несмотря на всѣ выдающіяся ея достоинства, нельзя будетъ положить въ основу преподаванія въ VIII классѣ, въ видѣ обязательнаго для учениковъ руководства.

Однако, несомнѣнно, она наиболѣе развитымъ ученикамъ принесетъ громадную пользу и посодѣйствуетъ духовному развитію ихъ въ самомъ благородномъ смыслѣ этого слова и ознакомленію съ духомъ античности.

Еще бо́льшую пользу книга принесетъ преподавателямъ, и, при томъ, не только преподавателямъ древней исторіи, но вообще всѣмъ преподавателямъ исторіи отечественной и всеобщей, древнихъ языковъ и даже русской словесности, и слѣдуетъ пожелать, чтобы прекрасное сочиненіе нашло самый широкій кругъ читателей.

А. Брокъ.

Послѣ сказаннаго въ предшествующемъ отзывѣ, можно не входить въ подробности о достоинствахъ книги проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго, являющейся своего рода миніатюрной греческой культурно-исторической энциклопедіей, полезной для молодыхъ читателей и вообще въ дѣлѣ упорядоченія ихъ міровоззрѣнія. Однако, какъ и въ миніатюрахъ, которыя сразу охватываются взглядомъ и внимательнѣе разсматриваются, легче замѣчаются несоразмѣрности частей и отдѣльные недосмотры, такъ и въ книгѣ, охватывающей на 186 страницахъ (не считая „введенія") греческую географію и политическую исторію, бытъ семейный, общественный и государственный, международное право, всѣ науки, всѣ изобразительныя искусства, всѣ виды литературы и философію и религію на протяженіи отъ доисторическихъ временъ до Александра Великаго, — въ книгѣ, предназначенной не для бѣглаго чтенія, а для изученія, нѣкоторые частичные недочеты выступаютъ рельефнѣе, чѣмъ въ изданіяхъ, имѣющихъ въ виду широкій кругъ читателей. Можно только пожелать, чтобы въ новомъ изданіи книги, которое несомнѣнно не заставитъ долго себя ждать, были устранены и недочеты въ мелочахъ, особенно въ виду того, что и вообще у насъ замѣчается склонность iurare in verba magistri, а отъ тѣхъ, кому прежде всего служитъ учебникъ, такое iurare до извѣстной степени даже требуется.

Я бы, напр., обратилъ вниманіе на включеніе въ книгу такихъ вопросовъ, которые, если даже допустить возможность надлежащаго усвоенія ихъ учащимися, сами по себѣ еще не настолько рѣшены, чтобы не вызывать возраженій, а въ данной книгѣ не могутъ быть разсмотрѣны со всѣхъ сторонъ какъ по недостатку мѣста, такъ и въ виду неудобства вводить въ учебникъ спорные вопросы. Между прочимъ, сюда относятся отдѣлы о греческой религіи. Имъ отводится почти преобладающее мѣсто: 10 стр. въ „ахейскомъ періодѣ" (т. е. до 1000 г. до Р. Хр.), 12 — въ „эллинскомъ" и 12 — въ „аттическомъ", то есть въ общемъ до 34 страницъ, тогда какъ, напримѣръ, „мусическимъ искусствамъ" (т. е. главнымъ образомъ литературѣ) отведено лишь около 27 страницъ (1 + 15 + 11), а прочимъ отдѣламъ еще меньше (отъ 9 до 19). Помимо спорности въ общихъ вопросахъ о религіи и ея вліяніи, едва ли цѣлесообразно говорить въ учебникѣ о 30 аѳинскихъ праздникахъ (стр. 196 — 200) на $4^1/_2$ страницахъ, т. е. въ среднемъ по 5 — 6 строкъ на праздникъ.

Желателенъ былъ бы и пересмотръ, напр., отдѣловъ объ изобра-

зительныхъ искусствахъ (въ области архитектуры, напр., о происхожденіи храма, колоннъ и т. п., стр. 48, 99).

Отмѣчу еще особенное вниманіе къ „хореѣ“ въ области „музическихъ“ искусствъ: самый терминъ, кажется, новый (стр. 9: „такъ наз. *хорея*, т. е. соединеніе слова [пѣсни], звука [напѣва] и жеста [пляски] подъ общимъ управленіемъ ритма“), а это понятіе привлекается слишкомъ часто (напр., стр. 10, 26, 50, 51, 97, 103, 108, 110, 111, 112, 114, 124, 139, 176, 181).

Въ отношеніи содержанія, помимо иныхъ спорныхъ пунктовъ, можно было бы также обратить вниманіе, напр., на слѣдующія отдѣльныя мѣста.

11. Сказано, можетъ быть, слишкомъ сильно, что вся внутренняя политическая исторія состоитъ лишь изъ насильственныхъ переворотовъ—революцій и умиротворительныхъ актовъ—законодательствъ.

17. Въ числѣ „словесныхъ памятниковъ“ совсѣмъ обойдены папирусы.

21. Въ описаніи Беотіи можетъ показаться несогласованность.

20, 22, 23. Объ „іонійскомъ семиостровіи, Гептаннесѣ (Heptannêsos)“, въ который входитъ Киѳера, лежащая не въ Іонійскомъ морѣ, и „маленькій Паксосъ“, „прихваченный только для восполненія священнаго числа“, лучше было бы умолчать для древности (Ефтанисъ).

33. Этесіи не всегда „облегчали судоходство“. Ср. Neumann u. Partsch, Physik. Geogr. v. Griech.

36. „Греческое правовое сознаніе никогда не признавало единоличнаго судьи“. А, напр., гортинское τὸν δικαστὰν ὀμνύντα κρίνειν?

57. „Строгое дѣленіе: небеснымъ (олимпійскимъ) божествамъ—огненныя жертвы, земнымъ (хтоническимъ)—приношенія безъ огня“. Однако для послѣднихъ было ὁλοκαυτεῖν (deorum inferorum hostiae totae cremantur, рѣшительно говоритъ Диттенбергеръ, Sylloge, II, стр. 401), если „земныя“ божества не отличаются здѣсь отъ подземныхъ.

65—66, 70, 86, 87, 89, 100, 110—111, 118—121. О Дельфахъ, какъ о „своего рода «переселенческомъ управленіи»“, о ихъ «духовной власти», о ихъ многочисленныхъ «подворьяхъ»“ и вообще о ихъ роли говорится, можетъ быть, не безъ преувеличенія. 86: „учрежденіе пиѳійскихъ игръ“ приписано Дельфамъ.

70. „Такъ называемые тираны во всѣ времена были ненавистны свободолюбивымъ грекамъ“. Ср. 84: „любовь къ Писистрату была на столько велика, что...“.

75. Наименьшая денежная единица—оболъ. А χαλκοῦς?

82. Точную дату („уже съ 755 г.") объ эфорахъ лучше, пожалуй, не приводить, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ.

83. О солоновомъ дѣленіи гражданъ на классы дано только традиціонное мнѣніе.

85. „«Городовъ-государствъ» съ отдѣльными конституціями было въ Греціи около 150". Вѣроятно, гораздо больше, если только не ставить удареніе на „отдѣльныхъ конституціяхъ" и не думать при этомъ, что въ 158 «Политіяхъ» Аристотеля (а ихъ считали и 250) были исчерпаны *всѣ* отдѣльныя конституціи. П. И. Аландскій (Ист. Греціи) говорилъ, что самостоятельныхъ греческихъ πόλεις было едва ли менѣе 2000,—съ преувеличеніемъ, можетъ быть, въ другую сторону.

86. По поводу ѳесеева синэкизма цитуется Плутархъ (Thes. 24), а не Ѳукидидъ (II, 15). Объ „одинаковомъ активномъ и пассивномъ избирательномъ правѣ" всѣхъ гражданъ при Ѳесеѣ едва ли можно говорить.

92. О βουστροφηδόν и письмѣ справа не вполнѣ точно.

93. При поясненіи знаковъ beth — домъ и resch — голова нужно было исходить не отъ B (а отъ Δ съ черточкой внизу,—это, конечно, не „двухъэтажный" домъ, а шатеръ) и не отъ R (а отъ P). Измѣненіе формъ буквъ объясняется не однимъ только „схематическимъ упрощеніемъ".

94—95. Едва ли до 500 г. строились гостинницы при храмахъ и больные писали на камняхъ „скорбные листы".

104. О Гомерѣ, какъ эпонимѣ гомеридовъ, сказано, можетъ быть, слишкомъ рѣшительно. Тамъ же также о космогоніи въ основѣ Иліады и объ эсхатологіи въ основѣ Одиссеи.

108. „Нѣчто цѣлое (одну книгу съ небольшимъ) мы имѣемъ только отъ Ѳеогнида".

123. „μύειν «закрывать глаза» на окружающій міръ, ради внутренняго созерцанія".

126. „тріетериды, «трехлѣтія», т. е. по нашему черезъ годъ",—возможно недоразумѣніе.—Тріетериды были не только діонисовскія.

133. О „коринѳскомъ конгрессѣ" 337 г.—не вполнѣ точно.

140. „Значеніе рабства, какъ устоя общества, въ нашу эпоху [500—323 г.] еще не велико".

141, въ началѣ, нѣкоторое смѣшеніе города Аѳинъ и Аттики.

143. „О свадьбѣ и похоронахъ и говорить нечего", т. е. тутъ присутствовало множество народа. Но участіе въ похоронахъ законы

ограничивали опредѣленнымъ кругомъ родныхъ. Были ограниченія и для числа свадебныхъ гостей.

141. Въ Аѳинахъ „всѣ граждане знали другъ друга въ лицо". А ср., напр., I рѣчь Лисія (§ 45).

144. Стихи о шестичасовомъ рабочемъ днѣ—какого времени?

151. Выходитъ, будто любое судебное дѣло рѣшалось присяжными въ числѣ 600.

153. О процедурѣ остракизма, во избѣжаніе недоразумѣнія, желательна большая опредѣленность (народу не предлагали исключить опредѣленное лицо, и требовался извѣстный minimum голосующихъ).

154. „Устраненіе стариннаго порядка, по которому Аттика распадалась на три области: педіею, паралію и діакрію"... Такого „порядка" собственно не было, и устранить самыя области было невозможно.

155. Въ „глашатайской формулѣ: «кто изъ гражданъ старше *40* лѣтъ» имѣетъ" и пр. τῶν ὑπὲρ πεντήκοντα ἔτη γεγονότων καὶ πάλιν ἐν μέρει τῶν ἄλλων Ἀθηναίων.

156. По поводу девяти архонтовъ и прибавленнаго для счета секретаря: едва ли нужно подгонять число къ 10 (ср. οἱ ἕνδεκα).

174. О постройкѣ Пропилей Перикломъ „при помощи Калликрата". Мнесикла?

188. Трудъ Ѳукидида обрывается, конечно, не на „409 г.".

191. Исократъ „жертвовалъ содержаніемъ формѣ, вслѣдствіе чего его рѣчи болѣе поучительны, чѣмъ интересны".

196. О *греческомъ* календарѣ сказано скорѣе то, что относится лишь къ аѳинскому. Не всегда чрезъ 2 года въ 3-й вставлялся 13-й мѣсяцъ. Не вездѣ годъ начинался послѣ лѣтняго солнцестоянія. Не у каждой общины былъ свой календарь. Въ Аѳинахъ въ „високосные годы" удваивался не 7-й мѣсяцъ (Гамеліонъ), а 6-й (Посидеонъ). — Панаѳинеи не ежегодно праздновались такъ торжественно, какъ изложено на стр. 196—197.

198. О „человѣческомъ урожаѣ", „симпатическомъ постѣ"... Фраторы на Апатуріяхъ вносили новорожденныхъ не въ „гражданскіе" списки.

Я беру, конечно, не все.

Нѣкоторыя мѣста, можетъ быть, не вполнѣ удобны въ учебной книгѣ для средней школы: имѣю въ виду отчасти недомолвки, повидимому, намѣренныя, отчасти нѣкоторыя сопоставленія съ христіанствомъ или съ современностью, безъ которыхъ можно было бы обойтись.

Излишни, пожалуй, и нѣкоторыя нравоученія („не силенъ тотъ, кто боится борьбы“ 5, „наука—богатая невѣста“ 44 и др.).

Переходя теперь къ особенностямъ изложенія, я къ указаннымъ уже въ предшествующемъ отзывѣ образцамъ примѣняемой въ книгѣ терминологіи (иногда не особенно вразумительной per se, какъ, напр., „филономическій“, стр. 39) приведу примѣръ: „нравственность..., поскольку она не была императивной, сводится къ нерелигіозному біологическому евдемонизму съ общественной санкціей“ (40). При сложности иныхъ вопросовъ подобная терминологія, вызываемая, можетъ быть, стремленіемъ къ сжатости изложенія, въ дѣйствительности затруднитъ учащихся и для надлежащаго усвоенія потребуетъ, пожалуй, слишкомъ много объясненій, такъ что фактическій объемъ книги еще сильно увеличится этими добавочными объясненіями.

Вѣроятно, отчасти тѣмъ же стремленіемъ къ сжатости объясняется, что въ русскомъ изложеніи нерѣдко встрѣчаются шероховатости, напр., „духовныя достиженія“ 5, 172; „вырожденскій“ 6; „отвращенная отъ эгейскаго центра Элида“ 20; „въ преимущественно гористой Греціи“ 27, ср. „въ Одиссеѣ, но не въ болѣе древней Иліадѣ“ 34; „хорома“ 27, 47, 98; „съ помощью вѣяла“ 28; „мукомолка“, „пекарка“ 29; „шерсть разминали и чесали чесальщицы“ 29; одно изъ преимуществъ царя — „поборы съ тяжущихся“ 34; „онъ оказывался достойнымъ своего сана личнымъ умомъ“ 35; „анакты сражались не верхами“ 37; „узнаніе условій отвратимости судьбы“ 42; „самосовершенствуемость“ 42; „никто не могъ ожидать этого отъ той игрушечной силы, которая дѣйствуетъ въ потертомъ кускѣ янтаря“ 42; „ласковая роща“ 55 (ср. „болѣе ласковыя попытки“ 193); „наряжались козлами или лошадьми, чтобы внушить плодородіе пастбищамъ и нивамъ“ 56; „огненныя жертвы“, „земныя божества“ 57; „безкумирность религіи“ 60; дорійцы Локриду „разбили пополамъ, оттѣсняя одну половину къ Коринѳскому, другую къ Мелійскому заливу“ 62 (ср. 21); „эти основанія“ 63 (разумѣются основанные греками города); спартіаты не занимались „производительной работой“ 74; „законоуложители“ 80; „чиноначальникъ“ или „чиноначальница“ 83, 95, 111, 112, 180, 191; „стихотворица“ 88, 114; „закононосица“ 198; „аѳиняне стремились за ними не отставать“ 85; „кормчая звѣзда“ 86; „подъ знакомъ религіи“ 89; „увидѣнный ими сонъ они сообщали“ 94; „періодическія обогневѣнія — незыблемыя вѣхи мірового становленія“ 96 (ср. 169); „нависающій карнизъ“ 99; „попарность“ 101, 110; „архаизмъ все еще не преодолѣнъ“ 103, ср. 55; „Одиссей бу-

рею сбивается съ пути“ 105; „траурная элегія“ 108; „сохранено“ (= сохранилось или дошло то или другое произведеніе) 96, 111, 171, 172, 183 и др.; Дельфы стремились „окультурить“ Спарту 111; „поминальное молебствіе“ 111; „по мѣрѣ вторженія нравственности въ религію“ 125; „обходить праздникъ“ 125, 198 и друг.; „просторность залъ“ въ аѳинскихъ домахъ 142; „безпотребность въ отношеніи пищи“ 143, 166; „могли поставить лишь незначительное число кораблей, а то и часть таковаго“ 157 (числа?); „цѣлебныя практики“ 168; разрушенныя Аѳины особенно „нуждались въ новыхъ архитектурныхъ памятникахъ“ 173; „кошеносицы“ 175, 195, 196, 200; „соселенія“ 192 (ср. 85); „получалъ въ награду винный мѣхъ“ 199; „ихъ [= души умершихъ] угощали (въ горшкахъ)“ 199; изъ названныхъ у Эннія 12 боговъ въ Греціи мужскіе боги не вездѣ почитаются, „и мѣсто одного изъ *шатающихся членовъ* — Ареса или Гефеста — чаще дается Діонису“ 194 и т. п. Къ особенностямъ стиля относится часто встрѣчающееся „такъ-то“ (напр., 45, 49, 67, 68, 70, 75, 82, 88, 97, 103, 106, 107, 122, 129, 131, 134, 161, 163, 171; рѣже „а впрочемъ“, напр., 91). Ср. не всегда сразу ясное построеніе рѣчи, напр., 7, 51, 84, 94, 103, 132, 139, 157, 192 и др.

Греческіе термины и слова даются только въ латинской транскрипціи [1]) (въ гимназіяхъ съ однимъ латинскимъ языкомъ эта транскрипція ничего не уяснитъ, а для знающихъ греческій языкъ греческая форма была бы вразумительнѣе). Обычно они поясняются (не всегда одинаково, напр., «hybris» 88 «спесь», а 151 „преступная энергія, склоняющая человѣка къ нарушенію законовъ“), но иногда остаются и безъ объясненій (напр. „на асфоделовомъ лугу“ 123, „тирсы“ 126, „ѳеоры“ 160 и др.). На стр. 21 отмѣчается „загадочность“ собственныхъ именъ: Эгейскій, Сароническій и Іонійскій (объ Іонійскомъ морѣ), но въ большинствѣ случаевъ, такихъ же загадочныхъ, подобной оговорки не дѣлается. Русская транскрипція греческихъ именъ большей частью общепринятая, за исключеніемъ, развѣ, „Мира = Moira“ 41, 58, 118, „Лезбосъ“ (24, 25, 64, 78, 114, 115 и др.), „Книдосъ“ 65, 180, „Меланхрой“ 114, „Милесійцы“ 66 (хотя 67 „милетцы“), „памфилійцы“ 62 (о дорійской филѣ), „Скопадъ“ (подъ вліяніемъ или исключительнаго Σκοπάδειον ἔργον у Лукіана или ѳессалійскихъ Скопадовъ?). Смущаетъ меня „Дельфовъ“

---

[1]) Греческаго текста въ книгѣ всего два стиха на стр. 144, съ рядомъ опечатокъ.

87, 111, 122, 123 и др. отъ Дельфы, „Балкановъ“ 66, 134, „діонисическій“ 103, 126, 202, „пиндарическій“ 111; неудачно „іерофантрія“ 125. На стр. 92 „острое придыханіе“.

Опечатокъ замѣчено мной десятка четыре (22, 24, 28, 28, 35, 38, 51, 60, 78, 78, 82, 84, 87, 99 („подъ“ = надъ), 99, 104, 111, 113, 115, 119, 128 („пиѳійскій вѣшатель“), 130, 137, 142, 144 — штукъ пять, 154, 156, 180, 185, 188, 201, 203); особенности употребленія запятой и тире, какъ и орѳографіи „вначалѣ“, „вродѣ“, „вдревности“ и т. п. (напр., 87, 105, 27, 29), не считаю. Встрѣчаются рядомъ: основаньемъ, прибавленьемъ, участьемъ, открытья, Средиземноморья съ Средиземноморія, изобрѣтенія, купанія и т. п.

Разумѣется, подобные внѣшніе недочеты нельзя считать существенными. Minima non curat praetor.

Въ общемъ книга, несомнѣнно, богатая содержаніемъ, поучительная и интересная и пробуждающая интересъ къ разнообразнымъ трактуемымъ въ ней вопросамъ.

А. Никитскій.

Книжныя новости.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію въ теченіе мая и іюня мѣсяцевъ 1915 года.

— *Нансенъ, Фритьофъ.* Въ страну будущаго. Великій Сѣверный путь изъ Европы въ Сибирь черезъ Карское море. Съ портретомъ автора, 155 рисунками и 3-мя картами. Авторизованный переводъ съ норвежскаго А. и П. Ганзенъ. Изданіе К. И. Ксидо. П. 1915. 453 стр. Цѣна 3 р. 50 к.

— *Гнѣдичъ, П. П.* Сочиненія. Томъ VIII. На окраинѣ. Повѣсти и разсказы. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ. П. 356 стр. Цѣна 1 р. 25 к.

— *Михайловъ, М. Л.* Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ, критико-біографическимъ очеркомъ и библіографическимъ указателемъ. Подъ редакціей П. В. Быкова. Томъ четвертый. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ. С.-Пб. 335 стр. Цѣна 1 р. 25 к.

— *Левитинъ, С.* Педагогика и милитаризмъ въ Германіи. Книгоиздательство б. М. В. Попова. П. 1915. 126 стр. Цѣна 1 р.

— *Свѣтловъ, В. Я.* Сочиненія. Томъ VII. Вешній потокъ. Изданіе Т-ва А. Ф. Марксъ. С.-Пб. 378 стр. Цѣна 1 р. 25 к.

— *Чарнолускій, В. И.* Съѣзды по народному образованію. Сборникъ постановленій и резолюцій всероссійскихъ и областныхъ съѣздовъ по вопросамъ народнаго образованія (школьнаго, внѣшкольнаго и дошкольнаго) съ подробнымъ своднымъ алфавитнымъ указателемъ содержанія. (Включены постанов-

ленія 61 съѣзда). П. 1915. 345 стр. Цѣна 3 р. (Ежегодникъ народнаго образованія. Годъ первый. Выпускъ I).

— *Ольшевскій, Н. М.* Разворъ произведеній русской словесности. I т. I выпускъ. Одесса 1915. 277+IV стр.

— *Балашевъ, Н. И.* Общая географія (курсъ V класса мужскихъ гимназій). Ташкентъ 1915. 152 стр. Цѣна 85 к.

— *Володкевичи, Н. и Н.* О практическихъ занятіяхъ по физикѣ. Два доклада на всероссійскомъ съѣздѣ преподавателей физики, химіи и космографіи въ Петроградѣ въ 1912—13 году. Кіевъ 1915. 32 стр. Цѣна 70 к.

— Указатель временной этнографической выставки русскаго населенія Галиціи, Буковины и Венгріи. П. 1915. 20 стр.

— *Ефимовъ, Н. И.* Народная словесность. Программа-конспектъ лекцій, читанныхъ на Юрьевскихъ высшихъ женскихъ курсахъ въ 1914—1915 акад. году. Юрьевъ 1915. 40 стр.

— *Бузескулъ, В., проф.* Современная Германія и нѣмецкая историческая наука XIX-го столѣтія. Къ происхожденію современной германской идеологіи. П. 1915. 72 стр. Цѣна 60 к.

— *Смоленскій, И. Л.* Всемірная война 1914—1915 года и Гровъ Господень. Изданіе газеты „Русская Рѣчь" въ Одессѣ. Одесса 1915. 19 стр. Цѣна 25 коп.

— Каталогъ издательства „Посредникъ". 1885—1915. М. 80 стр.

— Отчетъ о состояніи Рижской Александровской гимназіи за 1912—13 учебн. годъ. Рига 1914. 107+45 стр.—То же за 1913—14 учебный годъ. Рига 1915. 134 стр.

— Первый общеземскій съѣздъ по статистикѣ народнаго образованія 1913 года. Доклады. Харьковъ 1913. 726+67 стр.—Сводка свѣдѣній о состояніи земской статистики народнаго образованія (по даннымъ анкеты, разосланной бюро съѣзда въ губернскія и уѣздныя земства). Харьковъ 1913. 226 стр.—Постановленія перваго общеземскаго съѣзда по статистикѣ народнаго образованія въ гор. Харьковѣ, 12-го — 18-го іюня 1913 года. Харьковъ 1913. 29 стр.

— Труды общеземскаго съѣзда въ гор. Харьковѣ по статистикѣ народнаго образованія. 12-го—18-го іюня 1913 г. Отчетъ. Бюро по организаціи съѣзда. Журналы засѣданій съѣзда и его секцій. Сводъ постановленій съѣзда. Харьковъ 1914. 353+65 стр.

— Сельско-хозяйственный промыселъ въ Россіи. Изданіе Департамента Земледѣлія. П. 1914. 9 нен.+252 стр. въ листъ.

— Харьковская Губернская Земская Управа. Отчетъ по лѣтнимъ учительскимъ общеобразовательнымъ педагогическимъ курсамъ 1914 г. Харьковъ 1915. 36+18 стр.

— Отчетъ Петровскаго общества распространенія коммерческаго образо-

ванія о дѣятельности торговой школы Имени Императора Николая II-го за 1913—1914 учебный годъ. Часть 1-я. Составилъ *Г. М. Одынъ*. П. 1914. 66 стр.

— Отчетъ Петровскаго Общества распространенія коммерческаго образованія за 1913—1914 учебный годъ. Часть 2-я. П. 1915. 50 стр.

— Дѣтскія изданія книжнаго склада М. М. Стасюлевича. П. 1914. 48 стр.

— *Жирковъ, Ив.* Сказки русскихъ писателей. Книга I. Съ рисунками въ текстѣ. М. 1915. 44 стр. Цѣна 15 к.

— *Тюлеліевъ, К. А.* Образовательная цѣнность латинскаго языка. Изданіе Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1914. 23 стр. Цѣна 15 к.

— Труды V-го Всероссійскаго съѣзда хоровыхъ дѣятелей, состоявшагося въ Петроградѣ 14-го—18-го іюня 1914 г. Составилъ свящ. *П. И. Тиховъ* подъ редакціей С. М. Витошинскаго. П. 1914. 51 стр.

— Труды второго совѣщанія инспекторовъ высшихъ начальныхъ училищъ Смоленской губерніи 16-го—19-го іюня 1914 года. Изданіе Смоленской дирекціи народныхъ училищъ. Смоленскъ 1915. 276 стр.

— Изъ матеріаловъ съѣзда инспекторовъ народныхъ училищъ Смоленской губерніи, бывшаго въ Смоленскѣ 26-го—30-го апрѣля 1913 г. Смоленскъ 1915. 262 стр.

— *Острейко, С. П.* Задачи и вопросы по математикѣ, предлагаемые въ Англіи на экзаменахъ по курсу средней школы. М. 1915. 24 стр. Цѣна 20 к.

— Педагогическій Музей военно-учебныхъ заведеній. Каталогъ пособій по естествознанію. Выпускъ I. Систематическая коллекція по зоологіи. С.-Пб. 1914. 168 стр. Цѣна 50 к.—Выпускъ II. Геологическій отдѣлъ (неживая природа). П. 1915. 142 стр. Цѣна 35 к.

— *Коноровъ, М. И.* Лабораторія экспериментальной педагогической психологіи при Педагогическомъ Музеѣ военно-учебныхъ заведеній. II. Дѣятельность лабораторіи за первое десятилѣтіе 1901—1911 гг. С.-Пб. 1913. 60 стр. Цѣна 40 к.

— *Новалисъ.* Фрагменты I въ переводѣ Григорія Петникова. Книгоиздательство „Лирень". М. 1914. 32 стр. Цѣна 70 к. (въ апрѣльской книгѣ въ это заглавіе вкралась ошибка).

— *Джемисонъ, С.* Пріемышъ Черной Туанетты. Повѣсть. Переводъ съ англійскаго А. Займовской. Съ рисунками. М. 1915. 175 стр. Цѣна 85 к. (Библіотека И. Горбунова-Посадова. № 308).

— *Караваевы, Л. и Ж.* Какъ мнѣ сдѣлать самому простые летательные аппараты. Птицы, аэропланы, парашюты, воздушные шары. Со многими рисунками. М. 1915. 32 стр. Цѣна 20 к. (Библіотека И. Горбунова-Посадова. № 311).

— *Ульяновъ, Н., Вазовъ, И., Воскресенскій, А.* На морѣ и на землѣ. Сборникъ географическихъ разсказовъ. Выпускъ IV. Въ царствѣ винтиковъ, пружинокъ и колесиковъ. По болгарскимъ горамъ. Двѣ недѣли среди самоѣдовъ.

Великіе морскіе каналы: Суэцкій и Панамскій. Со многими рисунками. М. 1915. 127 стр. Цѣна 70 к. (Библіотека И. Горбунова-Посадова. № 301).

— *Шрифтеръ, А.* Ночь подъ Рождество среди снѣга и льда. Разсказъ. Съ нѣмецкаго С. А. Порѣцкій. Съ рисунками. Изданіе второе. М. 1915. 41 стр. Цѣна 25 к. (Библіотека И. Горбунова-Посадова. № 10).

— *Ортъ, Ф.* Бесѣда съ сыномъ по поводу опасной привычки. Переводъ Л. Горбуновой. М. 1915. 32 стр. Цѣна 12 к. (Библіотека новаго воспитанія и образованія. Подъ редакціей И. Горбунова-Посадова. Выпускъ CV).

— *Петрова, Н. Б.* I. Изъ дневника народной учительницы. II. Дѣти-сироты. М. 1915. 187 стр. Цѣна 65 к. (Библіотека новаго воспитанія и образованія подъ редакціей И. Горбунова-Посадова. Выпускъ CIV).

— *Поповъ, И. П.* Для чего нужны выставки сельскаго хозяйства и скотоводства. Изданіе восьмое. М. 1915. 16 стр. Цѣна 2 к. (Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь. Подъ редакціей И. Горбунова-Посадова. Кн. 160).

— *Поповъ, И. П.* О пользѣ травосѣянія въ крестьянскомъ скотоводствѣ. Изданіе 2-е. Съ 13 рисунками. М. 1915. 16 стр. Цѣна 3 к. (Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь. Подъ редакціей И. Горбунова-Посадова. Книжка 163).

— *Сажинъ, И. В.* О вредѣ пива и виноградныхъ винъ. М. 1915. 24 стр. Цѣна 8 к. (Борьба съ пьянствомъ. Подъ редакціей И. Горбунова-Посадова. Выпускъ 43).

— Каталогъ изданій (книжекъ и листковъ) издательства „Борьба съ пьянствомъ“ и „Посредникъ“. Подъ редакціей И. Горбунова-Посадова. 24 стр.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪѢЗДЪ ПО ВОСПИТАНІЮ.

Министерство народнаго просвѣщенія получило приглашеніе принять участіе въ съѣздѣ по воспитанію, который состоится въ Окландѣ близъ Санъ-Франциско съ 16-го по 27-е августа 1915 г. Къ сожалѣнію, въ виду переживаемыхъ событій министерство лишено возможности командировать на этотъ съѣздъ офиціальныхъ представителей.

Международный съѣздъ по воспитанію устраивается при непосредственномъ содѣйствіи національной ассоціаціи воспитанія Соединенныхъ Штатовъ въ связи съ панамо-тихоокеанской международной выставкой. Во главѣ исполнительнаго комитета съѣзда стоитъ министръ народнаго просвѣщенія Штатовъ (по американской терминологіи — комиссіонеръ воспитанія Соединенныхъ Штатовъ) Клакстонъ. Для общихъ собраній съѣзда намѣчены слѣдующіе вопросы: міровые успѣхи воспитанія съ 1900 г., управленіе школами, предоставленіе денежныхъ средствъ народнымъ школамъ, сельское образованіе, при-

мѣненіе и границы воспитанія въ отношеніи къ разнаго рода дѣтямъ, среднее образованіе, образованіе по способностямъ, учительскія организаціи, сельско-хозяйственное образованіе, профессіональное образованіе, высшіе идеалы въ воспитаніи.

Кромѣ общихъ собраній международнаго съѣзда состоятся частные съѣзды. Программа ихъ будетъ составлена съ такимъ разсчетомъ, чтобы одновременно происходили засѣданія не болѣе трехъ съѣздовъ и при томъ такихъ, которые не соприкасаются между собою по предметамъ своихъ занятій. Эти частные, такъ сказать секціонные съѣзды слѣдующіе: по дѣтскимъ садамъ, отдѣлъ воспитанія по способностямъ и практическимъ навыкамъ, съѣздъ физическаго образованія, школьныхъ изслѣдованій, по библіотекамъ, съѣздъ начальнаго образованія, дѣлового образованія, научнаго образованія, средняго образованія, школьной гигіены, по вопросамъ профессіональнаго надзора за народными школами, по подготовкѣ учителей для начальныхъ школъ, по такой же подготовкѣ для среднихъ школъ, о высшемъ образованіи, о воспитаніи исключительныхъ дѣтей, о школьной администраціи, о сельскомъ и сельско-хозяйственномъ образованіи, объ отношеніи между школой и кооперативными организаціями, по вопросамъ управленія въ обстановкѣ класса.

Конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ уполномочилъ президента Штатовъ пригласить иностранныя правительства къ участію въ международномъ съѣздѣ, въ видѣ ли назначенія почетныхъ вице-президентовъ съѣзда или какъ-нибудь иначе, а національная ассоціація воспитанія разсылаетъ приглашенія соотвѣтственнымъ обществамъ въ другихъ странахъ съ просьбою прислать на съѣздъ своихъ представителей.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ АКАДЕМИКА А. А. МАРКОВА О ПРОЕКТѢ ПРЕПОДАВАНІЯ ТЕОРІИ ВѢРОЯТНОСТЕЙ ВЪ СРЕДНЕЙ ШКОЛѢ.

Министерство народнаго просвѣщенія произвело среди профессоровъ и преподавателей анкету относительно проекта директора Урюпинскаго реальнаго училища П. С. Флорова и моего ввести преподаваніе теоріи вѣроятностей въ среднія учебныя заведенія. Понятны усилія многихъ продвинуть впередъ вопросъ о преподаваніи теоріи вѣроятностей въ средней школѣ. Отчетъ объ этомъ движеніи данъ въ моей статьѣ „Теорія вѣроятностей и математика въ средней школѣ", напечатанной въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за февраль, мартъ и апрѣль 1915 года.

Въ майской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за текущій годъ напечатана статья академика А. А. Маркова „О проектѣ П. С. Флорова и П. А. Некрасова преподаванія теоріи вѣроятностей въ средней школѣ".

Статья эта требуетъ съ моей стороны возраженій, какъ содержащая неточности, извращающія цѣли и смыслъ проекта П. С. Флорова и моего, и притязающая на нѣкоторыя изъ трудовъ моихъ и П. С. Флорова.

Академикъ А. А. Марковъ въ своей статьѣ благоразумно умолчалъ о томъ фактѣ, что вотъ уже около семнадцати лѣтъ, начиная съ 1898 года, онъ ведетъ со мною въ журналахъ личную ученую полемику о сравнительныхъ преимуществахъ системъ исчисленія функцій безгранично растущаго числа операцій и явленій,—полемику [1]),

[1]) Этапы этой ученой полемики указаны въ XXVIII томѣ журнала „Математическій Сборникъ" (стр. 351—460), въ моей статьѣ, доложенной Московскому Мате-

уже ликвидированную и теперь перенесенную на почву общепедагогическихъ вопросовъ средней школы, которая мало А. А. Маркову извѣстна.

Изъ факта полемики уже слѣдуетъ, что академикъ А. А. Марковъ находится подъ вліяніемъ не того благопріятнаго настроенія эмоцій, какое необходимо, чтобы голосъ свѣдущаго лица могъ быть учтенъ какъ серьезный показатель, наводящій на объективно вѣрное рѣшеніе вопросовъ министерской анкеты.

Статья А. А. Маркова старается представить проектъ П. С. Флорова и мой зданіемъ, построеннымъ на пескѣ; а между тѣмъ подъ нимъ подведена почва, заимствованная у свѣтилъ русской и западноевропейской науки и у солидныхъ знатоковъ профессіональнаго педагогическаго дѣла.

Начну скорбный листъ возраженій съ весьма характерной фактической неправильности сдѣланнаго А. А. Марковымъ показанія, относящагося къ той части проекта П. С. Флорова и моего, которая предполагаетъ включить въ основную (двухчасовую) программу теоріи вѣроятностей, кромѣ упрощеннаго П. С. Флоровымъ вывода теоремы Я. Бернулли, столь же упрощенный выводъ теоремы К. Пирсона, представляющей важный варіантъ теоремы Я. Бернулли, рѣшающій задачу Вандермонда относительно тиражей, естественныхъ, какъ смерть [1]), переселеніе, мирныхъ, какъ эксплоатація почвы, рудника, рынка, очага промысловой охоты, предпріятій и пр., и военныхъ, какъ смерть героевъ въ сраженіи, и ликвидирующихъ обязательства по займамъ государственнымъ и общественнымъ. По словамъ А. А. Маркова (стр. 31—32), „указаніе на теорему Пирсона представляетъ невообразимую путаницу понятій“, такъ какъ, будто бы, „совершенно

матическому Обществу при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ въ 1911 году и, по постановленію сего общества, изданной въ 1912 году подъ заглавіемъ: „*Общій основной методъ производящихъ функцій въ приложеніи къ исчисленію вѣроятностей и къ законамъ массовыхъ явленій. Четвертый отвѣтъ академику А. А. Маркову*“. Эта статья отвѣчала на статью А. А. Маркова: „Отповѣдь Некрасову“ (Матем. Сборникъ, стр. 215—227). Она не только отпарировала нападенія А. А. Маркова, направленныя противъ моихъ трудовъ, но и дала въ исчерпывающей формѣ важное обобщеніе теоремы академика Чебышева о среднихъ величинахъ, порѣшившее незаконченныя изслѣдованія.

[1]) Пирсоновская діаграмма мужской смертности населенія Англіи приведена съ моими истолкованіями на стр. 525 моей „Теоріи вѣроятностей“ (изд. 2-е. Петроградъ, 1912). Уже одно только біометрическое толкованіе задачи о тиражахъ и оборотахъ показываетъ, что задача эта играетъ большую роль въ теоріи и практикѣ вѣроятностей—вопреки утвержденію А. А. Маркова (стр. 32).

напрасно искать теорему Пирсона" на стр. 519 моей „Теоріи вѣроятностей" (изд. 2-е. Петроградъ, 1912).

Приглашаю читателей своими глазами убѣдиться, что, вопреки этому утвержденію А. А. Маркова, теорема Пирсона на страницахъ 519—520 моей „Теоріи вѣроятностей" *есть*, *существуетъ*, ибо тамъ *даны* ея условія, ея выводъ и ея заключеніе, представляемое уравненіемъ:

$$\frac{1}{y} \cdot \frac{dy}{dx} = \frac{-x}{\beta . (x-\alpha_1) . (x-\alpha_2)} \cdot \qquad (2)$$

Почему же А. А. Марковъ не замѣтилъ этой цѣнной теоремы и отвергаетъ даже возможность ея существованія? Конечно, не потому что на цитируемыхъ страницахъ не напечатано: „теорема", а потому, что теорема эта выражена не въ формѣ Бьэнэмэ—Маркова, а въ досадной А. А. Маркову дифференціальной формѣ Некрасова—Пирсона. Общія преимущества дифференціальнаго, а не интегральнаго выраженія теоремъ о вѣроятностяхъ потоковъ наличности давно разъяснены другими авторами и также мною въ главѣ II моей большой монографіи: „Новыя основанія ученія о вѣроятностяхъ суммъ и среднихъ величинъ" (Матем. Сб. т. XXI, 1901); дѣло состоитъ въ томъ, что картина (графикъ, діаграмма) закономѣрности представляется лучше, полнѣе именно дифференціальнымъ уравненіемъ, изъ котораго интегрированіемъ легко получится теорема, если угодно, и въ формѣ Бьэнэмэ—Маркова.

На стр. 32 А. А. Марковъ отмѣтилъ существованіе теоремы, рѣшающей задачу Вандермонда о тиражахъ, въ трудѣ Dr. *A. Meyer*: Vorlesungen Wahrscheinlichkeitsrechnung (deut. bearb. von E. Czuber. 1879) и пытается закрѣпить тріумфъ перваго доказательства видоизмѣненной теоремы Я. Бернулли не за Пирсономъ, а за Мейеромъ и Чуберомъ. Но теоремы К. Пирсона и Мейера—Чубера сильно различаются одна отъ другой по методу вывода и по выраженію заключеній; а если дѣлать сближеніе отдаленно, то обѣ онѣ въ ихъ совпадающихъ слѣдствіяхъ издали предвосхищены въ элементарной теоремѣ Чебышева 1867 года, если обозначеніе Буняковскаго (1846) сблизить съ неравенствами Чебышева (1867). Тріумфъ, слѣдовательно, принадлежитъ русскому генію.

Цѣлью проекта П. С. Флорова и моего было указаніе еще болѣе элементарнаго доказательства теоремы о тиражахъ, пригоднаго для средней школы. Совершенно элементарное доказательство является слѣдствіемъ примѣненія къ задачѣ Вандермонда той же самой пре-

красной манеры, какую П. С. Флоровъ удачно примѣнилъ къ чрезвычайно упрощенному выводу обыкновенной теоремы Я. Бернулли, доказавъ тѣмъ самымъ, что онъ, Урюпинскій педагогъ П. С. Флоровъ, обладаетъ мудрымъ талантомъ излагать великія истины въ наипростѣйшей формѣ, подходящей къ возрасту средней школы. Знающій потребности средней школы не могъ бы не восхищаться такимъ рѣдкимъ талантомъ, ибо въ подвигахъ литературы, созидаемой для средней школы, особенно важенъ именно вопросъ о томъ, что П. С. Флоровъ называетъ низведеніемъ сложной истины (съ академическаго Олимпа) до уровня средней школы. Оцѣнка дѣла съ этой точки зрѣнія должна будетъ признать, что рекордъ простоты доказательства теоремы о тиражахъ остается за П. С. Флоровымъ и что предложенныя какъ Пирсономъ, такъ и Мейеромъ—Чуберомъ доказательства видоизмѣненной теоремы Я. Бернулли, относящейся къ задачѣ Вандермонда, слишкомъ сложны, непригодны для элементарнаго курса.

Не учебною только, но и ученою заслугою П. С. Флорова надо признать то, что онъ изящно просуммировалъ факторіальный биномъ, фигурирующій въ задачѣ Вандермонда о тиражахъ, съ помощью простого основного опредѣленія вѣроятности, а не посредствомъ головокружительнаго для средней школы взятія опредѣленнаго интеграла, представляющаго величину гипергеометрическаго ряда. Такое изящество доказательства цѣнилъ когда-то французскій классицизмъ, да и древній греческій, любившій красоту во всемъ. И эту заслугу П. С. Флорова А. В. Васильевъ взялъ подъ сомнѣніе, а А. А. Марковъ приравнялъ негодному выводу. Съ этой оцѣнкой я рѣшительно несогласенъ.

Вотъ еще образецъ критики А. А. Маркова. Извѣстно, что Гальтоновскія и Пирсоновскія статистическія взаимоотношенія (корреляціи), связывающія x съ y, бываютъ по свойствамъ „линіи регрессіи“ [1]) двухъ родовъ:

---

[1]) Этимъ именемъ математико-статистическая школа Пирсона называетъ основныя линіи, около которыхъ синоптически сортируются числа фактовъ. Правила вычерчиванія основныхъ геометрическихъ мѣстъ, служащихъ синоптическою рамою для отображенія экспериментально вычерпанныхъ числовыхъ выводовъ, составляютъ предметъ номографіи, дополняющій картографію, какъ отдѣлъ географіи, начертательной геометріи и математической статистики. Въ моихъ трудахъ „Математическая статистика“ и „Теорія вѣроятностей“ и въ Менделѣевской книгѣ „Познаніе Россіи“ карты и номографическія основанія приспособлены къ теоремѣ Чебышева.

линейныя вида:

$$y\ (=)\ r\ .\ \frac{\sigma_2}{\sigma_1}\ .\ x$$

и нелинейныя, кои возможно привести къ виду:

$$y\ (=)\frac{\sigma_2}{\sigma_1}\ .\ [r+f(x)]\ .\ x,$$

гдѣ $f(x)$ есть функція, обращающаяся въ нуль при $x=0$. Если $r=0$, то для линейной связи это обозначаетъ *независимость* y отъ x; но для нелинейной связи условіе $r=0$ не означаетъ независимости y отъ x. А. А. Марковъ усматриваетъ въ этомъ не два различныхъ случая, а „свидѣтельство о неправильности перваго утвержденія“ (стр. 31).

А. А. Марковъ примѣняетъ въ педагогической практикѣ къ себѣ и другимъ неодинаковыя мѣрила. Такъ мой игрушечный статистическій опытъ, устанавливающій ученическія понятія изъ области статистическихъ взаимоотношеній, онъ называетъ „привлеченіемъ учениковъ средней школы къ производству пустяковыхъ опытовъ“ (стр. 30). Но аналогическія же занятія самого А. А. Маркова со студентами онъ, А. А. Марковъ, не считаетъ пустяковыми и включилъ ихъ въ свой курсъ „Исчисленіе вѣроятностей“ (изд. 3-е) на страницы 359 — 374.

Обсуждая элементарныя основы статистической теоріи, изложенныя въ моей статьѣ „Задачи и игры“, А. А. Марковъ говоритъ (стр. 31): „авторъ, какъ будто, настоящимъ образомъ доказываетъ статистическіе законы“. Слова „какъ-будто“ показываютъ, что критикъ и самъ не увѣренъ въ томъ, что онъ говоритъ. Да и въ дѣйствительности сказанное имъ не вполнѣ вѣрно. На самомъ дѣлѣ статистическіе законы доказываются мною лишь съ коэффиціентомъ *высокой вѣроятности* (нравственной достовѣрности), но не *абсолютной*, непререкаемой *достовѣрности*. Эти потенціальные законы (проекціи возможной дѣйствительности) въ статьѣ „Задачи и игры“ доказываются не болѣе и не менѣе, чѣмъ аналогичные законы доказываются А. А. Марковымъ на страницахъ 347—374 его книги „Исчисленіе вѣроятностей“. Различіе между предложенными мною доказательствами и доказательствами А. А. Маркова существуетъ лишь въ степени ихъ трудности: доказательства, предложенныя въ статьѣ „Задачи и игры“, совершенно элементарныя (что и соблазнило П. С. Флорова включить ихъ въ элементарный курсъ теоріи вѣроятностей); въ доказательствахъ же А. А. Маркова нѣтъ именно элементарности, нужной для средней школы.

Вмѣстѣ съ проф. Б. М. Кояловичемъ, также и А. А. Марковъ воздѣйствуетъ на читателя устрашеніемъ (стр. 34), что... Замѣтимъ, что негодный, по мнѣнію А. А. Маркова, проектъ П. С. Флорова и мой однороденъ съ тѣмъ, какой осуществляется умными, практичными и *безстрашными* англійскими педагогами. Англичане давно предлагаютъ юношамъ элементарный курсъ теоріи вѣроятностей, содержащійся какъ въ старой алгебрѣ Christal'я, цитированной въ отвѣтѣ проф. А. В. Васильева, такъ и въ новѣйшихъ руководствахъ представителей Пирсоновской математико-статистической школы, напримѣръ, въ книгѣ *Udny Yule*: An Introduction to Theory of Statistics. London, 1911. Курсъ П. С. Флорова по сравненію съ курсомъ Юля представляетъ значительныя упрощенія.

Отмѣчу утрированность нападокъ А. А. Маркова (стр. 33—34) на статью П. С. Флорова „Шашка впередъ". Въ сущности нападки сводятся къ тому, имѣлъ ли право авторъ „Шашки впередъ" пользоваться аналогіями, а именно—уподобленіемъ игрока свидѣтелю. Полагаю, что да, ибо жесты игрока суть свидѣтельства съ коэффиціентомъ вѣроятности для его партнера.

Нападеніе А. А. Маркова на ученіе о вѣроятностяхъ свидѣтельствъ, преданій, нравственныхъ ожиданій и пр. (стр. 33) является для академика, принявшаго каѳедру послѣ В. Я. Буняковскаго, крупною ошибкою самого А. А. Маркова, вошедшею и въ его книгу: „Исчисленіе вѣроятностей". Ученіе о вѣроятностяхъ преданій, свидѣтельствъ, сводныхъ признаковъ есть фундаментъ такъ называемаго *символическаго исчисленія*, связывающаго каждое „я" съ „не-я". Каждый жестъ природы, слово, рѣчь, цѣлый народный эпосъ, изустный и литературный, надписи на памятникахъ, уроки исторіи, твердыя слова власти и закона, дѣйствительнаго на широкомъ пространствѣ въ своемъ приложеніи, ложатся на душу людей, какъ свидѣтельствующіе символы, вызывая въ людяхъ тѣ или другія психологическія отвѣтныя реакціи.

Образованность народовъ немало зависитъ отъ того, насколько вошла въ житейскій обиходъ научно-грамотная рѣчь индуктивной математики, говорящая посредствомъ историко-статистически обоснованныхъ предложеній, связывающихъ подлежащія со сказуемыми опытнымъ коэффиціентомъ надежности. Такая взвѣшенная рѣчь легче „ведетъ въ священный Римъ", т. е. къ соціальному правопорядку, вѣрнѣе освѣщаетъ связь настоящаго съ прошедшимъ и будущимъ и вѣрнѣе запасаетъ фонды-залоги противъ погрѣшности ожиданій—за-

логи легкіе (см. мою книгу „Теорія вѣроятностей“, стр. 264), не ложащіеся слишкомъ тяжелымъ бременемъ на плеча Геркулеса.

Итакъ, притязанія А. А. Маркова къ проекту П. С. Флорова не имѣютъ основанія въ примѣненіи къ средней школѣ, которая беретъ изъ науки наиболѣе элементарныя части, имѣющія наиболѣе образовательное значеніе.

Теперь я долженъ выяснить нападки А. А. Маркова на тѣ мои замѣчанія на проектъ П. С. Флорова, въ коихъ были упомянуты работы А. А. Маркова и мои, преслѣдовавшія выполненіе одинаковыхъ научныхъ темъ, примыкающихъ къ центральному открытію академика П. Л. Чебышева въ области математическихъ ожиданій и статистическихъ средне-ариѳметическихъ величинъ.

Вопросъ этотъ интересуетъ всѣхъ насъ, людей науки, потому, что открытіе Чебышева, еще не всѣми оцѣненное, можно, думаю я, уравнять по важности къ открытію Коперникомъ основной астрономической системы, которую потомъ дополнялъ цѣлый рядъ ученыхъ, разрабатывая отклоненіе *конкретной* астрономіи отъ *абстрактной* схемы Коперника. Но теорема Чебышева затрагиваетъ совсѣмъ другое созвѣздіе, называемое обществомъ, и, продолжая дѣло Я. Бернулли и Лапласа, оріентируетъ общественную мысль (мы) съ ея высшими (духовными) и низшими (желудочными) интересами какъ въ отношеніи къ мысли и владѣнію каждаго отдѣльнаго „я“, такъ и въ отношеніи къ физической системѣ міра, частью которой служитъ механизмъ человѣческаго тѣла.

Вниманію читателей А. А. Марковымъ (стр. 29) и мною (моими замѣчаніями на проектъ П. С. Флорова) ставится вопросъ, кто изъ насъ впервые обобщилъ теорему мемуара Чебышева „О среднихъ величинахъ“ (см. Матем. Сборникъ, томъ II, 1867), распространивъ ее на *связанныя* величины. Вопросъ этотъ я расчленю на два: 1) кто впервые сдѣлалъ попытки обобщенія теоремы Чебышева, но достигъ цѣли неполно (не исчерпавъ всѣ случаи) и не далъ вполнѣ элементарнаго доказательства, и 2) кто впервые обобщилъ теорему Чебышева полно, въ исчерпывающей (универсальной) формѣ, и далъ вполнѣ элементарное доказательство. Мой отвѣтъ на эти два вопроса уже содержится въ указанной выше статьѣ „Общій основной методъ производящихъ функцій“ и сводится въ сущности къ слѣдующему. На первый вопросъ я отвѣчаю такъ: „А. А. Марковъ, но и я“, а на второй вопросъ отвѣчаю такъ: „я, но не А. А. Марковъ“. Приведу въ возможно краткой формѣ фактическія основанія этихъ моихъ утвержденій.

Геніальный мемуаръ Чебышева „О среднихъ величинахъ“, являющійся вѣчнымъ вкладомъ въ математическую теорію познанія и владѣнія, относится къ безгранично развивающемуся и воспринимаемому въ наличности потоку *независимыхъ* величинъ $\varepsilon_1, \varepsilon_2, \ldots, \varepsilon_k, \ldots$ и къ средне-ариѳметической величинѣ:

$$X_m = \frac{1}{m} \cdot (\varepsilon_1 + \varepsilon_2 + \ldots + \varepsilon_m),$$

$m = 1, 2, 3\ldots$ Отборъ *независимыхъ* величинъ соотвѣтствуетъ особенной простотѣ выраженія о вѣроятности сложнаго событія при условіи независимости составляющихъ его простыхъ явленій [1]). Случай же *зависимости* величинъ $\varepsilon_1, \varepsilon_2, \ldots$ развивающагося потока наличностей мемуаромъ Чебышева оставленъ безъ разсмотрѣнія и на первый взглядъ кажется неподдающимся элементарному изслѣдованію. Однако же онъ изслѣдуется, какъ очень простое слѣдствіе неравенства, доказаннаго Чебышевымъ въ мемуарѣ „О среднихъ величинахъ“. Неравенство это примѣняется къ *уединенной* перемѣнной величинѣ X, а слѣдовательно и къ средней величинѣ $X = X_m$, взятой для зависимыхъ перемѣнныхъ $\varepsilon_1, \varepsilon_2, \ldots, \varepsilon_m$, составляющихъ часть безграничнаго потока наличностей, одушевленныхъ или же неодушевленныхъ.

Это слѣдствіе первоначальной теоремы Чебышева равносильно ея крайнему обобщенію, относящемуся къ любому развивающемуся потоку зависимыхъ перемѣнныхъ и даже къ смѣси независимыхъ и зависимыхъ перемѣнныхъ, какъ это бываетъ въ конкретномъ многообразіи текущихъ, непроцѣженныхъ отборомъ явленій. Кѣмъ же и когда дано такое крайне упрощенное доказательство теоремы въ общей исчерпывающей формѣ, представляющей, можно сказать, уни-

---

[1]) *Отборъ независимыхъ* имѣетъ еще и *другое*, болѣе важное значеніе; онъ аргументируетъ правильное истолкованіе весьма важной антиноміи естественно-научнаго знанія, которая можетъ быть высказана такъ: „существуетъ ли въ мірѣ свободная причинность или же существуетъ только необходимость, т. е. природа“. Это— третья антиномія критики Канта, важная для установленія понятія о творческой свободѣ, объ обязанностяхъ и отвѣтственности и моральномъ зрѣніи (совѣсти) и впервые истолкованная съ точки зрѣнія мемуара Чебышева „О среднихъ величинахъ“ во введеніи къ помянутой выше моей монографіи „Новыя основанія“ (1901), затѣмъ въ моей монографіи: „Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности“ (Математ. Сборникъ, томъ XXIII, 1902), а потомъ въ книгѣ: „Вѣра, знаніе и опытъ“ (Петроградъ, 1912) и въ статьѣ: „Общій основной методъ производящихъ функцій“ (Матем. Сборн., томъ XXVIII, стр. 453—458. 1912).

версальный принципъ теоріи познанія и воспріятія наличностей. Впервые, по моему, оно дано въ такой именно формѣ въ моемъ докладѣ Московскому математическому обществу въ 1911 году и напечатано въ указанномъ выше моемъ мемуарѣ: „Общій основной методъ производящихъ функцій". На этомъ фактѣ я и основываю свои притязанія на упрощеніе доказательства.

Надъ обобщеніемъ теоремы Чебышева не безъ успѣха работалъ, повторяю, и А. А. Марковъ; его работы состоятъ изъ ряда статей, начатыхъ мемуаромъ: „Распространеніе закона большихъ чиселъ на величины, зависящія другъ отъ друга" (Извѣстія физико-математическаго общества при Импер. Казанскомъ университетѣ за 1907 годъ); но А. А. Марковъ, какъ и я, тогда шелъ къ своей цѣли путемъ еще слишкомъ сложныхъ доказательствъ, дававшихъ простые результаты лишь при нѣкоторыхъ ограниченіяхъ. Теперь А. А. Марковъ, замалчивая эти ему извѣстные факты, болѣе вѣскіе, чѣмъ то, что проникло изъ нихъ въ „Задачи и игры", говоритъ на страницѣ 29, что П. А. Некрасову „не принадлежитъ ни распространеніе теоремы Чебышева на случай связанныхъ величинъ, ни упрощеніе ея доказательства".

Очевидно, А. А. Марковъ желаетъ приписать всецѣло себѣ полученіе и упрощеніе доказательства всеобщей теоремы о среднихъ величинахъ.

А. А. Марковъ былъ очень близокъ къ этому упрощенному способу обобщенія, ибо имъ въ первомъ изданіи „Исч. вѣр." (1900) данъ аналогическій ходъ разсужденій, но онъ относился къ другому вопросу, а именно къ упрощенному выводу первоначальной теоремы Чебышева, относящейся только къ потоку независимыхъ перемѣнныхъ. Поэтому ссылка А. А. Маркова на этотъ фактъ не относится къ дѣлу 1907—1912 годовъ, а по другому аналогичному вопросу 1900 г. я въ отчетѣ „Теорія вѣроятностей и математика въ средней школѣ" отдалъ должное заслугамъ А. А. Маркова.

Само собою разумѣется, что понятіе о связанности потоковъ перемѣнныхъ величинъ существовало въ теоріи познанія и въ практикѣ ранѣе обобщенія теоремы Чебышева, но оно стояло не на почвѣ исчерпывающаго элементарнаго доказательства, годнаго для средней школы. Для слабыхъ зависимостей я даже раньше А. А. Маркова отмѣтилъ это обобщеніе, трактуя понятія о связанности и независимости и статистическія мѣрила связанности и независимости въ моемъ трудѣ: „Философія и логика науки о массовыхъ проявленіяхъ чело-

вѣческой дѣятельности" (Математическій Сборникъ, томъ XXIII, 1902). Тѣ же понятія и похожія статистическія мѣрила связанности и независимости культивируются съ конца прошлаго вѣка школою Гальтона—Пирсона—Юля въ Англіи и школою Фехнера—Ранке въ Германіи,—но культивируются безъ отношенія къ теоремѣ Чебышева; я же показалъ, что основанія этой статистической теоріи улучшаются отъ присоединенія къ нимъ критики съ помощью теоремы Чебышева.

Съ своей стороны я лишь констатирую факты, а судить о притязаніяхъ предоставляю лицамъ, способнымъ стать на болѣе объективную точку зрѣнія, чѣмъ захваченныя эмоціей спорящія стороны. Факты эти переданы въ статьѣ А. А. Маркова въ ненадлежащей версіи.

Элементарное ученіе о связанности и независимости величинъ лично мною пристраивается по линіи авторовъ: *Лапласъ—Лагранжъ—Коши—Чебышевъ—Некрасовъ—Пирсонъ*; А. А. Марковъ съ своей стороны дѣлаетъ пристройку по линіи авторовъ—*Лапласъ—Бьэнэмэ—Чебышевъ—Марковъ*.

Въ 1884 году я уже работалъ надъ этими отдѣлами высшей и элементарной науки, но пошелъ не по пути Бьэнэмэ, а по плану Лагранжа и Коши [1]), обновленному мною, какъ объяснено на страницѣ 52 тома XII Математическаго Сборника (1885), въ моей диссертаціи „Рядъ Лагранжа и приближенныя выраженія функцій весьма большихъ чиселъ". Этотъ планъ однимъ и тѣмъ же способомъ высшихъ и элементарныхъ исчисленій приводитъ къ возможности опытнаго изслѣдованія закономѣрности трехъ категорій: 1) законы механики, небесной и земной, 2) законы исчисленія вѣроятностей, соотвѣтствующіе употребленію духовной энергіи существъ, преобразующему первую категорію законовъ, и 3) законы обращенія функцій, удовлетворяющихъ данному уравненію, составляемому по требованіямъ законовъ второй и первой категоріи.

Обращеніе функцій обнимаетъ и нормы гражданскаго права, а не механику только [2]).

---

[1]) *Cauchy*: 1) Mémoire sur divers points d'analyse (1829) и 2) Mémoire sur le développement de f (ζ) suivant h, ζ étant une racine de l'équation $z-x-h \cdot \omega(z)=0$ (1829).

[2]) Сошлемся на такіе труды, какъ фундаментальный трудъ Б. Ѳ. Малешевскаго, трактующій соотвѣтственно финансовому правообороту задачу обращенія функцій

Синтезъ законовъ трехъ вышеперечисленныхъ категорій даетъ полноту понятія о томъ, что вселенная есть потокъ явленій, управляемый сложными законами и управляемый такъ, что законы первой категоріи (законы природы) поддаются вліянію законовъ второй категоріи, т. е. сортирующему вліянію духа и нормамъ права. Вліяніе того или другого новаго фактора, введеннаго мыслью въ потокъ, измѣняетъ вѣроятностные коэффиціенты выхода, а статистика проливаетъ свѣтъ на эти коэффиціенты по формуламъ и по фактамъ.

Многіе вопросы обращенія сводятся сортирующею работою духа къ циклометрическимъ линейнымъ корреляціямъ (Матем. Сборн., томъ XII, стр. 377—420, 1885, и „Матем. Образ.", № 28, 1915), къ симметрическимъ функціямъ алгебры и къ группамъ теоріи сочетаній (*В. П. Ермаковъ*: Теорія вѣроятностей, 1886).

Геніальный мемуаръ Чебышева „О среднихъ величинахъ" (1867) весьма рѣзкою чертою отдѣлилъ элементарную часть курса теоріи вѣроятностей отъ высшей. При этомъ высшая часть курса стала примыкать къ элементарной, какъ естественное развитіе и логическое продолженіе основъ элементарнаго курса. По проекту П. С. Флорова и моему корни индуктивной математики могутъ и должны быть пущены въ средней школѣ всѣхъ типовъ, а вѣтви ея будутъ достояніемъ высшей школы и спеціальныхъ отдѣленій старшей ступени средней школы. Проектъ ясенъ, онъ знаетъ, откуда и куда ведетъ учениковъ, и предлагаетъ строить учебную работу не на субъективной руководящей идеѣ, какъ голословно утверждаетъ А. А. Марковъ (стр. 33), и не на пескѣ, а на хорошемъ объективно-научномъ фундаментѣ.

Нападенія А. А. Маркова на проектъ П. С. Флорова и мой ведутся, кромѣ спора о пріоритетахъ, еще и изъ-за того, что вопросы проектируемаго курса теоріи вѣроятностей въ средней школѣ связаны мною, повторяю, съ линіей авторовъ: Я. Бернулли—Лапласъ—Коши—Чебышевъ—Некрасовъ—Пирсонъ, а не съ линіей авторовъ: Я. Бернулли — Лапласъ — Бьэнэмэ — Чебышевъ — Марковъ. При сравненіи этихъ двухъ линій нужно сопоставить идеи Коши и, съ другой стороны, Бьэнэмэ и сказать, чьи руководящія идеи лучше.

Непосвященнымъ въ тонкости математической критики достаточно привести на справку слѣдующіе показательные факты: 1) методъ

въ статьѣ: „Уравненіе цѣнностей процентныхъ бумагъ" (см. Б. Ѳ. Малешевскаго: Теорія и практика пенсіонныхъ кассъ. Томъ I).

Бьэнэмэ былъ предложенъ въ качествѣ поправки къ методу Коши, но Коши, крупнѣйшій изъ французскихъ математиковъ XIX вѣка, не призналъ достоинствъ за этою поправкою [1]), и послѣдующее развитіе математическихъ знаній подтвердило мнѣніе Коши; 2) изслѣдованія А. А. Маркова не устранили недостатковъ метода Бьэнэмэ, не покрывающаго требованій науки, не отражающаго многообразія статистическихъ закономѣрностей въ природѣ; 3) методъ Бьэнэмэ сданъ въ архивъ науки не мною только, но и французскими академиками (Ж. Бертранъ, Пуанкаре), англійскими профессорами (К. Пирсонъ, Юль), нѣмецкими (Фехнеръ, Ранке) и шведскими (Charlier).

Почему это сдѣлано? Потому что теорія Бьэнэмэ—Маркова даетъ лишь *черезполосно* вѣрную (лакунарную) формулу вѣроятности, распредѣленной по скалѣ вышеуказанной средне-ариѳметической величины X_m; теорія Бьэнэмэ—Маркова грѣшитъ недостаткомъ вниманія къ *типамъ* измѣненія наличности m. X_m, потенціально угадываемой и дѣйствительно воспринимаемой изъ потока. Такъ кто же „варитъ щи изъ топора“ (стр. 32)?

Сущность нападенія А. А. Маркова на проектъ измѣненія программъ математики, представленный въ отчетѣ „Теорія вѣроятностей и математика въ средней школѣ“, сводится, какъ говоритъ самъ А. А. Марковъ, къ его желанію „выяснить негодность плана преподаванія теоріи вѣроятностей, который намѣченъ программами и объясненіями П. С. Флорова и П. А. Некрасова“ (стр. 26). Вышеизложенное же показываетъ, что на самомъ дѣлѣ желаніе А. А. Маркова надо считать желаніемъ вполнѣ годный планъ, идущій мимо Бьэнэмэ—Маркова и осуществляемый лучшими изъ европейскихъ школъ, замѣстить не всегда годнымъ планомъ Бьэнэмэ—Маркова.

Что касается діалектики А. А. Маркова, приведенной на страницахъ 27—28 его отзыва, то она является злоупотребленіемъ логикой „тожества неразличимыхъ“ [2]). Здѣсь А. А. Марковъ привелъ въ доказательство принципы теоріи предѣловъ, кои онъ уже отдавалъ на судъ ученыхъ обществъ и получилъ тамъ мой надлежащій отвѣтъ (см. Математическій Сборникъ, томъ XXVIII, стр. 223—224 и 459). А. А. Марковъ въ этомъ вопросѣ злоупотребляетъ при помощи того

---

[1]) Исторія спора Коши и Бьэнэмэ кратко изложена въ трудѣ И. Слешинскаго: „Къ теоріи способа наименьшихъ квадратовъ“ (Одесса, 1892).

[2]) Этой логикѣ посвященъ характеризующій ее разсказъ „Великое открытіе“, помѣщенный въ книжкѣ доктора философіи кн. Д. Д. Цертелева „Метафизическія сказки“ (Петроградъ, 1912).

коренного порочнаго круга [1]) въ доказательствѣ (circulus vitiosus), противъ котораго творцы логики не могли и не могутъ выдвинуть ничего другого, кромѣ вѣры въ гипотезу и научно заостреннаго опыта. Кто же со временъ Лейбница и Ньютона не знаетъ, что коренное злоупотребленіе логикой математики и діалектикой возможно именно въ сферѣ теоріи предѣловъ, которая постоянно бываетъ вынуждена погружать начала и концы своей аргументаціи въ области прямой и обратной безконечности. Именно въ этихъ дебряхъ логики математики, какъ извѣстно даже съ очень древнихъ временъ индусскихъ мудрецовъ и греческихъ философовъ и до нашихъ дней, встрѣчаются противорѣчивые вопросы, дедуктивно неразъяснимые, вызывающіе споръ даже, напримѣръ, относительно основаній геометріи и кинематики [2]) и принуждающіе оперировать опытомъ вѣры въ гипотезы, относящіяся къ находящемуся внѣ объема сознанія, къ разсѣянію вниманія, къ исчезанію величинъ въ предѣлахъ безконечности и безконечной малости, къ міру ирраціональныхъ чиселъ, какъ предѣлу міра и раціональныхъ чиселъ. Назовемъ эту загадочную область, гдѣ такъ называемая *перцепція* [3]) беретъ верхъ надъ *апперцепціей*, гдѣ вѣра имѣетъ перевѣсъ надъ непосредственнымъ знаніемъ, гдѣ лежитъ какъ возможность *истинной реальности*, такъ и *пустой фикціи*, созданной абстрактнымъ мышленіемъ и обманомъ посредствомъ внушенія— назовемъ ее *трансфинитной областью*, запредѣльною для человѣческаго вниманія, воспринимающаго наличности.

На страницахъ 27 и 28 своего отзыва А. А. Марковъ именно за

---

[1]) *В. Минто:* Дедуктивная и индуктивная логика. Переводъ съ англійскаго С. А. Котляревскаго, стр. 380. Москва, 1896.

[2]) Читатель можетъ познакомиться съ этими вопросами по интересной статьѣ С. А. Богомолова: „Аргументы Зенона Элейскаго при свѣтѣ актуальной безконечности“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за апрѣль 1915 года). Вниманію читателей предлагается еще статья проф. В. Я. Цингера: „Недоразумѣнія во взглядахъ на основанія геометріи“ (Труды IX съѣзда русск. естествоисп. и врачей. Москва, 1894), книга И. Жегалкина: „Трансфинитныя числа“ (Москва, 1908), трудъ проф. А. В. Васильева: „Введеніе въ анализъ“ (Казань, 1908) и трудъ В. Л. Некрасова: „Строеніе и мѣра линейныхъ точечныхъ областей“ (Томскъ, 1907). Вниманію лицъ, интересующихся философіей вѣры, предлагается книга проф. отца Павла Флоренскаго: „Столпъ и утвержденіе Истины“ (Москва, 1914).

[3]) Философія математики и теоріи вѣроятностей различаетъ, слѣдуя Лейбницу, Лапласу, Гербарту, Н. В. Бугаеву, В. М. Бехтереву (см. его мемуаръ „О личномъ и общемъ сознаніи“,—Вѣстникъ психологіи, томъ IX, Петроградъ), Г. И. Челпанову и другимъ, замѣтныя воспріятія или апперцепцію, отъ перцепціи, безсознательнаго воспріятія.

счетъ этой трансфинитной области и лежащаго въ ней коренного порочнаго круга въ доказательствѣ излилъ противъ трудовъ П. С. Флорова и моихъ цѣлый потокъ софистическихъ обвиненій „въ путаницѣ понятій“ и „недопустимомъ для математика злоупотребленіи безконечностью, осложненномъ ссылкою на предѣльную вѣроятность 1“ [1]).

Читатель, не знакомый съ исторіей и философіей математики, легко можетъ подумать, что А. А. Марковъ знаетъ то, чего не знаютъ другіе,—знаетъ ученіе, которое даетъ полное и опредѣленное (безъ всякой путаницы, называемой „разсѣяніемъ“) рѣшеніе загадочныхъ задачъ изъ области трансфинитной математики. Но на дѣлѣ это ученіе, судя по возраженіямъ А. А. Маркова, подобно ученію ницшеанскаго Заратустры и, судя по принятымъ имъ аксіомамъ, проповѣдуетъ дурную индусскую теорію познанія, превращающую трансфинитную реальность въ иллюзію. Въ самомъ дѣлѣ, изъ цитированныхъ споровъ А. А. Маркова, оставившихъ слѣдъ въ XXVIII томѣ Математ. Сборника, очевидно, что онъ не дѣлаетъ различія между двумя понятіями о безконечно-малой величинѣ. Эти понятія суть: потенціальное (какъ ожиданія, вожделѣнія, возможности) и актуаль-

---

[1]) Парадоксальный пиѳагорейскій силлогизмъ, приведенный въ „Предисловіи“ къ моей „Теоріи вѣроятностей“ для возбужденія должнаго вниманія къ неразрѣшимымъ дедуктивно задачамъ и взятый А. А. Марковымъ для обличенія (кого, меня или пиѳагорейцевъ?) на стр. 28 его статьи, есть частный случай, дедуктивно неразрѣшимой логико-математической загадки, связанной съ ученіемъ о трансфинитныхъ числахъ и относящейся къ безконечно малой ошибкѣ $\sqrt{2}-\frac{a}{b}$, стремящейся къ нулю и находящейся внѣ области апперцепціи при возрастаніи b до ∞, предполагая, что цѣлыя числа a и b суть числитель и знаменатель подходящей дроби, полученной съ помощью непрерывной дроби, равной $\sqrt{2}$. Если такія предѣльныя ошибки повторяются въ безпредѣльномъ огромномъ числѣ, то изъ слагаемыхъ пылинокъ ошибки создается туча неправильностей; она представляется въ формѣ неопредѣленнаго произведенія $0 . \infty = 0$ пропасти, существующей въ формѣ загадки между раціональными и ирраціональными числами, между міромъ дискретныхъ (прерывныхъ) перемѣнныхъ чиселъ и міромъ непрерывныхъ чиселъ, наполняющихъ сплошныя скалы анализа безконечно-малыхъ, говорятъ профессоръ А. В. Васильевъ во „Введеніи въ анализъ“ и проф. Н. В. Бугаевъ—творецъ ученія о числовыхъ производныхъ функціяхъ и о прерывномъ исчисленіи Ex и Eφ(x), имѣющемъ огромное значеніе въ параллельномъ истолкованіи законовъ обращенія числовыхъ прерывныхъ функцій и числовыхъ непрерывныхъ функцій. О неразрѣшимыхъ вопросахъ соотвѣтствія числовыхъ группъ (многообразій) говорятъ доклады професс. Б. К. Млодзѣевскаго и другихъ на 2-мъ съѣздѣ преподавателей математики. Всѣ эти невязки и нехватки покрываются интуиціей и индукціей.

ное (истинно-дѣйствительное). А. А. Марковъ считаетъ различеніе того и другого злоупотребленіемъ, а безразличіе того и другого сводитъ къ утвержденію, что въ предѣлѣ всякія безконечныя-малыя величины по формѣ и существу вплотную достигаютъ *абсолютнаго* нуля [1]). Этимъ ирреальнымъ предѣломъ удовлетворились бы индусскіе іоги, считающіе свое божество пустотою пустотъ, изъ которой все выходитъ и въ которую все возвращается. Но „ex nihilo nihil fit", положительная наука ни въ какомъ случаѣ не можетъ помириться съ такою теоріей предѣловъ, которая все сводитъ къ пустотѣ пустотъ или иллюзіонизму. Съ этой позитивной точки зрѣнія злоупотребленіе логикой „тожества неразличимыхъ" всецѣло принадлежитъ А. А. Маркову и его единомышленникамъ. Ученіе А. А. Маркова соотвѣтствуетъ дурной теоріи познанія, отъ которой надо предостеречь учителей и учениковъ, что и сдѣлалъ послѣ раздумья умный профессоръ Сазиковъ, выведенный въ Цертелевскомъ разсказѣ „Великое открытіе". Къ несчастію для школы, дурная математическая теорія познанія пустила довольно глубокіе корни въ Петроградскихъ болотахъ, заволакивающихъ вредными испареніями дѣйствительныя свѣтила науки и ея преподаванія.

Индуктивное освѣщеніе является существенно-необходимымъ коррективомъ противъ иллюзіонизма, въ коемъ витаетъ анализъ безконечно-малыхъ А. А. Маркова. Школа уроками логики и математики должна возбудить жажду истины, выясняя, что логическіе круги не устранимы въ предѣлѣ, но философія вѣры и религія подраздѣляютъ круги на двѣ категоріи: одни круги истинные, стремящіеся къ вѣчной благостной реальности, а другіе—тѣ, кои имъ противостоятъ и называются ложными, иллюзорными; различаются круги у Данте въ „Божественной Комедіи".

Для юношества особенно важно, чтобы педагогъ облегчалъ и исправлялъ отвлеченныя понятія теоріи потенціальныхъ и актуальныхъ предѣловъ конкретными представленіями, отъ которыхъ мысль ученика легче движется по пути къ тому или другому предѣлу. На

---

[1]) Опредѣленіе безконечно-малаго, меня удовлетворяющее, содержится въ книжкѣ М. Г. Попруженко: „Начала анализа" (Петроградъ, 1913). Такое же опредѣленіе дано безконечно-малому въ курсѣ анализа П. С. Флорова (еще не изданномъ). Болѣе краткія опредѣленія, взятыя подъ особое покровительство нѣкоторыми учено-учебными инстанціями, я считаю недостаточными, а именно двусмысленно замалчивающими неодинаковость рода безконечно-малыхъ и возможность коренной ошибки примѣненія логики „тожества неразличимыхъ".

этомъ настаиваютъ П. С. Флоровъ и другіе профессіональные педагоги [1]). Огромная группа педагоговъ математиковъ признаетъ государственно-опаснымъ отнятіе индуктивной математики, или, иначе сказать, математической основы экспериментальнаго метода у средней школы. Они признаютъ неотложнымъ введеніе въ среднюю школу курса теоріи вѣроятностей, созидающаго схемы и модели научно изощреннаго опыта. Если высказать эту ихъ завѣтную мысль въ сакраментальной формѣ, то она скажется словами: „Итакъ облечемся въ оружія свѣта“ (Римл. XIII, 12).

Заключу вышеизложенное слѣдующими утвержденіями.

1. Академикъ А. А. Марковъ въ своей статьѣ, при обиліи различныхъ другихъ цитатъ, умолчалъ о томъ, что статья его есть продолженіе ученой полемики лично со мною, исчерпанной отвѣтами на нее и ликвидированной учеными обществами. Эмоціи воспрепятствовали автору дать объективный отвѣтъ на вопросы министерской анкеты.

2. Въ вопросѣ, относящемся къ теоріи предѣловъ и къ ученію о безконечности, статья А. А. Маркова содержитъ злоупотребленія логикой „тождества неразличимыхъ“, а именно прибѣгаетъ къ ея порочному кругу въ доказательствѣ (circulus vitiosus), примѣненному имъ въ сферѣ трансфинитныхъ чиселъ. Относительно этой сферы дедукція можетъ строить лишь гипотезы, для повѣрки которыхъ не существуетъ въ наукѣ ничего другого, кромѣ вѣры въ гипотезу и опыта, да и простой опытъ иногда бываетъ безсиленъ въ этой сферѣ, и тогда остается лишь религіозно-научно-политическій опытъ подъ просвѣтительнымъ гербомъ, подобнымъ тому, который содержится въ изданной по повелѣнію императора Петра Великаго ариѳметикѣ (около 1700 года).

3. Въ опредѣленіи безконечно-малаго А. А. Марковъ держится *дурной* математической теоріи познанія и воспріятія, соотвѣтствующей иллюзіонизму или потенціальной безконечности, а не актуальной безконечности.

4. Статья А. А. Маркова содержитъ фактическія неточности, искажающія смыслъ и цѣли проекта П. С. Флорова и моего по вопросу о введеніи преподаванія теоріи вѣроятностей въ среднюю школу.

5. Притязанія академика А. А. Маркова ни въ какомъ смыслѣ

---

[1]) *К. Ѳ. Лебединцевъ*: Теорія предѣловъ въ курсѣ средней школы. Доклады, читанные на 2-мъ Всеросс. Съѣздѣ преподавателей математики. Москва, 1915.

не должны имѣть отношенія къ вопросу о введеніи элементарнаго курса теоріи вѣроятностей въ среднюю школу, которая изъ этой науки возьметъ лишь наиболѣе элементарное, стоящее на твердыхъ основаніяхъ, выработанныхъ свѣтилами науки и ея преподаванія.

6. Курсъ индуктивной математики, въ основаніи котораго лежитъ элементарная теорія вѣроятностей и индуктивная логика, необходимъ въ средней школѣ, какъ коррективъ противъ злоупотребленія отвлеченностью и какъ средство фактическаго освѣщенія гипотезъ, научныхъ и практическихъ. Чѣмъ скорѣе будетъ введенъ этотъ курсъ въ среднюю школу, тѣмъ будетъ лучше для поколѣній, воспитываемыхъ средними учебными заведеніями, и для будущности нашего отечества.

П. Некрасовъ.

ПАТРІАРХІЯ И ХРАМЫ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ ОТЪ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВѢКА ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

Историческій очеркъ.

29-го мая 1453 года, подъ ударами оружія османскихъ турокъ, палъ Константинополь, столица нѣкогда могущественной и побѣдоносной Византійской имперіи. Еще во второй половинѣ XIII вѣка, въ царствованіе византійскаго императора Михаила VIII Палеолога, турки прочно утвердились въ Малой Азіи, затѣмъ, пользуясь политическими смутами и династическими раздорами въ Византійской имперіи, постепенно расширяли предѣлы своего государства на счетъ и въ ущербъ великой православной державы. Въ 1326 г. турками былъ взятъ городъ Пруса, гдѣ и была учреждена столица османскаго царства, въ серединѣ XIII в. вошла въ составъ его вся Малая Азія, за исключеніемъ города Филадельфіи, гдѣ еще продолжало развѣваться византійское знамя. Въ 1354 г. турки овладѣли Каллиполемъ (Галлиполи) и этимъ весьма важнымъ завоеваніемъ открыли себѣ путь изъ Азіи въ Европу. Въ 1360 г. султанъ Мурадъ I перешелъ Геллеспонтъ, въ слѣдующемъ году взялъ византійскія крѣпости Тиролою и Дидимотихъ, а потомъ овладѣлъ и Адріанополемъ. Въ 1363 г. отъ Византійской имперіи были оторваны города Филиппополь и Серры, а въ 1365 г. султанъ Мурадъ объявилъ Адріанополь своей резиденціей, заключилъ договоръ съ Рагузской республикой, покрывшею своими торговыми предпріятіями почти весь Балканскій полуостровъ, и утвердилъ коммерческія ея привилегіи. Въ 1389 г. Мурадъ на Коссовомъ полѣ нанесъ страшное пораженіе сербамъ и цѣной собственной гибели надолго прекратилъ самостоятельное существованіе славнаго сербскаго царства. Его сынъ Баязидъ I съ успѣхомъ продолжалъ завоевательныя дѣйствія Мурада. Въ 1390 г. былъ вынужденъ сдаться этому султану и городъ Филадельфія, остававшійся въ послѣднее время единственнымъ во всей Малой Азіи очагомъ свободнаго византинизма.

Вслѣдъ за тѣмъ Баязидъ временно овладѣлъ Өессалоникой. Въ 1393 г. онъ разгромилъ Болгарію и покорилъ столицу царства Тырново. Одновременно онъ сталъ окружать войсками Константинополь, готовясь къ завоеванію и этого города. Только приближеніе западнаго крестоноснаго ополченія, подъ предводительствомъ венгерскаго короля Сигизмунда, заставило Баязида снять осаду столицы Византійской имперіи. Но она была возобновлена въ 1397 г., послѣ разгрома Баязидомъ западнаго крестоноснаго ополченія. Византіи угрожала близкая гибель. Своимъ временнымъ спасеніемъ она была обязана знаменитому Тимуру, который въ кровавой битвѣ при Анкирѣ 20-го іюля 1402 г. нанесъ Баязиду страшное пораженіе и взялъ гордаго султана въ плѣнъ, гдѣ онъ и скончался. Разгромъ османской державы на цѣлое полустолѣтіе отодвинулъ паденіе Византіи. Императоръ Мануилъ Палеологъ (1391—1423 г.) въ 1403 г. опять взялъ Өессалонику и прекратилъ уплату туркамъ позорной дани. Султанъ Магометъ I, заключивъ съ нимъ союзъ, возвратилъ византійской коронѣ нѣкоторыя мѣстности въ Македоніи и Өессаліи. И въ Пелопоннисѣ, гдѣ турки взимали дань съ 1384 г., власть византійскаго василевса была возстановлена. Но сынъ и преемникъ Магомета Мурадъ, недовольный союзомъ Мануила съ его политическимъ противникомъ Мустафою, послѣ побѣды надъ послѣднимъ воспылалъ мщеніемъ противъ византійскаго императора и съ громадной арміей явился (1422 г.) изъ Адріанополя къ стѣнамъ Константинополя. Однако, византійцы отбили нападеніе, а равно, при помощи венеціанцевъ, защитили и Өессалонику отъ осады турокъ (1422 г.). Но въ Пелопоннисѣ византійцы потерпѣли пораженіе отъ турокъ, которые и произвели здѣсь страшное опустошеніе. Преемникъ Мануила, императоръ Іоаннъ VIII (1423—1448 г.), дорогою цѣною купилъ миръ въ Пелопоннисѣ, но потерялъ большую часть владѣній въ Македоніи и близъ Чернаго моря. Имперія теперь заключала въ своемъ составѣ полуостровъ по Босфору до Силиврiи и Деркона, да еще города Анхіалъ, Месимврію, Өессалонику, Ламію (Зейтунъ) и Святую Гору Аөонъ; лишь въ Пелопоннисѣ ей принадлежали болѣе обширныя территоріальныя владѣнія. Но 29-го марта 1430 г. Өессалоника, послѣ кровавой битвы, была отторгнута отъ византійской короны. Послѣдовательно отошли подъ власть турокъ и другіе византійскіе города. Когда же на престолъ вступилъ послѣдній византійскій императоръ Константинъ XI Палеологъ (1448—1453 г.), имперія состояла изъ одного лишь Константинополя. Византійцы предвидѣли скорую гибель своего великаго города, поэтому

энергично готовились къ защитѣ его. Но все было напрасно... Въ 1452 г. турецкій султанъ Магометъ II (съ 5-го февраля 1451 г.) разгромилъ Пелопоннисъ и лишилъ столицу имперіи той помощи, которая оттуда могла быть ей оказана, а 5-го апрѣля 1453 г. съ громадною арміей явился къ стѣнамъ Константинополя. Послѣ цѣлаго ряда осадъ, которыя мужественно отражались византійцами, Константинополь, наконецъ, 29-го мая былъ взятъ турками, при чемъ въ кровавой битвѣ съ фанатичными врагами палъ послѣдній византійскій императоръ Константинъ Палеологъ. 30-го мая султанъ Магометъ II совершилъ торжественный въѣздъ въ столицу покоренной Византіи и приказалъ обратить знаменитый храмъ Святой Софіи въ мусульманскую мечеть.

„О, городъ, городъ, глава всѣхъ городовъ, — оплакивалъ паденіе Константинополя византійскій историкъ Михаилъ Дука: — о, городъ, городъ, центръ четырехъ частей свѣта! О, городъ, городъ, похвала христіанъ и уничиженіе варваровъ! О, городъ, городъ, второй рай, насажденный на западѣ, имѣющій разнообразныя растенія, обильно приносящія духовные плоды! Гдѣ красота твоя, рай? Гдѣ твоя духовно-благодатная сила, благодѣтельная для души и тѣла? Гдѣ тѣлеса апостоловъ Господа моего, давно положенныя въ (этомъ) вѣчно цвѣтущемъ раю, гдѣ находившіяся вмѣстѣ съ ними багряница, копіе, губка и трость, которые мы лобызали и представляли, что видимъ Распятаго на крестѣ? Гдѣ мощи преподобныхъ и мучениковъ? Гдѣ прахъ великаго Константина и прочихъ царей? Улицы, портики, перекрестки, поля, виноградники — все было полно мощей святыхъ, тѣлесъ благородныхъ, чистыхъ подвижниковъ и подвижницъ. О, несчастье! Смертное (естество) рабовъ твоихъ Господи, вокругъ новаго Сіона, отдали въ пищу птицамъ небеснымъ, а плоть преподобныхъ твоихъ—звѣрямъ земнымъ, и нѣтъ погребающаго! О, храмъ и земное небо, небесный алтарь, божественныя и священныя зданія, красота церквей, книги священныя и словеса Божіи, законы древніе и новые, скрижали, написанныя перстомъ Божіимъ, благовѣстія, изглаголанныя устами Божіими, богословствованія плотоносныхъ ангеловъ, ученія богодухновенныхъ мужей, наставленія божественныхъ подвижниковъ, о, государство, народъ, воинство, прежде громадное, дома и разнообразныя палаты и священныя стѣны, нынѣ я все призываю и, какъ одушевленное, оплакиваю, имѣя Іеремію руководителемъ печальнаго повѣствованія“. И вслѣдъ затѣмъ писатель горько оплакалъ паденіе Византіи, представивъ соотвѣтствующія извлеченія изъ „Плача“ про-

рока Іереміи (I, 1 — 8, 10 — 13 и пр.), а въ заключеніе говоритъ: „Таковъ плачъ и рыданія Іереміи, которыми онъ рыдалъ по поводу опустошенія древняго Іерусалима, я же думаю, что Духъ прекрасно внушилъ (это) пророку и относительно новаго (Іерусалима). Въ самомъ дѣлѣ, какой языкъ превозможетъ описать и разсказать о несчастіи, происшедшемъ въ этомъ городѣ, объ ужасномъ плѣненіи и жестокомъ переселеніи, которое состоялось не изъ Іерусалима въ Вавилонъ или Ассирію, но изъ Константинополя въ Сирію, Египетъ, Арменію, Персію, Аравію, Африку, Италію—по разнымъ мѣстамъ, въ Малую Азію и прочія области? При томъ, какъ это было? Мужъ—въ Пафлагоніи, жена—въ Египтѣ, а дѣти разсѣяны обособленно по другимъ мѣстамъ,—отъ языка своего (были отторгнуты) къ другому нарѣчію, отъ благочестія—къ нечестію и отъ Божественнаго Писанія къ иностраннымъ письменамъ. Ужаснись, солнце, и ты, земля, стенай по поводу совершеннаго оставленія нашего рода праведнымъ Судіею Богомъ, происшедшаго по грѣхамъ нашимъ. Мы недостойны обратить взоръ свой на небо, но, поникши долу и обративъ лицо къ землѣ, будемъ восклицать: праведенъ Ты, Господи, и праведенъ судъ Твой,—мы согрѣшили, беззаконствовали, совершали неправду больше всѣхъ народовъ, и все то, что Ты послалъ намъ, Ты послалъ по истинному и праведному суду. Но пощади насъ, Господи, — мы молимся“.

Въ другой монодіи на паденіе Константинополя, принадлежащей Андронику Каллисту, содержатся слѣдующія выразительныя строки. „Увы, столица городовъ, общее злосчастіе народа, скорбь, проникающая до костей и мозговъ, красота и величіе храмовъ..., музеи, превосходящіе по красотѣ Академіи и Стои, по мудрости же нисколько не отличающіеся! О, пристань, прежде пріятная и счастливая для кораблей, нынѣ же злосчастная и нисколько не отличающаяся отъ Скиллы! О, Римъ новый, состарѣвшійся подъ тяжестью и множествомъ несчастій, гдѣ нынѣ твои украшенія? Гдѣ божественный царь, видящій острѣе Ѳемистокла, бесѣдующій пріятнѣе Нестора, болѣе разумный, чѣмъ Киръ, болѣе справедливый, чѣмъ Радамантъ, и болѣе храбрый, чѣмъ Ираклъ? Гдѣ красота церкви, божественный архіерей и непосредственно за нимъ (стоящіе іерархи) и прочій священный хоръ? Гдѣ храмы и пареѳоны (т. е. монастыри), воздержаніе монаховъ, близкое и къ ангеламъ? Гдѣ совѣщательныя палаты съ совѣтниками, — въ которыхъ что только изъ должнаго не было разсмотрѣно и что изъ сказаннаго тотчасъ не было исполнено?.. А гдѣ

судилище, оставившее на второмъ планѣ всякій законъ Солона и Платона, преимущественно украшенное наивысшею наукою и словесами духа, которыя сильнѣе всякаго убѣжденія и мудрости? Гдѣ прочій сонмъ избранныхъ мужей, украшенныхъ одни мудростью, а другіе— прочими доблестями, которыми украшается и строится государство?.. Гдѣ же господство наукъ, которое въ тебѣ процвѣтало? Гдѣ искусство грамматики, которое эллинизируетъ языкъ и дѣлаетъ его чистымъ отъ всякаго неблагозвучія? Гдѣ огненная сила риторики, которая зажигаетъ не меньше огня Химеры? Гдѣ мощь діалектики, отвергающая всякій софизмъ, прикасающаяся только къ истинѣ и справедливости? Гдѣ проблемы физики, вопросы и рѣшенія, превосходящія (установившійся) обычай и раздѣленія, гдѣ аналогіи и звуки музыки, схемы и основанія геометріи, причины, положенія и теченія планетъ?.. Гдѣ господство богословія и первой философіи, (выразившееся въ томъ), что основанія ихъ стали столпомъ православія, правиломъ и источникомъ догматовъ?..

„О, столица городовъ, какъ ты стерпѣла возложить иго рабства на свою выю? О, божественнѣйшій царь, какъ ты, будучи столь человѣколюбивъ и не переставая всякимъ способомъ человѣколюбія дѣйствовать въ пользу народа, нынѣ могъ оставить насъ въ несчастіи и столь великомъ рабствѣ всецѣло неустойчивыми и пребывающими на сушѣ и скалахъ? О, сонмъ избранныхъ, какъ вы могли покинуть соотечественниковъ и пронзить острою стрѣлою столь многія сердца? О, собраніе іереевъ и монаховъ, какъ вы не вознесли распростертыя руки къ Богу за васъ и насъ? Или вы сдѣлали все, что слѣдуетъ, а этому надлежало быть по путямъ, которые вѣдала премудрость Божія, превышающая и умъ Павла, но и препятствующая взирать на нее? О, всякое общество торговое и ремесленное, гдѣ вы нынѣ пребываете, оставивъ возлюбленный (городъ)? О, несчастныя женщины, въ какія бѣдствія вы впали, взирая на дѣтей, похищаемыхъ отъ груди, видя убиваемыхъ отцовъ, жениховъ и братьевъ! О, жалкіе старики, какого конца вы достигли! О, злосчастные юноши, какой смерти вы подверглись, вкусивши блага лишь краемъ перста, омочивши только уста, внутренность же (ваша) осталась не увлаженной! О, Божественная Софія, храмъ и домъ Бога, превосходящій всѣ храмы, какіе есть въ городахъ, гдѣ нынѣ твоя прелесть, великолѣпіе и красота, гдѣ блескъ драгоцѣнныхъ камней, разноцвѣтность мозаикъ, кто будетъ совершать въ тебѣ священное тайноводство, кто станетъ возсылать Богу священныя пѣсни? О, священный храмъ уче-

никовъ Спасителя, второй непосредственно послѣ онаго, уходитъ и твой блескъ и красота! Больше уже не будутъ соборно обсуждать въ тебѣ священныя голосованія и мы уже не будемъ склонять въ тебѣ слухъ къ поучающимъ. О, прочіе храмы Божіи, находящіеся вокругъ всего города, на подобіе звѣздъ сіяющіе въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ красота ваша, гдѣ чинопослѣдованія и церковныя торжества? Какъ вы были осквернены, какъ загрязнены и теперь оскверняетесь ногами нечестивыхъ! О, божественныя иконы и всѣ священные сосуды и украшенія ихъ, въ какія непотребныя руки вы попали! О, гробы святыхъ и раки, для какихъ нечестивыхъ мужей вы сдѣлаетесь вретищемъ! Увы, судовъ Твоихъ, Христе! Увы, снисхожденія Твоего! Мы нынѣ стали, какъ и въ началѣ, когда Ты не господствовалъ надъ нами, и преданы весьма жестокому и нечестивому тиранну мы, священный народъ и все святое мѣсто".

Такъ византійскіе писатели оплакивали паденіе Константинополя, и этотъ стонъ, раздавшійся съ береговъ Босфора, прошелъ по всему востоку и западу и повсюду, особенно въ нашемъ отечествѣ, вызвалъ горячій и сердечный откликъ и болѣзненное и сокрушенное настроеніе.

Между тѣмъ, завоеватель Византіи, султанъ Магометъ II, продолжалъ расширять могущественное османское царство и, спустя семь лѣтъ послѣ паденія Константинополя, покорилъ весь Пелопоннисъ, а потомъ занялъ и нѣкоторые острова Эгейскаго моря. Подъ его властью турецкая имперія, созданная на развалинахъ православнаго византійскаго царства, заключала въ своихъ предѣлахъ весь Балканскій полуостровъ, Сербію, Боснію, Болгарію, Валахію и Молдавію, Малую Азію съ примыкавшими къ ней областями, а также различные острова Архипелага, кромѣ Родоса, который былъ завоеванъ турками лишь въ 1525 году, Крита, занятаго въ 1669 г., Тиноса, отнятаго у венеціанцевъ въ 1715 г., и нѣкоторыхъ другихъ. Не входили въ составъ турецкой имперіи и Іонійскіе острова, гдѣ продолжали владычествовать венеціанцы вплоть до 1797 года.

Византійская церковь, вмѣстѣ съ государствомъ, подвергалась въ XIV и XV в. всѣмъ невзгодамъ и бѣдствіямъ грозныхъ и разрушительныхъ мусульманскихъ нашествій и завоеваній. Ея территоріальные предѣлы то сокращались, то отчасти возстановлялись, въ зависимости отъ новыхъ успѣховъ или турецкаго, или византійскаго оружія. Связь епархій съ Константинопольскою патріархіей, какъ церковно-административнымъ центромъ, постепенно ослабѣвала, или и

вовсе нарушалась, особенно въ отдаленныхъ отъ столицы областяхъ. Лишь въ силу церковной традиціи („τὰ ἀρχαῖα κρατείτω“) многія епархіи, входившія въ составъ византійскаго синтагматіона или каталога епархій, продолжали de jure тяготѣть къ своему административному центру—вселенскому патріаршему престолу и поддерживать каноническое съ нимъ общеніе. Синтагматіоны епархій этого престола, изданные въ прежнее время и, въ частности, при императорахъ Андроникѣ II и Андроникѣ III Палеологахъ, потеряли практическое свое назначеніе и, въ большей части своего содержанія, имѣли номинальный или историческій характеръ. Многія епархіи оставались въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ вакантными, другія были отданы во временное управленіе и для пользованія доходами (κατ' ἐπίδοσιν, κατὰ λόγον ἐπιδόσεως, ἐπιδόσεως λόγῳ) іерархамъ сосѣднихъ епархій или архіереямъ, оставшимся не у дѣлъ (σχολάζοντες), вслѣдствіе занятія ихъ церквей турками или персами,—иныя были присоединены къ сосѣднимъ епархіямъ и подчинены власти мѣстныхъ правящихъ іерарховъ. Вообще, ненормальное положеніе (ἀνωμαλία) политическихъ дѣлъ въ Византіи и водворившееся въ странѣ, вслѣдствіе нашествія враговъ, замѣшательство (σύγχυσις) и разореніе создали неблагопріятныя послѣдствія и въ церковно-административномъ строѣ и внесли большой безпорядокъ во внутреннюю жизнь Византійской церкви.

Любопытное описаніе Константинопольскаго патріархата—наканунѣ паденія Византіи—содержится въ одномъ офиціальномъ латинскомъ докладѣ подъ заглавіемъ: „Terrae hodiernae graecorum et dominia secularia et spiritualia ipsorum. De ecclesia et dominio graecorum hic infra“. Докладъ относится къ 30-му іюля 1437 г. и принадлежитъ особой папской комиссіи (въ составѣ доминиканца Іоанна di Ragusi, каноника-священника Генриха Menger'a и Симона Freron'a), которая въ 1435 г. была командирована въ Константинополь, по соображеніямъ уніональнаго характера, и представила свое сообщеніе собору въ Базелѣ.

Столица грековъ Константинополь, въ которомъ живетъ императоръ,—сообщаетъ докладъ,—окружена тройными стѣнами и весьма большими рвами. Одна его часть расположена на сушѣ и двѣ окружены моремъ, такъ что городъ по фигурѣ похожъ на треугольникъ. Городъ раскинулся на семи холмахъ, поэтому называется „eptalopos“. Въ Константинополѣ въ 1435 г. было восемь приходскихъ церквей (parrochiales ecclesiae), именно: Св. Софія, гдѣ обыкновенно живетъ константинопольскій патріархъ, свв. Апостоловъ, св. Петра, Дѣвы

Маріи, Господа Іисуса Христа, св. Георгія, Сорока Святыхъ и св. Михаила. Всѣ эти церкви обширныя и достойны удивленія, однако Св. Софія превосходитъ всѣ во всѣхъ отношеніяхъ—своими мраморными стѣнами и колоннами всякаго цвѣта, мозаикой, которая сіяетъ какъ солнце, скульптурой, весьма тонко изваянной на мраморѣ. Дверей въ храмѣ—мѣдныхъ, желѣзныхъ и деревянныхъ насчитывается столько, сколько имѣется дней въ году. Церковь настолько обширна, что здѣсь могутъ вмѣститься болѣе ста тысячъ человѣкъ.

Монастырей въ городѣ существуетъ болѣе 200, съ громаднымъ числомъ монаховъ и монахинь, при чемъ всѣ они построены изъ мрамора, украшены колоннами, мозаиками и прочими украшеніями. Въ церквахъ звонятъ въ колокола и ударяютъ, по древнему обычаю, въ деревянныя била.

Константинополь въ своей окружности имѣетъ длину въ 24 итальянскихъ мили, а весь городъ можно умѣреннымъ шагомъ объѣхать на конѣ въ теченіе пяти часовъ. Число жителей восходило до 40.000 человѣкъ, которые во время войны противъ невѣрныхъ могли имѣть достаточный запасъ содержанія,—затѣмъ, стѣны города были весьма крѣпки и, наконецъ, жители умѣли сопротивляться невѣрнымъ.

Въ городѣ много памятниковъ древности, колоннъ, скульптурныхъ произведеній изъ мрамора, древнихъ дворцовъ, водопроводовъ, подземныхъ сооруженій, цистернъ и прочихъ удивительныхъ построекъ, а въ гавани города могли бы помѣститься, кажется, всѣ суда міра и найти здѣсь вѣрную охрану отъ всякаго вѣтра. Противъ Константинополя находился городъ генуэзцевъ, называемый Пера, съ 3.000 жителей—итальянцевъ.

На западѣ отъ Константинополя греки владѣли пространствомъ на восемь дней пути на конѣ въ длину и двухъ дней или даже менѣе въ ширину, при чемъ эта область находилась подъ властью греческаго императора лишь во время мира, во время же войны она занималась невѣрными, за исключеніемъ нѣкоторыхъ городовъ и морскихъ крѣпостей. Въ этой мѣстности было восемь архіепископовъ, которые во время войны могли вмѣстѣ съ своимъ народомъ жить среди невѣрныхъ.

Въ другую западную страну, принадлежащую невѣрнымъ, во время войны и мира всегда посылались посвященные константинопольскимъ патріархомъ архіепископы для большого числа христіанъ, находившихся тамъ подъ властью невѣрныхъ,—съ разрѣшенія невѣрныхъ,

ради ихъ выгоды и благорасположенія со стороны христіанъ, подчиненныхъ невѣрнымъ,—при чемъ архіепископовъ здѣсь по числу было двѣнадцать.

Въ восточныя страны для большого числа христіанъ, здѣсь обитавшихъ, всегда посылались (изъ Константинополя) архіепископы, числомъ пятнадцать, при чемъ эти архіепископы имѣли и подчиненныхъ себѣ епископовъ, которыхъ они и посвящали.

Греки владѣли также островомъ Лимносомъ, гдѣ были два небольшихъ города, шесть крѣпостей и сто селъ. Здѣсь находился архіепископъ. На островѣ Имвросѣ былъ одинъ городъ, пять крѣпостей и двадцать селъ. На островахъ Скіаѳъ (Schiatus) и Скопелъ (Scupelum) были двѣ малыхъ крѣпости и пятнадцать селъ. Другой островъ—Мармара имѣлъ одну крѣпость и шесть селъ. Грекамъ принадлежали и другіе малые острова.

Въ Пелопоннисѣ находились слѣдующія провинціи: Коринѳская, Ахайская, Лакедемонійская, Спартская, Левктрская, Аргосская и другія. Въ этой странѣ было тридцать большихъ городовъ, двадцать весьма сильныхъ крѣпостей и четыреста селъ. Она находилась подъ властью трехъ братьевъ греческаго императора Іоанна Палеолога. Здѣсь были четыре архіепископа и очень много епископовъ. Эти земли были собственно греческія и свободны отъ невѣрныхъ; здѣсь греки имѣли свою какъ свѣтскую, такъ и духовную власть.

Духовная же только власть принадлежала грекамъ въ слѣдующихъ мѣстностяхъ. Въ Аѳинахъ они имѣли архіепископа и въ Ѳивахъ другого. Свѣтская же власть принадлежала здѣсь дукѣ Антонію II Аччьяоли, родомъ изъ Флоренціи. Въ состояніи то мира, то войны находились архіепископы Ѳессалоники, которая послѣ Рима и Константинополя была самымъ большимъ городомъ въ христіанскомъ мірѣ; шесть лѣтъ назадъ турки отняли городъ у венеціанцевъ. Иной архіепископъ находится въ Лариссѣ, занятой невѣрными, другіе—въ Серрахъ, Драмѣ (in Trachmis), Зихнѣ, Веріи (Feria), Сервіонѣ (in Sermone), Христополѣ, Кипсалѣ (Chipsali), Софіи, Филишополѣ, Адріанополѣ, гдѣ живетъ и властитель невѣрныхъ, Траянополѣ, Видинѣ (in Fidini) и иные болѣе шести. Всѣ эти архіепископы находятся подъ властью невѣрныхъ.

Затѣмъ Константинопольская церковь имѣла власть по духовнымъ дѣламъ въ двухъ Влахіяхъ, имѣющихъ собственный языкъ,—гдѣ были два царства и два властителя—въ предѣлахъ Угріи и Россіи (Ungariae et Russiae) и всѣ находились въ подчиненіи греческой церкви;

народъ былъ здѣсь весьма многочисленъ и сюда посылались четыре архіепископа.

И въ Великую и Малую Россію, гдѣ существуетъ пять княжествъ и князей, посылается по древнему обычаю одинъ архіепископъ, который преимуществуетъ предъ всѣми другими архіепископами грековъ въ денежныхъ своихъ взносахъ на пользу церкви. Здѣсь народъ—безъ числа, всѣ находятся въ повиновеніи греческой церкви, хотя и говорятъ своимъ языкомъ, имѣя сходство въ письмѣ съ влахами, письмо которыхъ греки знаютъ.

Въ Кафа (Ѳеодосія) также посылается одинъ архіепископъ, хотя городъ составляетъ владѣніе генуэзцевъ въ Тартаріи. Въ Мингреліи находится другой архіепископъ; здѣсь народъ многочисленъ, хотя и подчиненъ татарамъ. Въ Готѳіи (Gothia) есть свой архіепископъ, а здѣшній народъ отличается разными языками и подчиняется отчасти татарамъ, отчасти генуэзцамъ. Въ городѣ Амастрѣ, принадлежащемъ генуэзцамъ, есть одинъ архіепископъ; здѣсь говорятъ по-гречески и по-татарски, какъ въ Кафа, но письмо имѣютъ греческое. Въ тѣхъ же странахъ имѣются и другіе архіепископы, числомъ до пяти, но ихъ имена, равно и мѣстности въ докладѣ не указаны. Въ тѣхъ же предѣлахъ есть особая имперія—Трапезунтская, имѣющая письмо и языкъ грековъ; сюда (изъ Константинополя) посылается одинъ архіепископъ.

Есть и другое царство—на границахъ Унгріи и Турціи (Ungariae et Turciae), большая часть котораго занята невѣрными; народъ по вѣрѣ соединенъ съ греческою церковью, но самостоятельно и по установившемуся способу избираетъ (creantes in se) патріарха и архіепископовъ. Другая провинція находится въ Албаніи, гдѣ поступаютъ одинаковымъ образомъ, однако всегда бываютъ объединены съ греческою церковью (tamen uniti semper cum ecclesia graecorum). Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ, объединенныхъ съ греческою церковью, находятся, вѣроятно (possunt esse), тридцать архіепископовъ, исключая епископовъ, которые въ этихъ областяхъ существуютъ въ большомъ количествѣ и всегда посвящаются своими архіепископами.

Слѣдуетъ замѣтить, что во многихъ частяхъ Турціи находятся клирики, архіепископы и епископы, которые носятъ одежду невѣрныхъ и говорятъ ихъ языкомъ и ничего другого не могутъ произносить по-гречески, какъ только пѣть литургію (messam), евангеліе и посланія. Другія же молитвы многіе произносятъ на языкѣ турецкомъ.

Церковью Константинопольскою посылается одинъ архіепископъ на

островъ Родосъ, который населенъ греками, но принадлежитъ крестоносцамъ ордена св. Іоанна. На островъ Митилину, населенный греками и принадлежащій генуэзцамъ, посылаются три архіепископа. На островъ Ѳасосъ, населенный греками, посылается свой архіепископъ. Другой архіепископъ назначается на Хіосъ, населенный греками, но управляемый по договору генуэзцами. Иной епископъ находится въ мѣстности Эноса (in terra Enno), занятой турками. Острова Кипръ, Кандія (Quendia), Cervus (или Cervi) были заняты венеціанцами, которымъ, равно и генуэзцамъ, принадлежали и многіе другіе города, мѣстности и крѣпости.

Наконецъ, въ докладѣ сообщаются немногія свѣдѣнія о патріархатахъ Александрійскомъ, Антіохійскомъ и Іерусалимскомъ.

Таковъ былъ составъ Константинопольскаго патріархата въ 1435 г.

Послѣ же паденія Византіи, первый вселенскій патріархъ турецкой эпохи, знаменитый Геннадій Схоларій (1453—1456 г.), и его ближайшіе преемники по престолу прилагали всѣ усилія къ возстановленію внутренняго порядка и административнаго строя въ предѣлахъ вселенскаго патріархата. Патріархамъ предстоялъ громадный трудъ, какъ вслѣдствіе хитрой и лицемѣрной политики перваго турецкаго султана Магомета II и повсемѣстнаго разгрома, который сопровождалъ побѣдоносное шествіе турецкихъ полчищъ по Византійской имперіи, такъ и вслѣдствіе громадности территоріи, которая въ церковномъ отношеніи была этимъ султаномъ подчинена вселенскому патріарху. Какъ извѣстно, Геннадій Схоларій получилъ отъ султана Магомета II бератъ относительно своихъ церковно-гражданскихъ правъ и прономій. Обыкновенно въ султанскихъ бератахъ патріарховъ позднѣйшаго времени довольно подробно исчислялись тѣ епархіи и мѣстности турецкой имперіи, на которыя распространялась власть вселенскаго патріарха, но бератъ перваго патріарха Геннадія Схоларія отличался краткостью содержанія, въ общихъ чертахъ указывалъ его привилегіи и не исчислялъ епархій и городовъ, находившихся въ подчиненіи патріарху, лишь отмѣтивъ, что и „подчиненные ему архіереи“ не должны подлежать податямъ и повинностямъ. А одинъ изъ историческихъ памятниковъ эпохи слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ власть патріарха Геннадія: „И были подчинены ему всѣ церкви Константинополя и остальныя (церкви) епархій, *какъ и прочимъ* (бывшимъ) *прежде него патріархамъ*“. Значитъ, въ отношеніи церковной юрисдикціи Геннадій Схоларій унаслѣдовалъ права патріарховъ византійской эпохи, и всѣ церкви или епархіи патріархата, бывшія въ зави-

симости отъ константинопольскихъ патріарховъ до паденія Византіи, были сохранены подъ его юрисдикціей и послѣ основанія на развалинахъ Византіи новой мусульманской имперіи. Иначе сказать,—во второй половинѣ XV в. вселенскій патріархатъ совпадалъ въ своихъ границахъ съ предѣлами вновь возникшей на развалинахъ Византіи турецкой имперіи, за исключеніемъ автокефальныхъ патріаршихъ престоловъ Востока—Александрійскаго, Антіохійскаго и Іерусалимскаго въ составѣ закрѣпленныхъ въ ихъ синтагматіонахъ епархій, равно и Кипрской церкви и двухъ автокефальныхъ архіепископій—Охридской и Ипекской. Именно, въ его границахъ находились: Сербія, Молдавія и Валахія, Болгарія, Боснія, Македонія, Ѳракія, Эпиръ, Ѳессалія, Эллада и Пелопоннисъ, многіе острова Архипелага, вся Малая Азія вплоть до Сиріи, Арменіи и Грузіи, а также южная и юго-западная Россія. Всѣ епархіи, существовавшія въ этихъ предѣлахъ, и были подчинены первому патріарху турецкой эпохи, Геннадію Схоларію, который и пользовался въ этихъ епархіяхъ всѣми принадлежавшими ему по канонамъ и церковнымъ законамъ правами и привилегіями. Мало того,—юрисдикція константинопольскаго патріарха распространялась и на тѣ области, которыя еще не принадлежали къ составу турецкой имперіи, но, находясь подъ властью „франковъ", продолжали поддерживать церковныя отношенія съ Константинополемъ и, въ силу прежней канонической зависимости отъ вселенскаго престола, тяготѣли къ духовному съ нимъ общенію и единенію. Турецкое правительство на первыхъ порахъ не противодѣйствовало церковному общенію патріархіи съ пограничными епархіями, какъ въ силу дарованной константинопольскому патріарху прономіи и традиціоннаго у мусульманъ объединенія религіи съ правомъ, такъ и по мотивамъ политическимъ, придавая церковному союзу значеніе государственнаго фактора въ ближайшемъ объединеніи иновѣрныхъ окраинъ съ державой правовѣрныхъ. Патріархія же, въ свою очередь, унаслѣдовала такое взаимоотношеніе отъ византійской эпохи, когда для епархій, занятыхъ врагами, былъ выработанъ и особый modus vivendi въ области церковно-административныхъ отношеній, опиравшійся на 37 правило Трулльскаго собора. Этотъ соборъ, имѣя въ виду, что „въ разныя времена были варварскія нашествія и отъ того множайшіе грады содѣлались порабощенными беззаконнымъ", „и желая, чтобы *порабощеніе отъ язычниковъ отнюдь не дѣйствовало ко вреду церковныхъ правъ*", указаннымъ правиломъ постановилъ, что епископы „тако рукоположенные и, по выше изложенной причинѣ, на свои престолы не вступив-

шіе, не подлежатъ за сіе предосужденію... *Ибо нуждою времени и препятствіями въ соблюденіи точности не должны стѣсняемы быти предѣлы управленія* (οὐ γὰρ ὑπὸ τοῦ τῆς ἀνάγκης καιροῦ καὶ τῆς ἀκριβείας περιγραφείσης ὁ τῆς οἰκονομίας ὅρος περιορισθήσεται)". Иначе сказать,— коль скоро, по обстоятельствамъ времени, оказывалось невозможнымъ точное и строгое соблюденіе (ἡ ἀκρίβεια) церковныхъ правилъ (36 ап., 17 и 18 ант.), обязывающихъ каждаго епископа, подъ страхомъ отлученія, отправиться послѣ хиротоніи въ назначенную ему церковь, то въ этомъ отношеніи долженъ примѣняться другой принципъ—„ἡ οἰκονομία", т. е. отступленіе отъ абсолютной строгости и точности правилъ, съ предоставленіемъ архіереямъ, которымъ „невозможно было пріяти свой престолъ и утвердитися въ немъ въ состояніи священноначальственномъ",—обычныхъ „церковныхъ правъ", „да совершаютъ рукоположенія въ разныя степени клира по правиламъ, и преимуществомъ предсѣданія сообразно своему предѣлу (τῇ τῆς προεδρείας αὐθεντίᾳ κατὰ τὸν ἴδιον ὅρον) да пользуются, и всякое происходящее отъ нихъ начальственное дѣйствіе да будетъ признаваемо твердымъ и законнымъ". На ряду съ этимъ „порабощеніе отъ язычниковъ" не должно было, по тому же принципу экономіи, вредить и „церковнымъ правамъ" патріархіи въ отношеніи къ занятымъ врагами епархіямъ: послѣднія попрежнему должны были подлежать церковной юрисдикціи Константинополя и находиться въ духовномъ общеніи съ вселенскимъ престоломъ, какъ подчиненныя области Вселенской церкви. Взаимообщеніе патріархіи съ такими епархіями мотивировалось всецѣло соображеніями духовнаго порядка—попечительностью церкви о христіанахъ, заботою объ ихъ освященіи, нравственномъ преуспѣяніи и спасеніи. Церковь по самому существу своего назначенія и дѣятельности не могла оставить безъ материнскаго попеченія хотя бы и весьма ограниченную по численности православную паству, оказавшуюся въ областяхъ съ инославнымъ или иновѣрнымъ гражданскимъ правительствомъ и нуждавшуюся въ духовномъ руководительствѣ, и спѣшила съ своимъ покровительствомъ и помощью при первомъ удобномъ случаѣ, пользуясь тѣми средствами, которыя подсказывались каноническою экономіей. Поэтому константинопольскіе патріархи, насколько позволяли тревожныя политическія обстоятельства, и въ XV в. фактически осуществляли свои привилегіи во всѣхъ подчиненныхъ имъ епархіяхъ, даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя еще не были завоеваны султаномъ Магометомъ. Такъ, въ августѣ 1455 г. въ Константинополѣ былъ хиротонисанъ Нилъ, митрополитъ

острова Родоса, находившагося подъ властью латинскаго ордена Іоаннитовъ, при чемъ въ хиротоніи участвовали митрополиты Христіанополя, Месопотаміи (sic) и другіе; послѣ хиротоніи патріархъ Геннадій отправилъ на Родосъ свою грамоту съ увѣщаніемъ и наставленіями для мѣстнаго клира и народа по поводу поставленія новаго родосскаго предстоятеля. Равнымъ образомъ, духовному попеченію вселенскихъ патріарховъ подлежали и города Аргосъ и Монемвасія въ Пелопоннисѣ, которые до 1540 г. составляли колоніи венеціанцевъ и лишь въ этомъ году были завоеваны турками,—островъ Эгина, находившійся подъ властью венеціанцевъ до 1537 г., южные Спорады въ Эгейскомъ морѣ, занятые венеціанцами въ годъ паденія Византіи и остававшіеся подъ ихъ управленіемъ до 1538 года. Мало того, нѣкоторыя мѣстности, остававшіяся подъ властью венеціанцевъ отъ византійской эпохи, были даже включены въ синтагматіонъ епархій Константинопольской церкви и послѣ образованія турецкой имперіи на развалинахъ Византіи, въ силу традиціонной юрисдикціи вселенскаго престола, унаслѣдованной отъ прежнихъ временъ. Представляется возможнымъ и болѣе детально и даже исчерпывающимъ образомъ опредѣлить составъ Константинопольскаго патріархата во второй половинѣ XV вѣка—по руководству каталоговъ епархій, опубликованныхъ проф. Г. Гельцеромъ и нами, при чемъ простое исчисленіе престоловъ, находящееся въ сохранившихся τάξις'ахъ, полезно и важно восполнить нѣкоторыми историческими данными, проливающими свѣтъ на положеніе почти каждой изъ епархій въ отдѣльности, въ періодъ отъ XIV до конца XVIII в.

Патріаршій Вселенскій престолъ именовался Константинопольскимъ [«ὁ Κωνσταντινουπόλεως»] и занималъ въ „Τάξις'ѣ προκαθεδρίας τῶν ἁγιωτάτων πατριαρχῶν“ второе—послѣ римскаго престола—мѣсто, примѣнительно къ тому первенству чести, которое нѣкогда принадлежало Риму и являлось церковно-историческимъ его достояніемъ. Характерно то явленіе, что въ Notitiae episcopatuum не только до XI в., но и въ послѣдующее время Римъ неизмѣнно первенствуетъ по мѣсту, сравнительно съ Константинополемъ: и въ этомъ выразилась присущая православному Востоку приверженность къ традиціи и стремленіе сохранить древнее преданіе безъ измѣненій, хотя бы лишь въ одномъ формальномъ отношеніи. Въ свою очередь, Константинополь, какъ первенствующій по чести престолъ православнаго Востока, занималъ мѣсто выше патріаршихъ престоловъ Александріи, Антіохіи и Эліи или Іерусалима.

Во второй половинѣ XV в. въ составъ Константинопольской церкви входили:

I) *одна (1) архіепископія-патріархія,* неизмѣнно сохранявшая свой престолъ въ столицѣ турецкой имперіи—*Константинополь* и его окрестностяхъ, II) *семьдесятъ двѣ (72) митрополіи,* которымъ были, въ свою очередь, подчинены *семьдесятъ девять (79) епископій,* и III) *восемь (8) архіепископій,* которыя не имѣли подчиненныхъ имъ епископій.

Дальнѣйшія наши краткія сообщенія будутъ касаться исторической судьбы лишь Константинопольской архіепископіи—вплоть до настоящаго времени.

* * *

Столица турецкой имперіи — *Константинополь* [Κωνσταντινούπολις или просто—Πόλις, Βυζάντιον, Νέα Ῥώμη, Ἰσταμπὸλ (=εἰς τὴν Πόλιν), Σταμπόλ (='ς τὴν Πόλιν), или Σταμπούλ (Стамбулъ, Царьградъ] вмѣстѣ съ окрестностями и составлялъ въ XV в., какъ и въ византійскую эпоху, епархію-архіепископію Вселенскаго патріарха, титуловавшагося и архіепископомъ Константинополя, Новаго Рима.

Первый константинопольскій патріархъ турецкой эпохи Геннадій Схоларій имѣлъ сначала пребываніе при замѣчательномъ византійскомъ храмѣ Святыхъ Апостоловъ, когда же этотъ храмъ, по приказанію Магомета II, былъ разрушенъ и здѣсь предпринята постройка султанской мечети, то мѣстопребываніе патріарха было перенесено (1455 г.) въ монастырь Богоматери Паммакаристы (нынѣ Фетихьеджами). Здѣсь, въ зданіяхъ византійскаго монастыря Всеблаженной и учреждена была *патріархія* (τὸ πατριαρχεῖον), какъ мѣстопребываніе патріарха, который и обиталъ въ особой „патріаршей божественной келліи (τὸ θεῖον κελλίον τὸ πατριαρχικόν)",—какъ мѣсто для засѣданій постояннаго патріаршаго священнаго синода и центръ церковнаго управленія и суда для всего Константинопольскаго патріархата, какъ мѣстопребываніе патріаршихъ клириковъ—синкелловъ и оффикіаловъ, составлявшихъ синодію вселенскаго патріарха, этого общаго владыки и господина, одушевленнаго образа Христа, врача душъ и тѣлесъ, этого отца отцовъ и пастыря пастырей—митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ и всего священнаго и мірского чина всей вселенной. Храмъ Паммакаристы, подобно Святой Софіи, и составлялъ теперь великую церковь (ἡ μεγάλη ἐκκλησία), или каѳолическую великую церковь (ἡ καθολικὴ μεγάλη ἐκκλησία), и матерь церквей (ἡ μήτηρ τῶν ἐκκλησιῶν), великую Христову церковь (ἡ τοῦ Χριστοῦ μεγάλη

ἐκκλησία), или великую церковь Константинополя (ἡ μεγάλη ἐκκλησία τῆς Κωνσταντινουπόλεως). При храмѣ Паммакаристы была устроена и скевофилакія (σκευοφυλάκιον, σκευοφυλακεῖον), гдѣ хранились священные сосуды и одежды, офиціальные церковные кодексы и султанскія грамоты, пожалованныя Константинопольской церкви. Самый храмъ патріаршій, на первыхъ порахъ послѣ устройства при немъ патріархіи, славился своимъ благолѣпіемъ, имѣлъ много прекрасныхъ иконъ (Спасителя, Богоматери, св. Іоанна Предтечи, свв. апостоловъ, пророковъ, свв. отцовъ) и святыя мощи (св. Соломоніи, матери Маккавеевъ, свв. Евфиміи и царицы Θеофано), а затѣмъ патріаршіе клирики, вѣроятно, перенесли сюда и многіе священные предметы, принадлежавшіе богатому и древнему храму Святыхъ Апостоловъ. При патріархіи была и небольшая библіотека: отъ середины XVI в. извѣстенъ ея каталогъ, исчисляющій 55 рукописей. Но уже патріархъ Діонисій II извѣстенъ ктиторскимъ своимъ попеченіемъ о патріархіи. Онъ устроилъ въ западной части зданія патріархіи четыре келліи вверху и четыре другія внизу, а въ храмѣ сдѣлалъ два аналогія для канонарховъ, одинъ на правомъ хорѣ и другой на лѣвомъ, и пріобрѣлъ другіе церковные предметы. Такую же попечительность о патріархіи заявилъ и святѣйшій Іоасафъ II. Спустя нѣсколько дней послѣ занятія престола (1555 г.), этотъ патріархъ распорядился снять ограду вокругъ патріархіи, состоявшую изъ старыхъ и сгнившихъ деревянныхъ досокъ, и построилъ новую—изъ извести, камней и кирпича, покрывъ ее и черепицею, такъ что патріархія стала по своему виду представлять прекрасную и кругомъ хорошо огражденную крѣпость. Онъ построилъ и два большихъ и прекрасныхъ дома, налѣво отъ входа въ патріархію, около „божественной патріаршей келліи", а также устроилъ кухню и мельницу. Для великой же церкви патріархъ пріобрѣлъ серебряный дивамвулъ, серебряную чашу, два большихъ серебряныхъ подсвѣщника и другіе драгоцѣнные золотые священные предметы и одежды.

Особенно же прославился заботами о благолѣпіи патріархіи святѣйшій Іеремія II Траносъ. Въ первое свое патріаршество (1572—1579 г.) онъ вновь устроилъ въ храмѣ Паммакаристы весь рѣзной, покрытый чистымъ золотомъ иконостасъ,—вмѣсто стараго и разрушившагося,—священныя двери алтаря и царскія врата съ изображеніемъ Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, украсилъ весь храмъ различными иконами, большими и малыми, съ весьма изящными подножіями [μετὰ ποδαῖς] и повѣсилъ предъ ними лампады, отполировалъ

колонны храма и всѣ порфировыя и мраморныя украшенія, которыя были укрѣплены на стѣнахъ, повѣсилъ четыре прекрасныхъ серебряныхъ съ золотомъ лампады,—одну изъ нихъ предъ иконою Господа Іисуса Христа, другую—предъ иконою Богоматери Паммакаристы, третью—вверху иконостаса, гдѣ находился крестъ съ распятымъ Господомъ, и четвертую—посрединѣ храма, въ видѣ хороса. И вообще, патріархъ такъ украсилъ и благоустроилъ храмъ Паммакаристы, что по истинѣ исполнилось священное слово: „церковь—небо многосвѣтлое". „И если,—говоритъ греческій историкъ,—желательно убѣдиться въ этомъ, то ночью, когда въ самомъ храмѣ не возжгли свѣта, (можно увидѣть, что) онъ сіяетъ весь, какъ солнце, свѣтится вверху и внизу, въ срединѣ и внѣ, и въ нарѳиксахъ и въ парекклисіяхъ—отъ золота, серебра и прочихъ блестящихъ украшеній".

Патріархъ Іеремія произвелъ въ патріархіи и другія полезныя постройки. Прежде всего, онъ устроилъ другую божественную патріаршую келлію, присоединивъ ее къ первой, а эту послѣднюю назначилъ для суда (κριτήριον), и здѣсь былъ водруженъ прекрасный патріаршій тронъ. Затѣмъ, были построены многія другія келліи для патріаршихъ клириковъ съ большою при нихъ трапезою, новое помѣщеніе для кухни, а также былъ вырытъ глубокій колодезъ. Ниже патріаршаго зданія, на дворѣ патріархіи, въ западной его части, патріархъ построилъ два большихъ прекрасныхъ дома съ горницами, внутри которыхъ были отдѣльныя комнаты, назначенныя для обитанія многихъ архіереевъ и другихъ почетныхъ лицъ, при чемъ въ одномъ домѣ для жилого помѣщенія были приспособлены и верхній и нижній этажи [ἀνώγαιον καὶ κατώγαιον], а въ другомъ—только верхній этажъ.

Кромѣ того, Іеремія устроилъ въ храмѣ патріаршій божественный тронъ, большой и вызывающій изумленіе, тонкой и изящной работы и съ многоразличными драгоцѣнными украшеніями, съ возвышающеюся надъ нимъ художественною, писанною золотомъ, иконою Великаго Архіерея и съ двумя другими иконами—снятія Господа со креста и погребенія пречистаго Его тѣла, предъ которыми были повѣшены серебряныя лампады. Для храма патріархъ пріобрѣлъ многоцѣнныя и прекрасныя священныя одежды—полиставріи, фелони, стихари и орари, а также великолѣпные серебряные священные предметы. „И, когда іереи и діаконы облачались въ нихъ,—говоритъ греческій историкъ,—и выходили изъ алтаря, становились вокругъ высочайшаго престола и склоняли свои головы, произнося молитву, то

они уподоблялись божественнымъ ангеламъ, когда послѣдніе стоятъ предъ страшнымъ небеснымъ Божественнымъ престоломъ, склоняя свои главы и возглашая: «Святый Боже, святый крѣпкій» и прочее". Любовь и ревность патріарха, этого всеобщаго владыки, къ божественному храму Паммакаристы были,—по сужденію историка,—подобны ревности и любви божественнаго Соломона къ Святому Сіону и великаго царя Юстиніана—къ Святой Софіи. И какъ Богъ чрезъ ангела Своего внушалъ царю Юстиніану, что и какъ нужно сдѣлать и украсить, такъ и Всеблаженная изрекала и внушаетъ (подобное) одушевленному образу Единороднаго своего Сына,—какимъ и является патріархъ, истинный архіерей Христа, имѣющій благодать отъ Бога, исполнившій на себѣ слово Господа, сказанное чрезъ пророка Исаію: „на кого воззрю, какъ не на кроткаго и смиреннаго, трепещущаго Моихъ словесъ". И вотъ, патріархъ, этотъ общій владыка, при посредствѣ Божественнаго озаренія сложилъ въ сердцѣ своемъ то, что̀ изрекли божественные учители, говоря, что Церковь есть земное и многосвѣтлое небо,—и устроилъ прекрасныя и великолѣпныя украшенія въ божественномъ храмѣ великой церкви Паммакаристы. Небо, какъ мы видимъ, имѣетъ солнце, луну, звѣзды и прочее,—такъ и храмъ Всеблаженной имѣетъ, вмѣсто сіянія солнца, прекраснѣйшій и блестящій золотой иконостасъ, съ животворящимъ золотымъ Крестомъ наверху, гдѣ изображенъ распятый Господь Іисусъ Христосъ и Спаситель всего человѣческаго рода, и съ иконами двѣнадцати Господскихъ праздниковъ, внизу же иконостаса находится большая и великолѣпная икона Господа нашего Іисуса Христа, а въ правой его части прекраснѣйшая и свѣтоносная икона Пресвятой Богородицы Всеблаженной, при чемъ обѣ иконы имѣютъ многоцѣнныя золотыя ризы. И священныя врата—велики, изящны и большой цѣнности, а двери святаго алтаря [царскія]—всѣ въ золотѣ, съ божественнымъ евангельскимъ цѣлованіемъ Пренепорочной Богородицы. А вмѣсто свѣта луны и звѣздъ, храмъ имѣетъ серебряныя лампады, блескъ божественныхъ иконъ и все благолѣпіе храма, такъ что онъ внутри и внѣ по своей красотѣ является всецѣло блестящимъ, свѣтовиднымъ и весьма удивительнымъ. Вмѣсто же небеснаго престола, храмъ имѣетъ свой великолѣпный божественный престолъ. И какъ Божество возсѣдаетъ на престолѣ на небесахъ, такъ и владыка-патріархъ, носящій образъ единаго отъ Святой Троицы Христа, Бога нашего, возсѣдаетъ на божественномъ тронѣ земномъ. И самый храмъ великой церкви Паммакаристы есть и называется земнымъ небомъ, новымъ

Сіономъ, который создалъ Господь и не человѣкъ, похвалою и славою всей вселенной, благолѣпіемъ всѣхъ церквей и матерію. Да осѣнитъ его, утвердитъ и сохранитъ отъ видимыхъ *этихъ* (τούτων) враговъ и отъ всего противнаго Спаситель нашъ, всесильный и грозный, вмѣстѣ съ святѣйшимъ нашимъ владыкою и господиномъ, вселенскимъ патріархомъ, во вѣки вѣковъ. И да исполнится божественное слово Самого Господа, сказавшаго первоверховному изъ апостоловъ: *ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей*" (Мѳ. XVI, 18).

Такъ картинно историкъ живописалъ великолѣпіе патріаршей „великой церкви" Богородицы Паммакаристы, замѣнившей и въ сознаніи, и въ церковной жизни греческаго общества знаменитую Святую Софію и величественный храмъ Святыхъ Апостоловъ, находившіеся, увы, во власти невѣрныхъ. Всѣ помыслы и попеченія грековъ, сосредоточивавшіяся прежде на храмѣ Св. Софіи, были теперь обращены къ другой „великой церкви", менѣе величественной и даже недостаточно замѣтной среди другихъ зданій Константинополя,—какъ можно судить по сохранившемуся ея плану,—тѣмъ не менѣе служившей резиденціей для общаго господина и духовнаго отца—вселенскаго патріарха, попрежнему олицетворявшаго—въ сознаніи грековъ—исключительное и первенствующее духовное предстоятельство во „всей вселенной", и являвшейся центромъ высшаго церковнаго управленія и духовнаго руководительства для всей православной ромейской райи въ предѣлахъ Константинопольскаго патріархата. Вселенскіе патріархи не только обитали въ предѣлахъ великой церкви Паммакаристы, но здѣсь же находили и вѣчное для себя упокоеніе послѣ кончины, какъ это было съ патріархами Пахоміемъ и Ѳеолиптомъ († 1520 г.), памятники надъ могилами которыхъ сохранялись и въ концѣ XVI вѣка. Тѣмъ трогательнѣе и проникновеннѣе звучитъ молитвенное обращеніе историка о сохраненіи великой Христовой церкви, „матери церквей", во вѣки вѣковъ [εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων].

Однако, и это скромное пожеланіе историка, выразившаго настроеніе и надежды греческаго церковнаго общества, не осуществилось. Уже при преемникѣ Магомета II, султанѣ Баязидѣ II, со стороны турецкаго правительства было предпринято гоненіе на патріарха Нифонта и клириковъ патріархіи, патріаршій престолъ долгое время фактически оставался безъ предстоятеля, а въ великой патріаршей церкви были конфискованы евангелія съ украшеніями, серебряныя кадильницы, иконы съ украшеніями, различныя священныя покры-

вала, серебряные посохи и многіе другіе священные предметы. При патріархѣ Діонисіи II, по распоряженію столичнаго паши, былъ снятъ съ колокольни [ἀπάνω εἰς τὸ καμπανάριον] храма Паммакаристы большой крестъ, который былъ далеко виденъ и съ суши и съ моря и по которому каждый христіанинъ узнавалъ патріархію; „и когда его сняли, была великая печаль среди христіанъ". И въ послѣдующее время, особенно при патріархѣ Іереміи I (съ 1520 г.), патріархіи неоднократно угрожала опасность полнаго разоренія, на ряду съ другими константинопольскими храмами. Наконецъ, въ 1586 г., когда вселенскій патріархъ Іеремія II находился въ изгнаніи на Родосѣ, турецкимъ правительствомъ былъ отнятъ у грековъ и храмъ Богородицы Всеблаженной со всѣми при немъ зданіями и обращенъ въ мечеть.

Третьей резиденціей константинопольскихъ патріарховъ служила бѣдная церковь Влахъ-серая, т. е. при домѣ господарей Валахіи, находившемся около нынѣшняго Святогробскаго метоха на Фанарѣ. Весною 1586 г. архидіаконъ Никифоръ, протосинкеллъ патріарха Іереміи, вынужденъ былъ перенести сюда изъ прежней патріархіи книги, свв. иконы и мощи, кодексы и офиціальныя грамоты, а также и патріаршій тронъ. Патріархъ Іеремія, освободившись изъ изгнанія, и жилъ „въ домѣ Влаховъ" (εἰς τὰ ὀσπήτια τῶν Βλάχων). Здѣсь въ маѣ 1590 г. былъ созванъ соборъ, при участіи патріарховъ—Іереміи II, Іоакима антіохійскаго и Софронія іерусалимскаго и многихъ іерарховъ и архонтовъ Константинопольской церкви,—и состоялось опредѣленіе объ учрежденіи патріаршества въ Россіи. Здѣсь же 12-го февраля 1593 г. былъ устроенъ „великій" и „цѣлосовершенный" соборъ, при участіи патріарховъ Іереміи II, Мелетія Пига александрійскаго и Софронія іерусалимскаго и архіереевъ вселенскаго патріархата, и вновь была составлена „уложенная грамота" о русскомъ патріаршествѣ. Соборъ состоялся въ патріаршемъ храмѣ, который былъ посвященъ Богородицѣ Утѣшительницѣ (τῆς Παραμυθίας или Θεραπείας). Эта церковь была построена около 1578 года, въ домѣ же, при которомъ она находилась, жили чиновники Молдавскаго господарства. Господарь Петръ Раресъ въ 1580 г. посвятилъ этотъ домъ патріаршей церкви Всеблаженной съ тѣмъ условіемъ, чтобы ему предоставлено было право пользоваться здѣсь помѣщеніемъ и безпрепятственно жить, когда онъ будетъ пріѣзжать въ Константинополь. Это условіе было подтверждено и грамотой патріарха Митрофана отъ января 1580 г. Поэтому протосинкеллъ Никифоръ и

водворилъ патріархію при храмѣ Влахъ-серая, когда долженъ былъ оставить киріархальный и соборный храмъ Паммакаристы. Новая же патріархія называлась и церковью Богородицы „воеводы Петра". Но остается неизвѣстнымъ, какъ патріархъ Іеремія II израсходовалъ одну тысячу рублей, пожалованную ему царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ и царицей Ириной „на сооруженье церковное", и какія именно постройки онъ произвелъ въ патріархіи, когда она помѣщалась во Влахъ-сераѣ или „въ домѣ Влаха". Повидимому, патріархъ предполагалъ построить въ Константинополѣ особый храмъ, какъ Великую церковь, воспользовавшись пожертвованіями благочестиваго русскаго царя Ѳеодора Іоанновича и его супруги Ирины, но послѣдовавшая въ 1595 г. кончина патріарха прекратила его заботы и труды о вселенской патріархіи. И этотъ патріархъ „бѣдныхъ о Христѣ" (πατριάρχης τῶν τοῦ Χριστοῦ πενήτων), равно и его преемники, вмѣстѣ съ архонтами и чинами патріаршаго двора, оставались въ скромномъ „центрѣ православія" во Влахъ-сераѣ одиннадцать лѣтъ.

Въ 1597 г., когда вселенскимъ престоломъ управлялъ мѣстоблюститель Мелетій Пига, въ Ксилопортѣ продавались два монастыря — св. Димитрія и Богородицы Балина. Мелетій купилъ ихъ и устроилъ въ монастырѣ св. Димитрія патріархію, куда въ томъ же году и перенесъ изъ Влахъ-серая священные предметы и одежды, канцелярію и офиціальные кодексы. Въ Ксилопортѣ водворились и патріаршіе чиновники.

Но помѣщеніе въ Ксилопортѣ было мало для патріархіи и неудобно. Поэтому Мелетій Пига былъ озабоченъ постройкою особаго дома для патріархіи. Извѣстно отъ 7-го ноября 1598 г. его письмо къ молдавскому господарю Іереміи, въ которомъ онъ выразилъ свое горькое сожалѣніе по поводу отказа послѣдняго построить въ Константинополѣ патріархію и убѣждалъ его по любви Христовой помогать церкви и не пренебрегать ея бѣдственнымъ положеніемъ, вслѣдствіе вины нѣкоторыхъ лицъ.

Въ Ксилопортѣ патріархія оставалась до 1601 г., когда патріархъ Матѳей водворилъ ее въ монастырѣ св. великомученика Георгія на Фанарѣ, куда были перенесены св. иконы и мощи, священные одежды и предметы, патріаршій амвонъ, книги и офиціальные патріаршіе кодексы. Преемникъ Матѳея, патріархъ Неофитъ II (1602 г.) произвелъ ремонтъ храма и зданій и построилъ новыя келліи для патріаршихъ клириковъ и архіереевъ—членовъ священнаго синода. Въ 1614 г. патріархъ Тимоѳей II увеличилъ патріаршій храмъ и сдѣлалъ поста-

новленіе о посвященіи его въ честь Приснодѣвы Маріи, дабы возстановить связь новой патріархіи съ прежней, помѣщавшейся въ храмѣ Паммакаристы,—тѣмъ болѣе, что мозаичная икона Богоматери Паммакаристы была водворена въ этомъ обновленномъ храмѣ. Однако, такое постановленіе соблюдалось недолго, и въ XVII в. патріаршій храмъ на Фанарѣ попрежнему чествовался во имя св. великомученика Георгія. Въ 1698 г. патріархъ Каллиникъ II, заботясь о возобновленіи патріаршей церкви св. Георгія и объ устройствѣ вокругъ нея келлій и нѣкоторыхъ зданій, просилъ матеріальной помощи у драгомана Порты Александра Маврокордата, но, въ виду того, что постройка требовала большихъ расходовъ, вынужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Въ 1720 г. на Фанарѣ произошелъ большой пожаръ, отъ котораго погибли храмъ Великой церкви, патріаршія палаты и всѣ окружавшія патріархію зданія. Въ томъ же году Великая церковь была отъ основаній вновь воздвигнута патріархомъ Іереміей III въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, при чемъ не малая помощь въ этомъ важномъ дѣлѣ была ему оказана архонтомъ Мануиломъ Ипсиланти. Тогда же во дворѣ патріархіи было устроено особое помѣщеніе со скамьями по стѣнамъ (τὸ σέτι), предъ которымъ были воздвигнуты зданіе синодикона и келліи патріаршихъ ефимеріевъ. Патріархъ Іеремія, приступая къ возстановленію патріархіи въ 1720 г., обратился съ окружнымъ посланіемъ ко всѣмъ православнымъ и съ особыми грамотами къ господарямъ Молдавіи и Валахіи, въ которыхъ, сообщивъ о постройкѣ патріаршаго храма и окрестныхъ зданій и о разнообразныхъ и многочисленныхъ расходахъ, просилъ всѣхъ придти на помощь Великой Христовой церкви. Это обращеніе патріарха съ просьбою о матеріальной помощи въ пользу патріархіи оказалось успѣшнымъ, и ктиторами Великой церкви были, кромѣ Іереміи III, нѣкоторые митрополиты и свѣтскіе архонты. Построенный патріархомъ Іереміей храмъ св. Георгія въ существенномъ своемъ планѣ сохранился и до настоящаго времени. Въ 1720 г. былъ пріобрѣтенъ и сосѣдній домъ „благородныхъ архонтовъ", въ которомъ и водворился патріархъ. Въ 1738 г. пожаръ, происшедшій въ Петрикапи, истребилъ этотъ патріаршій домъ, равно и нѣкоторыя сосѣднія постройки. Но церковь, келліи ефимеріевъ и синодиконъ остались невредимы. Во время пожара погибли, — по свидѣтельству историка Комнина Ипсиланти, — и многіе кодексы патріархіи, такъ какъ ихъ не успѣли перенести въ каменное зданіе. На пожарѣ присутствовалъ великій визирь, разсчитывавшій получить отъ патріарха Неофита V

подарокъ за распоряженіе во время пожара. Но патріархъ по бѣдности не могъ вознаградить великаго визиря, и послѣдній, мстя за это предстоятелю вселенской церкви, не далъ потомъ необходимаго разрѣшенія на постройку новаго патріаршаго дома, котораго и не было даже въ 1790 году. Во время пожара изъ патріаршаго храма были похищены нѣкоторые священные предметы. Но поступившія въ послѣдующее время щедрыя и разнообразныя пожертвованія въ пользу патріаршаго храма съ избыткомъ вознаградили его за прежнія лишенія.

Въ 1798 г. патріархъ Григорій V произвелъ въ храмѣ св. Георгія нѣкоторыя передѣлки. Боковые нефы патріаршаго храма, отдѣлявшіеся отъ средней его части двумя рядами параллельныхъ колоннъ, были имъ обращены въ особые придѣлы и въ полукруглой алтарной абсидѣ, по сторонамъ главнаго престола, были водружены два малыхъ престола, правый—въ честь св. великомученицы Евфиміи, мощи которой почивали въ храмѣ, а лѣвый—въ честь трехъ вселенскихъ святителей и учителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго; впрочемъ, правый придѣлъ вскорѣ былъ посвященъ Богородицѣ Всеблаженной. Кромѣ того, рѣзной деревянный иконостасъ храма былъ вновь вызолоченъ, въ храмѣ было повѣшено нѣсколько паникадилъ и лампадъ съ украшеніями. Патріархъ Григорій V въ 1798 г. построилъ и новое зданіе для патріаршей резиденціи, — въ виду крайней въ немъ нужды, такъ какъ съ 1738 г. вселенскіе патріархи, за неимѣніемъ собственнаго дома, жили въ наемныхъ помѣщеніяхъ на Фанарѣ и испытывали отъ этого большія затрудненія. Деньги на постройку были собраны путемъ добровольныхъ пожертвованій — со стороны патріарха, архіереевъ, архонтовъ, духовенства и народа всего патріархата. Для новаго патріаршаго дома были отведены не только то мѣсто, на которомъ была расположена старая патріаршая палата, сгорѣвшая въ 1738 г., но и примыкавшая къ ней довольно обширная площадь. На этой территоріи было воздвигнуто помѣстительное зданіе, въ которомъ были устроены внутренніе покои для патріарха, большой и малый синодиконы, канцеляріи, философское и словесное отдѣленія патріаршей школы и другія необходимыя службы; зданіе было снабжено водопроводомъ.

Вообще вселенская патріархія, этотъ центръ православія и главный руководитель высшаго церковнаго управленія въ Константинопольскомъ патріархатѣ, въ теченіе почти всей турецкой эпохи помѣщалась въ зданіяхъ бѣдныхъ и неблагоустроенныхъ, непривлекатель-

ныхъ по внѣшнему виду и мало замѣтныхъ среди другихъ зданій скромныхъ кварталовъ столицы. Со времени же водворенія патріархіи на Фанарѣ и патріаршій храмъ св. Георгія лишь внутреннимъ своимъ убранствомъ нѣсколько соотвѣтствовалъ назначенію „Великой соборной церкви", а внѣшнимъ своимъ видомъ мало представительствовалъ отъ имени вселенской патріархіи. А между тѣмъ, здѣсь, въ скромныхъ зданіяхъ патріархіи, пребывалъ вселенскій первоіерархъ православнаго Востока, этнархъ и „василевсъ" всего православнаго населенія Турціи, руководитель церковно-общественныхъ отношеній въ предѣлахъ обширнѣйшаго Константинопольскаго патріархата, къ голосу котораго прислушивались и „востокъ" и „западъ", Пелопоннисъ и православная Москва, этотъ третій Римъ, наслѣдовавшій Риму второму въ благочестіи и церковномъ назначеніи. Въ скромныхъ зданіяхъ патріархіи возсѣдалъ и святой и священный синодъ Великой Христовой церкви, раздѣлявшій съ патріархомъ многотрудныя обязанности церковнаго управленія, гражданско-политическаго представительства предъ Портою за всю ромейскую райю и защиты правъ церкви и народа отъ всякихъ внѣшнихъ давленій и умаленій. Здѣсь пребывала и коллегія патріаршихъ архонтовъ и оффикіаловъ, духовныхъ и свѣтскихъ, которые помогали патріарху и священному синоду въ исполненіи ихъ высокаго и разнообразнаго назначенія какъ въ отношеніи ко всему вселенскому патріархату, въ составѣ многочисленныхъ его епархій, такъ и въ отношеніи лишь къ епархіи патріарха, какъ архіепископа Константинополя. Въ патріархіи былъ и источникъ вселенскаго церковнаго учительства—съ проповѣдью братской любви и равенства всѣхъ членовъ духовной паствы патріархата, съ возгрѣваніемъ истиннаго религіознаго чувства и съ наставленіемъ непреложно сохранять во всемъ завѣты вѣчные, которые дарованы христіанскому обществу святыми отцами. Здѣсь, подъ кровомъ патріаршаго храма, находились и патріаршая „академія", которая то процвѣтала, то приходила въ упадокъ—въ зависимости отъ перелома обстоятельствъ, но непрерывно подготовляла церковныхъ и общественныхъ дѣятелей, которые посвящали свою жизнь на защиту православной вѣры отъ инославныхъ и иновѣрныхъ нападеній и представительствовали за народъ на разныхъ поприщахъ служенія, преимущественно же на святительскихъ каѳедрахъ многочисленныхъ епархій патріархата. Изъ патріархіи именно исходило всякое начинаніе и завершеніе церковнаго и общественнаго дѣла, направленнаго къ торжеству православной вѣры, къ огражденію и укрѣпленію православ-

ной церкви, къ благоустройству духовной ея паствы. Поэтому всѣ вѣрные сыны Константинопольской церкви съ любовію взирали на скромное жилище патріарха, съ вѣрою приносили скромныя свои пожертвованія на нужды небогатаго патріаршаго храма, съ надеждою и упованіемъ вступали въ предѣлы патріархіи на Фанарѣ и износили отсюда радость и утѣшеніе, опору и покровительство въ своей исполненной тяжкаго труда и горькихъ лишеній жизни. И исполнилось надъ Великою церковію слово Господа, сказанное Ангелу Ефесской церкви: „Знаю дѣла твои, и трудъ твой и терпѣніе твое... Ты много переносилъ и имѣешь терпѣніе, и для имени Моего трудился и не изнемогалъ“ (Апок. II, 2—3).

* * *

Что касается количества церквей и приходовъ въ Константинополѣ и его окрестностяхъ, какъ входившихъ въ составъ епархіи вселенскаго патріарха, то по этому интересному вопросу существуютъ разнообразныя и малоустойчивыя свѣдѣнія. Въ византійскую эпоху въ Константинополѣ, по исчисленію знаменитаго Дюканжа, было 279 храмовъ (изъ нихъ 12 были посвящены Богу Слову, 49—Богоматери, 15—Архистратигу Михаилу и прочимъ Безплотнымъ Силамъ, 22—пророкамъ, 37—свв. апостоламъ, 111—свв. мученикамъ и 33—свв. мученицамъ) и 104 монастыря, да въ окрестностяхъ Константинополя было 47 монастырей; кромѣ того, въ Константинополѣ было 35 благотворительныхъ учрежденій различнаго назначенія (страннопріимницы—ξενοδοχεῖα, дома для бѣдныхъ—πτωχοδοχεῖα, больницы—νοσοκομεῖα, дома для дѣтей—βρεθοτροφεῖα, богадѣльни для стариковъ—γηροκομεῖα, γεροντοκομεῖα, γηροτροφεῖα, сиротскіе дома—ὀρφανοτροφεῖα и др.), при многихъ изъ которыхъ также были храмы. Ученый Паспати, критически оцѣнившій это исчисленіе Дюканжа, пришелъ къ заключенію, что византійцы имѣли въ Константинополѣ 212 церквей (изъ нихъ 1 была посвящена Св. Софіи, 1—Христу, 1—Всемогущей Силѣ, 1—Св. Духу, 1—Св. Троицѣ, 36—Богородицѣ, 11—Архангелу Михаилу, 12—пророкамъ, 29—свв. апостоламъ, 84—свв. мученикамъ, 25—свв. мученицамъ, 9—прочимъ святымъ и 1—девяти чинамъ) и 158 монастырей (изъ нихъ 8—въ честь Христа, 12—Богоматери, 3—Архангела Михаила, 10—во имя пророковъ, 7—свв. апостоловъ, 23—мучениковъ, 4—свв. мученицъ и 91—другихъ святыхъ), а всего въ Константинополѣ было 370 церквей и монастырей. Кромѣ того, Паспати извлекъ изъ документовъ въ изданіи Миклошича и Мюллера

свѣдѣнія о 5 церквахъ и 17 монастыряхъ, такъ что общее число византійскихъ церквей, монастырей, скитовъ и молитвенныхъ домовъ, упоминаемыхъ различными писателями до завоеванія Константинополя турками, восходило до 392. Академикъ Н. П. Кондаковъ,—имѣя въ виду, что „многія изъ византійскихъ церквей и монастырей или мѣняли имена своихъ патроновъ", или нерѣдко имѣли ихъ нѣсколько, „и потому въ актахъ и хроникахъ эти имена умножаютъ число противъ дѣйствительности",—пришелъ къ мысли, что „не будетъ большою ошибкою положить число всѣхъ и за все время существованія Византіи въ 350". Греческій ученый М. И. Гедеонъ, вслѣдъ за Дюканжемъ и Паспати, насчитывалъ въ Константинополѣ до 472 церквей и монастырей, существовавшихъ здѣсь до 1453 г. въ разные періоды византійскаго средневѣковья. И вообще, при оцѣнкѣ указанныхъ исчисленій надо имѣть въ виду, что большинство церквей и монастырей существовало въ Константинополѣ не одновременно, а въ теченіе всего вообще византійскаго средневѣковья, при чемъ иныя изъ нихъ строились тогда, когда другія разрушались временемъ, пожарами и землетрясеніями. Наканунѣ же паденія Византіи, именно въ 1435 году, въ Константинополѣ было 208 церквей и монастырей.

Завоеваніе Византіи сопровождалось и весьма значительнымъ уменьшеніемъ общаго числа столичныхъ храмовъ и монастырей, изъ которыхъ одни были обращены въ мечети, другіе были опустошены и разорены, иные остались въ запустѣніи. По исчисленію турецкаго историка Сеида-Али, мусульмане, послѣ завоеванія Константинополя, имѣли здѣсь 481 религіозныхъ учрежденій—монастырей для дервишей (текье) и мечетей малыхъ (местжидъ) и большихъ (джами), при чемъ многія изъ нихъ были вновь построены, большая же часть помѣстилась въ христіанскихъ церквахъ и монастыряхъ, или же возникла на ихъ развалинахъ. Особенно пострадали церкви и монастыри въ окрестностяхъ Константинополя, изъ которыхъ осталась лишь церковь Живоноснаго Источника противъ Силиврійскихъ высотъ; всѣ же храмы около сухопутныхъ и морскихъ смѣнъ столицы были разрушены частью византійцами по стратегическимъ планамъ, частью турками. Въ исламизаціи византійскихъ святынь были повинны, прежде всего, Магометъ II и его преемникъ Баязидъ II, а затѣмъ и послѣдующіе султаны—Селимъ I, намѣревавшійся всѣ христіанскіе храмы обратить въ мечети, а христіанъ потурчить или совершенно истребить, какъ враговъ ислама, Сулейманъ I, Селимъ II и Мурадъ III, враждебно относившіеся къ христіанамъ и не разъ дѣлавшіе попытки ограни-

чить ихъ права въ пользованіи принадлежащими имъ въ столицѣ храмами. Въ частности, при Сулейманѣ многіе храмы столицы были совершенно разрушены и на ихъ мѣстѣ построены турецкія зданія, такъ что около 1550 г. и сами греческіе клирики не знали, гдѣ именно были расположены тѣ или иныя византійскія церкви. Селимъ II въ 1569 г. сдѣлалъ распоряженіе, чтобы проданы были имущества всѣхъ христіанскихъ церквей и монастырей въ имперіи. Распоряженіе грознаго султана было парализовано тѣмъ, что христіане представили въ царскую казну громадный денежный выкупъ, — въ этомъ собственно и заключалась цѣль приказа. Султанъ Мурадъ III въ 1577 г. приказалъ обратить въ мечети всѣ христіанскія церкви, въ виду того, что нѣкоторыя изъ нихъ были въ первые годы его царствованія отремонтированы. И опять исполненіе распоряженія было остановлено деньгами христіанъ.

При такихъ условіяхъ число христіанскихъ церквей и монастырей въ Константинополѣ постепенно сокращалось, сравнительно съ громаднымъ количественнымъ ихъ составомъ въ византійскую эпоху. Любопытныя объ этомъ свѣдѣнія содержатся въ разсказѣ М. Г. Мисюря Мунехина, совершившаго путешествіе на Востокъ около 1493 года. По его сообщенію, въ Царьградѣ „церквей христіанскихъ съ пѣніемъ“ было 72, „побусурманено“ ихъ—380, а „пусто ихъ“—162. Кромѣ того, „великихъ монастырей“ было 12. Въ частности, въ Галатѣ „церквей христіанскихъ съ пѣніемъ“ было 10. Другой русскій паломникъ Трифонъ Коробейниковъ, совершившій путешествіе въ Константинополь въ 1593 г. для раздачи заздравной милостыни—по случаю рожденія царевны Ѳеодосіи (1592 г.), дочери царя Ѳеодора Іоанновича и царицы Ирины, въ своемъ, весьма важномъ въ научномъ отношеніи, „Отчетѣ въ розданной царской милостынѣ“ также поименовалъ приходскія церкви столицы и исчислилъ служившихъ при нихъ духовныхъ лицъ.

„Въ *Царѣ* жъ *городѣ*, — пишетъ Коробейниковъ, — дано государевы заздравные милостыни по (слѣдующимъ) *мирскимъ церквамъ* въ свѣчъ мѣсто на деревянное масло и попомъ и діакономъ на милостыну“: 1) св. Георгія Фенер-каписи „попу“ Георгію, 2) Архангела Михаила, близъ воротъ Балата, священнику Симеону, 3) Св. Николая Охри-магаледа [кварталъ] „черному попу“ (іеромонаху) Серафиму и діакону, 4) св. Георгія Едрине-капи (ворота) священнику Іоанну, 5) св. Димитрія Ахкермен-магаледа „попу Параскову“, 6) св. Георгія Потира („Тупотира“=τοῦ Ποτηρᾶ), близъ ста-

рой патріархіи, священнику Димитрію, 7) Пр. Богородицы Муглія-магаледа священнику Георгію, 8) св. Георгія Диплофанара-магела іеромонаху Герману и діакону, 9) св. Георгія Екси-мармара священнику Николаю, 10) Преображенія Господня Екси-мармара священнику Константину, 11) св. Георгія Екси-мармара „Астрокастрина“ іеромонаху Парѳенію, 12) св. Іоанна Предтечи Балат-капи „тремъ попомъ Митрофану съ братьею“, 13) св. Георгія Фитили священнику Іоанну, 14) Богородицы „Псомотія-магала, 2 попомъ да діакону, попу Арсенію съ братьею“, 15) св. Николая Кум-капи священнику Іоанну, 16) св. Поликарпа „Псамотія“ священнику Георгію и діакону, 17) Богородицы Екси-мармара „Горгопикосъ“ священнику Константину, 18) Богородицы, Владычицы неба [„Керяту-урано“=Κυρία τοῦ Οὐρανοῦ], Едирне-капи священнику Александру, 19) Богородицы „Тубалинъ“ [=Τουμπαλίου] священнику Лазарю, 20) Богородицы „Палатья“ священнику Ѳеофану, 21) Успенія Богоматери, близъ Егри-капи, священнику Петру, 22) свв. Ѳеодора Стратилата и Ѳеодора Тирона „Вланга-магаледа“ священнику Андрею, 23) Богородицы Вланга-магаледа священникамъ Ѳомѣ и Діонисію, 24) св. Николая Кум-капи „арменика“ священникамъ Андронику и Никодиму, 25) св. Іоанна Предтечи Кум-капи священнику Георгію, 26) Богородицы Елпида Кум-капи священнику Мануилу и діакону, 27) св. Георгія Псаматія-капи священнику Ѳеодору, 28) св. мученицы Киріаки священнику Ставросу и діакону, 29) св. Георгія Балукъ-базаръ священникамъ Гермогену и Филиппу, 30) св. Георгія Топ-капи священнику Николаю, 31) св. Николая Псаматія-магаледа священнику Клименту, 32) св. Георгія „Катакузину-магаледа“ священнику Георгію, 33) св. Параскевы Белли-магаледа іеромонаху Іоасафу. Въ *Галатѣ*, „что противъ Царя города, за проливою морскою“, 34) Благовѣщенія Пресвятой Богородицы священнику Григорію и діакону, 35) св. Георгія священнику Іоанну, 36) Рождества Христова священнику Константину, 37) св. Николая священнику „Сирьяну“ (Кипріану?), 38) Усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи іеромонаху Аникію, 39) Успенія Богоматери священнику Мануилу, 40) Рождества Богоматери „Екостелеца“ священнику Анѳиму, 41) Преображенія Господня священнику Георгію, 42) Димитрія Солунскаго священнику Михаилу и діакону, 43) св. Параскевы „Хас-конда“ (Хаскіой) священнику Георгію, 44) Успенія Богоматери священнику Александру. „Всего *къ сороку къ четыремъ церквамъ*,—пишетъ Трифонъ Коробейниковъ,—на деревеное масло 44 золотыхъ—къ церкве по золотому, да попомъ и діякономъ

на милостыну 132 золотыхъ—къ церкве по 3 золотыхъ". 45) Свв. Константина и Елены Караманъ-магаледа „5 попомъ да 3 діякономъ, попу Федосію съ братьею, въ церковь на масло золотой, да имъ на милостыню 6 золотыхъ", 46) св. Георгія, „что въ башне Фенер-каписи", было дано къ чудотворному образу „на прикладъ" 3 золотыхъ и на деревянное масло 3 золотыхъ, „да предъ образомъ же поставили государеву свечу, а въ ней воску пудъ и пять гривенокъ, а за дѣло и за воскъ за тое свечю дано 7 золотыхъ да 3 кандили склянничие, въ чемъ масло горитъ, даны талерь, да попу Юрью Балурде дано на милостыни 3 золотыхъ", а всего было израсходовано на эту церковь 16 золотыхъ и талеръ. Паломникъ объяснилъ и причину щедраго пожертвованія въ пользу храма св. Георгія: въ 1593 г. султанъ Мурадъ III хотѣлъ разорить эту церковь, но во снѣ ему явился св. Георгій и сказалъ, что султанъ будетъ преданъ смерти, если осмѣлится разорить храмъ; испуганный султанъ не только отказался отъ своего намѣренія, но и послалъ „курбанъ" въ десять овецъ для раздачи у церкви и велѣлъ поставить свѣчу „въ пудъ и больши" предъ чудотворнымъ образомъ св. Георгія и серебряную лампаду.

Таковы были, по исчисленію Трифона Коробейникова, мірскія или приходскія церкви, существовавшія въ 1593 г. въ предѣлахъ константинопольской архіепископіи, при чемъ 35 церквей находились въ городѣ, 10—въ Галатѣ и 1—въ *селѣ* (Хаскіой). Духовенства же при этихъ церквахъ состояло 67 человѣкъ, изъ нихъ было 52 бѣлыхъ „попа", 4 іеромонаха и 11 діаконовъ. „На масло и попомъ этихъ церквей было роздано государевой милостыни 199 золотыхъ, да талеръ".

Кромѣ того, Трифонъ Коробейниковъ роздалъ заздравную государеву милостыню и слѣдующимъ тремъ монастырямъ въ Царьградѣ:

1) Св. Іоанна Предтечи, „что нынѣ дано патріарху въ старее патріархѣи мѣсто", т. е. взамѣнъ отнятаго патріаршаго храма Богоматери Всеблаженной; монастырь былъ женскій, имѣлъ 28 монахинь, подъ управленіемъ игуменіи Кассіаны и священника Іоанна. 2) Св. Іоанна Предтечи; монастырь раньше находился близъ старой патріархіи, т. е. храма Всеблаженной, а въ 1593 г. былъ переведенъ къ церкви Димитрія Солунскаго, „тожъ Тамунарій", такъ какъ турки отняли прежнее монастырское мѣсто; и этотъ монастырь былъ женскій, имѣлъ 26 старицъ, подъ управленіемъ игуменіи Евгеніи, и од-

ного священника—Николая. 3) Св. Димитрія Өессалоникскаго близъ „Болатскихъ воротъ"; этотъ монастырь не былъ поименованъ въ предварительной росписи царской милостыни, врученной Трифону Коробейникову въ Москвѣ, предъ отправленіемъ его въ Константинополь, а вмѣсто него былъ указанъ третій монастырь св. Іоанна Предтечи, „что блиско Болатскихъ воротъ"; но монастыря на этомъ мѣстѣ не оказалось, была же здѣсь „церковь приходская" (очевидно, та, которая указана подъ № 12 въ каталогѣ приходскихъ церквей); поэтому Коробейниковъ принесъ царскій даръ монастырю св. Димитрія, расположенному близъ тѣхъ же Болатскихъ воротъ, и пожертвовалъ здѣсь 47 золотыхъ игуменіи Иринѣ, священнику Георгію, діакону Мануилу и 20 старицамъ.

По царской росписи Коробейниковъ долженъ былъ дать 20 золотыхъ на братію монастыря мученика Христова Георгія, „что̀ блиско старые патріархѣи". Но и этого монастыря въ 1593 г. уже не было, а здѣсь существовала „церковь приходская", именно та, которая поименована нашимъ паломникомъ подъ № 6 въ каталогѣ приходскихъ храмовъ столицы („св. Георгія Тупотира, блиско старые патріархѣи"). Любопытно также отмѣтить, что Тр. Коробейниковъ роздалъ царскую милостыню „старцомъ и старицамъ", которые жили „у приходскихъ церквей" Царьграда и Галаты „стары и увѣчны". Самому же патріарху Іереміи было пожаловано 500 золотыхъ.

Весьма важныя свѣдѣнія о приходскихъ церквахъ и духовенствѣ Константинополя, сообщаемыя русскимъ паломникомъ Трифономъ Коробейниковымъ, можно восполнить другимъ цѣннымъ каталогомъ церквей города, Галаты и *окрестныхъ селъ*, составленнымъ въ 1604 году Антоніемъ Патераки, родомъ изъ Аөинъ. Вотъ въ какомъ составѣ константинопольская архіепископія опредѣлялась въ 1604 г. по числу церквей какъ въ столицѣ, такъ и въ окрестныхъ селахъ:

I. Въ Константинополѣ.

1) Ἀσπρωχαστρινά—св. Димитрія, 2) Адріанопольскія ворота—св. Георгія, 3) Владычицы Небесъ, 4) Панагіи, церковь Петра воеводы, 5) Каллигарія—св. Георгія, 6) Канану св. Димитрія, 7) Палина—Панагія, 8) Архистратига—священникъ (παπᾶ) Лука, 9) Ахридіани—св. Николая, 10) Ксиломасгидонъ—св. Димитрія, 11) Когліонъ (=Могліонъ)—Богоматери, 12) Ῥοδίτης—св. Георгія, 13) папа Фитили—св. Георгія, 14) Эгіалосъ—св. Іоанна Предтечи, 15) Фанаріонъ—св. Георгія, 16) св. Порта—св. Николая, 17—18) Димакеліонъ—Христа и

Панагіи, 19) Псаропулія—св. Георгія, 20—23) Контоскаліонъ—св. Киріаки, св. Николая, св. Іоанна Предтечи, Надежды (ἡ Ὀλπίδα), 24) Арменидесъ—св. Николая, 25—26) Вланка—Богоматери и св. Θеодора, 27—30) Ипсомаеія—св. Георгія, Хрисалиθины, св. Николая и св. Поликарпа, 31) Караманія—св. Константина, 32) Пелигради—Панагія, 33—35) Экси-мармара—Богоматери Γοργοπίκος, Христа и св. Георгія, 36) Аспропакстръ—св. Георгія и 37) Топи-каписи—св. Николая.

II. Въ селахъ.

38) Хаскіой—св. Параскевы, 39) Татавула—св. Димитрія, 40) Диплокіоніонъ—св. Николая, 41) св. Фоки, 42) мѣстность Безплотныхъ, 43) Неохоріонъ—св. Георгія, 44) Терапья, 45) Біюкъ дере—св. Параскевы.

III. Въ Галатѣ.

46) Хрисопиги, 47) св. Георгія, 48) Богородицы Милостивой, 49) Христа, 50) св. Николая, 51) св. Димитрія, 52) св. Іоанна Предтечи, 53) Панагіи, 54) Христа Распятаго и 55) Кастеліотиса.

Сопоставляя два представленные каталога, можно видѣть, что, съ одной стороны, Патераки указалъ такіе храмы, которые не были отмѣчены Коробейниковымъ, а съ другой—у русскаго паломника сообщаются свѣдѣнія о такихъ храмахъ, которые не были указаны греческимъ писателемъ.

Именно, Коробейниковымъ не были исчислены слѣдующія церкви города: 1) Аспрокастрина—св. Димитрій, 2) Канану—св. Димитрій, 3) Ксиломасгидонъ—св. Димитрій, 4) Родитисъ—св. Георгій, 5) Каллигарія—св. Георгій, 6) Богородицы Петра Воеводы церковь, 7) Святая Порта—св. Николай, 8) Димакеліонъ—Христосъ и Богоматерь, 9) Пелигради—Богоматерь и 10) Топи-Каписи—св. Николай.

Патераки же не отмѣтилъ слѣдующія восемь церквей:

1) св. Георгія въ Диплофанарѣ-махаледа, 2) св. Димитрія въ Ахкерманъ-махаледа, 2) Богоматери въ Палатія, 4) св. Георгія въ Топкапи, 5) св. Георгія въ Катакузинѣ-махаледа, 6) св. Параскевы въ Белли-махаледа, 7) Успенія въ Галатѣ и 8) св. Георгія въ башнѣ Фенеръ-каписи.

Но при разъясненіи такого различія надо имѣть въ виду, что нѣкоторые изъ храмовъ были извѣстны тому и другому составителю каталоговъ и лишь поименованы различно въ каждомъ изъ источни-

ковъ. Такъ, храмъ св. Димитрія Ἀσπροκαστρινὰ (=ἄσπρον+κάστρον или φρούριον) у Патераки, несомнѣнно, тождественъ съ храмомъ св. Димитрія въ Ахкерменѣ у Коробейникова. Церковь Богородицы „воеводы Петра“ [Παναγία Πέτρου βοεβόδα ἐκκλησία] у Патераки тождественна съ церковью Богоматери „Палатья“ у Коробейникова; здѣсь именно въ 1593 г. и помѣщалась вселенская патріархія, хотя русскій паломникъ, по странному недоразумѣнію, и не упомянулъ объ этомъ. Въ Топ-капи въ 1593 г. существовалъ храмъ св. Георгія, но въ 1604 г. въ Топ-каписи былъ уже храмъ св. Николая: вѣроятно, храмъ св. Георгія въ этотъ промежутокъ времени былъ разрушенъ и на мѣстѣ его былъ построенъ храмъ св. Николая. Храмъ Успенія въ Галатѣ (1593 г.) можетъ быть отожествленъ съ храмомъ Богородицы Милостивой въ Галатѣ, о которомъ упомянулъ Патераки. Церковь св. Параскевы въ Белли-махаледа у Коробейникова тождественна съ храмомъ Богородицы въ Пелиградѣ у Патераки. Въ 1523 г. плѣнные сербы изъ Бѣлграда поселились въ одноименномъ кварталѣ Константинополя и въ построенную здѣсь церковь *Богоматери* пожертвовали принесенныя ими съ собою святыя иконы и мощи препод. Параскевы Новой (память 14-го октября); церковь послѣ этого стала вообще называться именемъ св. Параскевы и съ такимъ наименованіемъ сдѣлалась извѣстною и русскому паломнику. Затѣмъ, церковь св. Георгія въ Фенеръ-каписи у Коробейникова (№ 1) тождественна съ храмомъ св. Георгія на Фанарѣ, упоминаемымъ Патераки, храмъ же св. Георгія „Диплофонора-магала“ у Коробейникова, вѣроятно, тождественъ съ храмомъ св. Георгія въ Каллигаріи у Патераки. Въ храмѣ св. Георгія на Диплофанарѣ и была въ 1601 г. учреждена вселенская патріархія. Что же касается упомянутаго Коробейниковымъ храма св. Георгія въ башнѣ (ἐν τῷ πύργῳ) Фенеръ-каписи (№ 46), находившагося по сосѣдству съ патріаршимъ храмомъ св. Георгія, то онъ въ XVII в. былъ турками разрушенъ за то, что христіане въ пасхальную ночь совершали торжественный церковный ходъ съ зажженными свѣчами; настоятель разрушенной церкви водворился въ Святогробскомъ метохѣ съ храмомъ св. Георгія, который на нѣкоторое время и объединилъ прежній приходъ „у воротъ и стѣнъ Фанара“ или „у стѣны воротъ на Фанарѣ“. Храмъ св. Георгія „Катакузину-магаледа“ у Коробейникова тождественъ съ храмомъ св. Георгія „Ροδίτης“ у Патераки, иначе сказать,—здѣсь разумѣется упомянутый Святогробскій метохъ съ храмомъ св. Георгія. Этотъ храмъ помѣщался въ домѣ фамиліи Кантакузиновъ, а между 1593

и 1604 г. онъ составлялъ метохъ монастыря св. Георгія на горѣ Атавиріи на о. Родосѣ. Въ началѣ XVII в. этотъ храмъ былъ пріобрѣтенъ іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ, который и учредилъ здѣсь Святогробскій метохъ; послѣ пожара въ 1640 г. метохъ былъ возстановленъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ и съ увеличеннымъ по плану храмомъ св. Георгія. Храмъ св. Димитрія Ксиломасгидонъ (у Патераки) тожественъ, вѣроятно, съ женскимъ монастыремъ Іоанна Предтечи, „что былъ подлѣ старые патріархѣи", какъ говоритъ Коробейниковъ, добавляя, что „нынѣ (монастырь) переведенъ къ церкви Димитрія Солунскаго, тожъ Тамунарій"; около 1593 г. эта церковь св. Димитрія, расположенная въ мѣстности Тахта-текесъ (Ксиломасгидонъ), близъ „старой патріархіи", т. е. храма Паммакаристы, и была объявлена приходскою, какъ это отмѣтилъ и Патераки. Наконецъ, храмъ св. Димитрія Канану возможно отожествлять съ монастыремъ Димитрія Солунскаго близъ „Болатскихъ воротъ" (= Ксилопорта), которому Коробейниковъ также далъ царскую милостыню, хотя въ предварительной росписи „тотъ монастырь не (былъ) написанъ"; въ 1601 г. при храмѣ св. Димитрія въ Ксилопортѣ, называвшемся также Канану, существовала вселенская патріархія.

Такимъ образомъ, Трифону Коробейникову не были извѣстны слѣдующіе храмы Константинополя, названные у Патераки: 1) св. Порта—св. Николай, 2—3) Димакеліонъ—Христа и Богоматери и 4) Топ-каписи—св. Николай. О послѣднемъ храмѣ была уже рѣчь. Остальные же возникли послѣ 1593 года.

Что касается церквей Галаты, то онѣ—въ количествѣ десяти—исчисляются въ обоихъ источникахъ,—хотя наименованія нѣкоторыхъ изъ нихъ неодинаковы.

Изъ церквей же ближайшихъ къ Константинополю селъ Коробейниковъ указалъ только одну церковь „Пятницы святой Хас-коида" (№ 43), которая соотвѣтствуетъ „Χάσῖ-Κειοῖ Ἁγία Παρασκεύη" у Патераки (№ 44). Патераки же перечислилъ еще семь приходовъ въ селахъ,—и въ этомъ заключается дополнительная важность его сообщенія.

Изъ послѣдняго видно, что въ 1604 г. въ Константинопольской архіепископіи было 54 приходскихъ церкви, а именно—36 въ Константинополѣ, 10—въ Галатѣ и 8 въ селахъ. Изъ селъ въ составъ Константинопольской архіепископіи входили и отдаленныя—Неохоріонъ, Терапья и Буюкъ-дере, примыкавшія къ Дерконской епархіи.

Вообще же, и въ теченіе небольшого періода времени (отъ 1593 до 1604 г.) въ составѣ церквей Константинопольской архіепископіи произошли нѣкоторыя перемѣны, при чемъ наблюдается расширеніе ея предѣловъ по Босфору вплоть до крайняго предѣла—села Буюкъ-дере.

Мало того,—имѣются свѣдѣнія и о болѣе распространенныхъ границахъ Константинопольской архіепископіи, установившихся еще во второй половинѣ XV в. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, прежде всего, грамота отъ іюня 1466 г., съ которою вселенскій патріархъ Маркъ II Ксилокарави обратился къ клирикамъ святѣйшей митрополіи Деркона и епископіи Метръ по дѣламъ своей епархіи. Въ документѣ заявляется, что прошло уже не мало времени, а между тѣмъ никто изъ клириковъ указанныхъ городовъ не явился къ патріарху, не обратился къ нему по какому либо церковному дѣлу и не представилъ денежнаго взноса; въ виду этого, патріархъ отправилъ въ Дерконъ и повсюду, гдѣ каѳолической церкви принадлежитъ право, своего экзарха и синкелла, іеромонаха Іоакима, которому клирики и должны, подъ страхомъ отлученія, представить—письменно и при свидѣтеляхъ—тѣ доходы, которые по праву принадлежатъ церкви, т. е. каноническій сборъ, взносъ за браки и прочее; кромѣ того, клирики, согласно канону церкви и древнему обычаю, должны были поминать имя патріарха въ священныхъ службахъ. Если же кто либо изъ клириковъ откажется платить доходы и не станетъ поминать патріарха за богослуженіемъ, тотъ подлежитъ изверженію, отлученію и анаѳемѣ, согласно церковнымъ правиламъ. „Но вы, какъ чада каѳолической Христовой церкви и благоговѣйные іереи,—писалъ въ заключеніе патріархъ,—храните вашъ каноническій чинъ и древній обычай". Такимъ образомъ, въ отмѣченное время юрисдикціи вселенскаго патріарха, какъ архіепископа Константинополя, подлежали бывшія митрополія Дерконская и епископія Метрская, какъ входившія въ составъ патріаршей епархіи.

Въ январѣ 1629 г. патріархъ Кириллъ Лукарисъ объявилъ, что село св. Стефана близъ Константинополя, входившее въ составъ Дерконской митрополіи, должно имѣть ставропигіальное достоинство и подчиняться непосредственному вселенскому патріарху.

Патріархъ Іоаннникій II, возстановившій въ іюнѣ 1655 г. Дерконскую митрополію, присоединилъ къ ней и села Катастена—Терапья и Буюкъ-дере, входившія прежде въ составъ Константинопольской архіепископіи.

А въ маѣ 1660 г. патріархъ Парѳеній издалъ сигиллій о принадлежности села Флори (или Флорія) съ храмомъ Богоматери къ составу константинопольской архіепископіи. Въ документѣ заявляется, что среди патріаршихъ селъ (ἐν τοῖς πατριαρχικοῖς χωρίοις), близъ села св. Стефана, находится небольшая церковь съ агіасмою, посвященная Успенію Богоматери и называемая Φλῶρι,—которая не только была обращена въ развалины, но и совершенно исчезла бы, если бы киръ Хрисогонъ изъ села св. Стефана не возобновилъ ее на собственныя средства, дабы здѣсь совершалось богослуженіе не только въ праздникъ Успенія, но и ежедневно—во славу Божію и въ прославленіе Богоматери. Ктиторъ и просилъ патріарха обезпечить въ будущемъ церковное назначеніе храма. Патріархъ и священный синодъ предписали, чтобы церковь Успенія во Флори, близъ села св. Стефана, нынѣ и впредь была и называлась патріаршею, совершенно свободною, обязанною никому ничего не платить, кромѣ 150 аспръ въ пользу Великой Христовой церкви ежегодно, пользующеюся всякою свободой и управляемою по прономіямъ патріаршихъ селъ и церквей, при чемъ никто,—ни лицо посвященное или мірянинъ, ни начальникъ и подчиненный, ни будущій митрополитъ Деркона и Неохорія и его преемникъ,—не долженъ вмѣшиваться въ дѣла этой церкви, требовать отъ нея много или мало, подъ угрозою церковнаго наказанія. Отцы же, которые будутъ здѣсь подвизаться, обязаны жить безукоризненно и богоугодно, заботиться объ улучшеніи ея и увеличеніи, хранить посвященія и обрабатывать имѣнія, какъ настоящія, такъ и тѣ, которыя будутъ пожертвованы,—виноградники, поля и всѣ прочія, движимыя и недвижимыя, при чемъ никто не имѣетъ права отнять что либо или совершить отчужденіе. Отцы должны руководиться и управляться во вниманіи къ заботѣ и попечительности ктитора, обновившаго храмъ для поминовенія и душевнаго спасенія своего и родителей, при чемъ во всѣхъ священныхъ службахъ должно возглашаться патріаршее имя, согласно обычаю патріаршихъ церквей и монастырей. Виновный въ нарушеніи настоящаго патріаршаго и синодальнаго постановленія, кто бы онъ ни былъ, подлежитъ церковному наказанію, сигиллій же на пергаментѣ, съ подписями патріарха и митрополитовъ — членовъ синода, былъ переданъ отцамъ, служившимъ въ упомянутой патріаршей церкви Богородицы во Флори.

Въ послѣдующее время любопытную исторію имѣлъ вопросъ о селѣ св. Стефана, относительно котораго, вслѣдъ за Кирилломъ Лу-

карисомъ, сдѣлалъ постановленіе патріархъ Парѳеній IV. Дѣло въ томъ, что христіане этого села подвергались постояннымъ безпокойствамъ со стороны царскихъ сборщиковъ податей и другихъ чиновниковъ и никакъ не могли избавиться отъ этихъ несправедливыхъ притязаній. Тогда они обратились за помощью къ Великой Христовой церкви и просили патріарха взять ихъ подъ свою защиту, обѣщаясь давать патріаршему престолу нѣкоторое умѣренное вознагражденіе за дарованныя церковныя права. Признавая просьбу христіанъ благословной и имѣя въ виду, съ одной стороны, древнюю прономію вселенскаго патріаршаго престола устраивать свои ставропигіи и объявлять совершенно свободными отъ мѣстной епархіальной власти храмы, монастыри и мѣстности, а съ другой—долгъ его облегчать тяжелое положеніе находящихся въ обидѣ и лишеніи,—патріархъ Парѳеній и священный синодъ, совмѣстно и съ находившимся въ Константинополѣ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ, рѣшили и посредствомъ сигиллія объявили, что село св. Стефана, находящееся въ предѣлахъ митрополіи Деркона и Неохорія, подчиненное, по указаннымъ причинамъ, Великой Христовой церкви, отнынѣ и во все послѣдующее время должно называться патріаршей ставропигіей, свободною отъ вторженія, искательства и порабощенія всякаго духовнаго и свѣтскаго лица, равно и отъ современнаго митрополита Деркона и Неохорія, при чемъ христіане села, согласно заявленному ими желанію и обѣщанію, должны были ежегодно доставлять патріархіи, вмѣсто евматикія и каноническаго взноса, десять мѣшковъ ячменя и десять возовъ соломы, а болѣе ничего никому не платить, кромѣ взноса за браки, относительно которыхъ Великой церкви принадлежитъ наблюденіе, дабы въ брачныхъ сожитіяхъ не совершалось ничего незаконнаго; затѣмъ, въ селѣ будетъ священнодѣйствовать тотъ, кого пожелаютъ пригласить, съ вѣдома патріарха, мѣстные геронты, село пользуется прономіями патріаршихъ ставропигій, подлежитъ вѣдѣнію и управленію патріарховъ, а никто иной — клирикъ или мірянинъ, начальникъ или подчиненный, частное лицо, даже митрополитъ Деркона и Неохорія не имѣютъ права вторгаться въ это ставропигіальное село, требовать съ него много или мало, запрещать геронтаіерея или отлучать кого либо изъ жителей, во избѣжаніе церковнаго наказанія. Сигилліодная патріаршая и синодальная грамота и была передана патріаршему ставропигіальному селу св. Стефана.

Но въ 1699 г. патріархъ Каллиникъ и священный синодъ опять

присоединили село св. Стефана и агіасму Пресвятой Богородицы во Флоріи къ дерконской митрополіи.

Однако, 1-го февраля 1729 г. село св. Стефана составляло патріаршую экзархію и принадлежало протовестіарію патріархіи.

П. Соколовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОЧЕРКЪ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАГО ХОЗЯЙСТВА АѲИНЪ [1]).

XII.

Въ своеобразномъ укладѣ бытовой культуры античной Греціи, въ которой дѣловыя хтонологическія представленія были тѣсно связаны съ живыми образами аниматизма и земледѣльческой религіи, аѳинскій земледѣлецъ постоянно проявлялъ дѣятельное отношеніе къ обрабатываемой имъ почвѣ.

Земледѣльческая техника посѣвнаго хозяйства, обращаясь съ ясными для земли словами, побуждала почву аѳинской равнины въ благодарность за внимательный уходъ награждать земледѣльца рожденіемъ веселыхъ, какъ прекрасныя дѣти, урожайныхъ всходовъ. Удѣляя значительное вниманіе посѣвному хозяйству, аѳинскій земледѣлецъ хорошо зналъ, что его земля, находившаяся въ бракѣ съ небомъ, могла въ своемъ плодородіи вынести на свѣтъ также древесныя посадки [2]). И на посадное хозяйство аѳинянинъ отдавалъ много своихъ заботъ и дѣятельнаго труда.

Ѳеофрастъ, устанавливая дѣленіе растительнаго царства „по видамъ“ (κατὰ εἴδη) [3]) его представителей, выдѣлилъ въ особую группу

---

[1]) *Окончаніе.* См. *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1915, іюнь.

[2]) Aesch. frg. 41 изъ трагедіи „Данаиды“:

ἐρᾷ μὲν ἁγνὸς οὐρανὸς τρῶσαι χθόνα,
ἔρως δὲ γαῖαν λαμβάνει γάμου τυχεῖν,
ὄμβρος δ' ἀπ' εὐνάεντος οὐρανοῦ πεσὼν
ἔκυσε γαῖαν· ἡ δὲ τίκτεται βροτοῖς
μήλων τε βοσκὰς καὶ βίον Δημήτριον,
δενδρῶτις ὥρα δ' ἐκ νοτίζοντος γάμου
τελειός ἐστι.

[3]) Theophr. h. p. 1, 3, 1. Ср. Xen. O. 19, 1.

„деревья“, къ числу которыхъ онъ отнесъ, выдвигая чисто по-аттически на первое мѣсто маслину, смокву и виноградную лозу [1]), „деревья“, предпочитающія жить на равнинѣ [2]).

XIII.

Благородная маслина (ἐλάα) [3]), о появленіи которой въ микенской Греціи мы говорили выше, на аѳинской равнинѣ получила свое широкое распространеніе, повидимому, въ архаическій періодъ исторіи Аѳинъ. Маслина доставляла аѳинянамъ свои плоды, которые въ древности, какъ и въ настоящее время, составляли излюбленную и питательную пищу; масло, добываемое изъ оливокъ, шло на различныя бытовыя и культовыя нужды и приносило не малый доходъ отъ продажи. Словомъ, маслина являлась величайшимъ благомъ во всѣхъ повседневныхъ нуждахъ жизни [4]).

Въ силу исключительной важности, которую имѣла маслина въ жизни аѳинянина, она, какъ это хорошо извѣстно, оказалась священнымъ деревомъ Аѳины [5]) и заняла крупное мѣсто въ фольклорѣ, культѣ [6]) и миѳѣ [7]) древнихъ Аѳинъ. Съ другой стороны, важное экономическое значеніе [8]), которое получила маслина, благодаря экспорту оливковаго масла, заставило и государство обратить особое вниманіе на священное дерево и рядомъ особыхъ законовъ обезпечить его неприкосновенность. Такъ, уже Солонъ установилъ правила производства посадокъ маслинъ и запретилъ садить деревья на разстояніи меньше 9 футовъ другъ отъ друга [9]), съ цѣлью обезопасить

---

[1]) Theophr. h. p. 1, 3, 1: δένδρον μὲν οὖν ἐστι τὸ ἀπὸ ῥίζης μονοστέλεχες καὶ πολύκλαδον ὀζωτὸν οὐκ εὐαπόλυτον, οἷον ἐλάα συκῆ ἄμπελος.

[2]) Thephr. h. p. 2, 5, 7: μέγιστον δὲ ὡς εἰπεῖν τὸ τὴν πρόσφορον ἑκάστῳ χώραν ἀποδιδόναι. τότε γὰρ εὐθενεῖ μάλιστα. ὡς δ' ἁπλῶς εἰπεῖν ἐλάᾳ μὲν καὶ συκῇ καὶ ἀμπέλῳ τὴν πεδεινὴν φασιν οἰκειοτάτην εἶναι.

[3]) Ср. *Е. Г. Кагаровъ*, о. с. 134.

[4]) Ср. Geop.: μέγιστον. ... ἀγαθὸν πρὸς πᾶσαν τὴν τοῦ βίου θεραπείαν.

[5]) Ср. литературу по этому предмету у *Gruppe*, Griechische Religiongeschichte und Mythologie, München 1906.

[6]) Ср. *Gruppe*, о. с. *Mommsen*, Feste der Stadt Athen, Leipzig 1898.

[7]) Сводка нѣкотораго матеріала въ книгѣ *Е. Г. Кагарова*, 136.

[8]) Geop. 9, 2, 1: ἀσφαλεῖς καὶ βεβαίους ἔχει τοὺς πόρους ἡ ἀπὸ τῆς ἐλαίας πρόσοδος.

[9]) Plut. Solon, 23. Впослѣдствіи разстояніе было „πολλῷ πλέον“, чѣмъ 9 футовъ, но сколько именно, Ѳеофрастъ (h. p. 2, 5, 6) не говоритъ. Въ современной Греціи разстояніе между деревьями колеблется, и на іонійскихъ островахъ на гектарѣ встрѣ-

развитіе корней и предоставить пышной вѣтвистости деревьевъ достаточное мѣсто. Затѣмъ объ увеличеніи числа масличныхъ посадокъ особенно заботился Писистратъ, приказавшій садить въ разныхъ мѣстахъ Аттики оливковыя деревья. Въ результатѣ предпринятыхъ мѣръ Аттика, по словамъ Діона Хрисостома, покрылась масличными деревьями [1]). Каждое масличное дерево пользовалось большимъ уваженіемъ. Но особымъ почетомъ были окружены священныя маслины (μορίαι), посаженныя вдоль Кефисса, по преданію, самой Аѳиной. Деревья нельзя было подъ страхомъ суроваго наказанія выкорчевывать [2]); лишь въ исключительныхъ случаяхъ разрѣшалось обрубать вѣтви и подрѣзать стволъ, но, однако, такъ, чтобы не нанести вреда корнямъ и предоставить дереву возможность вновь отрости [3]).

Окруженная почетомъ, религіознымъ уваженіемъ и заботливымъ уходомъ маслина на аѳинской равнинѣ находилась и въ очень благопріятныхъ экологическихъ условіяхъ.

Почва аѳинской равнины какъ внутри равнины, такъ и вдоль Кефисса съ соразмѣрнымъ орошеніемъ, какъ нельзя лучше подходила для жизни маслины [4]). Наоборотъ, плотная и жирная земля, хотя и позволяла дереву выгнать хорошій стволъ и покрыться листвой, однако препятствовала здоровой беременности [5]) и заставляла маслину рождать запоздалые, слишкомъ маленькіе и водянистые плоды [6]). Въ силу отмѣченныхъ почвенныхъ условій въ Беотіи въ древности мы ничего не слышимъ о маслиничныхъ посадкахъ. И въ настоящее время сохраняется то же положеніе, и отсутствіе маслинъ рѣзко бросается въ глаза при переѣздѣ изъ сухой аѳинской равнины въ Беотію съ ея жирной и влажной почвой. По мѣрѣ приближенія къ Беотіи все рѣже попадаются характерныя для аѳинскаго ландшафта серебристыя маслины, а затѣмъ и совсѣмъ исчезаютъ и глазъ начинаетъ привыкать къ оживленнымъ пятнамъ зеленыхъ пшеничныхъ и бобовыхъ полей.

чается всего 45 „корней“, тогда какъ на материкѣ число деревьевъ доходитъ до 102. См. *Struck*, o. c. 104.

[1]) Dio Chrys. 1, 311 (Dindorf): τὴν Ἀττικὴν, πρότερον ψιλὴν καὶ ἄδενδρον οὖσαν, ἐλάαις κατεφύτευσαν, Πεισιστράτου προστάξαντος.

[2]) Cp. Demosth. 43, 71 (πρὸς Μακάρτατον).

[3]) Много интересныхъ подробностей относительно священныхъ посадокъ сообщаетъ Lys. ὑπὲρ τοῦ σηκοῦ.

[4]) Geop. 9, 4, 7: ἡ δὲ λεπτόγειος ἐπιτηδεία καὶ μαρτυρεῖ ἡ Ἀττική.

[5]) Theophr. c. p. 1, 20, 2; 3.

[6]) Cp. Theophr. c. p. 2, 8, 2; 3, 6, 6.

Успѣшному росту маслины способствовали также и прочія экологическія условія. Аѳинская равнина, выходящая съ юга на море, открывала расположеннымъ недалеко отъ побережья масличнымъ рощамъ доступъ морскому воздуху, безъ котораго, по мнѣнію Ѳеофраста, немыслимо себѣ представить развитіе маслины [1]). Морской воздухъ, по его словамъ, для роста деревьевъ былъ значительно полезнѣе материковыхъ вѣтровъ [2]), а кромѣ того присутствіе соли въ воздухѣ предохраняло дерево и его плоды отъ порчи [3]).

Одна изъ наиболѣе значительныхъ аѳинскихъ масличныхъ рощъ занимала при Солонѣ и Лисіи длинную полосу вдоль Кефисса [4]) и была расположена, слѣдовательно, на томъ же мѣстѣ, гдѣ находятся маслины и въ настоящее время. Эта масличная роща, вызвавшая замѣчательныя строки Софокла, состояла изъ деревьевъ различнаго возраста. Среди болѣе молодыхъ маслинъ подымались, окруженные особой изгородью, узловатые стволы священныхъ деревьевъ съ многочисленными причудливо раскинутыми вѣтвями и густой шапкой волосъ (κόμη) серебристыхъ листьевъ [5]). Деревья, разсаженныя на опредѣленныхъ разстояніяхъ, не мѣшали другъ другу и давали морскому воздуху проходить между ними въ свободныя пространства [6]).

Кромѣ отмѣченной главной аѳинской масличной рощи, посадки могли попадаться, какъ въ настоящее время, внутри равнины, и часто располагались вдоль проѣзжихъ дорогъ [7]), чтобы въ лѣтніе мѣсяцы горячая пыль могла покрывать плоды и способствовать ихъ созрѣванію [8]).

Земледѣльческая жизнь маслины, дерева медленнаго во всѣхъ

---

[1]) Ср. Theophr. h. p. 6, 2, 4: οὐ γάρ φασι δύνασθαι φύεσθαι καὶ βλαστάνειν ὅπου μὴ ἀναπνοὴ διικνεῖται ἡ ἀπὸ τῆς θαλάττης.... παραπλήσιον οὖν τὸ συμβαῖνον τοῦτο καὶ ἐπὶ τῆς ἐλάας· οὐδὲ γὰρ οὐδ' ἐκείνη δοκεῖ τριακοσίων σταδίων ἀπὸ θαλάττης ἐπάνω φύεσθαι.

[2]) Theophr. c. p. 2, 3, 1.

[3]) Ср. Theophr. c. p. 6, 10, 2.

[4]) Soph. O. C. 98. Lys. ὑπὲρ τοῦ σηκοῦ (110, 22).

[5]) Soph. O. C. 701: γλαυκᾶς παιδοτρόφου φύλλον ἐλαίας.

[6]) Geop. 9, 3, 6: εὐθαλῆ γοῦν ἐκεῖνα μάλιστα τὰ φυτὰ τῶν ἐλαιῶν εὑρήσεις, αἷς τὸ τοῦ ἀνέμου πνεῦμα εἰσδύεται, πλατέων ὄντων τῶν ἐν τοῖς φυτοῖς διαστημάτων, δι' ὧν εὔμαρῶς εἰσπνεῖν ὁ ἄνεμος δύναται.

[7]) Xen. O. 19, 13: ямы для посадокъ маслинъ παρὰ τὰς ὁδοὺς μάλιστα ὀρύσσεται.

[8]) Theophr. h. p. 2, 7, 5: τρέφειν δὲ δοκεῖ καὶ ὁ κονιορτὸς ἔνια καὶ θάλλειν ποιεῖν. Geop. 3, 11: τοὺς βώλους διαλύειν, ὥστε ἐπεγείρειν τὸν κονιορτόν· ἐμπεσὼν γὰρ οὗτος τῷ καρπῷ (оливкѣ) θᾶττον αὐτὸν πεπαίνει.

проявленіяхъ своей дѣятельности [1]), требовала почти полгода, чтобы приступить къ „плодорожденію“ (πρὸς καρπογονίαν) [2]). При этомъ маслина обычно приносила урожай разъ въ два-три года [3]).

Въ половинѣ марта, когда хлѣбъ начиналъ колоситься и лоза пускала свои первые побѣги, маслина давала новые листки и молодые побѣги [4]). Въ апрѣлѣ уже раскрывались раннія и рѣдкія почки [5]), а вскорѣ послѣ отцвѣтанія хлѣба наступало и для маслины критическое время цвѣтенія, продолжавшееся двѣ недѣли и частью совпадавшее съ періодомъ цвѣтенія виноградной лозы. Во время цвѣтенія маслины наступала страдная пора жатвы, и аѳинскій земледѣлецъ снималъ острымъ серпомъ ячменные всходы на Скиронѣ и на поляхъ возлѣ рощи въ благоуханно-пряномъ воздухѣ золотисто-желтыхъ мелкихъ цвѣтовъ вѣковыхъ маслинъ. Если періодъ цвѣтенія проходилъ благополучно безъ опаснаго для маслинъ въ этотъ періодъ дождей и сильныхъ вѣтровъ, то деревья медленно отцвѣтали, и земледѣлецъ, постоянно помогая маслинѣ искусственнымъ орошеніемъ [6]), управившись съ жатвой, могъ спокойно ожидать, пока маслина, пройдя періодъ беременности, не разрѣшится молодыми плодами.

Начиная съ октября, можно было уже собирать зеленыя оливки для соленія, а въ концѣ мѣсяца плоды начинали чернѣть [7]), и въ ноябрѣ начинался общій сборъ, который нерѣдко тянулся, какъ и въ настоящее время [8]), до января [9]). Сборъ оливокъ въ античной Греціи по сравненію съ современными пріемами былъ обставленъ весьма тщательно. Многочисленныя указанія, среди которыхъ извѣстную роль играли предписанія, связанныя съ симпатической магіей, были направлены на то, чтобы возможно оберечь дерево отъ порчи.

Маслина, являясь по представленію древнихъ „чистымъ“ деревомъ, требовала и собирателей чистыхъ тѣломъ и духомъ [10]). Поэтому, не-

---

[1]) Plin. h. n. 15, 1 приписываетъ Гесіоду мнѣніе о томъ, что еще никто не собиралъ плодовъ съ той маслины, которую самъ садилъ.

[2]) См. выше.

[3]) Ср. *Struck*, o. c. 104.

[4]) *Mommsen*, Griechische Jahreszeiten, 5.

[5]) *Mommsen*, o. c. 6.

[6]) Theophr. c. p. 6, 8, 7. Ср. c. p. 1, 19, 5.

[7]) Geop. 9, 17, 1: ὥρα εὔθετος πρὸς τὴν τοῦ κοινοῦ ἐλαίου σκευασίαν, ὅταν τὸ πλέον τοῦ ἡμίσεος μέρους τοῦ καρποῦ φανῇ μελανίζον.

[8]) *Struck*, o. c. 104.

[9]) *Mommsen*, o. c. 12.

[10]) Geop. 9, 2, 5: καθαρὰ δὲ οὖσα ἡ ἐλαία βούλεται καθαροὺς εἶναι καὶ τοὺς δρέποντας

обходимо было соблюдать извѣстныя предписанія тѣмъ, кто приступалъ къ сбору оливокъ. Правда, аѳиняне иногда собирали плоды, тряся руками вѣтви и подбирая затѣмъ опавшія оливки [1]), но препочтительнѣе было отрывать плоды, пользуясь лѣстницами, какъ при сборѣ смоквъ и другихъ плодовъ [2]). При сборѣ слѣдовало избѣгать грубыхъ и рѣзкихъ движеній, такъ какъ они оскорбляли дерево Аѳины. Тотъ, кто не соблюдалъ должнаго уваженія къ дереву и сбивалъ плоды палкой, подвергалъ себя опасности—оскорбленное дерево могло давать очень плохіе урожаи [3]). Также слѣдовало избѣгать сбиванія плодовъ камнями или сухими комьями земли—дерево получало обиду, а плоды покрывались ранами (τραυματίζεσθαι) и, падая на землю, принимали землистый вкусъ, который передавался и маслу [4]).

Непосредственно за сборомъ оливокъ слѣдовало приготовленіе масла путемъ выжиманія сока изъ плодовъ въ особыхъ прессахъ. Эти занятія уже падали на зимнее дождливое время, до наступленія котораго сборъ рекомендовалось закончить, чтобы плоды были не слишкомъ сморщенными и водянистыми [5]).

Осенью же, слѣдуя общему правилу, выставленному Ѳеофрастомъ, рекомендовалось производить посадки маслины [6]), о которыхъ земледѣльческіе писатели даютъ самыя подробныя указанія [7]). Управившись съ уборкой оливокъ, заготовленіемъ ихъ впрокъ и приготовленіемъ изъ нихъ масла, земледѣлецъ могъ считать свою главную работу законченной. Оставались лишь заботы о подрѣзкѣ дерева [8]), очищеніи отъ сухихъ вѣтвей и соразмѣрномъ унаваживаніи [9]).

αὐτήν, καὶ ὀμνύναι ἀπὸ μόνης τῆς ἑαυτῶν γυναικὸς ἀφικνεῖσθαι, οὐκ ἀπ' ἀλλοτρίας εὐνῆς. ibid. § 6: φασὶ δὲ ἐν Ἀναζάρβῳ τῆς Κιλικίας παῖδας ἁγνοὺς γεωργεῖν τὴν ἐλαίαν, καὶ διὰ τοῦτο εὐφορωτάτην εἶναι τὴν παρ' αὐτοῖς ἐλαίαν.

[1]) Geop. 9, 17, 6; 4; 8.

[2]) На нѣкоторыхъ вазовыхъ рисункахъ встрѣчается изображеніе сбора плодовъ и винограда съ помощью лѣстницъ.

[3]) Geop. 9, 17, 6.

[4]) Geop. 9, 17, 7.

[5]) Geop. 9, 17, 3.

[6]) Theophr. c. p. 3, 4, 1. Ср. 3, 2, 6: ἀεὶ γὰρ δεῖ φυτεύειν καὶ σπείρειν εἰς ὀργῶσαν τὴν γῆν· οὕτω γὰρ καὶ ἡ βλάστησις καλλίστη καθάπερ τοῖς ζώοις ὅταν εἰς βουλομένην πέσῃ τὸ σπέρμα τὴν ὑστέραν. ὀργᾷ δ' ὅταν ἔνικμος ᾖ καὶ θερμὴ καὶ τὰ τοῦ ἀέρος ἔχῃ σύμμετρα· τότε γὰρ εὐδιάχυτός τε καὶ εὐβλαστὴς καὶ ὅλως εὐτραφής ἐστι. τοῦτο δ' ἐν δυσῖν ὥραιν γίνεται μάλιστα τοῖς γε δένδροις ἔαρι καὶ μετοπώρῳ καθ' ἃς καὶ φυτεύουσι μᾶλλον, καὶ κοινοτέρως ἐν τῷ ἦρι.

[7]) Xen. O. 19, 13–15. Theophr. passim. Geop. 9, 4, 1—8, 6.

[8]) Theophr. h. p. 2, 7, 1: περὶ δὲ τῆς ἐργασίας καὶ θεραπείας τὰ μέν ἐστι κοινὰ τὰ

XIV.

Вторымъ, послѣ маслины, земледѣльческимъ деревомъ Ѳеофрастъ считалъ смоковницу [1]). Плоды ея въ древней Греціи и особенно въ Аѳинахъ составляли излюбленную, пріятную и питательную пищу, и каждый аѳинянинъ навѣрное могъ сказать про себя словами комическаго писателя: „Вѣдь я любитель смоквъ ужасный“ [2]). Въ древнихъ Аѳинахъ, въ противоположность современной Греціи, гдѣ онѣ распространены преимущественно въ Пелопоннесѣ [3]), смоквы въ сыромъ и сушеномъ видѣ были настолько распространены, что создалась даже поговорка: „Не ввозить смоквъ въ Аѳины“ [4]), для обозначенія обычности какого-либо явленія. И по своимъ качествамъ аѳинскія смоквы стояли такъ же высоко, какъ оливковое масло, и даже превосходили знаменитыя смоквы съ острова Родоса [5]). Въ отношеніи смоковницы, подаренной по преданію Деметрой Фиталу, родоначальнику садоводовъ [6]) въ мѣстечкѣ подъ Аѳинами, получившемъ названіе „священной смоквы“ (ἱερὰ συκῆ) [7]), аѳинская равнина оказалась вполнѣ гостепріимной. И со стороны человѣка это дерево пользовалось большимъ вниманіемъ. Аѳиняне, считая смоковницу „предводительницей чистой жизни“ [8]), окружили ее религіознымъ почетомъ [9]), поставили подъ охрану законовъ [10]) и сдѣлали предметомъ особаго изученія [11]).

Экологическія условія также благопріятствовали жизни смоков-

δὲ ἴδια καθ' ἕκαστον. κοινὰ μὲν ἥ τε σκαπάνη καὶ ἡ ὑδρεία καὶ ἡ κόπρωσις, ἔτι δὲ ἡ διακάθαρσις καὶ ἀφαίρεσις τῶν αὔων.

[9]) Theophr. h. p. 2, 7, 3: δεῖσθαι δέ φησιν Ἀνδροτίων καὶ κόπρου δριμυτάτης καὶ πλείστης ὑδρείας ὥσπερ καὶ τῆς διακαθάρσεως ἐλάαν καὶ μόρρινον καὶ ῥόαν.

[1]) См. выше.

[2]) Ath. 3, 74 D. (слова Μάγος): φιλόσυκος γάρ εἰμι δαιμόνιος.

[3]) *Struck*, o. c. 105.

[4]) Μὴ σῦκα εἰς Ἀθήνας было такъ же обычно какъ μὴ γλαύκας εἰς Ἀθήνας (ср. Luc. Nigr. 1).

[5]) Ath. 3, 75 E.

[6]) Paus. 1, 37, 2.

[7]) Philostr. Vit. soph. 2, 20, 3. *Judeich*, o. c. 164.

[8]) Ath. 3, 74 D: Магъ называлъ смокву ἡγεμὼν τοῦ καθαρσίου βίου.

[9]) Ср. *S. Reinach*, Les sycophantes et les mystères de la figue въ его Cultes, mythes, religions, Paris 1908, 3, 92.

[10]) F. H. G. I, 423 (Истръ).

[11]) Ср. Ath. 3, 74.

ницы. Смоковница, принадлежа къ числу „слабыхъ“ деревьевъ [1]), требовала отъ земледѣльца особаго ухода. Она любила жить на равнинѣ [2]), такъ, чтобы быть повернутой на югъ [3]), получая теплый и влажный морской воздухъ [4]). Кромѣ того смоковница требовала сухой и легкой почвы и избѣгала тяжелой и плотной [5]). Равнымъ образомъ и въ отношеніи орошенія смоковница была весьма прихотлива. Она любила достаточное, но безъ излишка [6]), орошеніе, какое ей могла предоставлять почва вдоль Кефисса, или внимательное искусственное орошеніе. Качество почвы и количество орошенія въ опредѣленной соразмѣрности ихъ элементовъ составляло необходимое условіе для здоровой жизни дерева [7]). Благодаря устройству внутреннихъ органовъ [8]) смоковница, какъ и виноградная лоза, плохо себя чувствовала на сырыхъ мѣстахъ. Дерево, втягивая слишкомъ много влаги, достигало большого роста, покрывалось пышной зеленью, но плоды ея отъ излишней влаги становились водянистыми и лишались необходимой сладости [9]).

Поэтому, когда можно было замѣтить присутствіе избытка влаги въ мѣстахъ посадки, или, когда смоковница начинала покрываться почками, рекомендовалось производить на деревѣ надрѣзы (σχάσεις) [10]), съ цѣлью выпустить излишекъ соковъ. Тогда, по мнѣнію Ѳеофраста,

---

[1]) Theophr. c. p. 1, 20, 6; 3, 7, 10.

[2]) Theophr. h. p. 2, 5, 7: συκῇ τὴν πεδεινήν φασιν οἰκειοτάτην εἶναι.

[3]) Theophr. c. p. 3, 7, 9.

[4]) Theophr. c. p. 5, 1, 9.

[5]) Theophr. c. p. 3, 6, 6: οἷον ὡς μὲν ἁπλῶς εἰπεῖν ἡ συκῆ φιλεῖ τοὺς ξηροὺς τόπους. Ibid. § 8.

[6]) Cp. Theophr. c. p. 3, 6, 8: τὴν γοῦν λειμωνίαν καὶ ἔφυδρον σχεδὸν οἱ πλείους ὁμολογοῦσιν ἀγαθὴν εἶναι ταῖς ἀμπέλοις ὥσπερ καὶ τὴν εὔγειον ἐλάαις καὶ συκαῖς· αἱ μὲν γὰρ ὑγροτέρας δέονται καὶ μαλακωτέρας τροφῆς, αἱ δὲ ξηροτέρας καὶ σωματωδεστέρας.

[7]) Theophr. c. p. 3, 6, 6: ὥσπερ γὰρ λέγεται πολλάκις ἡ οἰκεία μεγίστην ἔχει ῥοπὴν καὶ πρὸς ἀντίληψιν καὶ πρὸς εὐκαρπίον ὃ καὶ καθ' ὅλων τῶν γενῶν ἐστιν καὶ ἐν αὐτοῖς τοῖς ὁμοειδέσιν.... οἱ γὰρ ὑγροὶ (scil. τόποι) σήπουσιν ἢ οὐ καλῶς πεπαίνουσι διὰ τὸ καὶ αὐτὸν εἶναι τὸν καρπὸν ὑγρόν.

[8]) Ѳеофрастъ, затрогивая въ h. p. 1, 6, 1 вопросъ о „маткѣ“ (μήτρα) дерева, устанавливаетъ три рода сердцевины: σαρκώδης, ξυλώδης и ὑμενώδης. Смоква, виноградная лоза, гранатовое дерево, яблоня и другія нѣкоторыя деревья имѣютъ μήτραν σαρκώδη. Какъ можно понять изъ многочисленныхъ мѣстъ Ѳеофраста, эти деревья могутъ впитывать излишнюю влагу во вредъ себѣ.

[9]) Theophr. h. p. 2, 7, 1: συκῆ δ' εὐβλαστοτέρα μὲν ὑδρευομένη τὸν δὲ καρπὸν ἴσχει χείρω πλὴν τῆς λακωνικῆς· αὕτη δὲ φίλυδρος. Cp. c. p. 2, 7, 4.

[10]) Theophr. c. p. 2, 14, 4: αἱ σχάσεις συκῶν. Cp. c. p. 5, 9, 11.

оставшаяся въ деревѣ влага могла легче сгуститься и произвести „свареніе“ соковъ, доводя ихъ до необходимой степени сладости [1]).

Въ послѣдній періодъ зимы, ранней весною, когда земля, находясь въ любовномъ состояніи (ὀργῶσα γῆ), проявляла свою плодородную силу, а воздухъ представлялъ соединеніе всѣхъ своихъ живительныхъ элементовъ, наступалъ періодъ посадокъ (φυταλιά), и для смоковницъ начиналось благопріятное время [2]). Деревья обычно садились на разстояніи большемъ, чѣмъ 9 футовъ [3]), причемъ было желательно, чтобы посадки были повернуты на югъ [4]). По мнѣнію земледѣльцевъ, взгляды которыхъ передавалъ Ѳеофрастъ, было полезно садить деревья среди грядокъ лука: эта мѣра способствовала росту дерева и отгоняла отъ него вредныхъ червей [5]).

Ранней весною и зрѣлыя деревья переживали весьма важный періодъ. Деревья, полныя новыхъ соковъ и оживленной дѣятельности, начинали проявлять первые признаки общей беременности [6]): корни, налитые сильными молодыми соками, стояли беременными [7]) и были готовы пустить новые ростки, дерево въ различныхъ мѣстахъ показывало опухлость и приготовлялось разрѣшиться отъ бремени молодой вѣточкой, а зрѣлыя вѣтви тоже стояли полными, показывая опухлости, подготовляющія рожденіе почекъ [8]). Словомъ, деревья ранней весною и, особенно, смоква показывали напряженіе всего своего организма и приготовлялись къ предстоящему „плодорожденію“ (καρποτοκία) [9]). Земледѣлецъ долженъ былъ съ особымъ вниманіемъ наблюдать за теченіемъ плодородной жизни смоковницы и принимать мѣры къ правильному ея питанію и предупрежденію всего, что̀ могло

---

[1]) Theophr. c. p. 2, 14, 4: ἀπορρεούσης γὰρ τῆς ὑγρότητος ἡ καταλειπομένη ῥᾷον ἐκπέττεται γλυκύτης. См. ниже.

[2]) Весною же рекомендовалось производить прививки черенковъ. Theophr. c. p. 5, 9, 11.

[3]) Theophr. h. p. 2, 5, 6.

[4]) Theophr. c. p. 3, 7, 9.

[5]) Theophr. h. p. 2, 5, 5.

[6]) Своеобразныя, полныя анимализма, представленія беременности дерева, даетъ Ѳеофрастъ въ h. p. 1, 14, 1; 4, 2, 4; 6, 4, 8; 8, 6, 5. C. p. 1, 3, 4; 1, 6, 3; 1, 12, 8; 1, 14, 2; 1, 20, 2; 3, 2, 7; 4, 10, 2 и др. Ср. c. p. 3, 2, 8: ἔτι τὸ μὲν μετοπωρινὸν ἔγκυμον εἶναι καὶ ἐπίφορον, τὸ δὲ ἐαρινὸν ἄρτι κυΐσκεσθαι.

[7]) Theophr. c. p. 3, 2, 7: ἡ ζωὴ δι' ὃ καὶ τὴν βλάστησιν ἅμα τῷ ἦρι καλὴν γίνεσθαι καὶ ἀθρόαν ἐκβεβηκυίας ἤδη καὶ κυούσης τῆς ῥίζης κτλ.

[8]) Theophr. c. p. 1, 3, 1; 1, 12, 8 (см. ниже).

[9]) Theophr. Index s. v. καρποτοκία и καρποτοκεῖν.

его нарушить и вызвать преждевременные роды (πάρωροι καρποτοκίαι) [1]. Отличаясь слабымъ и нѣжнымъ строеніемъ, смоковница не удовлетворялась обычной помощью земледѣльца, но требовала отъ него дополнительныхъ мѣръ, обезпечивавшихъ правильное теченіе ея беременности. Смоковница, единственная изъ всѣхъ плодородныхъ деревьевъ, требовала отъ земледѣльца обрѣзки и удаленія сухихъ и лишнихъ вѣтвей незадолго до наливанія почекъ [2].

Передъ наступленіемъ весенняго равноденствія смоковница, стоявшая беременной (ἐγκύησις) [3], приступала къ первымъ проявленіямъ своей плодородной дѣятельности—къ выгону почекъ и вѣтвей (βλάστησις) [4]. Дерево раскрывало опухлость и давало родиться почкѣ (ἐκβλάστησις) [5] и нѣжной вѣточкѣ (παραβλάστη) [6], а затѣмъ вскорѣ начиналась „лиственная беременность“ (κύησις φυλλική) [7], рождались клейкіе робкіе листочки, и дерево начинало покрываться прозрачной весенней листвой [8]. Въ это дѣятельное время жизни смоковницы земледѣлецъ долженъ былъ озаботиться, чтобы приготовляющееся къ рожденію плодовъ дерево не истощило себя чрезмѣрнымъ количествомъ почекъ и побѣговъ (παράβλαστησις) [9] или буйной листвой, но въ то же время, чтобы оно не страдало и отъ недостатка ихъ [10].

Послѣ періода рожденія почекъ и листковъ и молодыхъ вѣтвей, которое нерѣдко могло нарушаться болѣзненными отклоненіями, смоковница подходила ко второму критическому времени своей беременности. Наступало время цвѣтенія, и женское дерево ожидало оплодо-

---

[1]) Theophr. c. p. 5, 1, 2: ... πάρωροι καρποτοκίαι.... λέγω δ' οἷον εἴ ποτε συκῆ κατὰ χειμῶνα τοῦ ἦρος ὑποφαίνοντος ἤνεγκε καρπόν.

[2]) Theophr. c. p. 3, 7, 10.

[3]) Theophr. c. p. 1, 6, 3.

[4]) Theophr. h. p. 3, 4, 2.

[5]) Theophr. c. p. 1, 12, 8: ἅπαν μὲν γὰρ τὸ ζῶν τρέφεται, τὸ δ' ἐν ὁρμῇ τῆς αὐξήσεως ὂν αὔξεται· τὰ δὲ φυτὰ πανταχῇ καὶ τὰ νέα καὶ τὰ παλαιὰ προορμᾷ πρὸς αὔξησιν. εἰ μὴ ἄρα συμβαίνει τότε μὲν αὐξάνεσθαι τοὺς ὄλους ὄγκους ἅμα δὲ τῇ ὥρᾳ διαγελώσῃ τὰς ἐκβλαστήσεις γίνεσθαι· τοῦτο δὲ οἷον γένεσίς τις ἤδη· δι' ὅ καὶ οὐκ ἄλογον ἐν αὐτοῖς ὥσπερ κύοντα κατέχειν ἢ συναθροίζοντα καὶ λαμβάνοντα πρὸς τὴν κύησιν ἐν οἷς ὄγκος γίνεται καὶ αὔξησις, εἶθ' ἅμα ταῖς ὥραις ἀποτίκτουσιν.

[6]) Theophr. h. p. 1, 2, 6.

[7]) Theophr. h. p. 3, 5, 5.

[8]) Theophr. c. p. 1, 6, 3: ἅμα γὰρ τῇ ἐγκυήσει καὶ βλαστήσει ὁ φλοιὸς ἐπιφύεται καὶ περιλαμβάνει.

[9]) Theophr. h. p. 4, 9, 3; 5, 1, 8; 7, 1, 8; c. p. 1, 3, 3; 2, 11, 5.

[10]) Theophr. c. p. 1, 20, 8: δεῖ γὰρ μήθ' ὑπερβλαστὲς μήτε κακοβλαστὲς εἶναι τὸ καρποτοκῆσον.

творяющей пыльцы мужского дерева. Для смоковницъ періодъ оплодотворенія былъ затруднителенъ въ силу своеобразныхъ особенностей этого дерева.

Ѳеофрастъ въ одномъ мѣстѣ „Исторіи растеній" разсказываетъ, что существуютъ деревья, которыя цвѣтутъ и не приносятъ плодовъ, а другія, хотя и не цвѣтутъ, однако, приносятъ плоды. Такъ, говоритъ онъ, обстоитъ дѣло и съ благородной (συκῆ) и дикой смоковницей (ἐρινεός) [1]). При этомъ Ѳеофрастъ упускалъ изъ виду, что земледѣлецъ имѣлъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же видомъ, но съ равличнаго пола особями—женской (συκῆ) и мужской (ἐρινεός) [2]). Не зная ботаническихъ тонкостей, Ѳеофрастъ, однако, былъ хорошо знакомъ съ тѣмъ, что пыльца дикой смоковницы оплодотворяетъ благородную. Греческіе земледѣльцы, неохотно, повидимому, занимавшіеся прививками, садили поэтому среди благородныхъ смоковницъ дикія [3]). Водившіяся на послѣднихъ особыя насѣкомыя (ψῆνες), перелетая съ дикой смоковницы на благородную, переносили пыльцу на женскіе цвѣты и, такимъ образомъ, ихъ оплодотворяли [4]). Съ этою же цѣлью иногда подвѣшивали на благородную смокву вѣтки дикой, чтобы заманить на нихъ пернатыхъ насѣкомыхъ [5]). Когда оплодотвореніе благополучно совершалось, смоковница приступала къ главной работѣ—подготовкѣ рожденія плода. Напрягая всѣ свои силы и затрачивая значительную работу всего организма [6]), смоковница стремилась всѣ свои соки направить черезъ вѣтви [7]) въ плоды, сгустить ихъ тамъ и, подвергая ихъ живительнымъ лучамъ солнца и воздѣйствію плодороднаго воздуха, произвести „свареніе" плода (πέπανσις) [8]), и, доведя въ короткое время соки [9]) до нужной сладости, дерево рождало (ἀποτίκτειν) плодъ [10]). Однако, смоковница, принадлежавшая къ числу „слабыхъ"

---

[1]) Theophr. h. p. 3, 3, 8.

[2]) Ср. *Е. Г. Кагаровъ*, о. с. 142.

[3]) Theophr. c. p. 2, 9, 5; 3 18, 1; Arist. a. h. 5, 32.

[4]) Theophr. l. c. Arist. l. c. Ср. *Neumann-Partsch*, o. c. 425.

[5]) Arist. a. h. 5, 32, 30.

[6]) Ср. Theophr. c. p. 1, 3, 1.

[7]) Theophr. c. 1, 14, 3: αἱ δὲ πενάνσεις τῶν καρπῶν οὐ κατὰ τὰς βλαστέσεις γίνονται· βλαστάνει γὰρ τά γε πολλὰ σύνεγγυς αὐτοῖς κατὰ μίαν ὡς εἰπεῖν ὥραν· τοῦ δὲ πεπαίνειν τοὺς καρποὺς πολλοῖς χρόνοις ὕστερον ἐκείνην τὴν αἰτίαν ὑποληπτέον..... αὕτη δ' ἡ τῶν καρπῶν πέπανσις εἰς ἣν πλείονος δεῖται καὶ δυνάμεως καὶ κατεργασίας κτλ.

[8]) Theophr. l. c. и passim.

[9]) Theophr. c. p. 1, 17, 3: ἅπαντα γὰρ τὰ γλυκέα βραχυτέρας ποιεῖ τὰς πεπάνσεις.

[10]) Theophr. c. p. 1, 13, 1; 3, 24, 2; 4, 6, 4.

деревьевъ, часто не имѣла достаточной силы, чтобы довести плоды до необходимой зрѣлости и теряла ихъ раньше срока (ἀποβολὴ τῶν καρπῶν) [1]). Противъ потери деревомъ своихъ плодовъ рекомендовалось обращаться за помощью къ тѣмъ же насѣкомымъ (ψῆνες). Земледѣльцы подмѣтили, что эти насѣкомыя, садясь на зрѣющіе плоды благородной смоковницы, кусали ихъ, и отъ укуса плоды становились болѣе твердыми и не опадали [2]).

Если смоковница проходила благополучно періодъ своей беременности, то она приносила, какъ и виноградная лоза, два поколѣнія молодыхъ плодовъ [3]). Въ серединѣ іюня [4]) рождались раннія смоквы (γενναῖα σῦκα) [5]), позднѣе, при наступленіи „деревенской осени" (ἄγροικος ὀπώρα) [6]), появлялись на свѣтъ „осеннія" (ὄψιαι συκαῖ) [7]) или „царскія" смоквы (βασιλικά), какъ ихъ называютъ теперь [8]). Первыя не шли на заготовку впрокъ, а сейчасъ же поступали на аѳинскій рынокъ. Лучшія и болѣе позднія смоквы начинали созрѣвать лишь въ концѣ іюля [9]). До полной ихъ зрѣлости было запрещено снимать плоды подъ страхомъ денежнаго наказанія, и можно было приступать къ сбору, который оканчивался иногда лишь въ сентябрѣ при восходѣ Арктура [10]). Сборъ смоквъ, совпадавшій съ молотьбой и вѣяніемъ хлѣба, совершался, повидимому, женщинами, которыя срывали плоды руками и клали ихъ въ особыя плетеныя корзинки [11]). Сорванныя смоквы главнымъ образомъ сушились (ἰσχάδες) [12]), частью же шли

---

[1]) Theophr. c. p. 2, 9, 3. Geop. 10, 48.

[2]) Theophr. h. p. 2, 8, 1; c. p. 2, 9, 5. Plin. h. n. 15, 21.

[3]) Plato, Leg. 844 D—E: διττὰς ἡμῖν δωρεὰς ἡ θεὸς ἔχει χάριτος αὕτη, τὴν μὲν παιδείαν Διονυσιάδα ἀθησαύριστον (=γενναία ὀπώρα), τὴν δ' εἰς ἀπόθεσιν γενομένην κατὰ φύσιν. ibid. 844 E: ὅς δ' ἂν τὴν γενναίαν νῦν λεγομένην σταφυλὴν ἢ τὰ γενναῖα σῦκα ἐπονομαζόμενα ὀπωρίζειν βούληται καρπούσθω.

[4]) *Mommsen*, o. c. 10.

[5]) Plato l. c.

[6]) Plato, Leg. 844 D. См. ниже.

[7]) Theophr h. p. 2, 8, 1 называетъ τὰ πρώϊα въ противоположность τὰ ὄψια (l. c.) и αἱ ὄψιαι συκαῖ (h. p. 1, 9, 7).

[8]) Современное названіе, вѣроятно, идетъ изъ античности. Ср. Ath. 3, 75 D (Андротіонъ): ὀπώρα βασιλίδας. Ath. 3, 76 E (Гермонактъ) упоминаетъ о βασιλίδας ἰσχάδας.

[9]) *Mommsen*, o. c. 10.

[10]) Plato, Leg. 844 D: ἔστω δὴ περὶ ὀπώρας ὅδε νόμος ταχθείς· ὃς ἂν ἀγροίκου ὀπώρας γεύσηται, βοτρύων εἴτε καὶ σύκων, πρὶν ἐλθεῖν τὴν ὥραν τὴν τοῦ τρυγᾶν ἀρκτούρῳ ξύνδρόμον—тотъ подвергается денежнымъ штрафамъ.

[11]) Ср. Hesych. s. v. σώρακον и s. v. συρίσκος.

[12]) См. выше.

на изготовленіе особаго рода „пастилы“ (παλάθη) и цѣлаго ряда другихъ заготовокъ, о которыхъ много подробностей сообщаетъ Аѳиней [1]).

Ко времени окончанія сбора смоквъ завершались работы и по уборкѣ хлѣба, и земледѣлецъ имѣлъ уже въ своемъ распоряженіи важные продукты своего обихода. Если урожай былъ удаченъ, то въ этомъ земледѣлецъ видѣлъ указанія и на богатый виноградный сборъ [2]). Смотря на благополучно созрѣвающіе плоды маслины, видя удачные сборы смоквъ, надѣясь, по богатому урожаю хлѣба, на хорошій сборъ винограда, земледѣлецъ съ радостью ожидалъ времени уборки винограда, съ которымъ связывалось столько веселыхъ образовъ и пріятныхъ воспоминаній.

Грекъ хорошо зналъ, что если хлѣбъ, маслина и смоквы были нужны для питанія, то вино боги послали, чтобы разогнать людскія заботы [3]).

XV.

Маслина и смоква, составляя, какъ мы видѣли, предметъ большой заботливости аѳинянина, несмотря на прихотливость своей жизни, все же не требовали такого ухода, какъ виноградная лоза—одно изъ наиболѣе нѣжныхъ растеній аѳинскаго земледѣльческаго хозяйства. И къ виноградной лозѣ аѳинянинъ относился какъ къ близкому человѣку, жившему одинаковой жизнью съ нимъ.

Земледѣлецъ видѣлъ въ лозѣ живое женское существо [4]), которому предстояло трудное время беременности [5]), вынашиванія и рожденія [6]) многочисленныхъ гроздьевъ винограда [7]). Для зачатія (καρπογο-

---

[1]) Ath. 3, 74 D—80 E.

[2]) Демокритъ у Geop. 5, 43, 2. Интересно отмѣтить оттѣнокъ симпатической магіи по контрасту: если удаченъ урожай хлѣба (σῖτος т. е. ξηρὸς καρπός), то ожидается удачный сборъ и винограда (т. е. ὑγρὸς καρπός).

[3]) Ath. 2, 35 C приводитъ стихъ изъ „Киприй“:

οἶνόν τοι, Μενέλαε, θεοὶ ποίησαν ἄριστον
θνητοῖς ἀνθρώποισι ἀποσκεδάσαι μελεδῶνας.

[4]) На полъ виноградной лозы указываютъ такія обычныя выраженія какъ τίκτειν, ἀρτιτοκέω, μήτρα, γονεύειν.

[5]) Theophr. c. p. 3, 16, 2: γονεύειν, ἐγκύμονα γίνεσθαι.

[6]) Theophr. 3, 15, 3: ὑπολαμβάνουσιν ὡς τίκτουσαν τὴν ἄμπελον εὐθὺς ὅταν τρυγηθῇ καὶ τότε γινόμενον τὸν καρπόν. Geop. 5, 41, 1: εἰσί τινες (т. е. лозы) αἱ ἀρτιτοκοῦσαι κτλ.

[7]) Theophr. c. p. 2, 4, 4: πολύκαρπος.

νία) [1]) и рожденія (καρποτοκία) [2]) плодовъ лоза обладала своеобразнымъ строеніемъ своего организма.

Горячее [3]) тѣло [4]) виноградной лозы было мягко и влажно и постоянно нуждалось въ обильной пищѣ [5]), которую лоза получала черезъ свои органы [6]), выбиравшіе отъ горячихъ лучей солнца и влажнаго воздуха питательные элементы.

На обязанности земледѣльца лежало помогать лозѣ, предохранять ее отъ напастей и болѣзней и доставлять ей полное спокойствіе въ періодѣ беременности. Въ это время нельзя было производить никакихъ земледѣльческихъ дѣйствій надъ лозой—запрещалось осыпаніе ея пылью и даже вырываніе травы въ виноградникахъ, такъ какъ это могло обезпокоить дерево и нарушить процессъ созрѣванія гроздей [7]).

Земледѣлецъ долженъ былъ различными пріемами, заботясь о томъ, чтобы не поранить лозу [8]), доставлять необходимое питаніе. Въ то же время необходимо было предохранить дерево отъ избытка влажной пищи и дать лозѣ возможность выплакать излишекъ [9]).

Земледѣлецъ долженъ былъ также отгонять отъ лозы все, что̀ могло причинить ей непріятность [10]), и облегчить ей трудъ несенія тяжелыхъ спѣлыхъ гроздей [11]): высокую лозу онъ долженъ былъ подпереть жердями, чтобы она не наклонялась все время въ сторону, что̀ для нея было такъ же тяжело, какъ человѣку, несущему на

---

[1]) См. выше.

[2]) См. выше.

[3]) Theophr. c. p. 2, 4, 4: τροφῆς γὰρ πολλῆς ἡ ἄμπελος δεῖται διὰ τὸ θερμὴ καὶ μανὴ καὶ ὑγρὰ καὶ πολύκαρπος.

[4]) Geop. 5, 38, 1: τῆς ἀμπέλου σῶμα.

[5]) Theophr. c. p. 2, 4, 4 (см. выше).

[6]) Theophr. h. p. 1, 6, 1 (μήτρα). Растенія διαφέρονται δὲ καὶ ταῖς μήτραις. У лозы она σαρκώδης (l. c.). Объясненіе понятія μήτρα h. p. 1, 6. 2. Также въ питаніи участвуютъ корни, замѣняющіе растеніямъ какъ бы желудокъ (c. p. 6, 11, 5). О дѣятельности корней: c. p. 2, 1, 3; 2, 14, 3.

[7]) Theophr. c. p. 3, 16, 3. См. ниже.

[8]) Ср. Geop. 5, 42, 1: τραυματίζειν, τραῦμα. Невольно вспоминается стихотвореніе гр. А. Толстого: *Острою сѣкирою ранена береза.* У нашего поэта это былъ красивый поэтическій образъ, у древняго земледѣльца живое выраженіе яркаго бытового анимизма, выросшаго на почвѣ неразрывнаго единенія съ природой.

[9]) Theophr. c. p. 1, 6. 8. Ср. c, p. 3, 15, 2.

[10]) Ср. Geop. 5, 45, 1.

[11]) Geop. 5, 29, 6: ὥσπερ ἡμεῖς ἐφ' ἓν μέρος ἐπικλιθέντες τοῦ σώματος κάμνομεν, οὕτω καὶ ἄμπελοι ἐπικλιθεῖσαι καὶ μὴ ὀρθῶς ἑστηκυῖαι βλάπτονται.

своихъ плечахъ тяжесть [1]). Съ этой же цѣлью земледѣлецъ долженъ былъ торопиться съ уборкой уже созрѣвшихъ плодовъ—иначе лоза уставала, неся тяжесть сверхъ опредѣленнаго для этого времени [2]).

Прихотливая лоза требовала отъ земледѣльца, чтобы онъ помѣщалъ ее въ общество „дружественныхъ" ей растеній [3]). Смоква и маслина, напримѣръ, были большими врагами лозы, такъ какъ онѣ отнимали у нея пищу и отбрасывали на нее своими раскидистыми вѣтвями слишкомъ большую тѣнь. Такъ же недружелюбно относилось къ лозѣ и миндальное дерево [4]). Наоборотъ, ячмень и бобы, посаженные въ виноградникахъ, были дружны съ лозой и помогали ей, вытягивая излишнюю влагу изъ земли [5]).

Въ случаѣ болѣзни лозы земледѣльцу нужно было оказать ей необходимую помощь. Иногда лоза отъ излишней питательной пищи становилась слишкомъ тучной и начинала „козлиться" (τραγᾶν) [6])—она выходила въ листву, не давая виноградныхъ гроздій. Въ другихъ случаяхъ потеря плодородія происходила отъ того, что лозу охватывало безуміе (ἄμπελος μαινομένη), и она всѣ свои соки употребляла на пышную зеленую листву [7]). Случалось также, что передъ самыми родами на лозу нападала особая болѣзнь, и она не давала созрѣть гроздьямъ и заставляла ихъ портиться [8]).

Земледѣлецъ въ этихъ случаяхъ долженъ былъ ухаживать за лозой и лечить ее. Если лоза начинала выходить въ листья, необходимо было обрѣзать часть ствола подъ землею и прикрыть его ка-

---

[1]) Xen. O. 19, 18.

[2]) Geop. 5, 45, 1: виноградныя гроздья βλάπτουσιν παρὰ τὸ δέον ἀχθοφοροῦσαι.

[3]) Теорія „дружественныхъ" (προσφιλεῖς) деревьевъ и объясненіе причинъ этого у Theophr. c. p. 3, 10, 4. Извѣстное выраженіе Гиппонакта (frgm. 31 H.): συκῆν μέλαιναν, ἀμπέλου κασιγνήτην покоится не на земледѣльческихъ представленіяхъ, а на излюбленности того и другого лакомаго плода.

[4]) Theophr. c. p. 3, 10, 6: χαλεπότατα δὲ καὶ ἀμπέλῳ καὶ τοῖς ἄλλοις συκῇ καὶ ἐλάᾳ· καὶ γὰρ τροφὴν πολλὴν ἀμφότερα λαμβάνει καὶ σκιὰν παρέχει πλείστην· χαλεπὸν δὲ καὶ ἡ ἀμυγδαλῇ διά τε τὴν ἰσχὺν καὶ διὰ τὴν πολυρριζίαν.

[5]) Theophr. c. p. 3, 10, 6.

[6]) Arist. a. h. 546ª 2: οἱ δὲ τράγοι πίονες ὄντες ἧττον γόνιμοί εἰσιν (ἄφ' ὧν καὶ τὰς ἀμπέλους, ὅταν μὴ φέρωσι, τραγᾶν καλοῦσιν), ἀλλὰ παρισχναινόμενοι δύνανται ὀχεύοντες γεννᾶν. Theophr. h. p. 2, 7, 6.

[7]) Theophr. c. p. 1, 11, 3.

[8]) Geop. 5, 41, 1: εἰσί τινες αἱ ἀρτιτοκοῦσαι, ἀλλὰ σήπουσι τοὺς βότρυας, πρὶν ἀναθρέψαι καὶ πεπάναι. τὰς οὖν τοιαύτας θεραπεύσεις ἀνδράχνης χυλῷ.

мнемъ—это средство помогало, и лоза начинала „нести“ (φέρειν) [1]. Если же лоза не давала гроздьямъ созрѣть, то хорошо было поливать лозу сокомъ особаго растенія (ἀνδράχνη) [2].

Но, иногда, земледѣлецъ разсматривалъ перечисленныя выше проявленія, какъ результатъ заносчиваго поведенія лозы [3] и тогда, вмѣсто леченія, онъ прибѣгалъ къ обычному „наказанію“ (κόλασις) растенія „гвоздями“ (τοῖς παττάλοις) [4]. Въ стволъ лозы вбивался желѣзный гвоздь, и, когда образовывалось отверстіе, гвоздь вынимался, а на его мѣсто вставлялся деревянный изъ дубоваго дерева, и отверстіе прикрывалось землею [5].

Такимъ образомъ первымъ гвоздемъ прибивалось стволу очищеніе, такъ какъ желѣзо, какъ извѣстно, имѣло катартическую силу, а затѣмъ къ стволу прибивалась сила, присущая дубу, и его плодородіе. Если же лоза росла подъ непрестаннымъ наблюденіемъ и испытывала постоянное заботливое отношеніе, то она воспитывала виноградныя кисти и доводила ихъ до необходимой зрѣлости [6].

Разнообразіе способовъ обработки и посадки виноградной лозы, описанію которой посвящены многочисленныя страницы античныхъ писателей, зависѣло въ значительной мѣрѣ отъ многочисленныхъ видовъ лозы.

По замѣчанію Ѳеофраста, разновидностей лозы существовало столько, сколько было сортовъ земледѣльческой земли [7]. Кромѣ того, какъ мы говорили выше, виноградная лоза требовала за собою весьма внимательнаго и постояннаго ухода. Вообще говоря, для виноградныхъ посадокъ, особенно для бѣлаго винограда, наиболѣе пригодной почвой являлась черная земля, не слишкомъ плотная и обладавшая достаточнымъ количествомъ „сладкой“ воды на глубинѣ [8]. При качествахъ почвы аѳинской равнины приходилось выбирать для

---

[1]) Theophr. h. p. 2, 7, 6: ἐὰν δέ τι μὴ φέρῃ καρπὸν ἀλλ' εἰς βλάστησιν τρέπηται, σχίζουσι τοῦ στελέχους τὸ κατὰ γῆν καὶ λίθον ἐπιτιθέασιν ὅπως ἀνεώγῃ, καί φασι φέρειν.

[2]) См. выше.

[3]) Theophr. h. p. 2, 7, 6: ... κολάζειν ὡς ὑβρίζον τὸ δένδρον.

[4]) Theophr. c. p. 1, 17, 9. Наказаніе гвоздемъ въ примѣненіи къ миндальному дереву.

[5]) Theophr. h. p. 2, 7, 7: πάτταλον ἐγκόψαντες σιδηροῦν ὅταν τετράνωσιν ἄλλον ἀντεμβάλλουσι δρύϊνον καὶ γῇ κρύπτουσιν.

[6]) Geop. 5, 41, 1.

[7]) Theophr. h. p. 2, 5, 7: ὅσα γάρ ἐστι γῆς εἴδη, τοσαῦτά τινές φασι καὶ ἀμπέλων εἶναι. Ср. c. p. 3, 11, 1. Ср. таблицу, приложенную къ моей статьѣ *Земля и почва*.

[8]) Geop. 5, 1, 1. Ср. 5, 2, 1.

разведенія особые сорта виноградной лозы [1]), обладавшей гроздьями съ многочисленными плодами, отличавшимися нѣжнымъ мясомъ [2]).

Для отмѣченныхъ сортовъ винограда экологія аѳинской равнины была какъ въ античное, такъ и въ настоящее время весьма благопріятна. Какъ мы видѣли, аѳинская равнина, нѣсколько понижающаяся въ южномъ направленіи, содержала легкую и сухую почву и удовлетворяла требованіямъ земледѣльцевъ, согласно которымъ виноградныя посадки должны были производиться на югъ или востокъ [3]). Кромѣ того считалось благопріятнымъ условіемъ, если виноградныя лозы получали во время роста укрѣпляющій соленый морской воздухъ [4]). Равнымъ образомъ на аѳинской равнинѣ около виноградныхъ посадокъ не было и вредныхъ болотистыхъ мѣстъ [5]).

Въ силу господствовавшихъ по временамъ на аѳинской равнинѣ сѣверныхъ вѣтровъ, земледѣльцы обычно воздѣлывали низкіе сорта [6]) лозъ (χαμῖτις) [7]), избѣгая посадокъ высокой лозы, которая вилась по дереву или поддерживалась высокими жердями (ἀναδενδράς) [8]). Сильные вѣтры могли легко причинить вредъ высокому растенію, укрѣпившемуся корнями въ легкой почвѣ [9]).

Посадки виноградной лозы, какъ и большинства другихъ деревьевъ,

---

[1]) Ср. Theophr. c. p. 3, 11, 1. 2, 4, 4: ἡ δὲ λειμωνία καὶ ἔφαμμος ἀμπελοφόρος ἀγαθὴ καὶ ὅλως ἥτις ἂν ᾖ μανὴ καὶ κούφη καὶ λεπτὴ καὶ ἔφυδρος οὕτως ὥστε τὸ οὐράνιον ὕδωρ μὴ διϊκνεῖσθαι πρὸς τὸ ἐν αὐτῇ κτλ.

[2]) Geop. 5, 2, 3: τῇ μέντοι ξηρᾷ γῇ καὶ λεπτογείῳ καὶ ψαμμώδει αἱ τοιαῦται (т. е. на черной землѣ) ἄμπελοι οὐχ ἁρμόζουσιν, ἀλλ' ὅσαι πυκνὰς ἔχουσι ῥάγας καὶ λεπτὴν ἐντεριώνην.

[3]) Geop. 5, 2, 13: οἶνος δὲ κάλλιστός ἐστιν ὁ ἐν ξηροῖς καὶ κεκλιμμένοις τόποις, καὶ πρὸς ἀνατολὰς ἢ μεσημβρίαν βλέπουσι φυτευθεισῶν ἀμπέλων. Ср. 5, 4, 1—2.

[4]) Geop. 5, 5, 1: παραθαλάσσιοι τόποι σφόδρα εἰσὶν ἐπιτήδειοι πρὸς ἄμπελον, διά τε τὴν θερμότητα, καὶ διὰ τὸ λεληθότως τὴν ὑγρασίαν ἀνατρέχουσαν ἐκ τῆς θαλάσσης τρέφειν τὰ φυτά. καὶ οἱ θαλάσσιοι δὲ ἄνεμοι ταῖς ἀμπέλοις εἰσὶ χρησιμώτατοι.

[5]) Geop. 5, 5, 2.

[6]) Geop. 5, 27, 3: ἐν δὲ τῇ λεπτογείῳ καὶ ξηρᾷ καὶ ἀμμώδει, καὶ ὑπὸ σφοδρῶν ἀνέμων ἐνοχλουμένῃ, ταπεινότερον χρὴ τὸ φυτὸν ποιεῖν, οὐ μὴν ἔλαττον τεσσάρων ποδῶν.

[7]) Geop. 3, 1, 5—упоминаетъ о χαμῖτις ἄμπελος.

[8]) Schol. Aristoph. Vesp. 326. Xen. O. 19, 18. Demosth. 53, 15.

[9]) См. выше. Это же соотношеніе сохранилось и до настоящаго времени въ Аттикѣ. Я нигдѣ не видѣлъ постоянную встрѣчающуюся въ Италіи анадендраду. Раціональность употребленія въ посадкахъ χαμῖτις я могъ хорошо оцѣнить во время путешествій въ Месогеѣ при сильномъ іюльскомъ сѣверномъ вѣтрѣ. Уже созрѣвающіе тяжелые гроздья винограда, касаясь земли, покрытые горячей пылью, совсѣмъ не страдали отъ яростныхъ натисковъ Борея. Разумѣется, если бы они висѣли на высокой лозѣ, то были бы сбиты.

производились на аѳинской равнинѣ преимущественно весною, хотя въ случаѣ необходимости можно было садить и осенью [1]). Равнымъ образомъ и для зрѣлыхъ деревьевъ весна представляла одинъ изъ важнѣйшихъ періодовъ ихъ жизни. Согласно живымъ аниматическимъ представленіямъ земледѣльцевъ, деревья въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ чувствовали себя въ состояніи беременности, подготовляющей будущее плодорожденіе, а весною начинали разрѣшаться отъ бремени [2]).

Земледѣльческая жизнь лозы, развиваясь, какъ жизнь животныхъ, въ теченіе опредѣленныхъ мѣсяцевъ плодородной дѣятельности, начиналась съ ранней весны. Зрѣлыя лозы медленно пускали свои ростки [3]), и ранней весною, когда еще деревья не были покрыты листьями, земледѣлецъ, до появленія почекъ [4]), приступалъ къ первой окопкѣ (σκαπάνη) лозы—къ этому важнѣйшему начальному дѣйствію, облегчающему развитіе дерева [5]). Благодаря окопкѣ корни лозы получали возможность добывать отъ солнца и воздуха питательные элементы, такъ какъ было извѣстно, что деревья получаютъ пищу не только отъ земли [6]).

Лишь въ апрѣлѣ лоза подавала первые дѣятельные признаки своей жизни [7]): она начинала пускать частые ростки, покрывалась молодыми листочками и какъ только прекращала „выбрасывать листья“ (φυλλοβολία) [8]), приступала къ образованію виноградныхъ кистей [9]). Въ это же время необходимо было, лишь только показывались первые признаки образованія плодовъ, обрывать тихо рукою [10]) молодые побѣги (βλαστολογία) [11]), чтобы лоза не тратила на ненужные

---

1) Theophr. c. p. 3, 2, 6 (см. выше).

2) Theophr. c. p. 1, 13, 1: ...τὰ δένδρα κατὰ χειμῶνα κύει πρὸς καρπογονίαν, τοῦ δ' ἦρος ἀποτίκτει.

3) *Mommsen*, o. c. 4.

4) Geop. 5, 25, 1: σκάπτειν δὲ χρὴ πρὸ βλαστοῦ προβολῆς κτλ.

5) Объ окопкѣ, которая πᾶσι συμφέρει (Theophr. h. p. 2, 6, 5), см. Theophr. c. p. 3, 16, 1. Ср. h. p. 7, 2, 1. c. p. 3, 20, 2. 5, 8, 2; 5, 9, 11; 5, 15, 3.

6) Theophr. c. p. 3, 12, 2: τοῦ ἔαρος κελεύουσιν ὡς βαθύτατα σκάπτειν ὅπως ὅτι πλεῖστον ἐγκαταμιχθὲν πνεῦμα παράσχῃ τροφήν. ὥσπερ γὰρ εἴρηται πολλάκις οὐκ ἀπὸ τῆς γῆς μόνον ἀλλὰ καὶ ἀπὸ τοῦ ἡλίου καὶ ἀπὸ τοῦ ἀέρος ἡ τροφή.

7) *Mommsen*, o. c. 4.

8) Ср. Theophr. h. p. 1, 9, 6.

9) Theophr. c. p. 3, 16, 1.

10) Geop. 5, 28, 1; 29, 1.

11) Theophr. c. p. 3, 2, 1; 3, 14, 1; 3, 16, 1.

побѣги своей плодородной влаги [1]). Сейчасъ же послѣ обрыванія побѣговъ было необходимо произвести вторую окопку [2]).

Благодаря своевременной окопкѣ (ὡραία σκαπάνη), солнечные лучи и теплый воздухъ еще разъ проникали къ корнямъ и доставляли питаніе находящимся въ стремленіи развитія плодамъ. Не задолго до цвѣтенія лозы, послѣ второй окопки, необходимо было еще разъ обрывать ростки, и это дѣйствіе, освобождая часть соковъ лозы, направляло ихъ на образованіе стебелька виноградной ягоды (βοστρύχιον) [3]).

Между 26 апрѣля и 13 мая по ст. ст. лоза начинала цвѣсти и продолжала свою работу въ теченіе 9 дней [4]). Послѣ отцвѣтанія для лозы начиналось важное время въ жизни. Стебельки виноградныхъ ягодъ уже появились, а ягоды рождающейся виноградной кисти находились въ состояніи образованія и роста [5]). Дерево обращало всю свою силу на благополучное вынашиваніе плодовъ, приготовляясь родить молодые гроздья новаго урожая [6]).

Въ это трудное для лозы время земледѣлецъ долженъ былъ помогать ей заботливымъ уходомъ. Вѣроятно, для того, чтобы кисти лозы не касались земли, земледѣлецъ окружалъ лозу ямками средней глубины (σκαφητὸς ὁ μέσος) и еще разъ обрывалъ лишніе побѣги [7]). Въ состояніи беременности (ἐγκόμων) лоза [8]) стояла все жаркое лѣтнее время, продолжая наливать свои побѣги и укрѣплять молодые еще не вполнѣ образовавшіеся гроздья, выставляя ихъ лучамъ горя-

---

[1]) Geop. 5, 28, 1: τὰς περισσὰς βλάστας ἔτι ἁπλὰς οὔσας ἀφαιρεῖν χρή, πολλὴν γὰρ τῇ ἀμπέλῳ διάπνευσιν παρέξεις.

[2]) Theophr. c. p. 3, 16, 1: ....ὥσπερ δεύτερον ἡ βλαστολογία δεῖ καὶ ταύτην εὐθὺς ποιεῖσθαι καὶ βλαστολογεῖν ὅταν διαφαίνωσι τὸν καρπόν. μετὰ δὲ ταῦτα εὐθὺς τὸ δεύτερον σκάπτειν, ὅπως ὅ τε καρπὸς καὶ ὁ βλαστὸς νέος ὢν καὶ ἐν ὁρμῇ τοῦ βλαστάνειν ὡραίαν λάβῃ τὴν σκαπάνην, ἔπειτα βλαστολογεῖν πρὸ τοῦ ἀνθεῖν.

[3]) Theophr. c. p. 3, 16, 1: συμβαίνει γὰρ ἐν τούτῳ τὸ βοστρύχιον αὔξεσθαι διὰ τὸ μήπω συνεστᾶναι τὰς ῥάγας.

[4]) *Mommsen*, o. c. 4.

[5]) Theophr. c. p. 3, 16, 1: ὅταν δὲ ἀπανθήσῃ τὸ μὲν (scil. τὸ βοστρύχιον) αἱ δὲ (scil. αἱ ῥάγες) συνίστανται καὶ αὔξονται.

[6]) Theophr. l. c.: ...τῇ γὰρ ἀμπέλῳ τότε συμβαίνει πρὸς αὔξησιν ὁρμᾶν τῶν τε παρόντων καρπῶν καὶ τῶν βλαστῶν ἐν οἷς ἄρχεται γονεύειν τὸν εἰς νέωτα καρπόν. ἐὰν οὖν ὁ καιρὸς μὴ παρεθῇ καλῶς γονεύσει.

[7]) Theophr. c. p. 3, 16, 1.

[8]) Theophr. l. c. § 2: βλαστάνει δὲ μέχρι τοῦ κυνὸς ἐπιτολῆς, ὅταν δὲ ἐπιτείλῃ παύεται τὰ μέλλοντα καλῶς ἐγκύμονα γίνεσθαι.

чаго солнца [1]). Такъ жила лоза до ранняго восхода Пса (ок. 28-го іюля ст. ст.) [2]). Солнце къ этому времени уже достаточно нагрѣвало виноградную лозу—она прекращала ростить побѣги и кисти и начинала сгущать влагу, необходимую для образованія тѣла своихъ ягодъ [3]), и стремилась выработать въ нихъ необходимую сладость [4]).

Ко времени всхода Пса уже поспѣвали наиболѣе ранніе сорта винограда, которые не предназначались на храненіе и шли непосредственно на ѣду [5]). Бо̀льшая же часть виноградниковъ (γενναία σταφυλή) была занята лозами, приносившими виноградъ для приготовленія вина. Наливавшіеся гроздья начинали своею тяжестью обременять лозу, и земледѣльцы помогали ей, ставя подпорки [6]). Съ цѣлью ускорить созрѣваніе плодовъ, стоявшихъ подъ жаркими лучами солнца [7]), рекомендовалось производить поверхностную вскопку (σκάλλειν) [8]), чтобы поднять пыль, которую дующіе въ это время года сѣверные вѣтры разносили, осыпая гроздья. Солнце, нагрѣвая пыль, усиливало теплоту ягодъ и ускоряло ихъ вызрѣваніе [9]).

Такъ стояли низкія виноградныя лозы аѳинской равнины, покрытыя пылью, подъ горящими іюльскими и августовскими лучами солнца, ожидая времени рожденія винограда.

Въ половинѣ сентября ко времени зимняго восхода Арктура въ Аѳинахъ, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ античной и совре-

---

[1]) Theophr. l. c.

[2]) См. выше.

[3]) Theophr. c. p. 3, 16, 2: θερμαίνοντος γὰρ τοῦ ἡλίου τὸ προηγούμενον τῶν βλαστῶν ἁπαλὸν ἀποσκληρύνεται καὶ παύεται· πεπαυμένης δὲ τῆς αὐξήσεως φύσιν ἔχει τὸ συνίστασθαι τὴν ὑγρότητα τοῦ βλαστοῦ καὶ ἐκ ταύτης φύεσθαι τὸν καρπόν.

[4]) Cp. Geop. 7, 1, 2: οὐ γὰρ δυνατωτέρας ὁ ἥλιος τὰς σταφύλας ποιεῖ, ἀλλὰ καὶ γλυκυτέρας ἐὰν θερμαίνῃ.

[5]) Plato, Leg. 844 E. См. ниже.

[6]) Theophr. c. p. 3, 16, 3. Geop. 5, 27, 1; 3.

[7]) Cp. Theophr. c. p. 3, 15, 3; 13, 6.

[8]) Въ отмѣченомъ значеніи σκάλλειν напр. Theophr. c. p. 2, 7, 5: Μέγαροῖ δὲ καὶ τοὺς σικύους καὶ τὰς κολοκύντας ὅταν οἱ ἐτήσιοι πνεύσωσι σκάλλοντες κονιορτοῦσι καὶ οὕτω γλυκυτέρους καὶ ἁπαλοτέρους ποιοῦσιν οὐχ ὑδρεύοντες. Cp. Theophr. c. p. 3, 16, 3. Въ c. p. 3, 20, 9; 7; 4, 13, 3 — σκάλλεσιν и σκάλσις употреблено по отношенію къ хлѣбнымъ полямъ въ обычномъ значеніи.

[9]) Theophr. h. p. 2, 7, 5: τρέφειν δὲ δοκεῖ καὶ ὁ κονιορτὸς ἔνια καὶ θάλλειν ποιεῖν οἷον τὸν βότρυν, δι' ὃ καὶ ὑποκονίουσι πολλάκις. c. p. 3, 16, 3: τὴν δ' ὑποκόνισιν τὸ μὲν ἐν τοῖς πρώτοις καιροῖς ὅταν ἄρχωνται περκάζειν οἱ βότρυες μὴ ἐᾶν ἄχρι οὗ πεπανθῶσιν ὀρθῶς ἔχει· κωλύουσι γὰρ τὴν ὁρμὴν τῆς πέψεως ἀντισπῶντες ἑτέρᾳ κινήσει· δι' ὃ οὐδὲ τὴν πόαν οἴονται δεῖν ἐκτίλλειν.

менной Греціи, земледѣлецъ приступалъ къ сбору винограда (τρυγητός) [1]).

Виноградная лоза, послѣ трудной своей плодородной жизни, заканчивала наливаніе плода и въ моментъ снятія плодовъ разрѣшалась отъ бремени зрѣлыми гроздьями [2]). Такъ совершалось первое рожденіе молодого Діониса [3]), изображавшагося иногда въ анимати-ческомъ образѣ спѣлой виноградной кисти [4]).

Полная зрѣлость винограда длилась всего шесть дней [5]), и слѣдовало во-время захватить это состояніе лозы, такъ какъ иначе лоза должна была нести тяжесть лишнее время [6]), а кисти могли

---

[1]) Plato, Leg. 844 E запрещаетъ срывать виноградъ, предназначенный на храненіе, πρὶν ἐλθεῖν τὴν ὥραν τῆ τοῦ τρυγᾶν ἀρκτούρῳ ξύνδρομον. Theophr. h. p. 5, 1, 2: μετὰ τρυγητὸν καὶ ἀρκτοῦρον. Это же время отмѣчаетъ Hes. O. 609. Въ настоящее время *Mommsen*, o. c. 11 отмѣчаетъ какъ среднее время для созрѣванія поздняго винограда въ верхней части аѳинской равнины дни около 14-го сентября ст. ст. Раздѣленіе винограда на ранній и поздній соблюдалось въ античной Греціи, какъ существуетъ и въ современной. Plato, Leg. 844 E позволяетъ срывать только τὴν γενναίαν νῦν λεγομένην σταφυλήν, а виноградъ, шедшій на храненіе, можно было снимать только позднѣе. Такое же раздѣленіе проводятъ и Geop. 4, 15, 1. Въ настоящее время *Mommsen*, o. c. 1 отмѣчаетъ для Аѳинъ конецъ іюля, когда появляется первый виноградъ.

[2]) Cp. Theophr. c. p. 3, 15, 3: καίτοι τινὲς οὐ διὰ τοῦθ' ὑπολαμβάνουσιν ἀλλ' ὡς τίκτουσαν τὴν ἄμπελον εὐθὺς ὅταν τρυγηθῇ καὶ τότε γινόμενον τὸν καρπόν.... γίνεσθαι γὰρ θέρους τὸν καρπὸν ὅταν ᾖ πολὺ τὸ ὑγρόν· ἐκ τούτου γὰρ τὴν γένεσιν εἶναι.

[3]) Извѣстный миѳъ о двойномъ рожденіи Діониса, несомнѣнно, имѣетъ земледѣльческую основу, и объясненіе его необходимо искать въ обиходѣ виноградарства. Въ задачу настоящей работы не можетъ, конечно, входить выясненіе этого вопроса. Могу лишь намѣтить возможныя объясненія. Corn. Theol. Gr., p. 58: Діонисъ ἐρραφθεὶς δ' εἰς τὸν μηρὸν τοῦ Διὸς ἐκεῖ τελεσφορθῆναι [διὰ τὸ πεπαίνεσθαι καὶ τελειοῦσθαι τὸν οἶνον, † εἰ γὰρ μὴ πεφυκότα γεννᾶιον ἀποτιθέμενον, ἀτελῆ δ' ὡς πρὸς τὴν χρῆσιν συγκομισθέντα τάδε], ἐπεὶ πρώτη μὲν αὐτοῦ γέννησίς ἐστιν ἡ κατὰ πέπανσιν τῆς ὀπώρας, ἥτις γίνεται καυμάτων ἀκμαζόντων, δευτέρα δ' ἡ κατὰ τὴν πάτησιν, ἐκθλιβομένου τοῖς ποσὶν αὐτοῦ, καὶ τοιοῦτόν τι ἐκ τοῦ μηροῦ συνεκδέχεσθαι δέοντος. Съ объясненіемъ „перваго" рожденія сходится и бытовой языкъ изложенія Ѳеофраста (c. p. 3, 15, 3. См. выше). Но, быть можетъ, первое рожденіе—отъ Семелы-Земли—время образованія ягодъ. Тогда второе рожденіе въ бедрѣ Зевса или, что то же, въ плодородномъ облакѣ—время окутыванія жаркимъ воздухомъ въ теченіе вызрѣванія. И родившійся Діонисъ не что иное, какъ молодая зрѣлая виноградная кисть.

[4]) *Gazette archéologique*, 1880, 10. Ср. нѣкоторую библіографію въ книгѣ *Е. Г. Кагарова*, 160.

[5]) Geop. 5, 45, 1,

[6]) Geop. l. c. Въ настоящее время греки не боятся утруждать лозу и послѣ періода зрѣлости оставляютъ гроздья висѣть иногда нѣсколько недѣль, чтобы они пріобрѣли бо́льшую сладость. *Mommsen*, o. c. 9.

быстро перезрѣть и оказаться негодными для приготовленія вина [1]). Однако, наступленіе полной зрѣлости было не всегда легко установить [2]), и земледѣлецъ пользовался различными знаками, по которымъ онъ могъ судить о началѣ сбора винограда [3]). Когда, наконецъ, всѣ наблюденія были закончены, возможный урожай исчислялся и божеству были совершены соотвѣтственныя культовыя дѣйствія [4]), можно было приступить къ сбору плодовъ, который тянулся иногда до конца октября [5]).

Виноградные гроздья срѣзались серпомъ [6]), складывались въ плетеныя корзины [7]) и послѣ сбора выставлялись дней на 10 подъ открытое небо [8]). Затѣмъ срѣзанный виноградъ переносился въ тѣнь, дѣ онъ лежалъ еще пять дней, достигая окончательной зрѣлости и сладости. Лишь на шестой день виноградъ клали въ глиняные сосуды [9]) и переносили къ виноградному прессу (ληνός). Виноградъ обычно, какъ и въ настоящее время въ Греціи или во Франціи, выжимали ногами, и выжатый сокъ переливался въ козьи мѣха [10]) или въ глиняные просмоленые сосуды [11]). Сборъ винограда, переноска зрѣлыхъ гроздьевъ, выжимка и наполненіе мѣховъ молодымъ сокомъ составляли излюбленныя дѣйствія веселой поры земледѣльческой жизни. Шутки и веселые обычаи, религіозныя дѣйствія и домашніе обряды чередовались въ веселомъ служеніи прекрасному богу вина.

Послѣ того какъ вино въ теченіе восьми дней уже бродило [12]),

---

[1]) Равнымъ образомъ слѣдовало избѣгать слишкомъ ранняго сбора, такъ какъ тогда вино получилось бы слишкомъ жидкимъ и слабымъ. Geop. 5, 45, 1.

[2]) Geop. 5, 45, 1: οὐκ ἔστι ῥᾴδιον διαγνῶναι, πότε χρὴ τρυγᾶν τὰς σταφυλάς.

[3]) Geop. 5, 45, 3—6. 5, 43, 1; 5, 7, 1—3.

[4]) Такъ наз. προτρύγαια.

[5]) *Mommsen*, o. c. 9—11.

[6]) Ps. Hes. Sc. 292: οἱ δ' ἐτρύγων οἴνας δρεπάνας ἐν χερσὶν ἔχοντες.

[7]) Il. 18, 568: πληκτοῖς ἐν ταλάροισι φέρον μελιηδέα καρπόν. Ср. Ps. Hes. Sc. 296.

[8]) Ср. Od. 7, 122: ἔνθα δὲ οἱ πολύκαρπος ἀλωὴ ἐρρίζωται,
τῆς ἕτερον μὲν θειλόπεδον λευρῷ ἐπὶ χώρῳ
τέρσεται ἠελίῳ, ἑτέρας δ' ἄρα τε τρυγόωσιν,
ἄλλας δὲ τραπέουσι.

Hes. O. 612: δεῖξαι (scil. βότρυς) δ' ἠελίῳ δέκα τ' ἤματα καὶ δέκα νύκτας·
πέντε δὲ συσκιάσαι, ἕκτῳ δ' εἰς ἄγγε' ἀφύσσαι κτλ.

[9]) См. выше, Hes. O. 612.

[10]) Od. 9, 196.

[11]) Il. 9, 469. Hrdt. 3, 6 говоритъ о томъ, что вино изъ Греціи вывозится въ глиняныхъ сосудахъ.

[12]) *Mommsen*, o. c. 12.

въ него клали, какъ и въ современной Греціи [1]), смолу низкой греческой сосны, для предохраненія отъ порчи [2]) и ускоренія броженія [3]). Приблизительно черезъ мѣсяцъ можно было уже пить молодое вино [4]). Сладко кружилась голова, веселые образы вставали передъ пирующими, и шла благодарность цвѣтущему богу. Такъ совершалось второе рожденіе Діониса, веселящаго сердце вина.

Къ началу цвѣтенія новой лозы молодое вино уже заканчивало свое броженіе [5]) и пріобрѣтало качества хорошаго вина. А на поляхъ начиналась новая жизнь виноградныхъ лозъ, и вновь земледѣлецъ ожидалъ явленій Діониса.

XVI.

1.

Какъ можно было убѣдится, аѳинскій земледѣлецъ, живя въ мирномъ общеніи съ оживленными плодоносящими женскими деревьями, получалъ отъ нихъ благодѣтельное потомство.

Помимо продуктовъ, приносимыхъ посѣвной и посадной землей, весьма важное подспорье аѳинянамъ оказывали сады, которые можно точнѣе обозначить современнымъ терминомъ „огородные сады“ (λαχανόκηποι) [6]), такъ какъ въ нихъ находились огороды и росли плодовыя деревья. Эти обыденные аѳинскіе огородные сады во многомъ отличались отъ баснословнаго плодородія знаменитаго сада Алкиноя, блаженнаго царя благородныхъ феакійцевъ. „Одиссея“ описываетъ обширный садъ (ὄρχαμος) царя, расположенный около его дома на значительномъ участкѣ въ четыре земельныхъ мѣры. Въ саду были соединены плодовникъ, виноградникъ и огородъ [7]). Не хватало только цвѣточнаго сада, который въ эту эпоху въ Греціи не былъ извѣстенъ, получивъ свое распространеніе лишь значительно позднѣе, въ эпоху послѣ Персидскихъ войнъ [8]).

---

[1]) *Struck*, o. c. 98.

[2]) *Neumann-Partsch*, o. c. 435.

[3]) *Mommsen*, o. c. 12 отмѣчаетъ, что безъ смолы вино бродитъ въ теченіе 40—60 дней.

[4]) *Mommsen*, o. c. 12.

[5]) *Mommsen*, o. c. 4. Въ современной Греціи винодѣлы видятъ какое-то таинственное соотношеніе между броженіемъ вина въ бочкѣ и расцвѣтомъ молодой лозы.

[6]) *Heldreich*, Pflanzen der attischen Ebene. См. ниже.

[7]) Od. 7, 112—132.

[8]) Ср. *Daremberg* et *Saglio*, Dictionnaire des antiquités s. v. hortus.

Въ Аѳинахъ періода ихъ расцвѣта плодовники, поскольку дѣло касалось маслинъ и смоквъ, были въ античности, какъ и въ настоящее время, выдѣлены изъ сада, такъ же какъ и виноградники. Другія же плодовыя деревья, какъ граната, миндаль, оставались въ огородахъ, въ которыхъ иногда попадались и цвѣты. Однако, цвѣточные сады составляли красивое достояніе города [1]) и были расположены около городскихъ домовъ [2]). „Благовонные цвѣтные сады", о которыхъ съ восхищеніемъ упоминалъ Аристофанъ, придавали красоту „увитымъ фіалками" Аѳинамъ; огородные сады, составляя крупную отрасль посаднаго хозяйства, несли важную обязанность, питая своими продуктами аѳинянъ и доставляя на рынокъ свѣжую зелень.

Къ своимъ садамъ аѳинянинъ относился съ большой заботливостью, зная крайне прихотливую жизнь овощей, находившихся въ теченіе всего года въ непрерывной смѣнѣ плодородныхъ рожденій [3]). Овощи (τὰ λάχανα) прежде всего требовали хорошаго удобренія и много воды [4]), а кромѣ того, онѣ поглощали значительное количество пищи и при малѣйшемъ недосмотрѣ начинали „голодать" [5]) и быстро погибали. Въ силу своеобразной прожорливости овощей необходимо было для нихъ приготовлять особую почву. Въ садахъ вскапывались четыреугольныя грядки [6]), земля которыхъ обильно унаваживалась различными средствами въ зависимости отъ растеній, предполагаемыхъ къ посадкѣ, усиливалась тучнымъ иломъ [7]) и подвергалась тщательному взрыхливанію. Кромѣ того, въ огородѣ, въ которомъ

---

[1]) *Heldreich*, o. c. 579, составляя таблицу данныхъ занятыхъ участковъ земли посѣвами и посадками, вводитъ рубрики въ соотвѣтствіи съ современными наименованіями земледѣльцевъ: 1) περιβόλια = цвѣточные сады, 2) λαχανόκηποι = огородническіе сады и 3) μποστάνια — бакши.

[2]) Напр. Isaeus. 5, 11. У Дикеогена τὴν οἰκείαν αὐτῶν τὴν πατρῴαν... πριάμενος καὶ κατασκάψας τὸν κῆπον ἐποιήσατο πρὸς τῇ αὑτοῦ οἰκίᾳ τῇ ἐν ἄστει.

[3]) Ср. весьма интересное мѣсто у Serv. G. 4, 111: Dicitur autem praeesse (scil. Пріапъ) hortis propter eorum foecunditatem. Nam cum alia terra semel aliquid creet, horti nunquam sine fructu sunt.

[4]) Theophr. h. p. 7, 5, 1: φίλυδρα δὲ πάντα τὰ ἄλλα λάχανα καὶ φιλόκοπρα πλὴν πηγάνου, τοῦτο δὲ ἥκιστα φιλόκοπρον. τὰ χειμερινὰ δὲ οὐχ ἧττον τῶν θερινῶν καὶ τὰ ἐπίκηρα τῶν ἰσχυρῶν. Ср. h. p. 7, 5, 2.

[5]) Theophr. h. p. 7, 5, 2: τὸ δὲ πολὺ λίαν ὕδωρ δοκεῖ συμφέρειν ἄλλος τε καὶ ἐὰν μετέχῃ κόπρου· πολλάκις γὰρ πεινῆν τὰ λάχανά φασι καὶ ταῦτα γνωρίζειν τοὺς ἐμπείρους τῶν κηπουρῶν.

[6]) Hesych. s. v. πρασιαί· αἱ ἐν τοῖς κήποις τετράγωνοι λαχανιαί, οἷον περασιαί, διὰ τὸ πὶ πέρασι τῶν κήπων.

[7]) Ср. Geop. 12, 3, 3.

грядки представляли какъ бы живыя части плодороднаго тѣла, была проведена вода. Протекая въ опредѣленные часы [1]) по канавкамъ около каждой грядки, вода, точно кровь по сосудамъ, попадала въ тучную почву и несла корнямъ плодородную влагу [2]).

Работа въ огородахъ продолжалась круглый годъ, такъ какъ одно растеніе смѣняло другое и грядки никогда не пустовали, находясь подъ плодородной охраной „Афродиты въ огородахъ" (ἐν κήποις) и Пріапа.

Наилучшимъ временемъ посѣва считались три періода, причемъ Ѳеофрастъ отмѣчаетъ, что посѣвъ (ἄροτος), собственно говоря, носитъ условное названіе: то, что обычно называется посѣвомъ, является временемъ сбора плодовъ, а дѣйствительный посѣвъ (σπορά) совершался въ три почти „противоположные" моменты года [3]).

Въ зависимости отъ этого, по Ѳеофрасту, сборы сѣмянъ и плодовъ и посѣвы въ аѳинскихъ огородныхъ садахъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: зимній сборъ (χειμερινὸς ἄροτος) являлся результатомъ посѣва послѣ лѣтняго солнцеворота въ Метагетніонѣ (августъ—сентябрь), когда „сѣяли" капусту (ῥάφανος), рѣпу (ῥαφανίς), круглую рѣпу (γογγυλίς) и такъ называемыя „вторично-посѣянныя" (τὰ ἐπίσπορα) [4]) овощи. Второй посѣвъ производился послѣ солнцеворота въ Гамеліонѣ (январь—февраль) и давалъ плоды лѣтомъ, когда поспѣвалъ лукъ (πράσον), петрушка (σέλινον), особый родъ лука (γήθυον) и др. Наконецъ, послѣдній, „лѣтній", посѣвъ совершался въ Мунихіонѣ (апрѣль—май), когда сѣялись огурцы, тыква и другія овощи, поспѣвавшія во время зимняго солнцеворота [5]).

Одинаковымъ образомъ земледѣльцы прибѣгали къ особымъ пріемамъ, чтобы получить сельдерей и лукъ хорошихъ размѣровъ. Ѳео-

---

[1]) Theophr. h. p. 7, 5, 2: ἀρδεύουσι δὲ τὰ μὲν ἄλλα πρωῖ ἢ πρὸς ἑσπέραν ὅπως μὴ καθέψηται τὸ δὲ ὤκιμον καὶ μεσημβρίας.

[2]) Arist. p. a. 5, 5, 6: δεῖ γὰρ καὶ τὸ αἷμα διὰ παντὸς καὶ παρὰ πᾶν εἶναι, τῶν μορίων ἕκαστον ἐκ τούτου συνέστηκεν. ἔοικε δ' ὥσπερ ἔν τε τοῖς κήποις αἱ ὑδραγωγίαι κατασκευάζονται ἀπὸ μιᾶς ἀρχῆς καὶ πηγῆς εἰς πολλοὺς ὀχετοὺς καὶ ἄλλους ἀεὶ πρὸς τὸ πάντῃ μεταδιδόναι. Ath. 1, 7 C. См. ниже.

[3]) Theophr. h. p. 7, 1, 1—2: εἰσὶ δὴ τρεῖς ἄροται πάντων τῶν κηπευομένων ἐν οἷς ἕκαστα σπείρουσι διαιροῦντες ταῖς ὥραις. εἷς μὲν οὖν ὁ χειμερινός, ἄλλος δὲ ὁ θερινός, τρίτος δὲ ὁ μεταξὺ τούτων μεθ' ἡλίου τροπὰς χειμερινάς. καλοῦσι δ' οὕτως οὐ πρὸς τὴν σπορὰν βλέποντες ἀλλὰ πρὸς τὴν γένεσιν καὶ τὴν χρείαν ἑκάστου· ἐπεὶ ἥ γε σπορὰ σχεδὸν ἐν τοῖς ἐναντίοις γίνεται.

[4]) l. c. § 2.

[5]) l. c. § 2—3.

фрастъ [1]) и позднѣе Флорентинъ [2]) и Сотіонъ [3]), мнѣніе которыхъ, заимствованное, вѣроятно, у Ѳеофраста, находится въ сборникѣ „Геопониковъ", разсказываютъ о слѣдующемъ пріемѣ. Суевѣрные земледѣльцы полагали, что сельдерей, лукъ или другія растенія достигнутъ большого роста, если они, взявъ сѣмена тремя пальцами, завяжутъ ихъ въ старую тряпку, обложатъ удобреніемъ и сейчасъ же польютъ. Сѣмена, оказавшись соединенными, направляли свои силы къ одному дѣйствію и выгоняли одно, но хорошее растеніе [4]).

Къ овощамъ въ своихъ огородахъ аѳинскій земледѣлецъ относился такъ же аниматически, какъ и къ хлѣбнымъ злакамъ и плодовымъ деревьямъ. Овощи для греческаго земледѣльца были живыми чувствующими существами, отличавшимися своеобразными чертами характера, о которыхъ я говорилъ выше.

Зная, что овощи, какъ и хлѣбные злаки, могутъ воспринимать желанія человѣка, земледѣлецъ не разъ обращался къ нимъ съ различными дѣйствіями, которыми онъ надѣялся поднять ихъ качества и производительность. Часто эти дѣйствія, вызывающія въ настоящее время улыбку, являются ясными данными симпатической магіи. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые земледѣльцы, чтобы ускорить проростаніе и придать сладость, обрызгиваютъ сѣмена огурцовъ передъ посѣвомъ молокомъ или водой [5]). Равнымъ образомъ, вѣроятно, съ цѣлью придать пріятный вкусъ, латукъ на грядкахъ рекомендовали подъ вечеръ „поить" виномъ съ медомъ [6]).

Считая, что овощи огородныхъ садовъ могли воспринимать земледѣльческіе пріемы, аѳиняне естественно стремились поставить свои огороды и подъ вліяніе силы плодородія, которое проявляло божество.

---

[1]) Theophr. c. p. 5, 6, 9: ποιεῖ δὲ μεγάλας καὶ τὰς ῥίζας καὶ τὰς βλάστας καὶ ἐὰν πλείω τις εἰς ταὐτὸ σπέρματα ξυνδήσας εἰς ὀθόνιον φυτεύσῃ, δι' ὃ καὶ ἐπί τινων τοῦτο ποιοῦσι, καθάπερ ἐπὶ τοῦ πράσου καὶ σελίνου καὶ ἑτέρων· ἰσχύει γὰρ τὰ πλείω δῆλον ὅτι μᾶλλον καὶ ἐξ ἁπάντων γίνεται μία τις φύσις.

[2]) Geop. 12, 23, 1: μεγάλα ἔσται σέλινα ἐὰν ἐν πανίῳ παλαιῷ τοῦ σπέρματος τοῖς τρισὶ δακτύλοις συλλαβὼν ἐνδήσῃς, εἶτα κόπρῳ περιπλάσας εὐθὺς ἀρδεύσῃς.

[3]) Geop. 12, 29, 5: ἔσται δὲ μείζονα πάνυ τὰ πράσα, ἐὰν εἰς πανίον λινοῦν παλαιὸν τοῦ σπέρματος τοῖς τρισὶ δακτύλοις συλλαβὼν ἐνδήσῃς, εἶτα κόπρῳ περιπλάσας εὐθέως ἀρδεύσῃς. ὅλα γὰρ τὰ σπέρματα ἑνούμενα ἓν μέγα πράσον ἀποτελεῖ.

[4]) Ср. *мою* статью Λέων κρηνοφύλαξ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1911, 1, 26.

[5]) Theophr. h. p. 7, 1, 6: ἔνιοι δέ καὶ προβρέχουσι τὸν σίκυον πρὸς τὸ θᾶττον ἢ ἐν γάλακτι ἢ ἐν ὕδατι.

[6]) Ath. 1, 7 C: τὰς ἐν κήπῳ γινομένας θριδακίνας οἰνομέλιτι ἐπότιζεν ἑσπέρας.

Какъ я говорилъ выше, съ цѣлью поддержать постоянное плодородіе овощей, въ огородахъ ставились изображенія Пріаповъ, Афродиты. Заботясь о своихъ посадкахъ, аѳиняне прибѣгали также къ различнымъ культовымъ дѣйствіямъ, о которыхъ я говорю въ другомъ мѣстѣ. Такъ въ непрерывномъ вниманіи земледѣлецъ стремился обезпечить благопріятную жизнь своихъ огородныхъ садовъ.

2.

Наряду съ перечисленными растеніями аѳинскаго огороднаго сада, въ немъ росли также нѣкоторыя плодовыя деревья, изъ которыхъ наиболѣе приспособленнымъ являлся миндаль. Миндалевое дерево, предпочитающее сухую почву, оказывалось весьма непритязательнымъ въ своей жизни, легко перенося неблагопріятныя климатическія измѣненія [1]).

Во время вынашиванія плодовъ дерево не надо было ни поливать, ни удобрять. Оно даже могло обходиться отъ очистки и было благодарно за освобожденіе его отъ сухихъ вѣтокъ [2]). Миндалевое дерево, орѣхи котораго служили обычнымъ символомъ плодородія, привлекало вниманіе древнихъ своеобразными условіями своего цвѣтенія. Ѳеофрастъ въ „Исторіи растеній“ отмѣчаетъ, какъ рѣдкій, если не единственный примѣръ, что дерево покрывалось листьями или непосредственно вмѣстѣ съ цвѣтеніемъ, или же тотчасъ послѣ отцвѣтанія [3]).

И понятно, что миндалевое дерево удивляло своимъ характеромъ грека! Оно обыкновенно цвѣтетъ розоватыми цвѣтами, начиная съ января и производитъ удивительное впечатлѣніе. Невысокое сухое дерево безъ всякой зеленой листвы стоитъ все облитое бѣлыми нѣжно-пахучими цвѣтами. Но нарядное одѣяніе миндалеваго дерева и количество его цвѣтовъ часто обѣщало земледѣльцу больше плодовъ, чѣмъ оно могло въ дѣйствительности выносить, и нерѣдко обманывало его [4]).

Другими излюбленными деревьями аѳинскаго сада являлись кидонское яблоко (айва) и граната.

Кидонское яблоко, издавна извѣстное въ Аѳинахъ, было введено

---

[1]) Theophr. h. p. 4, 14, 2.
[2]) Theophr. c. p. 3, 18, 2.
[3]) Theophr. h. p. 7, 13, 7.
[4]) Theophr. c. p. 2, 11, 11.

въ Греціи, какъ показываетъ имя, съ острова Крита, гдѣ около города Кидоніи въ античное, какъ и въ настоящее время, находились обширныя посадки этого дерева [1]). Золотистые плоды айвы, нѣсколько похожіе на крупные яблоки, поспѣвали въ концѣ сентября [2]) и составляли любимое лакомство аѳинянъ, которые готовили изъ нихъ различныя кушанья. Отличаясь пріятнымъ запахомъ, кидонскія яблоки играли нѣкоторую роль и въ брачномъ обрядѣ — новобрачная, какъ передастъ Плутархъ, должна была съѣсть айвы, чтобы дать пахучій поцѣлуй своему мужу.

Низкое гранатовое дерево являлось однимъ изъ украшеній огороднаго сада, доставляя земледѣльцу весьма излюбленные сочные кисловатые плоды [3]), сборъ которыхъ происходилъ въ октябрѣ [4]).

Во время цвѣтенія въ срединѣ мая и началѣ іюля [5]) гранатовое дерево пріобрѣтаетъ удивительный видъ. Оно густо усѣяно огненно-красными небольшими махровыми цвѣтами, и они уже издали жгуче выдѣляются подъ яркимъ солнечнымъ небомъ среди скромной зелени остальныхъ плодовыхъ деревьевъ и зеленыхъ грядокъ [6]). Послѣ отцвѣтанія завязь цвѣтка начинаетъ постепенно увеличиваться въ объемѣ, пріобрѣтаетъ сперва нѣсколько удлиненную форму, а затѣмъ, все болѣе округляясь, достигаетъ поздней осенью размѣровъ крупнаго яблока. Плодъ гранаты, покрытый жесткой коричневато-красной оболочкой, содержитъ громадное количество продолговатыхъ красныхъ сочныхъ ягодъ, внутри которыхъ просвѣчиваетъ косточка.

Образованіе плода и множество зернышекъ вызывало въ анимати-ческомъ умѣ аѳинянина образы, связанные съ живой идеей плодородія или съ представленіями таинственной хтоничности, встрѣчающейся, напримѣръ, въ извѣстномъ гимнѣ въ честь Деметры [7]).

Для того, чтобы выносить и родить свои крупные, сочные плоды, гранатовое дерево предъявляло большія требованія къ земледѣльцу. Оно очень любило обильное орошеніе [8]), нуждалось въ удобреніи

---

[1]) *Hehn*, o. c. *Struck*, o. c. 107.

[2]) *Mommsen*, o. c. 12.

[3]) Theophr. c. p. 1, 12, 1.

[4]) *Mommsen*, o. c. 12.

[5]) *Heldreich*, o. c. Calendarium florae Atticae.

[6]) *D'Annunzio* въ своемъ романѣ *Fuoco* даетъ превосходныя страницы, посвященныя описанію жизни гранатъ.

[7]) См. нѣкоторую литературу у *Е. Г. Кагарова*, o. c. 162.

[8]) Theophr. h. p. 2, 7, 1: ῥόα δὲ καὶ ἄμπελος φίλυδρα.

наиболѣе сильными веществами и требовало вообще весьма тщательнаго ухода [1]).

Остальныя плодовыя деревья, яблоня, слива и груша, въ Греціи и особенно въ аѳинскомъ огородномъ саду были такого же плохого качества, какъ и въ настоящее время [2]). Для этихъ сѣверныхъ деревьевъ, любившихъ умѣренный климатъ и болѣе влажную и холодную почву, условія аттической природы мало благопріятствовали и они предпочитали нѣкоторыя мѣста Пелопоннеса, Ѳессалію, Ѳракію и нѣсколько островов Эгейскаго моря [3]).

Земледѣльческое хозяйство Аѳинъ, о которомъ сообщаютъ античные писатели, обрисовываетъ передъ нами въ отдаленіи столѣтій жизненный образъ земледѣльца въ его отношеніяхъ къ посѣвной и посадной землѣ и знакомитъ насъ съ запасомъ его свѣдѣній и навыковъ.

Аѳинскій земледѣлецъ, какъ и крестьянинъ нашихъ хлѣбородныхъ губерній показываетъ, въ противоположность „машинизму" агрономовъ и ученыхъ сельскихъ хозяевъ, бытовой подходъ къ землѣ. Для аѳинскаго земледѣльца земля и почва представляли не объектъ для мудрыхъ экспериментовъ, направленныхъ къ увеличенію производительныхъ силъ земли—„землица", питающая его, была ему близка и стояла въ центрѣ его быта.

Къ своей „землицѣ", съ которой была связана жизнь его предковъ, земледѣлецъ обращался обогащеннымъ накопленными и воспринятыми отъ отцовъ наблюденіями. И въ Аѳинахъ, такъ же какъ въ Пермской или Харьковской губерніяхъ, земледѣлецъ примѣнялъ къ обработкѣ полей технику, основанную не на отвлеченныхъ научныхъ соображеніяхъ, но опиравшуюся на провѣренномъ многими поколѣніями земледѣльческомъ эмпиризмѣ.

Имѣя постоянно дѣло съ природой въ расчлененности ея мелкихъ земледѣльческихъ данныхъ, аѳинянинъ внимательно наблюдалъ истинную жизнь природы и стремился уловить въ ней закономѣрность явленій. Ихъ неизмѣнность въ силу своей повторяемости могла служить надежными знаками для начала и окончанія того или другого

---

[1]) Андротіонъ у Theophr. h. p. 2, 7, 3 говоритъ, что граната, маслина и миртъ нуждаются κόπρου δριμυτάτης καὶ πλείστης ὑδρείας ὥσπερ καὶ τῆς διακαθάρσεως.

[2]) Ср. *мою статью* „Яблокъ садовой" въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1911.

[3]) Ср. *Neumann-Partsch*, o. c.

земледѣльческаго дѣйствія. Земледѣлецъ также пытался установить причинообразную связь явленій, которую онъ, конечно, часто понималъ въ смыслѣ схоластическаго post hoc, ergo propter hoc. Наряду съ этимъ, земледѣлецъ стремился въ своихъ наблюденіяхъ понимать теченіе жизни земледѣльческой растительности и добивался того, чтобы умѣть оцѣнить состояніе своихъ посѣвовъ и посадокъ въ любой данный моментъ.

Подходя къ землѣ и ея рожденіямъ при полномъ расцвѣтѣ ихъ силъ, земледѣлецъ останавливалъ свои наблюденія и на патологическомъ состояніи земли и почвы, посѣвовъ и посадокъ. Основываясь на земледѣльческомъ эмпиризмѣ, аѳинянинъ вырабатывалъ цѣлый рядъ вспомогательныхъ дѣйствій, облегчавшихъ жизнь его „землицы", и изобрѣталъ рядъ цѣлебныхъ средствъ, помогавшихъ посѣвамъ и посадкамъ въ ихъ болѣзняхъ.

Благодаря постоянному наблюденію живой природы, аѳинскій земледѣлецъ, находясь въ единеніи съ нею, устанавливалъ естественнымъ образомъ въ обиходѣ своего хозяйства такіе раціональные земледѣльческіе пріемы, которые сохраняются въ силѣ до настоящаго дня, нерѣдко совпадая съ дѣйствіями нашихъ крестьянъ, и весьма часто согласуются съ требованіями научной агрономіи [1]). Такъ, природа, наблюдаемая въ жизни своихъ явленій, знакомила земледѣльца съ неизмѣнными законами и за правильность наблюденій дарила знаніе необходимыхъ земледѣльческихъ пріемовъ.

При отмѣченномъ приближеніи человѣка къ землѣ, его бытовой подходъ пріобрѣталъ многочисленныя своеобразныя черты. Аѳинянинъ изъ атмосферы своего быта переносилъ на землю тѣ слова, образы и чувствованія, которые составляли богатую ткань его духовной жизни. Живя въ условіяхъ оживленности (аниматизмъ) и одухотворенности (анимизмъ) природы въ ея явленіяхъ, земледѣлецъ естественно приходилъ къ убѣжденію, что земля и почва, и весь растительный міръ живутъ „подобно живому существу" (καθάπερ τὰ ζῶα), согласно распространенной формулѣ, встрѣчающейся на каждомъ шагу у Ѳеофраста. Отсюда вытекало представленія о женской жизни родящей земли [2]) и своеобразныя, часто для насъ странныя оцѣнки

---

[1]) Ср. настоящую работу *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1915, апрѣль, 190 прим. 4; 194 прим. 2 и 7; іюнь, 247 прим. 3; 251 прим. 1; 252 прим. 3; 258 прим. 1; 263 прим. 7; 264 прим. 2; 6.

[2]) Ср. *мою* статью Земля и почва.

жизни полей и древесныхъ посадокъ съ ихъ зачатіемъ и рожденіемъ плодовъ.

Такимъ образомъ, земледѣльческій эмпиризмъ пріобрѣталъ живой языкъ аниматизма и анимизма.

Въ то же время бытовой подходъ къ землѣ усложнялся тѣмъ, что земледѣлецъ жилъ, обогащенный религіознымъ чувствомъ. Онъ былъ окруженъ божествами, которыя стояли къ нему такъ же близко, какъ и явленія природы.

Въ своихъ отношеніяхъ къ землѣ аѳинскій земледѣлецъ выступаетъ передъ нами, какъ дѣятельный работникъ на хлѣбородной нивѣ, среди своихъ посадокъ и въ огородномъ саду. Въ то же время земледѣлецъ подходилъ къ посѣвамъ и посадкамъ, какъ вѣрующій человѣкъ. Въ своемъ религіозномъ подходѣ къ землѣ аѳинянинъ чувствовалъ явленія природы въ божествѣ, а свою земледѣльческую технику обращалъ въ земледѣльческій культъ, создавая живую религію „небесныхъ земледѣльцевъ“ [1]).

Б. Богаевскій.

---

[1]) Религіозный подходъ аѳинскаго земледѣльца къ землѣ разбирается въ моей работѣ „*Земледѣльческая религія Аѳинъ*“, которая находится въ печати.

Д. Ѳ. Кобеко. Первый директоръ Царскосельскаго лицея. . . . 28
В. И. Фармаковскій. Ученье и заучиваніе 43

Отзывы о книгахъ:

Б. В. Нейманъ. *Кл. Лукашевичъ.* Какъ жилъ и что писалъ М. Ю. Лермонтовъ 95
А. А. Брокъ. *Г. Зоренфрей и К. Тюлеліевъ.* Janua reserata linguae latinae. 96
Б. М. Кояловичъ. *Н. Каменьщиковъ.* Сокращенный курсъ космографіи. 99
В. И. Соллертинскій. *Н. Г. Лексинъ.* Методика начальной ариѳметики въ духѣ воспитывающаго обученія. 102
В. Н. Любименко. *Никоновъ, Л. Н.* Ботаника. 112
А. А. Брокъ и А. В. Никитскій. *Ѳ. Зѣлинскій.* Исторія античной культуры 114
— Книжныя новости. 124
— Международный съѣздъ по воспитанію 127

Современная лѣтопись.

П. А. Некрасовъ. По поводу статьи академика А. А. Маркова о проектѣ преподаванія теоріи вѣроятностей въ средней школѣ 1
И. И. Соколовъ. Патріархія и храмы въ Константинополѣ отъ второй половины XV вѣка до настоящаго времени . . 18

Отдѣлъ по классической филологіи.

Б. Л. Богаевскій. Очеркъ земледѣльческаго хозяйства Аѳинъ *(окончаніе)* 295

Редакторъ **Э. Л. Радловъ.**

(Вышла 1-го іюля).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ, — въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно, кромѣ дней неприсутственныхъ, отъ 10 до 12 часовъ утра (тел. 83—17). Иногородніе могутъ подписываться въ почтовыхъ отдѣленіяхъ или вносить деньги въ мѣстныя казначейства (въ § 22, ст. 14 государственныхъ доходовъ) при заявленіяхъ. Въ послѣднемъ случаѣ квитанція, полученная изъ казначейства, высылается въ Редакцію.

Подписная цѣна на годъ: безъ пересылки или доставки **12 р.**, съ доставкою въ Петроградѣ **12 р. 75 к.**, съ пересылкой въ другіе города **14 р. 25 к.**, за границу — **16 р.** Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) **шесть рублей**, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую. **Полные экземпляры** имѣются за 1876, 1882, 1887, 1902—1909, 1911—1913 годы. За пересылку слѣдуетъ прилагать по разстоянію.

При **„Журналѣ“** съ апрѣля 1904 г. издаются ежемѣсячными книжками по 5—6 листовъ **„Извѣстія по народному образованію“** съ приложеніемъ **„Справочной книги по низшему образованію“**. **„Извѣстія“** воспроизводятъ одинъ изъ отдѣловъ **„Журнала“**, но **„Справочная книга“** составляетъ совершенно отдѣльное отъ **„Журнала“** изданіе. Цѣна **„Извѣстій“** составляетъ 3 р. съ пересылкой и доставкой, за границу — 4 р.

За прежніе годы **„Извѣстія“** имѣются за 1904—1909, 1911—1914 гг.